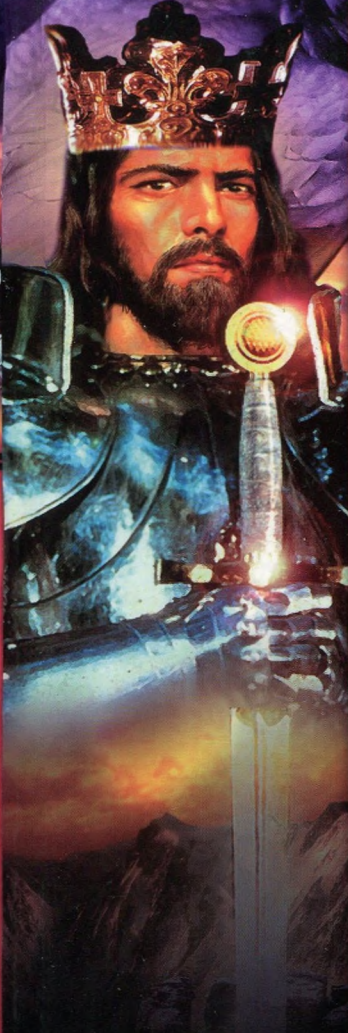

Владычица
Подземелий

ДЭВУД
ДРЕУК

Владычица
Подземелий

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ДЭВУД
ДРЕУК

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

DAVID
DRAKE

**Mistress
of the Catacombs**

ДЭВИД
ДРЕЙК

Владычица
Подземелий

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Coe)-44

Д73

Серия «Золотая серия фэнтези» основана в 1999 году

David Drake

MISTRESS OF THE CATACOMBS

Перевод с английского Ю. Бухтеевой

Серийное оформление А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн С. Шумилина

Печатается с разрешения издательства Tom Doherty Associates, Inc.
и литературных агентств St. Martin's Press, LLC
и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 22.02.08. Формат 84×108^{1/12}.
Усл. печ. л. 31,92. Тираж 3000 экз. Заказ № 1214.

Дрейк, Д.

Д73 Владычица Подземелий: [фантаст. роман] / Дэвид Дрейк; пер. с англ. Ю. Бухтеевой. — М.: АСТ, 2008. — 605, [3] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 978-5-17-032069-1

Архипелаг Островов.

Здесь некогда правила могущественная королевская династия — но вот уже тысяча лет прошла с тех пор, как последний из великих королей — Карус — был убит магом, нанятым коварным герцогом-узурпатором.

Однако черная магия принесла на Архипелаг беду.

Перепутаны линии магической Силы, прервана связь времени и пространства... и многие годы идет непрерывная война за титул Повелителя Островов.

И теперь юноша Гаррик ор-Райзе, последний прямой потомок короля Каруса, и его друзья — добродушный богатырь, суровая чародейка, прекрасная дева и циничная старая колдунья — готовятся к смертельной схватке с чудовишной паучихой по прозвищу Владычица Подземелий, обладающей огромным темным могуществом!

Однако Владычицу Подземелий защищают жрецы-чернокнижники и жестокие воины, почитающие ее как Богиню Луны...

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Coe)-44

© David Drake, 2001

© Перевод. Ю. Бухтеева, 2008

© ООО «Издательство АСТ», 2008

Действующие лица

Старые герои

АТТАПЕР — командир Кровавых Орлов, отряда королевской охраны.

КАРУС — легендарный последний правитель Старого Королевства. Умер тысячу лет назад. Но его безжалостный хохочущий призрак живет в сознании Гаррика.

КЭШЕЛ — брат Илны, друг Гаррика и жених Шарины. Силач, побеждающий своих врагов.

ЧАЛКУС — моряк, пират и кровавый убийца; друг Илны.

ГАРРИК — образованный крестьянин. В настоящее время принц и действующий правитель Островов.

ИЛНА — искусная пряжа, вернувшаяся из Ада. Теперь обладает сверхъестественными способностями.

ЛЕРДОК — амбициозный и властный граф Блэйза.

ЛИЭЙН — личный секретарь Гаррика, его советник в государственных делах и возлюбленная.

МЕРОТА — воспитанница Илны, девятилетняя девочка. Любит петь неприличные песни.

РОЙЯС — канцлер Островов.

ШАРИНА — сестра Гаррика и его единомышленник. На все имеет свой собственный взгляд.

ТЕНОКТРИС — волшебница, спасшая Старое Королевство от краха. Не очень могущественная, но весьма искусная.

ВАЛДРОН — воин благородного происхождения, командующий королевской армией.

Новые герои

АЛЕКТА — молодая волшебница, дикарка, прибывшая издалека.

ЭЙХЕА — волшебница, заступница Лаута в древности.

ЭЙХЕОН — волшебник, тиран, правитель Лаута в будущем.

ЭЙХЕУС — волшебник, действующий правитель Лаута.

ГАР — молодой человек, мог бы стать прототипом Гаррика в будущем, если бы не укус ящерицы прямо в голову.

МЕТРА — волшебница, компаньонка и советник леди Тильфозы.

МЕТРОН — волшебник, компаньон и советник лорда Талемуса.

МЕТРУС — волшебник, питающий страсть к древним артефактам.

ТАЛЕМУС — потомок династии графов Лаута.

ТИЛЬФОЗА — сирота, воспитанница Детей Владычицы, нареченная невеста лорда Талемуса.

ТИНТ — девушка-обезьяна и друг Гара, ручной зверь в услужении бандитов, называвших себя Братством.

ВЕСКЕЙ — атаман шайки разбойников.

*Посвящаю Рэнди Лонгу,
который много лет был моим единственным другом
и тренером моего сына по бодибилдингу. Обязанность,
с которой я бы сам не справился.*

Авторское примечание

В основу религии Островов положены культ шумеров и их ритуалы. Госпожа приравнивается к Инанне. Ее спутник Пастырь — к Дамузи. А Сестра заняла место Эрешкигал, королевы подземного мира.

Религия Островов (может, только за исключением того, что придумано) отделена от магии. Волшебство во Владычице Подземелий основывается на настоящих ритуалах Средиземноморья в античные времена. Неиссякаемым источником магических действий стали египетские обряды и обычаи, но кое-что добавлено из других культур (в основном еврейской). Тайные Слова, которые я называю «словами Силы», представляют язык демиургов. С помощью него осуществляется связь человечества с Великими Богами.

Я сам не верю в магию, классическую или другую, но я знаю, что действительность не всегда соответствует моему мнению о том, как должно быть. Поэтому, чтобы обезопасить себя, я предпочитаю произносить *voces mysticae* громко.

В прошлом я использовал античных авторов как часть культурного пласта Островов. Пендилл — это Овидий, который вот уже много лет просвещает меня как писателя и чьи книги доставляют мне огромное удовольствие. Тинцер — это Тацит, о котором я могу сказать то же самое. Я думал о Гилдасе как о Эскоине. Мне кажется, писатель может получить знания из всех книг, которые прочтет. Но я надеюсь, что у Гилдаса больше всего.

Дэвид Дрейк

Глава первая

Шпион, коренастый мужчина по имени Хордред, работающий судовым агентом, испуганно смотрел на Гаррику и Лизэйн и еле слышно шептал, что знает о намерении некоторых западных островов отделиться. Своим поведением он напоминал белку, неожиданно оказавшуюся на земле.

— В этом замешаны и жрецы, — говорил Хордред. — Они называют себя служителями Храма Лунной Мудрости и проводят богослужения в святилище Лунной Госпожи в Донелле. Но это не просто молебны и церковные ритуалы, это...

Он сглотнул. Лизэйн показалось, что Хордред чем-то похож на ее умершего отца, странствующего волшебника, который потерял свою магическую силу, а потом погиб. Вообще-то агент производил впечатление человека, способного постоять за себя. Его лицо навсегда приобрело злобное выражение из-за сломанного вражеской дубинкой носа, а от удара ножом на предплечье остался глубокий шрам. Обычные угрозы физической расправы не могли напугать Хордреда и довести до состояния, в котором он пребывал сейчас.

— Думаю, здесь что-то особенное, — сказал он, уставившись на свои плотно сжатые руки, лежащие на столе. — Что-то такое, что могло только присниться.

Они расположились за сделанным из кедра круглым столом, в маленькой комнате для совещаний, находившейся в той части дворца, что принадлежала принцу Гаррику. Оконные створки, оборудованные под черепичной крышей, пропускали внутрь приглушенный свет и воздух, но не позволяли видеть

тех, кто собрался в комнате. Отряд королевской охраны, Кровавые Орлы, разбил свой лагерь вокруг дворца. Гаррик приказал командиру не пропускать никого, пока они и Лиэйн беседуют с гостем, даже если это будет Валенс Третий, все еще носящий титул Повелителя Островов.

— Что же вам приснилось, Мастер Хордред? — спросила Лиэйн, прерывая зловещую тишину.

Хордред уныло взглянул на девушку.

— Не знаю, госпожа! Я и сам не понял, все кругом было затянато какой-то пеленой. Что-то снилось, но я ничего не разглядел из-за этой серой дымки. Я знал, что подхожу к каким-то предметам, но видел только серую мглу. А потом проснулся.

— Теперь вы в безопасности, Мастер Хордред, — сказал Гаррик, стараясь придать голосу больше уверенности. Он подошел к шпиону, дотронулся до его руки кончиками сильных загорелых пальцев. — Если желаете, можете остаться здесь, во дворце. Или выбрать одно из королевских поместий на Орнифоле, если полагаете, что находиться в столице опасно. Вас никто не побеспокоит.

Гаррик вспомнил встречу с духом короля Каруса. Призрак хмурился, словно крутой утес, сдерживающий волны.

— Ах, если б только я мог снести своим мечом несколько голов, — сказал тогда дух, — Союз Запада больше бы никого не потревожил. Кроме, быть может, дерущихся за кусок мяса собак.

Здесь Карус широко улыбнулся, и лицо его приняло обычное для короля радостное выражение.

— Но я знаю, мой мальчик, рубить головы — это не для тебя. И, возможно, не убей я в свое время столько страдальцев, сейчас вы жили бы совсем по-другому.

Карус был великим и последним правителем Старого Королевства. Когда он и его придворные погибли из-за волшебного катаклизма, Острова поглотили хаос и отчаяние. Тысячи лет не хватило, чтобы вновь привести королевство к миру и стабильности, сохранявшимся в нем до падения Каруса. А враги обещали уничтожить все и всех, кто еще уцелел.

Если бы только я мог им помочь, подумал Гаррик.

Если бы только мы могли им помочь, эхом ответил ему дух короля.

— Я не боюсь ничьих угроз! — огрызнулся Хордред. В его раздраженном тоне Гаррик уловил интонации, присущие упрямому и самонадеянному человеку, всегда готовому защитить себя и осведомленному обо всем происходящем вокруг.

Хордред взял себя в руки и продолжил:

— Я записал в своих книгах численность войск на Тизамуре и имена всех командующих, какие смог узнать. Передаю их вам.

Он подмигнул Лиэйн. Та кивнула в ответ. Хордред продолжал:

— Существует вероятность нападения на Хафт и Кордин, но настоящую для нас опасность представляют те наемники из разных городов, которых наняли правители Западных Островов.

Выражение лица Гаррика оставалось непроницаемым. Его официальный титул теперь звучал так: Принц Гаррик Хафтский, приемный сын и предполагаемый наследник Валенса Третьего, Правителя Островов. На самом деле он был... просто Гаррик, девятнадцатилетний юноша, сын Рейзе, владельца постоялого двора в деревушке Барка на восточном побережье Хафта. Единственной связью с остальным миром для этого села и находящегося рядом города служила Овечья Ярмарка, проходившая каждую осень. Тогда жрецы из Каркозы, с западного побережья, привозили сюда образы Великих Божеств, Госпожи и Пастыря и собирали подати, причитающиеся храму.

Гаррик вырос в крестьянской семье на Хафте. Но теперь он был правителем Островов, хотя власть главы правительства не распространялась дальше столицы Вэллеса на Орнифоле. Но если бы юноше не удалось в свое время быстро подавить восстание островной знати, он не правил бы сейчас родным краем, а на карте не осталось бы даже такого названия, как Хафт.

— Записи сделаны серианским морским кодом, — добавил Хордред. — Сможете его прочитать?

— Конечно. — Лиэйн открыла крышку переносного стола, куда положила дневники Хордред. Они больше напоминали

счета, тонкие берестяные листы, скрепленные четырьмя кольцами из толстой веревки. На внутренней обложке книг чернилами из вытяжки дуба были нацарапаны какие-то послания.

— Мне не следовало останавливаться там, — тихо произнес шпион, но голос его прозвучал зловеще. Пальцы сжались в кулаки. — Я подумал, что надо бы разузнать, что кроется за поклонением, и собрать сведений о секте Лунной Мудрости.

Хордред вновь сглотнул.

— Я пробрался на одно из их богослужений, — продолжил он, снова переходя на шепот. — В храме находилось больше сотни человек, некоторые приехали даже из Орнифола. У каждого на лбу имелось изображение красного паука. Я тоже нарисовал такой знак, и никто меня не заподозрил. Но...

Шпион замолчал. Гаррик облизнул пересохшие губы и задал самый обычный вопрос, чтобы только подтолкнуть лазутчика к продолжению рассказа:

— Что же произошло дальше, Мастер Хордред?

Шпион потряс головой, пытаясь собраться с мыслями и объяснить, что же он там увидел.

— Мы стали нараспев повторять молитву Лунной Владычице. Слов я не знал, но у меня хорошо получалось повторять их вслед за остальными.

— Это были какие-то заклинания? — спросила Лизэйн. Ее лицо вытянулось, а голос стал еще пронзительнее, чем раньше. Она понимала, что магия сама по себе не может быть ни плохой, ни хорошей, как и меч. Сила заклинаний зависит от цели и мастерства волшебника. Но Лизэйн не могла забыть той ночи, когда отец хотел принести ее в жертву ради благой, как он сам полагал, цели.

— Нет-нет, — заверил их Хордред, нервно переплетая пальцы рук. — Обычные слова, чем-то похожие на гимн. Вы, может, слышали такие на церемонии жертвы Десятой Ночи, если принадлежите к тем, кто теряет понапрасну время, посещая храмы. Но что-то случилось, не могу понять что. Я это почувствовал и даже подумал, что вижу нечто в воздухе посреди комнаты, но там не было ничего, кроме серой мглы. Ничего!

Хордред сжал кулак, словно собирался ударить по столу. Но рука дрогнула, и он тихо опустил ее.

— Там ничего не было, но с тех пор это ощущение не покидает меня. Даже во сне.

Принц встал. Во время всего разговора он чувствовал себя как-то неудобно. Гаррик был очень набожен, как и вся молодежь в деревушке Барка. Каждый раз, приступая к трапезе, он жертвовал Госпоже и спутнику ее, Пастырю, глоток пива и кусочек сыра, раз в год обязательно подносил ломоть овечьего сыра Дузи. То был грубо вырезанный в горе камень, который возвышался над лугами на юге деревни. Дузи считали покровителем овец и бедняков, которые их пасли. А если и нет, если царапины на скале остались просто от времени, то что ж... кусок сыра не слишком большая жертва за надежду на помощь в беде.

Но жители деревни насмехались над храмами и не признавали потусторонних сил, будь то магия или что похуже, — такое не для простых смертных. Став королем, Гаррик так и не смог до конца избавиться от своих прежних привязанностей и убеждений.

Он усмехнулся. Было в его жизни время, когда казалось, что нет ничего хуже и печальнее, чем попасть с овцами в грозу. Теперь принц Гаррик понимал, как заблуждался.

— Мастер Хордред, — сказал он. — Я созвал сегодня государственный Совет обороны, на котором мы обсудим ваши сведения о тайном заговоре. Но вам самому присутствовать на нем необязательно.

Члены государственного Совета недолюбливали Гаррика, но каждый из них четко осознавал, что его собственная жизнь зависит от успеха короля. Несмотря на это, Лиэйн настояла, чтобы их наемные шпионы были известны в лицо как можно меньшему числу доверенных лиц.

Гаррик прислушался к ее совету. Он всегда так поступал, если дело касалось того, в чем Лиэйн разбиралась лучше. Юноше из деревушки Барка не хватало особенных навыков для создания разведывательной службы и поиска тайных агентов на островах королевства.

— Но мне бы хотелось, чтобы вы пока остались здесь. У нас могут возникнуть вопросы. Здесь есть перины, можете поспать...

Он кивком указал на стоящие в нишах лавки. Снизу стены были облицованы деревянными панелями, а сверху украшены панно, изображавшими сцены королевской охоты в лесах Северного Орнифола.

— Если хотите, я прикажу, чтобы вам принесли сюда еду и питье. И, конечно же, вас будут хорошо охранять.

— Поспать! — сказал Хордред. — Да я так устал, что заснул бы даже на раскаленной лаве. Если бы смог...

— Сейчас вы в Вэллесе, — произнес Гаррик. — Здесь вы в такой же безопасности, как и я сам. Или леди Лиэйн.

Хордред посмотрел на него, затем перевел взгляд на Лиэйн, поднимающуюся со стула вслед за принцем.

— Надеюсь, — горько усмехнулся шпион. — Впрочем, это не важно. Я, пожалуй, вздремну чуток.

С помощью маленькой кисточки Лиэйн переписала самое важное из дневников Хордред. Получилась небольшая брошюра. И хотя большой зал государственного Совета, куда они с Гарриком направлялись, находился всего лишь в десяти шагах отсюда, она спрятала записи в верхний ящик стола и закрыла его на ключ.

— Ну что ж... — сказал Гаррик. — Скоро увидимся, Мастер Хордред. Клянусь честью, королевство не забудет, чем вы рисковали ради его спасения.

Когда Гаррик открывал дверь перед Лиэйн, которая несла столик, то услышал шепот Хордред:

— Нужно было разузнать все получше, прежде чем идти в храм. Я думал, жрецы просто придумали новую уловку, чтобы выкачивать деньги, а это оказалась магия или еще что похуже!

Все королевство в опасности, вспомнил Гаррик слова погибшего короля, пока на земле есть чародеи!

Карус оказался не прав, обвиняя всех магов. Если бы не помощь волшебницы Теноктрис, то и Гаррик, и Острова были бы давно обречены. Но он видел отчаяние в глазах Хордред и знал, что не просто из суеверия разделяет мнение короля Каруса.

* * *

Кэшел ор-Кенсет шел рядом с Теноктрис по кишашей людьми улице. Даже не задумываясь об этом, он старался защитити от толпы крошечную женщину. Рядом с Кэшелом Теноктрис никому не казалась слабой былинкой. Могучей фигурой и крепкими мускулами он внушал горожанам уважение к себе и своей спутнице. Выглядела волшебница лет на семьдесят, а то и больше, но все еще сохраняла остатки былой привлекательности.

Попадавшие им навстречу люди старались посторониться. Но в таком оживленном городе, как Вэллис, всегда находились и те, кто не замечал никого вокруг. Тогда Кэшелу пришлось отталкивать их плечом или раздвигать посохом, прокладывая путь старой волшебнице.

— Вот! — сказала Теноктрис и остановилась перед распахнутыми настежь дверями магазина, где продавались подержанные изделия из металла. У входа громоздились остовы кроватей, а внутри виднелись окислившиеся от времени медные статуи. Кэшел знал, что многие готовы заплатить большие деньги за произведения искусства, но время превратило эти скульптуры в позеленевшие глыбы, теперь лишь отдаленно напоминавшие фигуры лошадей. Самые мелкие вещицы пылились на полках позади прилавка — дабы их не украли.

Теноктрис указала на восьмиугольную оловянную чашу, установленную так, чтобы посетители могли разглядеть внутри нее выполненные черненым серебром символы.

— Взгляни-ка на нее, Кэшел. Интересно, как она сюда попала.

Кэшел не умел ни читать, ни писать ничего кроме своего имени. Но и он смог распознать старинные буквы на стенках чаши. Гаррик и его сестра Шарина читать и писать умели. Их отец, Рейзе, научил детей многому, поэтому они смогли бы понять древние символы. Но простой народ считал волшебниками всех владевших этим языком и полагал, что он используется только для создания магических заклинаний.

Кэшел сжал посох покрепче. Внешне волшебники выглядели как самые обыкновенные люди. Теноктрис, например,

напоминала бабушку, которая вырастила их с Илной, когда отец оставил у нее детей, даже не сказав, кем была их мать.

Но попадались и такие волшебники, которые рассчитывали с помощью магической силы заставить людей подчиниться их власти. Кэшел встречал их на своем жизненном пути. Но они ошибались, когда думали, что им по силам сломить его волю.

Продавец, он же хозяин магазина, заметил интерес Теноктрис к чаше и поднялся со стула. Это был лысоватый мужчина с козлиной бородкой, отдаленно напоминавший толстую ласку.

— У вас отличный вкус, госпожа, — сказал торговец и, взяв чашу в руки, пронес ее через весь заставленный ржавеющим железом магазин, чтобы посетители могли разглядеть товар вблизи. — Прекрасная работа времен Старого Королевства, доставшаяся мне от одной знатной семьи из Вэллеса. Только стесненные обстоятельства заставили их расстаться с этим сокровищем.

— Она намного древнее, чем ты думаешь, — заявила Теноктрис резким тоном. — Ее достали из могилы священника, поклонявшегося Владычице, на Тизамуре или Лауте. У чаши должна быть еще и крышка.

— Уверен, что смогу найти мастера, который сделает такую крышку, какую госпожа только пожелает, — сказал хозяин магазина, улыбаясь. — Тонкая работа, не правда ли? А как хорошо сохранилась!

Кэшел удивился. Продавец продолжал расхваливать чашу, не обращая внимания на поведение Теноктрис.

Когда торговец протянул чашу, старуха отступила.

— Я не стану до нее дотрагиваться! — сказала она. — И ты тоже, если у тебя в голове еще осталась крупица здравого смысла. Эта чаша хранит в себе мысли прежнего владельца, и они не предназначены для других. Уничтожь ее! Разве ты не чувствуешь исходящей от нее силы?

Кэшел не мог видеть клубящихся и скапливающихся у стенок чаши, будто морская пена у скалистого берега, потоков силы, о которых говорила Теноктрис. Предметы, используемые волшебниками для своих ритуалов, получали часть магической силы. Камни храмов впитывали слова священных молитв. За-

пах крови и смерти сохранялся намного дольше других выделяемых человеческими телами флюидов.

Оловянная чаша создавала в воздухе колебания, похожие на порывы ветра перед бурей. Но не это пугало Кэшела. В воздухе витало нечто необъяснимое, нечто, чего стоило опасаться. Он крепче сжал посох из ореха, который сделал еще мальчишкой и с которым не расставался с тех пор.

Продавец заморгал и посмотрел на чашу, которую держал в руках. Интересно, что он в ней увидел, подивился Кэшел. Скорее всего лишь какой-то серебряный или даже золотой предмет времен древнего королевства.

— Может быть, — произнес продавец все тем же льстивым голосом, — госпожу интересуют подсвечники времен Каруса, сохраненные знатной семьей, прямыми наследниками короля.

— Пойдем, Кэшел, — сказала Теноктрис и, резко повернувшись, вышла из магазина и торопливо засемила вниз по улице.

Лишь отойдя на значительное расстояние, она вздохнула с облегчением и убавила шаг. Теперь Теноктрис шла так, как и подобает идти пожилой женщине в сопровождении юноши, бывшего когда-то пастухом овец.

— Раньше, когда я была молодой, люди казались мне невежественными, но и сейчас, спустя столько лет, они не изменились, — сказала она.

Теноктрис объявилась на берегу возле деревушки Барка одним ненастным утром. Но забросило ее туда не штормом, а силой волшебства. Эта сила вырвала ее из той эпохи, когда, тысячу лет назад, Островами правил король Карус, и именно тогда они последний раз были едины.

— Но люди же не могут знать всего, — как всегда спокойно отвечал Кэшел. — Я тоже знаю очень мало обо всем, кроме, конечно, овец.

Он ухмыльнулся и, несмотря на то что улицы были полны народа, с удовольствием принялся крутить посохом. Дубинка длиною в семь футов производила впечатление, особенно когда ее вертел такой здоровяк, как Кэшел.

Они миновали лавку, где продавались новые и подержанные постельные принадлежности. Плохонькие шерстяные одеяла и набитые соломой матрасы продавались так дешево, что их мог позволить себе любой бедняк, тончайшее постельное белье, пуховые матрасы и одеяла для людей с достатком, а также простыни и покрывала на любой вкус и кошелек. Но Теноктрис не обратила на них никакого внимания.

— Ты знаешь, что ищешь? — спросил Кэшел. Ему нравилось сопровождать Теноктрис, хотя он и не очень интересовался государственными делами. Но Кэшел был уверен, что старая волшебница отправилась погулять по городу с какой-то вполне определенной целью.

Теноктрис ответила не сразу. Задумавшись, она не услышала вопрос юноши. Кэшел привык отвечать на вопросы других, но сейчас ему захотелось расспросить Теноктрис. Поймав себя на этом, он подумал, что и сам любопытен не менее других. Но Кэшел научился уже многому и чувствовал, когда стоит воздержаться от вопросов, чтобы не стать потом объектом для насмешек.

Пальцы опять сжали посох. Теперь, когда он вырос, уже никто не осмеливался над ним смеяться.

— Что? — спросила Теноктрис, очнувшись от владевших ею мыслей. — Нет, мой дорогой Кэшел, не знаю. Я наложила заклятие поиска, и волшебство привело меня сюда. По крайней мере я так думаю.

Она смиренно улыбнулась.

— Я не самая могущественная волшебница, ты ведь знаешь. Даже сейчас, когда вокруг столько магической силы.

Теноктрис как-то объясняла, что каждую тысячу лет на земле возникает сгусток огромной магической силы. В такие времена волшебники могут сделать намного больше, чем делали раньше, и даже больше, чем входит в их намерения. Нечто подобное случилось при падении последнего королевства, и это вызвало появление темной силы.

Кэшел и волшебница подошли к строительной площадке, с которой еще просматривались руины древнего сооружения. И хотя большегрузным телегам не разрешалось ездить днем по

Вэллису, груды обтесанных камней для нового дома уже перекрыли часть улицы.

Кэшел остановился, пропуская группу домохозяек с корзинами купленной на рынке провизии. Он мог бы с легкостью проложить себе дорогу в этой толпе, но Теноктрис никуда не торопилась.

На строительной площадке рабочие уже готовили известь для цементного раствора. Проще было обжечь ее на месте, чем везти опасный груз через весь город, рискуя испортить его, попав под дождь. Сваленные в кучи известковые глыбы вместе с кусками мрамора ждали своей очереди возле печей для обжига. Самые большие куски мрамора, по всей видимости, когда-то служили корабельным балластом. Они даже потемнели и стали скользкими от скапливавшейся в трюмах кораблей воды.

Домохозяйки давно исчезли из виду. Теноктрис двинулась вперед, но остановилась, заметив, что ее спутник засмотрелся на балласт.

— Кэшел!

По коже пробежало легкое покалывание, словно в нее вонзились тысячи маленьких иголок. То же самое Кэшел чувствовал под лучами весеннего солнца, распахивая землю под будущий урожай. Было в этих камнях что-то притягательное. Переложив для равновесия посох в левую руку, он стал взбираться на кучу мусора. Некоторые из рабочих заметили парня, но никто не попытался остановить его.

Теноктрис пристально взглянула на юношу, но ничего не сказала. Кэшел не знал, зачем ему это нужно, но что-то неудержимо притягивало его к этим глыбам. Подобное волнение ему доводилось испытывать и раньше, в детстве, когда он пас овец. Тогда внутренний голос подсказывал, что с одной из овечек что-то случилось, и верно — вскоре другие выбегали из леса с жалобным блеянием, означавшим, что их сестричка умудрилась застрять между деревьев.

— Есть! — восторженно закричал Кэшел. Используя железный наконечник посоха в качестве рычага, он вытащил из-под извести кусок мрамора.

— Эй! Что это ты там делаешь? — окликнул его бригадир, коренастый мужчина лет тридцати, с густыми усами и бицеп-

сами, которые больше подошли бы кому-нибудь повыше ростом. Рабочие с интересом наблюдали за всем происходящим и радовались представившейся возможности побездельничать, а заодно и поразвлечься.

— Камень изучаю, — ответил Кэшел. Строительный материал не принадлежал рабочим, но юноша понимал, что они согласились бы продать камни за кругленькую сумму. — Вот этот.

Он поднял с земли кусок камня, заметив, как сузились глаза начальника стройки. То была статуя, похожая, как ему показалось, на туловище женщины. Впрочем, ручаться за это он бы не стал, поскольку камень пребывал в ужасном состоянии. Поверхность мрамора была изъедена дождевой водой и ветрами и почернела от долгого нахождения под сгнившими листьями. В некоторых местах появились ужасные вмятины, в которых от соседства с известью уже образовалась бурлящая белая пена. Сказывалось и то, что статуя лежала под корабельным балластом.

Внешне камень не представлял особого интереса, но Кэшел испытывал особый трепет при одном только взгляде на него. К тому же этот фрагмент статуи оказался очень тяжелым и весил примерно столько, сколько весит обычный человек. Но прораб отлично понимал, что для Кэшела не составит особого труда поднять находку одной рукой.

— Хочу его купить. Дам за него э... э...

Он не знал, как называется серебряная монета. В деревушке Барка в ходу были бронзовые деньги, а серебряные монеты попадались лишь во время Овечьей Ярмарки. Тогда в Барку приезжали купцы и погонщики скота из Каркозы. Жители Орнифола расплачивались разными монетами. И хотя теперь у Кэшела на шее висел кошель, доверху набитый деньгами, он не придавал этому особого значения.

— Серебряную монету! — В этом районе города таких денег хватило бы на целый кувшин вина и ужин в харчевне для всей бригады рабочих.

— Сколько? — радостно воскликнул один из строителей.

— Пусть сначала покажет, — сказал другой, пряча мастеров в карман кожаного фартука.

— Зачем он тебе? — Бросив на Кэшела грозный взгляд, про-
раб шагнул вперед. Он был озадачен происходящим и от того
злился.

Не находя ответа, но, чувствуя, что камень просто необхо-
димо приобрести, Кэшел обратился к Теноктрис:

— Ты можешь заплатить этому человеку за меня? Я... э...

Кэшел не хотел доставать кошелек и демонстрировать его
содержимое. В этом случае ему пришлось бы на это время вы-
пустить находку из рук. А он не желал расставаться ни с кам-
нем, ни с дубинкой до тех пор, пока они не доберутся до более
безопасного места.

— Хорошо, — сказала Теноктрис. В рукаве парчового пла-
тья с шелковыми вставками она носила всегда небольшой ко-
шелек. Старушка достала монету, подняла ее так, чтобы рабо-
чие увидели серебристый отблеск, и отдала прорабу.

— По рукам? — спросил стоявший на куче камней Кэшел.

— По рукам. Скрепляю сделку именем Госпожи.

Прораб ударил монетой о молоток, висящий за поясом.
Раздался отчетливый звук серебра, звонкий, а не слабый, как у
свинца.

— По рукам, — сказал он, все еще колеблясь. Затем плюнул
на ладонь и протянул ее Теноктрис. Та бросила на прораба не-
понимающий взгляд.

Кэшел осторожно спустился с груды камней.

— Пожми ему руку, Теноктрис, в подтверждение сделки, —
сказал он. — Если ты не против.

— Конечно, не против, — ответила старуха, кивнув Кэше-
лу в знак признательности за то, что объяснил, как скрепляют-
ся сделки. Видимо, у знатных людей это происходит как-то ина-
че, решил он. Теноктрис родилась в благородной семье, хотя,
по ее рассказам, денег у них всегда было мало даже по меркам
деревушки Барка. Со стороны ритуал выглядел так, словно
взрослый в шутку разрешает пожать руку ребенку.

Кэшел откашлялся.

— Теноктрис. Я бы хотел вернуться назад...

И запнулся. Утром, прежде чем отправиться в город, он на-
дел шерстяную тогу и тунику, напоминавшие крестьянские, но

лучшего кроя и качества. С того дня, когда ее сшила его сестра Илна, одежда ничуть не обносилась. Никто на Островах не мог сравниться с ней в искусстве шитья.

Теноктрис была в шелковом платье, уже не новом и вышедшем из моды, и походила на переживающую трудные времена знатную особу, в услужении у которой остался неотесанный слуга — все, что могла позволить себе госпожа. Слова «во дворец» неминуемо привлекли бы внимание толпы, а юноша хотел избежать лишнего шума и суматохи.

— Домой.

— Да, конечно, — согласилась Теноктрис и посмотрела по сторонам, определяя, какое направление им теперь следует избрать, поскольку Кэшел еще плохо ориентировался в этой веренице улиц. — Думаю, если мы пойдем...

Несколько прохожих остановились, с любопытством наблюдая за происходящим. Кэшел и Теноктрис не делали ничего из ряда вон выходящего, так же как и куры, копошавшиеся на крестьянском дворе, но все же в их действиях проскальзывало что-то необычное. А в Вэллесе, как и в других местах, где бывал Кэшел, всегда находились люди, которые обожают смотреть на то, что делают другие, вместо того чтобы самим чем-нибудь заняться.

Минувя зевак, к ним подошел крупный мужчина с гладко выбритым лицом. Несмотря на лысину, светившуюся на голове вместо волос, выглядел он молодо. На незнакомце была шерстяная туника плотной вязки, черного цвета, с белой поперечной полосой на груди. Застывшее его лицо не выражало ни злости, ни волнения, ни других чувств, которые свидетельствовали бы о том, что мужчина готов выйти из себя, если что-то пойдет не так, как ему хочется.

— Ты здесь главный? — спросил он у прораба. — Ты всем этим заправляешь? Хочу купить эту грудку камней. Я заплачу...

Рабочие лишь перевели взгляды с незнакомца на Теноктрис и Кэшела — ситуация грозила измениться не в их пользу.

Кэшел опустил на корточки и сел на камень, зажав его между ног, вместо того чтобы бросить назад в кучу булыжников. Затем вновь встал, крепко сжал посох в руках и стал ждать, что будет дальше.

Незнакомец взглянул на Кэшела и Теноктрис. Потом перевел взгляд на кусок статуи и поднял глаза.

— Полагаю, ты взял то, что принадлежит мне, парень. — За его вежливым обращением ощущался гнев. — Если не возражаешь, я заберу камень.

— Это не твое, — ответил Кэшел. Теноктрис стояла за его спиной, но он не знал, где именно. Молодой человек надеялся, что волшебница поняла, как обострилось положение и к чему это может привести. — Я купил его, честно заключив сделку.

— Ну что ж, — произнес незнакомец и, оценивающе посмотрев на Кэшела, достал кошель из-за шелкового пояса. — Тогда я его перекупаю.

— Нет, — хрипло сказал Кэшел. Руки его слегка дрожали от бездействия. Ему хотелось ударить незнакомца посохом в лицо и, схватив статую, броситься наутек.

Незнакомец извлек три золотые монеты и покрутил их в красивых ухоженных пальцах, чтобы всем было видно.

— Посмотри на это, приятель, — сказал он. — Они будут твоими, если ты мне отдашь кусок старого мрамора.

— Нет. — Кэшел чувствовал, что, если не отступится, случится беда, но не мог отказаться от камня, хотя и понимал, что нельзя держать статую в руках, так как незнакомец может наброситься на него с ножом.

Однако, вместо того чтобы напасть на Кэшела самому, незнакомец принялся перебрасывать золотые монеты с ладони на ладонь на глазах у прораба.

— Принесите мне тот кусок мрамора, — громко, чтобы его слышали все рабочие, сказал он, — и золото ваше. Каждый получит по монете!

Прораб нахмурился еще сильнее, чем раньше. Лоб его испещрили глубокие морщины. Стоявший рядом с ним долговзый рабочий со шрамом на лице схватил столб, поддерживающий строительные леса, и сделал шаг вперед.

— Анзи, Блем... — окликнул он своих приятелей. — И вы, ребята. Тут хватит денег, чтобы обеспечить нас на всю жизнь.

— Ты прав! — прошипел прораб и потянулся за молотком.

Кэшел сделал шаг вперед и замахнулся посохом, целя в живот. Заметив это, прораб попытался отскочить. Он был не

слишком проворен, но, возможно, этот прыжок спас ему жизнь. Ударом бедолагу отбросило к печи для обжига. Прораба стошнило съеденным завтраком и выпитым вином. Ударь Кэшел чуть сильнее, наружу вылезли бы и кишки.

Незнакомец проворно нырнул за кучу битого камня. Кэшел не обращал внимания ни на него, ни на кричавших зевак. Может, на крики и прибежит городская стража, но Кэшел на это не очень-то рассчитывал и не мог предаваться пустым надеждам, когда жизнь Теноктрис и его собственная находились под угрозой.

Рабочий, державший столб, ударил им Кэшела. Бамбуковая палка послужила бы нападавшему хорошим оружием, если бы тот умел с ней обращаться. Кэшел блокировал удар металлическим наконечником посоха, а другим концом ударил рабочего в бок. Хрустнули ребра.

Увидев это, двое других, не решавшихся лезть в драку, бросились наутек. Обернувшись на бегу, один из рабочих кинул в Кэшела резец, использовав его как дротик. Тяжелый бронзовый инструмент попал юноше в правое плечо. Бросок был сильным, но особого вреда Кэшелу не причинил — этот резец не расколол бы даже дерево, не говоря уж о камне.

Сжав посох обеими руками, Кэшел вскипел от злости. Рабочий пронзительно закричал и попытался спрятаться от удара за спину приятеля, державшего в руке, будто факел, тяжелый деревянный молоток.

Подставив спину под удар, несчастный тут же запросил пощады. Что, в Вэллесе никто не знает, как сражаться? Кэшел ударил рабочего по пальцам, чтобы тот отпустил рукоять молотка, потом вырвал инструмент из сломанных пальцев и забросил в телегу.

Кэшел пнул ногой скорчившегося от боли строителя, и тот отполз в сторону, а юноша повернулся к тому, кто метнул в него резец. Он не был кровожадным человеком, но его беспокоила боль в плече.

От испуга рабочий запутался в своем фартуке и повалился на леса. Кэшел замахнулся посохом, удар которым стал бы для противника смертельным, затем скорчил гримасу и вместо того,

чтобы расправиться с рабочим, правой рукой схватил его за фартук и встряхнул.

— Нравится нападать на безоружных? — проревел Кэшел. Строитель зажмурился от ужаса перед неотвратимым возмездием. Изменить свою участь он уже не мог, а с закрытыми глазами можно было оставаться в неведении относительно способа воздаяния.

Подняв труса на вытянутых руках, Кэшел швырнул его через вырытую для фундамента яму с такой силой, что рабочий покатился кубарем по строительному мусору и остановился в огромной луже жидкой грязи, что и спасло его от перелома позвоночника. В следующий момент несчастный вскочил и бросился наутек.

За кучей камней вспыхнул яркий голубой свет. Виновник потасовки убежал, громко крича. Его одежду лизали языки пламени, но то были не просто голубоватые искры от наэлектризованной шерсти — в этой вспышке Кэшел узнал магический огонь.

Незнакомец мчался вниз по улице, на бегу сбрасывая с себя одежду. От него, как от взбесившейся лошади, во все стороны разбегались зеваки, расталкивая друг друга с удвоенной силой...

А может быть, даже и еще сильнее. Для многих магия страшнее собственной смерти.

Теноктрис стояла, покачиваясь, возле одного из домов. Она так ослабла, что вот-вот могла упасть. Кэшел собрался с силами и, спотыкаясь, бросился к ней, успев подхватить в последнюю секунду. Плечо у юноши ужасно болело, так же как и в день Скола, когда он попытался надеть ярмо на разъяренного быка, а тот ударил его рогами.

— Теноктрис, с тобой все в порядке? — спросил Кэшел, тяжело дыша. — Ты применила заклинание, чтобы избавиться от этого человека?

Опустив плечи, он согнулся пополам, словно надломленное дерево. Случившееся совсем не походило на честную схватку, к которой можно подготовиться и подойти во всеоружии.

— Я вмешалась в его заклинание, — сказала Теноктрис, задыхаясь, будто попавший в западню кролик. Кэшел уже видел

раньше, как колдуют волшебники. Но искусство правильно управлять чарами отнимает очень много сил, а они должны уметь делать это не хуже, чем сам он управляется с посохом.

Все еще опираясь о плечо Кэшела, Теноктрис захромала по направлению к куче камней, за которой прятался незнакомец. Напуганные произошедшим зеваки на коленях ползали в грязи и украдкой бросали взгляды на старуху. Наверное, незнакомец выронил где-то здесь свои золотые монеты, которые предлагал за камень, подумал Кэшел. Люди в этом районе не могли позволить золотым пропасть зря, ради них они были готовы преодолеть страх перед магами.

Теноктрис указала на символы, нарисованные на земле возле того места, где прятался незнакомец.

— Он собирался с помощью заклинания залепить твои глаза грязью. Мне удалось разрушить его щит прежде, чем он нанес тебе удар.

Кэшел поблагодарил старую волшебницу. Теноктрис сказала, что ее волшебство — жидкая тень великой силы. Кэшел доверял Теноктрис так же, как доверял себе, когда, нанося топором удары по дереву, каждый раз попадал в одно и то же место.

Сила — это хорошо, но контроль над этой силой намного важнее, и именно в том случае, если у тебя нет особенного могущества.

— Как думаешь, из чего это сделано? — поинтересовалась Теноктрис, склоняясь над желто-зеленой палочкой, лежащей рядом с нарисованными незнакомцем символами. То был атам, волшебный предмет, брошенный чародеем, как и монеты, во время бегства. Для волшебника он значил больше, чем золото. — Похоже на кокон какого-то насекомого, очень большого.

Кэшел подошел к загадочному предмету на цыпочках. Сквозь брошенный артефакт, как сквозь лист слюды, проступали нарисованные на земле знаки.

— Нет, думаю нам лучше его не трогать. — Теноктрис выставила перед Кэшелем ногу, не позволив подойти ближе, и отбросила находку в кучу камней. — Телеги сегодня же раздавят его в пыль. Думаю, так будет вернее всего. А как только доберемся до дворца, я сожгу свои башмаки.

— Тогда давай возвращаться. — Кэшел огляделся и заметил статую, о которой совсем забыл за время драки... Странный, утративший форму камень, годный лишь для переплавки в печи. Но теперь он принадлежал ему, Кэшелу.

— Тебе не тяжело будет его нести? — спросила Теноктрис. — Я хочу сказать, ты ведь устал от...

Кэшел широко улыбнулся.

— Уж с этой-то ношей я справлюсь. — Он присел, обхватил камень руками и, оттолкнувшись коленями от земли, распрямился со своим грузом. — Не знаю, зачем он мне понадобится. Может быть, ответ подскажет Шарина.

При мысли о Шарине его улыбка стала еще шире.

Пальцы Илны ос-Кенсет перебирали нить с такой скоростью и мастерством, которым могла бы позавидовать любая женщина с острова Орнифол, но мысли ее были далеко. В этот чудесный день она сидела за ткацким станком в небольшом деревянном доме, расположенном во внутреннем дворе, отгороженном стеной от всего остального дворца. Пчелы жужжали над распустившимися цветами; птицы щебетали, стучали клювами и махали крыльями в поисках еды. Илна не обращала на них внимания, лишь иногда прислушиваясь к доносившимся крикам, когда те становились особенно резкими и пронзительными. Эти звуки будто вновь переносили ее в те времена, когда она жила в деревушке Барка.

Много лет назад Илна осталась сиротой. Чтобы прокормить себя и своего брата Кэшела, приходилось много и усердно работать. Ее трудолюбие заслуживало всяческих похвал. Илну все уважали, но никто не любил. Почти никто. Ей симпатизировала Шарина, а еще она, кажется, нравилась Гаррику.

Каждый день Илна приходила в прядильню, садилась к челноку, зарабатывала себе на кусок хлеба и уходила только к вечеру. И так изо дня в день. С тем же постоянством текла — через водослив древней мельницы, которую построил еще дедушка Илны, — вода. Темы рисунков для ткани девушке подсказывал лес на рассвете. Все оттенки кожи буйвола, черного и коричневого, незаметно перетекали один в другой.

Сегодня Илна ткала в типичной цветовой гамме. Она пользовалась шелком, пенькой или медной проволокой — результат всегда получался таким же, как если бы она использовала настоящую нить. Илна всегда была искусной ткачихой, но с тех пор, как вернулась из преисподней, ее искусство вышло за рамки дара обычной смертной. Пальцы ткали, а мысли укладывались на полотне в диковинные узоры. За возможность управлять другими людьми через созданные ткани девушка заплатила своей душой. И все же ей удалось освободиться от того порождения ада, что поселилось внутри нее. Теперь Илна знала, что стремление к разнообразию способно спровоцировать зло и привести к смерти невинных.

Она этого не допустит.

В саду царили мир и спокойствие, но не тишина. Каждые четверть часа стоявшие у водяных часов глашатаи выкрикивали время так громко, что их было слышно во дворце. Как обычно, смеялись и болтали проходившие по дорожке мимо деревянного домика слуги. А в атриуме учительница давала леди Мероте бос-Рориман уроки пения.

У девочки — Мероте шел десятый год — был высокий чистый голос. Она обладала врожденным музыкальным слухом. Илне доставляло большое удовольствие слушать похожее на трели крапивника пение девочки, даже если та не исполняла ничего особенного, а лишь повторяла гаммы.

Илна плела тонкую, почти прозрачную ткань. Даже эта, еще незавершенная работа действовала умиротворяюще на каждого, кто ее видел. Если бы Илна пожелала, а ее желание однажды исполнилось, то же полотно могло вызвать у всех, кто на него смотрел, и совершенно иные чувства — похоть, страх и злобу. Илна могла бы обладать всем, чего бы только ни пожелала. Всем. Но она до сих пор не знала, чего же хочет на самом деле.

Однажды, не очень давно, она пожелала стать женой Гаррика, сына хозяина постоянного двора. Теперь он сделался принцем, но Илне достало бы сил подчинить его любому своему желанию.

Челнок задвигался в руках Илны быстрее. Губы тронула горькая усмешка. В прошлом она принесла окружающим слиш-

ком много горя. За это ей придется расплачиваться всю оставшуюся жизнь. Несмотря ни на что, она удержалась и не стала принуждать Гаррика жениться на ней, а теперь и вовсе не была уверена, что желает этого.

Илна он-Кенсет, сирота, не умевшая ни читать, ни писать, не принадлежала к королевской семье; Гаррик не имел корней в маленькой деревушке Барка. Он всего лишь вырос там, не предполагая, что сможет когда-нибудь побывать дальше Каркозы, на другом берегу Хафта. Гаррик годился на роль короля, а такая благородная женщина, как Лизйн бос-Бенлиман годилась ему в жены. Самой же Илне...

Мерота запела «Жила-была служанка». Эту песню Илна уже слышала, но не от девочки, и уж точно не от леди Столлы, учившей Мероту пению. Илна улыбнулась, на этот раз весело.

Повстречался мне моряк как-то вечером,
И с тех пор несчастья бродят по пятам за мной.

У Чалкуса был такой же высокий, чистый голос. Искушенный торговец, мореход, он не находил удовлетворения в том, чем занимался, и как-то заявил Илне, что быть первым среди сборища ничтожеств — не слишком большая честь.

— В море без женщин неделя как год, — пела Мерота.

— Госпожа Мерота! — закричала Столла, пожилая благородная дама, чопорная и правильная. Она уже поняла, о чем песня, и пыталась заставить свою ученицу замолчать.

— Спрашивать не стану... — тянула Мерота. Она была более знатного происхождения, чем Столла, неуклонно придерживавшаяся строгих нравственных принципов воспитания, но девочка вовсе не собиралась позволять кому-то решать за нее, какие песни петь дозволено, а какие нет.

— ...что ты там искал...

Илна фыркнула. Теперь она считалась официальной опекуншей Мероты — одна сирота заботилась о другой, — но несмотря на это, Столла продолжала относиться к Илне как к выскочке-гувернантке или, пожалуй, даже служанке. Но если учительница пения и хотела поставить ее в неловкое положение, сама Илна уж точно не собиралась ей в этом потакать.

Нет, она никому не позволит помыкать собой.

Вдруг вместо того, чтобы начать новый куплет, Мерота взвизгнула и закричала:

— Чалкус!

— Как поживают две самые прекрасные леди во всем Вэл-лисе? — весело, будто нараспев, спросил переступивший порог мужчина.

Илна поднялась из-за станка и вышла навстречу гостю. Чалкус, мускулистый мужчина среднего роста, не производил впечатления атлета, и мускулы его были незаметны, пока он не начинал играть ими. На лице его, как всегда, сияла улыбка. За поясом гостя висел короткий кривой нож, спрятанный в чехол.

Илна улыбалась не так часто, как Чалкус, — разве что когда слышала хорошую шутку, — но сейчас ее губы растянулись в радостной улыбке.

Шарина, принцесса Хафтская, большую часть дня носила пышные платья, как и подобает аристократкам с Орнифола, и принимала во дворце делегации подданных своего брата Гаррика из разных провинций. Благодаря присутствию принцессы на дворцовых приемах не царила та сдержанная и суровая атмосфера, что обычно присуща заседаниям королевского совета, заменявшего теперь правительство.

Главы десяти, а то и более гражданских и войсковых округов являлись аристократами. В деревушке Барка местные жители даже в жаркие дни надевали обычные туники без пояса. Гражданские советники носили судебные мантии из шелка с кушаками, а их военные коллеги широкие ремни с пустыми ножнами для меча. Кровавые Орлы никому не позволяли входить в покои Гаррика с оружием. Их командир, Аттапер бор-Атила, сам установил эти правила, чтобы избежать споров со знатным лордом Валдроном, командующим армией.

Шарина прилагала немало усилий, чтобы избежать трений в отношениях с военачальниками. Валдрон был старше Аттапера лет на тридцать. В душе он был уверен, что сам достоин стать королем. Он неплохо ладил с Аттапером, который не пытался навязывать Валдрону дипломатическое решение вопросов, даже когда бывал с ним не согласен.

— Союз Запада — это не просто кучка деревенских правителей с островов Хафт, Кордин и Тизамур, которые решили отделиться от королевства, — сказал канцлер Ройяс, сидевший по правую руку от Гаррика. — Ваше Величество, Ваше Высочество, прошу прощения, — Ройяс поклонился Гаррику и Шарине, извиняясь за слова, бросавшие тень на края, откуда они были родом, — но такой союз недостаточно силен, чтобы сдерживать королевскую армию. Подавление этих волнений не отнимет у нас много времени.

— Они сильнее, чем вы думаете, — горячо возразил Аттапер. — У них на службе наемники. И нам было об этом известно еще до возвращения шпиона.

— Но для того, чтобы сопротивляться нам, этого все равно мало, — рявкнул в ответ Валдрон, хотя, как показалось Шарине, Аттапер не сказал ничего такого, что могло бы вызвать столь гневную реакцию.

— Да что могут предпринять против нас три этих острова! — воскликнул Ройяс. — Они и сами запуганы и понимают, что являются частью королевства. Когда в последний раз Каркоза собирала достаточно податей, чтобы выплатить жалованье государственному служащим здесь, в Вэллесе?

— Возможно, они заботятся о своем будущем, — вступил в разговор лорд Тадай. — Мы, я имею в виду принца Гаррика, впервые за несколько столетий создали в Орнифоле настоящее действующее правительство. Может быть, со временем они поймут, что мы...

Полноватый, богато одетый, лорд Тадай еще недавно занимал должность королевского казначея, и лишь когда его соперничество с Ройясом стало отражаться на государственных делах, подал в отставку, как и подобает патриоту и просто хорошо воспитанному человеку. Но никто не осмеливался отказать лорду в праве на совещательный голос в совете, пока тот все еще пребывал в Вэллесе.

Тадай уважительно поклонился Гаррику и улыбнулся.

— Мы вновь объединимся в нерушимое королевство, тем самым лишив их возможности по-своему толковать законы и вводить собственные налоги.

— Граф Ласкарг никогда не думал о том, чтобы успокоить народ в Каркозе. После смерти правителей Хафта деньги там выбрасывали на ветер, — с горечью в голосе произнес Гаррик. — В его, как правителя, обязанности, входило управление королевскими войсками. И ему не следовало пренебрегать этим.

Шарина кивнула в знак согласия, понимая, почему ее брат произнес эти слова с такой горечью. Их родители, Рейзе и Лора, служили при дворе графини Хафтской до той самой ночи, когда начался бунт. То, что тогда случилось, она и Гаррик хорошо помнили до сих пор. Лишь много месяцев спустя они узнали другую часть истории. Оказывается, отцом Шарины был граф Ниард, а Гаррик — сыном графини Теры, носительницы королевской крови. Ее предком был король Карус, правитель Старого Королевства.

Ниард являлся дворянином с Орнифола, чем и объяснялись светлые волосы Шарины, ее небольшой рост и хрупкая фигура. Она всегда чувствовала себя немного чужой среди темноволосях и коренастых уроженцев деревни Барка. Но правда повергла ее в смятение.

— Они получают средства извне, — сказал, наклонившись вперед и сцепив перед собой пальцы рук, Аттапер. — Деньги на оплату наемников приходят на Тизамур от трех правителей. Войска тоже получают регулярное довольствие, а не тешат себя надеждами на будущую добычу.

— За всем этим стоит герцог Сандракканский! — уверенно заявил Валдрон. — Деньги могут поступать только от него. Вряд ли в этом случае граф Вилдальф посмеет встретиться с нами лицом к лицу. Если организатор этого союза — правитель Сандраккана, то он, маскируя свои истинные намерения, немного обождет, дожидаясь развития событий!

Валдрон с трудом сдерживал гнев. Не вытерпев, он встал так резко, что его стул завалился набок. Обычно слуги стоят возле каждого кресла благородных господ, но Гаррик — по совету Ли-эйн, как полагала Шарина, — настоял на том, чтобы такого рода собрания проходили в конфиденциальной обстановке.

От грохота упавшего стула вздрогнули все, в том числе и сам Валдрон. Лицо его перекосило судорогой; он попытался вер-

нуть стул на прежнее место, но ножки запутались в платье леди Вартолы, настоятельницы Храма Госпожи в Сакоре, представившей в совете интересы высших служителей церкви.

Шарина вскочила со своего места и встала перед Вартолой. Валдрон, кипя от злости, замахнулся, чтобы швырнуть стул в облицованную деревянными панелями стену, но принцесса не позволила ему сделать это. Ей не потребовалось для этого особых усилий, ведь прежде, чем она узнала о своем благородном происхождении и научилась читать, девушке пришлось поработать на постоялом дворе. Шарина поставила стул на место и жестом предложила Валдрону присесть. Старый воин, красный как рак от смущения, не посмел ослушаться принцессы.

Шарина, тоже занявшая свое место, с трудом сдержала улыбку.

— Думаю, лорд Валдрон прав, — сказал Птерлайн бор-Парлиан, новый государственный казначей, — но он ошибается в своем предположении насчет того, откуда поступают деньги. Они идут в Союз из Блэйза, а не из Сандраккана.

Он замолчал, надменно улыбаясь, ожидая вопроса, почему он так уверен в этом. Казначей был умным человеком, но слишком любил выставлять это свое достоинство на показ вместо того, чтобы просто трудиться на благо государства.

— У вас есть доказательства? — спросил Гаррик. Его слова прозвучали резко, и улыбка сползла с лица Птерлайна. — И на будущее, лорд Птерлайн, не забывайте, что в нашем совете не дураки собрались, и времени на глупости у нас сейчас нет.

— Полностью согласен с Его Величеством, — поддержал принца лорд Валдрон, бросив на казначея гневный взгляд. Он готов был вцепиться Птерлайну в глотку, считая недостойным марать об этого человека свой меч.

Птерлайн смущенно улыбнулся.

— Слушаюсь и повинуюсь, принц Гаррик, — сказал он. — А в доказательство своей правоты готов предоставить два документа. Наемники прибывают на Тизамур с Кордина, а расплачиваются они в порту монетами, которые в ходу на Блэйзе, причем новенькими, только что отчеканенными. Могу также добавить, что сделаны они, главным образом, из свинца, с добав-

лением серебра. Примите также во внимание тот факт, что в отчетах, полученных из Блэйза, сообщается о пришедших в упадок — из-за отсутствия денежного оборота — торговых отношениях. За всем этим стоит правитель Блэйза, Лердок.

— Мне тоже кажется, что Вилдальф недостаточно умен для того, чтобы организовать заговор, — положив руки на стол, согласился с казначеем Тадай. — Тем более успешный.

— Они еще не победили, — возразил принц Гаррик. — И им не одолеть нас. Благодарю за любопытные сведения, лорд Птерлайн. Зная, откуда начались все беды, легче будет положить этому конец.

— Мне хотелось бы узнать больше про секту Лунной Мудрости, о которой вы уже упоминали, — хриплым голосом произнесла леди Вартола. Старушка так исхудала, что Шарина подумала, уж не доживает ли та свои последние дни. Но ум Вартолы оставался таким же ясным, как и прежде. Правда, основные усилия она сосредоточила на повышении благосостояния своего храма, а не на благополучии королевства. — Есть ли у них право собственности на этот храм и его имущество и насколько законны их притязания?

Гаррик взглянул через плечо на Лизэйн. Занимая должность секретаря принца, она не имела права сидеть за одним столом с членами совета, поэтому расположилась позади Гаррика, за своим складным столиком, всегда готовая к тому, чтобы достать тот или иной свиток или кодекс, если возникнет необходимость.

— Мы еще не располагаем всеми сведениями, — сказала Лизэйн, даже не заглянув в записи. — Но имеющиеся факты говорят о том, что такое возможно.

Шарина прокручивала в голове сведения, полученные из сообщений о встречах с представителями различных сословий Орнифола за последние две недели.

Жалобами обывателей занимался особый государственный чиновник, и обычно эту должность занимал кто-то из аристократов. Работы хватало: купцы, торгующие солью, протестовали против нового налога на этот продукт, портные были недовольны повышением налога на шелк и наконец тысячами шли жалобы на неправильные действия правительства.

Но, как и бывает, случались и исключения. Вроде такого...

— Недавно с Тизамура вернулся помощник инспектора по храмовым землям, — довольно громко произнесла Шарина, прервав доклад адмирала Зеттина о наличии флота у мятежников. Убедившись, что все ее слушают, она продолжила: — Он просит аудиенции у принца Гаррика...

Ройяс злобно фыркнул от такой наглости низших чинов своего ведомства.

— Он заручился поддержкой вышестоящих начальников, чтобы получить разрешение на встречу со мной, — сказала Шарина. — Она состоится завтра днем. Может быть, ты тоже захочешь выслушать его, Гаррик?

Принц взглянул на Лизьну. Та слегка покачала головой.

— Нет, — сказал Гаррик. — Но я хотел бы знать, Шарина, какие новости он тебе сообщит. Возможно, эта секта Лунной Мудрости представляет собой нечто большее, чем... — тут он запнулся и взглянул на настоятельницу, — возможно, это не просто происки искусных политиков, пытающихся обманом вытянуть себе побольше денег, — закончил Гаррик. Лишь небольшая пауза свидетельствовала о том, что он собирался произнести нечто иное.

Гаррик встал, чтобы известить о закрытии заседания совета.

— Лорд Валдрон, Аттапер и Зеттин, — произнес он. — Мне нужен отчет о готовности наших войск. Прошу представить его к концу дня.

Принц повернулся к канцлеру и все тем же повелительным тоном, совершенно несвойственным ему в юные годы, продолжил:

— Лорд Ройяс, я хотел бы получить от вас сведения о всей собственности и доходах организаторов мятежного союза. Насколько я понимаю...

За стеной раздался леденящий душу крик — так кричит ведомый на бойню молодой бычок.

— Что это? Откуда здесь посторонние? — Все знали, что во время заседания совета слугам и охране строгойше запрещено находиться рядом с залом государственного совета, а тем более в располагавшемся по соседству зале для совещаний, том са-

мом, где принц Гаррик не так давно принимал своего шпиона. — Что там такое?

Гаррик оказался у дверей первым. Будучи единственным, кому разрешалось присутствовать на совете с оружием, он выхватил меч и выскочил наружу. Принц оказался немного проворнее Аттапера и Валдрона, также устремившихся к дверям.

Крик повторился еще несколько раз. Шарина бросилась вслед за Аттапером, который уже почти догнал Гаррика. Валдрон проталкивался из дальнего конца комнаты, расталкивая других членов совета, растерянно толпившихся в зале и недоумевавших, что могут означать столь ужасные вопли.

Два Кровавых Орла изо всех сил колотили в дверь зала для совещаний, пытаясь привлечь внимание находившегося внутри человека, охрану которого им доверили. Ответа не последовало. Складывалось впечатление, что находящийся внутри чем-то слишком сильно напуган и боится ответить.

— Ломайте двери! — закричал подоспевший принц Гаррик. Не успели стражники последовать приказу, как он ударил ногой по двери, в том месте, где находилась задвижка. Шарина понимала, что ее брат не столь силен, как Кэшел, но ни она сама, ни даже те, кто не видел, как свободно он вытащил из болота овечку, не сомневались в его силе.

Бронзовая задвижка наконец отскочила, и дверь распахнулась настежь. Гаррик, а за ним и стражники ворвались в комнату.

Шпион с искаженным от боли лицом боролся с кем-то. Враг был невидим, но присутствие его выдавали движения лазутчика, ноги которого неожиданно оторвались от пола...

Один из стражников пронзил копьем воздух возле уха шпиона. Его напарник, бросив оружие, попытался схватить Хорд-реда.

Втянутый в неистово вертящуюся воздушную воронку, соглядатай вдруг исчез. Так исчезают пузырьки выплеснутой из таза мыльной пены. В комнате повис странный запах, напоминавший Шарине запах камня, на который кладут на похоронах мертвых.

Несколько мгновений крик еще рвал воздух, затем все стихло.

Глава вторая

— Покружи меня, Чалкус! — потребовала Мерота. — Хочу, чтобы ты кружил меня без остановок!

Илна старалась не проявлять охвативших ее чувств. В присутствии моряка девочка иногда казалась младше своего возраста, а иногда, наоборот, более взрослой, чем была на самом деле.

— Тогда я отнесу тебя в сад, — сказал Чалкус, посмотрев на сливную трубу, по которой с крыши стекала в расположенный прямо посреди зала бассейн дождевая вода. — Хотя ты уже так выросла, что, боюсь, твои ноги будут волочиться по земле.

Он приветственно помахал служанкам и, направляясь к выходу, слегка поклонился Илне.

— А потом, — продолжил он с прежним воодушевлением, — ты вернешься в свою комнату и займешься домашними упражнениями. А мы с госпожой Илной в это время поговорим наедине.

Они прошли мимо станка, покрытого чехлом, как всегда, когда Илна не работала. В присутствии Чалкуса все краски и звуки обнесенного кирпичной стеной двора казались девушке необыкновенно приятными, хотя обычно она не обращала особого внимания на это богатство оттенков. Во время работы голова Илны была занята другим.

Пять веков назад герцог Валгард Орнифольский правил соседними островами, провозгласив себя Повелителем Островов, что мог в общем-то сделать любой другой, окажись он на месте герцога. Тогда-то Вэллис и стал самым большим городом в королевстве; вокруг дворца строились дома для тысяч жителей, а замок постепенно переместился в центр столицы.

Хотя те времена остались в далеком прошлом, рабочие и сейчас возводили здания и сады так же быстро, как пришлось действовать принцу Гаррику, сколотившему новое правительство. Деревянный одноэтажный дом, где жили Илна с Меротой, а теперь и Чалкус, когда-то предназначался для главного камергера. То было небольшое, одиноко стоящее здание, без особых внутренних и внешних убранств.

Илна выбрала это жилье потому, что ей понравился сад, особенно красивый в ясные дни, когда дом наполнялся ярким солнечным светом. Впрочем, для ее работы это не имело никакого значения — ткать девушка могла даже в полной темноте. Камергер, давно уже переехавший отсюда, как-то заикнулся, что люди, занимающие такое положение, как леди Илна, должны жить в более достойной обстановке.

Тогда Илна заставила камергера замолчать, взглянув на него таким взглядом, который мог бы разрезать даже стекло. Она сама чувствовала, что и как должна делать, и никто не мог заставить ее поступать иначе.

Чалкус вытянул вперед левую руку. Обычно он надевал тунику с короткими рукавами, под которой виднелись все его шрамы. Чалкус был богат, поэтому носил одежду из очень хорошей ткани темно-синего цвета. Края подола туники и рукавов были оторочены золотой нитью, а пояс пошит из дорогого черного шелка.

В таком наряде он выглядел великолепно. И вообще, Чалкус был мужчиной видным, слегка развязным и абсолютно уверенным в себе.

Мерота ухватила за его широкое запястье одной рукой и за плечо — другой, подпрыгнула, а Чалкус поднял руку повыше, чтобы девочка смогла оторваться от земли и раскрутиться сильнее. Мерота визжала от восторга, подол ее платья развевался на ветру.

— Почему вы всегда крутите ее на левой руке, мастер Чалкус? — вдруг спросила Илна. Он сказал, что пришел поговорить с ней с глазу на глаз, и девушка сразу же решила — сейчас Чалкус сообщит, что они больше никогда не увидятся.

— Покружи меня еще, Чалкус! — попросила Мерота.

Чалкус обнял девочку левой рукой, потом повернулся к Илне и широко улыбнулся.

— Представьте, что случится, если из этих зарослей выскочит злой джинн...

Он кивнул в сторону клумбы с маленькими белыми цветочками. Их стебли доставали Илне до колен.

— А моя рука, которой я обычно держу меч, будет занята этой прекрасной девчушкой. Что тогда?

Чалкус не носил меч. Вместо него за поясом он держал небольшой изогнутый нож, вроде тех, что использовали для собственных нужд деревенские жители. Сталь, из которой выковали это оружие, была, однако, несравненно лучшего качества, нежели та, что использовалась бродячими кузнецами, так как Чалкус сам отлично знал кузнечное дело и превосходил в этом других моряков.

— Тогда ты убил бы его левой рукой! — воскликнула Мерота и захихикала.

Чалкус задумчиво посмотрел на нее.

— Да, возможно, ты права, дитя, — сказал он. — А теперь оставь нас наедине, как мы и договаривались.

К удивлению Илны, девочка не стала спорить. Впрочем, произнесено это было тоном, не терпящим возражений. И Мерота послушно ответила:

— Хорошо, Чалкус.

Она повернулась, присев в реверансе перед Илной.

— Я покидаю вас, госпожа Илна, — сказала девочка и пошла к дому быстрой, но грациозной походкой.

Чалкус отошел от Илны, будто бы для того, чтобы понюхать пурпурный цветок мяты, вьющейся по восточной стене сада.

— Госпожа, я долго размышлял над тем, куда мне отправиться. Вы же понимаете, здесь, в Вэллесе, от меня немного проку.

Обернувшись, он улыбнулся.

— У вас здесь растут великолепные растения, и те, для кого вы их выращиваете, — самые счастливые люди на свете.

Хотя приходы-уходы учителей девочки и доставляли ей много хлопот по поддержанию в доме порядка, Илна не держала в доме слуг. Она еще не встречала такой кухарки или служанки, которая бы полностью отвечала ее запросам, а если бы и встретила, то вряд ли захотела жить с ней в одном доме.

— Сад действительно чудесный, — сказала Илна. — Если бы я осталась здесь навсегда, то, наверное, построила бы голубятню. Мне всегда больше нравились парящие в небе птицы, чем бегающие под ногами цыплята.

Чего ждет от нее Чалкус? От нее! Неужели он мог подумать, что Илна он-Кенсет будет умолять его остаться?

Скрывая замешательство, Чалкус достал из-за пояса нож и начал им забавляться, перебрасывая из руки в руку; едва поймав нож одной рукой, он тут же отправлял в другую.

— Мне очень хотелось бы знать, госпожа... — Казалось, он обращается к мерцающей стали ножа. Острие было слегка изогнуто и остро заточено по всей длине. — Если бы вы плыли на корабле, и тот стал тонуть, и вас бы спас высокий... или не очень... мужчина...

Казалось, он возносил оду клинку, такому же твердому и негибкому, как танцующий челнок в руках сидящей за ткацким станком Илны. У девушки перехватило дыхание, и она сердито нахмурилась, стараясь скрыть это.

— ...представим, что это был бы человек среднего роста, ну, вроде меня?

Нож вернулся назад в ножны столь же плавно, как уходит по водостоку вода. Чалкус встретился с Илной взглядом и улыбнулся одними лишь губами.

— Я не люблю корабли, мастер Чалкус, — произнесла девушка, чеканя каждое слово, будто ударяя молотком. — Последний раз, когда я была на палубе корабля, команда состояла из сотни матросов, но среди них нашелся лишь один мужчина. Это были вы, Чалкус, и вы это отлично знаете.

Илна отвернулась.

— Мастер Чалкус, — обратилась она к человеку, который стоял позади нее, — я вынуждена сказать вам, что сама не понимаю, чего хочу. Или, быть может, понимаю, но мне не хватает смелости признаться себе в этом и действовать.

— Ах, — произнес Чалкус. В его голосе звучало уважение. — Госпожа, я еще не встречал человека, в чьей смелости мог быть уверен полностью, даже в своей собственной. Каждый из нас сначала говорит и лишь потом начинает действовать.

Обернувшись, Илна посмотрела ему в лицо.

— Чалкус, я столько всего совершила...

— Нет-нет. Я тоже совершил немало плохого за свою жизнь, госпожа. Давайте же не будем даже касаться этой темы, ни вы,

ни я, мы и так уже знаем всю правду друг о друге. А теперь возвращайтесь к станку и приведите в порядок свои мысли.

Как хорошо он понимал ее! Илна уже давно перестала этому удивляться.

— А я пока поболтаю с вашей охраной. Может, даже разопьем вместе кувшинчик вина. Мы с вами еще вернемся к разговору о том, каким нам видится наше будущее. А все попытки позаботиться о себе самостоятельно оставим в прошлом, хорошо?

Чалкус улыбнулся и поцеловал ее, чего прежде не делал ни один мужчина. Потом моряк повернулся и вразвалочку зашагал к дому. У крыльца он завел о чем-то разговор с двумя Кровавыми Орлами, охранявшими вход. Этот человек, бывший когда-то моряком, пиратом и кровавым убийцей, умел найти общий язык с кем угодно.

Илна сбросила покрывало со станка и вернулась к работе, заливая на полотно свои чувства и мысли.

Пальцы Илны делали свое дело, а в голове ее возникало множество вопросов, ответов на которые найти она не могла. Нить коричневого цвета закончилась, пришлось поставить новую катушку, но взгляд блуждал где-то далеко-далеко.

Иным стал теперь рисунок, другими — тона и оттенки, совсем не такой, как прежде, фактура ткани. Илна создавала узор, от которого взглянувшему на полотно человеку становилось немного спокойнее, немного радостнее, но сама она видела в безмолвных красках другое...

Она вскочила со стула и стремительно направилась в главный зал деревянного домика. До нее доносился голос сидящего на крыльце моряка, весело рассказывавшего стоящим на посту солдатам какую-то шутку. Больше всего Илна боялась, что ее услышит Мерота.

— Чалкус! — позвала она. — Принц Гаррик сейчас пойдет в водный сад. Мы должны немедленно предупредить его.

Девушка выбежала через главный вход. Стражники из отряда Кровавых Орлов вытянулись у двери, обратившись в слух. На крыльце она оступилась и пошатнулась. Чалкус тут же подскочил и нежно поддержал Илну рукой за талию — так шелко-

вый шнурок обвивается вокруг запястья. Моряк умел быть и поясом, и арканом — в зависимости от ситуации.

Илна не очень хорошо бегала, но сейчас сменила быстрый шаг на трусцу. Этот проклятый дворец был больше всей деревушки Барка, и девушка до сих пор не изучила его как следует.

Чалкус и на суше оказался так же быстр и проворен, как на корабле. Он бежал рядом с Илной, слегка придерживая левой рукой нож. Чалкус не спросил, какая беда привиделась девушке, только понимающе улыбнулся, когда они пробегали по аллее через железные арки, обвитые персплетенными растениями.

В сплетении нитей Илна увидела умирающего в пещере Гаррика. Спаситься он не мог, его тело обвили восемь ног огромной паучихи.

Челюсти злобной твари источали яд, которого было достаточно, чтобы обездвижить жертву и высосать из нее жизнь.

— Четверть седьмого часа, — закричал глашатай, стоявший, словно раскрашенная статуя, на возвышении возле мощенной плитами тропинки. Шарина, ожидавшая в беседке, когда Гаррик освободится, посмотрела через колонны в ту сторону, откуда раздался крик. Слуга смущенно отвел глаза в сторону — вдруг еще решат, что он шпионит за принцем Гарриком и его друзьями? Вот выкрикивать в их направлении, который час, — это можно, в этом и заключается его работа.

В жаркие дни Гаррик часто работал в окруженной высокими изгородями и фонтанами части сада. Сейчас он сидел, склонившись над столом, и подписывал короткие указы на листах пергамента, которые подавала ему Лизйн. Возле беседки расположилась целая толпа скороходов и слуг, ожидавших дальнейших распоряжений принца. Вход в беседку охраняли несколько десятков Кровавых Орлов.

Половина солдат защищали беседку от любой угрозы, которая могла прийти со стороны изгороди из зеленых насаждений. Другая половина наблюдала за теми, кто находился в беседке. Шарина грустно улыбнулась. Гаррику никогда бы и в голову не пришло, что сестра может попытаться его убить, а

вот часовые из отряда Кровавых Орлов ни на секунду не теряли бдительности.

Падающие каскадами фонтаны журчали и расплескивали воду, которая снова стекала в канал по желобкам, вырезанным в камне. Этой части сада еще не коснулись проводимые во дворце работы, и лишь кое-где проглядывали расчищенные участки вулканической породы. В остальном же то была заросшая территория, с большими, торчащими из земли камнями, покрытыми диким мхом, который расплзался все дальше...

На другом берегу канала, в шелковой одежде цвета моря, стоял на коленях аскетического вида человек, очевидно, читавший какую-то молитву. Кто он, Шарина не знала, но его облачение ясно говорило о благородном происхождении.

Гаррик закончил подписывать последние документы и посмотрел туда же, куда смотрела Шарина.

— Это Заступник Лаута, — пояснил он. — Моя следующая встреча — с ним. — Принц сокрушенно покачал головой. — Думаю, откладывать разговор не стоит.

— Эйхеус, Заступник Лаута, — сказала Лиэйн, дополняя пояснения Гаррика. Спрятав стопку подписанных документов, она закрыла переносной столик. — Пока вы будете с ним беседовать, я подготовлю следующую партию документов. Это будут судебные решения для трех Атарас.

— Гаррик, мне кажется, сейчас не самое подходящее время, — произнесла Шарина, сама удивившись прозвучавшим в ее голосе ноткам раздражения. Она знала, что брат занят делами государственной важности, и лишь необходимость заставила ее искать с ним встречи. Сам ведь хотел побольше и как можно скорее узнать о секте Лунной Мудрости.

Гаррик поднял обе руки в примиряющем жесте.

— Шарина, без того груза проблем, который ты взвалила на себя, и той работы, которую выполняет Лиэйн... — сказал он и положил руку поверх руки Лиэйн, сжав ее. Сестра перевернула свою ладонь, и их руки соединились в рукопожатии. — Без всего этого, — продолжил принц, — в королевстве мог наступить хаос, который бы устроил я сам. Но мне совсем не хочется жаловаться на выпавшую на мою участь тяжелую ношу.

В завершение своих слов он, словно извиняясь, кивнул.

— А теперь расскажи мне о Тизамуре и о Лунной Мудрости.

— У инспектора по Храмовым Землям есть только три советника... — сказала Шарина. — По какой-то причине он послал одного из них на Тизамур.

— У его жены там какая-то собственность, — прошептала Лизйн.

— Я поговорила с этим советником. Ее зовут Кидвал бос-Кидриан, — сказала Шарина, — и она, на мой взгляд, заслуживает доверия.

Кидвал, молодая женщина из низкого сословия, была привлекательной, образованной и очень простой в общении. Как показалось Шарине, находившие во время разговора выход гневные нотки в голосе Кидвал являлись больше реакцией на жизнь в целом, чем на те сложности, с которыми она столкнулась, собирая необходимые сведения.

— По ее словам, при инспектировании обнаружилось, что постоянно действовавшие на Тизамуре храмы либо пусты, либо отданы секте Лунной Мудрости. Большинство жрецов и должностных лиц присоединились к новой секте, хотя некоторые из них продолжают заниматься и другими делами и живут довольно богато.

— Лунная Мудрость конфискует земли храмов? — спросил Гаррик, нахмурившись. — Это... Кто там правитель, граф? Кто за всем этим стоит?

— Сейчас Тизамуром управляет Совет Старейшин, — пояснила Лизйн, дотронувшись до крышки своего стола, но не приподнимая ее, чтобы достать необходимые документы — в этом не было необходимости. — Богачи. В большинстве своем землевладельцы, хотя доходы многих из них зависят от торговли.

— Правительство там сейчас состоит из членов секты Лунной Мудрости, — продолжала Шарина. — Местные жители избрали их добровольно, силой их никто не принуждал. На леди Кидвал не было совершено даже попытки нападения, хотя она и не скрывала истинной цели своего визита. Но их ответы на ее вопросы — просто нелепы.

Шарина замолчала, пытаясь вспомнить точные слова советника. Все это время ее глаза бесцельно следили за ласточками, стремглав пронесившимися над водой. Она заметила несколько сооруженных из глины гнезд, прилепленных к арочному мосту над искусственным водоемом. В некоторых местах извилистый канал можно было перейти вброд, но благодаря стараниям архитектора здесь выкопали пруд, засаженный лотосами, отсюда и возникла необходимость сооружения моста.

— Она сказала, — продолжила Шарина, — что бывший член Совета Старейшин поинтересовался, знает ли она хоть кого-то, кто видел бы Госпожу не в образе статуи, поставленной в храмах жаждущими денег грабителями в одеждах жрецов? Он также добавил, что видел их богов. И все, кто их слушал, кивали головой в знак согласия.

— А он не рассказывал, как выглядят эти боги? — спросил Гаррик, сжимая руку в кулак. Лизэйн тоже превратилась в слух. Шарина догадалась, что они узнали от исчезнувшего Хордредра больше, чем рассказали ей.

— Нет. Кидвал опросила многих как в Донелле, столице Тизамура, так и за его пределами. Но то оказался единственный вопрос, на который у них не нашлось ответа.

Шарина откашлялась.

— Есть кое-что еще. Кидвал позволялось посещать все, что ей только вздумается, кроме храмов во время богослужений. От них ей посоветовали держаться подальше. Ей также позволили разговаривать с кем угодно, и она ни разу не заметила за собой слежки. Даже заявила, что абсолютно уверена в этом.

— Продолжай, — попросил Гаррик. Хотя принц и сохранял бесстрастное выражение лица, чувствовалось, что он взволнован. Когда же так переменилось настроение Гаррика? И с чем связана перемена? Он не походил больше на того Гаррика, вместе с которым Шарина выросла, и напоминал кота, выжидающего, когда добыча подойдет чуть ближе.

— И все же несмотря на это, — сказала Шарина, — леди Кидвал была напугана. Этот страх и заставил ее уговорить инспектора добиться встречи со мной.

Она сглотнула слюну.

— И, знаешь, она была так напугана, что я и сама испугалась.

Гаррик встал, положив руку на колонну в беседке. Мышцы его плеч напряглись от усилия, с которым он сжал этот поддерживавший крышу сооружения столб. Эйхеус продолжал сидеть на берегу в ожидании разрешения на аудиенцию. За время ожидания он лишь раз повернул голову и посмотрел на находившихся в беседке людей.

— Рассказ Хордредра тоже напугал меня, Шарина, — сказал Гаррик, и его губы скривились в усмешке. — Еще до того, как пропал.

Повернув голову, он прибавил:

— Лизэйн, пусть этот Заступник подождет, пока я переговорю с леди Кидвал.

— Если хочешь, Гаррик, им займусь я, — предложила брату Шарина. — Если, конечно, это простой официальный визит с отчетом. К тому же не думаю, что ты услышишь от Кидвал что-нибудь новое. Я сообщила тебе все, что сочла важным.

— Из Лаута сообщили, что там происходит что-то... странное, — сказала Лизэйн. — Гаррик, Заступник просит о встрече с тобой по какому-то важному делу. Возможно, тебе удастся узнать, что ему нужно, или выяснить, что он замышляет.

Шарина слегка прищурилась. Лизэйн была слишком хорошо воспитана, чтобы командовать Гарриком, но все же отдавала ему приказания. Впрочем, Шарина не сомневалась, что это делается во благо королевства.

— Хорошо, — сказал Гаррик, поправляя ремень, на котором висел меч. — Я поговорю с Эйхеусом.

Эйхеус поднялся с колен и, прежде чем отправиться на встречу с Гарриком, бросил в воду искрящийся на солнце порошок. Мужчины должны были встретиться на середине моста, где правителю Лаута следовало остановиться в ожидании принца.

Двое стражников хотели проследовать за Гарриком, но он жестом остановил их, приказав оставаться на своих местах. Командир отряда, которому была поручена охрана принца, пристально посмотрел на Заступника, чей возраст не внушал

уважения, слегка нахмурился, но не посмел нарушить приказа своего повелителя.

Внимание Шарины привлек шум, раздавшийся с противоположной стороны сада. К беседке в сопровождении Кровавых Орлов подходили Теноктрис и Кэшел, вернувшиеся во дворец из похода в город.

Кэшел в знак приветствия помахал девушке посохом. На левом плече юноша нес кусок камня. По разорванной тунике несложно было догадаться, какими усилиями он его добыл.

Шарина улыбнулась, выйдя из беседки навстречу своим друзьям. Рядом с Кэшелом она чувствовала себя в полной безопасности. Впервые после исчезновения Хордредра ей стало покойно.

Ласточки со свистом гонялись за стрекозами над медленно плывущей гладью воды, но даже они не могли переловить всех насекомых. Когда Гаррик остановился в тени росшего у самой воды тополя, у его левого уха зажужжал комар. Принц отмахнулся, не желая убивать живую тварь.

Гаррик вспомнил, как король Карус, посмеиваясь, сказал ему однажды:

— Честности больше у черни, чем у придворных, сынок. Клопы так же быстро высасывают кровь из пастухов, как и из принцев.

Гаррик улыбнулся. Закрыв глаза, он легко смог бы представить, как пасет овец возле болот, коих у реки Паттерн-Крик было не счесть. Раньше он даже и представить не мог, что когда-нибудь будет вспоминать комариные укусы с ностальгией.

Заступник подошел к нему с другой стороны моста полной достоинства походкой. Гаррик нахмурился. Он вновь удивился высоким связям Эйхеуса, который сумел добиться у него аудиенции. Будет стремиться защитить жителей Лаута или попытается прикрыть этим какие-то другие цели?

Рейзе дал своим детям самое лучшее из всех существовавших на Островах образование. Однако, в отличие от Лиэйн, учившейся в Эрдине на острове Сандраккан, Гаррик и Шарина имели слабое представление о том, что происходит в королевстве.

Гаррик опять улыбнулся. Его всегда учили, что быть принцем — значит быть во всем первым. Справедливое требование, пусть и не очень скромное.

И опять в голове принца раздался смех Каруса.

— Принцы не должны быть смиренными, — сказал он, засунув большие пальцы за пояс и барабанил по своему животу. Мысленное присутствие Каруса напомнило, что никто другой не видит прежнего монарха. Ведь тот канул в прошлое тысячу лет назад.

Несмотря на то что Эйхеус был с Гарриком примерно одного роста, изгиб арочного моста все еще закрывал его лицо. Гаррик оглянулся через плечо. Кровавые Орлы все же следовали за ними, соблюдая дистанцию. В беседке Лизйн и Шарина разговаривали с Теноктрис и Кэшелом. Взоры всех были обращены на камень, странный булыжник, лежавший на столе. Что обнаружила Теноктрис на этот раз?

Эйхеус подходил ближе, шаг за шагом. Он обладал внушительной фигурой, скорее худошавой, нежели мускулистой, и был окружен ореолом величия. У Гаррика создалось впечатление, что прожитая им жизнь подобна жизни векового дуба.

— Лорд Эйхеус? — произнес Гаррик с вопрошающей интонацией, когда они оказались рядом друг с другом.

Остановившись, Эйхеус слегка поклонился.

— Спасибо, что согласились со мной встретиться, принц Гаррик, — сказал он неожиданно тонким, хриплым голосом.

Внезапно Эйхеус перегнулся через перила моста.

— Смотрите, что это там, в воде? — спросил он.

Гаррик посмотрел в пруд. Несколько листьев медленно кружились на водной глади, на одном из камней блеснула лягушачья икра. Прямо под центральной аркой, там, где он и стоял...

В ту секунду Гаррику показалось, что он видит в воде свое собственное отражение и отражение моста, на котором они находятся. Мост в воде был покрыт густой буйной растительностью, ничего подобного на Орнифоле не росло. А из глубины на него смотрел не кто иной, как...

— Спасайся! — закричал ему король Карус.

Но было слишком поздно. Вспышка яркого красного огня, какого не бывает в природе, поразила принца, отразившаяся фигура подскочила вверх, а Гаррик упал вниз.

На поверхности воды они стали одним целым. Раздался грохот, небо будто раскололось надвое.

И образ короля Каруса, жившего в сознании принца, покинул Гаррика.

— Поставь ее сюда, — предложила Лизэйн, указав Кэшелу рукой на стол в беседке.

Прежде чем поставить статую на стол, Кэшел с некоторым сомнением посмотрел на его поверхность. Но Лизэйн не ошиблась — стол оказался очень крепким. Будучи хоть и небольших размеров, он был изготовлен из полированного гранита и мог выдержать даже столь солидную вещь, каковой являлась статуя. Кэшел бережно опустил свою ношу и убедился, что она не качается.

Шарина обняла Кэшела.

— Кэшел, — сказала она, — если бы ты знал, как я рада, что ты здесь. За тобой я как за каменной стеной.

Кэшел покраснел. Она обняла его и произнесла это перед всеми! На мгновение у него перехватило дыхание, не столько от смущения, сколько от гордости.

— Я весь черный от камня, — проговорил он хриплым голосом и поднял вверх руки. Они были перепачканы кусочками осыпающегося от старости мрамора.

— Кэшел... — произнесла Теноктрис, протерев камень подолом своего платья. Кэшел нахмурился. Будучи братом Илны, юноша знал толк в одежде, и ему не понравилось, что волшебница так непочтительно обращается с дорогим материалом. — Посмотри-ка сюда! И как это я раньше не заметила?

Правая рука статуи, очевидно, поднятая когда-то вверх, была отколота у самого плеча, левая лежала на изгибе бедра. На безымянном пальце мраморной статуи сверкало самое настоящее золотое кольцо с рубином. Наверное, Кэшел, пока нес статую, стер с нее слой грязи, скрывавший драгоценность от посторонних взглядов.

— Прекрасная вещица, не правда ли? — спросил Кэшел. Он ждал от Теноктрис дальнейших указаний, однако та отвернулась от статуи и рассеянно уставилась на фонтан.

— Теноктрис? — окликнул волшебницу Кэшел.

Не обращая на него внимания, женщина вытащила из правого рукава бамбуковую палочку. Встав на колени, она начала что-то писать на усыпанном легким слоем песка каменном полу беседки.

Многие волшебники используют магические орудия, сделанные из экзотических материалов. Но предмет, используемый постоянно, накапливает в себе магию каждый раз, когда, применяя волшебство, маг обращается к силам космоса. Теноктрис обычно использовала простую палочку или даже щепку, которые выбрасывала после каждого применения. Она говорила, что, производя заклинания с помощью одного и того же способного накапливать в себе магическую силу предмета, никогда не знаешь наверняка, каким будет результат.

Теноктрис часто говорила, что ее волшебство не слишком сильно. Возможно, так оно и было, судить об этом Кэшел не мог. Но она всегда действовала предельно осторожно, и в прошлом эта осторожность не раз спасала и ее, и Острова — уж это-то Кэшел знал точно.

Шарина и Лизьин смотрели на него выжидающе.

— Ну, давай же, Кэшел, снимай кольцо, — сказала Шарина. — Оно твое.

Сгорая от нетерпения, Кэшел потянул кольцо к себе, и, подняв белое облачко извести, оно соскользнуло ему в ладонь. Кэшел чихнул.

— Интересно, как оно здесь оказалось? — спросила Лизьин, пытаясь получше рассмотреть лежавшее на ладони Кэшела кольцо.

Вглядевшись в заключенные в треугольник слова на древнем языке, Теноктрис вдруг выпрямилась.

— Гаррик! — закричала она. — Кэшел, ты должен его спасти!

— Гаррик! — проревел Кэшел, рванувшись вперед.

Стоя на арочном мосту рядом с красиво одетым незнакомцем, Гаррик смотрел на водную гладь. Крик Теноктрис прозвучал слишком слабо, и Гаррик его не услышал.

Кэшел помчался к принцу что было сил. По пути он схватил посох и теперь крепко прижимал его к телу. Он уже не кричал, потому что для сохранности сунул кольцо себе в рот. Как у любого бедняка, у него осталась привычка прятать несколько монет на черный день, до тех пор пока с ним не рассчитаются за выполненную работу. Вот и сейчас, столкнувшись с опасностью, он спрятал кольцо за щеку.

Красный магический свет, хорошо заметный даже в лучах солнца, вспыхнул вдруг на мосту. Буквально за секунду весь мост оказался охвачен ярко-красным сиянием, а после вспышки водную гладь покрыла розовая дымка.

Гаррик перевалился через перила моста и, ослепленный ярким светом, полетел вниз. Он чувствовал, как сознание медленно оставляет его. Один из солдат, стоявший у подножия моста, тут же прыгнул в воду вслед за принцем.

Пруд был намного глубже, чем казался с берега. Над водой клубился туман. Солдат отчаянно колотил руками и ногами, но вода засасывала его, будто топкое болото. Стражник не успел скинуть с себя хотя бы шлем, и теперь тридцать фунтов стали, кожи и черненной бронзы тянули его ко дну. Даже у человека сильного и смелого шансов выплыть в таком обмундировании практически не оставалось.

Кэшелу не хотелось лезть в пруд. Он боялся воды, так как не умел плавать. Вот и теперь прежний страх обрушился на него с новой силой, но ноги, не слушая кричавшего об опасности голоса разума, несли его вперед, на помощь принцу.

Знакомый маг, с которым ему пришлось сегодня столкнуться в городе, стоял на мосту с поднятыми вверх ладонями. Двое солдат из отряда Кровавых Орлов схватили его за запястья и вынудили опуститься на колени. Незнакомец не сопротивлялся, понимая, что это бесполезно.

Кэшел прыгнул как можно дальше, словно пытаясь перепрыгнуть пруд. Очутившись в воде, он заколотил по ней обеими ногами и одной рукой, не выпуская из другой посох. Фигура его светилась магическим светом. Зажав посох в вытянутой руке, он огляделся вокруг в надежде обнаружить Гаррика. Уже стемнело, соль разъедала глаза, и Кэшел ничего не увидел.

Будучи деревянным, посох, даже несмотря на железный наконечник, легко держался на поверхности воды. К счастью, он был достаточно длинным и, по всей видимости, смог бы достать до дна. Если же такая попытка не увенчается успехом, то палку можно протянуть кому-нибудь из находящихся на берегу солдат, чтобы их с Гарриком вытащили, пока не поздно.

Если и это не удастся, то в последние мгновения жизни ему будет легче от мысли, что он хоть что-то пытался предпринять.

Завывал ветер. В какое-то мгновение Кэшелу показалось, что его зовет Шарина, но крик потонул в этом шквале.

Левой рукой Кэшел нащупал какую-то ткань и потянул ее к себе; вспышка молнии на мгновение осветила пруд, в котором он барахтался. Впереди в ста шагах виднелся берег, и течение само несло туда Кэшела.

Он не знал, где находится, и решил подождать, пока не окажется возле берега и сможет достать ногами до дна. Однако человек, которого он тянул за собой, оказался не Гарриком. Когда при вспышке следующей молнии он подтащил тонувшего поближе, то увидел, что тащит за собой незнакомую девушку примерно одного с ним возраста. Та смотрела на Кэшела застывшими от ужаса глазами. Внезапно придя в себя, незнакомка обеими руками ухватила за его пояс.

Кэшел нащупал посохом дно, затем сделал несколько шагов, гребя рукой. Девушке тоже удалось достать до дна ногами, но течение потянуло ее назад, и только усилие молодого человека помогло ей вновь приблизиться к суше.

Кэшел поглубже воткнул посох в ил, чтобы передохнуть немного, но вода вокруг забурилась, и он снова двинулся к берегу. Он не понимал, что происходит, но точно знал, что должен идти — на это имелось слишком много причин.

Течение несло его обратно. В свете вспышек молний слева от себя он увидел разбившийся во тьме о скалы корабль. У рифов волны поднимались выше мачтовых столбов. В воде барахтались люди, но смытые волнами с борта разбившегося корабля тюки с грузом не позволяли юноше толком сосчитать тонувших моряков.

Течение отпустило его. Кэшел и девушка зашагали к берегу быстрее, вода доставала им лишь до колен. На прибрежных кам-

нях девушка поскользнулась, но Кэшел не остановился. Цепляясь за его пояс, незнакомка поднялась и преодолела последние до берега ярды уже самостоятельно.

Внезапно Кэшел услышал долгий, протяжный скрежет. Он решил, что это завывает в обломках корабля ветер. Но оказался не прав. Когда Кэшел оглянулся, его обуял такой ужас, что юноша с трудом удержался на ногах...

У рифа над разбившимся кораблем возвышалась огромная голова чудовищной рептилии. При свете молнии Кэшел хорошо разглядел на коже влажные чешуйки с опаловым блеском. Чудище зависло над водой еще на несколько секунд, затем исчезло в морской пучине.

Девушка упала на песчаный берег. Кэшел поднял ее на руки и отнес подальше, туда, где их не доставали даже самые сильные волны.

Бережно опустив незнакомку на песок, он достал из-за щеки колечко и бросил его в кошелек, всегда висевший на шнурке на шее Кэшела. Пальцы онемели, юноша весь дрожал от холода.

Собравшись с последними силами, в благодарность за спасение он заложил алтарь Пастырю. Но опоздал. Совсем немного...

Глава третья

Гаррик ударился о воду лицом. Он не потерял сознания, просто слегка оцепенел, словно накачанный парализующими снадобьями.

Яркая вспышка вывела его из этого состояния. Он попытался закричать, но рот тут же заполнился водой и гниющими листьями, и крик превратился в удушающий хрип.

Сильно забив о воду руками, Гаррик ухитрился всплыть. И он, и Шарина чувствовали себя в воде как выдры, и лишь немногие в деревне Барка могли похвастать таким же мастерством. Даже уходившие на лодках далеко в море рыбаки, каждый день рисковавшие попасть в шторм, были не столь умелыми.

Вода почернела от скопившихся на ней листьев. Большие ветки сплетались над головой принца, почти целиком закрывая собой небо. Гаррик свалился в этот бурлящий поток с карниза разрушенного здания, возвышавшегося на крутом заросшем берегу.

Странное чувство не покидало принца.

На карнизе, откуда он упал, возник женский силуэт, и Гаррик услышал:

— Гар! Что случилось?

Принц понимал ее, хотя и не должен был, потому что та, что стояла над ним, не была человеком. Точнее, не совсем человеком. Согласно поверьям, подобные косматые существа населяли Байт.

— Тинт спасет тебя! — закричало существо и прыгнуло за ним в воду.

— Со мной все в порядке! — сказал Гаррик. Но это было не так. Опасность утонуть ему не грозила — плавал юноша отлично, — однако неясное беспокойство не покидало принца. Он посмотрел на свои руки. Они были темными, словно после летней пахоты, хотя последние месяцы, став принцем, он стал выглядеть намного бледнее крестьян с Хафта.

Почему я один? Где король Карус, его постоянный спутник и советчик? Гаррик схватился за шею, пытаясь нащупать шелковую ленту с коронационной медалью, знаком королевской власти. Но на нем не оказалось никакой одежды, даже туники. Лишь между ног болталась прикрывающая чресла грубая как мешковина тряпка.

На юношу потоком нахлынули воспоминания. То не были воспоминания Гаррика ор-Рейзе. Клиновидные челюсти размером с печь для выпечки хлеба тисками сомкнулись прямо на его голове.

Сильные пальцы схватили его за правое плечо и потянули вверх.

— Тинт спасла тебя! — закричала ему в ухо девушка-обезьяна. — Тинт спасла тебя!

Тинт гребла к берегу, откуда он и упал. Гаррик коснулся ее руки и попытался освободиться от цепкой хватки, но ничего не

вышло. Поток воды оказался слишком бурным и уносил их от руин, с которых упал Гаррик. Когда-то богато украшенное здание поддерживали десять опор, торчавших из воды. Здание выглядело довольно высоким, а ширина обветшавшего карниза, с которого свалился принц, составляла не более пяти-шести футов. Это был какой-то алтарь или храм с арочными нишами для статуй.

Над водой торчала коряга. Тинт ухватила за нее свободной рукой и, подтянувшись, уцепилась еще и крючковой волосатой ногой, решив именно здесь выбираться на берег.

Гаррик попытался нащупать дно ногами, но вместо этого сильно ударился пальцами о каменную стену искусственного канала. От боли он скорее всего ушел бы с головой под воду, но девушка-обезьяна вытащила его, как мешок с зерном, на берег и уложила на землю.

И тут же начала прыгать вокруг Гаррика на четверснях.

— Тинт — спасательница, — гордо повторяла девушка-обезьяна. — Гар спасен.

— Спасибо, Тинт, — сказал Гаррик. Образ сомкнувшихся на его голове челюстей до сих пор не выветрился из сознания. Также не выходили из головы и другие неясные человеческие образы. На него кричали, его били, как бьют собаку.

Живот свело судорогой. Он бы никогда не пнул пса, и никто не осмелился ударить бы его самого, иначе обидчик уполз бы прочь с переломанными ногами. Гаррик подумал, что, наверное, смог бы так поступить, если бы очень рассердился.

Но челюсти...

Морские волки, гигантские морские ящерицы, с короткими лапами и длинными плавниками, иногда приплывали из моря к деревушке Барка, чтобы полакомиться овцой или коровой. Гаррик охотился на них. Однажды морской волк вцепился ему в ногу и едва не убил.

Он провел рукой по коже. На ноге навсегда остались шрамы от длинных клыков. Но на этом теле шрамы отсутствовали. Мускулы были твердыми как камень, намного сильнее, чем у Гаррика, принца Гаррика. Он больше не существовал в том обличье, в котором родился.

— Гар? — запрыгала вокруг него девушка-обезьяна, которой передались волнение и беспокойство Гаррика.

— Все в порядке, Тинт, — сказал он, пытаясь придать своему голосу уверенность. Юноша встал. С телом все оказалось в порядке, только это было не его тело.

Что ж, нужно привыкать к новому телу.

Гаррик сощурил глаза, вглядываясь в храм, и наконец увидел то, что искал. Тот зубец на другой стороне стены, где челюсти огромного морского волка закрылись, вонзая в него страшные клыки. Гаррику стало любопытно, как же его тело перенесло такую травму, если мозг выжить не смог?

— Что-то не так, Гар? — спросила Тинт, тоже поднимаясь на ноги. Встав в полный рост, она доставала лишь до середины груди Гаррика. Девушка принялась пальцами соскребать с него грязь. Его голова заросла косматыми волосами, такими, как баранья шерсть зимой. Вдобавок ко всему теперь он носил еще и неопрятную бороду.

— Ничего не случилось, Тинт, — ответил Гаррик, в отчаянии окидывая взглядом джунгли, состоявшие из карликовых пальм и каких-то других, более высоких деревьев, росших, казалось, повсюду. Взгляд юноши упал на плоские камни под сплетенными корнями большой магнолии, и он подумал, что джунгли скрывают развалины большого поселения.

— Ничего такого, в чем ты могла бы мне помочь, — прибавил Гаррик.

Возможно, помочь не сможет уже никто. Никто в этом мире.

Выбравшись на сухой песок выше линии прилива, Кэшел сел, достал кусок овечьей кожи и принялся протирать посох. Со стороны казалось, что он просто полирует палку, но именно таким образом он привык размышлять над ситуациями, в которых оказывался. Кэшел всегда носил под ремнем кусок овчины. Она счищала с посоха все шероховатости, полировала дерево, не давала появиться ржавчине на стальном наконечнике.

Девушка подошла к нему. Кэшел скрутил для нее свою тунику — вместо подушки. пляж был в основном песчаный, но попадались и камни.

— Владычица... — пробормотала девушка. Левой рукой она сжимала медальон, висевший у нее на шее на серебряной цепочке.

Шторм утих; оставшиеся облака быстро скользили по чистому небу. Кэшел уже успел рассмотреть медальон при свете звезд — овальный кусок хрусталя в серебряной оправе имитировал паука, обхватившего лапками диск.

Кэшел не хотел бы носить такой медальон, правда, никто ему этого и не предлагал.

Девушка опустилась на песок.

— Мы уже в безопасности? — спросила она, уставившись на Кэшела. Незнакомка попыталась прочистить глаза от разедавшей их соли. — Ты один из солдат?

— Думаю, опасаться нам нечего, — ответил Кэшел. Говорил он хриплым голосом, юношу мучили тошнота и слабость — должно быть, наглотался соленой воды, пока боролся со стихией, хотя даже и не помнил этого. — Я не солдат, но здесь есть и другие люди. Их выбросило волнами на берег. Полагаю, среди них могут оказаться и солдаты.

Не самое лучшее время для разговоров. У Кэшела совершенно не осталось сил на общение с незнакомыми людьми, да еще в незнакомом месте. Море продолжало выбрасывать на берег остатки корабельного груза, человеческие тела, бревна и снасти. Не все были живы, но кое-кто все же подавал признаки жизни.

— Кстати, — сказал Кэшел. — Меня зовут Кэшел ор-Кенсет.

К девушке уже вернулось спокойствие. Она ощупала себя, проверяя, все ли кости целы после борьбы со стихией, затем попыталась встать.

Но ноги не слушались, и она вновь опустилась на подушку из туники Кэшела.

— Я — леди Тильфоза бос-Фолиал, — с чувством собственного достоинства сообщила она. — Мы — на Лауте, мастер Кэшел?

Кэшел нахмурился.

— На Лауте? — переспросил он. — Не знаю э... леди Тильфоза. Я не из этих мест.

Рядом, на берегу, лежал огромный кусок дерева. Возможно, ялик или часть корпуса разбившегося корабля. Один конец его был приподнят, другой скрывала вода.

Вдруг что-то со свистом пронеслось рядом с обломками корабля и приземлилось на песок рядом с тем местом, где сидели Кэшел и девушка. На песке крутился, словно волчок, некий шар, озарявший все вокруг необычным сиянием.

Кэшел замер. Затем, все-таки решившись подойти поближе, потихоньку поднялся. Для обретения уверенности в собственных силах он покрутил посохом в воздухе. Простое упражнение придало сил больше, чем целый день отдыха.

— Мастер Кэшел! — позвала его девушка. — Что случилось?

— Сюда прилетел светящийся шар! — ответил Кэшел. — Это дело рук волшебников.

Он шагнул вперед, оставив Тильфозу за спиной — на случай, если ей понадобится защита. С семифутовой дубинкой, обитой на конце железом, выглядел Кэшел устрашающе.

Светящийся шар оказался размером с человеческую голову. Он подскакивал над землей, не касаясь ее, подпрыгивая на высоту ладони. Шар был словно соткан из очень легкой дымки, такой прозрачной, что через нее хорошо просматривались разбросанные по песку камешки.

— Не бойся, Кэшел, — сказала девушка, поднимаясь на ноги, и тихо пробормотала: — Это Метра, она ищет меня.

— Леди Тильфоза! — раздался за обломками корабля женский голос. — Вы в порядке?

— Да, у меня все хорошо, Метра! — сказала девушка и зашагала по песку, осматривая берег. Сначала она немного пошатывалась, но затем ее походка обрела твердость. Сияющий шар растворился в воздухе, будто тень в лучах солнца.

Нахмурившись, Кэшел последовал за ней. Происшествие все-таки обеспокоило его, несмотря на то что шар не представлял никакой угрозы для жизни. И все же... Когда они двинулись вдоль берега, он держал посох у груди, а не на плече. Может быть, Метра и не опасна, но в таком месте им может угрожать и кто-то другой. Например, огромный змей, прячущийся в бушующем море.

Навстречу шла полная темноволосая женщина лет двадцати, в черном платье с белыми, перекрещивающимися спереди полосками. В результате кораблекрушения платье сильно пострадало и пришло в негодность.

Глаза Кэшела сузились. Солнце еще не встало над горизонтом, и было еще темно, но он сумел ее разглядеть. Женщина напомнила парня, который натравил на него утром рабочих на стройке.

— Леди Тильфоза! — воскликнула незнакомка. — Слава Владычице, вы живы!

Тильфоза обняла ее.

— Да, она спасла меня, послав на выручку мастера Кэшела. Кэшел, это Метра, дочь Владычицы. Она — псаломщица в Храме Лунной Владычицы в Донелле, а также моя компаньонка и советчица, по крайней мере до тех пор, пока я не выйду замуж.

— Я — опекунша леди Тильфозы, — обращаясь к Кэшелу, надменно произнесла Метра, показывая тем самым свое к нему отношение. — А вы кто, сир?

— Я — Кэшел, — ответил юноша. Голос его вновь стал хриплым, но пребывание в морской воде тут уже было ни при чем. — Я из деревни Барка. Леди, а у вас нет старшего брата? Такого типа, который думает, что может купить все, что пожелает. А если ему это не удастся, то он подкупает бандитов.

— Что? — удивилась Метра. — У меня было три сестры: две родились уже мертвыми, а третья умерла в младенчестве. Ей не исполнилось еще и годика. О чем это вы?

За поясом ее платья торчал похожий на нож предмет с надписью на Старой Вязи. Это был магический жезл. Теперь Кэшел понял, что Метра, несмотря на ее заявление, что она лишь прислуживает при храме, является волшебницей.

— Я встречал такого человека в Вэллесе, — резко сказал Кэшел и неожиданно для себя смутился, видимо, оттого, что теперь уже обе женщины смотрели на него с удивлением. — Он очень похож на вас. И одет был так же.

Метра покачала головой.

— Я ничего не знаю о Вэллесе, — коротко сказала она. — А что касается платья, то такие носят все Дети Владычицы. Мо-

жет быть, один из наших жрецов решил съездить в Вэллис, но он вовсе не является моим родственником.

Она бросила на Кэшела еще один надменный взгляд.

— Итак, сир, — сказала она, — все-таки объясните нам, что вы здесь делаете.

— Я и сам не могу этого понять, — грубо ответил ей Кэшел, скрывая неуверенность и не желая выглядеть беспомощным в присутствии дамы. Снова вспыхнул мерцающий свет. На этот раз не магический, а от костра, разожженного спасшимися после кораблекрушения людьми с помощью сухой травы и собранных на берегу ветвей пандана. — Мой друг упал в пруд, и я хотел его спасти, а вместо этого оказался здесь.

— Где это «здесь»? — потребовала объяснений Метра. — Разве мы не на Лауте?

Один из мужчин, сидящих у костра, встал. В темноте был хорошо слышен его громкий, привыкший отдавать приказы голос:

— Жрица выбралась на берег? Приведите ее сюда! Я хочу с ней поговорить.

Один из его товарищей громко ответил:

— А я не хочу с ней разговаривать. Поверьте, она кормила того змея, который напал на наш корабль. Это все из-за нее!

Метра повернулась и посмотрела в сторону костра. Губы ее были плотно сжаты, и этим она вновь напомнила Кэшелу незнакомца из Вэллиса, который пытался отнять у него статую. Дочь Владычицы промолчала.

Небо становилось все чище. Кэшел узнал многие созвездия, только здесь они располагались как-то иначе. Расстояние между Быками было слишком большим, а ноги Стрельца находились выше Чаши, а не ниже, как им следовало.

Метра вновь внимательно посмотрела на Кэшела.

— Ну? — опять спросила она. — Мы на Лауте?

— Он же сказал, что тоже нездешний, — бросила Тильфо-за, расстроившись и обозлившись на свою опекуницу. — Метра, он спас мне жизнь. Вытащил меня из воды!

Кэшел откашлялся.

— Я был в Вэллисе, — сказал он. — И что-то... забросило меня сюда. Но я не знаю что.

— Вы волшебник? — спросила Метра. Она отступила назад и едва заметно взмахнула жезлом — в воздухе вспыхнул ярко-голубой магический символ. — Вы — волшебник!

— Я не маг, — рявкнул Кэшел. Он крепко сжал посох и, воткнув его перед собой в землю, начал вращать, словно желая вкрутить наконечник дубинки в песок. — Повторяю еще раз, я не маг. Просто здесь происходит что-то непонятное, вот и все.

Кэшелу не хотелось даже думать о том, где он и что с ним будет. Вот оставался бы пастухом, помогал односельчанам, и ничего бы не случилось.

Юноша тяжело вздохнул. Всем всегда было наплевать на то, чего хотел Кэшел, и последнее приключение стало еще одним тому подтверждением.

— Госпожа Метра! — закричал один из стоящих у костра мужчин. — Если вы живы, идите сюда, или Сестра заберет меня, за то, что я не сумел вас уберечь!

Огонь притягивал к себе спасшихся. Уцелевшие матросы шли к нему со всего берега и, проходя мимо женщин и Кэшела, бросали на них косые взгляды.

— Это вас, капитан Мауникс, — произнесла Тильфоза. Не оставалось сомнений — через несколько минут капитану сообщат, что Метру видели всего в нескольких шагах от костра.

— Хотите, я пойду с вами и буду охранять, пока не закончится этот разговор? — спросил Кэшел. Он помахал посохом и протер его наконечник краем туники, чтобы очистить от песка. Юноша вновь обрел спокойствие, потому что ситуация изменилась, и теперь он мог показать, на что способен.

— Чтобы успокоить их? — усмехнулась Метра. — Нет, я справлюсь с этими глупцами сама.

— Мы направляемся на Лаут, потому что я должна стать женой принца Талемуса, — объяснила Тильфоза. В ее голосе звучала гордость. — Он — правитель Лаута.

— Талемус? — переспросил Кэшел. — Я думал, что правителя этого острова зовут Эйхеус. Я видел его в Вэллесе, когда пытался спасти Гаррика.

Метра, направившаяся было к костру, остановилась, услышав слова Кэшела, и резко обернулась, держа в руках магический жезл, напоминавший юноше оружие.

— Что вы сказали? Что вы знаете о Эйхеа?

— Эйхеусе, — поправил ее Кэшел. Он взялся за середину посоха так, чтобы можно было биться обоими концами. — Я о нем ничего не знаю, леди, кроме того, что он разговаривал с моим другом Гарриком.

Возникла напряженная пауза. Тильфоза положила Кэшелу руку на плечо.

— Эйхеа была нашим врагом, — спокойно сказала она. — И врагом Владычицы. Но теперь она умерла. Ты ведь в этом уверена, правда, Метра?

— Да, была уверена, — сказала жрица, сделав ударение на слове «была». — Вы видели человека по имени Эйхеус в Вэллесе? И этот волшебник забросил вас сюда?

Кэшел грозно потряс рукой, затем снова схватился за посох.

— Не знаю, кто забросил меня сюда, — сказал он. — Я даже не знаю, где нахожусь.

Капитан перестал кричать и сам, в сопровождении спасшихся матросов, направился навстречу Метре.

Кэшел вновь посмотрел на неверно расположенные звезды.

— А кто является Правителем Островов? — спросил он. — Ты знаешь?

— Правителем? — переспросила Тильфоза. — Ну, конечно, знаю. Король Карус. А ты думал кто?

От необходимости отвечать Кэшела избавили подошедшие моряки.

Глава четвертая

Шарина удержалась и не прыгнула вслед за Кэшелом, хотя особого труда для нее это бы не составило. Лизин и Теноктрис остались в беседке, и посоветоваться было не с кем. Даже если бы юноша не прыгнул в воду, а остался с ней, это мало бы что изменило. И хотя Кэшел не умел плавать, Шарина верила — он сделает все возможное.

Кэшел постарался запрыгнуть в воду как можно дальше, чтобы оказаться поближе к тонущему, затратив при этом не слишком много сил. Распластавшийся на поверхности Гаррик медленно шел ко дну под тяжестью одежды и меча.

Кэшел должен был упасть в воду недалеко от принца. Шарина стояла на вымощенной камнем дорожке, заросшей мхом от сырости. Она ждала шумного всплеска воды, такого, что производит брошенный в воду камень. Но Кэшел исчез бесшумно, как уходит в горячий песок вода.

Изменился и сам пруд. Только сейчас Шарина заметила над ним медленно рассасывавшуюся розовую дымку.

Гаррик продолжал тонуть. Пара солдат уводила с моста Эйхеуса, остальные толпились у пруда. Один из них уже прыгнул туда, другие готовились последовать за ним. Облаченные в доспехи, они представляли собой пловцов ничуть не лучше Кэше-ла. Шарина не могла доверить им жизнь брата и решила действовать сама.

Девушка прыгнула в воду, и ее тут же обожгло холодом. Она забыла, что вода поступает сюда из наполняющихся от родника фонтанов и не успевает прогреться. Принцесса подплыла к брату, схватила его за расшитый золотом воротник, подтянула к себе и перевернула лицом вверх, отчего по воде пошла рябь.

Девушка изо всех сил била по воде ногами и гребла к берегу свободной рукой. Платье стесняло движения, но она старалась не обращать на это внимание. Ах, если бы только у нее было время сбросить королевский наряд! Впрочем, теперь это уже не имело значения.

Она не позволяла себе думать о Кэшеле. Теноктрис все ей объяснит или...

Нет, нет, не думать об этом сейчас.

Один из солдат на берегу протянул своему барахтающемуся в воде товарищу копьё и выволок ухватившегося за древко друга на сушу. Несколько Кровавых Орлов помогли Шарине вытаскивать из воды Гаррика и осторожно уложили его на траву.

Шарина нахмурилась. Она могла вылезти из воды и сама, но чтобы обогнуть солдат, помогавших вытянуть принца, ей пришлось проплыть немного дальше. Ноги все еще не доставали до дна.

Несколько минут назад казалось, что в этой части сада никого нет, и своей первозданностью он напоминал только что пропаханную в поле борозду. Сейчас же два десятка солдат и слуг, примчавшихся из разных уголков дворца, суетились и кричали от ужаса и неизвестности.

Гаррик лежал на животе с повернутой в сторону головой. Кровавые Орлы толпились вокруг принца, один из них даже как-то неловко пытался вдохнуть в него жизнь.

Шарина, выбравшаяся на берег неподалеку, проскользнула между уже отчаявшимися увидеть принца живым стражами. Один из них схватил ее за плечо. Девушка обернулась и прикрикнула на него:

— Ну, ты, невежа! — Брошено это было тем тоном, каким она привыкла выражаться, помогая на постоялом дворе отцу.

— Принцесса! — пробормотал солдат испуганно. — Прошу прощения!

— Пропустите меня к нему! — приказала Шарина стражнику, массиравшему спину Гаррика в надежде восстановить дыхание. Грудь уже поднималась и опускалась без постороннего вмешательства, но из легких исходил жуткий хрип, свидетельствовавший о том, что с принцем что-то не так.

Гаррик открыл глаза. Какое-то время он смотрел на солдат пустым, остекленевшим взглядом; на лице его не отражалось никаких чувств, а потом...

Шарина не могла сказать, какая именно произошла перемена. Она поняла лишь одно: человек, находившийся в теле ее брата, не Гаррик.

Кровавые Орлы, конвоировавшие Эйхеуса, присоединились к толпе. Заступник шел спокойно, как человек благородного происхождения, достойно переносящий удары судьбы.

Гаррик оперся рукой о землю, привстал, откашливаясь и выплевывая соленую воду, и улыбнулся перепуганной Шарине.

— Все в порядке, — прошептал он. — Со мной все будет хорошо.

Лорд Аттапер, командир Кровавых Орлов, пробился к принцу через галдящую толпу. На нем была короткая, как это и при-

нято у военных, туника, отороченная золотом и пурпурным кантом, на поясе висели пустые ножны.

— Что с принцем? — спросил Аттапер. Голос его дрогнул, но лорд тут же взял себя в руки. Вопрос прозвучал резко, как при обходном маневре противника, когда только быстро принятое решение позволит защитить фланги. Левая рука Аттапера лежала на ножнах из слоновой кости и была слегка напряжена, что придавало его позе особое достоинство.

— Мы поймали его! — отозвался один из солдат, конвоирующих Эйхеуса. — Это тот самый...

Солдат замолчал. Он не знал наверняка, что случилось, но видел, что Эйхеус находился рядом с Гарриком, когда тот упал.

Все посмотрели на Заступника.

— Мы встретились с принцем Гарриком на мосту, — произнес Эйхеус высоким голосом, который хоть и не резал слух, но все-таки был тоньше обычного и непривычен для восприятия. — Поздоровались, но вдруг что-то в воде привлекло его внимание, возможно, даже испугало. Прежде чем я успел схватить его за руку, он свалился с моста.

Гаррик посмотрел на Шарину; их взгляды снова встретились. Она протянула ему руку, желая помочь встать на дрожащие от недавнего напряжения ноги. Один из Кровавых Орлов тоже попытался поддержать шатающегося принца, но Гаррик оттолкнул его. Сделав над собой усилие, принц выпрямился во весь рост и бросил злобный взгляд на Эйхеуса.

— Вы в порядке, Ваше Величество? — спросил Аттапер. Капитан десятки раз сталкивался со смертью и не страшился ее, но сейчас на его лице читался явный испуг.

Шарина понимала мрачные мысли Аттапера. Если бы Гаррик умер, в первую очередь в этом обвинили бы капитана. Прозвонив это сейчас, на Островах воцарился бы хаос.

Эйхеус посмотрел на Аттапера и громко обратился к толпе, словно Гаррика и не было рядом:

— Когда принц начал падать, то по выражению его лица я понял, что принц Гаррик, возможно, потерял рассудок. Даже у таких молодых людей, как Его Величество, может случиться помутнение сознания и...

— Нет, предатель, — перебил чужака Гаррик. Хотя эти слова произнес человек, как две капли воды похожий на ее брата, Шарина не узнавала в нем того, с кем выросла. Правой рукой принц схватился за рукоять длинного меча. — Я бы не потерял рассудок, если бы не твои магические фокусы!

— Ваше Величество? — удивился Аттапер. Солдаты, державшие Эйхеуса за руки, инстинктивно отступили назад. Тот открыл было рот, чтобы что-то ответить, но от испуга не смог выдать из себя ни слова.

Гаррик выхватил из ножен меч, с которого стекали капли воды.

— Нет! — закричал Заступник и попытался отскочить в сторону, но было уже поздно. Острая сталь меча перерезала шею и прошла дальше. Голова Эйхеуса покатилась по земле, на лице уже навсегда сохранилось выражение страха, а тело рухнуло на месте.

Гаррик все еще держал меч в руке. С длинного, в несколько футов, клинка стекали яркие капли крови.

Когда Гаррик выхватил меч и нанес им удар, Илна сохранила полное спокойствие, даже не вздрогнула. Голова незнакомца в капюшоне цвета моря слетела с плеч, фонтаном брызнула алая кровь.

— Что ж, вот человек, который владеет своим ремеслом в совершенстве! — Чалкус вслух высказал то, о чем подумала и Илна. Девушка тоже знала свое дело и обратила внимание лишь на исполнение, а не на суть случившегося.

Происшествие — точнее, убийство — никак ее не тронуло. Илна не знала незнакомца, которому отрубили голову на берегу пруда, но ее не взволновало даже то, что расправу учинил Гаррик.

С другой стороны, Илна сама... Она надеялась, что сделает нужные выводы из ошибок прошлого, но это ничего не меняло. Ведь как ни крути, те преступления оставались на ее совести.

Сначала Илна не поняла, что делает Чалкус. Моряк пал ниц перед принцем и поклонился, подняв вверх руки. Своими дви-

жениями Чалкус показывал, что безоружен и не представляет опасности для жизни принца. То был знак уважения одного мастера по отношению к другому...

Гаррик опустился на колени, схватил мертвеца за рукав и резко дернул. Илна слышала о силе принца, но не думала, что ему удастся разорвать шелк и парчу голыми руками.

Ткань затрещала. Гаррик встал на ноги, вытирая лезвие меча об оторванный лоскут блестящей ткани. Девушка вздрогнула.

Один-единственный молниеносный удар меча заставил замолчать как стоявших рядом, так и тех, кто находился на другом берегу. Рядом с Илной теснились зеваки, желавшие взглянуть, что же произошло. Гаррик огляделся, словно ястреб на охоте, и взор его остановился вдруг на Илне, стоявшей на другой стороне пруда, всего в нескольких шагах от него. Когда девушка поймала на себе взгляд принца, сердце ее едва не выскочило из груди. Но это длилось лишь секунду.

— Гаррик? — произнесла Шарина. Она даже не пошевелилась, когда ее брат срубал незнакомцу голову — любое неосторожное движение несло с собой риск оказаться калекой, попав под горячую руку. На узорах своей ткани Илна видела лишь признаки угрожавшей принцу опасности, но никак не эту резню. Шарина и все остальные понимали произошедшее еще меньше.

Со стеклянного балкона вниз, туда, где стоял Гаррик и лежало тело мага, спустилась, слегка прихрамывая, Теноктрис. Солдаты из отряда Кровавых Орлов, не пропустившие волшебницу к принцу сразу, теперь смущенно, досадуя на самих себя, прокладывали ей дорогу через толпу. Гаррик увидел старуху и приветственно кивнул.

— Принцесса Шарина, — громко сказал он, — леди Лиэйн и вы, Теноктрис, мне нужно поговорить с вами. Пройдемте в зал для совещаний, там нам никто не будет мешать. Аттапер, никого не пропускать!

— Гаррик! — окликнула его Илна.

Она приподняла подол платья, готовясь перепрыгнуть искусственный поток там, где тот сужался. Чалкус, все видевший и наверняка понимавший больше, положил руку ей на плечо.

— Пусть останется! — прорычал Гаррик и, отвернувшись, что-то скомандовал солдатам.

Затем он снова взглянул на Илну. Рука, твердо сжимавшая меч, когда принц рубил голову волшебнику, сейчас предательски дрожала.

— Госпожа, — произнес Гаррик таким тоном, какого девушка никогда прежде не слышала от своего старого друга, — обещаю, мы еще побеседуем с вами, но не сейчас.

Повернувшись к ней спиной, он удалился.

Илна достала из рукава моток ниток, который машинально, без особой надобности, прихватила с собой, и начала вязать узлы, пытаясь привести в порядок мысли.

Девушка не замечала ничего вокруг. Тем не менее она знала, что смотрит на человека, которого любила с детства. Теперь между ними пылал адский огонь.

Дождевая вода накопилась в углублении камня, выдолбленного десятки лет тому назад. Гаррик изучал в ней свое отражение. Он уже больше не пугался нового лица. Эти черты были знакомы ему с самого рождения, пусть их и скрывала теперь густая растительность. Темные волосы поседели в том месте, куда, оставив глубокие следы, вонзились клыки огромного морского волка.

— Гар, пойдем ловить ящериц? — позвала Тинт. Девушка обезьяна протянула к нему руку, но тут же ее отдернула. Она явно боялась дотрагиваться до него, когда он пребывал не в лучшем расположении духа. — Здесь в камнях живут ящерицы.

Гаррик посмотрел на нее.

— Тинт, ты понимаешь, что я говорю? — спросил он. — Когда я так говорю?

Девушка произносила слова, издавая шелкающие и хрюкающие звуки. Хотя Гаррик, теперь Гар, понимал ее, он не мог воспроизвести подобные звуки, впрочем, как и Тинт не смогла бы произнести обыкновенные человеческие слова.

Тинт пожала плечами и поскребла затылок.

— Тинт слышит, — сказала она немного скучающим голосом. — Тинт слышит и других людей тоже, только они не слышат Тинт.

Нахмурившись, она добавила:

— Тинт не любит других людей!

Гаррик встал на ноги и огляделся. Находившиеся вблизи развалины были древними, но прежде чем на них выросли джунгли, здесь кто-то жил. Архитектура этих старых сооружений не отличалась ничем особенным, но они не имели ничего общего и с той архитектурой, о которой ему доводилось читать в старинных книгах. Он мог находиться сейчас на Орнифоле, хотя очень сомневался в этом, или где-нибудь на Хафте.

— Гар, пойдем охотиться на ящериц? — снова предложила Тинт, переминаясь с одной ноги на другую. — Или на змей, их тоже здесь много.

Она пожала плечами.

— Змеиный Остров! — сказала Тинт и, обхватив себя руками, бросила на Гаррика голодный взгляд. — Мы уходим! Гар, мы достанем кольцо для других мужчин и уйдем.

Гаррик резко посмотрел на нее.

— Каких еще других мужчин? — спросил он. — Почему мы здесь, Тинт?

Та вновь пожала плечами.

— Племя Вескея, — сказала она. — Наше племя. Они отправили нас на Змеиный Остров на лодке из гнилого бревна, чтобы мы достали магическое кольцо. Другие люди не чувствуют его запах и не слышат Тинт.

Она опустила на четвереньки и начала быстро водить головой из стороны в сторону.

— Плохое место, — произнесла девушка-обезьяна. — Много змей!

Гаррик задумался над ее словами. Кроме щебета и трелей, на которые никогда не обращаешь внимания в повседневной жизни, даже если живешь рядом с лесом, откуда-то доносились и пронзительные звуки, напоминающие крики кошки, попавшей при прыжке лапами в костер. Гаррик подумал, что, возможно, это кричит какая-нибудь птица, хотя такое «пение», если долго его слушать, наверное, сильно действует на нервы.

Он порывлся в закромах памяти Гара и получил некоторое представление об упомянутом Тинт племени. То была банда из

двадцати или более вооруженных до зубов человек, некоторые из которых носили на глазу повязку, кое у кого не доставало конечностей.

Именно они били и пинали Гара, набрасываясь на него не от злости, а просто из желания позабавиться.

— Тинт, — заявил он, — ты покажешь мне, где это кольцо. Если мы его найдем, то сможем покинуть остров.

Сейчас Гаррик был уверен лишь в том, что его положение в племени — наверняка представлявшем собой обычную шайку разбойников — может измениться в лучшую сторону по сравнению с тем, которое занимал Гар. Успех в поисках кольца мог стать началом для перемен к лучшему.

— Тинт покажет, — сказала девушка-зверь, вновь пожав плечами. — Кольцо скрывают камни. Тинт будет их нюхать.

Тинт направилась в лес на берегу канала. Гаррик шел за ней следом. По дороге он зацепился за скрюченную бамбуковую ветку и упал.

— Гар идет? — позвала его уже скрывшаяся в чаще Тинт. — Пойдем, Гар!

— Подожди! — прокричал юноша. Гара покрывали синяки и ссадины, а чтобы пролезть сквозь заросли, пришлось встать на четвереньки. Обогнуть чащу он не решился — для этого нужно было пройти через внутренний двор строения, настолько разрушенного, что оно больше походило на обычную грудку камней и песка.

Гаррик вздохнул. До сих пор он никак не мог понять, откуда да взялись мозоли на ладонях у Гара, — теперь выяснил.

Большинство размытых воспоминаний Гара было связано с его страхами или боязнями, а не с повседневными занятиями. Из них Гаррик смог понять только то, что Тинт и Гара шайка держала на положении слуг, которым не нужно платить за работу, или животных, которых можно истязать. Они носили воду, поддерживали в очаге огонь и получали за это объедки со стола бандитов.

Неплохая жизнь, совсем неплохая... для животных. При мысли об этом лицо Гаррика омрачилось.

Тинт нашла его прежде, чем он сам сумел разыскать ее. Недовольство девушки-обезьяны сменилось заботой, она не мог-

ла понять, что послужило причиной произошедших с ее другом перемен.

Гаррик весело улыбался. Он и сам не мог дать ясных объяснений, но полагал, что Заступник с Лаута объяснит случившееся.

Когда Гаррик посмотрел с моста вниз, куда указывал Эйхелус, он, прежде чем отражение Гара сменило его собственное, увидел на дне пруда некий узор. Рисунок складывался из сверкающих кусочков. Тинт назвала это место Змеиным Островом, и теперь Гаррик вспомнил, что именно увидел тогда. Змеиные чешуйки.

Развалины простирались на несколько миль, хотя больше напоминали огромный дворец, чем город. Здания с богато разукрашенными фасадами, облицованные мрамором кирпичные стены... Во многих местах дворец разрушали умышленно. Со временем на его месте разросся лес, и оставшиеся после битвы развалины оказались погребенными под корнями деревьев.

Тинт привела Гаррика туда, где по разбросанным обломкам построек можно было легко угадать их прежнее предназначение. Раньше эти разрушенные каменные стены и колонны плотным кольцом окружали находившиеся внутри десятки, а то и сотни небольших жилищ.

Огонь довершил гибель древнего поселения, и защищавшая его стена превратилась в груды черных камней. Насыпь давно покрылась мхом, на ней росли грибы, готовые при одном лишь прикосновении к ним взорваться и разбросать кругом оранжевые шарики спор.

Бамбук здесь рос только в одном месте, зато ветки сосен сплетались между собой в живые изгороди, пряча иголки за кронами других деревьев. Почва вокруг некогда существовавшей деревушки оказалась слишком болотистой, что способствовало росту низких, не выше коленей, кустарников. Гаррик поднялся с четверенек, на которых передвигался по чаще для большего удобства. Они подошли к сваленным в кучу кускам стены.

Тинт вскрикнула и забегала рядом с ним, ее лицо перекосило выражение ужаса.

— Нет, Гар! — визжала она, подпрыгивая на четвереньках. — Гар умрет! Гар умрет!

Гаррик застыл на месте, вытянув руки по швам — этим он надеялся успокоить своего проводника.

— Понятно, Тинт, я не должен двигаться, — быстро произнес он. — Скажи, что мне угрожает.

— Грибы убьют! — ответила Тинт и дотронулась до Гаррика лапой-рукой, но не для того, чтобы вновь поставить его на четвереньки, а указывая на опасность. — Гар дотронется до грибов, Гар умрет!

Девушка-обезьяна плавно махнула рукой, указывая на яркие наросты на дождевиках. Ее тело покрывали грубые, желто-рыжие волосы, такие же длинные, как и у Гаррика.

Он кивнул, показывая, что понял Тинт. Даже в его родной деревушке росли ядовитые грибы, но с такими, таящими в себе смертельно опасные споры, юноша столкнулся впервые. Оставалось лишь довериться знаниям девушки-зверя, которая разбиралась в грибах так же хорошо, как Теноктрис в волшебстве.

— Как мы...

Ствол виноградной лозы с широкими, как у арбуза, листьями, рядом с которой стояла Тинт, закачался вдруг, и девушка-обезьяна будто окаменела.

— Тинт? — позвал ее Гаррик, дотронувшись до плеча. Она мелко дрожала, как осиновый лист на ветру. Гаррик проследил за ее неподвижным взглядом.

Огромная змея кольцами обвилась вокруг дерева. Ее клиновидная голова была величиной с кулак Гаррика, а пятнистое тело таким же толстым, как и его рука. Он не мог точно определить длину змеи — десять футов, двадцать, может быть, больше. Но она вполне могла напасть на застывшую от ужаса Тинт.

Хвост змеи подрагивал, отчего листья лозы тревожно шуршали. Она слегка приподняла голову, мышцы упругого тела сжались перед броском. Девушка-обезьяна обреченно заскулила:

— Ху... Ху... Ху...

— Прыгай назад, Тинт, — прошептал Гаррик. Его спутница вполне могла отскочить футов на пятнадцать; это позволило бы ей оказаться вне пределов досягаемости чудовища.

Но страх приковал бедняжку к земле. Гаррик даже не был уверен, что она расслышала его слова. Правой рукой, которую закрывала спина девушки, он развязал узел на своей набедренной повязке.

Змея вновь пошевелила хвостом. Большинство змей уползают, если им предоставляется возможность отступить, но только не эта. Ее изогнутое тело было цвета горячей серы, а когда рептилия открыла пасть, обнажились огромные зубы, на кончиках которых блестили капельки яда.

Гаррик прыгнул влево от Тинт, размахивая перед собой набедренной повязкой. Будь у него время, он нашел бы камень и, пользуясь повязкой как пращей, метнул бы в чудище снаряд. Но времени не было.

Змея набросилась на него. Она оказалась намного проворней, чем полагал Гаррик. Сомкнув на его длинной шерсти зубы, гадина издала громкий клацающий звук. Гаррик увернулся, схватив змею чуть ниже головы обеими руками. Бежать было поздно. Встав на четвереньки, Гаррик подставлял под острые зубы то бедро, то плечо.

Тинт вышла наконец из оцепенения, прыгнула — сначала подальше от змеи, потом назад, будто жаба, дергающаяся во все стороны, и закричала.

Змея обвилась вокруг правой руки Гаррика. Рептилия была очень сильной, даже сильнее, чем он ожидал, но все же вырваться из захвата у нее не получалось. Гаррик чувствовал, как острые чешуйки режут его мозолистые ладони.

— Тинт! — крикнул он и завалился на левый бок, прямо на камень, рискуя если не сломать ребро, то уж точно получить парочку синяков. Боль была нестерпимой, словно его поразило молнией. — Помоги мне!

Девушка-обезьяна подпрыгнула ближе и завершала. Змея попыталась вонзить зубы в предплечье Гаррика; ее длинный хвост начал закручиваться кольцом, ударяя его по лицу и глазам.

— Дузи! — воззвал он, из последних сил ударив змею о камни. Что-то хрустнуло. Гаррик отбросил подальше мерзкое тело, с ужасом вспоминая пережитый страх.

Змея продолжала извиваться, теперь уже в предсмертных конвульсиях, потом в последний раз разинула страшную пасть и наконец затихла.

Гаррик медленно поднялся, потирая бок. Синяк останется, но ничего серьезного. Набедренная повязка валялась рядом с лозой, куда он ее и бросил. Яд насквозь пропитал небольшой, размером с ладонь, кусок ткани, и юноша не стал к ней прикасаться. Не та одежда, в которой стоит начинать перемены к лучшему.

— Гар в порядке? — спросила Тинт. Она подползла к нему с боку и погладила. — Гар в порядке!

Гаррик погладил ее в ответ. Девушка-зверь не смогла преодолеть страх, хотя и попыталась ему помочь. А сам Гаррик с отвращением вспоминал, как еще недавно держал в руке извивающуюся змею.

— Покажи мне, где кольцо, Тинт, — прохрипел Гаррик. — Это все, чего я хочу. Найди мне кольцо.

Шарина вошла в комнату для совещаний вслед за Гарриком, двигавшимся настороженно, будто загнанная в западню дикая кошка, и все еще державшим меч наготове.

Когда он упал в пруд, девушка очень испугалась, сейчас же ее охватил просто панический ужас.

Гаррик обошел круглый стол и повернулся к трем сопровождавшим его женщинам. Лизэйн помогла Теноктрис опуститься на стул. Шарина посмотрела Гаррику в глаза.

Принц снова стал протирать меч куском шелка, хотя на лезвии не осталось уже ни единого пятнышка.

— Когда он попытался отпрыгнуть, я испугался, что проткну ему челюсть. Ничто так не зазубривает меч, как человеческие зубы.

— Гаррик, что случилось? — спросила Шарина, всматриваясь в брата и не узнавая его.

Принц, не глядя, вложил меч в ножны. Плавный и одновременно быстрый жест требовал определенного навыка, сродни тому, каким должен обладать человек, в темноте продавающий нитку в игольное ушко.

— Что случилось? — переспросил он. — А вот что... Я не Гаррик, госпожа. Тот колдун...

Его лицо исказила гримаса; он прорычал последнее слово так, если бы произнес «матереубийца» или даже нечто похуже.

— Он лишил вашего брата разума, наделив его мозгами какого-то слюнявого, невесть откуда взявшегося придурка!

Мужчина, внешне очень похожий на ее брата, которого Шарина знала девятнадцать лет, уставился на стаю птиц, изображенную на фреске между потолком и оконными створками. Но вот их взгляды встретились, и у девушки вновь возникло ощущение, что перед ней загнанный в ловушку зверь.

Теноктрис встала с табуретки из слоновой кости и опустилась коленями на пол. С помощью кисточки и маленькой роговой чернильницы, которые волшебница достала из рукава, она начертила шесть больших символов.

— Этот умник, Заступник, думал, что оставил Острова без монарха, потому что теперь принц не смог бы даже сам кушать, — сказал мужчина, улыбнувшись Шарине. На его лице появилось знакомое ей с детства выражение — такое бывало у Гаррика. — Но он не знал того...

Мужчина полез под тунику, вытащил из-под нее висевший на шее медальон, а затем продолжил:

— Это то, что никогда не давало Гаррику оставаться один на один со своими мыслями. Сейчас в моей голове продолжает жить полоумный хнычущий мальчишка, не ведающий, что будет дальше. Но мне дано носить тело Гаррика, а ему нет.

Продолжая широко улыбаться, незнакомец открыл медальон, чтобы показать, кто же он на самом деле.

— Меня зовут Карус, — сказал он. — Тысячу лет назад я правил Островами.

Вспышка голубого цвета, яркая, но не сильная, осветила символы, которые начертила на каменном полу Теноктрис. Одна искра с треском, подобно оводу, полетела в сторону говорящего, но исчезла прежде, чем он успел схватиться за рукоять меча.

Теноктрис покачнулась. Стоявшая рядом Лиэйн подхватила старую волшебницу, опередив Шарину. Магия — тяжелый дар, особенно если бремя знаний превосходит силу тела.

— Да, — произнесла Теноктрис, поднявшись при помощи Лизйн на ноги. Она слабо улыбнулась. — Вы — Карус.

Король Карус глубоко задышал, отчего его грудь задвигалась подобно мехам.

— Леди Теноктрис... — начал он, но замолчал и отвел взгляд в сторону. Король так яростно сжал рукоять меча, что его белые пальцы покраснели.

— Леди Теноктрис, — продолжил Карус и, посмотрев на волшебницу, криво усмехнулся. — Я делал и буду делать все, чтобы защитить королевство до тех пор, пока мой потомок Гаррик не вернется на свое законное место. Я даже согласен взять на роль советника волшебницу, хотя предпочел бы в это трудное время довериться мечу.

Он отпустил рукоять оружия и вновь улыбнулся, на сей раз уже искренне.

— Но, дорогая леди, — негромко, то ли в шутку, то ли всерьез, произнес король, — пожалуйста, не испытывайте мое терпение. Я бы не хотел в запале отрубить вам голову, если вы примените магию, не предупредив меня.

К удивлению Шарины, Теноктрис присела в реверансе.

— Ваше Величество, я старая женщина, которая проводит больше времени за книгами, чем за колдовством, и с людьми военными познакомилась лишь недавно. Вы были для меня не человеком, а ждущим решения вопросом. Прошу прощения за непочтительность. Если это повторится, можете меня обезглавить.

Карус рассмеялся и вышел из-за стола. Лизйн шагнула к нему, но не очень уверенно; Карус обхватил ее за плечи и без всяких церемоний поднял на руки, лицо его светилось радостью.

Бережно поставив смущенную Лизйн на ноги, он протянул Теноктрис руки ладонями вверх.

— Я смотрел на вас глазами Гаррика с тех пор, как вы появились на берегу, — сказал он. — Наблюдал я и за вами, — обратился король к Лизйн и Шарине. — Вы спасете королевство, когда оно будет на краю гибели, в еще худшем, чем сейчас, положении. Вы вместе сделаете больше, чем мы с Гарриком пооди-

ночке. Я знаю вашу доброту и уверен, что вы нужны королевству. Но, заклинаю вас именем Пастыря, дорогие леди, пожалуйста, не пугайте меня без лишней надобности. Договорились?

Теноктрис положила свои маленькие ручки на руки Каруса, то есть Гаррика. Огромные, с длинными пальцами и мозолями от меча на правой ладони руки.

— Договорились, — сказала она.

— Ваше Величество. — Голос Лиэйн был ровен, а выражение лица абсолютно непроницаемо. — Почему Заступник с Лаута пожелал избавиться от Гаррика? За титул Повелителя Островов с Орнифолом могли бы поспорить правители Сандракана и Блэйза, но только не Лаут.

Карус пожал плечами, но когда отошел от Теноктрис, от недавней улыбки не осталось и тени.

— Полагаю, это связано с каким-то волшебством, — сказал он. — Как именно, не знаю. Но прошу вас, Лиэйн и все остальные, пожалуйста, называйте меня Гарриком или Вашим Величеством только в официальной обстановке. В остальное время я для вас просто Карус. А вы для меня — Лиэйн, Теноктрис и Шарина. Договорились?

— Хорошо, Карус, — сказала Шарина, и Теноктрис поддержала ее:

— Да-да, конечно.

Лиэйн же просто кивнула. Лицо ее оставалось напряженным. Наконец она выдавила из себя слабую улыбку, вздохнула и, немного расслабившись, рассмеялась.

— Да, конечно. Сожалею, что так получилось. Просто меня немного обескуражило ваше... твоё предложение. Но я понимаю, для тебя это важно. Думаю, все будет в порядке.

— Вот и прекрасно, — заявил Карус. Похоже, поделившись своей тайной, он почувствовал себя увереннее, хотя стены по-прежнему как будто давили на него. — Перейдем к делу.

Посмотрев на женщин, король ухмыльнулся. Глядя на него, Шарина чувствовала, что может довериться Карусу так же легко, как Гаррику или Кэшелу.

— Дело в том, что королевство, во избежание раскола, нуждается в Гаррике. За ним пойдет и знать Орнифола, и простой

люди. Его приказы они выполнять будут, по крайней мере большинство из них.

— Орнифол — это еще не все Острова, — тихо, но так, чтобы Карус услышал, произнесла Лизэйн.

— Нет, и никогда их не заменит, — сказал Карус, понимая, что его проверяют. — Гаррик будет управлять единым королевством, клянусь честью.

Он замолчал, на его лице вновь появилась улыбка. Глядя на Каруса, никто бы не усомнился в том, что перед ним молодой человек, а не старик, получивший это тело лишь несколько минут назад. — Правители других островов еще не покорились Гаррику, но даже сейчас они уважают его за то, что делается для блага королевства. И то, что Лердок использует Союз Запада в качестве заслонной лошади, доказывает это. Не так ли, госпожа?

Карус наклонился и, опершись на маленький круглый столик, потрепал Лизэйн по щеке, и та, несколько ошеломленная столь интимным жестом, слегка его оттолкнула. Тенотрис наблюдала за их забавой снисходительно, словно разглядывала порхающих вокруг подсолнечника зябликов.

Карус выпрямился и повернулся к Тенотрис.

— Пока все думают, что Гаррик продолжает править королевством, у тебя есть время, чтобы вернуть душу Гаррика в его тело.

— Ты вполне можешь сойти за моего брата, — сказала Шарина. — По крайней мере сейчас, когда ты в его теле.

— Да, я наблюдал за всем, что происходило в эти месяцы, с тех пор как он стал носить это. — Карус опять показал медальон, а затем убрал его под тунику. — Кроме того, все его воспоминания остались при мне.

— Тебе известно все, что знал Гаррик? — удивилась Шарина.

— Нет, — ответил Карус, — только то, что он помнил. Гаррик многое уже забыл, впрочем, как и все вы. Но я не хочу оказаться в неловком положении, когда кто-то поздоровается со мной на улице, а я не узнаю Кога ор-Варсела, у которого есть гусь, каждый день провожающий своего хозяина до таверны. Может возникнуть и другая проблема, хотя...

Карус нахмурился. Он дотронулся до стены, где были нарисованы сидящие на решетке и греющие на солнце крылышки птицы, и вновь стал похож на загнанного в угол тигра.

— Понимаете, — продолжил король приглушенным тоном, — я беспокоюсь не за то, что Гаррик уже сделал, а за то, что его попросят сделать. Мне придется поступать как подобает королю: принимать ответственные решения, сдерживать не-приятеля, не допускать споров в совете. Я был королем, дамы, то есть, я хотел сказать, друзья...

Он ударил кулаком по левой ладони — раздался треск, будто где-то рядом прозвучал разряд молнии.

— Был королем и не справился с этой миссией! — закончил мысль Карус. — Я думал, что мудрость заключается в быстрых действиях, но иногда следовало повременить, а мне не хватало терпения, и я быстро выходил из себя, особенно когда не получал скорых результатов.

Он улыбнулся. Выражением лица, таким одухотворенным и возвышенным, король сейчас вновь напоминал Гаррика, но было в этом лице и что-то от печали, мудрости и усталости много повидавшего в жизни человека.

— И я ненавидел волшебников, как люди — пауков, — продолжал Карус. — Ненавидел и боялся их, друзья мои, и потому допустил, чтобы с помощью магии королевством завладели враги. Никто не сумел помочь мне в трудный час, даже мой меч оказался бессилён.

Шарина положила руку на плечо Теноктрис.

— Теперь у тебя есть волшебница.

Теноктрис кивнула.

— Чем смогу, помогу, — подтвердила она.

— Твоя помощь и так очень пригодилась для спасения королевства, — сказал Карус. — Видел это собственными глазами.

— Я знаю, что в решении всех государственных вопросов мой брат очень полагался на советы Лиэйн, — продолжила Шарина. — Он доверял ее мнению больше, чем королевскому совету.

— И мнению Лиэйн, и твоему тоже, — сказал Карус. — Я знаю об этом и доверяю вам обеим, надеюсь, что вы сможете

мне справиться с королевскими делами. Но первое поручение — для тебя, Теноктрис. Ты должна вернуть Гаррика, чтобы я смог вновь стать всего лишь духом, невидимым советником принца.

Печально покачив головой, он добавил:

— Эйхеус не первый, кому я в гневе отрубил голову. Но если бы он остался жив, то мог бы дать ответы на кое-какие вопросы. Я крайне сожалею о случившемся. И почему никто не убил его парой часов ранее? Не было бы никаких проблем.

Теноктрис поднялась на ноги.

— Думаю, Заступник сам сможет подсказать мне, кем он был на самом деле. Понимаете, его мозг еще не успел разложиться. Ты позволишь, Карус?

Бывший правитель поморщился, словно это его собирались резать.

— Да, поступайте так, как считаете необходимым. Только я присутствовать при этом не стану. — Он твердо сжал губы. — Хотя если нужно, то непременно буду. Ради спасения королевства я готов на все.

— В этом нет необходимости, — сказала Теноктрис, направившись к двери. — Хотя, может быть, мне поможет Илна?

Ее слова прозвучали как вопрос. Карус согласно кивнул. Он не улыбнулся, не помрачнел, но что-то в выражении лица изменилось.

— Да, — сказал король, — а я пока побеседую с мастером Чалкусом. Возьми себе в помощники Илну. И любого другого, в ком будет необходимость и у кого крепкий желудок!

Шарина с Лизйн встали и присоединились к Теноктрис. Карус поднял вверх палец, пытаясь привлечь их внимание.

— Шарина. Я хотел бы, чтобы ты присутствовала во время моей беседы с Чалкусом. Думаю, в присутствии такой красивой девушки разговор будет более приятным.

Шарина улыбнулась.

— Да уж, — сказала она, присаживаясь на табуретку из слоновой кости. — Могу себе представить.

Лизйн, перебирая в руках замок от походного столика и стараясь не смотреть на короля, спросила:

— Ваше... Карус, ты говорил, что знаешь обо всем, что делал Гаррик?

— Сказав так, — ответил король, — я солгал, госпожа. Все, что, возможно, произошло между тобой и принцем Гарриком, останется только вашей с ним тайной. И я скорее умру, чем ты что-нибудь об этом услышишь.

Он рассмеялся и добавил:

— А уж я-то знаю, что значит быть мертвым. И вот, после смерти, достиг даже большего, чем за время своего правления.

Продолжая смеяться, король взял под руки Лиэйн и Тенок-трис и повел их к двери.

Утреннее солнце так низко стояло над землей, что тень от острова падала на риф, ставший причиной гибели корабля Тильфозы. Ветер стих, волны, хотя и бились о рифы, заметно присмирели.

Деревушка Барка находилась на востоке Хафта, и еще несколько месяцев назад Кэшел даже представить себе не мог, что будет смотреть на море с запада.

— Мастер Кэшел? — окликнула его Тильфоза. — Что вы собираетесь делать?

Кэшел обернулся и нахмурился. Хороший вопрос. Юноша и сам сотни раз задавал его себе, но не знал, что ответить сидящей на куске застывшей лавы девушке.

— Что говорит твоя волшебница? — спросил он, все еще хмурясь. Сам Кэшел доверял капитану Мауниксу не больше, чем Келларду ор-Сейму, пьянице из деревни Барка, однако Тильфоза плыла на его судне, возможно, она думает по-другому. — Или капитан?

— Метра колдует, — сказала Тильфоза, указывая в сторону пальм, к которым, будто защитная ширма, был привязан кусок парусин. Оттуда поднимались клубы оранжевого дыма, уносимого легким бризом. — Она хочет узнать, есть ли у нас шанс доплыть до пункта назначения на обломках корабля и не нападет ли на нас Эйхеа.

Она не упомянула о капитане Мауниксе, возможно, будучи о нем того же мнения, что и Кэшел.

— Эта большая змея живет не везде, — сказал Кэшел, поглядывая на море, от которого отражались лучи солнца, под-

нявшегося наконец повыше. — Во всяком случае, там, откуда я родом, она не обитает.

Тильфоза пожала плечами.

— В наши времена все возможно, — сказала она. — Темные силы, что врашаются в космосе, вырвались на свободу и достигли высшего могущества. Вот почему я должна выйти замуж за принца Талемуса. С ним вместе мы сможем вернуть Владычицу к жизни. Но Хаос тоже обладает силой, и темные существа могут нам повстречаться где угодно.

Кэшел заметил, что Тильфоза как-то буднично рассуждает о магии и о силах, которые использовали или пытались использовать волшебники, так крестьянин говорит о холодной, но бесснежной зиме — опасность существует, но ничего необычного в этом нет.

Из корабельной команды выжили лишь человек двадцать. Они уныло бродили по черному песку, вытаскивая из воды чем-то заинтересовавшие их обломки корабля и складывая на берегу, там, где среди зарослей гигантских папоротников росли лобелии и герани величиной с большой куст.

Когда взгляды солдат падали на ширму, за которой колдовала волшебница, они хмурились. Такие же недовольные взгляды, обращенные на него и Тильфозу, Кэшел ловил и тогда, когда моряки думали, что он не смотрит в их сторону.

Юноша улыбнулся. Видимо, чтобы понравиться этим людям, нужно сотворить что-то дурное.

Капитан Мауникс исследовал маленький корабельный ялик, выброшенный штормом на берег. Вместе с ним этим занимались два его закадычных друга — долговязый, бледный Костас и низкорослый, с рыжей копной волос, паренек по прозвищу Крюк, которого так звали, возможно, потому, что у него на левой руке недоставало трех пальцев.

Кэшел часто работал в лесу и мог бы рассказать много полезного о состоянии ялика, но юноша предполагал, что капитан не питает к нему теплых чувств, впрочем, и он сам не питал таковых к капитану. Но оказаться в компании загребавших ногами песок моряков ему совсем не хотелось.

— Я пройду, исследую остров, — сказал Кэшел. — Попробую отыскать какой-нибудь ручей или родник.

Дождевая вода залила небольшую ямку в камнях, как раз выше линии прилива. Кэшел уже напился из этой лужицы, Тильфоза же, испытывая отвращение, пить такую воду не желала. Смеркалось и стало прохладно, но им пока удалось найти лишь мутную от песка, поднятого в воздух порывами сильного ветра, воду, хотя буйная растительность острова подтверждала, что и она пригодна для питья.

— Эх-хе, — пробормотал Кэшел, вкручивая кончик посоха в песок, так ему лучше думалось. С тех пор как они встретились, он не мог оставить девушку одну, с не внушающими доверия солдатами или колдуньей Метрой. — Хочешь пойти со мной?

Кэшел чувствовал себя ответственным за Тильфозу, как и за любого другого, кто нуждался в помощи. Жизнь в маленькой деревушке приучила его всегда приходить на помощь слабому. Крестьянская доля, даже когда один помогал другому, все равно оставалась неимоверно тяжелой.

Тильфоза ответила легким кивком.

— Да, — сказала она. — Когда я смотрю на море, то вспоминаю напавшего на наш корабль дракона. Благодаря магии Метры он не смог утащить наше судно на дно, но зато швырнул корабль на камни. Я думала, что утону.

Покраснев от смущения, она улыбнулась Кэшелу.

— Ты бы не утонула, — тихо ответил юноша и взглянул на капитана, потом на ширму, за которой продолжала колдовать волшебница. Поднимавшийся оттуда дым был теперь красным. — Море видно из любой точки острова, и чтобы не заблудиться, мы сможем использовать его как ориентир, когда будем возвращаться назад.

Он посмотрел на древовидный папоротник — нет, не то. Можно протиснуться сквозь его ветки, но из-за них не видны огромные валуны застывшей лавы, которые валялись повсюду и делали местность практически непроходимой. В следующий раз Кэшел поймал себя на мысли, что ошибся с выбором маршрута, когда они пробирались по тропе, заросшей искривленными, сучковатыми кустарниками, в которых он с удивлением узнавал гигантские лесные герани, фиалки и даже лютики.

Кэшел носил крепкие сандалии, в которых удобно ходить по каменистым дорогам Вэллеса. Здешняя земля тоже была богато усыпана острыми камешками от тех самых вулканических глыб, которые море разбивало о берег и разносило по всей прибрежной полосе.

— Кто эта Эйхеа, которая доставила вам столько неприятностей? — спросил Кэшел из любопытства, а еще в надежде отвлечь девушку от одолевавших ее грустных мыслей. Посохом он раздвигал ветки растений, и Тильфоза могла следовать за ним, не рискуя поцарапаться или порвать одежду.

— Это великая колдунья, — ответила девушка. — Враг Владычицы. Она разбила драгоценный камень... или даже два. Вновь соединенные вместе, части камня помогут вернуть Владычицу к жизни.

Кэшел проскользнул между стволами двух бегоний. Любому другому потребовался бы топор, чтобы прорубить дорогу в этих дебрях, юноша же чувствовал себя в лесу так же уверенно, как и дома. По срезанным острым ножом веткам он всегда мог узнать возраст дерева и определял, сумеет ли повалить дерево одним ударом. Этот талант помогал ему и здесь.

Кэшел сосредоточенно обдумывал слова девушки, будто это были собранные в поле камни и он сооружал из них стену. Не все кусочки вставали на место, но иногда, когда меняешь их местами, начинает получаться нечто столь же крепкое и прочное, как кладка умелого каменщика.

Много раз Кэшела ставили в тупик кое-какие высказывания, которым он не придавал особого значения в самом начале их встречи. Но только не теперь.

— Если Эйхеа противостоит твоей Владычице...

Еще в начале своего знакомства с Тильфозой он подумал, что самое первое произнесенное ею слово, «Владычица», означает благодарность Великим Богам за спасение, как и те молитвы, с которыми Шарина обращается к Небесной Госпоже и ее спутнику Пастырю. Сейчас Кэшел уже не был в этом уверен.

— Тогда почему Метра сама не соберет их воедино и не осуществит свои намерения?

Он слышал шум моря, но в густом лесу не мог выбирать нужное направление движения по одним лишь звукам. Стволы

сплетались друг с другом, скрывая море от их взглядов, только кое-где оно проблескивало через тесно сросшиеся ветки. Даже сейчас, несмотря на то что до них доносился шум прибоя, неслышимый прежде, нельзя было утверждать со стопроцентной уверенностью, что они находятся у берега моря.

— Рисунок появляется лишь раз в тысячу лет, — объяснила Тильфоза. — Эйхе разбила его, а затем спрятала осколки. Так она хотела помешать Владычице вернуться.

Девушка с большим трудом пробивалась сквозь подлесок, хотя Кэшел старался выбирать ровные тропинки и обходил стороной поваленные стволы. Тильфоза не могла больше поддерживать разговор — она устала и явно нуждалась в передышке.

— Когда мы с Талемусом поженимся, камни на наших обручальных кольцах воссоздадут рисунок и Владычица сможет вернуться в этот мир!

— А-а-а, — пробормотал Кэшел. Не то чтобы он не верил девушке, просто Великие Боги не имели ничего общего с миром, в котором жил он сам. — Наверное, у тебя есть и книги, в которых ты все это прочитала?

Они дошли до огромного, в несколько обхватов бука. Дерево давно изгнило и раскололось надвое, но там, где от него хоть что-то осталось, появилась молодая поросль.

Сверху донесся легкий, словно захлопал в ладошки ребенок, шум крыльев. На верхних ветках дерева разместились какие-то существа, поочередно взмывавшие в небо. Девушка вскрикнула, но существа не обратили на нее внимания. Это были не птицы; разглядев их получше сквозь листву, Кэшел убедился, что и на летучих мышей они не похожи.

— Давай передохнем немного, — предложил Кэшел, хотя сам еще и не устал. Тильфоза не жаловалась, но он заметил, что подошвы ее высоких шнурованных ботинок сделаны из тонкой замши. В таких хорошо ходить по коврам, а не по усыпанной острыми камнями земле.

Девушка согласно кивнула и уселась на поваленный ствол, давая отдых уставшим ногам. Сырой, полный грибов лес ничем не мог навредить уже прошедшей испытание кораблекрушением тунике.

— Владычица посылает сны тем, кто ей поклоняется, — продолжила Тильфоза, восстановив дыхание. — Конечно, их видят только жрецы, но мы все ощущаем ее присутствие. Я знаю, потому что сама чувствовала это в себе.

— Ага, — кивнул Кэшел. Больше он ничего говорить не стал — еще в раннем возрасте юноша понял, что лучше спорить с овцой, чем с тем, кто слепо уверен в своей правоте.

Заросли папоротника рядом со сломанным деревом цеплялись корнями за пласты известняка. Теперь, сидя в полной тишине, Кэшел услышал слабое журчание и заметил струившийся по камням ручей.

— Нашли! — воскликнул он, вскакивая с бревна.

— Кэшел, что это? — не слушая его, оживленно спросила девушка, а затем уверенно объявила: — Золото!

Она указывала пальцем в основание незнакомого растения с острыми, длинными листьями и пушистыми темно-красными цветами. Под вылезшими из земли тонкими корнями виднелся ажурный рисунок, сделанный на бледно-желтом металле, золоте, как предположила Тильфоза.

Вода могла и подождать. Кэшел подкинул свой посох сначала правой рукой, затем левой, убедившись, что наконецник не соскочит, если разгребать им листву и корни. Перехватив посох посередине обеими руками, он шагнул вперед.

— Что это за трубки? — спросила Тильфоза. — Нет, это не трубки, это просто каркас чего-то, ведь так?

— Не знаю, — ответил ей Кэшел. — Ни что есть, ни чем было.

Стволы и ветки уже проросли сквозь трубки и переплелись с ними. Кэшел сбил с находки растения и с большой осторожностью попытался измерить ее длину. Полная рука двойных шагов, в четыре раза длиннее, чем он сам. Трубочки соединяли между собой несколько коробочек из такого же металла, самая большая из которых оказалась размером с небольшую кожаную лодочку. Металл был гладким и невыразительным, никаких знаков на нем не обнаружилось.

Неведомый предмет сильно пострадал от удара и вошел в землю на значительную глубину. Верх и бок предмета от сопри-

косновения с землей погнулись, отчего он утратил первоначальную форму веретена.

Кэшел посмотрел вверх. Эта штука откуда-то упала, но откуда? Какими тогда должны быть крылья, принесшие лодку на остров и обронившие ее? Или же...

Как бы там ни было, случилось это очень давно.

— Похоже, действительно каркас, — согласился Кэшел. — Золото сохраняется в земле дольше, чем другие металлы, которые гибнут или ржавеют.

Тильфоза, обойдя предмет вслед за Кэшелом, заметила на нем полустертый рисунок. Не выказав особых чувств, она произнесла:

— Да, это очень старая вещь.

Концом посоха Кэшел постучал по трубке, разломившейся от удара. При соприкосновении с ней железного наконечника посоха раздался мелодичный звук.

— Видишь этот корень? — спросил юноша. Еще один упавший бук, больше предыдущего, придавил трубку корнями. Дереву, по подсчетам Кэшела, было несколько веков.

Нахмурившись, он присмотрелся к трубке получше. Наконечник посоха не оставил царапин на металле, а ведь золото очень мягкое...

Опустившись на колени, он вытащил из деревянных ножен клинок. Рукоять ножа была изготовлена из бараньего рога, а лезвие выковано бродячим кузнецом Акхитом. Будучи слишком маленькой деревушкой, Барка не имела собственного кузнеца.

Акхит выковал острие из того же железа, из которого изготавливались лошадиные подковы, но закалил его быстрыми чередующимися ударами и погружением в стылую воду. Оно, конечно, было не очень крепким, но вполне годилось, чтобы выковырять камень из копыта быка, отрезать хлеба на ужин и обеспечить прочие нужды простого крестьянина.

Острие ножа должно было оставить отметку на золоте, но не оставило ничего. Следовательно, это не золото.

— Пойдем отсюда, пора возвращаться, — выпрямившись в полный рост, произнес Кэшел и убрал нож на место, чтобы дер-

жать посох обеими руками. Оружием нож он никогда не считал — таковым ему служил верный посох. — Нужно рассказать остальным, что мы нашли воду.

Было и кое-что еще, но об этом Кэшел говорить никому не собирался.

Они с Тильфозой повернули назад, двигаясь по уже знакомому пути довольно быстро. Им хотелось поскорее уйти подальше от места, где находился непонятный предмет, упавший откуда-то сверху на холм и там разбившийся.

— В прежние времена существовали люди, которые летали по воздуху на кораблях, — сказала Тильфоза. — Об этом написано в священных книгах.

— Мне об этом ничего не известно, — мрачно произнес Кэшел. Было бы, конечно, интересно узнать, какие священные книги имеет в виду девушка, но проявлять любопытство он не стал. — Я не умею читать.

Он первым стал спускаться по склону, чтобы поймать девушку, если та соскользнет вниз; если же поскользнется он, то по крайней мере не собьет ее с ног.

— Ты уверен, что мы идем в правильном направлении?

— Мы идем немного в стороне от того пути, по которому пришли сюда, — объяснил он. — В глине нет таких острых камешков, и, значит, идти будет легче. Мы выйдем к морю немного южнее нашего лагеря, но сможем пройти к нему берегом.

Заросли папоротника уже почти закончились, когда Кэшел услышал вопли. Кричал один из моряков.

— Капитан Мауникс! Все сюда!

— Что случилось? — испуганно спросила Тильфоза, выглядывая из-за плеча Кэшела и стараясь унять охватившую ее дрожь.

— От меня ни на шаг, — приказал он и, крепко зажав в руке посох, шагнул сквозь колючие растения, словно по песку.

Трое солдат стояли возле безжизненно распластавшейся на песке, с раскинутыми в стороны руками и ногами фигуры. Другие члены команды карабкались к ним по каменистому склону. Среди них был и капитан.

— Что за шум? — прокричал Мауникс. Капитан держал в руке выхваченный из ножен небольшой кривой меч, его при-

ятель Костас — лук, а Крюк — сделанную из шпата дубинку с шипами на конце.

— Посмотрите сами! — прорычал моряк.

Быстро взглянув вниз, Кэшел увидел истерзанное тело девушки, примерно одних лет с Тильфозой. Кто-то разорвал ей грудь и выгрыз сердце и легкие.

У Тильфозы перехватило дыхание, но она не закричала, хотя имела на то все основания.

— Это моя служанка Матона! Я думала, она утонула.

— Нет, — покачал головой Кэшел. — Когда ей разорвали грудную клетку, девушка была еще жива — посмотрите, сколько вокруг крови. Все случилось, должно быть, ночью, тело уже начало разлагаться.

— Что же это? — проревел Мауникс. — Что за чудовище живет на этом проклятом острове?

Кэшел отвернулся, уставившись на сплетенные заросли кустов. Он бы многое отдал за возможность не искать ответ на вопрос капитана.

Глава пятая

Чьи-то пальцы закрыли рисунок, который плела Илна. Немного сбившись с узора, складывавшегося из переплетенных нитей, девушка отпрянула назад, не совсем понимая, что с ней происходит. Сознание не контролировало поступки, всем управляла захлестнувшая ее ярость.

Чужие пальцы, более сильные, чем ее собственные, пытались вырвать у девушки нитки. Сила демонического заклятия ломала ее волю. Это заклятие являло собой приговор самого низшего уровня Ада как для жертвы, так и для самой девушки.

Способность ясно воспринимать окружающее вернулась к Илне так же внезапно. На нее смотрел Чалкус, его пальцы развязывали ее узлы с мастерством опытного моряка.

— Тебе не следует делать это, дорогая, — спокойным голосом произнес Чалкус.

Илна, будто злой шершень, зашлась в крике:

— Ты хочешь всю жизнь провести с воронами, которые клюют падаль, букашка? Или сомневаешься, что я могу это устроить?

— Да, знаю, ты можешь заколдовать любого; тебе, сердечко мое, это по силам, — ответил Чалкус и, соединив нити, намотал их на мозолистую ладонь. — В другие времена ты могла бы сделать все, что захотела; но только не сейчас. Не сейчас и, надеюсь, не так.

Протянув вперед руку, он бросил ей смотанный клубок.

К ним подбежала Мерота. На ней была та же самая туника, в которой девочка занималась. Илна нахмурилась. Не могла придумать ничего лучше, как выйти на люди в такой нескромной одежде!

Девушка несколько раз глубоко вздохнула, пытаясь прийти в себя, ноги дрожали; на мгновение ей показалось, что она вот-вот упадет. Чалкус, стоявший за ее левым плечом, был готов в любой момент подхватить Илну или подать руку, на которую девушка смогла бы опереться. Вцепившись в него, Илна почувствовала, что силы постепенно к ней возвращаются.

— Ты видел, что он со мной сделал, — прошептала девушка, вперив взгляд в пол. Мерота, прочно обосновавшаяся в ее жизни, сдерживала выход низких чувств Илны он-Кенсет крепче, чем кандалы — преступника. Ничего Илна не боялась больше себя самой и того, что могла натворить, потеряв контроль над собой.

Ни о чем другом девушка так не жалела, как о том, что уже сделала, пойдя на сделку с дьяволом и став обладательницей необычного дара, управляемого лишь гневом или ее собственной холодной расчетливостью.

— Я все слышал, — сказал Чалкус. — И будь ты мужчиной, моя дорогая, лежать бы тебе с выпущенными кишками. Не делай больше так.

— Мне очень жаль, — прошептала Илна. — Но я настолько разозлилась, что не...

Она засмеялась, удивившись своей откровенности, но для Чалкуса это не стало сюрпризом.

— В какой-то момент я стала сама собой, — поправилась девушка. — Такое случается нечасто.

Илна подошла к стоявшей молча Мероте. Обняв девочку, другой рукой она прижала к себе Чалкуса. Крепкие объятия Илны показались ему лишь слабым прикосновением — наверное, так ощущает прикосновение детской ладошки каменная стена, — а вот Мерота, стиснутая с двух сторон, взвизгнула.

Они отстранились друг от друга. Чалкус посмотрел на дверь небольшой постройки, окруженной солдатами из отряда Кровавых Орлов. Там с тремя женщинами находился Гаррик. Другими женщинами.

— Дорогая... — добродушно обратился моряк к Ильне. В другой раз она набросилась бы на него за такое обращение, но не сейчас. — Ты применяла когда-нибудь свое искусство, чтобы убить того, кого любишь? Если такой момент настанет, воспользуйся лучше тем маленьким ножом, который носишь на поясе. Или...

На его губах блуждала улыбка, но глаза оставались серьезными.

— ...обратись ко мне. Это то, к чему у меня талант.

Переправившись через водный поток, толпа зевак разбилась на мелкие группки. Идущие под руку или просто шагающие рядом горожане обсуждали между собой те чудеса, свидетелями которых им довелось стать. По собственному опыту Илна знала, что большинство из них даже не видели того, о чем увлеченно рассказывали.

Все еще злясь на себя за дурные намерения, Илна постаралась выбросить нехорошие мысли из головы.

— Нет, — заявила она. — Я не такая дуручка, как ты думаешь; по крайней мере не тогда, когда друзья могут удержать меня от необдуманного поступка. Гаррик умен и дальновиден. Полагаю, у него были веские причины поступить именно так.

— Илна, — позвала ее Мерота. Девочка держалась как настоящая леди, несмотря на не совсем подходящее платье и взъерошенные волосы. — Ты заметила, сначала Гаррик был так гро-

жен, а потом повел себя как-то смешно? Может, ты это видела на ткани?

Илна наградила девочку холодным взглядом.

— Ты подслушивала нас с Чалкусом, вместо того чтобы делать уроки, — укоризненно заметила она, но, помолчав, добавила: — Меня радует присутствие в твоих речах здравого смысла.

Чалкус внимательно посмотрел на нее.

— У вас обоих его больше, чем у меня, — заключила девушка.

— Так вы не против подождать здесь, госпожа Илна? — предложил моряк. — Или мы...

Дверь открылась, из комнаты вышла Теноктрис и, посмотрев на другую сторону пруда, позвала:

— Илна, ты мне не поможешь? Собираюсь найти твоего брата.

— Конечно, — согласилась Илна и, приподняв подол платья, перепрыгнула через сужающийся в том месте, где они стояли, канал. Зеваки, еще болтавшиеся поблизости, с любопытством наблюдали за происходящим.

Следом за волшебницей под руку с Лиэйн вышел Гаррик. Косо посмотрев на Илну, девушка отпустила его руку. Илна застыла там, где стояла.

Гаррик, как-то странно взглянув на нее, кивнул и остановился.

— Мастер Чалкус! — позвал он. — Не соизволите ли переговорить со мной? Лиэйн позаботится о леди Мероте, пока Теноктрис и госпожа Илна будут заниматься своими делами.

Чалкус посмотрел на Мероту.

— Иди, Чалкус! Мы с Лиэйн будем ждать тебя на террасе, — она кивнула в сторону расположенной возле фонтанов площадки с навесом из плетеной лозы, — и обсуждать поэзию Селондара... — девочка захихикала, вновь превращаясь в ребенка, — ...или что-нибудь еще.

Илна слегка кивнула моряку в знак согласия. Она не знала, что происходит, но была готова ко всему.

— Буду рад составить вам компанию, принц, — сказал Чалкус и с легкостью перепрыгнул канал. — Полагаю, нам действительно есть что обсудить.

Он подошел к принцу и улыбнулся, увидев, как напряглись солдаты королевской охраны. Командир отряда сделал шаг вперед и заслонил грудью Гаррика, но тот повелительно махнул рукой, приказывая отойти. Приглашающим жестом он указал Чалкусу на вход в зал и, пропустив моряка вперед, вошел следом, плотно притворив за собой дверь.

Илна вздохнула. Куда приятней сидеть на зеленой траве и плести, а потом читать получившийся узор. Несомненно, в другой ситуации девушка так бы и поступила, но сейчас нужно помочь Теноктрис.

Илна холодно улыбнулась. Да, такова ее обязанность.

Тинт на четвереньках ползла к руинам. Остановившись на полпути, она развернулась и раздраженно шлепнула отставшего Гаррика. Тот нахмурился, поморщился от боли, но отвечать не стал. После случившегося девушка-обезьяна стала бояться змей еще больше, чем прежде, и продолжала идти вперед только потому, что Гаррик настоял на этом. Некоторую уверенность ей придавало лишь его присутствие.

Пальмы и филодендроны с зубчатыми листьями отбрасывали неподвижные тени на болотистую землю, и все кругом казалось нарисованным, нереальным. Сзади как будто что-то лопнуло, зашелестели ветки, и сердце его ушло в пятки. Стая ярко-желтых зябликов стремительно выпорхнула из листвы и так же внезапно исчезла.

— Камень и кольцо там, Гар. — Тинт указывала на угол полуразвалившейся стены. — Копай с этой стороны, только до грибов не дотрагивайся.

Она не испугалась пролетевших мимо птиц, после всего, что произошло, те казались совсем безобидными.

Гаррик улыбнулся ей и похлопал по плечу; в ответ Тинт лизнула ему руку. Это до сих пор приводило юношу в некоторое смятение, но уже не раздражало так, как прежде.

Он взглянул на руины. Грибы с оранжевыми спорами росли только на камнях. Яркие пятна вперемешку со мхом и серой землей. Возможно, рабочие использовали статую как бутовый камень, чтобы укрепить главную конструкцию от оседания на вязкой, болотистой почве. Тогда придется ее выкапывать.

Если только она там, а кольцо — на ней.

— Тинт, как ты узнаешь запах именно той статуи, на которой кольцо?

Девушка-обезьяна пожала плечами.

— Там мужчины нашли каменные ноги, — ответила она, указывая в ту сторону, откуда они пришли. — Надписи на камне. Вескей сказал найти оставшуюся часть. Камень пахнет так же, как и каменные ноги.

Она привычно почесалась волосатой ногой. Этот жест, присущий дикому животному, напугал Гаррика не меньше, чем только что вспорхнувшая стайка зябликов.

— Золото с камнем, — прибавила Тинт. — Может — кольцо, а может — нет.

Гаррик ткнул землю пальцем — лунка быстро наполнилась водой, даже мха не стало видно.

Он не знал, как Тинт отличает запах мрамора от запаха металла. Легче поверить ее объяснению, чем думать, будто Тинт обманывает его или по каким-то своим соображениям не хочет разочаровывать.

— Ну что ж, тогда я начинаю копать, — сказал Гаррик.

Только сейчас он осознал, что не имеет для этого никакого инструмента или приспособления. Слава Великим Богам, хоть земля мягкая.

Гаррик огляделся вокруг. Затем выбрал молодую пальму, толщина ствола которой составляла всего два пальца, и вырвал ее с корнем. Пальма поддалась легко, но переплетенные корни на конце больше походили на швабру, чем на лопату, их следовало как-то отрезать или сломать.

— Тинт, — попросил он, — поищи где-нибудь камень с острыми краями. Он мне нужен, чтобы обрубить корни.

Вместо ответа Тинт взяла молодое деревце и засунула корнями себе в рот: губы ее искривились и обнажили мощные широкие зубы, больше походившие на собачьи клыки. Только теперь он заметил, что ее длинная челюсть напоминает лошадиную. Ствол хрустнул, девушка повернула его обеими руками, затем выплюнула кусок корней.

— Тинт все сделала сама, — сказала она, протягивая готовый инструмент.

— Спасибо, — поблагодарил ее Гаррик и приступил к работе, вдавливая ствол под прямым углом в землю и отбрасывая грунт в сторону. Его новое тело, тело Гара, было намного сильнее прежнего, а работа не шла ни в какое сравнение с тем изнурительным трудом, каким ему приходилось заниматься в деревушке Барка.

Но Тинт все равно обладала большей силой, хотя и весила в два раза меньше. Разрозненные воспоминания Гара не могли объяснить принцу, как он познакомился с Тинт. Похоже, шайка бандитов подобрала их в разных местах. Но Гаррик вовсе не был уверен в том, что свихнувшийся парень смог бы выжить здесь без звериных инстинктов Тинт, пусть и обделенной интеллектом.

Ствол пальмы не очень-то подходил для предстоящей работы, но земля оказалась настолько мягкой, что ему не составляло труда вдавливать в нее эту «лопату». Дерево наткнулось наконец на какой-то камень, и Гаррик решил попробовать вытолкнуть предмет на поверхность. Раньше Тинт не помогала ему, но тут и она принялась разгребать грязь длинными руками.

Это оказалась часть туловища статуи. Правая рука, поднятая вверх, была отбита, левая лежала на бедре. Увидев ее, Гаррик отбросил ствол дерева в сторону и стал тереть руку листом филодендрона. Верхняя фаланга безымянного пальца была сломана, на оставшейся части под слоем грязи виднелось маленькое кольцо с сапфиром. Гаррик стащил его без особого труда.

Он оттряхнул кольцо от грязи, ополоснул в луже и потер щепоткой извести. Держа находку двумя пальцами, он принялся рассматривать ее на свету. Тинт наклонилась к нему, ее ноги дрожали, а зубы стучали, на этот раз не от страха, а от возбуждения.

Гаррик попытался надеть кольцо на мизинец; будь оно пошире, возможно, ему бы это удалось, но кольцо оказалось узким. Драгоценный камень в нем, хоть и не поражал размерами, вызывал восхищение своей огранкой.

— Интересно, кто это был, — задумчиво сказал принц. По лицу статуи, уже почерневшему и осыпавшемуся, понять, кто

на ней изображен, было невозможно. В отсутствие пояса для оружия он даже не мог сказать наверняка, что это мужчина.

— Талемус, — неожиданно прошептала Тинт.

Гаррик вздрогнул от неожиданности и посмотрел на нее с удивлением. Девушка-обезьяна испуганно шарахнулась в сторону.

— Гар, — позвала она, заметно нервничая.

— Я не злюсь, Тинт, — ответил Гаррик. Он не помнил, чтобы слышал это имя раньше. — Мне просто интересно, откуда ты знаешь, кто это.

Нужно быть осторожней, чтобы не напугать бедняжку еще сильнее. Реакция девушки напомнила о том, что она жила среди бандитов, и воспоминания Гара вновь вернулись к нему.

Тинт униженно подползла ближе и стала тереться о Гарри-ка, как ласковая кошка.

— Вескей увидел каменные ноги возле своего дома, — пояснила она. — Поскреб камень пальцем, потом закричал: Талемус! Найдите оставшуюся часть! Мужчины перекопали все возле дома, но не пронюхали, где камень. Тинт умеет нюхать камни!

Конечно же, бандиты нашли часть статуи, где было вырезано имя того, кого она изображала. Они осмотрели и перерыли все кругом, но даже если потом и поняли, что вторая половина спрятана в другом месте, так и не догадались, что ее закопали здесь, под обломками древнего строения.

Девушка-обезьяна преданно смотрела на Гарри-ка.

— Гар любит Тинт? — спросила она.

— Я очень тебя люблю, Тинт. Без тебя я никогда бы не нашел кольцо.

Он похлопал ее по плечам, продолжая размышлять.

— Думаю, мы должны найти мастера Вескея и встретиться с ним, даже если у него другое мнение на сей счет.

Вначале Гаррик предполагал надеть кольцо на палец, но после нескольких неудачных попыток оставил эту затею. Да и было в нем что-то такое, что смущало Гарри-ка. Он до сих пор не понимал многого из случившегося за последнее время, и ему совсем не хотелось, чтобы цепочка странных событий продолжилась.

К тому же он не носил украшений ни когда стал принцем, ни тем более когда был крестьянином.

Гаррик зажал кольцо в кулаке.

— Ты должна вывести меня отсюда, Тинт. Сам я не знаю, куда идти.

Повернув голову, девушка-обезьяна озабоченно взглянула на него.

— Все в порядке, — сказал он, пытаюсь успокоить спутницу. — Со мной все в порядке. Просто я не помню некоторых вещей, которые знал до того, как упал в воду.

Тинт вновь встала на четвереньки, и едва она это сделала, из-за пальмового дерева вышел человек с бородкой, разделенной на три хвостика. На нем была кожаная рубаша, усыпанная металлическими заклепками, защищавшими владельца от удара холодным оружием. На перевязи висели три острых кинжала и длинный изогнутый меч. Тинт выгнула спину и оскалила зубы. В памяти Гара всплыло имя этого человека — Сэто. Он был изрядным щеголем и считал себя самым красивым в банде, несмотря на шрам на щеке и отсутствие двух пальцев на левой ноге. Даже это он старался выставить на всеобщее обозрение, надевая сандалии.

Такие, как Сэто, частенько сопровождали купцов, приехавших в деревню Барка на Овечью Ярмарку. Гаррик усмехнулся уголком рта. Он уже встречался с такими типами, и ему не раз приходилось выставлять их с постоянного двора своего отца. При необходимости он поступит так и с Сэто.

— Что это вы, обезьяны, здесь делаете? — потребовал объяснений Сэто. Голос его напоминал тявканье злой собаки, унюхавшей в горшке похлебку. — Вы же должны искать нам еду! Валите-ка быстренько отсюда к ореховым деревьям.

— Мы возвращаемся назад, в лагерь, — возразил Гаррик с беззаботностью образованного человека, который снизошел до объяснений малограмотному невежде. — У нас есть кое-что для Вескея.

Свет упал на сапфир в руке Гаррика. Увидев драгоценный камень, Сэто сделал несколько шагов вперед и уставился на кольцо. Он не обратил внимания на изменения в поведении

Гара, даже не подозревая, что в знакомом теле заключен уже совсем другой человек.

— Что такое? — требовательно спросил он. — Именем Сестры, немедленно отдайте мне это!

— Думаю, оно будет в большей сохранности...

Не дослушав до конца, Сэто ударил его ногой в солнечное сплетение.

Гаррик согнулся пополам. Дыхание перехватило, рассудок помрачился от боли. Откуда-то издалека до него доносились дикие вопли Тинт.

Сэто вновь ударил его обутой в сандалию ногой, на этот раз по голове. Белая вспышка сменилась черной пеленой, затянувшей сознание Гаррика, и он лишился чувств.

Опираясь для устойчивости на посох, Кэшел поднимался по глинистому склону, заросшему густыми зарослями лобелии. Тильфоза шла следом, уцепившись за его пояс точно так же, как и тогда, когда они выбирались из бушующего моря. За весь путь он не услышал от нее ни одной жалобы.

— Мы пришли, — сказал Кэшел. Посторонившись, он пропустил вперед Метру и капитана Мауникса, чтобы они тоже смогли выбраться на вершину холма и отдышаться. Кэшел мог провести спутников по более пологому склону, но тот был усеян мелкими острыми камешками лавы, а девушка оставила на берегу свои красные кожаные ботинки, поэтому он и выбрал менее каменистый маршрут. Мнение остальных по этому поводу его не интересовало, достаточно и того, что он вообще согласился привести их сюда.

Погнутый каркас из золотистого металла находился на том же месте возле ручья, где они нашли его час назад.

— Да благословит Госпожа мои глаза! — вскричал Мауникс, разглядев под корнями растений желтый блеск металла. — Или это золото, или я девственник!

Он рванулся к каркасу.

— Подождите! — попыталась остановить его Метра. — Прежде чем вы разорвете этот предмет на части, я должна рассмотреть, что это такое.

Костас, шедший сзади и прикрывавший тыл, услышал их громкие голоса и бросился выяснять, что случилось.

— В чем дело? Где золото?

Мауникс продолжал тянуться к каркасу, не обращая на окружающих никакого внимания. Кэшел резким движением ухватил капитана за ворот туники и оттащил назад.

— Метре нужно проверить, есть ли у этого предмета магические свойства, — спокойно произнес Кэшел, не обращая внимания на злобные взгляды капитана. — Затем вы можете делать с ним все, что пожелаете. Я не собираюсь принимать в этом участия.

Тильфоза кивнула, соглашаясь с его словами.

— Мне тоже не нужно ничего с этого острова. Он — обитель Зла.

— Можете не напоминать, что это проклятое место, — прохрипел Мауникс. Он перестал вырываться, и Кэшел разжал пальцы. — Разве я не видел, что случилось с вашей служанкой?

Пока они взбирались на холм, капитан не доставал меч из висящих на поясе ножен. Карабкаться по скользкому, заросшему жесткой травой и колючим кустарником глинистому склону с оружием в руках было не очень удобно. Но сейчас, после стычки, он предпочел держать его наготове. Кэшел и раньше встречал людей, предпочитающих демонстрировать клинок как самый веский довод в доказательство своей правоты.

Костас не принимал участия в их перебранке, он просто держал наготове лук, положив на тетиву оперенную стрелу.

Держа в руке атам, Метра присела на поросший лишайником край горной породы. Искореженный золотой каркас лежал рядом. На сей раз она не стала чертить на камне волшебные символы, а просто достала из-за пояса белый шелковый свиток с вышитыми на нем красными знаками и начала шептать заклинания, прочерчивая в воздухе магическим жезлом каждый произносимый символ. Увидев это, Мауникс скривился в гримасе и отвернулся.

— Да защитит нас Сестра, — прошептал он. — Но если эта ведьма сможет отправить того, кто сожрал ту бедняжку на бе-

регу, назад в преисподнюю, то ей по силам одолеть и тысячу других демонов. Это все, чего мне сейчас хочется.

— Если мы выберемся с острова, — произнес Кэшел, услышав его шепот, — нам будет все равно, куда попадет эта тварь. Лодка на берегу, похоже, в хорошем состоянии, несмотря на перенесенный шторм. Может, удастся отплыть на ней?

— Ты имеешь в виду ялик? — Мауникс презрительно усмехнулся. — В сложившихся обстоятельствах это, возможно, наш последний шанс. Но чтобы забрать всех, кто выжил в этой передраге, нужно запастись водой и едой. Хотя к тебе это не относится, ты ведь чужак. Так ведь?

— Мы все здесь чужестранцы, — ответил ему Кэшел. — Думаю, нам пока лучше держаться вместе.

— Мастер Кэшел будет сопровождать меня, — холодно сказала капитану Тильфоза. — Вы сможете подготовить лодку к отплытию?

Заросли, где лежал каркас, озарила яркая вспышка. Голос Метры звучал так громко, что до них долетало каждое ее слово:

— *Иробез конфи...*

Услышав заклинание, Мауникс побагровел, у него перехватило дыхание. Он лишь прохрипел:

— Сестра, заberi ее!

Есть люди, храбрость которых растворяется без остатка, когда они сталкиваются с волшебством или магией, и капитан, очевидно, был из их числа, хотя Кэшелу казалось, что Мауникс струсил бы и перед лицом не столь грозной опасности.

Костас не обращал на происходящее никакого внимания.

— Это проще, чем кажется, — ответил он на вопрос Тильфозы. — На берегу еще валяются балки от разбитого корабля. Мы сделаем из них планшир, пристроим его к ялику и сможем взять на него больше груза. Верно, капитан?

— Да, я распоряжусь, чтобы работы начались с сегодняшнего дня, — подтвердил Мауникс. — Нам повезло, что море не забрало к себе Крюка. Он корабельный плотник, эта работа как раз для него.

Красный свет на вершине холма рассеивался. Метра уже закончила читать заклинание. Воздух перед ней свистел и шипел, сгушаясь, как сливки, когда их сбивают в масло.

В изнеможении опустив жезл, волшебница вдруг покачнулась и начала оседать. Рванувшись вперед, Кэшел успел подхватить волшебницу.

Метра не выронила атам, но юноша успел поймать расшитый красными символами белый свиток и нацепил его на железный наконечник посоха. Обморок Метры не стал для него неожиданностью. Ему часто приходилось помогать Теноктрис, когда ту оставляли силы после магических ритуалов.

Небо над ними окрасилось в розовый цвет. Сгусток воздуха превратился в напоминающий веретено предмет, изготовленный из золотистого металла и отделанный слоновой костью и перламутром. Этот предмет медленно плыл к ним со стороны леса, состоящего из гигантских хвошей и неизвестных деревьев с зелеными, похожими на крылья ветряных мельниц ветками.

Кэшел еще не понял, представляет ли это явление какую-то опасность для них, а фантом приблизился настолько, что можно уже было определить его размеры. Остальные тоже заметили неизвестный объект.

— Это корабль? — спросил Костас, бросая на надвигающийся предмет косые взгляды. — Разве корабли летают!

Капитан Мауникс взглянул через плечо на небо, отвернулся, затем вновь посмотрел с тоской на новую опасность и, будучи не в силах сдержать чувства, рубанул мечом по стволу пальмы. Ударившись о дерево, клинок спружинил и отскочил назад.

— Третья Раса умела летать. Так сказано в астериканских летописях, — спокойно произнесла Тильфоза. На ее лице не было страха; она смотрела на приближающуюся опасность с абсолютным хладнокровием.

Кэшел не знал, ни кто такие астериканцы, ни что такое Третья Раса.

— Они жили где-то здесь? — спросил он, сам не понимая, что подразумевает под словом «здесь».

Метра наконец пришла в себя и уже могла держаться на ногах без посторонней помощи. Она заткнула магический жезл за пояс. Кэшел протянул ей шелковый свиток. Волшебница

взяла его даже не поблагодарив, сложила пополам, потом еще раз пополам и засунула в рукав.

Тильфоза посмотрела на Кэшела.

— Мир был совсем другим в те времена, — пояснила она. — Так написано в Старых Летописях. Островов не существовало.

Кэшел нахмурился, пытаясь представить, что было, когда не существовало Островов. Получилось плохо — все равно что представить мир без неба.

— Третья Раса — не люди, — добавила Тильфоза. — Так написано в Летописях.

Корпус корабля-фантома начал переливаться мягким мерцающим светом, но то не был блеск перламутра. Корабль выравнился, набрал высоту и полетел к горизонту, набирая скорость. Хотя и стоял теплый вечер, Кэшел почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Видение исчезло быстро — как будто закрыли окно. Вокруг не раздавалось ни звука, лишь слегка покачивались густые заросли, в которых блестел неподвластный времени металл.

— А сколько лет может быть той лодке, которую мы только что видели? — спросил Кэшел. Он присел на корточки, чтобы рассмотреть торчащий из подлеска каркас, но дотрагиваться до него не решался.

— Тебе не понять, — ответила Метра, пожав плечами, и повернулась к Мауниксу: — Капитан, можете делать с этим, что пожелаете. Мне мусор не нужен.

Тильфоза бросила на жрицу оценивающий взгляд — не враждебный, но и без особой любви, и обратилась к Кэшелу:

— Она очень древняя. Если лодка принадлежала Третьей Расе, то ее возраст можно лишь предполагать. Летоисчисление во времена Третьей Расы велось совсем не так, как мы его сейчас понимаем.

Девушку внимательно слушали все присутствующие, а капитан сплюнул от досады.

— Пойдемте к берегу, солнце уже садится, и я не хочу, чтобы меня кто-нибудь поймал в темноте.

— А как же золото, капитан? — напомнил Костас. Одной рукой он крутил стрелу, другой держал опущенный лук. За-

манчивый блеск драгоценного металла заставил забыть об опасности. — Разве мы ничего не возьмем с собой? Даже кусочка?

Мауникс начал спускаться вниз по склону.

— Делай как хочешь, Костас, — сказал он. — Мне не нужно от этой штуковины даже крупичицы.

— Я пойду как обычно впереди, — предложил Тильфозе Кэшел. Метра хотела что-то сказать, но все же промолчала. Юноша догадался, что волшебница нуждалась в его помощи при спуске с холма, но побоялась услышать отказ из-за своего высокомерного отношения к нему.

Кэшел усмехнулся. Он знал, что поможет Метре, как и любому, кому понадобится его помощь. Он не мог изменить людей, но и они были не в силах изменить его.

Мауникс спускался по склону быстрее, чем ожидал Кэшел. Наверное, из-за приближающихся сумерек — солнце садилось и вставало здесь как-то неожиданно, и юноша еще не привык к такому ходу времени. Впрочем, он отлично понимал, чего капитан боится еще больше, чем темноты.

На холме, там, где выходил на поверхность известняк, раздавался звон металла. Это Костас пытался отколоть от каркаса кусочки золота. Работа продвигалась медленно. Трубки оказались не только очень твердыми, но и такими гибкими, что когда моряк бил по ним камнем, они не ломались, а только гнулись.

— Метра, — позвала Тильфоза. Она обратилась к волшебнице, не оборачиваясь, но слышно ее было хорошо. — Что ты увидела? Почему катастрофа произошла именно здесь, почему наш корабль разбился у этого острова? Как все это связано?

Кэшел левой рукой ухватился за ствол одревесневшей гери.

— Здесь будьте особенно осторожны, — предупредил он своих спутниц. — Тропа очень скользкая.

В целом спуск проходил нормально. Корни растений, плотно переплетаясь, пронизывали почву, не давая глине оползать. Они могли выдержать не только вес Тильфозы, но и Кэшела, поэтому путники без опаски цеплялись за кусты, используя их ветки как перила.

— Капитан! — раздался далеко позади голос Костаса. — Я иду, капитан! Где вы?

Мауникс не ответил. Он, наверное, уже не слышал приятеля.

— Мы здесь, Костас! — закричал в ответ Кэшел, зная, как ково остаться одному в незнакомом, опасном месте. Каким и был этот остров.

— Метра, — еще раз громко позвала Тильфоза.

Жрица что-то прошептала в ответ, совсем тихо. Тильфоза повторила:

— Говори громче, я тебя не слышу.

Только тут Кэшел понял, что девушка занимает более высокое положение в обществе, чем волшебница. Интересно, как это деление происходит в тех местах, откуда они родом. Юноша никогда бы не смог сказать постороннему, что он чей-то опекун. Возможно, и Метра не хотела, чтобы Кэшел знал об этом. Он и сам рано осиротел, и на собственной шкуре испытал все «прелести» принадлежности к низшему сословию.

Тильфоза поняла это.

— Этот остров, — громко произнесла Метра, — всегда являлся местом сосредоточения Хаоса. Здесь потоки сил, создающих космос, движутся в различных направлениях. От их столкновения возникает обратная реакция, проще говоря, катастрофа. Мы как раз попали в такой космический катаклизм, и в результате наш корабль разбился о камни. С кораблем Третьей Расы произошло то же самое, только намного раньше.

Намного раньше. Окажись здесь Шарина, она бы разобралась в этом, а вот самого Кэшела рассказ Метры не особо заинтересовал, просто ему очень хотелось видеть девушку рядом.

Впереди послышались мужские голоса. Склон перешел в пологий песчаный берег.

— Мы уже почти пришли, — сказал он спутницам и, повернув голову назад, громко крикнул: — Костас, мы уже на берегу!

Тильфоза выпустила из рук пояс Кэшела и пошла с ним рядом вдоль пальм, окаймляющих берег. Капитан Мауникс и оставшиеся от команды моряки что-то горячо обсуждали неподалеку. Кэшел услышал:

— Заклинаю тебя Госпожой, Крюк! Если ты не подготовишь ялик и завтра в полдень мы не уплывем, то сами все сделаем, а ты останешься здесь.

Последние лучи солнца окрашивали песчаный берег в алый цвет, но на джунгли уже спустилась ночная мгла. Исключение составляли только верхушки пальм, подсвеченные оранжевыми и розовыми солнечными бликами.

— Костас! — снова закричал Кэшел. — Мы здесь!

Ответом ему стал ужасный душераздирающий вопль, раздавшийся со стороны леса. Все на мгновение замерли, затем Мауникс неловко попытался выхватить из ножен свой меч, несколько моряков бросились к шлюпке, но на полпути остановились в нерешительности.

Кэшел сделал пару шагов по направлению к джунглям.

— Нет, Кэшел! — воскликнула Тильфоза, схватив его за руку. Пришлось подчиниться — девушка была права. В темноте он не смог бы найти то место, откуда раздался призыв о помощи.

Крик не повторился, и стало понятно, что Костас уже не нуждается ни в чьей помощи.

Шарина взглянула поверх правого плеча Каруса на близкого друга Илны. Чалкус вошел в зал танцующей походкой и приветливо улыбнулся Кровавым Орлам.

— Карус, вы оставите при себе меч, когда будете с ним беседовать? — шепотом спросила она.

Король посмотрел на вошедшего, потом перевел взгляд на девушку и, как всегда, широко улыбнулся. Шарина не понимала, как могла спутать это лицо с лицом ее брата, хотя внешне они были неразличимы.

— Сняв меч, я нанесу ему оскорбление, дочка. Этот человек не боится ни моего меча, ни моего гнева, хотя, полагаю, вынужден и с одним, и с другим считаться.

Карус еще раз взглянул на моряка и тихо добавил:

— Но я постараюсь сдержать гнев, а ты остановишь меня, если я буду перегибать палку, хорошо?

— Да, — кивнула ему Шарина, улыбнувшись. — Конечно.

Офицер охраны приказал своим людям проводить Чалкуса к королю.

— Прошу сдать оружие, сир, — громко сказал офицер и, не выпуская моряка из виду, повернулся к Карусу, указывая на оружие на поясе Чалкуса. Король нахмурился.

— Капитан Деган... — начал он.

Офицер продолжал настаивать:

— Ваше Величество, я поклялся, что не подпущу к вам ни единого человека с оружием!

Чалкус подмигнул королю, затем достал из-за пояса нож и, не глядя на офицера, передал тому нож.

— Может, вы хотите, чтобы я отдал охране свой пояс, Ваше Величество? — спросил он у Каруса. — А то, знаете, многих задушили кожаными ремнями.

— Верните мне нож, капитан Деган, — приказал король и протянул руку.

Офицер выглядел слишком молодо для службы в звании капитана Кровавых Орлов. На вид ему было не больше двадцати лет. Он повернулся к королю, пытаясь не выказывать своих чувств, но все легко читалось по его лицу.

— Да, Ваше Величество, — только и смог произнести офицер.

Он вложил изогнутый нож в руку Каруса. Оловянные ножны и рукоятка были отделаны черненым серебром, на котором виднелись похожие на буквы символы. Шарина не смогла определить, на каком языке это написано.

— Простите моей охране ее настойчивость, мастер Чалкус, — произнес Карус, пропуская моряка вперед. Шарина шла следом за мужчинами. — На столе — вино и еда, если захотите подкрепиться.

Он достал из ножен кортик, полюбовался на сталь и сунул назад со словами:

— Отличное оружие, хотя сам я не очень люблю изогнутые лезвия.

— У вас здесь полно охраны, — заметил Чалкус, слегка кивнув головой в сторону стоявших у другой двери стражей. Моряк засунул нож за пояс и подошел к столу.

— Да, — ответил Карус, обойдя стол с другой стороны. — Иногда даже не могу понять, кто из нас кому служит.

Чалкус заразительно рассмеялся, и Шарина поняла, как мало во дворце смеются, особенно в ее присутствии.

— О, полагаю, на этот счет двух мнений быть не может, — сказал Чалкус. — Тем более если речь идет о вас.

Два стеклянных, с вытравленной гравировкой графина стояли на столе. В одном из них переливалось красное вино, в другом — напиток золотистого цвета. Чаша для смешивания, бокалы для вина, а также большой кувшин воды с черпаком — все с таким же рисунком, как и на графинах, — были расставлены вокруг них.

Чалкус налил в бокал красного вина, поднял его и взглянул на Каруса.

— Это вино того сбора, какой воспевают поэты? Солнечный свет выжал сок из винограда, а полученный нектар годится для стола Госпожи и спутника ее, Пастыря?

Карус пожал плечами.

— Наверное. Такой вопрос лучше задать тому, кто в этом разбирается.

— Мне это не слишком интересно, а то обязательно спросил бы, — ответил ему Чалкус и, сделав небольшой глоток вина, достаточный, чтобы его оценить, поставил бокал на стол. — Если вы позвали меня не для того, чтобы обсуждать вино, тогда о чем же вы хотите со мной поговорить?

Карус наклонился к нему, опираясь руками о стол.

— Вы хотите побывать на Тизамуре, мастер Чалкус? — спросил он. Вопрос прозвучал как вызов, но то была еще игра, а не серьезный разговор. — Леди Мерота владеет там обширными участками земли, которые даровал ей король. Со смертью родителей она лишилась многого, и я намерен восстановить справедливость.

Брови Чалкуса удивленно поползли вверх.

Карус ухмыльнулся.

— Нет, она еще ничего не знает, — ответил он на невысказанный вопрос. — Но это правда. Как и то, что Ройяс уже получил соответствующие распоряжения. Вы и госпожа Илна поедете с ней под видом слуг, чтобы сохранить инкогнито.

— И мы тоже? — прошептал Чалкус. Не сводя глаз с короля, он протянул руку к бокалу с вином, но тут же отдернул, словно обжегшись. — Но мы еще ничего не обсуждали с госпожой Илной. Зачем все это?

Карус выпрямился, в напряжении сжав пальцы в кулаки. И хотя выражение лица осталось прежним, сам он стал похож на

лучника, готового пустить стрелу в наметченную цель. Поза Чалкуса отражала схожие чувства.

Шарина молчала. Теперь она поняла, зачем Карус попросил ее остаться. Казалось, мужчины даже не замечают девушки, но все же ее присутствие заставляло их вести себя так, как и подобает в обществе дамы.

— Мастер Чалкус... — начал Карус.

— Можете называть меня просто Чалкус, — прервал он короля, — или моряк. Можете называть меня, как пожелаете.

— Тогда Чалкус, — ответил Карус, усмехнувшись, — а ты, если хочешь, можешь называть меня солдатом. — Я знаю, ты не будешь пытаться подчинить Илну своей воле. Но мне совершенно ясно и то, что она откажется ехать на Тизамур без тебя. А сейчас просто необходимо, чтобы вы оба находились на Тизамуре, особенно она. Там происходит что-то странное. Как я узнал от доверенных людей, в этом месте возможно скопление магических явлений, а может, и похуже что.

Чалкус засмеялся.

— Вы знаете то, чего не знаю я, — сказал он. Шарине показалось, что в словах моряка прозвучала горечь, но до конца в этом уверена она не была.

Чалкус потянулся к графину, налил себе целый бокал и выпил его залпом, даже не разбавив вино водой, затем вытер рот рукавом и оценивающе посмотрел на Каруса.

— Ну так как? — спросил король. На его губах блуждала веселая улыбка. Шарине показалось, что под ней король скрывает растерянность, хотя большинство мужчин стараются замаскировать это злостью. — Ты поедешь на Тизамур, моряк?

— Вы же не верите, что Илна поедет на Тизамур из простого чувства долга, независимо от того, «за» я буду или «против», — гневно ответил Чалкус.

Карус подошел к столу с другой стороны и плеснул себе в кубок немного вина, затем разбавил его водой и, все еще улыбаясь, посмотрел на Чалкуса.

— Если бы я верил, что смогу убедить Илну в том, что именно она обязана поддержать девочку в такой трудной ситуации, то слыл бы самым могущественным волшебником, — прежним

тоном проговорил король. — Ведь так? Я верю в другое. Если я скажу ей, что Мерота хочет поехать туда по делам, а ты...

— Что, тоже из чувства долга? — спросил Чалкус. Его голос звучал еще громче, чем прежде. — Вы действительно так скажете?

— А ты в поисках приключений, — спокойно продолжил Карус. Впервые с начала разговора он не походил на большую ошетинившуюся кошку. — А также ради блага государства, хотя мне трудно поверить, что такое понятие знакомо кровавому убийце и пирату... И если я скажу ей это, то, может быть, Илна согласится поехать не только из-за тревоги за девочку?

Улыбка сползла с лица Чалкуса. Теперь уголки его рта были опущены, а сам рот искривлен, как лезвие его ножа.

— Да, возможно. Не сомневаюсь, что вы читаете ее мысли так же хорошо, как и я, дружище.

Он пристально взглянул на Каруса, а затем спросил:

— Если вам нужен волшебник на Тизамуре, почему не пошлете туда леди Теноктрис? А сопровождать ее может леди Шарина. Разве не так?

— Так! — выдавил Карус сквозь зубы. — И у леди Шарины есть нож длиной с мое предплечье.

На какое-то мгновение окружающий ее мир превратился в плоскую бесцветную каплю видения. Перед Шариной появился Ноннус-Отшельник, защитник, друг и, наконец, тот, кто спас ее ценой своей жизни. Шарина помнила его и действительно сохранила тяжелый, длинный пьюльский нож, который прежде служил Ноннусу то оружием, то инструментом — в зависимости от ситуации.

— Ноннус, — зашептала она слова молитвы, — пусть приютит тебя Госпожа в своем Святилище, пусть укроет меня покровом своего милосердия, защити меня, Пастырь, своим посохом.

— Да, — сказал Чалкус, окинув Шарину оценивающим взглядом. — Да, у нее есть пьюльский нож.

— Которым она, не задумываясь, пользуется, когда это необходимо, — добавил Карус. — И ее ты советуешь мне отправить на Тизамур противостоять жестоким нападкам врагов, моряк? Разве у меня нет для этого Аттапера и его солдат? И тебя?

Он замолчал, глядя на Чалкуса. Тот улыбнулся ему в ответ. Оба молчали.

— На Тизамуре придется сражаться с сильными магами, моряк, — продолжил Карус, переходя на шепот. — Кого мне послать? Кто с этим справится?

Чалкус рассмеялся. Налив себе еще вина, на сей раз моряк решил его разбавить, и зачерпнув воды, он обратился к Карусу:

— Принц Гаррик, смелый молодой человек, умный и решительный...

Он выпрямился, держа кубок в левой руке. Но вместо того чтобы выпить вино, пристально посмотрел на Каруса. Губы его растянулись в улыбке, но глаза оставались холодными.

— Принц Гаррик способен придумать многое, — продолжил Чалкус, — но не в его правилах так небрежно обращаться с жизнью ребенка, молодой девушки и ее друга. Так чей же это план, солдат?

Карус скрестил руки на груди.

— Я не рискую своими людьми без крайней необходимости и не посылаю их на смерть без нужды, моряк, — сказал он без особых эмоций, но Шарина почувствовала, что в груди у него зарождается буря. — Но генерал, который отказывается от рискованных действий, всегда обрекает армию на гибель. А что до того, кто придумал этот план, — так это я. Меня зовут Карус. Я оказался здесь не по своей воле; но раз уж я здесь, то не буду сидеть сложа руки и не допущу, чтобы неприятельские силы уничтожили королевство.

— Это правда? — изумленно спросил Чалкус, одним глотком осушив бокал. — Неужели это вы?

Поставив бокал на стол, он кивнул на дверь.

— Можно я расскажу об этом Илне?

— Да, — ответил король. — Или, если хочешь, расскажу я.

Чалкус пожал плечами.

— Нет, думаю, что сам с этим справлюсь, — произнес моряк, старательно сдерживая довольную улыбку.

Лицо его сияло.

— Ну что ж, солдат, — продолжил Чалкус, — я принимаю твоё предложение. Если госпожа Илна поедет на Тизамур, то

мой долг сопровождать ее. Последний раз я был там в дни далекой молодости.

— Думаешь, те, кто выжил, все позабыли? — спросил Карус, внимательно посмотрев на моряка.

— А кто сказал, что такие были, солдат? — засмеялся Чалкус.

Шарина посмотрела на пожимающих руки и смеющихся мужчин — эти двое поняли друг друга.

Возможно, Госпожа была к ней милосердна — Шарина тоже их поняла.

Глава шестая

Кожа на лице Гаррика горела. Он лежал на земле под яркими палящими лучами солнца, ощущая тупую боль во всем теле. Сознание вернулось к нему неожиданно, будто в открытое окно ворвался солнечный свет.

С ним все было в порядке. Гаррика били и раньше, но на этот раз все его чувства обострились от боли настолько, что из глубины сознания вырвалась злость, побуждавшая тело к действию.

Листья пальмы еще дрожали с той стороны, откуда появился Сэто. Бандит, должно быть, направился к лагерю той же дорогой, что и пришел сюда. Гаррик чувствовал себя слишком слабым, чтобы броситься за ним следом. Сначала нужно оправиться, а уж потом-то он позаботится о Сэто.

Тинт прыгала рядом, издавая цокающие звуки. Увидев, что Гаррик зашевелился, она попыталась помочь ему встать на ноги.

— Ох! — задыхаясь, простонал Гаррик. — Не прикасайся ко мне.

— Гар! — закричала Тинт. Это было первое слово, которое он услышал, придя в себя. Подпрыгнув, девушка-обезьяна вскарабкалась на гибискус. Теперь ее голос звучал откуда-то сверху: — Тинт завяжет ухо.

Гаррик уже мог дышать нормально, хотя еще чувствовал скопившуюся в груди боль. Сэто, похоже, сломал ему ребро.

Он легонько дотронулся до уха и посмотрел на свои пальцы. Они были в крови. Гвозди, торчавшие из сандалий Сэто, задели кончик уха, но особого вреда не причинили.

Гаррик смог встать на колени, а затем, когда девушка-обезьяна припрыгала к нему с комком паутины, сумел подняться и на ноги.

— Тинт завяжет Гару ухо, — повторила она, жестом показывая, что нужно наклониться.

Юноша так и сделал, но, наклонившись, почувствовал неожиданное головокружение. Вместо того чтобы стереть кровь, Тинт его лизнула, даже, показалось, прикусила ухо зубами. Гаррик дернулся, пытаясь отпрыгнуть в сторону, но девушка крепко держала его за плечи. Лишь остановив кровь, она прилепила к его уху комок паутины.

— Тинт завязала, — гордо заявила девушка-зверь. — Паутина лечит ухо.

Гаррик глубоко вздохнул. Ребра до сих пор болели, но, к счастью, обошлось без переломов.

Он улыбнулся своей подружке.

— Все в порядке, Тинт, — произнес Гаррик, успокаивая девушку. — Теперь отведи меня назад, в лагерь. Хочу разобраться с Сэто.

Шарина задумчиво смотрела вслед Чалкусу. Он шел грациозно, будто танцор, которым вполне мог быть, или воин, каким и являлся. Карус любезно проводил его до двери. Когда король, живой и невредимый, показался в открывшихся дверях зала, капитан Деган слегка расслабился.

Карус оглянулся и посмотрел на Шарину, так и не вставшую со своего стула.

— Может быть, мы... — начал он.

— Закрой, пожалуйста, дверь, — попросила Шарина. Внутри у нее все дрожало от тех чувств, что охватили девушку при воспоминании о ноже с острова Пьюл и Ноннусе. Ей предстояло задать королю вопрос, выходящий за рамки учтивости. — Это займет всего пару минут.

Кивнув Дегану, Карус прикрыл за собой дверь. Когда он обернулся, улыбка уже сошла с его лица, уступив место озабоченности и тревоге.

— Почему ты не хочешь видеть Илну? — поинтересовалась девушка.

— Я сказал...

— Я слышала, что ты предложил Чалкусу, — перебила короля Шарина. — В этом есть смысл. Думаю, Гаррик поступил бы так же, хоть моряк и сомневался в этом. В деревушке Барка людям каждую осень приходится принимать непростые решения, чтобы пережить зиму, приносящую им голод и лишения. Но ты не ответил на мой вопрос.

Карус улыбнулся, но в его улыбке чувствовалась фальшь. Он подошел к столу и налил немного красного вина в ближайший к себе кубок, тот самый, что стоял рядом с кубком Чалкуса. На этот раз разбавлять вино он не стал.

— Когда я был, — заговорил он, отвернувшись к стене, — в своей плоти, живой... Мне все равно, как ты это назовешь.

Даже не притронувшись к напитку, Карус поставил кубок на стол и посмотрел на Шарину.

— Мужчиной я знал многих женщин, — попытался продолжить он свой рассказ. — Одни мне нравились, а некоторых я даже любил. Но была среди них одна...

Он снова потянулся за вином, но отдернул руку и простонал:

— Забери меня, Сестра! Сделай это за мою трусость, за то, что я не могу рассказать тебе о ней!

— Карус, — окликнула его Шарина. Девушка не знала, хочет ли слушать его признания, и уже жалела, что затеяла этот разговор. — Мне не нужно... Ты не должен мне ничего объяснять.

Упомянув о ноже, король разбередил старую рану. Шарина думала, что имеет полное право задать королю вопрос, но только до тех пор, пока не почувствовала, что причиняет Карусу такую же боль, какую он причинил ей.

— Разве, дочка? — отозвался Карус. Ему удалось выдавить из себя короткий смешок. — Возможно, что и не должен, но я все же расскажу. Жила одна девушка, женщина, по имени Бри-

чиз бос-Бредиман. Родилась она в одной благородной семье на Кордине, но ее родители были не богаче, чем ваши в Барке, правда, у них имелся титул.

Он пожал плечами и после недолгого молчания заговорил вновь:

— Я любил эту женщину. Но она умерла, а я не смог ее спасти. Хотя, возможно, ты считаешь, что не захотел. Но то было тысячу лет назад. Во всяком случае, сейчас она мертва, и все, что я рассказываю, уже не важно.

Карус грустно улыбнулся Шарине.

— Знаешь, иногда я думаю, что Госпожа или — если философы правы, и Великих Богов не существует — Судьба, а может быть, кто-то другой, кто управляет людьми, обладает неплохим чувством юмора. Твоя подруга Илна так похожа на Бричиз, будто она — ее сестра-близнец. Похожа не только телом, но и душой.

Лицо Шарины оставалось бесстрастным.

— Так вот в чем дело. Теперь я все понимаю.

Карус сделал глоток вина. В его глазах уже не было того отчаяния, что несколько минут назад.

— Мне приходилось очень непросто тогда, когда я смотрел на мир глазами твоего брата. Теперь, когда это тело принадлежит мне уже не как гостю, я подумал...

Он засмеялся и допил вино.

— Подумал, что для всех будет лучше, если я удержусь от искушения.

— Да, — с облегчением выдохнула Шарина. Если бы Карус выпустил свои желания на волю, то Илне и всему королевству пришлось бы столкнуться с гораздо более опасной действительностью, чем та, в которой они находились сейчас.

— Пойдем к остальным, — предложила она, беря под руку человека, находящегося в теле ее брата. — Хочу услышать от Теноктрис, что ей удалось узнать о Гаррике.

От нехорошего предчувствия у Шарины засосало под ложечкой, но девушка тут же напустила на лицо улыбку.

— И о Кэшеле. Хотя я уверена, что нет такой опасности, с которой бы он не справился.

* * *

Вместо стола Теноктрис решила использовать мраморную скамейку, стоявшую посредине искусственного грота. Илна наблюдала за тем, как волшебница привязывает веревками старинный пергамент, который принесла с собой, между двумя жаровнями с тлеющими углями. Вдоль стен грота были проложены медные трубы, по которым в канал сада текла вода. Неподалеку, стараясь оставаться незамеченными, несли службу Кровавые Орлы.

Седой мох бородами свисал со стены над трубами. Знакомый темный дым витал над скамейкой. Голова Эйхеуса лежала между двумя жаровнями, кровь из перерезанных сосудов вытекала из того места, где когда-то была шея.

Теноктрис отступила назад, часто дыша.

— Так, кажется, все в порядке. Куда я положила...

— Вот твоя волшебная палочка. — Илна протянула ей щепку от бамбука, которую волшебница выбрала для заклинания на этот раз. — А твой стул стоит позади тебя.

— Ах да, конечно. — Старушка с благодарностью взглянула на девушку.

Подобрав подол платья, Теноктрис осторожно присела на стул из слоновой кости, заботливо пододвинутый Илной, и пристально посмотрела на голову Эйхеуса. Затем перевела взгляд на Илну.

— Извини, я очень нервничаю из-за того, что предстоит ее резать.

Илна пожала плечами.

— Но ты же все равно это сделаешь, ведь от этого зависят жизни и судьбы многих людей, а может быть, и будущее королевства.

Она натужно улыбнулась.

— По крайней мере так я себя успокаиваю.

Теноктрис слегка улыбнулась в ответ.

— Да, конечно. Думаю, ты права.

Она снова посмотрела на лежащую перед ней голову и сосредоточилась. Эйхеус умер с открытыми глазами, в которых навсегда застыло удивление. Глаза остекленели, в них поселилась смерть, отчего черты лица стали резкими, как у демона.

Пергамент начал медленно съезживаться от жара углей, превращаясь в черную золу. Из колец дыма в воздухе проявились магические слова. Теноктрис немного подалась вперед вместе со стулом и стала нараспев произносить заклинания, размахивая им в такт волшебной палочкой.

— О маосайо нараеаа...

От каждого произнесенного Теноктрис слова поднимающийся вверх дым начинал трепетать. Илна заметила на мраморных колоннах мерцающие от яркого света блики. Там прорисовывался какой-то рисунок. Разум не мог постичь его, это было подвластно лишь душе.

— Арубибао зумо имзиу... — бормотала волшебница, — Аулатзилла маула имзиу...

Окружающий мир перестал существовать для Илны, Теноктрис и головы Эйхеуса. Они уже не стояли в гроте, сделанном человеком, а переместились в бескрайние просторы космоса. Вход и стража испарились, пропали из виду. Остался только мерцающий дым, который создавал во времени и пространстве новые рисунки.

— Аэ эйеу саумарта макс акарба...

Сейчас в этих словах звучали раскаты космоса.

Глаза Эйхеуса расширились, и через эти глаза Илна погрузилась в совсем другой мир, серый, мерцающий, полный зла.

— Черайя зозан экмет пхе сатра!

То был мир, задрапированный в серый шелк, в паутину, свисавшую с камней и деревьев... И всюду расположились те, кто ткал эту паутину, наблюдая за происходящим тяжелым немигающим взглядом. То был мир гигантских пауков, размером с собак или овец. Пауки выжидали, их глаза не выражали никаких чувств, оставаясь такими же холодными, как и пустота между мирами.

Пауки плели превосходные рисунки. Таким искусством не смог бы овладеть ни один человек. И Илна отлично это понимала. По крайней мере могла понять...

Серый проклятый мир стал сжиматься, как тающая на теплой ладони снежинка. Илна пошатнулась, но чувство долга заставило ее обхватить Теноктрис и крепко удерживать, чтобы та

не соскользнула со стула. От напряжения девушка вытянулась как струна.

В гроте воняло обуглившейся плотью, от пергамента не осталось ничего, за исключением одного обгоревшего клочка. Вербки превратились в тлеющие кучки пепла, а голова Эйхеуса стала всего лишь одной из частей тела, на котором проступили бурые трупные пятна.

Легкая пелена серого дыма стала развеиваться с первыми лучами солнца, осветившими вход в грот. Окружающая действительность представляла собой полную противоположность тому миру, который только что видела Илна. Она приподняла Теноктрис, будто больного ребенка, и шагнула к выходу.

Кровавые Орлы, охранявшие вход в зал, где вечером король беседовал с Чалкусом, заметили Илну, выносившую из грота волшебницу. Стражи топтались в нерешительности. Они не могли понять, что им делать в первую очередь: то ли броситься на помощь женщинам, то ли отгонять уже столпившихся неподалеку зевак.

— Госпожа, — обратился к девушке начальник стражи. — Она...

— С ней все будет хорошо, — оборвала его Илна.

— Да, я в порядке, — вторя Илне, слабым голосом произнесла Теноктрис. — Просто я очень сильно устала.

Илна почувствовала, что старушка смогла преодолеть недомогание и уже может сама держаться на ногах. Девушка помогла волшебнице встать на ноги, продолжая поддерживать ее за плечи.

— Теноктрис, ты видела это, — прошептала Илна. — То место?

Гаррик... Илна вспомнила охватившую ее меньше часа назад ненависть, когда Гаррик даже не соизволил обратить на нее внимания. От ненависти ничего не осталось. Ничто из случившегося не достойно такого гнева, особенно теперь, когда она наблюдала, как преисподняя окутывает все смертельной паутиной из прекрасного шелка.

— Да, видела, — ответила Теноктрис. — Не знаю, что это значит, но думаю, это то, что нужно выяснить в первую очередь.

— Это и пытался сотворить Эйхеус? — спросила Илна. Она хотела задать вопрос шепотом, но от волнения ее голос прозвучал слишком громко. — Ради этого он напал на Гаррика?

Теноктрис вздохнула. Теперь она окончательно пришла в себя после проведенного обряда, а также оправилась от изумления и страха перед увиденным.

Волшебница отступила на шаг назад и, выдавив слабую улыбку, посмотрела на Илну.

— Нет. Эйхеус не пытался создать тот мир. Место, куда мы попали, может оказаться будущим.

Теноктрис тяжело вздохнула, улыбка сошла с ее губ.

— Того, что мы увидели, Эйхеус боялся больше всего, — объяснила старая волшебница. — Он напал на Гаррика, чтобы предотвратить это будущее, чтобы оно не стало явью.

Кэшел сидел на краю берега, прислонившись спиной к верхушке большого обломка скалы. Он оставался молчалив и недвижим, словно слившись с камнем воедино, но все его чувства обострились до предела.

За ночь моряки сожгли на кострах останки корабля. Яркие малиновые угли почти не давали света. Обычно кристаллы соли на пропитанном морской водой дереве шипят и выстреливают в небо яркими искрами, но сейчас мерцающий свет огня тонул в темноте ночи.

Кэшел вел за лагерь, как когда-то за овцами, наблюдение, чтобы защитить всех от возможной опасности. Капитан Мауникс расставил охрану, но юноша не верил, что кто-нибудь из команды придет ему на помощь, если таковая потребуется. Догорающие остатки корабля заставляли команду жаться ближе к костру. Произошедшие ужасные события помогли капитану восстановить среди оставшихся в живых моряков дисциплину.

Больше смертей не будет. Кэшел улыбнулся. Кровожадному ночному убийце придется иметь дело с ним.

Прибой громыхал, ударяясь о рифы, и тонул в великом множестве других ночных звуков. Море вернулось; волны, как обычно, разбивались о коралловую голову, основу кораллового рифа. Там, где сидел Кэшел, вода не могла его достать.

Вдоль линии прибоя валялись тела погибших в кораблекрушении, выброшенные волнами на берег. Кэшел выбрал это место потому, что отсюда отлично просматривался весь лагерь. Хотя при таком освещении юноша больше полагался на слух и интуицию.

Недалеко от места, где расположился Кэшел, но куда тоже не долетали брызги прибоя, под навесом из парусины спала леди Тильфоза. Метра лежала рядом с ее укрытием, на песчаном берегу. Кэшел не просил их располагаться вблизи него, хотя непременно так бы и поступил, выбери Тильфоза для ночлега другое место, где он не смог бы ее защитить.

Следующая волна разбилась о коралловый риф с такой силой, что несколько капель долетели до Кэшела. Волны набегали с обеих сторон, шипя и пенясь; одна из них, прежде чем юноша успел отодвинуться, намочила его тунику.

Близился рассвет. Когда небо посветлеет, он сможет походить, размять ноги, может быть, даже и поспать, хотя, похоже, к тому времени уже изрядно промокнет.

Внезапно Кэшел ощутил в темноте чье-то присутствие. Он напрягся.

Его действия понял бы лишь тот, кто сам мог чувствовать присутствие незримой опасности. Кэшел уловил легкое, едва зримое движение; такое можно засечь тогда, когда предчувствие опасности заслоняет все прочие ощущения. Кто-то слегка задел листья карликовых пальм у тропинки, ведущей мимо скалы, на которой расположился Кэшел, в гору и к ручью. Этого юноша и ждал, но оповещать остальных до тех пор, пока его догадка не подтвердится, не собирался.

Он быстро вскочил на ноги и бесшумно спрыгнул на тропу. В такие моменты Кэшел преображался, и тем, кто находился рядом с ним в минуты опасности, и в голову бы не пришло утверждать, что он неловок или неуклюж. Тень, отбрасываемая джунглями, накрывала весь берег вплоть до того места, где мерцал лагерьный костер, создавая — и охотнику, и добыче — надежное укрытие. Кэшел двигался за чужаком в сторону лагеря, стараясь не шуметь, не шаркать ногами и ступать только по песку. Он шел так, чтобы между ним и незванным прячущимся в

кустах гостем сохранялось достаточное расстояние, что позволяло юноше успеть принять необходимые для отражения возможной атаки врага меры.

Уже почти рассвело, и созвездий не было видно. Но Кэшел не мог сказать точно, через какое время, одну минуту или две, небо посветлеет. Наверное, не раньше чем через две.

Один из моряков лежал у потухшего костра, чуть поодаль от товарищей. Такой же быстрый, как и Кэшел, незванный гость приступил к действию. Он прыгнул и схватил намеченную жертву раньше, чем Кэшел успел выскочить из кустов.

— Эй! — закричал Кэшел, стараясь отвлечь внимание нападавшего, и, выскочив на песок, начал обеими руками вращать свой посох.

Ночной убийца отбросил моряка в сторону и, пригибая голову к земле, попытался теперь увернуться от ударов дубинки.

Моряк кричал, его вскочившие на ноги товарищи тоже вопили от страха. Паника охватила всю команду. Кэшел, по лодыжку в песке, ударами посоха старался отбить нападение и поразить неприятеля.

Лучи солнца съели остатки тени до самой кромки леса. Незванный гость, пригнувшись к земле, бросился к джунглям; его темный силуэт метнулся к зарослям, будто прыгнувший скорпион. Кэшелу так и не удалось нанести врагу смертельный удар, и тот скрылся в джунглях.

Это не расстроило юношу. Он уже знал, точнее, предполагал, куда направился неприятель. Со стороны лагеря послышалось пение пущенной стрелы. Какой-то лучник, опомнившись от пережитого кошмара, попытался отомстить неизвестному убийце.

Кэшел нырнул в лес, прижимая к груди посох. Он двигался осторожно и был готов в любой момент отразить нападение кровожадного существа. Лево́й рукой юноше приходилось отводить от себя колючие ветки, еще подрагивающие после соприкосновения с тем, кто пробирался этой тропой впереди него.

— Кэшел, подожди, — прокричала Тильфоза. — Дождись рассвета.

Кэшел продолжал идти вперед. Пойди он этим путем при свете дня, пришлось бы идти наугад. Следы незванного гостя уже

исчезли бы, и он и сам мог бы запутаться в деревьях. Сейчас, в предрассветных сумерках, юноша двигался легко и быстро, словно дым по лесу. Кэшел чувствовал дорогу, как любой сельский житель. Но сейчас это чувство обострилось еще сильнее: он шел по следу существа, которое долго держало в страхе тех, кто находился под его защитой.

Он двигался вперед мощно и уверенно, сокрушая подлесок, будто пробирающийся сквозь чащу буйвол. Юноша не слышал звуков преследуемого врага, но был твердо уверен в том, что идет по его следам и обязательно найдет.

Кэшел не волновался. Он желал лишь одного — поскорее вцепиться руками в эту тварь и нанести самый сильный удар. Кэшел верил, что тот, кто осмеливается нападать ночью на беззащитных, не представляет для него настоящей угрозы.

Небо порозовело. Отблески солнца скользнули по листьям бегоний. До полного восхода солнца оставалось несколько минут, и оно, еще не дотягиваясь до земли, уже осветило небеса. Кэшелу больше не приходилось опираться лишь на инстинкт. Со всех сторон его окружали скрюченные, цепляющиеся друг за друга стволы. Он добрался до того места, где лежал разбившийся воздушный корабль. Юноша остановился, решая, как лучше пройти последние несколько десятков шагов по крутому склону.

Так он и стоял, когда услышал какое-то движение на склоне за своей спиной.

Издали донесся голос Метры:

— Леди Тильфоза, остановитесь!

Кэшел улыбнулся. Тильфоза сказала, что чувствует себя рядом с ним надежно защищенной. Она последовала за ним — этого Кэшел не ожидал, — возможно, лишь для того, чтобы доказать свою смелость.

Внезапно в утренних сумерках раздался мягкий стук по золоту. Кэшел облегченно вздохнул. Он боялся, что противник не затаится, а продолжит бегство. Пастух хорошо знал, как следует вести себя в лесу, но следопыта из него не получилось.

Кэшел стал взбираться на каменистый холм. Рядом с тропой по отвесному скользкому глинистому склону бежал ручей.

Забавно. Оказывается, легче нестись вприпрыжку по ночному лесу, чем сделать несколько шагов почти при дневном свете. Теперь предстояло выполнить самую тяжелую и опасную часть работы.

— Кэшел, — услышал он тонкий голосок. Девушка находилась где-то рядом. — Это я, Тильфоза.

Она оказалась неглупа и постаралась заранее оповестить о своем приближении, вовремя сообразив, как именно может отреагировать Кэшел на звук раздавшихся в зарослях шагов.

Юноша стоял неподвижно, почти затаив дыхание, и слышал, как стекает в заводь ручья вода. Рассвет разбудил обитателей леса, которые начали громко кричать и заливаться трелями, оставаясь скрытыми от глаз.

Брошенный корабль покоился на прежнем месте. Костасу не удалось оставить на твердом металле даже царапин. Тело моряка, с распоротой грудью и выеденными внутренностями, лежало у самого края ручья. Его глаза были открыты и устремлены в озаряемое восходящим солнцем небо.

— Я иду к тебе, Кэшел, — опять прокричала Тильфоза, делая между словами паузы, чтобы перевести дыхание. — Я как раз позади тебя.

Выкрикнув последние слова, девушка стала взбираться на холм.

Шипы растений и острые ветки разорвали тунику Тильфозы, на правой щеке виднелась тонкая полоска крови. Девушке не доводилось раньше пробираться по темному лесу, но все же она на это решилась.

В правой руке Тильфоза держала резец из инструментов Крюка. Ручка его была деревянной, а острие стальным и довольно острым.

— Ты могла бы остаться в лагере, — одобряюще проговорил Кэшел. — Хотя, думаю, здесь повсюду небезопасно.

— Я не собиралась оставаться там без тебя, — ответила ему девушка.

Она задыхалась, но старалась не показывать, как сильно устала.

— Оно ушло?

— Не уверен, — ответил Кэшел. Он огляделся кругом, чтобы убедиться, что никто не поджидает их в засаде, и на всякий случай ударил по кусту лобелии посохом, который держал уже обеими руками.

— Кэшел, — окликнула его девушка. Она стояла на значительном от него расстоянии, обеспечивая юноше свободу для маневра на случай неожиданного появления врага. — Ты знаешь, что это? Это человек?

— Я ничего не знаю, могу только догадываться, — хрипло ответил Кэшел, пытаясь рассмотреть что-то впереди.

Из трубок каркаса торчали три огромных нароста, похожих на свисающие с разросшейся лианы коробочки с семенами. Одна из коробочек, возле носа корабля, склонилась к самой земле. Створки ее были раздавлены. Корни растений сплелись вокруг нее, и колония муравьев ползала взад и вперед, облюбовав там себе убежище.

Кэшел ступал осторожно, проверяя посохом землю перед собой всякий раз, прежде чем сделать следующий шаг. Чтобы нанести противнику разящий удар, ноги должны стоять на земле крепко.

Он прислушался к треску и хрусту веток за спиной.

— Леди Тильфоза! — хрипела где-то рядом Метра. — Где вы, госпожа?

— Убери ее отсюда, — закричал Кэшел. Он доверял Тильфозе, но к ее спутнице, волшебнице, это не относилось.

Женщины завели разговор на повышенных тонах, но Кэшелу до этого не было никакого дела. Он подошел к следующей коробочке размером с бурдюк. Она слегка покачивалась в воздухе, наполовину скрытая трубками корабля, которые ее поддерживали. Вес коробочки, сгибая и разгибая трубки, придал золоту форму двойного треножника.

Третий нарост имел форму кокона и громадные размеры. Сверху его кое-где закрывали кучки глины, перегнившие листья и упавшие ветки. Мягко сияющая поверхность отражала солнечный свет, на гладком металле не было ни пятнышка; под покрывавшим слоем гниющих листьев он блестел как отполированный.

Кэшел очень внимательно, пытаясь найти малейшие изменения, осмотрел нарост и, выждав пару минут, ударил по кокону наконечником посоха. Изнутри донесся мягкий, мелодичный звук. Такой же звук он слышал, когда преследовал непрошеного гостя.

Кэшел огляделся. Теперь он точно знал, что ему нужно, но пока не видел, где это можно найти. Тильфоза сидела спиной к разбитому каркасу воздушного корабля. Ее лицо было спокойным, и все же девушка нервничала. Она перехватила ищущий взгляд Кэшела, но промолчала, возможно, побоявшись помешать его размышлениям.

Метра устроилась возле Тильфозы, ее магический жезл покачивался взад-вперед, как голова цыпленка, клюющего зернышки. Она расстелила на земле новый шелковый свиток, на этот раз черный. Как показалось Кэшелу, символы на нем тоже были написаны красной краской. Меняя цвета пергаментов, волшебница поступала весьма осмотрительно — так она не смогла бы их перепутать в спешке.

Кэшел увидел то, что искал. Большой кусок извести. Его уже затянуло мхом, а отвалился он только потому, что в свое время на него упал корабль.

Могло ли чудовище слышать его? А если да, то понимало ли оно человеческую речь?

— Все в порядке, — крикнул он Тильфозе и улыбнулся. — Держи наготове свой резец, а то мне нужно ненадолго положить посох на землю.

Наверное, его голос звучал слишком уверенно. Но Кэшел действительно был рад, что у нее имеется при себе хоть какое-то оружие. Он отошел на несколько шагов назад, потом осторожно подошел к камню сбоку. Некоторое время он смотрел на кокон, пытаясь убедиться, что тот не может неожиданно открыться, затем прислонил посох к каркасу корабля в том месте, где две золотые трубочки соединялись в одну.

Юноша присел на корточки, взялся за камень и попытался сдвинуть его с места. Камень подался вперед. Земля возле выхода известняка наружу была такая ровная, что даже не пришлось расчищать площадку. Он не хотел споткнуться и поте-

рять равновесие, когда поднимет тяжелый камень вверх так же, как подкидывал молодого бычка на Овечьей Ярмарке.

Кэшел набрал в грудь воздуха.

— Раз-два, раз-два... — Он считал вдохи. — И!.. — закричал он то ли камню, то ли себе и резко дернул глыбу на себя. Когда она оторвалась от земли, Кэшел распрямил колени и, подождав, пока руки привыкнут держать этот тяжелый груз, направился к кокону, стараясь не качаться из стороны в сторону при ходьбе.

Кровь стучала в ушах, юноша не слышал ничего, даже своих тяжелых шагов по земле. Но он ощущал заклинания Метры. Магией она разверзла космос и впустила в этот мир неведомые силы...

Он не мог посмотреть вниз. Спина сгибалась под весом огромного камня. Кокон блестел сквозь красную дымку перед глазами, в висках пульсировала кровь.

— И!.. — Он начал раскачивать камень, стараясь придать ему нужное для точного броска ускорение.

Кэшел упал вперед вслед за камнем. Удар пришелся прямо в центр гладкого металла; кокон поддался весу камня и треснул прежде, чем огромная глыба скатилась вниз по склону, оставив в зарослях лобелии широкую просеку.

Юноша попытался вскочить. Тильфоза подскочила, чтобы помочь подняться, но больше мешала, а к нему еще не вернулся дар речи, и он не мог отослать ее назад.

Метра, как безумная, выскочила из кустов и попыталась засунуть свой жезл за пояс, но колдовство лишило ее движения координации; взгляд волшебницы был устремлен на проломленный кокон.

— Убери ее, — хрипло прошептал Кэшел, обращаясь к Тильфозе. Она подала ему посох, вот настоящая помощь, и схватила Метру за плечи. Девушка легко бы с ней справилась, Кэшел был в этом уверен, даже если бы у волшебницы не закончились силы.

Из потаенных недр тела возвращалась сила, истраченная на борьбу с камнем. Теперь он вновь стал самим собой, Кэшелом ор-Кенсетом, осторожным, ловким и осмотрительным.

Камень оставил на коконе вмятину размером с корзину для белья. А трещина в центре оказалась слишком узкой, чтобы попытаться выбраться через нее наружу. Удар превратил кокон в западню, которая держала того, кто был внутри, без всякого замка.

Кэшел схватил посох, просунул его в трещину и надавил. Раздался скрежет, трещина удлинилась, и кокон раскололся. Перехватив посох как копье, Кэшел быстро откинул правой ногой верхнюю крышку и отскочил.

Внутри лежало нечто, похожее на человека. У существа были небольшие челюсти, довольно плоский лоб, далеко посаженные друг от друга глаза, давно распухшие и превратившиеся в узкие щелочки. Его кожа стала слегка зеленоватой и гладкой, но на спине белели шрамы, полученные от несчастных жертв.

Через гущу леса пробивался свет. Когда крышка кокона открылась, чудовище вскрикнуло в агонии и закрыло лицо руками, на которых было по четыре пальца. От него распространялась омерзительная вонь. Кожа на голове и когтистых руках сгнила, обнажив разлагающуюся плоть. На шее существа болтался медальон, служивший ему единственной одеждой или украшением.

Кэшел вонзил в чудовище посох, пробив насквозь череп и поднятые руки. Металлический наконечник ударился о дно кокона и издал похоронный звук. Спина отвратительной твари изогнулась дугой. Она завопила и задргала ногами.

Задыхаясь больше от омерзения, чем от затраченных усилий, Кэшел шагнул назад. Тильфоза дотронулась до его руки, давая понять, что она рядом. Через его плечо девушка посмотрела на того, кто лежал в коконе.

— Дузи, стань на мою сторону, — прошептал Кэшел. Он сорвал лист с небольшой пальмы, которая росла на холме, и стал с ожесточением соскребать со своего посоха уже запекающуюся кровь и мозги. — Дузи, помоги тому, кто охраняет твоё стадо.

Метра все это время стояла в паре ярдов от них. Тильфоза взяла ее под руку.

— Отведи ее назад, — попросил девушку Кэшел. — Мне надо доделать работу.

Тело существа билось в конвульсиях. При свете дня оно оказалось намного меньше, чем представлялось Кэшелу в темноте, размером с девочку двенадцати-тринадцати лет. Такие же, как у человека, зубы, а когти не больше, чем у собаки. Только благодаря свирепости и животной силе чудовище разрывало жертвы на части даже без оружия. Больше это не повторится. Кэшел не знал, кем было чудовище и почему оно убивало таким жестоким способом, но он остановил его.

Метра наклонилась к трупу и взяла в руку медальон. Кэшел подумал, что ее заинтересовал металл. Но когда на медальон упал свет, юноша увидел, что он сделан из прозрачного и блестящего камня, такого же, как огненные опалы, которые носили при дворе принца Гаррика только благородные господа из Шенги.

— Да это же талисман! — закричала волшебница. — Оказывается, то был не миф! Релония действительно видела его в своих непонятных снах!

— Что это, Метра? — спросила Тильфоза. Ее голос прозвучал мягко, но чуть громче, чем нужно. Она уже спрятала резец за пояс, но когда волшебница закричала, ее пальцы снова сжали полированную рукоять.

Метра сняла с чудовища цепочку. Казалось, ее совсем не беспокоит то, что она дотрагивается до истлевшего заживо существа. Волшебница повесила амулет на вытянутую руку и стала разглядывать его со всех сторон.

— Вот что не дало ему уйти в мир мертвых, — сказала она. — Должно быть, он был великим волшебником. Возможно, когда он пролетал здесь, его корабль попал в магический катаклизм, который и лишил жизни последнего представителя Третьей Расы. Амулет, эта вещица, обладает огромной силой.

— И что, все вот так и погибли? Я имею в виду, вся Третья Раса? — поинтересовался Кэшел.

К тому времени плоть чудовища почернела и покрылась плесенью. Большие берцовые кости вывалились из суставов, упали на листья, гнившие вокруг кокона, и тут же рассыпались. От них осталась лишь небольшая горстка черного праха, казавшаяся блеклой по сравнению с ярким золотым коконом.

— Что? — В голосе Метры слышалось раздражение — ее речь осмелились прервать глупым вопросом. — Конечно же, нет. Они были более могучими, чем мы, во многих отношениях. Амулет мог сохранить ему жизнь, продлить ее на годы, столетия... Но он не мог утолить его голод.

Она с улыбкой посмотрела на Кэшела, как смотрят на простого неграмотного крестьянина с высоты глубоких знаний люди благородного происхождения.

— А кроме потерпевших кораблекрушение питаться ему здесь было нечем. Ведь так? — закончила Метра свои пояснения.

— Да, — кивнул Кэшел.

— Метра, положи амулет назад, в гроб, и пошли, — нахмурившись, сказала Тильфоза и посмотрела на волшебницу с отвращением. — Не думаю, что нам нужна эта вещь и что мы сможем применить ее для добрых дел.

— Не веди себя как ребенок, — огрызнулась волшебница. — С этим талисманом мы сможем...

Кэшел подошел к Метре и схватил висевший на ее руке амулет, скользкий и жирный от стекавшей по нему разлагавшейся плоти чудовища.

— Тильфоза права, мы вообще ничего не будем отсюда забирать.

— Да кто ты такой, чтобы указывать мне, что делать? Ты, варвар! — закричала в гнев волшебница и схватилась за цепочку. Кэшел потянул амулет в свою сторону.

— Метра! Пойдем отсюда, сейчас же! — воскликнула Тильфоза.

Цепочка не порвалась, но Метра, застонав от боли, причиненной врезавшимся в ладонь металлом, выпустила ее из рук. Она тут же попыталась схватить амулет вновь, но Кэшел оттолкнул жрицу.

— Если помнишь, это я убил носившую его тварь, — в ярости прокричал он.

Юноша бросил амулет на камни, Тильфоза успела схватить волшебницу за руку прежде, чем та кинулась подобрать его. Кэшел нанес точный и быстрый удар наконечником посоха,

такой же, каким разможил голову чудовища. Амулет рассыпался в пыль.

— А теперь, — сразу успокоившись, заявил Кэшел, — нам следует вернуться к остальным.

После удара по голове чувства Гара обострились. Он унюхал близость лагеря за пятьдесят шагов, еще до того, как увидел его. С той стороны тянуло дымом, кухонными отбросами и человеческими испражнениями. Кожевенный завод в деревушке Барка, где Халмат, а позднее его сын, выделяли шкуры, используя для этого куриный помет, находился с подветренной стороны от поселения. Банда Вескея оказалась не настолько избирательна в выборе места для лагеря.

Гаррик сморщился от отвращения, но не запах был тому виной, а мысль о том, что ему доведется вновь встретиться с этими людьми. Он вздохнул и двинулся туда, где разбила лагерь шайка. Дым от костра, на котором готовилась пища, стелился по земле в сыром воздухе. Пухлый мужчина размешивал похлебку в котле, висевшем на железном пруте между двух деревянных рогаток. Натянутые куски брезента служили жителям лагеря укрытием от частых дождей. Сэто сидел в окружении нескольких десятков человек. Один из разбойников держал в руке охотничий рог, украшенный золотой и серебряной гравировкой, который, возможно, когда-то принадлежал кучеру какого-то благородного господина. Он прижимал рог к губам и дул. По окрестностям лагеря разносился долгий, протяжный звук, призывающий бандитов к костру.

Тень от пары гигантских фиговых деревьев, росших на краю лагеря, не давала лучам солнца пробиться к подлеску. По этой причине стволы кустарников оказались всего лишь в палец толщиной. Бандиты соорудили на них сушилку для мокрой одежды и одеял.

— Гар! — зашебетала Тинт, все еще стоявшая на краю поляны возле двух сросшихся пальм, похожих на уши слона. — Гар, тебя побьют!

Никто не замечал Гаррика до тех пор, пока он не сдернул с куста большое одеяло и не повязал его вокруг пояса. Там же

висели и туники, но его интересовала не сама одежда — нужно было лишь прикрыть наготу. Будучи голым, он чувствовал себя гораздо хуже, нежели безоружным.

— Эй, мартышка, — крикнул повар, вытирая стекавший по лицу и груди жир. — принеси-ка еще дров, только на этот раз сухих! То гнилье, которое ты притащила в прошлый раз, нельзя даже бросить в огонь.

Сэто сидел спиной к Гаррику и не оглянулся на громкие крики повара. Зато его приятель с деревянной культяпкой ниже колена, которому бандит показывал кольцо с сапфиром, повернул голову. Гаррик узнал атамана Вескея, даже не обратившись к памяти Гара. Фигура его уже утратила былую стройность, он обзавелся изрядным брюшком, но остался широк в плечах. За оранжевым шелковым поясом висели два выкованных из закаленной стали ножа; их ручки слоновой кости пожелтели от частого применения. Другие разбойники были и выше ростом, и моложе, и вооружены до зубов, но этот мужчина сразу привлекал к себе внимание.

Гаррик заметил взгляд Вескея и поклонился ему. Атаман даже не повел бровью от удивления, но лицо его, с коротко стриженной козлиной бородкой, напряглось.

Полоумный Гар прежде никогда не смотрел на бандитов, действия Гаррика же были осмысленными. Теперь банда должна понять, что все изменилось.

— Ты забрал мое кольцо, Сэто, — произнес Гаррик вполне отчетливо. — Если ты не возражаешь, я хотел бы получить его назад.

Сэто обернулся с удивлением, которое тут же сменилось гневом. Кольцо, зажатое в правой руке, мешало ему выхватить меч, но он сумел достать из-за пояса свои короткие метательные ножи. Левой рукой Гаррик перехватил запястье бандита.

— Гляньте-ка, что это с Гаром? — крикнул толстый повар. Рог затрубил вновь, призывая болтающихся по лесу бандитов поспешить и позабавиться происходящим.

Сэто тщетно пытался высвободить руку.

— Пусть Сестра заберет тебя! — рычал он. — Клянусь Сестрой, ты...

Гаррик ударил его в солнечное сплетение, между расстегнутых пол рубахи; бандит попытался напрячь мышцы живота, чтобы ослабить удар, но кулак Гара напоминал дубину. Лицо Сэто побелело, ноги задрожали, и он рухнул на колени.

Гаррик тяжело дышал, мелко дрожа от напряжения и осознания грозящей — после того, что он сделал — опасности.

— Посмотрите, может, он кусается, — закричал упавший бандит. — У него изо рта не идет пена?

Гаррик наклонился и начал разжимать пальцы правой руки Сэто. Атаман шайки дотронулся до его плеча.

— Я сам позабочусь о кольце.

Сейчас Гаррик был готов дать отпор любому, кто попытается бы встать на его пути.

— Я нашел это... — произнес он, пытаясь обуздать ярость.

— Держите его, — приказал Вескей.

Бандиты схватили Гаррика и заломили руки за спину. Тинт закричала, но не решилась сойти с места.

Юноша быстро наклонился и с силой рванул руки вперед, столкнув сцепившихся в них бандитов лбами; парень, державший его за правую руку, закричал от боли и разжал хватку. Другие бандиты, стоявшие прежде поодаль, навалились на Гаррика и подмяли его под себя, сорвав с юноши одежду.

— Я просил подержать его, заberi вас Сестра! — закричал Вескей. — Я не приказывал бить, Адемий! Успокойтесь!

Гаррик прекратил сопротивление.

Двое бандитов все еще держали его за руку. Другие цеплялись за спину и ноги; еще один висел на шее.

При виде столь живописной картины Вескей улыбнулся. На ладони атамана лежало злополучное кольцо, и хотя сапфир был невелик, его грани ярко сверкали под лучами солнца.

— Отпустите, — приказал Вескей своим людям, все еще державшим Гаррика. — Теперь он будет смирным.

Сэто пытался подняться, опираясь руками о землю, но тщетно — он задыхался. Лицо его было перекошено, губы кривились от боли.

— Вескей, — обратился к атаману человек с охотничьим рогом. — Он же сумасшедший!

Вескей бросил взгляд на Сэто. Лицо выражало сочувствие, но глаза оставались безразличными к мучениям приятеля.

— Я не сумасшедший. — Гаррик глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. — Просто у меня плохое чувство юмора. Но впредь обещаю вести себя хорошо.

— Что происходит? — спросил один из только что подошедших бандитов.

Его приятель крикнул:

— Эй, Вескей, ты позвал нас сюда, чтобы показать кольцо?

Атаман снял башмак и бросил в человека, все еще висевшего на шее Гаррика.

— Я уже давно приказал отпустить его, Халофий, — сказал он негромко, но в голосе зазвучали металлические нотки. — Тосий, Хейм, вы меня слышали?

Бандиты с видимым сожалением отошли от Гаррика. Адемий, коренастый краснолицый парень, бросал на него злобные взгляды. Он единственный издевался над Гаром ради удовольствия, поэтому юноша не удержался и дал бандиту хорошего пинка под зад.

После этого он размял затекшие мышцы и наклонился, чтобы подобрать сорванное одеяло. Вескей помешал этому, наступив на противоположный край материи. Поймав недоуменный взгляд Гаррика, атаман произнес:

— Примерь одну из моих туник. Думаю, она тебе подойдет.

Тонкая шерстяная туника с вертикальными полосами коричневого и кремового цвета оказалась Гаррику впору. Он торопливо натянул на себя предложенную одежду, опасаясь, что кто-нибудь из бандитов попытается застать его врасплох.

Эта осторожность развеселила Вескея.

— Никто не тронет тебя, пока ты одеваешься, мой мальчик.

— Клянусь Сестрой, — прорычал Сэто, поднявшийся наконец на ноги и выхвативший меч. — Я собираюсь проткнуть этого мерзавца с того самого момента, как он здесь появился.

— У нас так не принято, Брат Сэто. Здесь собрались приличные люди. В том, что мы оказались на этом острове, виноват случай, а не наши злобные натуры.

Сэто выругался. Гаррик напрягся и отпрыгнул в сторону, лезвие меча едва его не задело.

— Сэто! — прикрикнул Вескей, вытаскивая из-за пояса ножи. — Мы не воюем против своих, помнишь?

— Гар не один из нас, — злобно прохрипел нападавший, но все же убрал меч в ножны. — Он животное.

Гаррик затаил дыхание. Он не знал, как попал к бандитам, но был уверен: дело плохо. В отличие от королевского Совета, эти люди с провинившимися не церемонились. Наказание за ошибки следовало незамедлительно, и, как правило, проступки карались смертью.

— Капитан Вескей. — Он поклонился атаману. — Мы с Тинт нашли кольцо, которое вы искали, а Сэто ограбил нас.

Связная речь Гаррика привела разбойников в замешательство.

— Что это с нашим Гаром? — удивленно спросил у атамана толстяк Тосий.

— Когда Сэто ударил меня в висок, ко мне вновь вернулся разум, — стал объяснять юноша, показывая пальцем на голову, где уже вздулась шишка внушительных размеров. Он вдруг осознал, что густая шевелюра Гара спасла его от неминуемой гибели.

— Это животное попыталось отобрать у меня кольцо, — перебил Сэто. — Мне пришлось напасть первым, и, если понадобится, я ударю снова, Вескей, нравится это тебе или нет!

Гаррик сидел тихо и выжидал. По опыту он знал — не стоит угрожать такому человеку, как Вескей, иначе можно нажать в его лице смертельного врага.

Оставив слова бывшего приятеля без ответа, Вескей встал и отступил назад. Теперь он хорошо видел и Сэто, и Гаррика.

— Не стоит называть меня капитаном, Гар. Мы здесь все равны. Я всего лишь выражаю общее мнение. Правда, Братья?

— Мы-то это знаем, Вескей, — ответил за всех Сэто. — Вот только интересно, ты сам об этом помнишь?

Остальные разбойники хранили напряженное молчание и лишь переводили взгляд с атамана на Сэто, ожидая развязки ссоры.

— Итак, Гар, — как ни в чем не бывало, продолжил Вескей, — значит, ты нашел кольцо и Сэто отобрал его у тебя?

— Вообще-то к кольцу меня привела Тинт, а я лишь выпал его.

Теперь все взгляды были обращены на Тинт. Когда стихли звуки борьбы, она наконец решилась выйти из своего укрытия и теперь стояла посреди поляны, понутив голову и избегая смотреть Гаррику в лицо.

— Почему Гар так странно говорит? — переспросил Тосий. — Слушайте, а вдруг это не Гар?

Гаррик посмотрел на Тосия и прищурился. Толстяк Тосий никогда не отличался умом, но сейчас лишь он и Вескей поняли, что происходит; неизвестно как, но эти двое догадались — перед ними не полоумный Гар.

— Зачем ты разговариваешь с этим животным? — требовал объяснений Сэто. — Какая разница, как он говорит...

— Такие ссоры между Братьями решаются с помощью Шара Правды, — прервал его Вескей, — поэтому я объявляю суд.

Он жестом указал на деревянный ящик за камнями, недалеко от натянутого брезента.

— Какой такой суд? — поинтересовался Сэто.

— Атаман, да это же Гар, — вмешался Адемий, удивившийся не меньше Сэто. Происходящее очень взволновало его. — Суд — для Братьев, а не для мартышек.

— Посоревнуемся в цитировании Селондра, Адемий? — съязвил Гаррик. — Например, «один и тот же шанс объединяет волка и овцу...» Или у тебя другой любимый поэт?

— Что? — изумился Адемий. — Что он такое говорит?

Гаррик холодно улыбнулся. Стихотворное состязание было единственным способом доказать разбойникам, что он не полоумная обезьяна.

Но Вескей решил по-другому. Он присел на корточки и без ключа открыл сундучок, затем запустил внутрь руку и достал красный шар размером с орех гикори.

— Предлагаю выбор, Сэто. Или ты признаешься сам, или придется пустить в ход Шар Правды. Только учти, после Гара настанет твоя очередь исповедоваться.

— Он мне не брат, он животное, — выкрикнул Сэто, выделяя последнее слово. — Ты не можешь заставить меня пройти через это испытание наравне с обезьяной!

— Если бы мы не поклялись чтить наши законы, — ответил Вескей, держа шар на ладони, — ты мог бы отказаться. Поэтому выбирай, кто из вас будет первым.

— Он даже говорит не как животное, — не успокаивался Тосий. — Он говорит лучше меня.

Принц украдкой присматривался к банде. Не все разбойники были необразованными пнями, как он предположил сначала. Некоторые из них, например Хейм, прежде явно жили в городе.

— Пусть он первым возьмет шар и наврет вам с три короба! — гневно бросил Сэто. — Мне все равно!

Гаррик не знал, чем все закончится, но догадывался, что Вескей — на его стороне. Атаман, перебросив шар из одной руки в другую, протянул его Гаррику.

— Положи Шар Правды в рот, Брат Гар, и расскажи нам свою историю. Если солжешь, твои слова превратятся в яд.

— Я никогда не лгу, — гордо ответил Гаррик.

— А затем передай шар Брату Сэто, — нараспев продолжил атаман. — Человеку, который говорит правду, бояться нечего.

Вескей посмотрел на стоящих вокруг него бандитов. Их было человек двадцать, практически все лица украшали глубокие шрамы.

— Знаешь, Вескей, я до сих пор не понимаю, как этот шар определяет лжеца, — пробормотал Адемий. Его глаза испуганно бегали, он не осмеливался даже смотреть на атамана.

— Ты многого не понимаешь, Адемий, — усмехнулся Хейм.

— Будь ты проклят, Хейм! — Адемий схватился за нож.

— В молодости я прислуживал одному святому отшельнику. — Вескей неторопливо начал рассказ, который слышали все, кроме Гаррика. — Шар Правды достался мне от него в наследство. Он не волшебный, но вера наделила его способностью видеть человеческие души, Брат Адемий.

— Давайте поскорее с этим покончим, — прохрипел Сэто. — Приступай.

— Хорошо. — Гаррик взял шар из рук Вескея. — Давайте покончим с этим.

Шар оказался на удивление легким, будто был из дерева, а не из камня. Его поверхность кое-где покрылась выбоинами.

— Будь краток, Брат Гар, и ради спасения своей жизни, скажи нам правду.

Гаррик положил шар в рот и заговорил:

— Я выкопал кольцо в лесу. — Слова давались ему с трудом, шар мешал говорить. — А негодяй Сэто ударил меня по голове и украл его.

Он выплюнул шар на ладонь, во рту остался кислый привкус, других изменений Гаррик не почувствовал.

— Теперь твоя очередь, Брат Сэто. Гар, отдай ему шар.

— Вот, возьми. — Гаррик протянул шар разбойнику.

— Не буду я это делать! — Сэто отрицательно покачал головой.

— Твоя очередь, Брат, — повторил вслед за атаманом Тосий, небрежно помахивая топором. — Бери шар.

— Сестра покарает тебя, — прошептал Сэто и выхватил шар из рук Гаррика. Помедлив мгновение, засунул его в рот.

— Я нашел кольцо и... — только и смог произнести бандит, после чего выплюнул шар на землю. Его лицо побелело, потом стало красным, рот наполнился слюзью и слюной. Сэто стошнило.

— Ты пытался отравить меня, Вескей! — Разбойник выхватил из ножен меч. — За это я отправлю тебя в Ад!

Остальные бандиты расступились в стороны. Сэто был силен, а длинный меч представлял явную угрозу для противника.

Вместо того чтобы обороняться, атаман отпрыгнул в сторону. Теперь его и Сэто разделял костер. Вескей повернул голову к Гаррику.

— Брат Гар, твой противник не хочет принимать приговор, вынесенный Шаром Правды. Что ты на это скажешь?

Размахивая мечом, Сэто рванулся к Гаррику. Принц вырвал железный прут, на котором висел котел с супом, и прыгнул навстречу врагу. Похлебка вылилась в костер, огонь зашипел и начал затухать. Гаррик отступил на шаг и перехватил оружие обеими руками. Держать полутораметровый железный прут в палец толщиной было неудобно, к тому же он накалился на огне, но мозолистые ладони Гара не ощущали жара.

Сэто замахнулся. Юноша отразил удар — во все стороны полетели искры, меч выпал из рук нападавшего. Воспользовав-

шись замешательством соперника, принц нанес разбойнику удар в живот, Сэто взвыл и согнулся пополам.

Гаррик отступил назад, оценивая ситуацию, затем начал вращать прут в руках, готовясь к следующей атаке. Сэто попытался подобрать с земли меч, но Гаррик, откинув прутom выпавшее оружие, нанес бандиту сокрушительный удар по голове.

Сэто повалился на левый бок, из раны полилась кровь. Меч, описав полукруг, вонзился в землю рядом с местом, где стоял Адемий. Тот едва успел отпрыгнуть в сторону, грязно выругался, и затем все смолкло.

Гаррик бросил прут под ноги, прямо в грязь. Он тяжело дышал и немного покачивался — сказывалось пережитое напряжение.

Вескей слегка скривился и прошел мимо затухающего костра. Вытащив торчащий из земли меч, он оценил остроту клинка. От удара о прут на лезвии остались зазубрины. Атаман обвел всех взглядом, разбойники отводили глаза в сторону и молчали.

— Сэто не принял приговора, вынесенного Шаром Правды, — заключил Вескей. — Кто хочет занять его место?

Гаррик пришел в себя, дыхание выровнялось, сердце уже не стучало. Он выпрямился и поднял прут, железо почти остыло и не обжигало ладони.

Тинт, поскуливая, подползла к Гаррику. Не сводя глаз с атамана, он погладил ее по голове.

— Что ж, я рассчитывал на ваше благоразумие, — громко произнес Вескей и, приблизившись к Гаррику, вложил ему в руку меч.

— Иди, Брат Гар. Заверши дело и убей клятвопреступника.

Гаррик взял клинок. Раньше ему не приходилось держать меч с изогнутым лезвием. Юноша перевел взгляд на поверженного врага — Сэто лежал без сознания, вместо дыхания из его груди вырывались хрипы.

— Пусть живет! Я не стану убивать безоружного человека.

— Это делает честь твоему воспитанию, Брат. — Вескей наклонился, расстегнул пряжку на тяжелом поясе Сэто и бросил

ножны в сторону Гаррика. — Предлагаю выпить вина в тихом месте и обсудить наши дела.

— Согласен, — ответил Гаррик.

Другие члены банды одобрительно закивали и забормотали что-то себе под нос в знак согласия.

— Отлично, — заключил Вескей и, наклонившись, спокойно перерезал Сэто горло. Кровь хлынула рекой, окрасив землю в алый цвет.

— Таково мое воспитание, — сказал Вескей и разразился диким хохотом.

Глава седьмая

От реки тянуло прохладой. Сезон дождей давно закончился, и вместо рева бурного потока слышалось лишь слабое журчание ручейка. На берегу росли папоротники, а над головой качались тяжелые ветви филодендрона.

Вескей присел на большой, отполированный водой камень и приглашающим жестом указал Гаррику на соседний булыжник. Представительная фигура разбойника возвышалась как на троне, подчеркивая превосходство атамана. Принц понимающе усмехнулся.

Заметив это, Вескей рассмеялся, сделал глоток вина из большой бутылки, показывая, что напиток не отравлен, и протянул бутылку Гаррику.

— А теперь, приятель, расскажи мне, кто ты такой.

Во рту принца до сих пор сохранялся противный вкус Шара Правды. Он сделал большой глоток вина, прополоскал им горло и сплюнул, потом наклонился, зачерпнул из ручейка пригоршню воды молочного цвета и выпил — на вкус она была приятной и прохладной. Затем вновь посмотрел на Вескея. Атаман ждал.

— Сэто ударил меня по голове, и ко мне вернулась память.

— Я видел синяк, — согласился Вескей. У него был приятный голос. — Но Гар бы не вспомнил поэта, умершего две ты-

сячи лет назад. До этого, — атаман постучал деревянной култей о камень, — и до того, как у меня возникли проблемы со сборщиками налогов, я преподавал в школе. Но и мне известно лишь несколько строф из Селондра, поэтому спрашиваю еще раз: кто ты?

Селондр был великим поэтом Старого Королевства. Но он умер за тысячу лет до рождения принца Гаррика. Выходит, Эйхеус погрузил сознание Гаррика не только в другое место, но и в другую эпоху.

— Я Гаррик, принц Хафтский, — произнес он, намеренно растягивая слова.

Вескей изменился в лице.

— Правитель Хафта, принц Гаррик, — недоверчиво повторил атаман. — Насколько я знаю, он погиб в битве с армией графа Блэйза на Тизамуре. После его смерти и победы над великими армиями Архай уничтожил Острова. Уцелел лишь Лаут, которым сейчас правит Заступник.

Атаман сделал еще один глоток вина и передал бутылку Гаррику. Лицо разбойника исказилось, он горько усмехнулся.

— По крайней мере это все, что известно о произошедшем нам здесь, на Лауте.

— Если правителя, о котором ты говоришь, зовут Эйхеус, то у нас общий враг. И это он отправил меня сюда, — прошептал принц на ухо Вескею.

Лагерь находился рядом, но из-за джунглей его не было видно. Однако остальные бандиты могли бродить где-то неподалеку.

Тинт, сгорбившись, сидела на берегу, не шевелясь и дрожа от страха. Она не сводила глаз с большой лианы. Растение спускалось к ручью, как бы обрамляя его. Проследив за взглядом Тинт, Гаррик с изумлением заметил, что лозу обвил пятнистый питон, и невозможно было понять, спит он или поджидает следующую жертву.

Гаррик пожал плечами.

— Я не знаю, как попал сюда, — вновь повторил он. — Знаю только, что я — Гаррик, хотя и нахожусь сейчас в теле Гара.

Он выпил. Вино на Хафте было роскошью. Рейзе всегда держал под рукой несколько бутылочек для заезжих постояль-

цев. Остальные жители деревушки пили горькое пиво, сваренное из растущего в тех местах дубровника.

— Я заберу бутылку. — Вескей допил вино.

Прежде чем обжечь бутылку, на ней вылепили глиняный венчик. То был отличительный знак винодела, и таким гербом отмечали продукт хорошего качества, поэтому Вескей и предложил этот напиток. Но Гаррик отметил про себя, что вкус у вина ужасный.

Он совсем не был уверен, что хочет в нынешней жизни стать разбойником. Но, как и в случае с вином, оказался лишен права выбора.

Вескей, поджав губы, задумчиво наблюдал за плывущими по ручью листьями. Через некоторое время он хмуро спросил:

— Ну, так как с тобой быть?

— Вообще-то я бы поставил вопрос не так, нуда ладно. Лучше расскажи, в чем фокус с Шаром Правды? Как он определил, что нужно отравить Сэто, а не меня?

Вескей засмеялся.

— Так ты не поверил, что я на самом деле служил у святого отшельника? Но так оно и было.

Он вновь задумался, потом продолжил:

— Конечно, шар не мог определить, где правда, а где ложь. Но Сэто выдал себя, приняв за яд окись квасцов.

Гаррик сделал вывод из сказанного:

— Значит, ты не знал, лжет Сэто или нет, тебе было все равно.

Атамана не возмутило замечание принца.

— Понимаешь, я заметил, что бывший приятель желает занять мое место. Слишком бездумно пользовался властью, что получил от меня. Пришлось даже приглядывать за ним. Поэтому, когда на горизонте возник ты... — Жест Вескея объяснил все лучше слов.

— Как ты догадался, что я смогу победить Сэто? — спросил у атамана Гаррик. Он уже знал ответ, но его интересовало, что скажет Вескей.

— Честно говоря, — признался атаман, а именно этого и добивался Гаррик, — я и не знал. Но когда увидел, как ты дви-

гаешься, как держишь оружие, подумал, что на тебя можно поставить... А победа Сэто означала бы, что ты не тот, кто мне нужен, согласен?

Выпирающие из земли — там, где они сидели, — толстые корни гигантских деревьев сморщились, будто петушинные гребни коричневого и серого цвета. Один завиток корня походил на огромную чашу, которая, казалось, могла бы вместить в себя маленький бочонок пива. Гаррик внезапно понял, что несколько блестящих на завитке пятнышек — не черные шляпки грибов, а глаза свернувшихся в кольца змей, которых здесь было не счесть.

— Продолжай, — попросил Гаррик атамана. Змей он не боялся. Ему не раз приходилось сталкиваться с настоящей опасностью, и принц знал, как с этим справляться, поэтому прямо-таки разбойника его также ничуть не задела.

— Если ты был в свое время принцем, — сказал Вескей, протягивая руку за второй бутылкой вина, — да даже если и не был, то все равно не смог бы понять, что происходит сейчас на Лауте.

Со стороны могло показаться, что атаман шутит. Но Гаррику было не до смеха. Этими словами Вескей откровенно показывал принцу, что и хотел бы ему верить, но это совсем не просто.

— Это Лаут? — перебил атамана Гаррик. Ни он сам, ни король Карус никогда не посещали этот остров. Лизин знала о нем значительно больше. Вспомнив девушку, принц почувствовал, как внутри все заныло от тоски. Как жаль, что ее нет сейчас рядом!

— Это Змеиный Остров, на юге Лаута, — ответил Вескей. — Разве сюда поедешь по собственной воле? Конечно, если у тебя нет для этого веских оснований.

Он опять постучал своей деревянной ногой по камню.

— Наша задача, — продолжил атаман, — найти здесь магическое кольцо. Для этого нас и нанял лорд Талемус. У него есть советник, волшебник Метрон. Он открыл лорду, что кольцо поможет победить тирана Эйхеона и вновь откроет для Лаута потусторонний мир.

Вескей сжал левую руку в кулак. Когда он разжал ладонь, на его мизинце блесло кольцо с сапфиром.

— Вот это кольцо? — спросил Гаррик. — То самое, что я нашел?

— Надеюсь на это, мой друг.

Вескей вновь сжал руку в кулак, а когда разжал — кольцо исчезло.

— Продолжаю совершенствовать навыки, — усмехнулся он. — Невозможно угадать, когда пригодится мастерство. Вот, например, сегодня...

Разбойник честно посмотрел в глаза Гаррику.

— Я много чего умею. Показываю фокусы, жонглирую, а еще могу выделывать разные штуки с ножами. И мне не составило бы большого труда избавиться от Сэто, если бы ты... — он запнулся, пытаясь найти подходящее слово, — не появился.

Атаман протянул принцу вино и прибавил:

— Мне нужен в помощники человек вроде тебя, Гаррик. Такой, которому я смогу доверять не только потому, что у него сильная рука.

Юноша сделал глоток, еще один. Вино уже не казалось ему таким неприятным, как раньше.

— Полагаешь, из меня получится настоящий разбойник, мастер Вескей? — спросил Гаррик. — Может, конечно, так оно и есть, но я не чувствую к этому призвания. Обещаю честно помогать тебе здесь, но на Лауте мы расстанемся.

Принц слегка наклонился вперед.

— Если у тебя нет возражений, — закончил он.

Его удивила собственная дерзость: неужели он смог напрямую угрожать атаману разбойников, даже когда рядом нет духа его предка.

Вескей разразился хохотом.

— Я не могу угрожать человеку, который вышел сражаться с раскаленным прутом против лучшего воина в нашем братстве. Нет, я не буду этого делать, дорогой Гаррик.

Он опять потянулся за вином, но вместо того, чтобы выпить, вновь обратился к принцу:

— Да, мы бандиты, ты прав. Но большинство из нас не по своей воле ступило на этот путь. Честным людям не выжить на Лауте под властью диктатора. Я вот не смог.

Вескей приложился к бутылке. Его руки слегка тряслись, улыбка поблекла, а потом и вовсе пропала — из-за мыслей, что роились в его голове.

— Мы не святые, Гаррик. Нашей добычей может стать любой, у кого есть деньги. Но с другой стороны, здесь, на Змеином Острове, мы — агенты Талемуса. — Вескей наклонился вперед, приблизив свое лицо к лицу Гаррика. — Это — проклятое место. Здесь, прежде чем его нашли и оказали помощь, умер от укуса змеи Кельбат ор-Хейса. Мы служим графу Талемусу не за деньги, что предложил Метрон, а ради той цели, к которой он стремится. Предки его правили Лаутом до того, как колдун Эйхеус захватил власть на острове и провозгласил себя его представителем в Новом Королевстве. Нынешний диктатор, Эйхеон, правит уже сто лет. Это величайший маг и самый жестокий тиран своей династии. Но Метрон обещает вернуть престол Талемусу с помощью этого...

Сапфир сверкнул на пальце атамана голубым светом.

— ...кольца.

Гаррик нахмурился.

— Эйхеон бессмертен?

Атаман пожал плечами.

— Правитель совсем не изменился за сотню лет. Но то, как он холит и лелеет свое тело, доказывает, что он смертен. Хотя, возможно, смерть от старости ему не грозит. Но умертвить его не составит для нас никакого труда, уверяю тебя, пусть только кто-нибудь из нашего Братства окажется с ним рядом.

Вескей опять развеселился. По лицу его было видно, что вино уже оказало свое действие.

— Но, как я уже говорил, мы не святые и вряд ли изменимся к лучшему. Особенно если сборщики налогов Эйхеона доберутся сюда. Тогда нам пригодятся твой ум и твой меч. А ты мог бы обрести семью и побольше узнать о Лауте.

— Отлично сказано. — Гаррик одобряюще кивнул. Взаимная настороженность, державшая их в напряжении, ушла. Вес-

кей оказался слишком умен, чтобы приобретать в лице Гарри-ка врага; но и принц уже видел ножи атамана в действии.

— Ну что, по рукам? — спросил Вескей.

Гаррик улыбнулся.

— Мой близкий друг Карус любил повторять, что лучше — друг вблизи с ножом, чем вдали с мечом. Возможно, он прав. Но я не думал, что найду подтверждение этому здесь.

Вескей положил руки на колени.

— Послушай, парень, — прошептал атаман. Лицо его стало серьезным. — Ты можешь уйти отсюда, когда придет судно с Лаута, с моего позволения или тайно. Но пойми, честным людям нет там места, конечно, если не пойти на службу к тирану.

Гаррик отрицательно покачал головой.

— Я так и думал, — сказал Вескей. — Этого делать ты не намерен, ну так оставайся с нами, по крайней мере на какое-то время. И если тебе удастся помочь нам с ним справиться...

Лицо бандита стало серьезным.

— Если нам это удастся, я буду знать, что не зря потерял ногу.

Он хлопнул рукой по своей культяшке.

— Клянусь Господой, мой друг, — прохрипел атаман, — ради победы над Эйхеоном я готов рискнуть собственной шкурой.

Гаррик нахмурился.

— Это делает тебе честь, мастер Вескей. Но если на Лауте все так плохо, почему вы не перебрались на другой остров?

Вескей нахмурился, сначала от удивления, потом от злости. Наконец он понял, в чем дело.

— Я забыл, что говорю с принцем Гарриком из Нового Королевства. Смельчаки, которые отважились покинуть Лаут, и те, кто пытался попасть сюда с других Островов, попадали на галеры Защитников Мира.

Он грустно ухмыльнулся.

— Их корабли топили, а сами они погибали в тяжких муках. Никто не мог отплыть или приблизиться к острову ближе, чем на лье. Говорят, что Эйхеон использовал магию, чтобы уничтожить флот, с которым не могли справиться его Защит-

ники, но мне об этом ничего не известно. Сомневаюсь, что в королевстве когда-то еще была такая армия, как тысячу лет назад, во времена правления принца Гаррика, когда Новое Королевство уничтожили Архаи.

— Если никто не может пробраться на Лаут, — произнес Гаррик, обдумывая каждое услышанное слово, — то как же проник сюда с Тизамура советник Талемуса?

— А, Метрон, — засмеялся Вескей. — С кошельком, набитым золотыми монетами, и умением творить магические заклинания ему не составило труда это сделать.

— Может, он шпион Эйхеона? — не унимался Гаррик. — Решил заманить вас сюда, чтобы поймать?

Вескей горько вздохнул.

— Ты думаешь как принц. — Он нахмурился. — Может быть. Я уже думал об этом, хотя и не сказал никому из братьев, сам понимаешь почему. И все же решил воспользоваться шансом, вдруг удастся победить тирана?

Гаррик кивнул:

— Понимаю.

Что бы Карус сделал на его месте? Наверное, рискнул и постарался помочь Талемусу. Оправдан ли этот риск? А что еще ему остается? Только бродить по острову, как одинокому бродяге, с девушкой-обезьяной в придачу.

Гаррик посмотрел на Тинт. Та почувствовала на себе его взгляд и осмелилась поднять голову. Девушка-обезьяна все еще дрожала от страха перед змеями. Он не мог бросить Тинт, но и оставаться здесь на Змеином Острове тоже не собирался; принц решил попытать счастья и добраться до Лаута, другого выбора у него не было.

Гаррик широко улыбнулся атаману.

— Хорошо, мастер Вескей. За прошедший год я овладел многими навыками, пожалуй, на какое-то время соглашусь попробовать себя и в роли разбойника и бунтовщика.

Вескей наклонился вперед и похлопал Гаррика по плечу.

— Ты будешь хорошим разбойником, друг мой. Добро пожаловать в Братство.

* * *

Кэшел заслонился рукой от полуденного солнца и посмотрел на сверкающее под его лучами море. Вода в бухте напоминала гладкое зеркало, и лишь на горизонте темнела цепочка рифов. Воздух дрожал от нестерпимого зноя, и все живое стремилось укрыться в тени.

— Самое время отправляться, — обратился он к Тильфозе. Девушка сидела рядом, под тем самым обломком скалы, откуда ночью напряженно всматривался в темноту Кэшел. — Нужно пересечь рифы, пока стоит штиль. Правда, надо грести.

Парус, прикрепленный моряками к уцелевшей от старого корабля мачте, безвольно поник. Им всем придется сидеть на веслах. Конечно, за исключением Тильфозы.

Кэшел вытер руки о тунику. Он привык к тяжелой работе и, если нужно, возьмет в руки весло.

Метра колдовала на поляне, специально расчищенной для нее Кэшелом среди папоротников. Защитный полог, использовавшийся ею раньше в магических ритуалах, теперь стал частью снаряжения. Не желая привлекать к себе внимание команды, Метра постаралась найти укромное место, а моряки, как и большинство обычных людей, вовсе не желали находиться рядом с волшебницей.

Кэшел не боялся магии, но был рад, что не видит Метру. Она никогда ему не нравилась и доверия не вызывала.

— Ты же поднял тот огромный камень. — Тильфоза оторвалась от чтения какой-то книги в коричневой обложке. — Тебе это будет нетрудно.

— Да, пришлось попотеть... — Кэшел запнулся, подбирая слова, чтобы лучше выразить мысль. — Но то, что я убил того каннибала... Понимаешь, я хочу все забыть.

Он замолчал, посчитав, что Тильфоза не сможет его понять. Но она уж точно не будет насмехаться над ним как односельчане: о, этот глупый осел Кэшел не может сказать ничего стоящего. Девушка улыбнулась, но лицо ее оставалось печальным, а в глазах дрожали слезы. Она перевела взгляд на песок и сгорбилась.

— Я хочу уехать с острова, — прошептала Тильфоза. Ее плотно сжатые руки задрожали, и Кэшел испугался, что она запла-

чет. — Я готова выбираться отсюда вплавь, если не получится спустить лодку на воду. Но они же справятся с этим, правда?

Девушка подняла глаза и посмотрела в сторону шлюпки, возле которой толпились моряки. Под руководством Крюка они уже нарастили стенки из остатков палубы разбившегося корабля и закрепили мачту, превратив ялик в небольшое судно.

— Да, думаю, они сами не хотят затягивать с отплытием, — подтвердил Кэшел, постаравшись придать голосу уверенности. Тильфоза верила ему и искала поддержки; нельзя смеяться над ней за то, что девушка поддалась минутной слабости. Ведь минувшей ночью, когда ситуация приняла опасный оборот, она переборола страх и бросилась ему на помощь. Сейчас же, когда монстр из золотого гроба рассыпался в прах, она позволила себе расслабиться.

Тильфоза задумчиво смотрела на море. Моряки продолжали крепить к лодке руль. Ящики с провизией и бочки с водой стояли на берегу; похоже, до отплытия еще оставалось время.

Кэшел откашлялся.

— Можешь рассказать о своем женихе и об острове, с которого он родом? Мне ничего не известно про Лаут, сам ведь я с Хафта.

В действительности же еще несколько месяцев назад Кэшел ничего не знал даже о графе Ласкарге из Каркозы, столицы Хафта, и даже не догадывался, кто вообще правит Лаутом. Жители деревни Барка мало путешествовали, а купцы, приезжавшие к ним за овцами и шерстью, не слишком распространялись о тех местах, откуда прибыли.

Тильфоза взглянула на него и неожиданно рассмеялась.

— Спасибо, что пытаешься отвлечь меня от грустных мыслей. Ты на самом деле хочешь знать это?

— Конечно, — уверил ее Кэшел. На горизонте он заметил черное пятнышко. — Ведь у меня появилась возможность узнать что-то новое, и я не желаю ее упускать.

Юноше казалось, что темневшее вдали пятнышко — альбатрос, хотя с такого расстояния он мог и ошибиться. Даже чайки старались держаться подальше от острова, а уж их точно не волновало ничего, кроме набитого брюха.

— В этом нет особой тайны, — негромко начала рассказывать Тильфоза. Моряки, возившиеся с лодкой, их не слышали, но рядом были джунгли, где колдовала Метра, — туда и смотрела сейчас девушка. Отвернувшись, она продолжила: — Но от меня это держали в секрете. Я думаю, Метра...

Тильфоза понизила голос, Кэшел понимающе кивнул.

— Мои родители погибли, когда я была совсем маленькой, даже их лиц не помню. Они утонули в море. С тех пор я не люблю море. Но когда пришлось ехать на Лаут, выбора мне не оставили.

— Когда ты познакомишься с моей сестрой Илной, — поспешил отвлечь ее от грустных мыслей Кэшел, — вы поладите, да и мои друзья тебе понравятся.

Тильфоза нахмурилась.

— Потому что они также не любят море?

— Нет, что ты, — попытался успокоить ее Кэшел. — Просто им часто приходится делать то, чего они боятся.

Юноша улыбнулся при воспоминании о близких ему людях, особенно о Шарине. Ее милое личико и мелодичный смех навсегда поселились в его памяти.

— А как же ты, Кэшел? — спросила Тильфоза. — Ты тоже берешься за дела, которых боишься?

Кэшел пожал плечами.

— Единственное, что заставляет меня беспокоиться, это отсутствие работы.

Он смутился своих хвастливых слов и замолчал.

— После смерти родителей, — продолжила Тильфоза, — я попала под опеку храма нашей Лунной Владычицы в Доннеле. Священники заботились обо мне, дали образование, достойное девушки из благородной семьи. Но им не удалось сделать из меня монахиню, и я знаю о храмовых ритуалах не больше, чем простая домохозяйка.

Кэшел кивнул, показывая, что внимательно слушает. На Хафте священники пели гимны Великим Богам во время главных праздников, простой народ поклонялся им и платил дань, о чем делались записи в книгах учета. Оказывается, на Тизамуре все обстоит иначе. По крайней мере...

— Почему ты всегда говоришь о Владычице? — спросил Кэшел, посмотрев девушке прямо в глаза. — Ты имеешь в виду Госпожу, так ведь?

Тильфоза слегка нахмурилась.

— Знаешь, Владычица... Это очень сложно объяснить, Кэшел. Владычица — это Лунный прообраз Госпожи, но только она настоящая, живая. Я хочу сказать...

Она украдкой взглянула на джунгли — удостовериться, что Метра все еще колдует.

— В нашем храме в Доннеле нет статуй с изображением Владычицы, — чуть слышно прошептала девушка. — Она как видение появляется только тогда, когда верующие приходят в храм вечером помолиться. Ее образ является только тем, кто действительно в нее верит. Владычица — это не статуя Госпожи, сделанная из камня или дерева, как в других храмах.

Капитан остался доволен проведенными работами по переоборудованию ялика. Крюк еще обтачивал рашпилем края крепежного винта, когда команда начала грузить на судно провизию и воду.

Мауникс посмотрел в сторону Кэшела, но не окликнул. Обычно Кэшел сам приходил на помощь, даже если о ней не просили, но погрузкой — не считая капитана и Крюка — занимались еще примерно три десятка человек. Объединенные общим желанием покинуть остров все работали слаженно.

Кэшел понимал их. Он сам хотел убраться отсюда, хотя и не был уверен, что на Лауте ему понравится больше. Но разных мест, куда его могла забросить судьба, оставалось еще немало.

— Владычица явилась главному жрецу во сне и поведала, что я должна выйти замуж за Талемуса с Лаута, — продолжила Тильфоза, наблюдая за последними приготовлениями команды. — Тогда она вернется к нам и будет править миром, как и прежде.

Девушка улыбнулась Кэшелу и бросила еще один взгляд на джунгли, улыбка сползла с ее лица.

— Мы никогда не встречались с графом Талемусом. И я даже не уверена, что он извещен о цели моего путешествия на Лаут. Но Владычица знает все, и ее воля будет исполнена.

— Эй, на берегу, — крикнул капитан Мауникс, обращаясь больше к Кэшелу, нежели к его спутнице, — вам лучше сходить за колдуньей, если она хочет отплыть с нами.

— Оставим ее здесь, — предложил, тут же спрятавшись за спины товарищей, один из моряков.

— Я приведу ее, — спокойно сказал Кэшел.

Тильфоза уже поднялась на ноги. Они направились к поляне, откуда слышался голос Метры. Прежде чем углубиться в лес, юноша оглянулся, чтобы удостовериться, что моряки их ждут. Поведение команды внушало подозрения, и ему не хотелось оказаться обманутым этими людьми.

— А ты сама что-нибудь решаешь, Тильфоза? — спросил Кэшел, прокладывая путь через папоротник.

Девушка засмеялась и похлопала его по плечу.

— Благодарю за беспокойство, но ты не понимаешь, что значит иметь настоящего Бога, тем более когда это сама Владычица, которая указывает тебе, что следует делать.

Из зарослей послышался хриплый голос Метры, по коже юноши побежали мурашки.

— Госпожа Метра. — Кэшел решил предупредить волшебницу об их приближении. — Мы пришли, чтобы проводить вас на корабль. Пора отплывать. — Он повернулся к своей спутнице: — Нет, леди, я не понимаю, что значит выполнять приказания Бога.

Кэшелу казалось, что Тильфоза сама не знает, о чем говорит, но он не хотел с ней ссориться.

Юноша отодвинул последний куст, и они вышли на лужайку, где сидела Метра. Увидев их, волшебница попыталась встать, но силы ее оставили.

— Забери ее пожитки, Тильфоза, — попросил Кэшел. Он переложил посох в левую руку и, наклонившись, поднял Метру на руки, не обращая внимания на возражения.

Кэшел не любил тратить время на пустые разговоры, когда ждут дела.

— Чалкус идет! — закричала Мерота и вскочила со скамейки, на которой сидела вместе с Илной под увитым виноградом

навесом. Девочка уже собралась броситься моряку навстречу, но тут же остановилась.

— Илна, можно?..

Такое поведение девочки понравилось Илне, но она постаралась не выказать удовлетворения. Пальцы ее продолжали плести узлы, создавая новый рисунок.

— Конечно. — Девушка сдержала улыбку. Мерота побежала к Чалкусу. Тот со смехом прошел мимо стражников, подтрунивая над девочкой.

При взгляде на него улыбка Илны испарилась. Ее не ввели в заблуждение ни молодцеватая походка Чалкуса, ни беззаботное выражение его лица — она сразу же поняла, как он напряжен.

Илна продолжала плести узор. Моток ниток лежал на коленях. Это занятие не занимало ум, но монотонная работа помогала упорядочить мысли, иначе она не пережила бы всего, что на нее свалилось.

Даже Илна он-Кенсет не могла спокойно созерцать серый, сплетенный из мерцающей паутины, ад, картину которого Теноктрис извлекла из сознания Эйхеуса.

Девушка размышляла о созданных извращенным сознанием безумца тварях, чьи огромные фасеточные глаза, не мигая, следили за ней с помощью некоей магии.

Она тряхнула головой, отгоняя мрачные воспоминания. Ну и пусть себе тарашатся. Ей есть чем заняться.

Материя удлинялась. Илне, чтобы понять, какие чувства испытает каждый взглянувший на узор, необязательно было самой его видеть. Она вложила в рисунок то ощущение беспричинной радости, которое ей довелось испытать в деревушке Барка возле каменной мельницы в один из солнечных дней. Ей тогда приходилось туго, она много работала. Во всем мире бедным сиротам приходится нелегко. Но солнце продолжало светить, мельница стояла на прежнем месте, а Илна выдержала выпавшие на ее долю испытания и не растеряла свой дар.

Девушка не собиралась докладывать принцу о том, что увидели они с Теноктрис. Старая волшебница сама могла рассказать об этом и, может быть, даже объяснить увиденное. Хотя

Илне показала, что Теноктрис пребывает в растерянности от результатов своего волшебства.

Пальцы продолжали плести ткань, затягивая образы преисподней спокойными и умиротворяющими видениями. Она без принуждения, добровольно, взвалила на себя эту работу — своим искусством Илна улучшала окружающий мир.

Мерота прыгнула моряку в объятия. Чалкус ловко поймал ее. Илна уже заранее знала, что так и будет. Но вместо того чтобы подойти прямо к ней, моряк поставил Мероту на платформу возле водяных часов, взял руку девочки в свои и принялся что-то рассказывать.

Девушка с досадой отвернулась и посмотрела на виноградную лозу, оплетающую беседку. Маленькие муравьи тащили на себе травинки, взбираясь по боковым отросткам.

На Илну накатил волна отчаяния. С этими насекомыми у нее столь же мало общего, как и с людьми. Сначала от нее отвернулся Гаррик, а теперь и Чалкус разговаривает с Меротой, вместо того чтобы...

— Госпожа Илна? — прозвучал рядом голос моряка.

Девушка вздрогнула от неожиданности. Она помнила о привычке Чалкуса посвистывать, сообщая о своем приближении, но совсем забыла о кожаных сапогах с мягкой подошвой, благодаря которым он мог подойти абсолютно бесшумно.

Мерота осталась стоять на платформе. Девочка широко открытыми глазами, не отрываясь, смотрела на Чалкуса и Илну.

— Она согласилась постоять там недолго, — моряк кивнул в сторону Мероты и улыбнулся, но не так беззаботно, как обычно, — чтобы мы поговорили наедине. Нам нужно кое-что обсудить, хотя, клянусь Госпожой, мне не очень-то этого и хочется.

Илна свернула рукоделие и положила в рукав, оставив лишь небольшой пучок ниток, чтобы в любой момент занять руки делом.

— Говори, я слушаю тебя. — Она была спокойна, только лицо напоминало застывшую маску.

— Волшебник, которого ты видела в саду, отправил сознание твоего друга Гаррика в другой мир, — начал моряк без обиняков. Он сидел на корточках, и девушке не приходилось зади-

рать голову кверху, чтобы видеть его лицо. — Тот парень, который сейчас смотрит на нас глазами принца и говорит его голосом, объяснил мне, что он друг Гаррика и не враг Островам. Я ему верю. Он очень решительный человек, дорогая, и ради успеха готов на все.

— Он действительно очень похож на Гаррика. — Илна на удивление спокойно восприняла слова Чалкуса.

— Да, — подтвердил моряк. — Внешне ничем не отличается. Но если бы ты присутствовала при нашем разговоре, когда он предложил мне — вместе с тобой — сопровождать Мероту на Тизамур, скрыв при этом истинную цель поездки, то сразу бы почувствовала, что это не принц Гаррик, который никогда не поставит на карту жизнь маленького ребенка ради достижения необходимого результата.

— Понятно, — ответила Илна. Сердце оттаяло, камень упал с души. Так вот почему Чалкус решил переговорить с Меротой прежде, чем подойти к ней. — Девочка, конечно же, согласилась?

— Уже предвкушает чудесное путешествие и думает, что с нами будет в полной безопасности. — Моряк невесело усмехнулся. — Но в центре преступного мира никто не может чувствовать себя защищенным. Я сказал ей об этом, но она не поверила.

— Тот, кто находится в теле Гаррика, пояснил, что мы должны делать на Тизамуре? — спросила Илна, не выказывая никакого беспокойства по поводу неведения девочки о грозящих ей опасностях. Она давно подозревала, что Мерота понимает намного больше, чем полагает Чалкус.

— Он думает, что мятежникам помогает волшебство. Ему, — моряк не называл нового короля по имени, — не нужна помощь, чтобы справиться с мятежниками и отразить атаки их мечей. Но магия — совсем другое дело. Он полагает, что ты справишься с этим лучше других.

— А ты как думаешь, мастер Чалкус? — вяло улыбнулась Илна.

— Я видел его меч в действии, — ответил моряк. Эта фраза не рассердила ее, как прежде. — Ему можно доверять, и на его отвагу можно положиться. Но и тебе нет равных в твоей работе.

Против тебя никому не устоять, в этом я абсолютно не сомневаюсь, как и в том, что всегда готов тебе помогать.

Илна фыркнула:

— Да уж, находить неприятности — твое любимое занятие.

Тизамур был для нее не более чем названием. Она выполняла заказы для торговцев с крупных островов на севере: Сандракана, Блэйза и еще более дальних. Они все следовали за модой Вэллеса. Правители других островов могли не признавать Гаррика, но одевались при дворе принца очень изысканно.

Илна посмотрела на Чалкуса, спокойно ожидавшего, когда она вновь заговорит с ним. Мерота стояла там, где моряк ее и оставил. Девочка переминалась с ноги на ногу, и было заметно, что она переживает и не может скрыть волнение. Мерота очень боялась, что Илна не возьмет ее на Тизамур, чтобы не подвергать опасности.

— Хорошо, — согласилась Илна. Увидев расширившиеся от удивления глаза Чалкуса, она расхохоталась. Девушка не собиралась соглашаться так быстро, ей хотелось заставить моряка поволноваться в ожидании ответа, хотелось, чтобы Чалкус ощутил такое же беспокойство, какое заставляли ее чувствовать и сам он, и Гаррик, и все остальные.

Поймав себя на этой мысли, девушка порадовалась умению управлять чувствами. Благодаря этому она научилась не делать людям плохого. В хорошие дни.

— Я подумал... — начал Чалкус и запнулся. Они оба знали, о чем речь, но сейчас не следовало ходить вокруг да около. — Я сам скажу канцлеру или это сделаешь ты? Он, — моряк кивнул в сторону кабинета, — сообщил, что вернет земли леди Мероте и она может навестить родовое гнездо.

— Да, план неплохой, — похвалила нового правителя Илна. — Поговори с Ройясом. Мне кажется, меня люди не слушают, по крайней мере до тех пор, пока... — она сделала паузу, — я их не заставляю. — Девушка вытащила из рукава свою работу и взглянула на незаконченный рисунок. — А сегодня хороший день, и мне не хочется это делать.

— Хорошо, я переговорю с ним. — Чалкус поднялся на ноги и хотел пойти к Мероте, чтобы сообщить радостную новость,

но вновь остановился. — Все не так плохо. Берега Тизамура такие же, как и на любом другом острове: рыбацкие деревушки, маленькие порты, несколько судоходных каналов. Доннел, наверное, единственный крупный город на острове, ну, еще, возможно, Брендж на севере. Уединенное место. Место, где рождаются легенды.

Он засмеялся, но на этот раз не слишком убедительно.

— Они есть везде. Там, где я родился, тоже, но эти сказания столь же бессмысленны, сколь и пена в кружке хорошего эля.

— Но есть и правдивые истории, — прервала его Илна, заметившая, что Чалкус никак не соберется с мыслями.

— В моей жизни случалось и такое. — Моряк с благодарностью кивнул девушке за то, что она вовремя его остановила. — Я ничего не знаю о секте Лунной Мудрости, дорогая моя, но говорят, что в горах Тизамура множество храмов и алтарей Великим Богам. Может, среди них есть храм и этой секты, из которого священники распространяют свою религию по побережью.

Глаза Илны слегка сузились. Она знала, Чалкуса не пугает встреча с волшебниками и он смелее многих знакомых ей отважных воинов, но, как и любой другой неверующий, он все же опасался богов.

— Мы поедem с Меротой как ее слуги? — Девушка попыталась увести разговор немного в сторону.

— Да, если ты согласна.

— А что, кого-то интересует мое мнение? Я не слишком хороша для чистой работы.

В ее голосе прозвучала горечь. Поймав себя на этом, Илна замолчала и выдавила из себя улыбку.

— Извини, когда все в мире переворачивается с ног на голову, с языка часто слетают глупости. Спроси меня еще раз, хочешь ли быть служанкой, и получишь совсем другой ответ.

Она поднялась на ноги.

— Ладно, пойду собирать. У меня не слишком много вещей, а вот леди Мерота бос-Рориман, не сомневаюсь, предъявит гораздо больше требований к своему гардеробу.

— Дорогая... — Чалкус заметил мрачное выражение ее лица. — Госпожа Илна, прежде чем мы разойдемся, ответь на последний вопрос. Почему ты так легко согласилась?

Она пристально взглянула на него.

— Думаешь, меня не беспокоит судьба леди Мероты? Ты сильно ошибаешься. Беспокоит, мастер Чалкус, а еще я очень боюсь.

Улыбка сползла с ее губ.

— Но то, что я увидела в глазах мертвого волшебника, напугало меня несравненно больше.

Сложив ладони рупором, она позвала Мероту. Услышав голос Илны, девочка бросилась к ним со всех ног.

— Если это видение осуществится, — тихо прибавила Илна, — никто не будет в безопасности. Ни дети, ни взрослые — на всем белом свете.

Шарину разбудил крик, донесшийся из спальни короля. Она вскочила с кровати и взяла горевшую свечу, стоявшую, чтобы свет не мешал спящему, в нише. Девушка еще не до конца проснулась, но дочь хозяина постоянного двора могла при необходимости двигаться и в темноте. Она отодвинула занавеску, висевшую в дверном проеме на деревянных кольцах и разделявшую ее комнату со спальней короля. Гаррик, то есть Карус, колотил кулаками по кровати, сражаясь с набитым перьями матрасом, его лицо было перекошено от ярости. Когда Шарина вошла, он снова закричал.

— Карус! — не повышая голоса, позвала его Шарина. Ей не хотелось, чтобы ее услышали находившиеся в коридоре солдаты из отряда королевской охраны. К тому же внизу, под спальней Гаррика, находилась их казарма. Поэтому Шарина действовала тихо, не привлекая внимания стражи. Страшно представить, что сможет наговорить Карус под воздействием приснившегося кошмара.

Над кроватью из вишневого дерева, где раньше спал Гаррик, а теперь Карус, висели расписанные масляными красками фрески, изображавшие сценки из деревенской жизни в разные времена года. Эти рисунки сохранились еще со старых вре-

мен, хотя рабочие и отштукатурили комнату заново, когда принц выбрал ее под свои покои. Нарисованные фрагменты крестьянской жизни выглядели какими-то нереальными, особенно для тех, кто знал все ее тяготы. И Гаррик, и Шарина понимали, что этот прекрасный, но вымышленный мир совсем не похож на настоящий.

Пламя свечи колебалось при каждом шаге. Оно то ярко вспыхивало, отбрасывая искаженные тени на стены, то едва мерцало, растапливая наплывший воск, стекавший каплями на байковое одеяло.

— Карус! — вновь позвала Шарина.

Девушка бросила свечу на стоявший у постели медный поднос и схватила короля за запястье.

— Вставай!

Карус ударил невидимого противника, подскочил и сел на кровати в то же мгновение. Он схватил Шарину так крепко, будто она представляла собой бревно, за которое хватаются утопающие. Его глаза были широко открыты, а рот крепко сжат от злости.

Постепенно дыхание короля успокоилось.

— Спасибо, госпожа, — прошептал он хриплым голосом.

Пальцы ослабили хватку, а когда он выпустил ее из своих объятий, на плечах Шарины остались синяки.

В глазах короля читалось сожаление.

— Позови Теноктрис, пока я одеваюсь, или...

— Нет, — оборвала его Шарина и, оставив ему свечу, побежала назад в атриум, где спала. Накинув поверх туники легкую пелерину с капюшоном, девушка открыла дверь и выбежала в коридор.

Крики короля не остались без внимания. На звук шагов выскочили, держа наготове мечи, стражники. Они выглядели испуганными и озирались по сторонам. Шарина поспешила разъяснить им, что это были за крики.

— Принцу приснился кошмар. Пусть кто-нибудь из вас приведет к нему Теноктрис. Она в...

— Чейгон! Приведи леди, — не дал ей договорить офицер с серебряной гравировкой на нагрудном знаке. Страж, получив-

ший приказание, бросился в соседние покои, где спала той ночью Теноктрис. Шаги его были бесшумны. В отличие от господ Кровавые Орлы носили башмаки с мягкими кожаными подошвами и без металлических подков.

— Принцесса, нам известно, где волшебница, — объяснил офицер свое поведение. Он был предельно вежлив и умел отдавать приказания быстро, не дожидаясь лишних объяснений.

— Да, конечно, — согласилась Шарина и направилась к спальне принца, бросив через плечо. — Как только она придет, сразу же проводите ее в королевские покои.

Карус уже накинул на себя тунику и надел высокие сапоги, которые позаимствовал из гардероба Гаррика. Когда Шарина вошла, король застегивал пояс с мечом. Он поймал ее взгляд.

— Нет, думаю, мне не придется использовать его сегодня. — Король скрыл смущение за улыбкой. — Просто мне спокойнее, когда я чувствую его тяжесть, и...

Он пожал плечами и, вместо того чтобы закончить мысль, посмотрел в угол комнаты и тихо выругался.

— Я знаю, это был кошмар. Но я не мог проснуться до тех пор, пока ты не выдернула меня из этого сна. Но и сейчас меня не оставляет ощущение, что все происходило наяву.

— В комнате я почувствовала что-то... было немного холодно, когда я вошла, — сбивчиво принялась объяснять Шарина. Теперь воздух прогрелся, и байковое одеяло, коловшее в темноте усиками, вновь стало гладким и безобидным. Колеблющееся пламя свечи сыграло с ней злую шутку.

Атриум, где спала Шарина, предназначался для прислуги. Обычно там располагалась Лизейн, а Шарина ночевала в собственном деревянном одноэтажном домике. Но в эту ночь они поменялись местами.

Об этом их попросил Карус, и Лизейн восприняла просьбу с облегчением.

В коридоре послышалась возня.

— Проходите, леди Теноктрис, — произнес офицер. — Мы закроем за вами дверь.

Карус вышел из спальни с протянутыми руками, чтобы поприветствовать волшебницу и поддержать ее при необходимости.

сти. Шарина усмехнулась тому, как скоро солдаты выполнили распоряжение, не донимая расспросами и не пытаясь узнать, по какой причине кричал человек, которого они охраняли.

Не знала этого и сама Шарина. Но она и ее друзья по крайней мере могут попытаться узнать. Солдаты же лишены такой возможности и продолжают выполнять свой долг, даже если на них нападет чудовище из ада.

Теноктрис вошла как нахохлившийся воробей. Она отказалась опереться на протянутую Карусом руку, лишь отдала ему сумку с магическими принадлежностями. Дверь за ней закрылась. Солдаты, плотной стеной толпившиеся снаружи, замерли в напряженном ожидании проявлений магии.

— Шарина сказала, тебя мучили кошмары. Что именно ты видел? — спросила Теноктрис, внимательно осматривая комнату.

Опираясь на руку Шарины, старая волшебница медленно уселась на пол. Карус положил рядом с ней сумку, которую нес в руке.

— Я ничего не видел, — начал свой рассказ Карус. Он старался обдумывать каждое слово, вспоминая пережитый сон. — Но чувствовал, что нахожусь глубоко под водой. Что-то держало меня там и тянуло вниз, и мне никак не удавалось дотянуться до него и вырваться из пут.

Он откашлялся.

— Я мог бы утонуть.

Шарина удивилась, оказывается, у Каруса обнаружилось чувство юмора.

— Да, утонул бы еще раз, только на этот раз больше не увидел бы солнечного света. Даже через тысячу лет, даже так, как сейчас, когда я смотрю на мир глазами другого человека.

Пол спальни украшало панно, изготовленное из кусочков дерева, различных по цвету и структуре. Слабое освещение позволяло лишь смутно разобрать изображенных на нем животных.

Теноктрис вытащила из сумки кисть для письма и горшочек киновари. Затем начертила обычный треугольник вокруг оленя с маленькими рожками.

— Что ты видел? — вновь спросила она у короля, принявшись выводить возле каждой из сторон треугольника магические древние слова. — Или все вокруг казалось черным?

— Я почти ничего не видел. — При виде того, что делает волшебница, Карус содрогнулся, но, поймав взгляд Шарины, попытался скрыть неприязнь. — А то, что рассмотрел, было серым, а не черным.

Теноктрис похлопала по сторонам треугольника бамбуковой шепкой и начала бормотать под нос магические слова.

— Хордред тоже видел что-то серое, — напомнила королю Шарина.

— Я помню, что с ним произошло. А после сегодняшнего сна уже не сомневаюсь, что мы имеем дело с волшебством.

Теноктрис сделала последний взмах палочкой и стала оседать. Шарина подхватила ее прежде, чем голова старой женщины коснулась пола, и попыталась поставить волшебницу на ноги.

— Подожди, — вскрикнула Теноктрис. Она выпрямилась и затерла символы рукавом своего платья. Красная краска впиталась в отороченные шелком рукава.

Шарина подумала о том, что сказала бы Илна, увидев это. Впрочем, возможно, что и ничего. К тому же у Теноктрис имелось веское объяснение своего поступка.

— Я не хочу оставлять символы на полу. Кто-нибудь случайно может прочесть заклинание, — сказала волшебница, позволяя девушке помочь ей подняться. — Это было простое заклинание для определения места, но оно завело меня глубже, чем я предполагала. И это оказалось уже небезопасным.

— Глубже? — переспросил Карус.

— У заклинаний есть свой собственный вес, — объяснила Теноктрис, сев на табурет из слоновой кости. Она скрестила ноги, а потом и руки. — Я подумала, что это заклинание укажет мне место в нашем мире, на Лауте или Тизамуре. Вместо этого оно отправилось довольно далеко, и я побоялась, что оно может утянуть меня за собой.

Волшебница загадочно улыбнулась. Руки ее все еще слегка дрожали от слабости. Карус присел с ней рядом, придерживав

ножны, чтобы их конец не ударился о пол. Свободной рукой он коснулся колена Теноктрис.

— Утянуло бы тебя за собой во времени? — спросила Шарина. Она вспомнила катаклизм, который принес сюда старую волшебницу тысячу лет назад.

— Собиралось унести меня в потусторонний мир, — ответила Теноктрис. Она замерла и даже перестала моргать. — Тянуло меня в ад, Шарина.

Похлопав волшебницу по плечу, Карус поднялся на ноги.

— Мы не можем это так оставить, — попытался он приободрить самого себя. — Если придется спать только днем, ну что ж...

— Хордред спал днем, — резко прервала его Шарина, — и это оказался последний его сон.

— Тогда... — Карус схватился за меч.

— Есть другой выход, — предложила Теноктрис. Они посмотрели на волшебницу.

— Продолжай, — попросил Карус, сбрасывая руку с ножен.

Шарина почувствовала облегчение. Она не ждала ничего хорошего от впавшего в отчаяние короля из глубокого прошлого.

— Если Илна согласится, можно ввести ее в транс и отправить душу за сведениями, туда, в ту серость. Не думаю, что у нее возникнут какие-то затруднения. Хотя риск, конечно же, есть.

Шарина согласно повела плечами.

— Я, как и Илна, сделаю все возможное. Можешь не сомневаться.

— Пошли меня, — попросил Карус. Его глаза горели яростью, а губы гневно сжались. — Это моя битва.

— Это наша битва! — поправила его Теноктрис. — Это битва тех, кто жив, и тех, кто хочет родиться.

Выражение ее лица смягчилось.

— Я не сомневаюсь, что вы все готовы к этому, — прибавила она, — но вам самим никогда не найти туда пути. У каждого из вас свое предназначение. Илна поступает так, как показывают узоры, которые служат ей своего рода указателем.

— А вот я абсолютно уверен, — вспыхнул король, — что, когда мне покажут, куда следует ударить, не промахнусь.

Карус зловеще рассмеялся, правая рука его вновь опустилась на рукоять меча. Пламя свечи взметнулось к потолку от столь бурного проявления эмоций.

Глава восьмая

Сопровождаемые стражниками, Шарина и Илна шли в ногу. Звук их шагов по мощенной камнями дорожке, ведущей в личные покои Гаррика, разносился по всей округе. Прежде такой привычный, сейчас он казался неприятным и заставлял Шарину нервничать.

Принц выбрал под свои покои одно из самых больших зданий во дворце, но все же оно оказалось меньше дома любого купца в городе. Вэллис очень сильно разросся к югу и юго-востоку от резиденции короля, но люди продолжали жить, словно в двух разных государствах. Четыреста лет назад, получив титул Правителей Островов, герцоги Орнифола наложили запрет на проживание в северной части города. Участок обнесли высокой стеной и построили там множество отдельных сооружений, начиная от обзорных вышек на крышах домов до барачков, в которых проживала дворцовая прислуга и семьи Кровавых Орлов, личной охраны короля.

Шарина крепче сжала руку подруги.

— Как бы мне хотелось, чтобы здесь был Кэшел.

Выражение лица Илны никак не изменилось.

— Мне тоже этого хочется. Мой брат никогда не начинает новое дело, пока не расправится со старым. На этот раз я поставлю так же, как и он.

Она, в свою очередь, сжала руку Шарины, но, спохватившись, что делает ей больно, отпустила.

— Теноктрис полагает, что Кэшел исчез по той же причине, что и Гаррик.

Так она знает, что в теле моего брата сейчас находится другой, подумала Шарина. Девушка уже открыла рот, чтобы задать вопрос, но вовремя отказалась от своего намерения. Карус должен объяснить все сам, если Чалкус — по той или иной причине — предпочел не раскрывать имя нового короля.

— Нет, — сообразив, что молчание затянулось, ответила наконец Шарина. — Не думаю, что она склоняется только к этой версии. Мы слишком мало знаем, чтобы делать какие-то выводы.

Затем, под влиянием своих прежних мыслей, она продолжила:

— Твой друг Чалкус все еще здесь?

— Полагаю, да, — бросила в сторону Илна. Она сосредоточенно смотрела вперед, на становившийся все ближе и ближе дворец. Девушки дружили с детских лет, и внешнее спокойствие Илны не могло обмануть Шарину. — Подозреваю, что он нашел себе пристанище в казарме среди холостых солдат.

Она откашлялась и прибавила:

— Прошлым вечером, вернее, ночью...

Рассвет окрасил крыши дворцовых построек в розовый цвет.

— ...он сказал, что собирается в порт, чтобы нанять для нас троих корабль.

Наконец Илна повернула голову. Взгляды девушек встретились.

— Я берегу дом для Мероты и моего брата, а не для мастера Чалкуса.

Вдоль дороги росли невысокие кипарисы. Возродив королевство, Гаррик увеличил количество садовников, желая очистить дворцовый парк от сорняков и грязи. Но прежде чем исчезнут следы былого запустения, а саженцы превратятся в высокие деревья с густой листвой, минут годы.

Шарина печально улыбнулась своим мыслям.

Пройдет еще немало времени, пока их королевство превратится в могущественное государство.

Сопровождавшие девушек солдаты обменялись паролями со стражниками, стоявшими у входа в покои Гаррика. Шарина

увидела, как по лицу подруги промелькнула презрительная улыбка. Существующий порядок — Илна понимала это лучше многих — не сможет уберечь от нависшей над ними опасности.

Илна почувствовала на себе взгляд подруги и слегка сжала ее пальцы.

— Ты ведь знаешь, мне не очень-то хорошо удастся ладить с другими. К счастью, есть и то, с чем человек может справиться сам, в одиночку.

В выражении ее лица появилось что-то пугающее и отталкивающее.

— Именно так я и делаю, — прибавила Илна. Потом, уставшись на фасад дома, неожиданно спросила:

— Принц придет посмотреть, как Теноктрис отправит меня туда?

Прежде чем ответить, Шарина провела языком по пересохшим от внезапно охватившего ее волнения губам и тоже посмотрела на стену дворца.

— Думаю, с тобой останемся только мы с Теноктрис, но наверняка сказать не могу.

Зная — теперь зная, — какие чувства испытывает король по отношению к Илне, принцесса полагала, что он откажется присутствовать при магическом ритуале.

Девушка не могла понять, как «путешествие», предстоящее подруге, связано с принцем, но догадывалась, что перед тем как отправиться в неизвестность, так напряженно та думает именно о Гаррике.

Проводить Илну в покои принца мог и королевский слуга, но Шарина решила не оставлять сестру Кэшела одну в такую минуту. И дело здесь было не в обычной заботе о подруге. Принцесса просто желала хоть ненадолго покинуть дворец. Во время подготовки к магическому ритуалу Теноктрис не нуждалась в ее помощи. А в витавшем в спальне короля воздухе, даже после того, как Карус проснулся и мрак рассеялся, присутствовало нечто гнусное и отвратительное.

Когда подруги подошли к крыльцу, на верхнем этаже открылось окно, и выглянувший оттуда Карус отдал страже необходимые распоряжения.

— Полагаю, нас сейчас впустят, — сказала Илна, делая вид, что не заметила высунувшегося из окна короля. — Осторожно, не споткнись.

— Просто задумалась, — извинилась Шарина, переступив порог. Она вспомнила Хордредра и то, что с ним произошло. Уж это точно не было сном.

К дворцовому крыльцу вела широкая лестница. Над крыльцом соорудили навес с черепичной крышей, державшийся за счет четырех столбов. Двойные деревянные двери Ройяс долго настаивал заменить бронзовыми, но Гаррик отказался. Канцлер все-таки вынудил принца согласиться на то, чтобы дверные кольца были выполнены из бронзы. На них выгравировали герб Хафта времен Старого Королевства.

Теперь на троне вновь восседал король Карус, последний правитель канувшей в Лету монархии.

— Я стала такой подозрительной, во всем ищу скрытый смысл! — Шарина прошептала это себе под нос, но достаточно громко для того, чтобы ее могла услышать подруга.

— Да, теперь тут не очень уютно. Кажется, встретиться с будущим стало проще, чем принять настоящее. При нынешнем положении вещей мы должны быть готовы ко всему, — не скрывая беспокойства, заключила Илна, думавшая, должно быть, так же, как и Шарина.

В покоях принца все было готово к ритуалу. Крутая длинная лестница, ведущая в покои принца и принцессы, поднималась до самого глиняного потолка. Похоже, ее построили гораздо позже, чем все остальное.

Стены совсем недавно перекрасили. Вместо узорчатых арок появились красные рамы. С одной стороны на них были изображены крылатые посланники, с другой — морские нимфы. По мнению Шарины, убранство стен было не слишком богатым, Илна же оценила мастерство неизвестных художников по достоинству.

— Вас ожидают наверху, леди, — предупредительно произнес начальник караула, пытаясь скрыть волнение. Агтапер настоял на том, чтобы Гаррика постоянно сопровождали стражники. Однажды они уже не смогли уберечь принца от нападе-

ния мага, и вновь повторять такую оплошность командир Кровавых Орлов не собирался. Хотя теперь особой необходимости в охране не было, ведь в теле принца находился совсем другой человек.

Шарина стала подниматься по лестнице. При дворе было принято носить мягкую обувь. Крепкие же сандалии принцессы больше подходили для ходьбы по мошеным городским дорогам, а не для прогулок по ковровым дорожкам коридоров дворца.

Покои принца соединялись с остальными дворцовыми постройками длинной галереей комнат. Казармы стражи, несущей охрану дворца, располагались на нижнем этаже.

По лицу Шарины пробежала легкая улыбка. Идя по дворцу, она подумала о том, что раньше, пока Гаррик не стал принцем, он спал на чердаке постоянного двора, и это его вполне устраивало.

— Ваше Высочество, леди Теноктрис уже ждет вас, — открыв перед принцессой дверь, доложил дежурный офицер. Солдаты выстроились вдоль стены, ожидая, пока девушки войдут.

Один из стражей, мужчина средних лет, с полученным в сражении шрамом, отдал Илне честь и спросил:

— Госпожа, как вы намерены поступить с теми, кто нарушил ночью покой Его Величества?

— Будет видно, Оснан. — Девушка уклонилась от прямого ответа, но посмотрела на солдата так, что тот все понял.

— Понимаю, — уважительно произнес наслышанный о способностях Илны стражник. Он еще раз поклонился и закрыл за посетительницами дверь. Через стену Шарина услышала, как Оснан продолжает расхваливать ее подругу:

— Госпожа Илна не оставит от них и пепла, парни, вот увидите!

На пороге покоев короля Илна прильнула к принцессе и прошептала:

— Оснан вот уже несколько недель охраняет мой дом. Думаю, магия внушает ему ужас точно так же, как и всем остальным. Но, кажется, мало-помалу он проникся ко мне доверием.

Шарина засмеялась и обняла подругу за плечи.

— Любой, кто узнает тебя поближе, обречен на это.

Обе спинки кровати принца были украшены искусной резьбой. В изголовье художник изобразил Госпожу и спутника ее Пастыря, благословляющих склонившихся перед ними людей; в ногах же — совсем другую сцену: внезапное падение Госпожи в Преисподнюю. Кровать отодвинули от стены, балдахин сняли, отчего комната стала казаться намного более просторной, хотя шкафы для одежды и посуды, письменный стол и несколько стульев из слоновой кости никуда не делись.

В центре, напротив окон, выходивших на восток, стояла огромная жаровня. Ее установили, пока Шарина ходила за Илной.

Край фрески над кроватью осыпался от времени; когда стену штукатурили заново, это место просто закрасили.

Гаррик нарисовал там маленькую фигурку. Постороннему человеку могло показаться, что принц изобразил Пастыря, но Шарина сразу догадалась, что это Дузи, покровитель пастухов, у которого Гаррик просил помощи, еще будучи обычным мальчишкой из деревушки Барка. Обычно этот рисунок скрывал балдахин.

Поднявшаяся на ноги Теноктрис радушно приветствовала гостей.

— Вы как раз вовремя, я только закончила приготовления.

Она указала на пол. Кровать была обведена мелом — по кругу. Так вот для чего понадобилось отодвигать ее от стены! По линии круга волшебница киноварью начертала древние символы. По окончании ритуала все эти письмена нужно будет стереть, чтобы их не увидели посторонние.

Теноктрис закрыла горшочек с краской и села за круглый стол, на котором лежало все необходимое. Пламя от свечей тускло и блекло в лучах восходящего солнца. Стены комнаты окрасились в розовый цвет, но изображенный на полу круг все еще оставался в тени.

— Илна, принцесса рассказала тебе о том, что я собираюсь сделать? — спросила Теноктрис. Старуха окинула комнату взглядом, желая убедиться, что ничего не забыла. Человеку несведущему могло показаться, что волшебница нервничает. На

самом же деле так она собиралась с силами, перед тем как применить магическое заклинание.

Девушка пожала плечами.

— Ты введешь меня в транс, после чего отправишь мое сознание...

— Твою душу, — поправила Теноктрис.

— ...хорошо, мою душу, в мир снов. Там я должна найти нужную дорогу, все разузнать и вернуться.

— Я не знала, как объяснить, что ей предстоит, — пояснила Шарина. — Не совсем понимаю.

Теноктрис слегка смутилась.

— Я и сама толком не могу сказать. Амалгасис и принцесса Куэрилон очень четко описали этот ритуал, но я его лишь читала и ни разу не пробовала совершить. Надеюсь, Илна сумеет разгадать те образы, что увидит там.

— Солдат по имени Оснан разделяет твою уверенность, — сказала Илна, но голос ее прозвучал так сухо, что Шарина поняла — подруге не до шуток. — Мне лечь?

— Да, но сначала отведай лукового пирога; его начинка может подготовиться к предстоящему ритуалу.

— Как скажешь, — согласилась Илна, слегка улыбнувшись.

Шарина разрежала пирог своим большим ножом с острова Пьюл, который носила за поясом, скрывая от посторонних глаз накинутым на плечи широким плащом. Нож достался ей от Ноннуса, старого отшельника из деревни Барка, у которого девушка и научилась определять, сколько отрезать от пирога, чтобы его лекарственная начинка не стала ядом.

Илна отломил кусочек, проглотила и скривилась от отвращения.

— Покончим с этим поскорее, — предложила она. Девушка присела на краешек кровати, затем легла, вытянув руки вдоль тела.

Шарина никогда не задумывалась о том, что ее подруга такая хрупкая. Посреди огромной кровати на голубом покрывале Илна выглядела совсем крошечной. Она оказалась столь легкой, что под ней не скрипели даже кожаные ремни, на которых лежал матрас.

Принцесса прислонилась к стене под картиной, изображавшей крестьян, стригущих на выгоне овец. Девушка зябко пожелилась. Она еще сильнее вжалась в стену, задумавшись о других, не таких привычных и радостных, как изображенное на рисунке, делах.

— Малаас антиаскирто, — Теноктрис произносила заклинания нараспев. — Нучи уелофонта стесион...

Волшебница достала из своей сумки щепотку черного порошка и бросила его на пол. Он вспыхнул и сгорел без остатка, без малейшей струйки дыма.

— Калак оси лампсоре... — продолжала Теноктрис.

В комнате стало очень холодно. Шарина еще раз посмотрела на подругу, затем судорожно сжала рукоять пьюльского ножа и перевела взгляд на восходящее солнце.

Восемь матросов сидели на веслах, устроившись парами на корме. Кэшел, расположившийся на носу суденышка, греб в одиночку. Мощным движением рук он посылал весла вперед, затем выхватывал их из воды, чтобы уже через мгновение совершить новый рывок. Солнце ползло к горизонту, и до захода оставалось не более получаса.

— Земля, — неожиданно закричала с носа судна Тильфо-за. — Я вижу берег!

— Клянусь Госпожой, действительно земля! — подскочил к стоявшему на корме капитану Крюк. — На сей раз настоящая суша, а не очередной проклятый риф.

Лодка уже несколько часов плыла прочь от злополучного острова, в изнуряющей жаре, при полном штиле. Гребцы сидели на лавках, укрепленных на носу и корме ялика. Уцелевшие после крушения ящики с провиантом и бочки с водой были свалены посреди лодки. Свободные от гребли моряки, сбившись в кучу, жарились на солнцепеке среди груза, не желая приближаться к мачте, в тени которой устроилась Метра.

Не рискуя сесть рядом с полуобнаженными матросами, Тильфоза выбрала себе местечко возле Кэшела. Стараясь подалее уплыть от проклятого острова, лишившего их корабля, моряки гребли так усердно, что даже до нее, сидевшей на

другом конце судна, доносился не самый приятный запах потных тел.

Подул легкий ветерок, впервые за день. От его дуновения по воде пошла рябь, парус распрямился, перестав напоминать пальмовую ветвь на линии прибоя. Лодка слегка накренилась на правый бок, моряки беспокойно переглянулись.

— Эй вы, лентяи, да заберет вас Сестра! Распределите груз по всему кораблю, живо! — закричал капитан Мауникс. — Посал и Кортин, подтяните гитовы. У вас что, глаз нет?

Двое моряков, послушно схватив канаты, принялись их натягивать, правда, без особого воодушевления. Казалось, они еще не оправились от предыдущих злоключений, а может быть, их пугало то, что скрывалось в морской пучине. Что именно творилось в их умах, Кэшел не знал.

Юноша вытянул весла из оплетенных такелажем уключин, положил перед собой на палубу и потер натруженные за день ладони, внимательно их разглядывая. Ему нечасто доводилось заниматься греблей в Барке, но заработанные тяжелым крестьянским трудом мозоли хорошо защищали руки.

— Эй, ты! — крикнул ему Крюк. — Крестьянин! Кто разрешил тебе вытащить весла из уключин?

— Займись своими делами, — спокойно ответил юноша.

Хоть Кэшел и работал целый день за двоих, спорить не хотелось. Слова плотника никак его не задели. Юноша беспрекословно выполнил бы любой приказ одного-двух знакомых ему людей, но в этой лодке их не было.

Моряки тоже вытащили весла из воды. Ветер постепенно становился все сильнее, необходимость грести пропала. Кэшел прищурился, пытаясь рассмотреть полоску суши, приковавшую к себе внимание моряков.

— Надеюсь, здесь не только непроходимые леса, — промолвила Тильфоза, — если, конечно, это действительно Лаут.

— Я ничего не знаю о Лауте, кроме того, что это большой остров. — Кэшел замолчал и еще раз посмотрел на берег, к которому ветер нес судно. — Во всяком случае, на прибрежном холме виднеется какое-то здание. Возможно, это небольшой храм.

— Эй, волшебница! Ты можешь определить, что это за место? — прокричал с кормы Мауникс. — Крюк, возьми румпель. Метра, где те города, о которых ты нам рассказывала?

— Не знаю, — ответила жрица, оторвав взгляд от острова и посмотрев на капитана. — Когда мы достигнем суши, магия скажет мне больше.

Она специально сделала ударение на последних словах, чтобы испугать капитана и заставить его замолчать. Кэшел был уверен, никто из членов команды и не подозревал, что Метра волшебница, когда та арендовала корабль.

— Кэшел, — тихонько позвала его Тильфоза. — Ты не вспоминал сегодня морского демона, из-за которого мы попали на тот ужасный остров?

Юноша пожал плечами и взял в руку лежавший на палубе посох.

— Да, я думал о нем. Раньше мне не доводилось видеть таких чудовищ, и, хочу надеяться, не придется и впредь.

Наконечник посоха слегка заржавел, и юноша по привычке начал полировать сначала металл, а потом и остальную поверхность куском овчины.

— А что, если кто-то наслал его на нас с помощью волшебства? Он же может поджидать нас снова.

Кэшел продолжал протирать дубинку. Это занятие всегда помогало приводить в порядок мысли и находить верное решение, хотя окружающим казалось, что он так делает лишь для того, чтобы не ржавел наконечник посоха.

— Ну... Я вовсе не собираюсь провести здесь остаток жизни, госпожа. И если этот демон появится вновь, попытаюсь с ним расправиться.

— Уверена, у тебя получится, — хихикнула Тильфоза. Кэшел взглянул на нее с некоторым беспокойством. Он боялся, что после перенесенных потрясений она не сможет совладать с нервами и удержаться от истерики.

Начинался отлив, но вода убывала очень медленно. Узкая полоска берега возвышалась над уровнем моря. На нем виднелось укрепление из кусков известняка высотой в несколько ярдов. Вдоль берега тянулись джунгли. Кэшел рассмотрел это при

неярком свете блеклой луны. Одно из каменных зданий напоминало то ли небольшой храм, то ли могильный склеп — сказать наверняка пока не представлялось возможным.

— Не похоже на королевский дворец, но нам необходимо где-то переночевать, — сказал Кэшел. — Утром пойдем искать твоего Талемуса или того, кто сможет проводить нас к нему.

Берег стремительно приближался. Мауникс отдавал приказания, которые команда выполняла без промедления. Трещали снасти, несколько моряков приспустили парус, намереваясь замедлить ход лодки и бросить якорь напротив храма.

— Лучше бы этот ветерок подул днем, когда стояла жара и мы сидели на веслах, — посетовал Кэшел. Но он лукавил. Как всякий крестьянин, юноша никогда не возлагал больших надежд на то, что природные условия будут благоприятствовать работе.

Уже совсем стемнело, но прибрежные волны обозначили близость суши белой пенной дугой.

— Эй, на носу! — крикнул капитан. — Приготовьтесь прыгнуть на берег, как только остановимся.

— Я — готов! — ответил Кэшел, не обращая внимания на молчание остальных гребцов.

— Как только днище ялика заскребет по дну, я спрыгну на берег, а ты жди здесь, пока не позову, — быстро принялся объяснять юноша Тильфозе. — Чем легче нос, тем проще швартоваться.

Он взял посох и протянул его девушке.

— Подержи немного, если не трудно.

Кэшела немного смушало, что в сложившихся обстоятельствах, когда события требовали от него незамедлительных действий, он обходится с девушкой не совсем вежливо.

— Не беспокойся, не уроню, — заверила Тильфоза и, схватив посох двумя руками, прижала его к себе.

Метра с непроницаемым лицом сидела на куче провианта, сваленного посреди лодки. Она, не отрываясь, смотрела на Кэшела и Тильфозу, не обращая внимания на приближающуюся землю. Юноша кивнул старушке, чтобы хоть как-то ее приободрить, и вновь сосредоточился.

Свернутый парус обрушился на лодку, накрыв часть команды. Из-под него в адрес Метры понеслись злобные проклятия. Кэшел усмехнулся и, потянув полотнище на себя, освободил моряков. Краешком глаза он поймал на себе удивленный взгляд волшебницы.

Судно вздрогнуло, проскрежетав килем по прибрежным камням, затем последовал сильный толчок, от которого юношу, а за ним и Тильфозу сбросило в воду. Поняв намерения Кэшела, девушка оттолкнулась от правого борта судна и, чтобы не мешать ему, поспешно поплыла в сторону близкого берега, не выпуская посох из рук. Кэшел только тут осознал, что его дубинка слишком тяжела для столь хрупкого создания.

Юноша принялся за дело. Судно кренилось в его сторону, и, ухватившись за планшир, Кэшел выровнял лодку, подсунув под нее весло.

Очередная волна накатилась на берег, приподняв изрядно полегчавшее суденышко и сдвинув с того места, где оно село на мель. Кэшел шагнул вперед и вцепился в свисавшие с лодки снасти прежде, чем волне удалось утащить ее обратно в море. Матросы начали быстро выпрыгивать из посудыны. Совместными усилиями они протащили ее еще дальше. Теперь сдвинуть судно с места мог лишь прилив.

Двое моряков сбросили с палубы на берег якорь, сделанный из ствола прочного дерева и привязанный к лодке толстым канатом. Обломанные как рогатины сучья служили ему лапами, а для веса к ним веревками примотали кусок свинца. Моряки зацепили якорь за основание невысокого укрепления, замеченного еще с моря. Ветхое сооружение из известняка не могло сопротивляться силе прилива. Пока сойдет и так, а чуть позже придется привязать суденышко к стволам деревьев, растущих неподалеку, чтобы его не унесло в море.

В ночном мраке Кэшелу удалось наконец разглядеть Тильфозу. Она стояла возле белевшего в темноте укрепления, прижимая к груди его посох. Перешагнув через якорный канат, юноша направился к ней.

За спиной он услышал шепот моряков, но даже не обернулся посмотреть, кто именно о нем судачит. Очень часто люди на-

зывали Кэшела тупым мулом или кем еще похуже. Впрочем, даже побей он обидчиков, те вряд ли изменили бы о нем свое мнение. Юноша уже давно перестал обращать внимания на такие мелочи.

— Кэшел, — Тильфоза протянула ему посох, — я не хочу ночевать сегодня на берегу рядом с моряками. Ведь это не обязательно?

Он взял свою дубинку и нежно провел по ней рукой, как бы проверяя сохранность.

— Думаю, мы можем сами найти подходящее для ночлега место. В моей сумке хватит еды на двоих. Сухари, сыр и бутылка воды вполне подойдут, чтобы утолить голод. Матросы, наверное, сварят рыбную похлебку или просто засолят и съедят рыбу.

— Мне все равно, — продолжила девушка. — Я слышала разговор моряков, привязывающих якорь. Они хотят вернуться домой и думают, что, если я отправлюсь с ними, это оградит их от волшебства Метры.

Несколько членов команды разгружали лодку. Остальные во главе с капитаном Мауниксом и Крюком собрались у носа судна. Они негромко о чем-то переговаривались, бросая недобрые взгляды в сторону Кэшела и Тильфозы.

Он не слышал, о чем они говорят, но то, что рассказала девушка, настораживало, хотя юноша и раньше не испытывал особого доверия ни к команде, ни к капитану.

— Давай поднимемся, осмотрим храм, — предложил Кэшел. — У него по крайней мере есть крыша.

Штормовые волны размывали основание известнякового укрепления. Тильфоза уже обогнула его и стояла у подножия холма. Его склоны, поросшие невысоким кустарником и усыянные острыми камнями, казались неприступными. Но выбора не было. Лучше попытаться вскарабкаться наверх и найти убежище в храме, чем оставаться на ночлег среди враждебно настроенной команды.

Кэшел полагал, что девушке будет нелегко взобраться на холм и ей понадобится его помощь. Но Тильфоза быстро повернулась к склону и начала карабкаться вверх, цепляясь за

камни и кусты. Она была не такой ловкой, как Шарина, но силы воли ей занимать не приходилось.

Кэшел подождал, пока Тильфоза доберется до площадки, на которой стоял храм, а затем стал подниматься сам, опираясь на посох. С верхушки холма он увидел бредущую вдоль берега Метру, в белой тунике и с шелковым свитком в руках. По всей видимости, она искала укромное местечко, чтобы совершить магический обряд, с помощью которого рассчитывала получить ответы на многие вопросы.

— Кэшел? — прошептала Тильфоза, облизав пересохшие губы. — Я не думаю...

Она тоже заметила волшебницу. Вдали от бухты, скрытая от глаз моряков, Метра присела на корточки и принялась рисовать на мокром песке тайные символы.

— Я догадывалась, что Дети Владычицы не открыли мне всей правды о моем предстоящем браке, — продолжила Тильфоза. — Но сейчас у меня уже нет уверенности, что хоть что-то из известного мне соответствует истине. Если Талемус — великий и могущественный правитель, такого бы...

Она указала рукой на храм. Кэшел ошибся насчет крыши. С борта ялика ему показалось, что храм вполне подойдет для ночлега. Но вблизи стало видно, что поддерживавшие крышу столбы сгнили и она обрушилась. Горы битой черепицы лежали на земле.

— ...не было.

— Днем мы попытаемся все хорошенько разузнать, — успокоил девушку Кэшел. — А пока нужно постараться отдохнуть и выспаться.

Он взял ее за руку и повел к развалинам храма. Им оставалось пройти шагов десять. Но в полной темноте, царившей на вершине холма, сделать их оказалось чрезвычайно трудно. Кэшел посохом ощупывал землю впереди себя, опасаясь сбиться с тропинки и уйти в сторону от храма.

Судя по раздававшимся неподалеку голосам, моряки тоже перебрались к укреплению из известняка. Они о чем-то переговаривались друг с другом, но Кэшел не мог разобрать ни слова. Затем раздался стук топора.

Похоже, моряки рубили дрова для костра. Кэшел прищурился, чтобы разглядеть их получше. Все это было очень странно. Зачем так стараться, когда кругом сколько угодно сломанных веток? Чтобы разжечь костер, вовсе не нужно рубить деревья.

Кэшел крепче ухватился за посох. Похоже, этой ночью поспать не удастся, иначе может случиться непоправимое.

Храм оказался небольшим, но те, кто его строил, были искусными мастерами. Арочный навес над крыльцом сохранил остатки орнамента, когда-то украшавшего портик. К сожалению, камень сильно пострадал от дождей и ветров. Кэшел вошел внутрь. Статуи божеств не сохранились, от них остались только постаменты, никак не подписанные, и юноша не был уверен, что днем сможет обнаружить что-либо еще.

Над морем взошла луна, осветив все вокруг голубоватым мерцающим светом, проникавшим даже внутрь храма. Но Кэшел не почувствовал себя уютнее. Причина этого заключалась, наверное, в том, что луна была полной; в такие ночи его овцы вели себя обычно очень беспокойно.

— Посмотри! Как сделано! — раздался из глубины храма голос Тильфозы. — Какое великолепие!

Девушка стояла возле неглубокой ниши, выдолбленной в большом белом камне для статуи и загораживающей вход в храменище, где монахи держали запасы и различную утварь. Теперь в нише валялись обломки каменной плиты, развалившейся на части при обрушении крыши. Тильфоza склонилась над одним из них.

Кэшел подошел ближе, чтобы рассмотреть то, чем так восхищалась девушка. Та держала в руках кусок какого-то панно.

— Это Демономахия. Скульптор изобразил здесь битву демонов, — принялась объяснять Тильфоza. Она немного отошла в сторону, чтобы не загораживать свет, и указала на рисунок. — Видишь? Ты когда-нибудь встречал такое?

— Да, — ответил Кэшел, — если я правильно тебя понял.

Он подумал об Илне. Сестра ткала не только полотна с изображением Пастыря на храмовые праздники, но и другие, не менее яркие и разноцветные ткани, которые при первом взгля-

де могли показаться блеклыми. Но Илна своими узорами пробуждала в людях добрые чувства, Тильфоза же держала в руках просто разрисованный камень.

И Кэшел не находил в нем ничего привлекательного.

Шестирукие монстры стояли на задних лапах, а кое-где и на передних. Они сражались с другими демонами, похожими на людей, но с головами и хвостами ящериц. Каждое существо было вооружено мечом или копьем.

— Тот, кто это создал, знал свое дело, — нашел наконец что ответить Кэшел, надеявшийся, что его голос прозвучал убедительно. Тильфозе панно очень понравилось, и ему не хотелось омрачать ее радость.

— Пендил описал эту битву, — продолжала восхищаться девушка. Она пришла в восторг от найденного сокровища и поднимала кусок за куском, пытаясь отыскать подходящие один к другому фрагменты. — В поэме «Перемены», а не в «Любовной лирике». Посмотри сюда!

Тильфоза хотела приложить к панно еще один кусочек, но передумала и вышла с ним на крыльцо.

— Иди сюда, здесь больше света.

— Здесь изображена Королева Архаев, — указала Тильфоза на камень. Девушка переложила его в другую руку, чтобы Кэшел мог рассмотреть то, что увидела она сама. — Похоже, она не Архайка, а человек!

— Верно, — подтвердил ее предположение Кэшел. Время пощадило фрагмент панно. На нем была изображена женщина с поднятой вверх рукой, другую она вытянула вперед, словно пыталась кого-то остановить.

Кэшел прищурился и наклонился ниже.

— Что это у нее на голове? Рога?

— Я думаю, Владычица возродится в ее облики! Как Лунная Госпожа! — пролепетала Тильфоза.

Кэшел почувствовал, что в рисунке скрыта какая-то тайна.

— Как жаль, что с нами нет Шарины! Она разобралась бы в этом лучше, чем я! — воскликнул он.

Тильфоза положила камень на пол. Не поднимая на юношу глаз, она спросила:

— Шарина — твоя жена?

— Что? — удивился Кэшел. Сияющая улыбка, появившаяся на его губах при мысли о Шарине, исчезла.

— Нет, не жена, она... — принялся он объяснять, взвешивая каждое слово. Потом, решив, что чем проще, тем лучше, кратко произнес: — Я люблю ее. И, полагаю, она меня тоже.

— Может, присядем? — предложила Тильфоза, изящно опускаясь на крыльцо. — Ты скучаешь по Шарине?

Кэшел постучал железным наконечником посоха о пол, прежде чем сесть рядом с девушкой.

— Мне не хватает наших бесед, — ответил Кэшел. Он нахмурился и, покачивая на колене посох, попытался понять, что кроется за этим вопросом. — Но я не...

Наконец юноша пожал плечами и выплеснул то, что занозой сидело в сердце:

— Тильфоза, Шарина никуда не исчезла. Она всегда со мной. И я чувствую, что, когда доберусь до Вэллиса, она будет меня там ждать. Понимаешь?

Девушка не осознала глубины чувств, переполнявших Кэшла. Он догадался об этом, увидев ее спокойное, невозмутимое лицо. Сегодня они по очереди озадачивали друг друга, разговаривая о том, что было понятно лишь кому-то одному.

Кэшел вновь посмотрел туда, где сидела Метра. Она уже нарисовала на мокром песке большие магические символы, изобразив их в один ряд, так, как это обычно делали люди, жившие много лет назад. Волшебница ходила по берегу вдоль надписи, туда-сюда.

Он слышал ее голос, но не мог разобрать слов. На этот раз Метра не воспользовалась магическим жезлом, но через каждые три шага бросала на песок шепотку блестящего порошка.

— Интересно, что я буду чувствовать по отношению к Талемусу, — задумчиво произнесла Тильфоза. Ее взгляд был устремлен в море, на лунную дорожку среди водной глади. — Я не видела даже его портрета; думаю, он одного возраста со мной, но...

Она пожалала плечами.

— Но Лаут совсем не похож на тот остров, который я себе представляла, поэтому мне трудно даже предположить, какой он, этот Талемус.

— Тильфоза, ты знаешь, что делает Метра? — Кэшел указал посохом вниз.

Девушка наклонилась вперед, затем выпрямилась. В ее глазах появилась тревога. Еще какое-то время она молчала, потом повернулась к Кэшелу и вдруг спросила:

— Слушай, когда Метра колдовала утром в лесу на проклятом острове, она могла взобраться на холм, где ты убил чудовище?

От столь неожиданного вопроса Кэшел выронил из рук посох, но, сочтя предположение девушки разумным, ответил:

— Думаю, могла. Времени у нее было предостаточно, и мы за ней не следили.

— Помнишь тот амулет у него... на груди. Мне кажется, Метра за ним вернулась.

— Но я же разбил его о камень, — напомнил девушке Кэшел. Ему показалась странной ее забывчивость. Может, Тильфоза перегрелась на солнце во время путешествия по морю? — Я раздробил его, помнишь? От него осталась лишь кучка праха.

— Помню, — резко отреагировала на напоминание о тех событиях Тильфоза. — Но он не исчез, точнее, сохранилась его магическая мощь. А что, если Метра колдует и сыплет на песок именно тот порошок, который остался от амулета?

Она нахмурилась.

— Извини, Кэшел! Я злюсь на себя, что не подумала об этом раньше. Здесь нет твоей вины.

— Как я не подумал, что она может вернуться за порошком! — Юноша вскочил на ноги. Он был готов тотчас же кинуться на берег, чтобы стереть ненавистные символы, нарисованные волшебницей.

— Подожди, — окликнула его Тильфоза, пытаясь привлечь внимание. Она смотрела в другую сторону, к северу от храма. — Взгляни-ка.

У подножия холма толпа матросов под руководством капитана уже готовилась штурмовать храм.

— Мауникс! — крикнул Кэшел. — Я не хочу сейчас тебя видеть. Хочешь, поговорим завтра утром?

— Отойди в сторону, крестьянин! — в ответ раздался голос Крюка. — Мы не причиним тебе вреда. Но если будешь упрямиться, пеняй на себя.

В руке он держал молодое деревце, заостренное как копье. Другие матросы тоже были вооружены чем-то наподобие гарпунов или дротиков. Они выстругали их с помощью ножей — единственного оружия, оставшегося после кораблекрушения. Только у Мауникса был меч. И все же не он, а его плотник вел переговоры с Кэшелом.

— Я не отойду, — ответил юноша. — Но и вам не пройти мимо меня, Крюк.

Он знал, что моряки окружили холм со всех сторон. Поэтому у них с Тильфозой не было шанса спуститься на берег там, где они взбирались. Если же попытаться залезть на самую вершину, то можно запросто сломать себе шею и без чужой помощи.

— Мы не причиним девочке вреда! — прокричал один из моряков. — Она отправится с нами обратно на Тизамур, откуда мы родом. Если волшебница останется здесь, а девочка поплывет с нами, то Метра не сможет наслать на нас очередную беду!

Тильфоза отступила назад. Теперь она находилась в храме, и приготовившиеся к атаке моряки ее не видели. Девушка сжимала в руке свой медальон и не сводила с Кэшела ставших огромными от страха глаз.

— Я сказал, нет! — проревел парень. От этого крика у Тильфозы перехватило дыхание. Кэшел посмотрел туда, где прятались моряки. Свет их факелов исключал всякую возможность бегства.

— Спрячься внутри, — прикрикнул юноша на Тильфозу. В стене храма виднелась дверь, ведущая в хранилище. К сожалению, балки, упавшие с крыши, наполовину завалили проход. Будь у них время, Кэшел сумел бы его расчистить, но он сомневался, что моряки согласятся подождать.

Девушка послушно встала в центре храма. Она кивнула Кэшелу, когда тот оглянулся. Юноша заметил в ее руке неболь-

шой острый обломок каменной стены. В случае необходимости Тильфоза могла без труда швырнуть его в нападавших.

— Мы идем, крестьянин! — крикнул Крюк.

Став спиной к крыльцу, Кэшел заслонил собой весь проход. Эта позиция позволяла ему свободно наносить удары посохом, но не давала морякам возможности обойти его с тыла. Для этого нападавшим нужно было взобраться по ступенькам — в этом тоже заключалось преимущество юноши над врагами.

Матросы окружили храм со всех сторон, но не двигались с места. Они выжидали, внимательно наблюдали за тем, где встанет Кэшел. Один из них помахал факелом возле крыльца и, удостоверившись, что юноша никак не реагирует, прыгнул вперед. То был опрометчивый и глупый поступок. Удар посоха отшвырнул моряка на прежнее место, отняв способность двигаться.

Кэшел начал вращать посох перед собой, выжидая, пока следующий осмелится выйти из укрытия и атаковать его. Он знал все тонкости ведения рукопашного боя лучше, чем любой из нападавших. Они представляли для него сейчас стадо тупых баранов.

— Мы идем! — повторил Крюк, на сей раз взяв копьё за конец, а не посередине.

— Жду! — гаркнул в ответ Кэшел.

Здоровенный моряк с дубинкой в руке попытался взобраться на ступеньки. Юноша нанес ему удар в грудь, а затем, продолжая вращать посох, сшиб с ног, сломав колено. Подбадриваемые криками капитана и Крюка, в бой ринулись остальные.

Яркая вспышка магического света озарила холм. Свет этот дымкой окутал храм, стены которого пришли в движение.

— Не люблю воду, Гар, — захныкала Тинт. — Гар возьмет Тинт с собой на большую землю? Тинт чувствует, берег близко.

— Потерпи, Тинт, скоро мы приплывем к берегу, — попытался успокоить ее Гаррик. Он сидел вместе с девушкой-обезьяной на корме лодки. Тинт поджала под себя ноги и дрожала, будто перепуганная собака. — Мы просто ищем место, где высадиться.

— Заткни свою мартышку, — злобно крикнул один из гребцов. — Или, клянусь Госпожой, я выброшу ее за борт!

Корабль, который похитили пираты, больше походил на просторную и удобную лодку. На нем была мачта, но Вескей решил, что они будут грести, а не плыть под парусом.

— Парус легко заметить со всех сторон, — объяснил атаман Гаррику, когда тот впервые увидел судно.

— Предусмотрительно, — похвалил его юноша.

Солнце скрылось за горизонтом час назад. В воздухе потянуло прохладой. Но грести в неизвестном направлении, в полной темноте, с необученной командой на борту было так же опасно, как под палящим солнцем. Все бандиты, кроме бывшего рыбака Хаккена, занимались раньше земледелием.

Гаррику доводилось прежде, с другими жителями деревни Барка, выходить в море на рыбалку. Тогда все они гребли по очереди. Но ни разу еще он не работал веслом так долго, как сейчас на лаутской лодке, где пришлось грести стоя.

— Эймал, — окликнул Вескей дозорного, который стоял на мачте, привязавшись к ней — в целях безопасности — поясом. — Что ты там видишь?

— Вижу огни, атаман, — ответил Эймал. — Это огни крестяньских очагов или, может, пастухи сидят у костров на холме. Больше ничего не могу сказать.

— Давайте поплывем на свет этих огней, — предложил один из разбойников. Он уже устал грести, и его все раздражало. — Не можем же мы плыть вдоль берега до самого рассвета. Нас непременно заметят и захотят узнать, что мы здесь делаем.

— Непонятно, куда нас сносит течением, — поддержал его другой бандит. — Лучше всего пристать к берегу в любом пригодном для этого месте и направиться в Дурассу по суше.

Вескей, прищурившись, снова посмотрел на берег, потом на небо, затянутое темно-серой пеленой облаков, через которую не пробивался блеск звезд. Даже опытный мореход — а таковых на корабле не было — не смог бы определить по ним свое местоположение.

Он вздохнул и, вопросительно подняв бровь, взглянул на Гаррика. Тот кивнул в ответ головой.

— Ребята, поворачиваем к берегу, — прокричал атаман разбойникам и, поднатужившись, налег на весло, поворачивая лодку к берегу. — Братцы, налегай, а вы, на носу, глядите в оба, если мы не хотим наткнуться на корабль одного из закадычных друзей Эйхеона.

Четверо гребцов слаженно опускали весла в воду, и лодка ходко шла к берегу. Остальные мужчины, тихо переговариваясь между собой, доставали бряцавшее оружие. На земле их ждала полная неизвестность.

Проверяя свой новый меч, Гаррик вытащил его из ножен, а затем засунул обратно. Раздался едва слышный легкий звон, меч свободно входил и выходил из ножен.

Вескей поднял со дна лодки связку дротиков и положил рядом. Поймав на себе взгляд Гаррика, он слегка пожал плечами.

— Прими у меня рулевое весло, Брат, — прошептал атаман. — Кто-то из нас должен находиться на носу корабля, а у тебя есть собака, которой может понадобиться твоя помощь.

Гаррик схватился за руль, а капитан, взяв в левую руку дротики и пригнув голову, чтобы не попасть под весло Алкома, громко крикнул:

— Дайте дорогу, Братья, я иду первым.

Гаррик, вытянув шею, как журавль, пытался, вместе с остальными разбойниками, рассмотреть, что их ждет. Впереди мрачно темнел скалистый берег, пристать к которому было невозможно.

— Слушай, я не хочу ломать себе ребра, высаживаясь здесь, Вескей, — заявил, заметно нервничая, один из бандитов. — Нужно отплыть подальше, к востоку отсюда. Похоже, это Хайслип-Пэриш, а не Матуня.

— Заткнись, Хаккен! Будем пытаться спастись, — грубо бросил в ответ атаман. — Корабль мы увели из Клерка, а не получили в подарок от друзей, и, если нужно преодолеть еще несколько лиг, я лучше пройду их пешком.

— Ну-ну, — проворчал Алком, налегая на весло.

— Приготовьтесь, — предупредил разбойников Эймал.

Гаррик положил руку на спину хнычущей девушки-обезьяны.

— Мы уже почти на берегу, Тинт, не бойся, сейчас будет небольшой толчок.

Лодка врезалась в скалы с таким стуком, будто громко хлопнулись железные ворота. Разбойники попадали на дно, мало кому удалось удержаться на ногах. Команде пришлось приложить максимум усилий, чтобы затормозить находившееся на ходу тяжелое судно.

Гаррик с размаху ударился бы о весло, если бы его не держала Тинт. Другими тремя конечностями она ухватилась за борт лодки.

Бандиты, несущие в руках свой скарб, с руганью и криками спрыгивали в море. Нос корабля разбился о прибрежные скалы, в образовавшуюся дыру хлынула вода, и судно стало тонуть. Люди стремились добраться до большого плоского валуна, за которым начиналась ведущая к берегу песчаная коса.

Когда последний бандит спрыгнул в воду, Гаррик склонился к девушке-обезьяне, съезжившейся у его ног.

— Давай, Тинт, скорее...

Та перелетела на берег, будто дикая кошка, хотя расстояние было приличным — футов двадцать. Повернувшись к воде, девушка закричала:

— Иди, Гар! Тинт ждет!

Нос лодки почти скрылся под водой, корма тоже медленно уходила в морскую пучину. Подхватив мешок с вещами, Гаррик прыгнул на валун. Ему не составило особого труда выбрать-ся на берег сухим.

Одежда Сэто пришлось впору. Никто из бандитов не стал спорить с Вескеем, когда тот подарил Гару полное обмундирование, хотя обычно у них все делилось поровну между членами банды. Гаррик не стал возражать против одежды мертвеца, но предпочел отказаться от забрызганной кровью рубашки, в которой Сэто испустил дух.

Тинт запрыгала от радости, когда он встал на камень, а потом спрыгнул на берег. Бандиты, собравшись вокруг Вескея, вглядывались в темноту и перешептывались.

— Там, за деревьями, высокая гора, — сказал Хейм. — Много раз я взбирался на нее, когда моя сестра в Дурассе еще была жива.

Крутой, поросший колючими кустами берег оказался усыпан камнями. Вдоль берушей здесь начало дороги высились тополя. Они уходили в глубь острова, сливаясь с темнотой. Вдали виднелись контуры одиноко стоявшего у дороги крестьянского дома. Промычал бык, но огней видно не было.

Вескей махнул рукой и зашагал вперед, разбойники, стараясь не отставать, осторожно двинулись за ним следом.

— Да, и дорога та самая! — с удовольствием подтвердил свою догадку Хейм.

Возможно, так и было. Выглядела дорога лучше любой в Барке после падения Старого Королевства, но Гаррик заметил, что гравием ее посыпали очень давно. Колеи вдоль дороги были явным признаком того, что здесь ездят на телегах, а вот как ходить по таким камням пешим? Да тем более с навьюченными мулами. Да в непогоду.

— Похоже, дорогу патрулируют, — сказал один из бандитов, с подозрением оглядываясь по сторонам.

— Не сейчас, — ответил другой. — Посмотри на небо. Видишь, как высоко созвездие Феникса?

Гаррик тоже посмотрел вверх, туда, куда указал бандит. Облака рассеялись, и он увидел созвездие, которое в деревушке Барка называли не иначе как Козьи Рожки.

— Полночь уже давно миновала. Защитники Мира тоже любят поспать, как и все остальные люди. Они не двинутся в путь до утра.

— Нам нельзя идти сейчас вверх, — не успокаивался первый бандит. Это оказался Блесфунд, Гаррик узнал его, когда тот повернул голову. — Небезопасно.

— У нас нет выбора, — резко прервал споры Вескей. — Поблизости нет деревень, и к тому же нас слишком много. К рассвету мы должны прибыть к лорду Талемусу. Прада, иди вперед и все разведай. Мы подождем тебя здесь. Я возьму твой меч, а тебе дам дротик. Если наткнешься на Защитников, ты просто путник, которому нужно добраться в Дурассу к рассвету.

— Почему я? — попытался возразить Прада, унылый долговязый парень, но все же снял с пояса меч и протянул его ата-

ману в обмен на дротик. Лезвие оружия было широким и прямым, таких мечей Гаррик прежде не видел.

— Через какое-то время тебя сменят, — подбодрил разбойника Вескей.

Прада что-то неразборчиво пробормотал в ответ и медленно начал подниматься вверх. С мешком за плечами и дротиком он действительно походил на одинокого путника, не побоявшегося продолжать свой путь в ночи. Гаррик подозревал, что Прада до смерти боится оказаться схваченным на дороге Защитниками.

— Держитесь ближе к обочине, — приказал Вескей разбойникам.

Все сошли с дороги и постарались укрыться в тени тополей; кто-то прижался к земле, другие укрылись за придорожными валунами.

Прада дошел до дома крестьянина и стал спускаться с холма по извилистой дороге, постепенно пропадая из поля зрения.

— Гар, проследи за ним, остальные пойдут за тобой.

— Хорошо. — Гаррик встал, потуже затянул пояс, поправил меч и пошел вслед за разведчиком.

Тинт взвизгнула, предупреждая об опасности, и прыгнула за ним. Бандиты засмеялись, а кто-то прошептал:

— Я до сих пор не верю, что к Гару вернулись все его способности. Клянусь Сестрой, не верю.

— Мы бежим от Вескея, Гар? — спросила девушка-обезьяна. Ее не сильно заботил этот вопрос, то было чистое любопытство. Тинт легко передвигалась по дороге, перебирая четырьмя лапами. Через каждые несколько шагов она поднималась на задние конечности, внимательно оглядывалась и нюхала воздух.

— Нет, мы просто идем следом за Прадой. Если его схватят Защитники, мы успеем предупредить остальных.

Тинт почесала лапой спину, а потом пожаловалась:

— Тинт устала. Когда ляжем спать, Гар?

— Боюсь, передохнуть нам удастся лишь на рассвете. Потерпи, Тинт.

Он тоже хотел спать. Пришлось много грести, но усталость навалилась на него только сейчас.

Гаррик следовал за Прадой, стараясь не спускать с того глаз. Луна хорошо освещала дорогу, а тополя не закрывали обзор.

В расположенном на заднем дворе крестьянского хозяйства загоне захрюкали свиньи. Юноша уже давно догадался об их присутствии — по запаху. Но лая собак, обычного для сельского дома, не было слышно, и это заставило его насторожиться.

Тинт остановилась и схватила Гаррика за бедро. Ее пальцы впились ему в кожу, причиняя сильную боль.

— Гар! — прошептала она. — Люди за стеной! Хотят убить Гара и Тинт!

— Как ты... — начал Гаррик, но тут же замолчал.

Остаток своего глупого вопроса он проглотил. Тинт обладала гораздо более острым обонянием, чем люди. В этом он уже не раз убеждался за время их короткого знакомства. Кроме того, Гаррик уже и сам почувствовал запах лошадей. В таком доме, как этот, могли держать только мулов, но никак не лошадей, которых нужно кормить зерном.

Угол дома был удачным укрытием; спрятавшись за ним, можно кидать копья и дротики. А если стражники вооружены еще и луками, то они и вовсе непобедимы. Кроме того, у них есть лошади...

— Бежим, — прошептала Тинт. Гаррик шагнул за ней и остановился. Подняв босую ногу, он сделал вид, будто рассматривает вонзившийся в пятку шип, и искоса посмотрел на разбойников. Те находились на расстоянии ста футов. Вескей задумал использовать его как прикрытие, ведь Прада в случае опасности спокойно мог прыгнуть в любой куст.

Если в домике засада, то бандиты, оставшиеся в живых после первого залпа стрел, побегут с холма вниз, чтобы спрятаться в прибрежных скалах до восхода солнца, но оно для них уже никогда не взойдет.

Он выпрямился и помахал бандитам:

— Эй, Вескей! Идите сюда! Есть кое-что интересное для вас!

Хейм сделал несколько шагов вперед, но остановился, увидев, что товарищи остались на месте. Никто не ожидал, что Гаррик окликнет их, а годы разбойничьей жизни приучили к тому, что неожиданности предвешают беду.

— Гар, бежим! — потянула его за руку Тинт. — За стеной люди, много людей!

Гаррик осторожно освободился от ее хватки. Не было нужды спрашивать у девушки-обезьяны, сколько человек сидит в засаде. Шесть? Сто? Она все равно не умеет считать. Кроме того, даже если он узнает их количество, ничего не изменится...

— Пошевеливайтесь, да заберет вас всех Сестра! — выругался Вескей. — Оглохли и не слышите, что вас зовет Брат?

Крепко держа в левой руке меч, а в правой дротик, он первым стал медленно продвигаться по дороге. За спиной атамана висел арбалет, стрела которого уже расцарапала плечо до крови. Немного поколебавшись, разбойники последовали за Вескеем.

Гаррик подождал, пока они подойдут ближе, и широко улыбнулся.

— Я заметил это, когда вытаскивал шип из пятки, — громко произнес юноша. Он стоял вполоборота и во время разговора с Вескеем одним глазом косился на угол дома. — Пойдем, покажу.

— Что там, друг? — поинтересовался Вескей.

— Не оглядывайся, — негромко произнес Гаррик. — В этом доме засада. Тинт услышала их запах. На нас могут напасть в любой момент. У них есть лошади, и единственная наша надежда — атаковать первыми.

— Не может быть, что здесь ждут именно нас, — засомневался услышавший разговор Адемий. — Мы не знали куда пойдем, выбравшись на берег. Кто может нас здесь поджидать?

— Гар, бежим! — продолжала увещевать юношу Тинт.

Гаррик понял, что его слова никого не убедят, времени на уговоры и раздумья не осталось, пришло время действовать. Он тряхнул головой, пытаясь унять дрожь от нахлынувшего напряжения, и принял решение.

— Одолжи мне его ненадолго. — Юноша протянул руку к дротику Вескея. Древко дротика — в палец толщиной и в три фута длиной — заканчивалось небольшим плоским наконечником.

— Дурацкая затея! — не унимался Адемий. — Твоя мартышка хочет нас обмануть.

— Пойдем и убьем их! — громко закричал Гаррик, так, чтобы быть услышанным всеми разбойниками. Тому, как себя вести в сражении, его учил Карус. Юноша повернулся и, подняв вверх дротик, побежал к дому.

За углом дома, возле каменной стены, укрывались вооруженные люди. На головах Защитников были круглые железные шапки, тело закрывали латы, одетые поверх шерстяного белья. Вооружение сидевших в засаде составляли луки, длинные ножи на поясе и шестифутовые копья с набалдашниками вместо наконечников, которые могли заменить полицейские дубинки во время подавления беспорядков. Защитники Эйхеона больше походили на городские патрули, наводящие порядок в Вэллесе, а не на ведущую боевые действия королевскую армию.

Стоявший впереди офицер в блесевшей при свете луны медной броне поднял руку, приготовившись отдать команду лучникам. Гаррик, не медля ни секунды, метнул в него дротик с искусством, присущим настоящему воину, хоть и научился этому во время охоты на белок. Вот где пригодилась сила Гара! Копье попало мужчине прямо в шею. Офицер повалился на спину, так и не успев отдать приказа.

— За Каруса и Острова! — закричал Гаррик, выхватывая из ножен меч.

Уже приготовившийся выстрелить лучник рухнул на землю, пораженный дротиком Вескея. Его пальцы разжались и выпустили лук, стрела упала в грязь. Оставшиеся без командира лучники — человек двадцать — в растерянности метались у стены. Где-то еще прятались всадники, но они, должно быть, пока не поняли, что случилось.

— За Каруса! — повторил Гаррик и начал вращать меч в руке, отчего луна засверкала на его лезвии. Он умел — и по своему личному опыту, и по подсказкам Каруса — напугать врага мечом длиной в четыре фута, особенно при наступлении. Неожиданная, быстрая атака оставалась единственной надеждой Гаррика и разбойников. Юноша рассчитывал, что им удастся напугать Защитников и перебить противника прежде, чем тот придет в себя.

Не все, однако, пошло так гладко, как хотелось Гаррику. Осознав, что на кону стоят их собственные жизни, лучники попытались оказать нападавшим сопротивление. В воздухе засвистели — хоть и нечастые — стрелы. Одна из них пролетела над самой головой Гаррика, когда тот уже находился у самой стены. Впрочем, попади она в цель, и ее бы хватило, чтобы принц расстался с жизнью. Лучник вновь натянул лук, целясь Гаррику в грудь, но тут другая стрела пронзила сердце Защитника Мира. Арбалет атамана бил без промаха.

Тинт одним прыжком заскочила на стену, с которой Защитники пытались отбить атаку. Ее широкие длинные зубы вонзились в горло одного из лучников, и они, сцепившись, покатались кубарем вниз, мужчина даже не успел вскрикнуть.

Запрыгнув на стену, Гаррик принялся рубить мечом направо и налево. Бросившемуся на него с ножом Защитнику он отсек руку одним ударом. С изогнутым клинком в руках принц выглядел так устрашающе, что казался Защитникам демоном из адского пекла. Его точные, наносившиеся с нечеловеческой силой удары сеяли среди врагов панику. Те, кому удавалось избежать встречи с Гарриком, попадали в руки Вескея и бандитов. Несмотря на деревянную ногу, атаман бился как настоящий воин, и меч Прады верно служил ему. Защитника, пытавшегося ударить копьём Гаррика, Вескей сбил с ног одним ударом и тут же обезглавил.

Разбойники закидали стену дротиками. Два Защитника зашатались и сползли на землю, их свалившиеся шлемы с грохотом проследовали следом. Оставшиеся в живых лучники не могли сдерживать натиска нападавших, копья с набалдашниками не годились для метания со стены, поэтому, не дожидаясь, пока разбойники взберутся наверх, Защитники Мира пустились в бегство.

Одна из стрел попала в Блесфунда, тот закричал и скорчился от боли. Лучник хотел уже выпустить вторую, но, помедлив секунду, бросился наутек. Запрыгнувший на стену Тосий догнал беглеца и топором, обычным инструментом дровосека, разрубил надвое.

Дверь сарая приоткрылась, из-за нее выглянул еще один Защитник. Одной рукой он схватился за ручку двери, другой

держал под уздцы лошадь. Его взгляду открылась страшная картина кровавой бойни. Большинство его товарищей уже были убиты, немногие уцелевшие тщетно пытались убежать.

— Не дайте им уйти! — закричал Гаррик, подбежав к сараю, и, тяжело дыша, поднял свой окровавленный меч.

— Пастырь, спаси меня! — взмолился Защитник, вскочив на лошадь. Он ударил юношу копьём по голове, тот согнулся от боли, но успел полоснуть мечом по левой ноге наездника. Защитник повалился на круп лошади, в нос ударил запах свежей крови. Дротик Вескей просвистел в воздухе и вонзился Защитнику в глаз. Бездыханное тело свалилось на землю.

Гаррик заглянул в сарай, но сразу же оттуда выскочил. В конюшне обезумевшие от ужаса и запаха крови лошади вставали на дыбы и норовили лягнуть всякого оказавшегося рядом. Могучий чалый жеребец ударил грудью в ворота, верхняя петля выскочила из дерева, и дверь накренилась.

— Ловите лошадей! — закричал Вескей. — Клянусь Господом, мы отправимся в Дурассу на щедром подарке от правителя!

Последняя, серая в яблоках, лошадь бросилась во внутренний дворик, таща за собой тело одного из Защитников, рука которого запуталась в болтающейся уздечке. Животное кружилось по двору, пытаясь освободиться от еще живого лучника.

Гаррик остановил лошадь, схватив ее под уздцы. Поднеся меч к лицу Защитника, он прокричал:

— Сколько вас еще в доме?

— Посадите, — прошептал лежавший на спине мужчина, держась рукой за бок. — Больше никого, нас только трое!

— Будешь просить пошады у моей сестры! — ответил за Гаррика подоспевший Хейм и приставил к шее Защитника копьё.

— Не смей! — воскликнул Гаррик.

Вескей схватил Гаррика за руку, в которой тот сжимал меч. Хватка атамана оказалась крепкой.

— Эй, парень, нам придется это сделать. На то есть свои причины.

Хейм вдавил наконечник в шею Защитника с такой силой, что у лежавшего хрустнули позвонки, тело его забилося в конвульсиях и обмякло.

Гаррик отвернулся. Хвала Госпоже, в желудке было пусто, иначе его бы стошнило от увиденного. Конечно, ему доводилось видеть кое-что и похуже, он тоже понимал, почему Хейм пошел на убийство. Но все же...

Юноша взял серую лошадь под уздцы и повел назад в сарай. Это могли сделать и другие, но Гаррику хотелось хоть немного побыть одному.

Один из Защитников носил короткий плащ. Гаррик стянул его с мертвого тела и вытер окровавленный меч. На лезвии остались зазубрины, но его можно будет отшлифовать о камень. На руке жертвы юноша заметил браслет с изображением змеи; чей-то нож угодил прямо меж заменявших рептилии глаза рубинов.

— Ну, братья, нам улыбнулась редкая удача! — промолвил довольный Вескей. — Седлайте лошадей — и в путь. Эй, Тосий, возьми еще одну кобылку для Прады. Когда нагоним его, он сможет дать ногам отдых.

Тинт встала на задние лапы, беспокойно поглядывая по сторонам.

— Гар, ты жив?

— Я в порядке, — успокоил ее Гаррик. — Я в порядке, Тинт, — еще раз повторил он, обнимая девушку-обезьяну, чуткий нос которой спас их жизни, за плечи. — Спасибо тебе за то, что все мы живы.

Тинт замурлыкала и принялась облизываться, на ее морде виднелась запекшаяся кровь.

Душа Илны поднялась над телом, оставшимся лежать на кровати. То, что это ее тело, девушка поняла по одежде. Белая туника под тяжелым платьем голубого цвета с серым рисунком и тонкой каймой по подолу. Конечно же, она сама соткала эту ткань и сшила одежду по своей фигуре, фасон платья они выбирали вместе с Шариной; на нем было изображено, как росток гикори превращается в большое дерево.

Зеркала из полированного металла являлись роскошью, причудой богатых. В деревушке Барка девушки любовались сво-

им отражением в ведрах с водой. Но только не Илна, ее это не интересовало...

А тут она удивилась, увидев, как красиво ее лицо. Белая кожа на щеках была нежной, крохотные веснушки отливали золотом. Карие глаза под длинными черными ресницами блестели, словно в них спрятались солнечные лучики. Тонкие губы были плотно сжаты, отчего лицо казалось суровым, но именно такой формы губы как нельзя больше подходили Илне.

Девушка усмехнулась и подумала, что имеет право оценивать свое тело, раз уже в нем не находится.

Теноктрис откинулась на спинку резного стула из слоновой кости. Ее усталое, с темными кругами под глазами лицо свидетельствовало о том, каких усилий потребовал от волшебницы магический ритуал. Шарина стояла рядом, поддерживая старушку под руку. Обе женщины с тревогой смотрели на неподвижно лежащую на кровати фигуру. Теноктрис никогда не послала бы близкого человека по неизвестному, опасному пути, если бы могла сама занять его место. Но пожилой волшебнице это было не под силу.

Несмотря на дым, шедший от обуглившегося пергамента, Илне не составляло труда отчетливо их видеть. Но в этой комнате, где лежало ее тело, делать девушке было нечего. Как, впрочем, и во всем этом мире. Перед ней висел серый занавес. Она шагнула вперед, прямо к нему. Это являлось ее обязанностью, ее долгом, а Илна, как любой честный человек, привыкла нести ответственность за свои дела.

Какое-то время серая мгла сопротивлялась и не пропускала ее. Занавес, сотканный не из ткани, а из мерцающего света, окутывал все вокруг. Илна нахмурилась. Что-то скользкое прикоснулось к ней, и серая мгла втянула ее внутрь.

Здесь тоже все оказалось серым. Девушка судорожно сглотнула слюну и двинулась дальше. Ее окружала такая же липкая серая мгла, как в преддверии ада. Когда-то она смогла вернуться в свой мир с сохранившимися воспоминаниями о Преисподней, и сейчас к Илне возвратилось то ощущение ада, которое ей уже довелось испытать. Девушка доста-

ла из рукава моток ниток и принялась плести ткань на ходу. На ум ей ничего не приходило, и она предоставила пальцам свободу действий. Илна шла вперед, оглядывая серую пустоту. Место, где не существовало ни формы, ни цвета, ни одежды.

Когда нитки превратились в кусок ткани, серая пелена открыла выход из этого преддверия Преисподней. Илна шагнула вперед, ни на что не надеясь, ничего не ожидая. Она шла, чтобы увидеть в будущем то, что должно произойти, и не собиралась отступать, даже если путь будет долгим.

Из серости Илна попала в мир красок и цветов. Но это был не тот радостный мир, который девушка покинула не так давно. Цветы на поляне напоминали выгоревшие на солнце, размытые пятна от овощей, а когда Илна попыталась дотронуться до дуба, мимо которого проходила, ее рука лишь едва коснулась коры.

Но все это не имело значения. Это был мир, хоть и не тот, в котором жила девушка.

Она набрала полную грудь воздуха и начала подниматься на заросший травой холм. С его вершины Илна смогла рассмотреть на горизонте каменные дома, шпили башен и крыши доменных печей. Солнца в небе не было видно, поэтому Илна не смогла определить направление, в котором необходимо двигаться. Спускаться пришлось бы вдоль склона, прямо к башням, там она заметила протоптанную дорожку, по которой шли люди, казавшиеся ей муравьями.

В болотистой низине, с другой стороны холма, на котором стояла Илна, две скромно одетые женщины разговаривали с кем-то, отдаленно напоминавшим абсолютно голого мужчину. В том, что это мужчина, у Илны не было бы никаких сомнений, если бы не голова оленя на его шее. Сначала девушка подумала, что это маска, однако оленья голова казалась значительно меньше обычной человеческой.

Мужчина-олень вытянул руку. Одна из женщин попыталась за нее ухватиться. Парочка развернулась и двинулась вдоль болота, вторая женщина направилась вслед за ними.

Девушка брезгливо скривила губы. Но, в конце концов, ее это не касается. Теноктрис утверждала, что где-то здесь находится проход...

И он нашелся, ей даже не пришлось особенно искать. Через всю равнину протянулась расщелина, разделившая мир на две половины, как будто по какой-то оплошности одна из ниток выпала из ткани и образовалась прореха. Казалось, впадина протянулась даже через небо, ставшее вдруг пустым и безжизненным.

По равнине ехали всадники на животных, каких Илна никогда в жизни не видела. То были боровы размером с мулов, лошади с задними лапами как у львов, что-то похожее на козу, передвигающуюся на двух ногах. На одном из животных сидела обнаженная женщина, такая же дородная и красивая, как Сиф, богиня любви; вышивку ее образа на своих шарфах любят заказывать проститутки.

Илна холодно улыбнулась. Покупатель мог заказать любой рисунок, по своему желанию, но она не бралась за работу, если это было ей не по нраву.

Путники о чем-то весело переговаривались. Они, казалось, не замечали разрыва, но, приблизившись к этому месту, наездники на время смолкли. Затем один из всадников достал маленькую, сделанную из рогов антилопы арфу, ударил несколько раз по струнам и выронил инструмент.

Наконец они пересекли холм. Одна из женщин достала изогнутую дудочку и приложила к губам, но Илна не слышала ни звуков флейты, ни голосов, ни даже песни. Девушка решила, что здесь так же тихо, как на глубине замерзшего у мельницы пруда.

Она отправилась дальше, поражаясь изменениям, произошедшим в этом мире. Серая пелена замуровала его так, что существа, которые теперь в нем жили, не вызывали желания познакомиться с ними поближе. Девушка подумала, что Теноктрис, отправляя ее сюда, представляла совсем другой мир. Но раз уж он оказался таким, каким она его видит, надо разобраться во всем как следует.

Илна слегка улыбнулась своим мыслям. Ее пальцы плели уже другой рисунок. На этот раз девушка хорошо сознавала, что хочет изобразить. Если ей встретится враждебно настроенное существо, она сможет дать ему достойный отпор.

Трещина в мире растянулась на приличное расстояние и притягивала Илну как магнит. С того места, где она находилась, девушке была отлично видна поляна, украшенная забавными крыльями, буфами и перьями различных оттенков розового и голубого. Голый мужчина танцевал в языках пламени, за ним, с достоинством, которого так не хватало танцующему, наблюдала птица размером с человека.

Илна сморщилась от непристойной картины и шагнула вперед. Ее интересовало, что произойдет, если она окажется внутри этой ужасной структуры. В глубине души девушка ощущала смутное беспокойство, наверное, потому что все здесь было не только необычным и вычурным, но и лишенным всякого вкуса и смысла.

Илна никак не могла привыкнуть к безвкусице. Пусть теперь ей приходилось жить в городах, они мало чем отличались от деревни, где выросла девушка. Люди в них не обладали хорошим вкусом, не затруднялись соблюдением правил приличия и не отвечали требованиям, которые предъявляла окружающим Илна. Сама она продолжала жить по своим правилам и не видела причин, которые могли ей в этом помешать.

Илна двигалась в том же направлении, что и всадники. Она шла своим обычным шагом, но не чувствовала упругости земли и в какой-то момент увидела, что находится на дороге, которая тянулась вдоль озера, — ноги сами привели ее сюда.

Вода в озере была чистой и прозрачной. Лишь слабые круги от весел небольших лодок, украшенных слоновой костью, нарушали спокойствие водной глади. В одной из лодок красивая пожилая женщина стояла гребла длинным веслом, а ее молодые спутники сидели на носу, развалившись на мягких подушках. Другие лодки неспешно дрейфовали вдоль берега.

На берегу, неподалеку от Илны, стояла кучка суровых бородатых мужчин. Они что-то неторопливо обсуждали, но де-

вушка не слышала ни слова из их разговора. Один из мужчин бросил мрачный взгляд в ее сторону. Илна помахала рукой, пытаясь привлечь его внимание. Бородач нахмурился, о чем-то задумавшись, а затем возобновил беседу с товарищами.

Итак, она все видит, но ничего не слышит, а обитателям этого мира недоступно ни то, ни другое.

Ноги завели девушку в лес. Рядом с ней лохматый коренастый мужчина рисовал на камне фигуры или символы, обмакивая палец в приспособленную под чернильницу чашу для вина. Его лицо было спокойным и невозмутимым, а взгляд рассеянным. Несмотря на то что Илна находилась с ним рядом, она чувствовала, что мужчина не видит ее. Какое-то вытянутое пятно прошло сквозь правую ногу этого человека, большой палец дернулся, но мужчина не оторвал взгляда от камня, продолжая свое занятие. Илна с недоумением пожала плечами и пошла прочь.

Теноктрис назвала это место миром сновидений, сама же Илна совсем не так представляла сны, возможно, потому, что очень редко их видела и они всегда были безрадостными.

Девушка сделала еще один шаг, и вокруг нее сгустился ночной мрак, в котором она увидела отблески пламени. Город был в огне. Илна видела лишь силуэты охваченных огнем до самой крыши домов, с языками пламени, выбивающимися из окон. Красивая арка соединяла два здания. Кто-то, фигурой напоминавший человека, шел по арке, балансируя для равновесия длинным шестом. Оба конца арки ярко пылали, как дрова в камине зимой, но существо продолжало свой путь.

Илна грустно улыбнулась. Такого сна она не видела, но понять того, кому это снилось, могла.

Она продолжала свой путь. Как долго ей еще идти? До тех пор, пока не будет найден ответ. Девушка надеялась, что сможет распознать то, за чем послала ее Теноктрис. Старая волшебница не сказала, что следует искать. Если Илна сама не распознает это, то будет бродить по миру сновидений, пока не надоест. Но тогда ей придется признать свое поражение.

Илна вновь улыбнулась; на сей раз в ее улыбке появилось что-то пугающее. Конечно, она может потерпеть поражение, но тогда уже не вернется.

Она очутилась в болотистой низине, у реки. Глаза девушки внимательно осматривали заросли тростника рядом с берегом, затем она перевела взгляд на пузыри, образовывавшиеся на поверхности воды и тут же тихо лопающиеся. Неужели те существа, которые обитают в этом месте и являются в сношениях людям, тоже видят сны, недоступные остальным?

Илна сделала еще один шаг и вздрогнула, увидев, что оказалась на пустыре. Земля, когда-то плодородная, покрылась трещинами. Из нее торчало несколько одревесневших растений со скрученными листьями. Раньше здесь протекал большой глубокий ручей, перейти который можно было только по каменному арокному мосту. Но, похоже, вода в нем уже давно высохла, и только поднятая порывами ветра серая пыль носилась над покрытыми вязким илом камнями.

Справа девушка увидела круглую башню, похожую на крепость или тюрьму. Ворота были распахнуты настежь. Железная решетка, сорванная с петель, валялась на земле возле прохода. Илна не заметила никаких признаков жизни ни в самой крепости, ни вокруг нее.

На пыльной дороге между мостом и башней стояла телега с большим железным котлом. Перед ней, под оглоблями, вперемишку с остатками упряжи лежал полуистлевший скелет лошади. Казалось, в этой бочке сконцентрировалось все нависшее над миром напряжение.

Илна еще раз огляделась, но так ничего и не увидела. Она взглянула на рисунок, выходящий из-под ее пальцев, и, удовлетворенно кивнув головой, сделала свой следующий шаг. Она обнаружила себя все в том же месте, но уже ближе к телеге.

Задняя часть телеги, с отвалившимися колесами, валялась на земле. Илна подошла к ней вплотную и заглянула в котел.

Вместо ржавого железного дна она увидела внизу храм. Одетые в черные и белые балахоны жрецы пели молитвы вокруг пруда, в котором отражалась полная луна.

— Благодарю тебя, Сестра! — услышала Илна за спиной. Обернувшись, она увидела бегущую к телеге девушку в звериной одежде. — Не напрасно я принесла козу в жертву Богам.

Глава девятая

Илна не сводила с девушки глаз. Сама она не поклонялась Великим Богам; они ничего для нее не значили. Илна доверяла только сотканным ее собственными руками узорам и своему сердцу. Люди, которые молились и приносили жертвы, не вписывались в рамки, созданные ею для себя.

— Твое тело все еще находится в пробужденном мире? — спросила девушка Илну тонким и глухим голосом, как будто она говорила через трубу. — Не нужно меня бояться. Вижу я тебя не очень хорошо, но не думай убегать от меня.

Незнакомка была не выше Илны, но ее грудь казалась раза в два больше, а бедра шире. В руке девушка сжимала бронзовый кинжал с длинным плоским лезвием.

Илна посмотрела на моток ниток, который держала в руках, и убрала его в рукав.

— Ты меня слышишь? — холодно спросила она. — Если да, то вот что я тебе скажу. Я Илна он-Кенсет и убегать не намерена. Кто ты и что ты хочешь от меня?

Держась за угол телеги, девушка присела на корточки и принялась водить лезвием кинжала по пыльной земле.

— Меня зовут Алекта, — ответила незнакомка, не глядя на Илну. — Я хочу, чтобы ты вытащила меня из этой своры.

Сузившимися от грубого тона глазами Илна пристально посмотрела на Алекту. Одежда ее напоминала ту, что, видимо, носили первобытные люди, но сделана была очень добротнo. Короткая накидка из волчьей кожи прикрывала тело до пояса. Хорошо сшитая, она скреплялась на шее золотой, с гранатами, булавкой. Волосы девушки были заколоты искусно вырезанными из слоновой кости шпильками. Юбку из тонкой кожи оленя, коричневую с белыми пятнами, плотно обтягивавшую бедра, украшали иглы дикобраза, подобранные по цвету и размеру. Илна еще не видела такого способа вышивки, но рисунок ей не понравился, и она скривила губы.

Алекта уже нарисовала на земле пентаграмму и теперь писала вокруг нее какие-то слова. Илне не удалось их прочитать,

но эта девушка не имела ничего общего с тем волшебником, который заколдовал Гаррика.

— Эта свора, которой ты так боишься, — Илна начала издалека, — ополчилась против тебя и ты от них убежала?

Девушка вскочила на ноги, крепко сжимая нож, который вновь стал оружием, а не палочкой для письма.

— Это не так! — воскликнула она. — Я только пыталась напугать Брэсия, и я не вызывала их! Брэсий этого не достоин. Кроме того, я не такая дура...

Выражение ее лица переменилось.

— Тьфу! — Разгорячившись, Алекта сплюнула себе под ноги и, тряхнув головой, снова присела на корточки. — Не представляю, кто их вызвал, но кто-то же это сделал... Я наткнулась на них случайно.

Девушка вновь принялась рисовать свои символы. До Илны доносился скрежет ножа Алекты по твердой земле, хотя, как и голос девушки, он был едва слышен.

— Ну да ладно. Я сильно рисковала из-за Брэсия, теперь-то я это понимаю, — прошептала Алекта, не прекращая своего занятия. — Мне следовало просто рассмеяться ему в лицо и отпустить домой к жене. Сестра свидетель, уж я-то без мужчины не останусь!

Илна поморщила нос и усмехнулась. Слушать сбивчивый рассказ девушки было забавно.

— Ты ожидаешь, что Свора вернется сюда за тобой? — спросила она, вместо того чтобы направить повествование девушки в нужное русло. Илна даже не заметила, как достала из рукава нитки и продолжила плести прежний узор.

Алекта бросила взгляд на ее работу и презрительно ухмыльнулась.

— Нервничаешь? Бояться нечего. Пока твое тело в пробужденном мире, они тебя не тронут. Я не ожидала, что смогу так близко подойти к их логову, а кто-то по глупости вызовет их. Но так случилось...

— Ты услышала, что меня что-то беспокоит? — поинтересовалась Илна, уверенная, что дикарке не удастся вывести ее

из себя. — Я просто спросила, придет ли эта Свора за тобой. Сюда, раз уж ты здесь.

— Я не задержусь здесь надолго, и ты поможешь мне, Илна он-Кенсет. Не бойся, мы окажемся с тобой в пробужденном мире прежде, чем они появятся. Мне нельзя возвращаться через старый портал. Для этого необходимо оказаться там, где обитает Свора, а мне бы этого не хотелось.

Алекта посмотрела на Илну, в глазах ее читался панический страх, как у парализованного взглядом удава кролика.

— Никому бы не захотелось! Но мы туда не пойдем, так что бояться нечего.

Она слегка порезала палец, и капля крови упала в круг.

— У меня нет другого выбора, — прошептала Алекта.

Дикарка принялась напевать, постукивая концом ножа по начерченным на земле символам. В отличие от большинства магических талисманов, которые Илне доводилось видеть в руках волшебников, нож Алекты был не только магическим жезлом, но и отличным оружием.

Илна снова посмотрела в котел. Там уже все переменялось. Внутренний двор храма исчез, остался только пруд с отражавшимся в нем солнцем, которого в небе над своей головой Илна не видела.

Интересно, видна ли она кому-нибудь из храма. Наверное, нет, до тех пор пока ее отражение не появится в воде.

Голос Алекты становился все громче, казалось, он проникал во все уголки этого мира. Илна выпрямилась и взглянула на дикарку. словно услышав ее призыв, из земли выросли ужасные демоны и принялись кружить вокруг телеги. Их фигуры из песка и пыли закрывали дневной свет.

Илна хмыкнула. Пришло время вернуться назад, к ожидавшей ее во дворце Теноктрис. Она уже могла описать и храм, и священников. Больше здесь делать нечего. Девушка надеялась, что серая мгла вернет ее назад таким же образом, как и пропустила в этот мир.

Она попыталась отойти от телеги, но тело не сдвинулось с места. Ноги не слушались команд разума, они словно прилипли к камням.

Пальцы Илны вцепились в кусок сплетенной ткани. Она проделала трудную, но бесполезную работу, а все из-за того, что какая-то сила помешала ей сделать последний шаг.

Яркое прежде небо потемнело. Голос Алекты гремел, будто гром с небес. Илна уже не видела демонов, она только чувствовала, как ветер тянет ее в разные стороны за рукава туники.

— Алект! — закричала она, но вместо своего голоса услышала только завывание ветра.

Мир, в котором находилась Илна, исчезал, как краска под мокрой тряпкой. Алект стояла рядом с ней, держа в вытянутой вверх руке свой бронзовый кинжал, лицо ее сияло.

Порыв ветра подхватил их, они закружились в воздухе и приземлились на каменный пол. Удар был таким сильным, что девушки упали, не удержавшись на ногах.

Илна вскочила первой и руками потерла ушибленные колени. Там, куда они попали, царила ночь. В центре зала с высокими колоннами поблескивала водная гладь пруда, потолок над которым отсутствовал, и Илна вспомнила, что Лизэйн просила Гаррика построить похожий.

Они попали в то место, которое Илна рассмотрела в котле. Это оказался тот самый храм, откуда каждую ночь в спальню принца посылались кошмары, лишавшие его сна.

Ударившись о пол, Алекта выронила из рук кинжал, но тут же подобрала его и лишь затем вскочила на ноги.

— Ты просто дура! — набросилась на нее Илна.

Поющие голоса послышались у входа в храм, единственного места, через которое можно было покинуть этот зал. Священники возвращались.

Шарина пыталась сосредоточить внимание на фреске. Прежде здесь были нарисованы пастухи, которые осенью гнали свои стада с летних пастбищ в деревню. Деревья на рисунке уже начали терять свою листву.

Деревушка Барка славилась своими овцами на всю округу. Крестьяне выращивали скот и пасли его на пастбищах в горах северного Хафта. Во время Овечьей Ярмарки в деревне бывали купцы и перегонщики скота с Блэйза, Сандраккана и даже Ор-

нифола, только с севера никто не приезжал. Там был свой рынок и свои покупатели; северяне если и покупали шерсть, то только тогда, когда продавали свой скот на рынке в столице, да и то лишь с отметкой: «Сделано в Каркозе».

Но с тех пор, как Шарина выросла, многое изменилось. Теперь все Острова жили своей обособленной жизнью, и до них было так же далеко, как до луны.

Мысли Шарины вновь вернулись к Илне, тело которой неподвижно лежало на кровати. Потом она стала думать о Кэшеле, который бесследно пропал, и о Гаррике, в чьем теле теперь находился совсем другой человек. Обхватив плечи руками, девушка почувствовала, что вот-вот заплачет.

Она повернулась к Теноктрис, собираясь спросить, сколько еще пробудет в трансе Илна, но передумала. Сидя на табурете, старая волшебница читала небольшой пергамент. Она улыбнулась Шарине, но девушка покачала в ответ головой.

Сказать было нечего. Как долго это продлится, не знал никто, они обе понимали это. Ничего больше Теноктрис не могла сказать и сочла, что лучше занять себя чтением, нежели мучиться от беспокойства.

Шарина всегда находилась рядом с Гарриком, как и томик его любимых стихов, хотя девушка никак не могла понять, как — при своей-то занятости — тот исхитряется находить время для обожаемого Селондра. Что делает сейчас человек, пребывающий в теле Гаррика? В том, что король Карус не любитель книг, Шарина не сомневалась.

Она вновь посмотрела на стену. Следующий рисунок изображал крестьян, грузивших на телегу свежескошенное сено. Двух быков, запряженных в телегу, держала под уздцы маленькая девочка, а те слегка касались ее мордами. Женщины подгребали валки травы поближе к телеге длинными граблями с двойными зубьями — таких Шарина никогда прежде не видела. В тени яблони сидел косарь и точил косу, сначала, наверное, натирая ее жиром, а потом песком, как делали все косари в ее деревне.

Сюжеты многих картин в комнате были знакомы Шарине с детства, как и любому жителю деревушки Барка. В этой комна-

те она не чувствовала себя чужой и одинокой, неспособной помочь друзьям. Сейчас, при свете дня, Шарина заметила, что занавеска из голубой кожи, за которой находилась дверь, украшена причудливыми рисунками. Она спала здесь уже две ночи, но до сих пор этого не замечала.

Шарина плотно сжала роговую рукоять ножа, доставшегося ей от Ноннуса. Сейчас это оружие успокаивало ее больше, чем картины безмятежной жизни крестьян или чтение, любовь к которому воспитал в ней отец.

Мучительное ожидание затягивалось, но за поясом у нее висел пьюльский нож. Вспомнив о нем, девушка слегка улыбнулась.

Дверь в комнату распахнулась настежь. Шарина бросила на нее быстрый взгляд. Гаррик, нет, Карус, вошел внутрь и плотно закрыл за собой дверь. Природа наградила ее брата атлетическим телосложением и изяшной походкой, человек, находящийся в его теле, ступал величественно — как лев.

Он кивнул в сторону распростертой на кровати фигуры.

— Как она?

Голос короля едва ли можно было назвать спокойным, волнение выдавала и правая рука, крепко стиснувшая меч.

Теноктрис оторвалась от свитка и посмотрела на короля. Скрутив пергамент, она убрала его в сумку, стоящую на полу рядом с табуретом.

— Пока все идет успешно, — ответила волшебница и, опершись руками о стол, вознамерилась встать.

Карус жестом показал, что она может сидеть в его присутствии. Угрюмое его лицо выражало недовольство. Этого человека не интересовало, что и как сделано, ему был важен результат.

Теноктрис села, откинувшись на спинку стула, затем, собравшись с силами, продолжала:

— Теперь все зависит от Илны. Надеюсь, ей удастся добыть нужные нам сведения.

— Я тоже на это рассчитываю, — безрадостно произнес Карус. Рука короля вновь потянулась к мечу, но он отдернул ее, будто обжегшись, и начал мерить комнату шагами.

— Думал остаться у себя, пока все кончится, — остановившись у стены, заговорил он снова, — а потом хотел отправить-ся с Меротой и пиратом на Тизамур и забыть про нее. Но вдруг мы больше никогда не увидимся? Вот не удержался и пришел.

Замолчав, он со всей силы ударил кулаком о стену. Стук не был громким, хорошая каменная кладка выдержала, а вот штукатурка в том месте осыпалась.

— Если хочешь, — осторожно произнесла Теноктрис, — я могу попытаться узнать, что удалось увидеть Илне.

— А у тебя получится? — воскликнул король. Он уже не скрывал своего волнения. — Это...

Тут он взял себя в руки, улыбнулся Шарине и, присев рядом с волшебницей на корточки, похлопал ее по колену.

— Конечно, ты лучше меня знаешь, что нужно делать, Теноктрис. Постарайся только, чтобы колдовство не лишило тебя сил, они могут в скором времени понадобиться. А то я, случается, теряю голову.

Волшебница рассмеялась. Смех ее напомнил Шарине, что Теноктрис и сама когда-то была девочкой и что Гаррик тоже был молодым и красивым. Она улыбнулась своей глупости. Гаррик и так сейчас молодой и красивый. А вот Карус — старик и привлекает уже не внешностью.

— Силы, может, и иссякнут, но ничего серьезного со мной не случится. К слабым волшебникам энергия возвращается быстрее, чем к могущественным чародеям. Нам нужно что-нибудь отражающее свет, например зеркало.

Карус встал, довольно ухмыляясь, и вытащил из-за пояса нож. Его стальная поверхность была так отполирована, что по комнате заплескали солнечные зайчики.

— Подойдет?

— Великолепно! — Теноктрис взяла нож из рук короля, внимательно его осмотрела и поставила — острием вниз — на магические символы. Края ножа были такими острыми, что, как показалось Шарине, вполне могли бы разрезать солнечный свет.

— Специально для Илны, — радостно прошептала волшебница. — Думаю, ей понравится то, что выступит у нас в роли зеркала.

Она без труда поднялась со стула и, прихватив с собой нож, подошла к кровати. Кончиками указательного и среднего пальцев волшебница дотронулась до шеи Илны, затем удовлетворенно кивнула.

— Все в порядке, — успокоила она присутствующих. Теноктрис выпрямилась. — Шарина... Нет — вы, Ваше Величество, подержите нож так, чтобы увиденное Илной отразилось на той стене.

Она показала, как именно.

— Выше фресок, конечно же. Держите нож так, чтобы Илна, если все получится, видела в нем стену.

Карус кивнул. Он взял нож в руку и встал так, как попросила Теноктрис, но прежде еще раз взглянул на неподвижно лежащую на кровати девушку.

— Приступай, — попросил он.

Теноктрис опустила руку на пол без чьей-либо помощи.

— Это очень просто, — прошептала она, вынув из сумки бамбуковую палочку. — Мне не нужно рисовать новые символы. Здесь уже все есть. К тому же портал открыт...

Закрыв глаза, волшебница сосредоточилась на своем дыхании, затем ударила по каждому из углов восьмиугольной фигуры и нараспев произнесла:

— Базумия оакито фаметалатас!

На стене появилось отражение чьего-то лица. Шарина не ожидала, что все произойдет так быстро. Она никак не могла оторвать взгляда от подруги, которая безжизненно лежала на кровати, но возникшее на стене лицо заставило ее повернуть голову.

В лезвии отразилась женщина. Отражение было немного размыто, но черты лица различимы. Шарине это напомнило непросохшую фреску. Судя по всему, в ноже Каруса отразилась молодая дикарка, щеки ее были разрисованы какими-то символами, а рот открыт, она кричала.

Неожиданно образ на стене исчез. Карус вскрикнул — то был крик, полный отчаяния.

— Что? — только и успела произнести Шарина, отворачиваясь от стены.

Тут она поняла, что именно заставило короля вскрикнуть. Кровать была пуста, на ней виднелась лишь небольшая вмятина в том самом месте, где лежала Илна, — единственное, что осталось от нее в этом мире.

— Клянусь Госпожей, — простонал Хаккен, — если Защитники поймут нас, то даже они не смогут сделать мне больнее, чем это седло. Если нужно будет вновь ехать верхом, уж лучше пусть меня привяжут к хвосту этой чертовой кобылы и она тянет меня волоком!

— Мы уже близко, — попытался успокоить его Вескей. — Скоро будем попивать вино во дворце лорда Талемуса.

Они объехали Дурассу стороной, чтобы добраться до владений графа, расположенных на северо-востоке от города, без приключений. Вдоль дороги, в тени могучих вязов, росли виноградные лозы, и мощные кроны богатырей оберегали нежные листочки от палящего солнца. По тому, как были высажены деревья, Гаррик понял, что все посадки принадлежат одному человеку, а если эти — собственность Талемуса, то он, должно быть, очень богат.

— Они, конечно, могут проклинять лошадей, — прошептал Вескей Гаррику, — но езда верхом вернула парней в те времена, когда они были простыми крестьянами. Пешком мы добрались бы сюда только к концу дня.

Тинт вновь запрыгнула к Гаррику в седло. Мерин от испуга вздрогнул и пошатнулся. Юноша натянул поводья, чтобы конь не понес, и постарался не показать своего недовольства.

— Скоро спать, Гар? — захныкала девушка-обезьяна. — Спать.

— Нам осталось совсем немного, Тинт, — объяснил Гаррик. — А теперь сиди тихо, слышишь? Тихо.

Он очень устал. Схватка на крестьянском дворе отняла много сил. Перед глазами все еще стояли картины кровавой бойни. К тому же Тинт отказалась ехать одна верхом и бежала рядом, время от времени то запрыгивая, то спрыгивая с его коня. Вдвоем они весили больше любого разбойника из шайки Вескея, конь с трудом выдерживал такую ношу и быстро уставал. Гар-

рику приходилось часто пересаживаться на другую, свободную лошадь, чтобы дать отдых своему мерину.

— Потерпи, ведь она спасла наши жизни. — Вескей, почувствовав недовольство Гаррика, попытался разрядить обстановку.

Гаррик усмехнулся.

— Это точно. Она бывает очень умной, хоть и ведет себя как ребенок.

Левой рукой он дотянулся до мохнатой спины Тинт и ласково по ней похлопал, девушка взвизгнула от удовольствия.

Гаррик был не таким хорошим наездником, как Карус, но благодаря тем нескольким месяцам, в течение которых дух предка обитал в его сознании, смог бы без труда проскакать десять миль, скрываясь от преследователей. Вескей же словно родился в седле, деревянная нога совершенно не мешала ему держаться в седле лучше всех остальных.

Вдалеке показались какие-то строения.

— Ворота как раз у сторожевой будки, — указал Вескей на небольшой домик с двумя окнами, — там располагаются стража и смотритель.

Гикнув, он ударил свою лошадь стремянами под ребра, та недовольно заржала, но поскакала быстрее.

Гаррик нахмурился и слегка толкнул ногами своего мерина. Юноша сомневался, что конь послушается, ведь тому приходилось тащить двойной груз, и он не стал бы винить бедное животное, даже если бы оно продолжало тащиться с прежней скоростью. Но — к его удивлению — мерин рысью понесся вслед за лошадью Вескея, возможно, лелея тайную надежду скинуть где-нибудь своего наездника. К сторожке они подъехали вместе.

В настоящих воротах не было необходимости, так как владельцы поместья не обнесли его стеной. Их заменяла перекладина на двух треногах, установленная для проверки проезжавших путников.

К удивлению разбойников, в сторожке, предназначенной для стражи, никого не было. Подъемная перекладина не загромождала путь, а, сломанная, валялась на земле. Похоже, ка-

кие-то незваные гости пожелали продемонстрировать свою силу и проверить гостеприимность хозяев.

Вескей и Гаррик остановились на освещенной луной дороге. Атаман достал из-за голенища дротик и сжал его в ладони. Остальные разбойники остались позади, и, судя по раздавшейся брани, Хаккен снова вылетел из седла. Гаррик проверил на поясе меч и, немного поколебавшись, вытащил его из ножен.

— Тинт! — прохрипел он. — Враги нас еще поджидают?

— Здесь нет мужчин, Гар, — недоуменно ответила девушка-обезьяна. — Дом, Гар! Мы будем спать в доме?

— Не сейчас, Тинт. Прежде чем лечь спать, нужно кое-что проверить.

— Эй, в чем дело? — потребовал ответа Адемий. — Это что, не то место?

— Нет, мы приехали по адресу. — Вескей сохранял хладнокровие. — Но кто-то побывал здесь до нас. Судя по всему, Защитники. Перед тем как устроить засаду на берегу, они все здесь обшарили.

Гаррик хмуро спросил:

— Если Метрон такой могущественный волшебник, что смог пробраться на Лаут с Тизамура, почему же тогда он не спас Талемуса от людей Заступника? Думаю, стоит посетить поместье и все разузнать.

Он цыкнул на лошадь. Та заржала, но с места не сдвинулась. Разозленный, опасаящийся в любой момент оказаться пронзенным стрелой, Гаррик ударил ее так сильно, как только мог. Животное дернулось вперед, упрямясь и взбрыкивая, и перешагнуло лежавшую на земле перекладину.

— Все за мной, — свирепо рявкнул Вескей и направил свою лошадь вслед за Гарриком.

— А вдруг они нас здесь поджидают? — запротестовал Адемий.

— Если не закроешь пасть, то уже на рассвете встретишься с Сестрой, — прорычал атаман. — Мартышка полагает, что все в порядке, ведь так? И, клянусь глазами Сестры, после того как она спасла нас на берегу, я ей верю.

Он откашлялся.

— Извини, Гар. Твоя подруга думает, что мы можем ехать. Она теперь и наш друг, потому что благодаря ей мы все еще живы.

Трое бандитов погибли от рук Защитников, Алком лишился левой руки, и теперь рукав его рубахи был заправлен под ремень; если бы не Тинт, все уже давно были бы убиты или взяты в плен.

Дорога, когда-то посыпанная гравием, уже почти полностью заросла жесткой, густой травой, кроме тех мест, где ступали ноги странников или проезжали колеса карет.

Впереди виднелось трехэтажное здание с рельефным фронтоном. Прежние хозяева постарались придать дому черты показной пышности: фасад его украшали высокие колонны с лепниной, к центральной части примыкали два крыла, соединенные между собой анфиладами комнат и крытыми галереями.

Нынешние владельцы перестроили здание, подойдя к вопросу с практической точки зрения. Пространства между колоннами заложили кирпичом, увеличив тем самым площадь дома, оранжерею с причудливыми декоративными растениями в северной части здания убрали, а на ее месте соорудили пристройку для хозяйственных нужд. Кареты останавливались на дороге или прямо перед зданием.

Ни в доме, ни в ближайших постройках свет не горел, но Гаррик заметил, что, когда они с Вескеем подъехали ближе, ставни чуть приоткрылись. Юноша остановил лошадь в пятидесяти футах от входа, атаман сделал то же самое.

Тинт, которая предпочла добираться до дома на четырех лапах, от них не отставала.

— Здесь мужчины, — принявшись, сообщила девушка-обезьяна. — Они напуганы.

Затем с надеждой спросила:

— Мы убьем их? Будет легко. Они боятся.

— Эй, там! Мы не Защитники, — крикнул Гаррик. — Мы друзья лорда Талемуса. Нам нужно поговорить с кем-нибудь из стражи. Не бойтесь нас.

Он спрыгнул с коня и направился к дому на своих двоих, мерин заржал в знак благодарности. Гаррику вовсе не обяза-

тельно было возвышаться в седле, чтобы прислуга, и так уже запуганная до смерти, продолжала трястись от страха.

От долгой езды ноги сводило судорогой, и первый шаг дался юноше непросто. Тело Гара, никогда не сидевшего в седле, после стольких часов скачки словно задеревенело — сказывались накопившиеся напряжение и усталость.

Тинт повисла на ветке. Девушка-обезьяна была рада, что ее друг оставил наконец лошадь, и пользовалась возможностью напомнить ему о своей усталости и желании спать.

Гаррик оглянулся. Вескей тоже слез с коня, но с места не сдвинулся. Остальные разбойники, за исключением Хаккена и еще нескольких отставших, находились уже у дома и спешивались, не сдерживая вздохов облегчения.

Лошади тоже выбились из сил; им было не менее тяжело тащить на себе неумелых наездников, чем бандитам держаться в седле.

Гаррик остановился недалеко от входа. Он опасался, что перепуганные насмерть слуги могут вышибить ему мозги, сбросив на голову кусок штукатурки или даже котел.

— Мы не причиним вам зла, но нам нужно узнать, что произошло!

— Выходите или мы выкурим вас оттуда! — пригрозил громким, зычным голосом Тосий. — Слишком уж долго пришлось сюда добираться, так что шутить я не намерен.

Адемий высек кремнем искру и поджег солому, та вспыхнула ярким пламенем, осветившим мрачные лица бандитов.

Парадная дверь тотчас же распахнулась. Из нее вышел сухошавый мужчина средних лет, чье небритое лицо уже заросло небольшой бородкой, придававшей ему угрюмое выражение. Одной рукой он придерживал засунутый за пояс длинный нож.

— Ты — дворецкий? — спросил Гаррик.

— Я — конюх лорда Талемуса, — объяснил мужчина. — Меня зовут Орфин. Если хотите переговорить с дворецким, то найдете его в прачечной, под прессом для белья.

Он сплюнул и, как бы между прочим, прибавил:

— Не понимаю, зачем вам понадобился этот трусливый лентяй.

— Мы хотим видеть лорда Талемуса, — прервал его рассуждения Гаррик, — или его советника Метрона. Они наняли нас выполнить кое-какую работу. Так вот, мы вернулись и хотим с ними встретиться.

К ним подошел Вескей. Он довольно приветливо кивнул Орфину, но вступать в беседу не стал. Тинт поскребла лапой за ухом и, зевнув, клубком свернулась у ног Гаррика, ее мохнатая спина согревала его икры.

— Если вам нужен лорд Талемус, то вы опоздали, — сказал Орфин. Он нахмурился, удивившись присутствию среди людей необычного зверя. — Ночью на нас напал отряд Защитников и увез его с собой. А вот волшебника, — он снова сплюнул и хлопнул ладонью по мотылькам, облепившим виноградную лозу, — они найти не смогли. Метрона вообще не было поблизости, когда они приехали. Одна из служанок говорит, что видела, как он бежал к лодочному сараю, еще прежде, чем протрубили о том, что на нас напали. Но Защитники искали его там и не нашли, больше я ничего не знаю.

Лицо конюха выражало отчаяние.

— Да поможет нам Пастырь, что будет теперь с нами? Думаю, они пришлют сюда управляющего.

— На вас напали только Защитники? С ними не было чиновников Заступника? — спросил Вескей.

— А разве этого мало? — Казалось, Орфина озадачил его вопрос. — Их было человек пятьдесят. Попытайся мы их остановить, и нам пришлось бы всю оставшуюся жизнь скрываться в лесу.

Он снова сплюнул и ударил по бабочкам, облепившим лозу.

— А я не собираюсь прятаться, ведь у меня жена и дети, мне нужно о них думать.

— Я поступил бы так же, старина. Впустишь нас в дом? — осторожно попытался прояснить обстановку Вескей.

— Они могут вернуться! — воскликнул Орфин. — Вам нельзя здесь оставаться. Они убьют нас всех, если...

— Тыпустишь нас сейчас, — грозно произнес Вескей, прижав дротик к груди конюха, чтобы подчеркнуть серьезность своих намерений, — в конюшню и принесешь нам еды. Затем, пос-

ле того как все это сделаешь, можешь укрыться в доме. Но мы никуда отсюда не уйдем, пока не передохнем и не поедим.

— И не напьемся как следует, — громко выкрикнул Хаккен.

— Хорошо, — согласился конюх. — Пройдите в конюшню и спрячьтесь, а я пришлю вам туда корзину с едой и кувшин вина.

Тут же он грустно покачал головой.

— Лучше я сам принесу вам еду. Слуги, заведи их Сестра, так напуганы, что ради спасения своих жизней могут на вас донести.

Перед глазами Орфина вновь пролетела серебристая бабочка с черными пятнышками на крыльях, словно символ скорой смерти. Он нахмурился и вновь замахнулся на виноградную лозу, чтобы прихлопнуть очередную букашку, но мотыльки дружно взмыли вверх, вместо того чтобы оставаться на прежнем месте. Облако мошкары проплыло между Гарриком и Вескеем и опустилось на землю у ног Тосия.

— Простите, — прошептал конюх. — Я отведу вас в конюшню, а то Пуста и Джелф еще решат, что вы пришли за ними, и только Госпожа знает, что тогда могут они натворить.

— Пойдемте, Братья, — кинул Вескей через плечо, обращаясь к разбойникам.

Ночная бабочка пронеслась перед глазами Гаррика. Он уже поднял руку, чтобы поймать ее, но что-то его остановило. Бабочка продолжала кружить рядом с его головой.

От неожиданного движения Гаррика Тинт вскочила. Подняв голову вверх, она напрягла мускулы, приготовившись к прыжку.

— Нет, Тинт, — воскликнул Гаррик.

Но было уже поздно. Девушка-обезьяна вытянула вверх передние лапы и прыгнула, норовя сцапать самую большую бабочку, но Гаррик опередил ее и, схватив за горло, прижал к земле.

— Нет, Тинт, — повторил он, ослабив хватку.

Поднявшись еще выше, бабочка сделала очередной круг над головами Гаррика и Вескея.

— Что за странная моль? — с беспокойством спросил Орфин. — У бабочек бывает бешенство?

— Гар заболел? — вопросительно захныкала девушка-обезьяна и стала тереться о ногу Гаррика. — Тинт больно.

— Со мной все в порядке. У нас вообще все хорошо.

Юноша похлопал Тинт по спине и спокойно произнес:

— Я не сержусь, но ты должна слушаться меня. Договорились?

Не обращая внимания на ее возгласы и восклицания, Гаррик повернулся к конюху и Вескею.

— Орфин, — попросил он, — отведи всех в конюшню. Нам с Вескеем нужно поговорить.

Юноша криво улыбнулся атаману.

— Брат Вескей, мы с тобой — вдвоем — должны пойти за этим мотыльком. — Он кивнул на букашку. — Посмотрим, куда он нас приведет.

Гаррик понимал, что его предложение может показаться атаману нелепым, но чувствовал, что должен это сделать. Тело его изнывало от усталости, больше всего принц боялся впасть в истерику и расхохотаться от безысходности своего положения.

Вескей нахмурился, затем сжал в руке дротик и посмотрел на недоумевающего конюха.

— Ты слышал, Орфин? Отведи Братьев в конюшню, где они смогут передохнуть.

Затем атаман повернулся к бандитам.

— Брат Хейм, ты хорошо управляешься с ребятами в мое отсутствие, будешь за старшего. Согласны, Братья?

Адемий что-то пробормотал себе под нос, все остальные одобрительно закивали головами.

Вескей посмотрел на мотылька, ставшего уже просто огромным — крылья увеличились в размере. Лунный свет переливался на их чешуйках, и черные пятнышки отчетливо складывались в изображение черепа.

— Хорошо, пошли, — согласно кивнул главарь и направился туда, куда указывал крылом мотылек. — О том, что это такое, тебе рассказала подруга?

Дротик полетел в сторону Тинт, когда та попыталась прыгнуть вслед за ними.

— Нет, — объяснил Гаррик. — Метрон волшебник. Если он смог уйти от Защитников, то найдет способ указать нам дорогу к тому месту, где прячется.

— Ты думаешь, эта букашка — наш провожатый? — недоверчиво поинтересовался Вескей.

— Я просто никогда не видел, чтобы бабочки так себя вели. Если же он все-таки окажется обычным мотыльком, летящим на свет, и не приведет нас к цели, значит, нам придется искать Метрона как-то иначе.

Луна хорошо освещала дорогу, но Вескей и Гаррик старались не выходить из падавшей от дома тени.

Бабочка летела рядом. Лунный свет посеребрил ее серые крылья, темно-коричневые пятна на них превратились в черные. Она вела себя не так, как обычная букашка, которую в любой момент могут прихлопнуть, мотылек выполнял работу проводника.

— Заступнику было известно, где мы высадимся, — заговорил Вескей. Он слегка прихрамывал, когда его деревянная нога касалась земли. — Но не предполагал, что нам удастся разбить его отряд. Он знал, что лорд Талемус собирался достать кольцо, которое с ним покончит, но не догадывался, что оно у нас, пока мы не высадились на остров.

— Хм-м-м, — задумчиво произнес Гаррик. За короткое время своего правления он научился тому, что, получив сведения, не следует сразу же на них реагировать. Быть королем — сложное дело. — Судя по его действиям, он знал о кольце заранее и просто хотел посмотреть, кого отправят добывать это кольцо. Ты сам говорил, что Заступник — волшебник. — Голос Гаррика стал холоден, факты говорили сами за себя. Время и место их прибытия на остров мог предвидеть только маг.

— Ну-ну, — ухмыльнулся Вескей. — Получается, он хотел покончить с нами до того, как мы найдем Талемуса.

Гаррик согласно покивал головой.

— Похоже, ты прав.

Вместо того чтобы свернуть к северу от дома, мотылек повел их в заросший сад, за которым уже давно никто не ухаживал. Кроны деревьев, обвитые лианами, утратили всякую форму, но кое-где было заметно, что когда-то их подстригали. Дорожка кружила между садовыми насаждениями, напоминавшими лабиринт.

Атаман улыбнулся Гаррику.

— Я очень рад тому, что ты пришел к нам, Брат принц. Твоя сообразительность и твой меч внушают мне больше доверия, чем волшебство Метрона.

От этого признания разбойника Гаррик немного смутился.

— Приятно слышать. Постараюсь оправдать твое доверие.

Произнеся эти слова, он вспомнил других людей, которые ему доверяли и которым он сейчас тоже был нужен. Так или иначе, но он вернется домой, в свой мир.

— Куда идет Гар? — спросила все-таки догнавшая их Тинт. — Скоро ляжем спать?

— Все зависит от того, что ждет нас в конце этой ивовой рощицы.

— Там дом и пруд, — сообщила девушка-обезьяна. — Мы будем спать в доме, Гар?

Тинт, в отличие от Гаррика, уже не была голодна. Пусть он не позволил ей проглотить большую бабочку, она все-таки смогла добыть себе лакомый кусочек, наловив по дороге кузнечиков, будто мальчишка, наткнувшийся на ягодную поляну.

— Это лодочный сарай, о котором говорил Орфин. Но ведь Защитники там тоже искали. Он что, стал невидимым? — Вескей задумчиво поскреб затылок.

— Некоторые это умеют, но не знаю, зачем тогда Метрону понадобилось покидать замок лорда Талемуса, его бы не заметили и там.

Атаман кивнул, соглашаясь с Гарриком, и крепче сжал дро-тик. Тинт, конечно, предупредит их, если в роще кто-то есть, но меры предосторожности принять все же следует. Гаррик тоже проверил свой меч и немного сдвинул ножны.

Двери лодочного сарая были распахнуты. Под крытым черепицей навесом стояла парочка лодок. Небольшой причал выступал в пруд так, чтобы лодки могли причаливать к нему с

двух сторон, а малая глубина пруда позволяла разглядеть на дне даже блестящие в лунном свете мелкие камешки.

Вескей пошарил в лодках дротиком, что было совершенно лишним.

Тинт вдруг запрыгнула на железную лестницу. Вескей отскочил назад и метнул дротик, Гаррик выхватил меч прежде, чем они поняли, что девушка-обезьяна всего лишь поймала древесную лягушку.

Мотылек размахивал крыльями в тростнике.

— Может, через тростинку он дышит, находясь под водой, — предположил Вескей. Атаман подошел к краю причала футов шести длиной и опустился на колени. Сначала он проверил воду рукой, потом наконечником дротика, но на том остались лишь тина и грязь.

— Ничего нет. Может, он прятался здесь раньше, а когда Защитники ушли, вылез. Но не заметно, чтобы они здесь что-то искали, а уж от этих людей так просто не скроешься.

Мотылек кружил уже не над помостом, а над водой. Гаррик прошел к другому концу причала, но увидел лишь отражавшуюся от воды лунную дорожку.

— Гар, — позвала прыгавшая по полу лодочного сарая Тинт.

Гаррик лег на помост и опустил руку в пронизывающе холодную воду, но до дна не достал.

Он вытащил руку из пруда.

— Вескей, дай мне... — Юноша замолчал, потому что атаман уже протягивал ему один из своих дротиков.

Гаррик схватил его за наконечник, не опасаясь порезаться — от частого употребления края оружия немного притупились.

Юноша принялся шарить в воде, пытаясь нащупать лежащее тело. На дне не было никаких подводных пещер, и если волшебник прятался здесь, то дышать он не мог.

Мотылек продолжал порхать над прудом, с его крыльев в воду сыпались блески.

Гаррик вытащил из воды дротик и, положив на помост, принялся расстегивать пояс с мечом. Вескей вытер наконечник своей туникой.

— Нашел что-нибудь?

— Кое-что нашел, что именно, пока не знаю.

Юноша шагнул в ледяную воду, и мышцы свело от холода. Наклонившись, он нащупал руками тело мужчины, лежавшего на глубине четырех футов. Принц попытался его приподнять, но пруд не торопился отдавать свою добычу. Уже почти вытащив тело на поверхность, Гаррик увидел, что в скрещенных на груди руках мужчины зажат якорь.

— Поднимай его, — закричал с причала Вескей. — Это Метрон. Я узнал его по одежде.

Изо всех сил, напрягая каждую мышцу, принялись они тащить Метрона из пруда. С его рубахи и штанов ручьями стекала вода, а якорь, в который он вцепился намертво, тянул вниз.

— Он умер? — спросил Гаррик, вытолкнув наконец волшебника на помост.

Маг зашелся в кашле, веки задрожали, глаза открылись и закрылись, он наклонился в сторону, изо рта фонтаном брызнула вода.

Гаррик вылез из пруда. Промокшая одежда облепила его тело. Взглянув через плечо, принц заметил на поверхности воды знакомую бабочку, не подававшую признаков жизни. Большие крылья ее намокли, и течение тянуло мотылька вниз.

От вспышек магического красного света у Кэшела зазвенело в ушах. В то же мгновение он понял, что произошло что-то нехорошее. Ночь оставалась тихой и светлой, но лунная дорожка на море окрасилась в черный цвет.

Один из нападавших закричал от ужаса. Кэшел не думал, что это он напугал моряка — для страха могли найтись и другие причины, юноша знал это из опыта предыдущих встреч с волшебниками.

Вспышка света исчезла. Теперь храм был окутан розовой дымкой как мелкими брызгами краски, просочившимися сквозь камни. Кэшел почувствовал, что с его глазами что-то происходит, но продолжал неотступно смотреть на нападавших.

— Эй, вы, трусы, взять его! — закричал капитан Мауникс. — Если хотите добраться домой живыми и невредимыми, то нам нужна девчонка!

Он замолчал, надеясь, что команда бросится атаковать Кэшела и без его призывов. Кто-то бросил в голову Кэшела дубинку, юноша отбил ее посохом, она пролетела над головой капитана и бесследно исчезла.

— Вперед! — вновь закричал Мауникс. К удивлению Кэшела, он сам стал взбираться по ступенькам, вытянув меч как пику.

Кэшел мог остановить капитана одним ударом железного наконечника посоха, пробив ему грудь. Но он убивал лишь тогда, когда в этом была крайняя необходимость. Моряков, даже в таком количестве, юноша угрозой не считал, поэтому ударил по мечу посохом, выбив его у капитана из рук.

Клинок ударился о столб и отскочил. Закричав от страха, Мауникс спрыгнул со ступеней вниз, держась за оцарапанную руку. Другой моряк, попытавшийся атаковать Кэшела деревянным дротиком, получил удар посохом и орал от боли в сломанном колене.

Два моряка сташили своего товарища с крыльца. Кэшел готовился к следующей атаке. Он дышал часто, с легким хрипом, вены на лице и руках вздулись от напряжения.

Храм изменялся на глазах. Красный свет не просто пропитал стены, он перестроил здание. Теперь оно было прозрачным, с перегородками, заполненными какой-то жидкостью. Не удержавшись, Кэшел дотронулся до стены рукой.

— Давайте, ребята, все вместе, — подбадривал моряков Крюк, — приготовились. Поссин, Ритал, Волах... за мной. Все разом.

Плотник сделал полшага вперед, вытянув перед собой садовую пику. На этот раз Кэшел выжидать не стал. Подскочив к Крюку, юноша ударом посоха сломал ему руку, которой тот держал пику. Матрос вскрикнул и, пошатнувшись, упал на колени.

Моряк, идущий следом за плотником, споткнулся о его тело и растянулся рядом. Следующим ударом Кэшел сломал парню ключицу и вернулся к крыльцу.

— Кто следующий? — прорычал он. Это стадо баранов разозлило его не на шутку. — Кому еще проломить голову?

— Монстры! — закричал вдруг один из моряков. — Они выходят из моря!

— Госпожа, сохрани нас! — воскликнул другой. — Да они здесь повсюду! Спаси и сохрани нас, Госпожа!

Кэшел не видел того, что так напугало моряков. Теперь, когда они отвернулись, юноша воспользовался возможностью посмотреть, как чувствует себя Тильфоза.

Липкий красный свет, окрасивший храм, освещал ее со всех сторон, но даже это, слегка приглушенное освещение не могло скрыть изменившегося от ужаса лица девушки. Она все еще держала в руке камень, которым собиралась защищаться, но отчаяние подавило ее смелость.

— Метра разбудила Архаев, — произнесла она. — Этого я и боялась.

Пьедестал, на котором должна была стоять статуя богини, так и остался пустым, а вот стена, отделявшая зал для молитв от комнаты священников, вновь стояла на месте, несмотря на то что осколки ее предшественницы все еще валялись на полу. Взору Кэшела открылась выдолбленная в камне картина: монстры-насекомые сражаются против людей-ящериц, в центре с распростертыми руками стоит Лунная Владычица. В ее взгляде нет ни сострадания, ни жалости, а лицо остается безмятежно холодным.

Кэшела передернуло от отвращения.

— Ничего. Будем сражаться с Архаями, кто бы они...

Он не успел закончить фразу. Со всех сторон в храм вбегали моряки. За ними шли Архаи. Ростом они были не выше женщины, а во всем остальном напоминали людей лишь отдаленно.

Ноги у них росли, как у насекомых, из середины туловища. Животы при ходьбе тряслись, отчего чудища походили на богомоллов. Средняя пара шести конечностей заканчивалась пальцами, которыми монстры отпихивали теперь тех, кто мешал им пройти.

Самые верхние конечности-клешни Архаев были острыми, зубчатыми и мохнатыми. Их они тоже вытягивали вперед, чтобы расчистить себе путь.

Один из моряков отчаянно вскрикнул, бросился на Архая и изо всех сил ударил того длинной дубинкой. Мужчине удалось разломить клиновидную голову насекомого, но в тот же миг

собратья Архая накинудись на безумца, страшными клешнями разрывая моряка, еще живого, на куски.

Кровь брызнула во все стороны. Моряк вскрикнул еще несколько раз, прежде чем тело обмякло от многочисленных ударов. Он уже давно умер, но монстры-насекомые не оставляли его в покое, продолжая рвать на куски. Рядом лежал лишившийся головы Архай, каждая из шести конечностей которого двигались в своем собственном ритме.

Архаи продолжали наступать на перепуганных моряков, те медленно пятились. Один из них предпринял новую попытку расправиться с насекомым, кольнув того самодельной пикой прямо в хитиновую грудь. Архай схватился за копьё клешней и потянул смельчака на себя. Моряк закричал и, отскочив назад, выпустил копьё из рук. Его товарищ ударил монстра дубинкой по плечу и тоже отпрыгнул в сторону, прежде чем другие чудовища смогли на него наброситься. Раненое насекомое упало на пол и стало нервно колотить вытянутой головой по застрывшему в брюхе копьё.

Неспешно, тесным строем, Архаи продвигались вперед. Моряки отступали, осторожно поднимаясь по лестнице и с опаской глядя на Кэшела и его посох.

— Тильфоза, ты можешь что-нибудь придумать? — спросил юноша. Монстры окружали их плотным кольцом. — Ты же знакома с этими... людьми.

— Кэшел, это ужасные твари, от них нет спасения!

Четыре Архая внесли в храм Метру — на носилках. Волшебница сидела абсолютно прямо, судорожно вцепившись руками в свой паланкин. Ее пухлое лицо при свете луны казалось совсем бледным и изможденным. Не обращая никакого внимания на испуганных моряков, она посмотрела на Кэшела.

— Эй, варвар, — закричала она, но тут же поправилась: — Мастер Кэшел! С леди Тильфозой все в порядке? Отошли ее ко мне!

— Тильфоза жива и здорова. И будет здравствовать дальше, Метра, только ты здесь не командуешь.

Кольцо Архаев все плотнее сжималось вокруг них, словно змея стискивала полевку. Моряки втащили своего товарища,

того, которому Кэшел сломал плечо, в храм и положили на пол. От боли он потерял сознание. Отступая, моряки так и оставили раненого лежать на полу, и к телу подползли два Архая.

Стоя сразу на четырех конечностях, будто овцы, они клешнями ударили лежавшего прямо в грудь. Этого оказалось достаточно для того, чтобы матрос перестал дышать.

Взвыв от отчаяния, его товарищ швырнул в насекомых дубинку, которая попала в туловище одного из Архаев, а потом рикошетом ударила его по конечностям. Из брюшка потекла какая-то фиолетовая жидкость, но, прежде чем упасть замертво, монстр успел трижды ударить обидчика клешней.

— Метра, ты сошла с ума! — закричала Тильфоза. — Я не позволю этим чудищам прикоснуться к себе! Уж лучше умереть!

Интересно, что это она придумала? Кэшел недоуменно посмотрел на девушку. В руке та сжимала кусок камня — свое единственное оружие. Но им вряд ли будет предоставлена возможность покончить жизнь самоубийством. Метра наверняка это знала. Кэшел сомневался, что жизнь воспитанницы беспокоила теперь волшебницу. Жрица решила сокрушать все на своем пути, а впавшие в подобное состояние люди часто забывают первоначальную цель, ради которой все затевалось.

Метра издала звук, похожий на скрип. Кэшел не знал, как Архаи переговариваются между собой, но приказ волшебницы они поняли, потому что замерли на месте как вкопанные. Грудные клетки насекомых надувались и сдувались с легким свистом при каждом выдохе.

— Варвар, я дарю тебе жизнь! Не настраивай леди Тильфозу против меня! Отдай ее, и ты свободен! Если согласишься, то все останутся живы!

Хотя сама Метра с трудом сидела на носилках, голос ее звучал энергично. Заклинание, оживившее армию монстров, подорвало ее силы, несмотря на всю мощь амулета с проклятого острова.

— Плевать я хотел на остальных, а Тильфоза останется со мной, — проревел Кэшел. — Она не желает к тебе возвращаться.

Он не знал, как собираются поступить с девушкой Метра и Архаи, но забивать себе этим голову Кэшел ор-Кенсет не собирался.

Юноша услышал, как за его спиной облегченно вздохнула Тильфоза. Девушка ему верила; она уже не раз убеждалась, что слово Кэшела не расходится с делом. Он будет сражаться с Архаями до тех пор, пока те его не одолеют, но до рассвета продержится, и, возможно, солнце помешает им закончить расправу.

Метра не стала сдерживать гнев. Жрица зажужжала, будто злая цикада. Архаи прыгнули вперед. Они рассредоточились по всему храму и уже не мешали друг другу разделяться с морями. Все смешалось. Отовсюду раздавались крики, треск и хруст раздробленных клешнями костей.

Какое-то время Кэшел стоял на месте, размышляя над сложившейся ситуацией. Если прыгнуть в самый эпицентр потасовки, то посохом можно прикончить нескольких Архаев. Возможно, десять—двадцать. Но Метра оживила целую армию этих монстров; их даже невозможно было сосчитать.

Кэшел оглянулся. В храме стало светло, стены мерцали от розовой дымки. Лунная Владычица смотрела на происходящее безжалостно и неумолимо.

— Кэшел, — окликнула его девушка.

Он раскрутил свой посох и со всей силы ударил по каменному изваянию, пронизанному магическим светом. От стены полетели пучки красных и голубых молний.

Толщиной картина была всего в три пальца, такую он должен был разбить одним ударом, но благодаря волшебству она выдержала, лишь слегка задрожав. У Кэшела же от удара оцепенели руки. Пытаясь остановить его, Метра вновь отчаянно закричала.

Юноша не выпустил из рук посох, только чуть отошел назад и принялся вращать его, разогревая мышцы перед новой атакой. Тильфоза, с застывшим лицом и расширившимися от страха глазами, стояла в углу.

Кэшел нанес сокрушительный удар по стене. На этот раз железный наконечник посоха попал прямо в голову каменной Лунной Владычице.

Стена разлетелась на кусочки, будто солнечный луч пробил водную гладь пруда. Двери в кладовую за стеной не оказа-

лось. Их взору открылся залитый ослепляющим ярким светом проход.

— Вперед! — закричал Кэшел, но Тильфоза уже прыгнула туда. Выставив посох вперед, будто пику, юноша последовал за ней.

В какое-то мгновение Кэшелу показалось, что он слышит голос капитана Мауникса, но потом все слилось в один ужасный рев.

Глава десятая

От ужаса у Шарины заурчало в животе.

— Теноктрис, где она? — закричал король Карус. Он уже потянулся за мечом, но вовремя сдержался и не выхватил его из ножен, с трудом подавив приступ гнева. — Куда ты дела Бричиз? Что...

Его дикая ярость заставила Шарину сорваться с места. Она подскочила к нему, примиряюще подняв руки. В гневе Карус мог ранить или даже убить волшебницу, которую винил в исчезновении Илны. Поэтому девушка решила вмешаться и попытаться успокоить короля.

Карус от безысходности стукнул кулаком в стену. Он с трудом дышал.

— Бричиз умерла тысячу лет назад, — прошептал он. — И, клянусь Госпожой, как бы я хотел, чтобы она сейчас оказалась здесь!

Теноктрис вновь села на пол, не обращая внимания на гневную вспышку короля и даже не собираясь отвечать. Она вытащила новый, на этот раз свинцовый атам и начала рисовать им серые линии.

Шарина знала, что волшебница поступила бы так же, даже если бы Карус выхватил из ножен меч. Теноктрис сосредоточила все свое внимание на решении возникшей проблемы. Пусть она и не была самой могущественной волшебницей и тело

ее ослабело от старости, но ум, как и прежде, остался таким же твердым и гибким, как меч в руках короля.

— Ваше Величество, — позвал его капитан стражи, приоткрыв в двери маленькую щелочку, чтобы его можно было услышать. — Нам можно...

— Убирайся туда, откуда пришел! — перебил его Карус. — Тут хватает и одного дурака с мечом!

Он вновь ударил кулаком о стену, теперь уже в знак подтверждения своих слов. Дверь быстро захлопнулась.

— Успокойтесь, Ваше Величество, — стала успокаивать короля Шарина, не решаясь обнять человека, который находился в теле ее брата. — Вы нам сейчас нужны, как никогда.

— Правда? — На губах Каруса появилась зловещая улыбка. — Возможно, что и так. — Он оглядел комнату, продолжая улыбаться. — Чего я действительно хочу, так это убить кого-нибудь. Но с этим, думаю, можно повременить до...

За окном раздался какой-то стук и громкий шорох. По первому этажу забегали солдаты.

— Где вы были, идиоты! — Капитан Кровавых Орлов вновь чуть приоткрыл дверь. — Ваше Величество, смотрите...

Чья-то загорелая и сильная рука схватилась, будто крюк, за створку окна. Шарина достала свой нож, а Карус выхватил из ножен меч, лезвие которого могло рассечь воздух одним ударом. Тенотрис же осталась сидеть на полу и, повторяя нарастающие магические заклинания, продолжала ударять по магическим символам свинцовым жезлом.

Чалкус подтянулся на руках, словно обезьяна, и спрыгнул на пол. В руках у него ничего не было, но за поясом висели кривой меч и кортик. Глаза моряка пылали адским пламенем.

— Я сам с ним разберусь! — бросил Карус стражнику, вкладывая меч в ножны.

— Но, Ваше Величество... — запротестовал было солдат.

Карус приблизился к окну и остановился рядом с моряком, не сводя с того взгляда. Казалось, они приросли к месту, пожирая друг друга глазами.

Король отвернулся первым и, высунувшись в окно, крикнул:

— Я сам разберусь с этим, все слышали? И не беспокойте меня, если не хотите оказаться запряженными в ярмо вместо быков.

Он плотно захлопнул ставни и прошел в центр комнаты. Чалкус по-прежнему пристально наблюдал за королем.

— Итак, солдат, — в голосе моряка звучали металлические нотки. — В доме Илны мне сообщили, что ее вызвали во дворец и она отправилась сюда со своей подругой Шариной.

Чалкус кивнул девушке и улыбнулся, но Шарине показалось, что моряк просто пытается уколоть ее побольнее.

— Ее вызвали к принцу Гаррику для того, чтобы с ее помощью разобраться с какой-то важной проблемой. Поэтому я пришел сюда, решив сначала подождать Илну внизу, и ждал до тех пор, пока...

Карус, скрестив руки на груди и крепко сжав губы, внимательно слушал собеседника.

— ...не услышал твой крик, — продолжил моряк. — Где Илна, солдат?

— Не знаю, — сквозь зубы процедил Карус. — Может быть, колдунья...

Потрогав рукой подбородок, он сморщился, будто проглотил что-то кислое.

— Может быть, леди Теноктрис поможет тебе, — исправился король. — Я и сам толком ничего не знаю, моряк. Илна лежала вот здесь, на кровати, а потом пропала.

Старая волшебница взмахнула магическим жезлом, и в воздухе над ней образовалось светящееся лазурное облачко. На мгновение оно напомнило Шарине извивающиеся щупальца какого-то существа; одни из них были длинными, другие, наоборот, сразу растворялись в дымке. Совсем скоро рассеялся и весь образ — так исчезают на рассвете звезды.

Теноктрис выпустила из рук палочку и наклонилась вперед. Шарина подскочила к ней и обхватила за плечи.

Мужчины смотрели на волшебницу без всякого сострадания, будто волки, выслеживающие отбившуюся от стада овцу — с тем же непоколебимым стремлением достичь цели любой ценой. Они хотели получить ответ и надеялись, что Теноктрис

сможет им его дать. То, что волшебство забрало у нее все силы, для них сейчас мало что значило — результат превыше всего.

Теноктрис медленно подняла голову, с сожалением посмотрев сначала на Каруса, потом на моряка. На ее губах появилась слабая улыбка. Все стало понятно и без слов.

— Извините, душа Илны... Я звала ее. Но она ушла из этого мира и каким-то образом утянула за собой свое тело. Я не знаю, куда она направилась, но думаю, что сделала это не по своей воле.

От изумления у Чалкуса приподнялись брови, его лицо казалось болезненной гримасой недоумения.

Теноктрис поняла его вопрос.

— Не то чтобы я сомневалась в ее силе, — слегка раздраженным голосом принялась объяснять волшебница; Шарина редко видела ее в таком состоянии. — Все дело в технике, мастер Чалкус. Илна, возможно, смогла проложить себе путь в мир снов, но чтобы ей удалось самой вернуться туда, где лежит ее тело... Нет, в это я не верю, сделать это крайне непросто даже нашей Илне.

— Как же тогда... — Король старался говорить спокойно. Его левая рука сжала правую, чтобы не дать той дотянуться до меча, чего Карусу очень хотелось. — Если это была не Илна, то кто?

— Я тоже не знаю кто, — продолжила Теноктрис. — Она встретила что-то или кого-то. Скорее всего, волшебника, который смог обойти ее своим мастерством, как, впрочем, и магической силой.

Теноктрис сокрушенно пожала плечами и начала подниматься с пола. Поддерживая пожилую женщину под руку, Шарина подвела ее к стулу. На полу тускло блестели свинцовые символы, будто глаза выброшенной на берег мертвой рыбы.

— Вот что меня теперь интересует, — сказал моряк. — Я такой человек, что...

Шарина взглянула на него. Чалкус был совсем не прост. Девушка даже сомневалась, что его глаза видят то же, что и их.

— А может, все так и было задумано: Илна отправляется в мир снов и не возвращается оттуда, чтобы никак не беспокоить

более пославшего ее туда правителя. Короли ведь любят играть жизнями своих подданных, не так ли?

Карус высокомерно посмотрел на простолюдина. Чалкус был кошкой, а король волком, возможно, даже драконом.

— Однажды, — произнес он, — на моем пути встретились люди, которые — чтобы мне досадить — решили захватить в плен мою любимую девушку, леди Бричиз. Им это удалось, ведь они были ее двоюродными братьями.

Карус зловеще улыбнулся. В его глазах пылал огонь.

— Чтобы освободить ее, я атаковал их замок и, в свою очередь, сам пленил этих негодяев. Но они остались живы, а моя Бричиз погибла в огне.

Мужчины впились друг в друга взглядами. Казалось, достаточно одного движения, и случится непоправимое. Шарина, пытаясь сохранять самообладание, вцепилась в рукоять своего пьюльского ножа трясущимися пальцами.

— И ты считаешь, что я готов вновь пойти на подобное ради спасения королевства? — Карус прервал затянувшуюся паузу и рассмеялся. — Возможно, раньше я так бы и сделал, но сейчас я уже не считаю себя пупом земли, понимаешь? И то, что случилось с Илной, не входило в мои планы.

— Да, — воодушевился Чалкус, — красивое объяснение. Но может, за трогательной историей скрывается обыкновенная ложь?

Карус снисходительно усмехнулся.

— Не льсти себе, моряк!

Чалкус криво ухмыльнулся в ответ.

— Похоже, я прыгнул выше головы.

Его лицо снова выражало готовность к решительным действиям.

— Значит, солдат, у нас возникла проблема. Может ли сидящая здесь волшебница, — он кивнул в сторону Теноктрис, поднявшей при его словах голову, — ее решить?

— Нет, — спокойно ответила Теноктрис. — Возможно, я и смогу найти, где находится Илна, но привести ее обратно мне не по силам.

Карус раздраженно фыркнул.

— Волшебство никогда не шло мне на пользу. В этот раз мы поступим иначе. Я нашел средство, которое избавит королевство ото всех его бед.

Он вытащил меч из ножен и плотно сжал его рукоять, демонстрируя присутствующим в комнате найденное им средство.

— Готов ли ты вступить под мое командование, моряк?

Чалкус провел указательным пальцем по шраму на плече.

— Думаю, — он запнулся, — лучше оставить все, как было задумано. Я отправлюсь с Меротой на Тизамур и попытаюсь собрать сведения о секте Лунной Мудрости.

Шарина постаралась не показывать своих эмоций, но Чалкус все же заметил удивление в глазах девушки. Он улыбнулся ей и сказал:

— Наверняка мы знаем лишь одно — Илна пропала, когда искала секту Лунной Мудрости. Полагаю, что и другие столкнувшиеся с сектантами люди находятся там же, где и Илна. В этом знании наше преимущество перед врагом.

Он засмеялся.

— Не думаю, что она нуждается во мне или в Мероте, как, впрочем, и в ком-либо другом. Но мы постараемся выполнить ту работу, которая предназначалась ей, ту, за которую так переживает наш друг Карус и все королевство.

— Мне кажется, — подбодрил его Карус, — она в тебе нуждается. У Илны не было друга ближе тебя.

Чалкус заметно смутился и, чтобы скрыть это, стал с увеличенным вниманием рассматривать рукоятку своего кривого ножа.

— Чем я могу тебе помочь? — поинтересовался у моряка Карус.

— Неужели ты думаешь, что мне что-то может быть от тебя нужно, солдат? Не льсти себе!

Беспардонно посвистывая, он направился к выходу. Уже стоя в дверях, он через плечо оглянулся на короля и улыбнулся.

— Увидимся в Доннеле, солдат.

— Да, или в Аду. Похоже, там мы окажемся раньше, — ответил ему Карус. Оба рассмеялись и продолжали смеяться до тех пор, пока дверь за моряком не закрылась.

* * *

Илна осторожно поднялась и осмотрелась. Последним, что она помнила, была комната Гаррика во дворце с осыпавшимися на стенах фресками и лица друзей, беспокойно смотревших на бронзовую кровать.

Но сейчас она находилась уже совсем в другом месте, даже в другой реальности, что было намного хуже самых мрачных ее предположений. Босые ноги Илны ощутили холод полированного мраморного пола. Девушка нахмурила брови, она не любила камень.

Подумав об этом, Илна слегка улыбнулась. Все справедливо, камень любил ее не больше.

Дикарка Алекта, припав к земле, смотрела на вход и царя пала каменный пол ножом, заменявшим ей магический жезл.

— У тебя есть нож? — бросила она Илне. — Может, нам удастся выбраться отсюда прежде, чем нас заметят.

Илна не стала насмехаться над девушкой. Нож у нее имелся. С рукоятью, отделанной черненым серебром, и стальным клинком, который она использовала буквально для всего — начиная с разделывания цыплят и заканчивая чисткой одежды. Но убивать Илна никого не собиралась, ни священников, ни молящихся. Видение сбывалось, скоро эта комната должна была заполниться людьми.

— Нет, нам нужно спрятаться, — ответила она дикарке и посмотрела вверх.

— Ты не выберешься из этой дыры, если только не умеешь летать как муха! — продолжала спорить Алекта, но тоже подняла глаза кверху.

Центральный зал храма был почти полностью накрыт куполообразным навесом, поддерживаемым высокими колоннами, такими толстыми, что ни одну из них Илна не смогла бы обхватить руками. Расстояние между ними равнялось четырем шагам, а высотой они раз в пять-шесть превосходили рост любого человека. Дополнительным креплением куполу служили положенные крест-накрест в самом верху длинные балки, по которым ни один акробат, даже Чалкус, не смог бы пройти без риска рухнуть на землю.

Высокая, примерно до середины колонн, стена отделяла храмовый зал от широкого длинного коридора. Если в зал набивалось слишком много людей, они могли стоять там, под куполообразной крышей. Оттуда открывался отличный вид на все происходящее над водной гладью, правда, слышимость, видимо, была неважной.

Алекта посмотрела за колонну и нахмурилась. Она думала о том же, что и Илна. Если комната заполнится людьми, то вряд ли девушкам удастся остаться незамеченными. Дикарка уже собралась что-то сказать, даже раскрыла рот, но тут увидела, как Илна превращает свой пояс в длинную веревку с петлей на конце. С губ Алекты сорвался лишь вздох:

— Ах!

Илна бросила петлю вверх так же мастерски, как и пряла. Верхушки колонн были украшены сложной лепниной, красивой, но не такой изяшной, как те узоры, что выходят из-под пальцев умелой пряжи. Девушка зацепила свой аркан за выступающий карниз колонны и затянула его покрепче.

— А она меня выдержит? — с сомнением покосилась на веревку Алекта.

Вместо того чтобы засунуть нож обратно в ножны, дикарка зажала его между зубами и приготовилась лезть вверх.

— Выдержит, — холодно ответила Илна. Ей было непонятно, почему Алекта решила, что будет подниматься первой. — Ты полезешь вслед за мной. Веревка выдержит и быка. Я меньше уверена в этой колонне, чем в своем аркане, к тому же ничего другого здесь и нет.

Пение становилось все громче. Через отверстие в центре купола в зал проникал мерцающий свет луны, и любой находящийся в храме стал бы виден верующим, как только процессия достигнет колоннады.

Илна схватилась за веревку и полезла вверх. Руки у нее были очень сильными, девушка быстро поднималась к потолку, почти не помогая себе ногами и не обращая внимания на раздававшиеся снизу возражения Алекты. Илна не раз видела, как Кэшел и другие мальчишки, разорявшие гнезда морских птиц в прибрежных скалах, так же подтягивались на руках, цепляясь

ногами за камни. Она же предпочла без особой необходимости до мраморной колонны не дотрагиваться.

И все же каждый раз, подтянувшись на новую высоту, девушка, помимо своего желания, оказывалась все ближе к камню. Наконец она взобралась по веревке на высоту колонны. Немного поднапрягшись, Илне удалось зацепиться ногами за выступавшие вперед и вверх завитки лепнины. Не выпуская веревки из правой руки, левой она ухватила за самую низкую балку и показала Алекте, что та может следовать за ней. Дикарка поползла вверх, будто дикая кошка на ель.

Возможно, Илне стоило набросить еще одну петлю на другой карниз, который выдержал бы вес Алекты, но она предпочла не тратить на это время. Голоса верующих раздавались уже у входа в зал. Дикарке же показалось, что веревка вот-вот порвется, и она решила, что Илна собирается сбросить ее, когда верующие заполнят храм. Алекта напряглась и прыгнула вверх, зацепившись за край карниза, хотя от ее прыжка он мог обломиться быстрее, чем перетерлась бы веревка.

Илна нахмурилась. В ее намерения не входило оставлять дикарку на земле; это означало бы выдать свое месторасположение. Но злиться было бессмысленно. Она и прежде замечала, что, чувствуя к себе недоверие, люди начинают и вести себя абсолютно по-другому.

Алекта добралась наконец до верха колонны и уселась на балку рядом с Илной. Конечно, шансов на то, что кто-то примет их за статуи, взглянув вверх, было немного, но надежда на то, что никто вообще не посмотрит на купол, хоть и крошечная, но оставалась.

Алекта взглянула на Илну и переложила нож в правую руку. Ее лицо было напряжено до предела.

Илна намотала освободившуюся веревку на руку и, потянув за второй конец, развязала петлю. Глаза дикарки чуть не вылезли из орбит. Алекта умела использовать арканы и силки, но никогда не видела, чтобы с ними обращались так искусно.

Уловив взгляд дикарки, Илна и без слов поняла, что ее действия вызвали восхищение спутницы. Девушка слегка улыбнулась и привязала веревкой себя и Алекту к балке. Затянув ве-

ревку потуже, Илна, вместо того чтобы завязать узел, расплела свободный конец — на случай, если понадобятся нитки.

От Алекты, сидевший совсем близко от своей подруги, распространялся ужасный запах кожи и шерсти, но Илне пришлось с ним смириться.

Входная дверь отворилась, и в зал следом за паланкином, в котором сидели жрецы в черных и белых одеждах, вошли молящиеся. Процессия направилась в центр храма. Все пели гимн, и его слова напомнили Илне строчки из заклинаний Теноктрис, но эти люди не вызывали у нее того доверия, каким пользовалась старая волшебница.

Глаза Илны сузились — она поняла, что в храме отсутствует статуя с изображением Госпожи. Что же тогда это за храм?

С того места, где она сидела, девушке было отлично видно, что среди священников, как, впрочем, и среди следующих за ними верующих, наблюдается примерное равенство мужчин и женщин. Они не прекратили свое пение и тогда, когда молящиеся заполнили весь зал. Два главных священника несли в руках накрытые крышками плетеные корзины.

Служители храма расположились у самой воды. Сверху их одежды казались белыми пятнами, будто ряд ковшей, сливающихся в дымке в сплошную полосу. Верующие медленно двигались вокруг кольца из священников.

Люди продолжали прибывать. Илна уже перестала их считать, но не сомневалась, что молящихся раза в два больше, чем жителей в деревне Барка. Они стояли вокруг пруда, возле колонн и, видимо, даже в коридоре — со своего места девушка не могла видеть всех.

Алекта наблюдала за происходящим, словно голодный ястреб за цыплятами. Несмотря на полосы краски на ее лице, Илна заметила, что дикарка хмурится, едва сдерживая злость.

Луна на небе стояла в зените, отражаясь на водной глади через дыру в центре купола. Наконец в зал вошли последние верующие. Сторож храма, сильный и крепкий мужчина с мечом на поясе, закрыл за ними бронзовые двери.

Священники встали по обе стороны пруда друг против друга и одновременно сняли крышки с круглых плетеных корзин.

Молящиеся продолжали петь. Илна часто заморгала и принялась пристально вглядываться в происходящее. Нескончаемый гимн раздражал ее все сильнее.

Священники достали из корзин по связанному кролику, будто приготовились нести их на рынок. Один был черным, другой белым. Животные верещали от страха, издавая звук, похожий на крик новорожденного ребенка, отчего некоторые женщины сбились со слов гимна.

Губы Илны плотно сжались. Она поняла, что должно произойти. Девушка и сама раньше убивала домашнюю птицу, делая это без тошноты и колебаний, как любая хозяйка, каждый день стряпающая еду для домочадцев. Но кролики в корзинах священников не предназначались для домашних обедов. Жертвоприношение — древний ритуал, выполняемый жрецами, вот что означали их действия. У Илны это вызывало отвращение, как и люди, принимающие в нем участие.

Пение стало монотонным, слова гимна звучали как один протяжный звук. Голоса отдельных верующих слились в единый призыв такой силы, что смогли бы растопить зимний лед на мельничном пруду.

Опустившись на колени, жрецы достали ножи. В стальных клинках отразился лунный свет. Черная кровь брызнула в воду. Илне показалось, что луна стала чуть ли не вдвое больше.

Кто-то вскрикнул. Но хор продолжал греметь, будто весенний гром. До этого отражавшийся в воде лунный свет бил девушке прямо в глаза. Небо потемнело, а на том месте, где только что был пруд, сияла луна.

Илне пришлось все время держаться за балку, и у нее затекли мышцы. С трудом повернув голову, девушка посмотрела на Алекту. Губы дикарки шевелились, но Илна не поняла, что та шепчет: проклятие ли, молитву или заклинание.

Голоса молящихся звучали уже немного хрипло, но те не только не останавливались, но и, казалось, запели с еще большим воодушевлением.

Что-то непонятное возникло в воздухе над луной. Яркая вспышка магического света плавно перетекла в некий голубой нимб. Зал наполнился громкими заклинаниями, жрецы, раз-

махивая ножами в такт пению, делали надрезы на своих руках. Капли крови не стекали вниз, а образовывали в воздухе подобие арки, кольцом опоясывавшей луну.

Три объятые серым мерцанием фигуры материализовались из нимба и принялись раскачиваться в ритме пения.

В голове у Илны стоял такой туман, будто она от испуга проснулась среди ночи. Лицо Алекты застыло от ужаса. Ее губы пытались что-то произнести, но эти звуки значили не больше, чем шипение раздавленной змеи.

Конусообразные тела явившихся существ, с плоскими, как у рептилий, головами, были прозрачны. Конечности представляли собой щупальца с клешнями на концах.

Таких существ могло породить только вечное Зло, такое же древнее, как море и солнце. По залу распространились волны нечеловеческой жестокости и ненависти, вызывающие у присутствующих ощущение серого липкого страха. Пение еще некоторое время эхом раздавалось под куполом храма, потом все стихло. В тишине Илна услышала тихий голос своей спутницы:

— Свора! Это они!

Три фигуры бесшумно растворились в воздухе и исчезли так быстро, как, вильнув хвостом, уходит на дно водоема рыба. Илна скорее почувствовала, нежели услышала негромкий треск от вспыхнувших голубых искр. Свора пропала. Тут же на небе вновь появилась луна, отражаясь, как и прежде, от водной поверхности пруда.

Тушки несчастных животных тоже куда-то исчезли; лишь кое-где виднелись пятна крови.

Храм наполнился вздохами, радостным шепотом и возгласами облегчения. Как только верующие поняли, что Свора исчезла, напряжение немного спало. Молитва отправила мерзких тварей обратно, туда, откуда вызвала, возможно, даже в Ад, но люди, пережившие животный страх при их появлении, до сих пор не могли прийти в себя от потрясения.

Алекта говорила, что лишь безумцу могла прийти мысль выпустить Свору на свободу. С данным заявлением дикарки Илна была полностью согласна.

Сторож настежь распахнул двери, выпустив наружу спертый воздух, смешанный с флюидами страха и напряжения. Верующие торопливо устремились к выходу, в панике подталкивая друг друга. И если в храм люди входили, распевая гимн, то сейчас у них уже не осталось желания притворяться и что-либо изображать. Это была не религия, а магия, призывающая в существующий мир обитателей Преисподней, и только что принимавшие в ней участие прихожане стремились вернуться в свои дома и постараться забыть увиденное.

Жрецы, перешептываясь между собой, двинулись следом за верующими. Они не показывали прихожанам свой страх, но желали покинуть храм не меньше. Мужчины, приносившие в жертву животных, сами подняли и убрали тушки убитых кроликов в корзины, не оставляя это прислуге.

Интересно, а входили ли вообще когда-нибудь в храм слуги? Илна подумала о пятнах крови, которые могли оставаться после предыдущих жертвоприношений. Это помещение являлось тайной за семью печатями; здесь не было даже статуй, изображавших богов. Войти сюда могли только посвященные, а они вряд ли стали бы выполнять работу прислуги, соскребая кровь с мрамора, — значит, этого не делал никто.

Последний из покинувших зал мужчин даже не позаботился закрыть за собой бронзовые двери. Илна услышала, как жрецы спускаются вниз по коридору. Звук шагов становился все тише, и наконец раздался лязг закрывающихся ворот храма. В зале воцарилась тишина, лишь слабый ветерок гулял между колоннами, проникая внутрь через купол.

— Возвращай меня на землю, — приказала Алекта и выхватила кинжал, чтобы с его помощью заставить Илну опустить вниз веревку, если та вдруг откажется выполнить ее требование.

Несколько быстрых движений — и руки Илны скрутили петлю. В сведенные судорогой мышцы вернулась сила, пальцы перестали дрожать от слабости.

Алекта оторвала одну руку от балки и, схватившись за веревку, закрепленную за выступом, быстро скатилась вниз по колонне, упираясь в каменный столб ногами. Она даже не стала дожидаться, пока Илна сбросит веревку для себя. Возмож-

но, дикарка не слишком уверенно забиралась наверх, но вниз она спустилась очень ловко.

Свои собственные возможности Илне были хорошо знакомы. Веревка, словно загипнотизированная, сама вернулась к ней в руки. Зацепив петлю за завитки лепнины, она затянула ее потуже и принялась спускаться вниз, постепенно перебирая веревку руками и стараясь не приближаться к колонне.

Алекта находилась уже у дверей. Даже не глядя по сторонам, она прижалась плечом к дверному косяку и принялась с силой втягивать ноздрями воздух, пытаясь по запаху определить, что делается снаружи. Правой рукой дикарка прижимала к загорелому бедру бронзовый кинжал.

Илна сдернула петлю с завитков. То, что Алекта не повернула голову, чтобы посмотреть, как ей это удастся, немного задело девушку. Поймав себя на этой мысли, Илна нахмурилась. Оказывается, мнение дикарки ей не безразлично.

Алекта оглянулась.

— В коридоре никого, — тихо сообщила она и оценивающе посмотрела на Илну. — Собираешься бежать со мной?

Немного помолчав, девушка процедила сквозь зубы:

— Ты имеешь в виду, хочу ли я, чтобы мы продолжили путь вдвоем? Я согласна, но сама решу, сколько времени нам быть вместе. А ты хоть знаешь, где мы находимся?

— Я знаю лишь одно — хочу оказаться как можно дальше отсюда. — Алекта бросила взгляд на пруд, в котором отражалась луна, затем на небо. — Разбудить Свору! Они сумасшедшие!

Глаза ее сузились, подняв кинжал к груди, дикарка резко отвернулась.

— Что ты делала там, где я нашла тебя? Тоже пыталась обхитрить Свору?

— Возможно, — ушла от прямого ответа Илна, перебирая пальцами веревку, которую до сих пор не отвязала от запястья. Теноктрис послала ее в мир снов, чтобы она выяснила причину появления кошмаров, мучивших Каруса по ночам. — Мне нужно найти способ, с помощью которого можно отправить этих существ туда, откуда они явились. А если тебя интересует, имею ли я отношение к их пробуждению, отвечаю — нет.

Илна догадывалась, что Алекта умеет наносить молниеносные удары своим бронзовым ножом, и, если ей не удастся опередить дикарку, набросив той петлю на шею и руку, ее ждет смерть.

Но вместо того чтобы нанести удар, Алекта фыркнула и, перебросив кинжал из одной руки в другую, продолжила беседу:

— Собираешься отправить Свору назад? Да ты еще более сумасшедшая, чем все эти безумцы!

Алекта сплюнула и босой мозолистой ногой растерла плевков по мраморному полу.

— Впрочем, это не мое дело. Мы пойдем вместе, если ты не будешь пытаться выполнить свою глупую затею. Договорились?

— Приму твое пожелание к сведению. Ну что, в путь? Или я ухожу?

Слова Илны не таили в себе никакого скрытого смысла, просто девушка считала, что иногда лучше выслушать глупости, чем задушить кого-то. К счастью, ее последнее предложение достигло цели — Алекта опустила кинжал и как кошка проскользнула в дверь, даже не сочтя необходимым открывать ее целиком.

Илна последовала за дикаркой. По дороге она освободила запястье от петли и повязала веревку вокруг пояса. Полная луна ярко освещала высокое крыльцо храма. При ее свете любой страж, встретившийся им по дороге, сможет разглядеть, что плетет девушка. С этой мыслью Илна достала из рукава моток ниток и, улыбаясь, принялась за работу.

— Я сама разберусь со стражами, — нагнав Алекту, предостерегла ее девушка.

Вместо ответа дикарка, обернувшись, пристально посмотрела на Илну. В темноте коридора та не смогла как следует рассмотреть лица Алекты, поэтому настойчиво повторила:

— Прошу тебя, не нападай на них. Есть у меня в запасе одно средство; думаю, обойдемся и без жертв.

Внешние двери оказались такими же тяжелыми, как и внутренние. Они висела на мощных петлях, тяжелый засов крепился на стене, чтобы можно было запирать двери изнутри. Но сей-

час запором служила лишь небольшая щеколда сверху. Привязанная к ней и продетая сквозь отверстие в стене веревка позволяла открывать двери снаружи.

Дикарка потянулась к щеколде, но Илна схватила ее за руку.

— Не хочу, чтобы ты кого-нибудь заколола. Убери кинжал.

Илна и сама не понимала, почему это представлялось ей таким важным. Возможно, потому, что из памяти еще не стерлась картина жертвоприношения и девушка была абсолютно уверена, что ее напарница так же легко решится пролить кровь, как и жрецы.

Алекта согласно кивнула.

— Так уж и быть. Никого убивать я не стану, раз ты такая брезгливая. — Она спрятала кинжал в ножны.

Дикарка поймала щеколду и, нажав плечом на створку двери, легко ее открыла. Из-за ее мощной фигуры Илна не видела ничего, кроме лунного света — навеса над крыльцом храма не оказалось. Стражникам не составит труда разглядеть узор на ее ткани, для этого ей лишь нужно выйти на улицу первой. Но Алекта опередила Илну, и все ее приготовления оказались бесполезными.

— Все спокойно, — сказала Алекта и шагнула вперед, чтобы Илна тоже смогла прошмыгнуть сквозь приоткрытые двери. — Где же это мы? Столько домов...

На холме стояли двух- и трехэтажные дома, яркий желтый свет падал на улицу из их выходивших на набережную окон. Ветер разносил по округе громкую, веселую музыку.

Раньше эти звуки напугали бы Илну, еще не так давно не видевшую никаких других поселений, кроме деревушки Барка. Но за последние месяцы девушка к ним уже привыкла, поэтому поторопила Алекту:

— Пойдем, мы же не хотим здесь остаться.

Девушка захлопнула за собой двери храма. Это удалось ей не сразу, но в конце концов хорошо смазанные петли поддались ее усилиям. Однако Илна слишком поздно вспомнила про лязгающий звук, прозвучавший при закрытии дверей последним священником. Девушка схватилась за ручку, но тяжелые двери все же несколько раз ударились о железный косяк.

Недалеко от них, в расположенной под лестницей храма комнатке смотрителя, зажглась свеча.

— Кто там? — На крыльцо, освещенное ярким лунным светом, вышел сторож.

Девушки узнали в нем слугу, который открывал и закрывал двери во время храмовой службы. В левой руке он держал широкий пояс, на нем в ножнах болтался меч.

— Не волнуйся, красавчик, — успокоила мужчину Алекта, расстегивая накинутую на плечи волчью шкуру. — Того, что есть у меня, хватит на всех.

Накидка соскользнула с ее плеч. Дикарка гордо выпрямилась, выставив напоказ большие упругие груди с твердыми выпуклыми сосками и развязной походкой начала спускаться по ступенькам, волоча за собой накидку.

Илну охватило бешенство; она злилась и на себя, и на свою напарницу. Заклинания, которые она только что вплела в узор ткани, были сейчас столь же бесполезны, как если бы перед ней стоял слепой. Смотритель как замороженный, не отводил глаз от прелестей дикарки. Эффект оказался не меньшим, чем могли бы произвести заклинания ткачихи.

В перехваченном Илной взгляде дикарки, наряду с похотью, легко читалась нескрываемая насмешка.

— Эй, парень, ты настоящий мужчина? Можешь взять нас обеих, — игриво предложила смотрителю Алекта.

Сторож пришел в себя. Выхватив из ножен тяжелый меч, он замахнулся на девушку.

— Шлюха! Позоришь дом Лунной Владычицы? Я... — Смотритель внезапно умолк.

Как и предполагала Илна, с ножом дикарка обращалась искусно: быстрым движением руки Алекта выхватила его из ножен и пронзила горло сторожа еще раньше, чем тот успел закончить фразу.

Смотритель попятился назад. Меч все еще находился у него над головой. Он был уже мертв, но тело этого еще не понимало.

Алекта повалилась на землю вместе со своей жертвой, шепотом проклиная все на свете. Кинжал застрял в позвонках убитого, и дикарке никак не удавалось вытащить его из тела.

Набросив петлю на запястье смотрителя, Илна без видимых усилий отодвинула его руку в сторону. Меч, громоздкое оружие, более подходящее для военных сражений, нежели для повседневного использования, с печальным звуком упал на ступеньки.

Упершись левой ногой в грудь смотрителя, дикарка вырвала-таки свой кинжал из неподвижного тела. Черная кровь хлынула изо рта и раны убитого. Широко раскрытые остекленевшие глаза сторожа безжизненно смотрели на мерцающий в небе диск луны. Илна поспешила снять веревочную петлю с запястья стража.

Склонившись над мертвецом, Алекта вытерла о его штаны нож.

— Все не так уж плохо. У этого парня член как у жеребца. Надо было вначале с ним немного позабавиться.

Илна наградила дикарку полным ненависти взглядом. Заклинания, которые она приготовила, пока не срабатывали в этом мире, а Алекта отреагировала на появление смотрителя практически молниеносно, пусть его смерть и выглядела отвратительно. Пока, видимо, придется предоставить возможность командовать дикарке. Тем более это она, Илна, виновата в том, что сторож вышел на крыльцо.

— Давай выбираться отсюда, — тихо прошептала девушка и кивнула в сторону видневшихся в стороне от домов зарослей. — Пойдем на запад. Днем можем отсидеться в лесу. А потом...

А что потом?

— ...мы решим, как быть, — закончила фразу Илна.

В этом она видела смысл своей жизни — двигаться вперед до тех пор, пока не поймешь, что дальше идти некуда.

Кэшел очнулся от звуков волынки. Ее пронзительная музыка сильно отличалась от нежных напевов свирели, на которой играли пастухи в Барке. Юноша без труда поднялся на ноги и осмотрел себя. В руках он по-прежнему держал посох, крепко прижимая его к груди. Даже сейчас Кэшел ор-Кенсет был готов отразить любое нападение.

— Кэшел, — позвала его Тильфоза. — Как ты занес нас сюда? Где мы?

— Госпожа, я ничего не понимаю, — ответил Кэшел.

Юноша старался говорить вежливо, но у него не было никаких соображений по поводу того, где они находятся и как сюда попали. К тому же Кэшелу всегда казалось, что лучше заниматься делом, чем пустой болтовней.

Неподалеку он заметил и троих моряков: Крюка, капитана Мауникса и коренастого парня по имени Уссо, правая рука и грудь которого до сих пор кровоточили из-за глубоких порезов. Моряк стонал и сыпал проклятиями, сетуя на судьбу. От этих криков два его товарища, до сих пор лежавших неподвижно на земле, пришли в себя и закрутили головами. До того как шагнуть в открывшийся проход, Мауникс успел подобрать с земли меч, который Кэшел выбил у него из рук; Крюк же остался без оружия.

Волынка продолжала играть, одна мелодия сменялась другой. Невидимый музыкант искусно владел инструментом. Звуки музыки казались то журчанием ручья, текущего с гор, то шумом ветра в дупле дерева, то криками ночной птицы.

— Куда делся храм? — поинтересовался Мауникс, поднимаясь с колен так осторожно, будто боялся, что его голова вот-вот свалится с плеч. — И деревья здесь не такие, как на Лауте. Где мы?

— Кора у деревьев гладкая, — заметила Тильфоза. Левой рукой она слегка погладила ствол; в правой до сих пор был зажат камень. От его тяжести рука немного дрожала, но девушка не спешила расставаться со своим оружием.

Они находились в лесу. Здесь не было ни храма, ни Архаев, зато теперь их со всех сторон окружали деревья. Таких Кэшел еще никогда не видел: высотой примерно с дикую яблоню, они были прямыми и могучими. Большие листья росли лишь на концах сучковатых веток. На некоторых деревьях висели какие-то странные шары, возможно, плоды.

Кэшел посмотрел вверх. Небо было ярким, будто в полнолуние, но юноша не увидел на нем ни луны, ни звезд, ни облаков, привычных для того мира, в котором он жил. Небо на-

помнило Кэшелу покрытую глазурью чашу, испускающую серый мерцающий свет.

К юноше подошел Крюк. Плотник смотрел на своего спасителя с уважением.

— Как ты нас оттуда вытащил? — спросил он, настороженно оглядываясь по сторонам, как человек, привыкший всегда быть начеку. — Ты тоже волшебник, мастер Кэшел?

— Я лишь проделал в стене дыру, — ответил Кэшел немного охрипшим голосом. — И пробил магический поток, который создала Метра. Откуда мне было знать, что за ним откроется совсем другой мир.

Стоявшая чуть поодаль Тильфоза всем своим видом показывала, что она на стороне Кэшела и против всего остального, враждебно настроенного мира, к которому девушка относилась и моряков.

— Я видела, как ты появился из пустого пространства. Сначала показалась твоя тень, потом ты вышел весь и упал на землю. Благодарю Владычицу за то, что она послала мне такого защитника.

— Не знаю... — начал Кэшел и смолк. Так оно и было. Он понятия не имел, кто такая эта Владычица, и сомневался, что она как-то поспособствовала его встрече с девушкой, а раз так, то и говорить не о чем.

— Здесь нас никто не достанет, — вступил в разговор Мауникс. Он и Уссо, державшийся за израненную руку, присоединились к плотнику. — Надеюсь только, что Госпожа не допустит появления здесь волшебницы и ее чудищ.

— Да, не хотел бы я вернуться назад, в храм, — поддержал капитана Крюк.

Кэшел кивнул головой в знак согласия. Разговор не клеился, все смотрели на него. Юноша никогда не стремился к роли вожака, но, похоже, моряки были убеждены, что он вполне подходит на эту роль, и им уже не придется беспокоиться о том, как быть дальше. Что касается Тильфозы, то Кэшел ни разу не заставил ее сожалеть об их встрече, поэтому девушка с легкостью присоединилась к остальным.

Кэшел откашлялся и оглядел свою команду. Мауникс все еще держал в руке меч. Конец его загнулся вверх, и клинок не смог бы войти в ножны, даже если бы капитан попытался это сделать.

— Меч следует выпрямить, — начал раздавать указания Кэшел, — а иначе это не оружие. И надо бы заняться твоей раной, Уссо. Может быть...

— Я немного знакома с секретами врачевания, меня учили этому в храме, — перебила его Тильфоза. Выпустив наконец из руки камень, девушка вытерла ее о тунику. — Интересно, свет здесь всегда такой необычный?

Моряки посмотрели на девушку с уважением. Уссо позволил ей отвести себя к высокому дереву, где листва пропускала свет, и Тильфоза смогла осмотреть его рану.

— Крюк, — позвал плотника Кэшел. Кричать юноше не пришлось, его громкий голос моряки и так хорошо слышали. — Вы непочтительно обошлись с леди Тильфозой там, на Лауте, но я сохранил вам жизни.

— Да, мастер Кэшел, мы сознаем, что провинились, и просим леди проявить милость и простить нас, — принялся каяться капитан, прежде чем Крюк сообразил, о чем идет речь. — Мы...

Кэшел нетерпеливо перебрросил посох с одной руки в другую. Мауникс застыл с раскрытым ртом, а Крюк вытянул вперед руки, показывая, что безоружен.

— Надеюсь, вы меня хорошо поняли, — предупредил их Кэшел. — Второго такого шанса у вас не будет.

Юноша отвернулся. Убивать эту троицу Кэшелу не хотелось. Но если они снова решат причинить какой-нибудь вред девушке, он будет беспощаден. Пусть думают о нем что угодно. Илна всегда говорила: то, что думают о тебе люди, — их личное дело до тех пор, пока они держат свои мысли при себе. К тому же это оказалось отличным предлогом для окончания разговора, а уж возобновить беседу он сможет, когда сам этого пожелает.

Сейчас Кэшела заботило совсем другое. Он не хотел, чтобы моряки продолжали считать его волшебником, каковым он им и казался. Такой похвалы Кэшел не заслужил; юноша даже не представлял, как теперь ему следует себя вести.

Тильфоза, наоборот, этому обстоятельству была очень рада. Ее устраивало, что моряки испытывают страх перед Кэшелом, опасаясь, что он может их во что-нибудь превратить.

Источник света, распространявшегося по лесу, вряд ли находился на небе. И, похоже, таких источников было несколько. Это сияние, исходившее из разных мест, не могло идти сверху, хотя и напоминало по яркости небесный свет. Кэшел попробовал ногой почву. Земля оказалась мягкой, будто губка, но чутье крестьянина подсказывало, что не она породила такой свет. Может, перед ними блуждающие огни? Кэшел решил, что нужно пойти в лес и попробовать найти место, откуда исходит мерцание.

Тильфоза неслышно подошла к нему сзади.

— Я сделала все возможное, чтобы помочь Уссо. — Девушка положила руку на его плечо. — К сожалению, не нашла паутины и знакомых растений, поэтому пришлось просто перевязать раны полосками белья.

Девушка замолчала, потом прибавила:

— Что... Что будем делать?

Кэшел медленно покачал головой, главным образом для того, чтобы привести свои мысли в порядок.

— Лес выглядит вполне проходимым. И, хотя сейчас ночь, думаю надо двигаться в ту сторону, откуда идет свет.

Он кивнул, подтверждая сказанное, и вдруг подумал, что все увиденное вдалеке может оказаться лишь плодом воображения.

— Я тоже думаю, что это свет, — поддержала его Тильфоза. — К тому же мне бы не хотелось ночевать здесь под открытым небом.

Юноша посмотрел на моряков.

— Ты в полной безопасности.

— Пойдем, Кэшел. — Она коснулась его локтя. Потом, повернувшись к Мауниксу, холодно промолвила: — Капитан, вам было сказано выпрямить меч. Выполняйте приказание.

Мауникс торопливо принялся за работу. Положив меч на упавшее дерево, он принялся бить по нему подобранным с земли камнем, выравнивая клинок.

Кэшел заморгал от удивления. Он уже сделал шаг вперед, как и предложила Тильфоза, но остановился, услышав распоряжение, данное девушкой капитану. Неожиданно юноша улыбнулся. Ему все стало ясно. Он пригрозил морякам как умел, по-своему, а Тильфоза воспользовалась моментом и сделала так, чтобы они плясали под ее дудку. Ему уже довелось наблюдать, как она дала понять Метре, кто из них — госпожа, а кто — служанка.

С ним же Тильфоза вела себя совсем по-другому. Конечно...

— Пойдем вперед, — прошептала девушка ему на ухо и слегка подтолкнула в том направлении, откуда исходило свечение.

Кэшел неожиданно смутился.

— Думаю, нужно напомнить людям, кто здесь командир. Метра не откажется от исполнения своих замыслов, ты же знаешь.

— И правда, — встрепелась Тильфоза. — Мне повезло, что у тебя есть отличное оружие и ты можешь меня защитить. — Она постучала пальчиками по наконечнику его посоха. — Но еще больше я рада тому, что ты со мной.

Кэшел откашлялся, но ничего не сказал, иногда он предпочитал оставлять свои мысли при себе.

Деревья в лесу абсолютно не походили на те, к которым он привык у себя на родине. В мерцающем свете показалось, что они даже не схожи между собой. Юноша подумал, что днем растительность выглядит, наверно, совершенно иначе.

— Как думаешь, скоро ли встанет солнце? — спросила Тильфоза.

— Не знаю. Может, поток магической силы забросил нас в какую-то пещеру — после того как я разбил картину? Вообще-то здесь достаточно светло, даже если днем не станет ярче.

— Мне кажется, если в пещерах и можно повстречать какие-то растения, то у них не бывает листьев. А здесь они есть. — В голосе Тильфозы уже не слышалось прежней игривости. — В одном ты точно прав — здесь довольно-таки светло. Извини, что я...

Девушка не закончила предложение. Если она хотела сказать «волновалась», то Кэшел не совсем понял, почему Тильфоза постеснялась произнести это слово.

Источник яркого света был уже где-то рядом, но Кэшел все еще не мог понять, откуда исходит мерцание. В его лучах вырисовывались размытые очертания строения. Деревья, на которые попадал свет, становились невидимыми, хотя их ветки и корневища хорошо просматривались в тени.

— Там что-то движется, — понизил голос Кэшел. — И мне кажется, что это не деревья.

— Я вижу Метру, — сдавленно произнесла Тильфоза. С виду она казалась спокойной, но пальцы сжались в кулаки. — Если ты посмотришь...

— Да, я тоже вижу ее.

Слегка прищурившись, он присмотрелся получше.

Метра стояла на коленях на крыльце храма, там, где еще недавно Кэшел отбивал нападение матросов Мауникса, и держала в руке жезл. Развернув один из шелковых свитков, жрица рисовала на камне магические символы. Волшебницу словно скрывала какая-то пелена, издалека она казалась размытым пятном; у Кэшела сложилось впечатление, что он стоит на дне пруда, а женщина — на берегу. Но в том, что это Метра, не возникало никаких сомнений. А окружали ее...

— Клянусь Сестрой, вы — идиоты! — завопил капитан Мауникс. — Ты и твоя сучка снова привели нас к этим монстрам!

Крюк посмотрел в сторону света, потом на Кэшела, крепко сжавшего посох, и, схватив Мауникса за плечо, попытался зажать ему рот.

— Заткнись! — зашипел плотник на капитана. — Ты, возможно, и сомневаешься в его словах, а вот я — нет. Если бы он хотел нас прикончить, то вполне обошелся бы и без помощи этих чудовищ.

Уссо, опиравшийся до сих пор на Мауникса и плотника, опустил вниз голову, не зная, как ему быть. Из-за повязок на ранах выглядел он слегка комично.

Глаза капитана забегали, он попытался спрятаться за деревьями. Крюк выхватил меч из его руки.

Кэшел благодарно кивнул плотнику и вздохнул от облегчения.

— Метра там, где мы ее и оставили, с Архаями.

— Думаю, она нас не видит, — добавила Тильфоза. Она положила руку Кэшелу на плечо, будто пыталась успокоить быка, который, распахивая поле, неожиданно встретился с дикой кошкой.

— Не знаю, что они попытаются сделать, чтобы разыскать нас, но лучше нам покинуть это место.

Кэшел кивнул в том направлении, откуда они пришли.

— Там тоже что-то светится. Может, если мы пойдем туда, то найдем, где остановиться на ночлег.

— Я согласна, — улыбнулась Тильфоза.

По мере того как они приближались к новому источнику света, светлее в лесу не становилось, но Кэшелу не составляло особого труда придерживаться нужного направления.

Чтобы Тильфоза не сбилась с пути, Кэшел взял ее за руку, а затем крикнул в темноту:

— Эй, Мауникс, держитесь все вместе и не отставайте. Я не собираюсь никого здесь бросать, если только сами не захотите остаться.

Тильфоза не удержалась от комплимента:

— Ты такой заботливый, мастер Кэшел.

Тот лишь смущенно фыркнул, но было видно, что похвала пришлась ему по душе.

— Если бы ты была такой же рослой и сильной, как я, мне не пришлось бы о тебе беспокоиться.

Мерцающий огонь, к которому они подходили, был похож на тот, что встретился им ранее. Изображение в нем словно пробивалось через траву. Кэшел слегка наклонил голову. В сумерках он увидел человека в коротком зеленом одеянии, который сидел на кушетке, накрывшись пятнистой шкурой неведомого зверя. Стена позади сидящего была завешена занавесками, расшитыми странными существами с телом антилопы, шестью рогами на голове и птичьим клювом.

Рядом с кушеткой стояли стражники. Мужчина, с перекошенным от злобы лицом, не сводил глаз со стоявшей перед ним чаши с водой.

— Тебе знаком этот человек? — спросил Кэшел Тильфозу. — Мне — нет.

— Никогда его не видела, — ответила девушка. — Но перед ним магическая чаша. Может, он волшебник?

Немного помолчав, она прибавила:

— Да он скопец! Судя по тому, как висит его плоть, он — кастрат, не иначе.

Кэшел не нашелся, что ответить. В деревне Барка мужчин не кастрировали. Только что юноша получил лишнее подтверждение тому, что в мире есть места, где все обстоит иначе, чем в его родной деревне. Но это не доставило ему особой радости.

Кэшел нахмурился, еще раз внимательно посмотрев на размытое изображение.

— Он похож на одного человека, с которым мне довелось однажды встретиться. — Сидевший в комнате мужчина напомнил юноше незнакомца, который беседовал с Гарриком перед тем, как тот упал в воду, а он сам прыгнул вслед за принцем, чтобы спасти... — Нет, все-таки это два разных человека. Этот слишком молод, к тому же тот, которого я видел раньше, был раза в два тоньше.

— Мы останемся здесь, мастер Кэшел? — подчеркнуто вежливо поинтересовался Крюк.

Кэшел оглянулся. Сзади капитан Мауникс поддерживал Уссо под руку. Раненый моряк выглядел уже лучше. Поймав на себе взгляд юноши, капитан вздрогнул и попытался спрятаться за Уссо.

Кэшел отрицательно покачал головой.

— Нет, нас ничто здесь не держит.

Магический свет вел их дальше. Возможно, к совсем другому уровню мироздания. Дорога круто шла в гору. У Кэшела сложилось впечатление, что свет льется вниз из какого-то небесного источника. Только тот, кто был пастухом, смог бы заметить его на склоне — так овцы сами находят в горах воду.

Кэшел стал карабкаться вверх, Тильфоза не отставала. Моряки замыкали шествие. Кэшел улыбнулся, заметив, что они держатся на почтительном расстоянии.

Лес здесь был редким, и подъем давался им довольно-таки просто, деревья не создавали никаких препятствий.

— Я никогда ничего не читала об этом месте, — тихо произнесла Тильфоза, тщательно обдумывая каждое слово, будто пыталась успокоиться. — А ты?

Он усмехнулся.

— Госпожа, я не умею читать. Даже свое имя мне не удается написать правильно с первой попытки.

— Извини! — Тильфоза забыла, что Кэшел уже говорил ей об этом. Иначе девушка никогда не задала бы такой вопрос, ведь она была настоящей леди.

— Меня не обучали волшебству, — сменила она тему разговора. Кэшелу показалось, что Тильфозе просто хочется выговориться. — Да у меня и способностей к этому не было. А кто-то из тех, кто встречался мне в храме, имел все качества, чтобы овладеть тайнами магии. Их обучением занимались особые священники, и в будущем они должны были стать Детьми Владычицы. Чтобы овладеть тайными знаниями, этим людям приходилось много читать.

Она обхватила плечи руками, словно от холода. Кэшел сомневался, что Тильфоза могла замерзнуть. Воздух был теплым, ветер давно стих, кроме того, шли они довольно быстро.

И тут юноша понял, что случилось. Сглотнув слюну, он сурово свел брови к переносице.

— Госпожа...

— Тильфоза, — поправила его девушка.

— Тильфоза, я не волшебник, как ты могла подумать. У меня многое получается, но не знаю, как вышло, что мы попали сюда. Я просто хотел спасти нас.

Она с облегчением засмеялась.

— Меня уверяли, что Метра — могущественная волшебница. Вот почему Совет выбрал именно ее для того, чтобы сопроводить меня к жениху, но ты освободил нас от ее колдовства.

Юноша лишь развел руками.

— Даже стену можно проломить, если ударить посильнее.

Они почти дошли до того места, откуда лился свет. На этот раз он был совсем другого цвета: легкая небесная дымка вместо голубого огня с серебряным отливом. Илна смогла бы описать его лучше — не существовало такой краски или оттенка, которых она не знала.

В круге света, перед пентаграммой, нацарапанной на крышке небольшого столика, укрепленного на дне лодки, на коленях стоял человек. Кэшел заметил там и других людей, они сидели на скамейках впереди и позади мужчины и, стараясь не смотреть на то, что делает волшебник, с остервенением налегали на весла.

— Я знаю его! — воскликнул Кэшел. — Это тот самый, похожий на Метру парень, о котором я спрашивал у тебя! Он хотел отобрать у меня кусок статуи.

Юноша нахмурился. Этому человеку нужна была не статуя, а кольцо с рубином. И сейчас оно лежит в его, Кэшела, кармане.

— Это Сын Владычицы, — после некоторой паузы произнесла Тильфоza. — Я его не сразу узнала. Он действительно очень похож на Метру.

Юноша оглянулся и посмотрел на моряков. Те держались поблизости. Так и должно быть. Кэшел шел, словно пастух во главе стада.

— Уходим отсюда, — громко объявил он.

Юноша не понимал, что происходит, но за последнее время такое случалось с ним часто, и Кэшел уже перестал этому удивляться. В подобных ситуациях он предпочитал идти вперед. Ему не всегда нравился пейзаж, но в конце концов юноша добирался до того места, где хотелось остаться.

Впереди их ждал новый источник света. Кэшел предполагал, что за ним последует и еще один. Его не переставал мучить вопрос, смогут ли они вообще когда-нибудь выбраться из леса. Лежавшие в сумке хлеб и сыр оставались нетронутыми. Как и любой крестьянин, Кэшел был очень бережлив по природе, а сейчас и вообще оказался почти нищим. Молодой человек потуже затянул ремешки на сумке — не должна пропасть ни одна крошка! Неприкосновенный запас еще пригодится, особенно после того, как им пришлось столкнуться с волшебством Метры.

Юноша усмехнулся своим мыслям. Казалось, они провели в пути уже довольно-таки приличное время.

— Думаешь, они все ищут меня? — спросила Тильфоza. — Те колдуны, чьи образы мы видели. Может, их попросила об этом Метра?

Кэшел удивился вопросу девушки, но задумался.

— Я не уверен в этом, Тильфоза. Тот волшебник, которого мы видели последним... Я встречал его прежде, в Вэллесе. Он... То есть я хочу сказать...

Что будет с Тильфозой, если она узнает, что он, Кэшел, из далекого будущего, из такого далекого, что ему и самому тяжело это представить?

— Я живу далеко отсюда, Тильфоза. И прежде чем туда доберешься, пройдет немало времени.

Девушка повернулась и внимательно всмотрелась в лицо Кэшела, как будто никогда его раньше не видела.

— Я все понимаю. — Девушка прикоснулась к его руке. Но Кэшел сомневался, что она действительно все понимает правильно. — Благодарю Владычицу, что принесла мне героя.

— Не говори так больше. Никакая Владычица не отправляла меня сюда, — оборвал ее Кэшел и отвел глаза в сторону, словно боялся встретиться с девушкой взглядом. От смущения щеки запылали багровым румянцем. — Понимаешь, я не хочу даже слышать от тебя о том, что меня сюда перенесла Владычица. Мы с сестрой никогда не верили в Великих Богов. Во-первых, посещение храма было слишком дорогим для нас удовольствием, а во-вторых, Илна все воспринимает совсем по-другому, и от твоих слов мне становится не по себе.

— Хорошо, — согласилась Тильфоза. В ее голосе не слышалось ни злобы, ни обиды. — В следующий раз буду выбирать выражения.

То ли Кэшел пошел быстрее, то ли на этот раз источник света находился ближе, чем ранее, но он был уже виден.

Их взорам предстал большой сарай, наверное, конюшня. У лошадей в стойлах, судя по хорошей сбруе, были довольно-таки состоятельные хозяева. Находившиеся в помещении люди сгруппировались, что-то возбужденно обсуждая, вокруг большой корзины, на которой сидел полный, рыхлый мужчина.

Он очень сильно напоминал Метру и того незнакомца, который пытался отобрать у Кэшела кольцо в Вэллесе, и одет был лишь в тунику из отбеленной шерсти. На деревянной перегородке стояла сушилось черно-белое платье. Из этой компании Кэшел не знал никого, за исключением...

— Да это же Гаррик! — воскликнул он. — Мой друг Гаррик! Но что случилось с его головой? Откуда на его теле шрамы?

— Кэшел, не кричи. Может, ты обознался и это вовсе не твой друг? — попыталась успокоить его девушка. Резко обернувшись к Тильфозе, юноша заметил ее хмурое лицо, которое, правда, прояснилось, стоило ей перехватить взгляд Кэшела.

— Думаю... те мужчины, что так похожи на Метру...возможно...

На сей раз нахмурился Кэшел, вновь взглянувший на пятно света. Там девушка-обезьяна с Байта терлась волосатой спиной о ногу человека, в котором он узнал Гаррика.

Сидевший в середине волшебник что-то рассказывал, несколько раз указав пальцем на кольцо, которое держал широкоплечий, коренастый одноногий мужчина, очень напоминавшее то, что лежало в кошельке у Кэшела. Но когда на кольцо упал луч света, стало ясно, что камень в нем голубой.

— Нет, я не уверен, не знаю, — хрипло ответил Кэшел. — Пойдем отсюда, здесь для нас нет ничего интересного.

Он отвернулся и шагнул в сторону следующего блуждающего огонька. Тильфоза почему-то замешкалась. Почувствовав ее смущение, юноша попытался поторопить девушку, дотронувшись до ее плеча, но сразу же отдернул руку.

Кэшела бросило в пот, его захлестнул ужас — юноша осознал: в пятне мерцающего света он действительно видел сильно изменившегося Гаррика. Эта мысль жгучей болью пронзила разум. Так сильно он испугался впервые в жизни и не хотел, чтобы Тильфоза заметила его состояние.

— Да, конечно, — пробормотала, выходя из задумчивости, девушка. В ее взгляде он, наряду со страхом, заметил печаль. — Уйдем отсюда. Скоро мы выберемся из этого леса, я знаю.

Кэшел, напротив, уже ни в чем не был уверен. Он чувствовал, что не может взять себя в руки, чего с ним не случалось прежде.

— Давно я что-то не слышала пения ночных птиц, — сменила девушка тему разговора. — А ты?

— Я ничего не слышу с тех пор, как мы пошли рассматривать блуждающие огни.

— Может, это из-за того, что нет ветра? — Вздрогнув, Тильфоза придвинулась поближе к Кэшелу.

— Возможно. — Он перекинул посох из одной руки в другую. — Вообще-то в лесу почти никогда не бывает тихо. Белки бегают по деревьям в поисках еды, ветки поскрипывают под налетевшим ветерком. Ты почувствуешь дыхание деревьев, если удержишься на минутку и просто постоишь на месте.

— Но здесь все не так, — заметила Тильфоза.

— Да, здесь я этого не почувствовал, — согласился с ней Кэшел. Он уже успокоился, но держался настороже, оглядывая каждое деревце, каждую травинку — это давно вошло у него в привычку. Юноша много чего заметил, но не спешил говорить об этом вслух.

Он откашлялся.

— Мне не доводилось испытывать такого прежде. Бывало, не можешь понять, что случилось с овцой. Чувствуешь — что-то не так, что-то с ней произошло. Здесь же все по-другому. И мой внутренний голос молчит, хотя ему стоило бы о нас позаботиться.

— Спасибо тебе. — Девушка осторожно провела кончиками пальцев по его руке.

Они уже дошли до очередного источника света. Он оказался меньше других, не больше костра пастуха, сложенного из валежника, чтобы согреться в непогоду. Кэшел прищурился, ожидая, какой образ возникнет перед ним на сей раз.

— Да ведь это же Теноктрис! — воскликнул он, присмотревшись получше. — Точно, это она! О, если она нас увидит, все пойдет на лад.

Теноктрис сидела за столом в своем небольшом домике у дворца и при свете масляной лампы читала свиток. Обстановка в комнате не отличалась изысканностью, но массивная резная подставка под лампу была сделана из бронзы в форме дракона, выбрасывающего из пасти языки пламени.

— А она — могущественная волшебница? — Тильфоза наклонила голову, словно пыталась рассмотреть, что читает Теноктрис. Но, несмотря на свою яркость, источник света был небольшим — таким же оказался и передаваемый им образ.

Моряки, по-прежнему ковылявшие где-то сзади, обессиленно повалились на траву, и Кэшел решил, что необходимо немного передохнуть. Хорошим знаком было уже и то, что они смогли дойти до этого видения.

Очень осторожно, опасаясь, что от любого неверного движения появятся магические искры или же образ исчезнет в дымке, юноша дотронулся до источника света наконечником посоха.

Сначала металлический наконечник отразил свет, как зеркало, а затем, казалось, пропал. Но юноша почувствовал, что он упирается в какой-то невидимый предмет. Кэшел постарался пропихнуть посох дальше, приложив на этот раз больше усилий. Он не видел, куда попал наконечник, и не понимал, что не позволяет ему пройти дальше.

— Кэшел... — предупредила Тильфоза.

— Подожди, — попросил юноша. Сзади слышался еще и шепот моряков, но он решил не обращать на них внимания.

Вытащив посох из светового пятна, Кэшел сунул туда руку. Его пальцы коснулись...

Рассмеявшись, юноша вытащил руку обратно.

— Пойдем, это обычное видение, мираж, и нам от него нет никакого прока, — пояснил он.

— Но тогда во что же упирался твой посох?

— В дерево, всего лишь вот в это дерево.

Юноша указал на толстый ствол древней глицинии. Она была не слишком высокой, и Кэшел спокойно мог дотронуться до верхушки посохом. Ее ветки свисали вниз, как у плакучей ивы, только были более короткими.

— Скажи ему, — прошептал Мауникс.

— Сам скажи! — огрызнулся Крюк. — Мне и так неплохо.

Кэшел обернулся. Тильфоза последовала его примеру.

— Сказать мне что? — переспросил юноша. В его голосе проскользнуло недовольство, почти злоба. Неприязнь к морякам вспыхнула с новой силой.

— Мастер Кэшел, — заискивающе произнес плотник после того, как Мауникс метнул в него гневный взгляд. — Капитан просил передать вам, что, хотя Уссо чувствует себя уже лучше, нужно сделать привал, чтобы он мог передохнуть.

Кэшел взглянул на моряков. Уссо, выпучив глаза, часто дышал, широко открывая рот. Мауникс выдавил из себя подобие слабой улыбки, больше похожей на судорогу, пробежавшую по лицу человека при столбняке. Крюк как раз пытался вложить меч, который забрал у капитана, в ножны. Встретившись с Кэшелом глазами, плотник выронил оружие из рук.

Кэшел перевел взгляд на Тильфозу.

— Как ты себя чувствуешь? Хочешь передохнуть?

— Я готова идти дальше. — Юноше показалось, что Тильфоза слегка дрожит. — Хотя бы еще немножко. Мне очень хочется выбраться из этих лесов, и, надеюсь, нам это удастся.

Прикусив нижнюю губу, Кэшел задумался.

— Мы пройдем до следующего светящегося огня. — Он кивком указал направление. — И заночуем там, если не увидим поблизости чего-либо более подходящего. Договорились?

— Хорошо, — согласно кивнула Тильфоза, бросив взгляд на обессилевших моряков, и дотронулась до его руки. — Пойдем, Кэшел.

Почувствовав ее прикосновение, юноша улыбнулся. Эта девочка не из тех, кто может предать. Этим она была похожа на его сестру Илну. Он уже привык к Тильфозе. И, несмотря на ее благородное происхождение, Кэшел чувствовал себя с ней на равных.

Они двинулись дальше.

— Послушай, — негромко окликнула его девушка. — Все эти светящиеся пятна... Они похожи на какие-то окна и открылись, когда ты разбил ту стену в храме?

Кэшел пожал плечами. Вопрос ему не понравился. С одной стороны, он не знал точного на него ответа, с другой — боялся, что все произошло именно так, как считает Тильфоза. Юноша уже говорил Тильфозе, что старается применять свою силу с осторожностью. Он знал, какой вред может причинить необдуманными действиями. И если все-таки с ними произошло что-то непонятное, то только один Дузи знал, чего теперь ждать.

— Не знаю, госпожа. Я на самом деле ничего не знаю.

Они приблизились к бледному источнику света. В отличие от всех остальных, в этом не было никаких видений. Светящийся

ся шар с черной бездной в центре просто висел в воздухе под аркой, образованной переплетенными ветками шести стройных деревьев.

До сих пор у Кэшела не возникало никаких предчувствий, его внутренний голос молчал — то ли в этом не было необходимости, то ли увиденное просто отражало его собственные фантазии. Но сейчас...

Мерцающее пятно не пугало Кэшела. Однако он отчетливо ощутил дыхание исходящей оттуда опасности. И юноша понимал, что если расскажет о своем дурном предчувствии, то испугает спутников.

Тильфоза нервно огляделась по сторонам, а затем подобрала с земли сломанную ветку, чтобы использовать ее в качестве дубинки. Ветка уже почти сгнила до трухи, но, похоже, девушка чувствовала себя увереннее с этим оружием. Должно быть, она тоже что-то заподозрила.

Кэшел прищурился, наклоняя голову то в одну сторону, то в другую, пытаясь что-нибудь рассмотреть внутри шара.

— Нет, ничего не вижу.

— Что бы там ни находилось и где бы это ни происходило, но сейчас внутри сферы темно. — В голосе Тильфозы слышалась прежняя уверенность. — Хотя в ней точно что-то или кто-то есть. И оно глядит на нас, Кэшел.

— Да, похоже на то.

Он оглянулся. Моряки стояли в отдалении и, переминаясь с ноги на ногу, смотрели в их сторону.

— Пойдемте! Нам нечего здесь делать!

Они снова зашагали в темноте по незнакомому лесу.

— Как ты думаешь, небо посветлеет? — прервала молчание девушка.

— Наверное, только не знаю когда.

Даже после того, как источник света скрылся из виду, Кэшел еще долго чувствовал на себе чей-то взгляд.

— Можно развести здесь огонь? — спросил Метрон, устроившись на плетеной корзине в центре конюшни и клацая зубами. Он уже переоделся в одежду конюха, грязную и отврати-

тельно пахнущую, но сухую. Вода с его мокрого шелкового одеяния струйками стекала в стойло. — Понимаете, это не из-за холодной воды. Просто мне пришлось перекрыть в теле все энергетические каналы, когда я отослал из него душу.

Гаррик лишь улыбался, слушая его объяснения. Некоторые разбойники испуганно притихли при упоминании о волшебстве, другие захохотали, приняв его слова за глупость.

— Можем ли мы разжечь костер, взяв для этого солому? — стал размышлять вслух Вескей. — Нет, не можем. К тому же здесь столько лошадей, что они тебя вмиг согреют, если ты на самом деле замерзнешь. А нам и так не холодно.

Он откашлялся. Гаррик, сидевший рядом, пристально посмотрел на него, пытаясь понять, в каком расположении духа пребывает сейчас атаман.

Лицо Вескея было непроницаемо. Он сжимал и разжимал пальцы в кулак. И каждый раз кольцо с сапфиром то появлялось на его мизинце, то исчезало.

— Это то, зачем я вас посылал? — Метрон протянул к драгоценности руку. Он заметил изменения, произошедшие в поведении Вескея по отношению к себе, но все же предпочел продолжить разговор, начатый с пустых, ничего не значащих слов. — Очень хорошо. Теперь мы сможем освободить Талемуса раньше, чем сбросим с престола Заступника.

Тинт лежала на соломе у ног Гаррика и, не отрываясь, смотрела на Метрона. Вначале юноше показалось, что она урчит от удовольствия, но потом он вдруг понял, что это тихое рычание.

— Мы обсудим твоё предложение, чародей, — бесстрастно произнес Вескей. — Но сейчас нам лучше убраться отсюда. А Талемус пусть позаботится о себе сам.

— Согласен, — громко поддержал атамана Адемий. — С самого начала вся затея с поиском кольца казалась сомнительной. Наше счастье, что мы остались в живых и сумели вырваться со Змеиного Острова в отличие от Кельбата и Сэто. А теперь, когда Заступник обо всем прознал, только одной Госпоже известно, чем все может закончиться.

Остальные разбойники поддержали товарища громкими возгласами. По их лицам Гаррик видел, что все они хотят как

можно скорее убраться отсюда в безопасное место. И даже те, кому не нравился Адемий, были сейчас с ним заодно. Если бы не Вескей, пытающийся во всем разобраться, то банда давно бы уже разбежалась, оставив волшебника на дне пруда. Атаман пытался найти золотую середину во взаимоотношениях между ними и магом.

Волшебник кивнул бандитам, словно соглашаясь с ними. Но на его лице промелькнуло злобное выражение, тут же сменившееся лстивой улыбкой. Гаррик был уверен, что Вескей не обманывает, сообщая магу о своих намерениях, и что Метрон вовсе не дурак, чтобы угрозами принуждать разбойников идти на лишний риск.

Метрон действительно оказался умным человеком. Он раскинул руки в стороны и промолвил:

— Извините, мастер Вескей. Я сам готов идти впереди. То, что вы привели на своем хвосте Защитников, не такая большая катастрофа. Пусть Эйхеон уже где-то поблизости, ему не уйти от своей судьбы.

— И что, именно поэтому Заступнику не хватает смелости перерезать горло лорду Талемусу?

— Если Эйхеон убьет лорда, — ответил волшебник, наклонившись с серьезным лицом к атаману, — то настоящий Талемус появится где-нибудь еще. Правитель видел свое будущее, а может, только часть его. Но ему известно, что лорд Талемус станет графом Лаута. И единственный способ помешать этому — заставить лорда покориться его воле. Если мы сможем освободить Талемуса, то помешаем Эйхеону исполнить задуманное.

— Сдается мне, — медленно проговорил Хейм, — что если мы влезем в это дело, то нам уже не вернуться на восток, откуда мы все родом, и не жить долго и счастливо.

Метрон опять развел руками и мрачно продолжил:

— Лорд Талемус станет графом Лаута. И если мы не вмешаемся, будет марионеткой в руках Заступника. Эйхеон великий волшебник, я уверяю вас. Но с Талемусом и могуществом кольца...

Он указал на руку Вескея, на которой в этот раз ничего не было. Теперь волшебник не стал требовать кольцо, как прежде.

— ...мы сможем победить его и вернуть Лауту свободу и процветание.

Метрон откашлялся и прибавил:

— Мастер Вескей, прошу, расскажите, как достали кольцо. Мне будет очень интересно послушать. Уверен, задача была не из легких.

Атаман посмотрел на Гаррика, и его брови поднялись. Маленькое кольцо с сапфиром вновь блеснуло на его мизинце.

— Это я нашел статую с изображением Талемуса, — начал Гаррик. Он решил, что будет лучше рассказать Метрону всю правду, чем что-либо скрывать от него. — Она оказалась закопанной недалеко от его усадьбы. Место это было погребено под руинами древней стены, а кольцо надето на палец статуи, как вы и говорили.

Волшебник прищурился.

— И что, никто его не охранял?

Вместо ответа Гаррик позволил себе улыбнуться. А потом прибавил:

— Зачем кому-то понадобилось прятать статую Талемуса за сотню лет до того, как он родился?

В глазах Метрона сквозила настороженность. Но он еле-еле улыбнулся Гаррику.

— Статую вырезали два тысячелетия назад, а не несколько веков. Это было сделано по приказу Эйхеи, такой же могущественной волшебницы, как и ее нынешний преемник.

Маг сложил руки на груди и улыбнулся еще шире. Только теперь его улыбка стала уже не такой слащавой. Он остался доволен своим ответом.

— Там не было охранника, — продолжил Гаррик. — Мне встретилась лишь одна огромная ядовитая змея да сотни других, поменьше. Кроме того, там еще росли грибы, выбрасывающие отравленные споры. Но мне удалось остаться в живых и забрать кольцо.

— В самом деле? — Казалось, Метрон не поверил рассказу Гаррика. — Прости за глупый вопрос, ведь иначе тебя бы здесь не было. А ты очень умный юноша. Очень...

Он повернулся к атаману.

— Мастер Вескей, Заступник наложил защитные заклинания вокруг лорда Талемуса. Их я смогу преодолеть. Но есть и другие препятствия, против которых мои чары бесполезны. Вы поможете мне? Знаю, что риск велик. Но если вы окажете мне содействие, то всех жителей Лаута ждет свобода.

Бандиты шептались в углу, но вслух никто не торопился высказываться. Вескей смотрел на Метрона. Его лицо по-прежнему не выражало никаких чувств. Наконец он произнес:

— Прежде всего нам надо найти лорда Талемуса.

— Лорд находится в тюрьме, в центре Дурассы, в башне, которая носит название Пик.

— Она отвечает своему названию, мы в этом убедились, — прошептал Адемий, уставившись в земляной пол.

Метрон снял с шеи ожерелье, бусины которого были выточены из чистого кварца.

— У Талемуса такое же ожерелье. Эйхеон забрал его себе, когда пленил лорда. Но это, — волшебник стал поворачивать украшение так, чтобы свет падал на бусины, — сохранило в себе все, что произошло до того момента.

— А если его перевезут в другую тюрьму? — спросил Адемий.

— Куда? — не согласился с ним Прада. — Ну где еще узник может считаться похороненным заживо? Если Талемус там, то все кончено!

— Все не так безнадежно, — нахмурился Метрон. Одежда конюха сковывала его движения, но он все же старался держаться с достоинством. — Если среди вас найдется пара скалолазов и у них хватит смелости, то еще остается возможность освободить лорда Талемуса.

Вескей оглядел свое воинство. Разбойники старательно отводили взгляды в сторону.

— Ну, что вы скажете на это, Братья? — спросил он, как бы поддразнивая их.

— А что скажешь нам ты, Атаман? — злобно огрызнулся Хейм.

Вескей притопнул деревянной ногой и указал на одного из разбойников.

— Хаккен, ты же когда-то умел хорошо лазить по мачтам.

— Да, заberi Сестра всех этих волшебников. Видно, придется согласиться, раз уж у нас нет другого выхода.

Атаман перевел взгляд на Гаррика.

— Гар, а ты еще недавно лазал как обезьяна, и эти способности, по-моему, сохранились у тебя до сих пор.

Гаррик ухмыльнулся и понимающе кивнул:

— Твоя правда.

Несмотря на то что он думал и действовал уже как принц, мускулы еще помнили то, что умел Гар. К тому же Гаррик помнил и о том, что еще совсем недавно он разорял гнезда морских птиц, карабкаясь по скалам Хафта не хуже, чем этот бывший моряк.

Тинт тут же вскочила и ударила Гаррика по колену.

— Гар! Тинт тоже идет.

Принц широко улыбнулся, ясно осознавая всю опасность их замысла.

— Теперь нас трое, Вескей.

Глава одиннадцатая

Шарина, задумавшись, смотрела невидящим взглядом на членов королевского Совета, толпившихся в зале и не спешивших рассаживаться по своим местам. Сама она уже сидела справа от Каруса, с другой стороны от короля расположилась Лиэйн.

Карус посадил ее туда, не слушая возражений. Лиэйн и раньше всегда присутствовала на заседаниях, выполняя обязанности секретаря. Но король решил, что она должна стать полноправным участником Совета.

Принцесса Шарина Хафтская, а для близких людей просто Шарина, улыбалась. На таких мероприятиях она всегда сидела во главе стола, окруженная придворными. Вот и теперь девушка сидела как подобает принцессе, по правую руку от Гаррика.

Шарина понимала, что король хотел бы сблизиться с ними; ему нужна их с Лизэйн поддержка, чтобы больше походить на Гаррика. Но на этом сходство в их поведении заканчивалось. Гаррик старался ладить с другими. Карус же больше полагался на себя и свою власть.

Несколько благородных господ посчитали присутствие женщин на собрании оскорблением. Король не должен сидеть на заседании Совета в окружении двух женщин. Это было нарушением дворцового этикета.

Канцлер Ройяс, сидевший рядом с Шариной, склонился и зашептал ей на ухо:

— Принцесса...

Он пытался держаться невозмутимо, умело скрывая недоумение. Ройяс происходил из древнего благородного рода. В нем текла кровь богатых аристократов, которые веками занимались торговлей в Вэллесе.

Лорд Валдрон, командующий королевской армией, подошел к столу и посмотрел сначала на Лизэйн, а затем на Каруса, потому что стул, на котором сейчас сидела девушка, предназначался для него. Карус бросил гневный взгляд в его сторону. Король не выпался и был в плохом настроении.

Валдрон уже ничего не боялся в этом мире. Хотя он и достиг семидесятилетнего возраста, но ходил прямо, будто внутри него был стальной стержень, а ум его оставался таким же острым, как наконечник копья. Он, как и канцлер, имел благородное происхождение. Его предками были землевладельцы с севера Орнифола.

Шарина заметила, что командующий старается сдерживать чувства. Он не боялся Каруса, но гнев короля еще раз подчеркивал, что сегодняшнее заседание Совета пройдет не так, как обычно.

Поняв это, Валдрон поднял руку вверх и поманил пальцем своего секретаря, молодого человека с внешностью ангела, но повадками настоящего воина. Он склонился к Валдрону и выслушал указания. Затем, почтительно кивнув, юноша быстро вышел в ту же дверь, через какую и зашел. Оказавшись в коридоре, секретарь тут же перешел с быстрого шага на бег.

Король с усмешкой наблюдал за этой сценой. Он повернулся к Шарине, их глаза встретились, и он дружески подмигнул ей.

Лиэйн наклонилась к нему и что-то тихонько сказала. Карус, соглашаясь, кивнул и сказал, не повышая голоса, но так, что каждый смог услышать его:

— Мне нужны эти помощники. К тому же скоро все, что мы сейчас будем здесь обсуждать, уже не будет секретом.

В дверях зала показался лорд Аттапер. Он прибыл на заседание в форме командира Кровавых Орлов: в кирасе, шлеме и тяжелых сапогах. Однако висевшие на широком поясе ножны и петли для метательных ножей пустовали.

— Ваше Величество, — обратился он к королю, указав рукой на двери. В них уже никого не было. Последние участники заседания вошли в зал и стояли возле стены.

— Хорошо, закрывайте двери, — распорядился Карус, перекрывая шепот и шуршание бумаг.

Еще несколько мгновений слышался скрип стульев, а затем в зале воцарилась тишина. И в тот же момент тяжелые створки захлопнулись.

Командир Кровавых Орлов не стал садиться на свое место, а остался стоять у дверей. Карус еще раз с удовольствием посмотрел на него. Вот настоящий воин. Руки прижаты к туловищу, ноги вместе. Своей позой Аттапер выделялся из общей толпы придворных и словно подчеркивал превосходство над вечным соперником, лордом Валдроном.

Карус еще раз обвел взглядом присутствующих. Сейчас он напоминал буревестника, который внимательно всматривается в морскую пучину, выискивая мелькнувший плавник рыбы.

— Нас атакуют бродяги, которые называют себя Союзом Запада. На этот раз они привлекли на свою сторону магию. Но не сомневаюсь, что вскоре обнажат и мечи. Нам нужно немедленно принять меры, чтобы сразу сломить сопротивление и поставить их на колени.

Карус замолчал и сделал паузу, чтобы присутствующие смогли уяснить то, что он сказал. Помощники старательно царапали перьями по пергаментам. Члены Совета перегляну-

лись, чтобы увидеть реакцию своих коллег, но не промолвили ни слова.

Только лорд Ангиер, временный участник Совета, представитель гильдии ремесленников Вэллеса, оказался единственным исключением. Он очень гордился своим участием в Совете и, будучи самым молодым в этом зале, всячески старался привлечь внимание к своей персоне. Поэтому он произнес:

— Вы хотите сказать, что нас атаковали волшебники, Ваше Величество?

Карус ткнул пальцем в его сторону. Голос короля звучал не грозно, но все же...

— Ты, подмастерье. Глупые вопросы не развлекают меня, особенно сейчас, когда у нас так мало времени. Поэтому закрой свой рот и слушай.

Ангиер вытаращил глаза и перевел взгляд с короля на канцлера, а потом на Шарину, которая обычно старалась сгладить поступки короля. Ройяс поморщился и мотнул головой в знак подтверждения. Ангиер наконец понял всю серьезность своего проступка и сник.

— Вот и славно, — подметил произошедшую с ним перемену Карус.

Обычно, когда принц Гаррик вел заседание Совета, в зале стоял гул голосов придворных, а некоторые из них даже позволяли себе кричать. Сейчас перед Шариной были совсем другие люди. Они словно столкнулись с голодным львом в закрытой комнате.

— Силы Союза Запада сосредоточены в Доннеле, на восточном берегу Тизамура, — продолжил король. — Похоже, там же свили себе гнездо и волшебники.

Лиэйн открыла пергамент со сведениями о силах противника. Она подготовила его по просьбе Гаррика. Каруса же вовсе не заботило, как это будет оформлено, устно или письменно, и кто сделает сообщение, он или Лиэйн.

— Я собираюсь отправить армию и флот на Тизамур, в земли Байта, в Доннел. Разгромить войска Союза и повесить каждого волшебника, какого только смогу поймать. Зеттин и Коп-

рату, отплытие через три дня. Сколько кораблей будет готово к этому времени?

Адмиралу флота Зеттину совсем недавно исполнилось тридцать пять лет. Наследник богатого аристократического рода, он начинал военную службу Кровавым Орлом. По натуре адмирал был человеком осторожным и не любил рисковать без особой нужды. Пожилой чиновник Копрату отвечал за снаряжение кораблей. Слова короля повергли их в изумление, но каждыйотреагировал на них по-своему.

— Три дня? — переспросил Копрату. Он открыл свой ранец, достал счета, несколько папок с бумагами и перо с чернильницей. — Это слишком маленький срок. Нам нужно по крайней мере...

— Ваше Величество! — Зеттин вскочил на ноги. — Я готов выйти хоть сейчас с десятью кораблями береговой охраны.

— Копрату, — нахмурился король, — я не спрашиваю твое мнение. Мне нужно знать количество кораблей, которые будут готовы через три дня. Зеттин...

Он перевел взгляд на адмирала. Его лицо стало еще серьезнее.

— Лорд Зеттин, прыгать вокруг меня и исполнять разные трюки может обученная обезьяна. От тебя же мне нужны не благородные штучки, а готовность выполнять мои приказы. Итак, спрашиваю еще раз: сколько кораблей будут готовы к отплытию через три дня?

Лицо Зеттина не изменилось. Оно выражало все ту же беззаботность. Такая выдержка, свойственная благородным людям, воспитывалась у отпрысков аристократических семей с самого раннего детства. Было совершенно непонятно, что сейчас творится в голове у адмирала. Лорд Валдрон наклонился вперед, внимательно наблюдая за происходящим. В свое время ему пришлось отказаться от командования флотом в пользу ставленника Аттапера.

— У нас есть семьдесят три триремы, оснащенных парусами, про которых я точно могу сказать, что они готовы к отплытию. Доки ожидают заказов на постройку и оснащение новых судов. Корабли береговой охраны находятся в бассейне реки.

Всего в моем распоряжении три тысячи семьсот человек. Но это минимум. Я ожидаю, что объявленный призыв на морскую службу позволит увеличить численность моряков. Кроме того, у меня восемнадцать или двадцать кораблей с полной командой, местом для груза и пассажиров. Да еще фаланга, которая действует совместно с моими кораблями, но не входит в состав флота.

— Хорошо, — одобрил его речь Карус, жестом показав адмиралу, что тот может сесть.

Зеттин, вздохнув с облегчением, быстро опустился на стул. Без команды короля адмирал не смог бы решить, остаться ему стоять или можно сесть. И он мог попасть в дурацкое положение, когда пришлось бы выбирать, что делать.

Мастер Копрату все это время торопливо делал записи, низко склонившись над пергаментом. С его лба стекали капли пота. Он разложил перед собой счета в три стопки, заняв бумагами стол не только перед собой, но и перед своими соседями справа и слева. Они постарались отодвинуться от чиновника, чтобы не измазаться в чернилах, которые высыхали очень медленно.

Карус, довольно кивнув, наконец повернулся к Валдрону.

— Лорд Валдрон, каково сейчас состояние армии и что можно сказать о ее готовности к выступлению через три дня?

Один из помощников Валдрона попытался передать ему пергамент с последней сводкой, но лорд нетерпеливо отмахнулся.

— На фаланге у нас хорошо обученные морскому делу ребята. Всего пять тысяч триста семнадцать человек по последней сводке. Тяжелая пехота — две тысячи сто двенадцать человек на сегодняшний день, легкая пехота...

Лучники и копьemetатели, следопыты и застрельщики — все они необходимы для основной армии.

— ...тысяча восемьсот семьдесят девять на сегодняшний день. Но я думаю, что смогу увеличить это количество еще на несколько сотен. Крестьяне побросают свое хозяйство, когда узнают, что им предоставляется шанс захватить добычу и повоевать.

Лорд обменялся с королем улыбками.

— В кавалерии, — продолжил Валдрон, — только семьсот шестнадцать человек здесь и в округе Вэллиса. Было бы еще несколько тысяч, если поднять войска наших северных соседей, но три дня слишком маленький срок для этого.

— Подготовьте несколько эскадронов и сосредоточьте их на юге, для защиты Вэллиса в наше отсутствие. Я сомневаюсь, что у нас хватит места на кораблях для того, чтобы перевезти семьсот лошадей, да еще корм для них.

Он замолчал, а потом прибавил, стараясь не повышать голоса:

— Всадники будут воевать как пехотинцы, если я прикажу?

— Будут, — ответил Валдрон. В его голосе послышалась холодная злость. — Или поползут из моего лагеря на животах, как последние трусы.

— Из моего лагеря, лорд Валдрон, — поправил его король и снисходительно улыбнулся. — Но мне повезло, что мой командующий армией понимает, что настоящая победа добывается не только в седле.

Он откашлялся.

— Куда ты послал помощника, прежде чем началось заседание?

Лорд Аттапер удивленно посмотрел на Каруса, а затем перевел взгляд на Валдрона. Его лицо выражало недоумение. Оставшись стоять у двери, он не заметил разговора лорда с молодым человеком.

— Я приказал, чтобы армия была готова выступить через четыре часа, — объяснил Валдрон свой поступок. Его лицо просто светилось от удовольствия. — Даже если бы вы созвали этот Совет, чтобы объявить о проведении парада в честь дня Основателя, это не повредило бы моим людям, а стало бы для них лишь дополнительной тренировкой.

Аттапер ухмыльнулся и посмотрел на своего соперника с восхищением и долей зависти.

Писари, сгорбившись, стояли позади стульев придворных, нашептывая друг другу какие-то цифры, обмениваясь записями и даже целыми документами. Все присутствующие в зале,

кроме Лизэйн и Шарины, с напряжением ожидали, когда король вопьется в них своим пронзительным взглядом и задаст вопрос прямо в лоб.

— Ройяс, сколько купеческих кораблей сейчас в гавани? Они смогут взять на борт пятьдесят тонн груза? — потребовал ответа Карус.

Вместо того чтобы оторваться от разложенных на столе документов и посмотреть на короля, канцлер ткнул пальцем в тонкий пергамент и вытянул его из кучи других документов.

— Сорок семь в самом Вэллесе и еще двадцать в устье реки Белтис. Некоторые уже отправились в дальнейшее плавание, но мы можем догнать их, послав курьеров.

Он перелистал еще пару страниц и, наконец подняв глаза, взглянул на Каруса.

— Мы можем ожидать прибытия еще семи, а может даже десяти кораблей за три дня, — прибавил Ройяс и скупно улыбнулся. — Этого хватит, чтобы перевезти весь наш груз.

— Ваше Величество, — неожиданно воскликнул мастер Копрату. — Ваше Величество, у меня есть весь такелаж для оснащения сорока семи трирем и весла для еще тридцати девяти судов. А вот мачты только для двадцати двух кораблей. Я пытался получить в казне больше денег на их изготовление, но...

— Помолчи и дождись своей очереди, Копрату. Я спрошу тебя, когда сочту нужным, — прервал его Карус, не дожидаясь, пока лорд Птерлайн, казначей, набросится на чиновника.

Голова служащего испуганно затряслась, в глазах появился страх.

Шарина слегка прикоснулась к руке Каруса. Сейчас это была вовсе не рука ее брата. Король повернул к ней голову, и их взгляды встретились. На его губах промелькнула улыбка.

— Ты забежал вперед, Копрату, — громко заявил Карус, заглушая раздавшиеся смешки. — Даже если мы заберем мачты с купеческих кораблей, то все равно не сможем перевезти лишний груз и лошадей для кавалерии. Но, может быть, нам удастся оснастить больше трирем. Не хватит мачт, ну что ж, придется грести весь путь. А если мы все-таки сможем их достать, то у меня найдется еще кое-какая работа для фаланги.

— Я... — промямлил Копрату. От изумления глаза его бежали по сторонам как у сумасшедшего. — Да, да, конечно, но мне нужны еще люди.

— Лорд Зеттин, — прервал король невнятную речь чиновника.

— Только прикажите, и через час я приведу еще две тысячи человек. У вас будет такой корабль, какой только пожелаете. И мы превратим его в труху, если он вам не понравится.

Неожиданно Зеттин замолчал и заморгал глазами, поняв, что вновь занимается позерством. Он тут же воскликнул:

— Клянусь Господою! Мы на самом деле готовы это сделать.

Карус одобрительно кивнул, позволяя ему опуститься на стул.

— Городской префект здесь? — продолжил он. — Есть здесь лорд Путран? Где он?

Лысый человек среднего возраста в сером платье, стоявший в углу с огромной папкой документов, поднял вверх руку и испуганно пропищал:

— Я здесь, милорд. — Опомнившись, он зажал рот ладонью и затрясся от ужаса.

Карус грозно свел брови.

— Я прощаю твое неподобающее обращение к королю. Что ты можешь мне сказать? Где лорд Путран?

Шарина вновь коснулась его руки. Но сейчас в этом не было необходимости. Король положил свою тяжелую мускулистую руку поверх ее маленькой и ласково погладил. Затем опять сосредоточился на человеке в сером. Несколько секретарей, стоявших у стены, вытаращились, заметив, как принц Гаррик прилюдно выражает сестре свою любовь.

— Я главный советник лорда Путрана, — ответил человек в сером. — Наш господин... В общем, мы не знаем, где корабль нашего господина. Он не часто навещает префектуру... Но я обычно в курсе всех...

Карус повернул голову в сторону канцлера. Ройяс, встретившись взглядом с королем, понимающе кивнул.

— Я займусь этим, Ваше Величество. У меня есть три кандидата на должность префекта, и я представлю их вам завтра утром.

— Не мне, сообщите об этом леди Лизэйн. Для меня это сейчас не самое важное.

Он снова ткнул пальцем в сторону чиновника.

— Отвечай, только быстро. Сколько сейчас зерна в городе? Хватит ли его запасов, чтобы накормить пятнадцать тысяч человек?

— Только не в дворцовых кладовых, Ваше Величество, — ответил чиновник. Глаза его расширились. Он помолчал и потом продолжил: — Даже если кроме ржи учитывать пшено и просо, то все равно запасов хватит лишь на четыре дня.

Он посмотрел прямо на Каруса, а потом перевел взгляд на сумку с документами, стоявшую на полу. Пытаться сейчас открыть ее означало потерять из вида короля.

Карус улыбнулся.

— Я не имел в виду королевские кладовые, — пояснил он. В этот раз в его голосе уже не было прежнего недовольства. Король считался с осведомленными в своем деле людьми, и грамотный ответ поставил чиновника вровень с лордом Валдроном. — Меня интересуют городские кладовые. Нам нужно кормить войска. А жители Вэллеса пусть едят в это время крыс.

— Если так... Для обеспечения армии можно ввести налоговые декларации, — предложил советник. — Но думаю, что этих мер будет маловато.

Он задумался, и на его лице вновь появилось волнение.

— Но мило... Ваше Величество, есть же, в конце концов, и частная собственность, и...

— Ройяс, срочно подготовьте королевский указ, — прервал его Карус. — Я объявлю об этом перед отплытием.

— Будет сделано, Ваше Величество. — Канцлер уже диктовал что-то своему помощнику, стоящему возле него на коленях. Дослушав, юноша быстро отпрыгнул к стене и принялся торопливо писать на восковой дощечке острой палочкой.

— Птерлион, все подписанные мной счета, — продолжил Карус, сосредоточив свое внимание на казначее, — должны быть быстро оплачены. Ты понимаешь, как это важно? Я полагаюсь на твою ответственность.

Лорд Птерлион, невысокий человек, похожий на землеройку, посмотрел через весь стол на короля. Беззвучно похлопав губами, словно клювом, он дважды кивнул головой в знак согласия. Казначей боялся открыть рот, страшась навлечь на себя гнев короля.

— А если на складах еще останется какой-нибудь провиант, — прибавил Карус, уже не пожирая глазами казначея как объект следующего блюда, — то его потребление надо рассчитывать на квартал, а не на месяц. Понятно?

Птерлион улыбнулся, что бывало очень редко.

— Яснее ясного, Ваше Величество. Если я не найду деньги за девяносто дней, тогда у меня нет права находиться на этой должности.

— Валдрон, нужна стража. Когда будут перевозить собранное продовольствие, охранники просто необходимы, — прибавил Карус. Он повернул голову в сторону Шарины, словно смотрел на флюгер в штормовую погоду. — Обеспечь...

Король вновь посмотрел на чиновника из префектуры.

— Как тебя зовут?

— Хок, Ваше Величество.

— Хорошо. Обеспечь Хока таким количеством людей, которое только ему будет нужно.

— Я собираюсь выделить четыре батальона тяжелой пехоты, чтобы доставить зерно, Ваше Величество, — сказал Валдрон, встретившись взглядом с глазами короля. — Это будет для них хорошей тренировкой, а заодно я посмотрю, как пехотинцы выполняют приказы, которые им не по нраву.

Лиэйн сидела между ним и королем. Она отклонилась на спинку стула и наблюдала за происходящим, словно свидетель дуэли.

Какое-то время Карус молчал, расценивая сказанное Валдроном «я» вместо «можно мне». Шарина с Лиэйн напряглись

и пододвинулись к королю, ожидая неконтролируемой вспышки гнева.

Он отодвинул их в стороны и наконец недовольно прорычал:

— Хороший план, просто отличный.

— Ваше Величество, — неожиданно оживился Хок. — Может быть, армии нужны сушеные овощи, вино и сыр? Мы можем воспользоваться и этими запасами.

Карус рассмеялся и положил руки на плечи двум очаровательным девушкам, сидящим рядом.

Лизэйн вздохнула с облегчением. Шарина разжала пальцы. Угроза того, что король ударит по щеке командующего, миновала, и не было необходимости дальше держать короля за руку. Теперь она размышляла, как наградить чиновника, который, сам того не осознавая, предотвратил катастрофу.

— Да, мастер Хок, — произнес он. — Нам нужны любые запасы продовольствия. И, между прочим, — его взгляд опять посуровел, когда он перевел его на канцлера, — ты спокойно можешь стать городским префектом. Ройяс, мне не нужны твои кандидаты. Лучше позаботься о том, чтобы Хок побыстрее вступил в должность и о прочих формальностях. Понял?

Канцлер кивнул. На лицах придворных появился ужас, помощники испуганно зашептались, но никто не посмел высказать свои возражения вслух. Это было подобно...

— Я... — начал Хок. Сейчас он напоминал карпа, вытащенного из воды и хватающего воздух широко раскрытым ртом. — Я... я...

— Ваше Величество, — неожиданно обратился к королю толстяк, старший секретарь лорда Валдрона. — Обычно войска не таскают провизию с собой. Они...

Неожиданно до него дошло, с кем он разговаривает и кому дает наставления. Секретарь поперхнулся и замолчал. Человек, стоявший перед ним, выглядел молодо. Но его манера раздавать указания придворным и чиновникам выдавала опытного полководца, который не нуждался в пояснениях, как ему руководить войсками.

— Да, если действовать как обычно, мы стали бы высаживаться на сушу каждую ночь и покупать еду на следующий день, — вспоминал король. — И добрались бы до Тизамура только через год.

Он улыбнулся одними губами — лицо осталось таким же суровым, как и прежде. Карус обвел присутствующих тяжелым взглядом.

— Ну, может быть, немного раньше, — продолжил он. — На этот раз все будет по-другому. Мы будем плыть по Внутреннему морю и ночевать на безлюдных островах. Нам необходимо соблюдать меры предосторожности, чтобы Союз Запада и волшебники как можно дольше оставались в неведении. Поэтому придется взять с собой на корабли необходимый запас провианта, чтобы беспрепятственно добраться до Тизамура.

Он взмахнул рукой в ту сторону, где сидел полный, рыхлый мужчина в голубом платье. Хотя лорд Тадай и не являлся официальным членом Совета, никто не удивился его присутствию на сегодняшнем заседании. Бывший казначей по-прежнему оставался влиятельным лицом в королевстве.

— Лорд Тадай, — обратился к нему Карус, — я хочу просить тебя отправиться на Пандах и от моего имени закрыть его порты.

Пандах — единственный большой остров во Внутреннем море, где можно было пристать к берегу и пополнить корабельные запасы перед тем, как плыть дальше.

— Значит, вы хотите, чтобы я отправился впереди вашего флота, Ваше Величество, — уточнил Тадай. Он положил руки на стол перед собой.

— Наш флот не пойдет мимо Пандаха, — пояснил Карус и усмехнулся. — Мы собираемся пробиваться через атолл Сидера севернее Шенги и уже там перегруппируемся. Туда ты и будешь отправлять всех купцов с грузом провианта. Если мы уже покинем остров, направишь их на Тизамур. Меня не волнует, кто они и откуда родом, самое главное, что им поручено снабжать королевскую армию провизией, и пусть только попробуют этого не сделать.

— И им надо будет платить? — поинтересовался Птерлайн.

— Да, им надо будет за это платить, — согласился Карус, утвердительно кивнув головой. — Кроме того, Зеттин должен удостовериться, что лорду Тадаю хватит кораблей для перевозки набранных моряков и осуществления наших замыслов. Мы должны напомнить жителям побережья их долг перед королевством.

Лорд Валдрон презрительно фыркнул. Как и большинство землевладельцев из северного Орнифола, он относил себя к высшему сословию в королевстве. Купцы, даже если они были благородного происхождения, стояли, по его убеждению, на низшей ступени. Что же касается простых моряков с других островов, то о них вообще не стоило заводить речь.

— Выделить три галеры, Ваше Величество? — спросил лорд Зеттин.

Карус нахмурился.

— Думаю, четыре. Командиром назначить толкового морского офицера.

— Да, сам я не моряк, — произнес Тадай, улыбнувшись и постукивая пальцами по столу, — как уже в этом убедился.

Король слегка наклонился вперед и грозно нахмурился.

— Тот, кто не знает, как ему выполнить свою работу, пусть подойдет ко мне. И если кто-то думает, что сможет уклониться от выполнения своего долга и переложить его на другие плечи, то пусть тоже подойдет.

На его лице появилась улыбка сытого леопарда.

— Я дам согласие выделить деньги только тем людям, кто не будет беспокоить меня по пустякам. У меня есть свои дела и обязанности, которыми я собираюсь заниматься. Это всем понятно?

В зале воцарилась тишина. Лишь шорох документов да шарканье сандалий под стульями выдавали желание членов Совета побыстрее покинуть это помещение.

— Тогда, господа, идите, занимайтесь своими делами, — прогремел на весь зал голос короля. — А я, клянусь Госпожой, выполню мою работу не хуже.

Он жестом указал на двери. Аттапер потянул за бронзовую ручку, чтобы открыть их. И как раз вовремя, чтобы дать пройти первому спешащему к выходу участнику Совета.

Карус пристально смотрел, как они выходят из зала. И наконец прошептал так тихо, что слышать его могли только Лизин и Шарина:

— Я послал Илну на гибель. И, клянусь Госпожой, мой меч вытащит ее оттуда, или мне придется умереть!

Гаррик проснулся оттого, что кто-то положил тяжелую руку на его плечо. Юноша вскочил и разбудил Тинт. Она спала у его ног, свернувшись в клубок.

Гаррик улыбнулся от нахлынувших воспоминаний о том времени, когда с ним рядом был король Карус. Но тут же нахмурился. В те дни, когда его неожиданно будили, он первым делом хватался за нож. Но сейчас Каруса с ним не было, а сын хозяина постоянного двора не привык к резне и убийствам.

Опыт предка пригодился бы ему сейчас, когда обстоятельства столкнули Гаррика с бандитами.

Его разбудил Вескей. Лунный свет лился сквозь щели в стенах, сплетенных из прутьев и обмазанных глиной. И хотя это было единственным освещением в конюшне, Гаррик ясно видел все происходящее в ней.

Остальные бандиты спали, раскинувшись на соломе. Кто-то храпел, а кто-то дышал мирно и тихо. Бодрствовал только Алком. Свернувшись калачиком в углу, он сжимал и разжимал пальцы на уцелевшей руке.

— Волшебник ушел совсем недавно, — прошептал Вескей. — Я разбудил тебя сразу, как только он вышел. Думаю, тебе стоит пойти за ним и узнать, чем собирается заняться этот маг. Он, по-моему, направился к лодочному сараю. И мне кажется, что твоя подружка, — он кивнул в сторону Тинт — в его голосе уже не было прежней насмешки, — сможет привести тебя к нему.

Гаррик быстро вскочил на ноги и натянул на себя тунику, которой укрывался вместо одеяла. Ему не нужно было беспокоиться ни о башмаках, ни о сандалиях. Он не носил обуви с тех пор, как морской демон попробовал на прочность его голову. За это время подошвы его ног стали такими же крепкими, как воловья шкура.

— Ну что ж, отлично. Я готов. А ты пойдешь с нами? — спросил он у атамана.

Вескей фыркнул и тихо засмеялся.

— В этом нет необходимости, да и с деревянной ногой мне за вами не угнаться. К тому же стук деревяшки может нас выдать.

Атаман сморщился и начал привязывать протез ремнями к культе. Со стороны могло показаться, что он сидит, скрестив ноги.

— Проклятие! Из-за того, что я долго сжимал ногами бока лошади, моя деревяшка разбухла. Боюсь, мне не уйти далеко на такой ноге. Хотел бы я знать, почему все так происходит.

Гаррик понимающе кивнул. Он проверил в ножнах меч, снял с гвоздя пояс и надел его. Затем достал нож и, попробовав острие ногтем, тоже засунул за пояс.

— Я возьму с собой дротик, хорошо? — обратился он к Вескею.

— Бери, — согласно кивнул тот, даже не посмотрев на юношу. Атаман все еще пытался пристегнуть свою деревянную ногу.

Створки дверей в конюшню были приоткрыты. Гаррик осторожно выглянул наружу, но Метрона уже не увидел. Юноша выскользнул из дверей, вслед за ним бесшумно просочилась Тинт.

— Я хочу пойти вслед за тем человеком, которого вытащил вчера из пруда, — объяснил ей Гаррик. — Ты можешь помочь мне, Тинт?

Тинт побежала вперед.

— Гар хочет убить Метрона?

Гаррик ускорил шаг, чтобы поспевать за ней.

— Нет, Тинт. Метрону нужна наша дружба. Мы ему нравимся.

— Метрону нравится Гар? — Девушка-обезьяна удивилась и процедила сквозь зубы: — Метрон хочет съесть Гара.

Мнение Тинт о волшебнике совпадало с мнением Гаррика. Но он не стал говорить об этом вслух. Если длинные зубы девушки вонзятся Метрону в шею, то трудно предсказать, чем увенчаются планы Гара и его новых друзей одолеть Защитников Мира во главе с Эйхеоном.

Конечно, им не стоило полностью полагаться на Метрона, но, с другой стороны, Заступник был его заклятым врагом. Когда Гаррик стал правителем Островов, ему приходилось заключать союз с людьми, которых он прежде не знал и которым не доверял.

Дорога, по которой вела его Тинт, проходила мимо господского дома, складских помещений, куч мусора с останками карет, сараев для скота и птицы. Гуси, еще недавно спавшие, теперь гоготали, разбуженные посторонними запахами и звуками. Гаррик ожидал, что сейчас выйдет стражник. Но единственным, что донеслось до его слуха, был скрип оконной ставни, словно кто-то выглянул из окна.

Гаррик не боялся, что посторонний шум спугнет Метрона. Волшебник никогда не жил в деревне. К тому же юноша надеялся, что сейчас его больше всего интересуют собственные дела. В противном случае нужно срочно придумывать предлог, чтобы объяснить Метрону, почему он за ним следит.

Они свернули на тропинку, которая находилась чуть в стороне от основной дороги, но тоже вела через ивовую рощу к лодочному сараю. Как и угадал Вескей, волшебник направился именно туда. Гаррик увидел легкую вспышку света из-за ив. Так мог светиться и костер, но принц не сомневался, что эта розовая дымка образовалась в ночном воздухе от магического заклинания.

Юноша не слишком задумывался о том, что сейчас делает Метрон. Возможно, старается магией обеспечить успех тому опасному делу, которое предстояло им следующей ночью. Принца больше беспокоили возможные последствия действий волшебника. По своему прошлому опыту он уже знал, что у многих чародеев больше магических сил, чем здравого смысла. И зачастую они ведут себя как слепцы, размахивающие смертельным оружием.

Гаррик улыбнулся, вспомнив о Теноктрис. Она всегда использовала малые магические силы, способные вызвать лишь легкие изменения в космосе. Королевство было спасено и уцелело до сих пор лишь благодаря ее осторожному и бережному вмешательству в энергетические потоки.

Гаррик замедлил шаг и проверил на поясе оружие. Все-таки он немного волновался.

Тинт поднялась на ноги и понюхала воздух. А затем, опять опустившись на четыре конечности, спокойно направилась к роше.

Магия не пугала девушку-обезьяну так, как обычных людей.

Гаррик осторожно ступал вслед за Тинт. Дорога сузилась так, что пройти по ней мог лишь один человек. Ветки деревьев сплетались над головой. В деревне Барка древесина была очень ценным товаром, и крестьяне рачительно относились к ее использованию. Подлесок, мешавший развиваться корням больших деревьев, всегда вырубался и использовался жителями деревни для топки очагов. Засохшие сучья и поваленные ветром деревья шли туда же.

Тинт остановилась, тихонько шелкнула зубами и застыла, положив лапу на ствол упавшего бука. Она смотрела на лодочный сарай. Взгляд Гаррика устремился туда же.

Метрон стоял на коленях на дощатом причале, как раз напротив того места, где юноша вытащил его из воды. Он распевал заклинания, время от времени взмахивая магическим жезлом. Слова растворялись в воздухе, не долетая до Гаррика и Тинт.

Вспышка красного магического света угасала в том месте, где стоял волшебник. Какое-то время она таяла и растворялась под взмахами жезла, словно пламя гаснущей свечи. Съездившись до размеров булавочной головки, волшебное сияние застыло, но не исчезло совсем, как ожидал Гаррик.

Метрон перестал петь и осел на причал. Тинт зарычала, но очень тихо. Чтобы успокоить девушку, Гаррик положил руку на ее плечо и потрепал, будто собаку.

Вначале он решил, что Метрон уже закончил колдовать, но через некоторое время увидел, как маг зашевелился и достал что-то из кошелька, висевшего на шее. Большое расстояние не позволяло рассмотреть, что именно. Но Гаррик был уверен, что в руках волшебника кольцо, которое Вескей отдал накануне Метрону.

Маг повернул сапфир так, чтобы красный свет падал на маленький камень. На поверхности пруда проступил какой-то

рисунок. Волшебник осторожно поправил кольцо и начал пристально всматриваться в воду.

— Ну что, идем, Гар? Поймаем гуся и съедем?

Неожиданно раздавшийся в ночной тишине голос Тинт испугал юношу, хотя Метрон, похоже, не услышал его. Не задумываясь, Гаррик ушипнул девушку-обезьяну за морду. Она отпрянула назад, оскалила зубы и слегка ухватила его за пальцы, но тут же опомнилась.

Напуганная тем, что причинила боль господину, Тинт бросилась на землю и прижалась к его ногам.

— Тинт очень жаль, — скулила она, совсем забыв, что Гаррик просил не шуметь. — Гар возьмет с собой Тинт? Тинт будет хорошей.

Юноша встал на колени и легонько шлепнул ее ниже спины.

— Тихо, Тинт, — прошептал он. — Веди себя тихо, и скоро мы вернемся в конюшню.

Гаррик поднялся на ноги, огляделся и сдвинул на тропинку перед собой большой ствол бука, валявшегося рядом. Спрятавшись за импровизированный щит, он вновь принялся внимательно наблюдать за Метроном.

Волшебник все так же держал в руке кольцо. В том месте, куда падал магический свет, вода забурилась. Из пруда сначала показалась голова какого-то существа, а затем и все тело. Метрон начал произносить заклинание. Звук его голоса напоминал скрип ржавых петель.

Фигура в хитиновом панцире что-то протрещала в ответ. У существа было четыре руки и голова треугольной формы, казавшаяся слишком маленькой, чтобы в ней могли находиться мозги. Появившееся существо походило на богомола, только ростом с человека.

Гаррик вспомнил, как жители его деревни проклинали этих насекомых за их прожорливость. Колония насекомых могла уничтожить сады и поля во всей округе. Сам он считал их чуждыми животному миру существами.

Метрон и существо продолжали о чем-то разговаривать. Скрип, который издавал волшебник, был неприятен для слуха, но и ответы были не лучше. Существо протянуло по направле-

нию к магу верхнюю пару конечностей, заканчивавшихся клешнями с острыми зубцами по краям. Это был сигнал. Метрон поклонился и ударил жезлом по магическому огоньку. Тот мигнул и погас. Волшебник спрятал кольцо назад в кошелек.

Гаррик ожидал, что существо опустится назад в воду, откуда и поднялось. Но вместо этого оно стало бледнеть и потеряло свои очертания, словно испарилось. Теперь его фигура напоминала облако пыли, сквозь которую просвечивал лунный свет. Еще какое-то время тень держалась над водой, а затем исчезла.

Некоторое время маг оставался на прежнем месте, восстанавливая силы после магического ритуала. А затем направился в сторону конюшни, где расположились бандиты.

Гаррик опомнился, почувствовав в горле спазм удушья оттого, что затаил дыхание на слишком долгое время.

— Пойдем, Тинт, — прошептал он, слегка шлепнув ее по спине. — Нужно вернуться к друзьям.

Он тут же подумал, что разрешит стащить ей по дороге одного гуся. Это не будет кражей. Тинт достойна большего за то, что сделала для них.

Кроме того, Гаррику хотелось, чтобы хоть кто-то остался доволен событиями сегодняшней ночи.

— Нособао стесио фонтауелла, — распевала Алекта, взмахивая жезлом, в котором, как в зеркале, отражались огоньки пламени. Она сидела с Илной в тени кедровой роши, где они решили спрятаться на день. — Аифона отилак...

Илна, присев на корточки, наблюдала за действиями Алекты со смешанным чувством отвращения и злости. Ей не раз приходилось видеть, как колдуют волшебники. Она и сама принимала участие в таких ритуалах. Но сейчас ей не нравилась сама женщина, распевающая заклинания.

— Хфирус он санкистэ... — продолжала Алекта.

Интересно, что, если бы Чалкус был с ними? Смог бы он справиться с этой дикаркой?

Илна фыркнула, продолжая злиться на себя за такие мысли. Глупости, нет никаких сомнений, что справился бы. И ей было бы спокойнее.

— Лампс сейсон сорес! — закричала Алектa. Она последний раз взмахнула кинжалом в воздухе, изобразив какой-то запутанный символ. Над их головой послышалось шуршание.

Голубь камнем упал на землю. От сильного удара его клюв открывался и медленно закрывался. Дикарка быстро схватила птицу, одним движением свернула ей шею и бросила добычу своей напарнице.

Второй голубь упал вниз так же, как и первый, оглушенный, но не мертвый. Алектa убила и его, а затем принялась потрошить мертвую птицу. Девушка делала это все тем же кинжалом, который только что служил ей атамом в магическом ритуале.

Илна разожгла небольшой костер, положив в него лишь тонкие ветки дикой оливы и труху, вывалившуюся из дупла огромного кедра. Для растопки она использовала комок пуха молочая, который собрала Алектa.

Молочай здесь еще до конца не вызрел. Илна усмехнулась своим мыслям. Где здесь? В Вэллесе, где ее ввели в транс, или в том месте, где она сейчас находится? Ее спутница тоже прибыла сюда из другого мира, похоже, очень дикого. Она подняла глаза на Алекту. Дикарка уставилась на ее нож так, как смотрят обычно на врага.

— Я находилась в Вэллесе, на Орнифоле, до того, как попала сюда, — вымолвила Илна, оторвав глаза от голубя. — А ты откуда?

Алектa пожала плечами.

— Я была дома, в деревне Хартраг. И сама привела себя в мир снов, чтобы найти подходящий кошмар и насладиться им на Брэсия.

Она довольно захихикала.

— Брэсий сказал, что оставит меня и вернется к жене и сыновьям, — объяснила дикарка Ильне. — Я подумала — отлично. Нашлю на него сон о суке и ее щенках, в котором их кишки будут накручены вокруг шеи, а глаза выколоты. Посмотрим, что он тогда запоет!

Алектa тряхнула головой.

— Я никогда не беспокоила Свору, — продолжила она рассказ. — Но всегда знала, что прохожу рядом с тем местом, где

она спит. Это не имело никакого значения до тех пор, пока ее не разбудили.

Илна воткнула в землю с обеих стороны костра по две палки, связанные крест-накрест. Затем взяла большой очищенный от коры прут и, нанизав на него потроха голубя, повесила над костром. Они изжарятся быстрее, чем вся остальная птица, потому что очень маленькие. Ее пустой желудок уже изнывал от желания ощутить в себе теплый кусочек мяса.

— Деревня Хартраг? — переспросила Илна у своей компаньонки. — На каком она острове и кто ваш король?

— Остров? — удивилась Алекта. — Я же сказала тебе, что живу к северу от лачуги Сейла по дороге к деревне Квитва.

Илна, разозлившись, плотно сжала губы. Но потом успокоилась и, посмотрев на себя со стороны, фыркнула от собственной глупости.

Еще год назад она сама с трудом представляла, что живет на острове Хафт. Девушка не имела понятия, кто король Островов, и ничего не знала о графе Хафта в Каркозе. И если сейчас Алекта такая же невежественная, как Илна год назад, то нет никаких причин набрасываться на нее с упреками.

Ее беспокоило совсем другое.

— Да... — задумчиво произнесла она, размышляя о связи деревни Барка с остальным миром. Девушка повернула над огнем свой вертел, чтобы все куски мяса прожарились и не подгорели. — А священники приезжают к вам в деревню по весне, чтобы собрать подати на храм для...

Наверняка не для Каркозы.

— ...главного храм Госпожи и спутника ее Пастыря.

— Я ничего не слышала о священниках, — ответила Алекта. — В деревне Хартраг никто не будет платить за молитвы. Иногда к нам приходят отшельники, и некоторые даже кормят их. Но лучше бы они охотились на белок и кроликов, чтобы самим себя прокормить.

Она тоже насадила на вертел свою жертву и пыталась пристроить его на огонь. Языки пламени отбрасывали тени на ее лицо. В свете костра дикарка показалась Ильне не такой грубой и развратной, как раньше.

— Я рада, что встретила тебя, — заявила Алекта и принялась тереть глаза. — Правда. Я могу бежать, но только не очень долго. А Свора никогда не останавливается, если напала на след.

— Ты знаешь что-нибудь о тех людях, которых мы видели в храме? — спросила Илна. — Если я права, то, возможно, они называют себя Братством Лунной Мудрости, и мы сейчас на острове Тизамур.

— Никогда не слышала ни об одном, ни о другом. — Алекта зевнула и уставилась на огонь.

Илна повернула еще раз свой вертел и, наконец сняв с огня, принялась махать им в воздухе, чтобы остудить мясо.

— Понимаешь, те, кого мы видели в храме, не будили Свору, — ошарашила дикарка Илну неожиданным заявлением. Ее зрачки расширились, а глаза ярко заблестели. — Они просто к ней обратились. И многие люди, которых тогда не было в зале на молитве, поддержали их.

Она помолчала, а затем прибавила:

— Больше людей, чем я думала. Они все заодно.

— А я и не почувствовала присутствия других людей. Я ведь не волшебница, понимаешь?

— Не говори мне об этом, — разъярилась Алекта. — Тебя бы там не было. И я не смогла бы тебя найти, если бы ты не обладала магической силой.

— Ну, если тебе так нравится, можешь продолжать в это верить, — успокоила ее Илна. Она откусила кусочек мяса и принялась жевать. Мясо еще не до конца прожарилось, и у Илны от усилий сводило челюсти.

Алекта отвернулась от нее и уставилась на огонь.

— Они думают, что Свора им подчинится, потому что их много, — медленно проговорила она. — Но это не так. Даже если вначале у них что-то и получится, то в какой-то момент они все равно ошибутся. И тогда...

Девушка качнула головой. В ее голосе Илна услышала страх.

— Свора не ушла, — вновь прошептала Алекта, не отрывая взгляда от костра. — Люди, которых мы видели, думают, что они хозяева Своры. Но у нее нет хозяина. Все, что у Своры

есть, — это голод. И если ты однажды выпустил ее на свободу, то в конце концов она вернется, чтобы съесть и тебя.

Илна жевала голубиную печень и молчала.

Она не думала сейчас о Своре, как и о других опасностях, подстерегавших ее в этом месте. Мысли крутились вокруг другого. На самом деле Илна знала причину, по которой ненавидела и презирала Алекту. И она была слишком честна, чтобы спрятать правду от себя самой.

Чалкус сделал мне предложение, размышляла Илна, а я притворилась, что не расслышала его. А эта женщина, девушка, ответила бы ему «да» прежде, чем ее об этом спросили. Вот почему она мне ненавистна.

— Почему ты так на меня смотришь? — испуганно спросила Алекта, сжимая ручку кинжала.

Вопрос дикарки вывел Илну из задумчивости.

— Что? — встрепелась она. — Извини, я смотрю не на тебя. Просто представляю, что ждет меня дома, когда вернусь.

Алекта понимающе ухмыльнулась.

— Тому человеку, который ждет тебя дома, могут не понравиться твои слова, — с уверенностью заявила дикарка. — Или это женщина?

— Нет, мужчина, и я думаю, что ты ошибаешься.

Илна откусила кусочек жареного сердца, прожевала и донесла:

— Ну, может, сначала немного его подурачу, но думаю, что в конце концов он останется доволен.

— Рассвет, — прошептала Тильфоза. — О Владычица! Ты благословила нас и вернула нам солнце.

Кэшела пошатывало. Он был рад за Тильфозу,ждавшуюся солнечных лучей. Но быстрый переход от сумерек к свету заставил его пошатнуться. Уссо, лежавший у него на плечах, что-то прошептал, почувствовав толчок, но не проснулся.

Лес позади них до сих пор оставался в сумраке. Скорее всего, там посветлеет лишь днем.

Где-то впереди шумел водопад. Нужно было найти его, и Кэшел двинулся дальше. Им всем сейчас необходима вода.

— О, — простонала Тильфоза и посмотрела на юношу. Несмотря на солнечные лучи, ее лицо оставалось все таким же серым, как и в темном лесу, откуда они только что вышли. — Ах, Кэшел! Может быть, пора передохнуть?

Кэшел понимал, что девушка изнемогает от усталости. Всю эту долгую ночь она брела за ним следом, ни разу не попросив остановиться.

— Конечно, я и сам уже хотел бы присесть.

Кэшел повернулся. Крюк и капитан Мауникс, поймав на себе его взгляд, принялись жаловаться.

— Наконец-то отдохнем, — хрипел Мауникс. — Клянусь Господом, я не могу сделать дальше и одного шага. Кроме того, — в его глазах засветилась надежда, — ты мог бы помочь и нам. Думаю, что Уссо уже способен сам держаться на ногах.

Кэшел присел на корточки и положил моряка на землю. Раненому, казалось, и впрямь стало лучше. Опухоль на руке и груди спала, дыхание тоже было нормальным. Прикосновение к холодным от росы листьям разбудило его. Спросонок он недовольно зафыркал.

— Очень хорошая повязка, — поднявшись, похвалил Тильфозу юноша. — Ему повезло, что ты с нами.

Девушка улыбнулась и дотронулась пальцами до локтя Кэшела.

— Я думаю, что теперь у нас все будет хорошо. Даже у них, — она посмотрела на копошившихся моряков, — какими бы они ни были.

Кэшел пожал плечами и стал растирать их, разминая занемевшие мышцы. Потом он два раза крутанул в руках посох, с удовольствием ощутив под пальцами гладкое дерево.

Мауникс и Крюк, поднявшись с камней, подошли поближе. Уссо смог встать на ноги и присоединился к ним.

Кэшел указал посохом в ту сторону, откуда слышался шум водопада.

— Мы пойдем в-о-он туда и устроим лагерь возле воды. Но прежде нужно осмотреть все вокруг. Только тогда мы сможем отдохнуть.

— А что еще может случиться? — поинтересовался Крюк. В его голосе послышался страх, а глаза беспокойно забегали по сторонам. — Я думал, мы уже в безопасности.

— Надеюсь, что все плохое осталось позади, — постарался успокоить его Кэшел. — Но нам стоит хорошенько оглядеться, прежде чем ляжем спать.

В лесу, через который они шли, Кэшел больше не почувствовал ничего дурного. Но он так и не увидел за все это время ни одного знакомого дерева. Здесь же росли клены и древовидные андромеды с густой листвой. Этому способствовала глинистая каменная почва.

Тильфоза потянула его за собой. Сейчас она вела себя как королева.

— Пойдем, Кэшел, я хочу пить.

Крепко схватившись за его рукав, она продолжала тянуть его в сторону водопада. Кэшел послушно шел за ней следом, усмехаясь при мысли, что сейчас они похожи на двух мулов в одной упряжке.

Чем ближе они подходили к водопаду, тем сильнее он чувствовал покалывание на коже маленьких иголочек. Улыбка исчезла с его лица. Он еще не видел опасности, но ощущал ее присутствие.

Может, все дело было в каком-то волшебстве, а может, здесь для него слишком много света после сумрачного леса.

— Пропусти меня, — прошептал он Тильфозе, сжимая по-свои обеими руками. Моряки тащились далеко позади, поэтому Кэшел не волновался за нее.

Тильфоза остановилась и присела на камень, выступавший из земли. В руках она держала все ту же гнилую палку, которую подобрала в лесу.

Вода падала вниз с обрыва высотой в три роста Кэшела. Внизу она собиралась в небольшое озерцо, из которого ручьями растекалась в разные стороны. На берегу водоема росли березки, желтые листья которых плавали на поверхности воды. Кэшел встал между березками и уставился в озеро. Если даже там кто-то и прячется, то он все равно не увидит его под покрывалом из желтой листвы.

— Привет, — произнес невнятный голос где-то рядом с ним.

Крик удивления уже готов был вырваться из открытого рта юноши, и только в последнее мгновение он сумел сдержать его. Кэшел сжал покрепче свой посох и покрутил головой по сторонам, но так и не увидел говорившего.

— О, какой он быстрый! — Второй голос раздался уже ближе и был четче первого. — И такой...

Кэшел принялся вращать посох.

— ...большой.

Кора ближней к Кэшелу березы на уровне его глаз была испещрена трещинами и пятнышками, делавшими ствол дерева в этом месте похожим на чье-то лицо.

Юноша присмотрелся и громко ахнул от удивления. Перед ним действительно было лицо. Сморщенный нарост, с которого только что сорвались последние слова, на его глазах превратился в пухлый рот.

— Кэшел! — Тильфоза услышала его возглас и, подобрав с земли камень, бросилась вперед. — Я иду!

— Он такой же красавчик, как и последний, — откликнулся последний голос. — О, как это было давно.

Стволы берез меняли свои очертания. Вместо деревьев перед юношей оказались существа с корой вместо кожи и человеческими чертами лица.

— Кэшел, — подала голос Тильфоза, уже стоявшая за его спиной, — они могут быть опасны для нас?

— Да это же девушки, — воскликнул подоспевший Крюк. Он первым примчался на крики Тильфозы, сжимая в руке меч. Капитан и Уссо бежали за ним следом.

Березы засмеялись. Их смех напоминал кошачье мурлыканье. Стволы деревьев продолжали перевоплощаться в человеческие тела, приобретая индивидуальные черты, кожа уже нисколько не напоминала кору.

— Опасны? — переспросила первая «береза» с пухлыми щечками и сочными ярко-красными губами. — Только не для тебя, девочка. Ты нам не интересна.

— Парни, мы лучше, чем эта девчонка, — вторила ей другая, с раскосыми, как у серианцев, глазами, подмигивая Уссо. — Слишком уж она костлявая.

Крюк трясущейся рукой притронулся к губам ближнего к нему перевоплотившегося дерева.

— Она же настоящая! Это не дерево, а живая девушка!

Губы «березы» вытянулись в трубочку, и она поцеловала его в кончики пальцев.

— Конечно, мы настоящие, особенно для такого красавца, как ты.

— Кэшел, нам нужно срочно уходить. Это нимфы...

Юноша посмотрел на Тильфозу. Испуганная девушка сжимала в левой руке свой талисман и что-то шептала, словно молилась.

Тем временем моряки уже подскочили к «березам» и принялись ласкать их пока еще бесформенные тела. Лица девушек уже окончательно преобразились в человеческие.

— Пойдемте, — вдруг неожиданно, словно проснувшись, заявил Кэшел. — Только сначала напейтесь, а я наполню водой бутылку. Спать ляжем там, у кленов.

— Мы что, уходим? — переспросил Мауникс. Он чмокал губами от удовольствия, прижимаясь к стволу дерева. — Нет, только не сейчас. Лучше взгляни на это.

Кэшел схватил капитана за плечо и развернул к себе лицом.

— Сейчас, — произнес он свирепо. — Повторяю, сейчас.

Крюк обернулся на его голос и ожесточенно затряс головой в знак протеста.

Кэшел не говоря ни слова, отвесил ему оплеуху, а Тильфоза указала пальцем в сторону моряков.

— Забирай их, и мы уходим.

Плотник, испугавшись, подскочил к Уссо, который обнимал нашептывавшую ему что-то на ухо нимфу. Он не обращал на Крюка никакого внимания до тех пор, пока тот не попытался содрать повязку с его руки.

— Ты что? — закричал Уссо, пытаясь отпихнуть плотника здоровой рукой, но, поймав на себе взгляд Тильфозы, жалобно скривился. — Что с тобой?

— Пойдемте, — резко бросил Кэшел. Он толкнул Мауникса в ту сторону, куда собирался идти, сопроводив движение лег-

ким пинком для ускорения. — Мы пройдем вниз по ручью, там и напьемся.

Кэшел и Тильфоза с застывшими лицами шли позади моряков. За их спинами раздавался злобный хохот берез.

Глава двенадцатая

— Давай уйдем отсюда, — попросила Алекта. — Не понимаю, зачем нам бродить в этом... в этом... — голос ее упал почти до шепота, — ...городе, как ты его назвала.

— Тебе совсем не обязательно здесь находиться, — холодно ответила Илна, внимательно присматриваясь к людям, проходящим через ворота, возле которых они стояли с Алектой. — Иди, занимайся своими делами, я могу сама о себе позаботиться.

В душе Илна вовсе не хотела, чтобы дикарка ушла. Алекта совершенно не подходила на роль подруги, но сейчас она единственный союзник. Если же дикарка думает, что ее капризы могут повлиять на решимость Илны исполнить свой долг, тогда она просто дура, жалкая, падшая дура.

Алекта топнула босой ногой по земле, и в воздух поднялось небольшое облако пыли. Она что-то пробормотала, но Илна не обращала на нее никакого внимания. Всматриваясь в людской поток, девушка пыталась найти какую-нибудь закономерность в их движении. Солнце поднялось уже высоко, было около часа дня. Людей, направлявшихся в город, стало еще больше. Все они старались попасть за городские стены до наступления темноты. Хотя стражники и не закрывали ворота на ночь, только редкие смельчаки рисковали пускаться в путь в темное время суток.

— Почему так много людей? — размышляла вслух Илна. — В Вэллесе я никогда не видела столько народа в это время дня.

Грунтовая дорога, ведущая в город, была разбита копытами животных и колесами карет и телег.

— Никогда не думала, что в одном месте может собраться такая толпа, — мрачно заявила Алекта. Илна с удивлением посмотрела на нее.

Боится, вдруг поняла девушка.

Даже живя в деревушке Барка, она не была оторвана от большого мира. Священники и купцы приезжали в их поселение, и Илна продавала им свои ткани. Они увозили их в разные места на далекие острова. Конечно, она не могла представить себе ни полуразрушенную Каркозу, ни процветающий Вэллис, пока не увидела их своими глазами, но по крайней мере знала, что они существуют.

Алекта же никогда не слышала о городах. Илна нахмурилась. Даже если дикарка и могла путешествовать по своему времени, то вряд ли бы она нашла там хотя бы один город. И, несмотря на умение пользоваться магией и всю свою безжалостность, место, в котором они сейчас находились, пугало ее.

— Послушай, ты можешь отправить меня назад, в мир сновидений, как это сделала Теноктрис?

Алекта отрицательно покачала головой. На ее лице появилась кислая улыбка.

— Я не знаю, как это делала твоя Теноктрис, — объяснила дикарка и недоверчиво взглянула на спутницу. — А ты не обманывасшь меня? Разве ты не сама начертила кровью жертвенной козы вход туда?

— Нет, — огрызнулась Илна. Ее охватил беспричинный гнев. В такие моменты она обычно начинала плести узелки, чтобы успокоиться. — И никто, про кого я тебе говорила, не делал никаких жертвоприношений.

Она опять повернулась к воротам. Наблюдение за людским потоком ничего не давало. Ей лишь удалось заметить, что число желающих попасть в город увеличилось. Оставалось только присоединиться к ним, чтобы попытаться получить ответы на интересующие ее вопросы. И сделать это лучше сейчас, вместе с толпой, притворившись, будто они приезжие, чтобы никто не заподозрил их в убийстве сторожа храма прошлой ночью.

— Если хочешь... — слегка волнуясь, начала Алекта. Она боялась, что Илна бросит ее в этом ужасном месте. — Если хо-

чешь, я могу привести тебе кого-нибудь из этой толпы, и ты сможешь с ним поговорить.

Илна бросила на нее грозный взгляд и с вызовом рассмеялась.

— Нет, совсем не так, как вчера. Но если захочешь, то могу и так.

— Я вовсе не хочу ничего такого, — без обиняков заявила Илна. К щекам прилила кровь, ее уже трясло от злости. — Иди, делай свое дело, но только так, чтобы мы не получили еще одного покойника.

Сплетенный ею узор мог бы кого угодно заставить отвечать на ее вопросы. Но для этого нужно остаться с человеком один на один. На шумной дороге такой трюк вряд ли бы прошел.

Земля в том месте, где они стояли, была вытоптанной и бесплодной, лишь кое-где торчали клочки чахлой травы. Алекта присела на корточки и рукоятью кинжала нарисовала на пыльной обочине пятиконечную звезду.

Вокруг получившейся фигуры она изобразила магические символы. Илна не смогла их прочитать, хотя глаза ее и призывали разбирать запутанные узоры. Эти символы были совсем не похожи на Старую Вязь, которой пользовалась в своем волшебстве Теноктрис. А если они и не письма вовсе? Может быть, если присмотреться, их можно разобрать?

Но никакого желания вникать в загадочные рисунки у нее не было, и Илна отвернулась.

— Так, — распорядилась Алекта. — Встань впереди, чтобы люди не видели меня с дороги. Мне понадобится немного времени для заклинания. Отойди в сторону, когда увидишь человека, которого захочешь расспросить.

Она нахмурилась.

— Это должен быть мужчина. Ты справишься?

— Да, — холодно, почти зло произнесла Илна и, став спиной к своей нежеланной спутнице, вновь принялась всматриваться в толпу. Ее длинное платье полностью скрывало начертанные Алектой символы.

За спиной у нее зазвучали монотонные заклинания.

Проходившие мимо люди обращали на Илну внимания не больше, чем на придорожный столб. Все смотрели только на

ворота, и никто не изъявлял желания заговорить с ней или о чем-то спросить. Люди были слишком заняты собственными мыслями, а на их серых от пыли лицах ясно читались озабоченность и решимость.

В город приезжали целыми семьями. Родители без особых церемоний, будто козу на веревке, тащили за собой детей, не обращая внимания на их крики и вопли. Подростки шныряли среди взрослых, ловко избегая толчков и оплеух.

Что же влекло их всех в город? Чем объяснить такое огромное скопление людей?

Девушка холодно улыбнулась. Ритуалы, вот что было единственной причиной, по которой в городе собиралось так много народа. Она вспомнила, что дикарка рассказывала ей о возвращении Своры.

Поток народа постепенно оскудевал.

Алекта продолжала повторять слова заклинания. Илна не могла уловить в них какого-либо смысла, но повторение одних и тех же фраз могло означать, что дикарка готова к действию. Нужно сосредоточиться и выбрать цель.

Небольшое стадо прошло мимо нее, но гуртовщик проявил к ней меньше интереса, чем блеющие овечки. Илна уже хотела остановить его, но передумала, увидев чуть дальше хорошо одетого всадника. Он хмурился, раздумывая над тем, что лучше: объехать стадо или проехать прямо через него. Девушке показалось странным, что такого человека не сопровождают слуги. По всей видимости, ему просто надоело плестись в хвосте неспешно движущейся массы, и он на каком-то повороте вырвался немного вперед.

Илна шагнула в сторону.

— Вот этот, — бросила она дикарке.

Перед глазами всадника вспыхнул отраженный свет. Мужчина выпрямился в седле и чуть подался вперед, словно всматриваясь во что-то. Спустя мгновение тело его обмякло.казалось, еще немного, и он свалится на землю, но он тут же очнулся и направил лошадь прямо к нарисованной звезде.

На своем пути лошадь задела пожилую женщину. Та завопила, а из корзины, висевшей у нее на спине, посыпалась репа.

Всадник не обратил на это происшествие никакого внимания. Он ехал вперед, даже не пытаясь вытереть испарину, выступившую на лице. Приблизившись к Алекте, мужчина прыгнул на землю и встал, скрестив на груди руки.

Похоже, его кобылка не была приучена следовать за хозяином. Не чувствуя на себе всадника, она сначала сделала еще несколько шагов вдоль дороги, а потом направилась к тому месту, откуда со стены на траву стекала тонкая струйка воды.

— Он твой, — ухмыльнулась Алекта, посмотрев на компаньонку с видом победительницы. — Спрашивай, о чем пожелаешь.

Она отошла в сторону, дабы скрыть последствия тех усилий, которые потребовались ей для совершения обряда. Бахвальство дикарки понравилось Илне больше, чем жалобы о тяжести проделанной работы.

— Что это за город? — коротко спросила Илна. С одной стороны, этот вопрос мог вызвать подозрения, с другой — был совершенно невинным.

— Это Доннел, — ответил мужчина, взгляд которого сосредоточился на пентаграмме. Голос его прозвучал бесстрастно и тихо, словно с Илной разговаривал спящий.

Доннел на Тизамуре. Окажись на ее месте Лиэйн, она сразу бы догадалась, куда они попали. Илна незаметно для себя улыбнулась, вспомнив о близких людях, которые хорошо знали ее. Значит, это и есть то самое место, куда ей предстояло отправиться с Чалкусом. А попала она сюда намного раньше и самым неожиданным образом.

— Зачем едешь в город?

— Владычица призывает своих слуг в Доннел, — объяснил всадник. — Мы должны помочь ей вернуться в этот мир и снова сесть на трон. Для этого нужно собраться всем вместе и молиться при полной луне. Тогда Владычица опять будет править миром.

Илна нахмурилась. Прошлой ночью была только первая четверть луны. Для того чтобы луна созрела, как объяснял Гаррик, нужно семь дней. А точнее, пять пальцев на одной руке и два на другой.

— Как Владычица призвала тебя? — продолжала спрашивать Илна. — Тебя позвал священник?

— Священник? — с недоумением переспросил мужчина. Он два раза моргнул, словно обдумывая значение этого слова. — Владычица позвала меня. Она пришла в мой сон и велела срочно ехать в Доннел, чтобы принять участие в священном ритуале.

Сон? Нет, это представлялось Илне чем-то большим, чем обычный сон. Тот человеческий поток, в который она пристально всматривалась сегодня, был слишком большим и разношерстным. Все эти люди совершенно не походили на религиозных фанатиков.

Она еще раз оглядела мужчину. На нем был плащ с красным кантом. Высокие кожаные сапоги походили на обувь, которую носили знатные люди Вэллеса. Концы шелковой ленты цвета шафрана, завязанной вокруг шляпы, свисали на спину. Длинная золотая цепь с прозрачными камнями тремя кольцами обвивала шею.

Этот богатый человек бросил все ради призыва Владычицы. Илна сомневалась, что он сделал это по своей воле.

— Кто будет проводить священный ритуал? — Она не знала имен заговорщиков, которые были известны Гаррику и Лизэйн, но все равно решила задать этот вопрос.

— Владычица руководит нашей великой работой, — пробормотал наездник. — А мы лишь слуги и исполняем ее приказания.

Похоже, стоящий перед ней мужчина не знал ничего определенного.

— Лорд Конгин! — закричал какой-то человек, пробирающийся по дороге сквозь толпу. — Где ваша лошадь, милорд?

Трое мужчин и женщина в шляпах с лентами цвета шафрана направились в сторону Илны и их господина, отделившись от обоза доверчиво нагруженных телег.

Алекта тут же стерла пятиугольную звезду. Лорд Конгин широко раскрыл глаза и посмотрел вначале на нее, затем на Илну. Он бы упал на спину, если бы подоспевший слуга не подхватил его.

— Что ты сделала с нашим господином? — завершала подскочившая следом служанка. — У него нет ничего общего с такой дрянью, как ты!

Илна вовремя успела поймать Алеку за запястье, не дав ей выхватить бронзовый кинжал. Служанке же она грозно бросила:

— Быстро иди своей дорогой, сейчас же!

Заслонив собой дикарку, девушка еще раз посмотрела на служанку и ее господина. Лорд Конгин с почерневшим лицом бормотал что-то невразумительное. Через некоторое время вся процессия двинулась к воротам.

— Ну что, теперь мы можем уйти из города? — спросила ее Алекта.

— Нет, — ответила Илна. — Теперь мы войдем в него и узнаем больше, чем нам удалось до сих пор.

Денег у нее не было. А дикарка наверняка даже не знала об их существовании. Но Илна не сомневалась, что сможет найти в городе работу.

Наверное, у нее не будет возможности сообщить полученные сведения Гаррику и Теноктрис в Вэллис до того, как наступит полнолуние. И все равно ее присутствие здесь не будет бесполезным. Даже если у Владычицы нет шеи, на которую можно накинуть петлю.

Только шесть человек, кроме Гаррика, Вескея и Хаккена, пришли к лодочному сараю, чтобы узнать о плане Метрона по освобождению Талемуса из тюрьмы. Остальные разбойники предпочли неведение.

Хаккен тоже хотел бы остаться в конюшне, если бы не был одним из основных исполнителей этой операции.

Метрон встал на причале так, чтобы видеть лицо каждого из присутствующих. Тинт плескалась поблизости на мелководье. Она выдергивала из воды камыш и выедала из стебля мякоть.

Гаррик еще раз обвел взглядом пруд, пытаясь рассмотреть, не прячется ли кто в зарослях ив, растущих вокруг водоема. Унылый пейзаж навевал тоску даже днем.

— А почему ты собрал нас именно здесь? — неожиданно спросил он.

Юноша заподозрил, что выбор места как-то связан с тем существом, с которым Метрон разговаривал ночью. Собираясь сюда, Гаррик надел пояс и вложил в ножны меч. А Хайм, после того как Халофий вернулся назад в конюшню, взял с собой на всякий случай сигнальный горн.

Волшебник пожал плечами.

— Я кое-что наколдовал, пока прятался под водой. А прошлой ночью, когда вы спали, я побывал здесь еще раз. Мне удалось увеличить силу воздействия магических заклинаний. Теперь я могу повлиять на глубинные слои космоса. Чуть позже к нам присоединятся помощники, вызванные мной из небытия. Теперь у меня хватает сил, чтобы пробудить их.

Он сел, скрестив ноги, на причал, повернулся спиной к озеру и принялся чертить жезлом в воздухе какие-то символы.

Гаррик, обдумывая сказанное Метроном, следил за его действиями. Как-то Теноктрис объясняла ему действие магических сил и предупреждала, что волшебнику могут грозить ужасные последствия, если пользоваться одним и тем же атамом постоянно. В конце концов он может вызвать такую силу, которая приведет к космическому катаклизму, способному погубить мир. А Метрон, как заметил принц, заботился лишь о том, чтобы наращивать мощь своих заклинаний, не задумываясь обо всем остальном.

От этой догадки Гаррика прошиб холодный пот. Рука потянулась к мечу. Он был прав, не доверяя Метрому с самого начала.

— Так у тебя есть на примете кто-то еще, чтобы разрушить стены тюрьмы? Значит, нам не придется делать это самим? — спросил Хаккен с затаенной надеждой, что волшебник решил обойтись без их участия.

Без видимых затруднений Метрон нарисовал жезлом на помосте семиконечную звезду и замкнул ее в круг. Его мастерство заставило Гаррика поморщиться.

— Моя магия поможет нам, — ответил он Хаккену. — Но совсем в другом деле.

Голос волшебника звучал снисходительно.

— Мои помощники присоединятся к нам после того, как мы освободим лорда Талемуса. Они помогут утвердить его на троне Лаута.

Гаррик чувствовал, что Метрон чего-то не договаривает и пытается скрыть от них какие-то сведения. Хотя, возможно, он поступил бы так же, чтобы не запугивать несведущих в волшебстве разбойников.

— Продолжай, — попросил Гаррик. Пытаться вывести у Метрона его замыслы дело пустое. В любом случае маг способен обвести их вокруг пальца. — Покажи, что мы должны сделать.

Оторвавшись от только что изображенных символов, волшебник посмотрел вверх и улыбнулся, но в его лице Гаррик разглядел злобную ненависть и сразу вспомнил предупреждение Тинт: «Ты можешь ему нравиться только в качестве еды».

Метрон достал из кошелька кольцо с сапфиром и положил его в центр звезды. Самого кольца не было видно, лишь камень загадочно мерцал в ночи.

Чертить какие-то еще символы, как ожидал Гаррик, маг не стал, но зато начал читать заклинание:

— Аммо аммония херамиталис... — его жезл опускался при каждом слове, прикасаясь к кольцу, наращивая силу атама, — аппа аппала аппалассо...

Небо над ними заволочло туманом, отчего на пристани стало очень темно. Над кругом, что нарисовал Метрон, образовался серый сгусток. Сначала он был не шире змеиного тела, а затем вырос до размеров дома.

Голос волшебника уже тонул в тумане, когда он шептал последние слова. Его жезл, не останавливаясь, продолжал ударять по кольцу. Метрон победно улыбнулся и обвел взглядом стоящих перед ним бандитов.

— Пик, — нараспев заговорил маг, — был построен в центре Дурассы первой женщиной — Заступницей. Она использовала его как свой дворец, а заодно и тюрьму.

Туман продолжал сгущаться, превращаясь в образ. Перед ними вырисовалось здание цилиндрической формы с черепичной крышей, раскрашенное чередующимися между собой се-

рыми и голубыми полосами. Оно располагалось в центре сада, обнесенного высокой стеной. В башне с отвесными стенами не были ни окон, ни дверей. Лишь у самой земли разбойники разглядели небольшой вход.

— Внешняя стена не слишком высокая, и ее будет несложно преодолеть, особенно тебе и твоей компаньонке, мастер Гар, — хихикнул Метрон. — Напротив входа в тюрьму растут колючие кусты и виноградные лозы. А вокруг стены разросся бамбук. Дорога там просматривается всего лишь на двадцать футов от ворот.

Метрон указал пальцем в то место, где кусты полностью скрывали подступы к каменному изваянию. Правой рукой он продолжал ударять по кольцу. Гаррик заметил испарину на его лице.

— За всей этой растительностью никто не ухаживает, — вспомнил Вескей. — Обычно Эйхеон посылает туда отряд Защитников, чтобы они хоть немного вырубili деревья и подстригли кусты, но никто не хочет работать там садовником.

— Я их понимаю, — пробормотал Хаккен.

— В саду, — продолжал Метрон, — тоже подстерегают опасности, которые вам не преодолеть без меня и моих магических заклинаний.

Вескей от удивления поднял бровь, а Гаррик невольно пожегил и тут же постарался успокоиться. Возможно, так оно и есть. Волшебник понимал, что чем больше будут разбойники знать об ожидающих их впереди трудностях, тем больше шансов на успех. Но Гаррик будет последним дураком, если начнет трястись от слов мага, которые пока ничем не подтверждены.

Метрон указал пальцем на пространство между внутренней стеной и башней, где виднелись подстриженные растения. Деревья окружали клумбы с яркими цветами. Живая изгородь, в которой разросшиеся кусты переплелись друг с другом, топоршилась в разные стороны необрезанными ветками. Впереди располагался цветник в виде звезды, в котором росли экзотические прозрачные растения. Их бутоны напоминали колокольчики, а сами они больше походили на медуз, чем на обычные цветы, к которым привык Гаррик.

Тинт уже сидела рядом с ним. Она старательно ковыряла в зубах когтистым пальцем, а рядом лежал стебель камыша, на случай, если Гар проголодается. Заметив взгляд хозяина, девушка оставила свое занятие и потерлась о его ногу. В ответ он почесал ей спину между лопаток. Чем больше Гаррик общался с девушкой-обезьяной, тем лучше понимал, что она меньше всего напоминает ему человека. Но без ее помощи им с этим сложным делом не справиться.

— Сад вокруг стены действительно выглядит так, как ты нам показал? — спросил Тосий, в недоумении теребя пальцами бордюр.

— Да, — ответил Метрон. — Я показал вам, как все выглядит на самом деле. И это не обман.

— Тогда кто же его обрабатывает? — недоумевал разбойник. — Здесь видны руки мастера. Мой дедушка гордился бы мной, если бы я смог содержать лабиринт лорда Келшака в таком же порядке.

— Сад сам о себе заботится, — объяснил Метрон с лживой улыбкой. Он явно гордился собой, зная ответ на этот вопрос. Но не торопился выкладывать его разбойникам — Ни один человек не может войти сюда, и ни один человек не выживет здесь без помощи волшебника.

Гаррик молчал. Сейчас он впервые за долгое время сожалел, что не может посоветоваться с Карусом. Человек, действительно уверенный в своей власти, не стал бы так красоваться перед бандитами, как Метрон, рассказывая свои сказки.

Волшебник откашлялся и продолжил:

— Когда вы пройдете через сад...

— Ты не говорил раньше, что нам придется идти туда одним, — возмутился Хаккен. — А ты разве не полезешь с нами через эту стену?

— В чем-то ты прав, — успокоил его Метрон. — Я дам вам...

Он посмотрел на Гаррика.

— Я дам мастеру Гару... — продолжил он и снял со своей шеи серебряную цепочку, на которой висел хрустальный диск. — Вот это. Я буду общаться с вами через этот талисман. Моя магия будет проходить через него.

Все обратили взгляды на Гаррика. Он пожал плечами и кивнул волшебнику:

— Продолжай.

Метрон положил диск Гаррику на ладонь, и тот сжал пальцы. По непонятной причине принц ощутил себя очень одиноким и лишним здесь.

— Когда мы дойдем до крепости, — продолжил Метрон, и хрустальный диск вновь висел у него на груди, — то полезем на башню.

— Будет легче, если пройти сквозь стену, — заметил Вескей.

— Легко — да, но это совершенно бесполезно, — ответил волшебник. — На самом нижнем этаже находится охрана. Этажом выше — кухня, но и она охраняется. Два следующих этажа занимает сам Заступник. Там его опочивальня и кабинет. Лорда Талемуса содержат на самом верхнем этаже крепости, в тюрьме. Разве можем мы начать дело там, где вы предлагаете, добрые люди?

— А если попытаться зацепить за крышу веревку и влезть по ней наверх? — размышлял вслух Хаккен. Он прищурился, словно пытаясь представить, как это будет. — Может, у нас это и получится. Но нужен легкий острый крюк и очень тонкая веревка.

— Даже если крюк будет очень острым, он все равно не сможет зацепиться за крышу, — покачал головой Метрон. — Там нет ни парапета, ни выступов. Крыша гладкая, будто стекло.

Он пытался говорить важно и грозно, чтобы подчеркнуть значимость и трудность предстоящего дела. Но из-за того, что магические ритуалы забрали у него почти все силы, слова выходили из его горла с хрипом и свистом.

— И все же, — продолжил маг, — мое волшебство поможет вам забраться наверх, и вы сумеете освободить лорда Талемуса.

— Тюремщики на самом верху? — спросил Вескей и сам же ответил: — Да, должно быть, они там.

— Там нет никаких тюремщиков, — объяснил Метрон. — Никто не поднимается на верхний этаж, даже сам Заступник. Хотя он уже давно перестал быть человеком. Эйхеа создала в свое время существ, от которых уже в течение многих поколений зависят власть и сила Заступника.

Вескей обвел взглядом своих товарищей, задержав его на принце.

— Есть еще вопросы? — спросил атаман у разбойников.

— Когда отправляемся? — поинтересовался Гаррик.

— Завтра в полночь, — ответил волшебник и в последний раз ударил жезлом по кольцу. Образ башни скрылся в прозрачной глади воды, растворившись так же быстро, как и появился, оставив после себя лишь легкую дымку в воздухе.

— Завтра в полночь, — повторил Вескей. Он все еще смотрел на Гаррика.

Юноша понимающе кивнул и еще раз почесал Тинт между лопатками. Больше всего ему сейчас хотелось знать, правильно ли он все понял. Но теперь осталось только ждать завтрашней полночи.

Громкий крик вырвал Кэшела из сна, в котором он объяснял Шарине, что все овцы на этом холме — его, и заставил вскочить на ноги.

— Тильфоза! — закричал он, хватая с земли посох.

Если все-таки моряки посмели тронуть девушку после его предупреждения, то пусть молятся Сестре о спасении. Кэшел ор-Кенсет не помилует их.

Тильфоза тоже вскочила, но тут же повалилась на землю, спасаясь от посоха. Кэшел спросонья едва не убил ее, собираясь спасти.

День был в самом разгаре. Солнечные лучи не смогли разбудить юношу. Он спал, как бык, распахавший за одну ночь целое поле. Но сейчас, когда он уже проснулся, дневной свет помог быстрее разобраться в случившемся. С Тильфозой все было в порядке. Она стояла на четвереньках и, похоже, не собиралась подниматься, пока не убедится, что посох вновь не просвистит над ее головой. Моряки же исчезли, все трое.

Снова раздался дикий крик. Кэшел узнал голос Мауника. Он кричал от водопада, от того места, где росли березы.

— Оставайся... — начал он, делая шаг в направлении, откуда неслись отчаянные вопли, но тут же оборвал себя. Оставить ее здесь, беззащитную, было неразумно.

— Дузи! — в отчаянии произнес Кэшел, вспомнив о защитнике пастухов, и обернулся к девушке: — Иди за мной!

Он понимал, что Тильфоза все равно бы потянулась следом, невзирая на запрет. Теперь же она бежала за ним следом, зажав в руке камень.

Они увидели капитана Мауникса в рощице. Он стоял к ним спиной, плотно прижавшись к березе. Его кулаки были словно прибиты к ее стволу. Уссо и Крюк стояли рядом, прижатые к другим деревьям. Плотник непрерывно визжал будто боров, которого кастрируют. От его ужасных криков зазвенело в ушах.

— В чем дело? — спросил Кэшел. — Что вы...

Ветки не держали моряков. Их ничто не держало, как показалось юноше. Он схватил Мауникса за плечо и попытался оторвать от березы. Капитан вновь взвыл от боли и ужаса.

Нимфа, которую он обнимал, засмеялась. Ее смех звучал словно журчание ручья. Она показалась Кэшелу человеком, но ее нежная кожа прямо у него на глазах превратилась в кору дерева, а лицо сморщилось и слилось с пятнышками и трещинками на стволе, которых стало еще больше, чем при их первой встрече.

— Она не нужна тебе, мальчик, — позвала его другая нимфа, превращаясь в человека. Ее тело уже не напоминало дерево, это была настоящая девушка. — Она занята, а я нет.

Нимфа, к которой прижимался Мауникс, разразилась сладострастным хохотом. Кэшел посмотрел на нее, потом перевел взгляд на капитана. Его туника была задрана вверх, а нижняя часть туловища крепко прижата к стволу дерева.

До Кэшела вдруг дошло, что нимфа не удерживает капитана. Но все же кое-что держало его в дереве. К сожалению, даже если от этого избавиться, то Мауникса все равно не освободить. Его тело уже начинало затвердевать, превращаясь в ствол, а глаза больше не открывались.

Юноша отошел в сторону и попытался спокойно принять решение. Посохом положение не выправить. Да и топор здесь бы не помог.

Тильфоза, не понимая, почему Кэшел медлит, не выдержала. Она размахнулась и швырнула камень, который до сих пор держала в руке, в то место, где у нимфы еще недавно было лицо.

Камень ударился в дерево, затем, отскочив и стукнув Мауникса по плечу, упал на землю. Капитан даже не пошевелился. Царапина от камня на коре березы стала затягиваться прямо у них на глазах, и вскоре ее уже невозможно было различить на стволе дерева.

Кэшел посмотрел сбоку на Крюка. Плотник молчал. Его глаза все еще были открыты, но он уже ничего не видел. Руки безвольно болтались вдоль тела. Возле дерева валялись обломки меча, который Крюк забрал у капитана. Наверное, плотник пытался освободиться. Кора полностью затянула тело нимфы и теперь начинала обволакивать Крюка.

— Кэшел, — тихо прошептала Тильфоза. — Я думаю, что вон там стоит Уссо.

Она указала в ту сторону, где на земле валялся кусок ткани, оторванный от одежды моряка.

— Он стал просто наростом на березе, — произнесла девушка и закрыла глаза. — Кэшел, куда нам теперь идти?

Юноша подошел к Крюку и, подобрав с земли обломок меча, передал его Тильфозе.

— Вот, возьми. Он сломан, но это все же лучше, чем ничего. Пойдем.

Нимфы уже окончательно превратились в обычные березы. Но Кэшел продолжал слышать их смех за спиной.

— Я не знаю, куда мы идем, — сказал он Тильфозе.

— Мне все равно. Только давай поскорее покинем это место.

— Как быстро они поставили этот помост, — восхитилась Шарина работой строителей, когда они подошли к деревянной платформе, возведенной у западных ворот дворца. — Здесь хватает места для всех участвующих в церемонии.

Бамбуковые решетки, такие же крепкие и прочные, как ловчая сеть охотника, были установлены по краям помоста. Рейзе, дворецкий Гаррика, положил на пол гобеленовые ковры, чтобы прикрыть и украсить дощатый пол и ступеньки лестницы. Гобелены приглушали звук шагов, и Шарина не слышала стука сандалий, когда поднималась на платформу.

— Строители использовали хороший лес, чтобы закрепить основание, — пробормотал Карус, осматривая постройку. — Думаю, здесь смогли бы разместиться все участники Совета, правда, если не позавтракают.

Король ушипнул себя за живот и засмеялся. Несмотря на то что Карус каждый день фехтовал на мечях с командиром Кровавых Орлов, он не переставал жаловаться, что собрания и встречи отнимают у него слишком много времени. А в разговоре с Шариной как-то сравнил себя с теленком, которого откармливают для праздничного ужина.

— Нам нужны еще одни хорошие подмости для публичных выступлений. Не думаю, что здесь, у ворот, сможет поместиться тысяча человек, а король должен быть всегда на виду.

— Может быть, для этого подойдет площадь у таможенной башни на пристани? — предложила Лизэйн. — Если оттуда убрать все палатки, там разместится почти весь Вэллис.

— Ты хочешь, чтобы люди вспоминали обо мне, увидев таможенного чиновника? — засмеялся Карус. — Хотя, возможно, они не подумают ничего плохого, а башня на площади не плохое место для моих выступлений.

Канцлер Ройяс, лорд Валдрон и четыре секретаря, их сопровождавших, уже стояли у платформы и смотрели вверх. Увидев короля, они поклонились. Раньше слуги, приветствуя правителя, становились на колени. Гаррик отменил этот обычай во всем королевстве. Теперь в знак приветствия короля были приняты лишь глубокие поклоны.

Карус в сопровождении Лизэйн и придворных поднялся на помост, где уже стояла Шарина.

Лорд Аттапер остановился внизу у лестницы. Сейчас его сопровождали лишь несколько Кровавых Орлов. Остальные солдаты в полном вооружении охраняли ворота королевского дворца. Отсюда Аттаперу были видны только их копыта и шлемы.

При виде короля толпа, собравшаяся перед воротами дворца, разразилась восторженными криками. Их подхватили жители ближних домов, стоявшие на балконах и высовывавшиеся из мансардных окон. Повсюду, будто краски на мольберте художника, пестрели ленты, флажки, шарфики.

Шум толпы забавлял Шарину. А вот Карусу показалось, что народу собралось слишком мало по сравнению с теми толпами, что сходились на площади в Каркозе во времена его правления. Правда, он тут же вспомнил, что тогда Острова были единым государством.

Народ теснился не только на площади перед дворцовыми воротами, но и на улицах, которые к ней примыкали, как смогла заметить Шарина. Навесы над магазинчиками и торговые палатки, обычно стоявшие у домов, сегодня отсутствовали. Их убрали или разломали за то время, пока глашатаи оповещали жителей города о сегодняшнем обращении принца Гаррика.

Церемониймейстер в черной одежде с пурпурными рукавами вышел на подмостки и поднял руки вверх, чтобы успокоить людей, но они все равно продолжали кричать.

Карус засмеялся и, положив руку на его плечо, слегка отодвинул в сторону смутившегося вельможу. Король запрыгнул на перила ограждения, покачнулся и взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие.

Лиэйн зажала рот ладонью, чтобы не закричать от страха. Стоявший рядом Ройяс не сумел сдержаться:

— Если вы сломаете сейчас шею...

— Успокойся, канцлер, — бросил ему через плечо Карус. Его голос едва слышался в шуме толпы. — Я залезал на корабельные мачты, чтобы обратиться к своей армии.

Король приставил ладони ко рту и закричал:

— Тишина!

Его услышали лишь несколько человек. Но все поняли, что к ним обращается король. Толпа притихла. На площади стало тише, чем в знойный полдень в лесу. Казалось, что перед дворцом не люди, а деревья, неподвижно застывшие в безветренный день.

— Жители Островов! — кричал Карус. — Мой народ!

Три сопровождавших короля секретаря принялись быстро записывать его слова. На этом особенно настаивала Лиэйн. Двое писали на восковых досках, у третьего были пергамент и чернильница, прилаженная к куску дерева. Завтра копии с речью Каруса будут доставлены курьерами во все прибрежные районы Вэллеса и оглашены их жителям.

Король стоял на перилах, оперев руки в бока. Шарина держалась возле него и видела, как меняется его лицо. Единственное, что сейчас объединяло его с Гарриком, — это общее тело. Она подумала, что настоящий Карус улыбался такой же дерзкой улыбкой, какую она видела в данный момент на губах своего «брата». Король держался твердо и уверенно. И Шарина чувствовала, что если бы он захотел, то сделал бы еще и стойку на руках.

— Все те, кто проливал свою кровь за спасение королевства! — продолжил Карус свою речь. — В этот раз мы не допустим кровопролития на нашей земле. Лорд Валдрон... — он указал рукой в сторону командующего своей армии. Толпа разразилась восторженными криками. Валдрон держался прямо как стальной клинок, стараясь не выдать волнения, охватившего его при виде признательных жителей Вэллеса. Король взмахом руки заставил их замолчать, — ...и я видим, что у нас на Островах нет недостатка в смелых людях. У королевства есть надежные защитники. Это его сыновья и братья, а не насмные чужеземцы, управляют кораблями и служат в армии.

Толпа заревела от восторга. Шарина вдруг поняла, у кого Гаррик после приезда в Орнифол позаимствовал талант вести за собой людей. Здесь, на этих перилах, стоял человек, который справлялся со своим голосом так же ловко, как и крушил врагов.

Карус поднял вверх руки, чтобы вновь успокоить собравшихся. Ему удалось это довольно быстро. Церемониймейстер, стоявший здесь же, на платформе, смотрел на короля с нескрываемым восторгом и обожанием. За время паузы писари успели дописать последние слова Каруса.

— Управлять королевством, во главе которого стоит Валенс Третий...

Король был осторожен, выбирая слова, так же как и Гаррик. Министры тоже настаивали на обязательном упоминании того, что Валенс Третий до сих пор остается королем Островов. Официально усыновленный королем принц Гаррик должен был ежедневно справляться с этой поденной работой.

— ...во время моего отсутствия будет государственный Совет безопасности во главе с канцлером лордом Ройясом.

Карус теперь указал в сторону Ройяса. Обычно сдержанный, сейчас он не смог скрыть улыбку, появившуюся в уголках губ. Это заметили все стоявшие рядом с ним на помосте.

Люди внизу стояли так плотно, что торговцы оказались не у дел. Подносы со сладостями, кувшины с водой и вином, чашки разного размера, рулоны ткани, металлические кубки — все увязло в толпе зрителей. Лоточники не унывали. У них еще хватит времени наверстать упущенное, когда король и слуги удалятся.

Карус опять успокаивающе взмахнул рукой. Обернувшись, он с веселой улыбкой поманил к себе Лиэйн. Девушка удивилась, но послушно подошла к перилам. Карус соскочил на помост так же легко, как и запрыгнул на перила. Он взял в свою руку Лиэйн и поднял ее вверх. Толпа снова завопила.

Лорд Ройяс вопросительно посмотрел на Шарину. Девушка качнула головой. Ни она, ни стоявшие рядом и предположить не могли, что намеревается сделать человек, находящийся в теле Гаррика.

— Мой народ! — произнес Карус. — Мои друзья! Мои соплеменники! Решения должен принимать кто-то один. Не правительство. Я хочу сообщить вам о моей помолвке с леди Лиэйн бос-Бенлиман и ее назначении моим заместителем по всем вопросам на время моего участия в военной кампании. Прошу уважать ее и слушаться для собственного блага и блага государства.

Лиэйн открыла рот, но слова будто присохли к горлу. Он схватил ее за плечи, поцеловал и поднял на руки, демонстрируя всю свою силу и проворство. Толпа взорвалась восторженными криками.

Карус поставил дрожащую испуганную девушку на ноги. Шарина, приблизившись, обняла их обоих.

— Не волнуйся, девочка, — успокоил Лиэйн король, улыбаясь как победитель. — Ты должна занимать достойное место при дворе, пока не вернется Гаррик. И тебе больше не придется подчиняться всем этим господами. Ведь я назначил тебя вице-королевой.

— Но, — произнесла Лиэйн, глядя на короля огромными растерянными глазами, — но когда вернется Гаррик...

— Вы просто поженитесь, — заявила успокаивающе Шарина, прижав Лизэйн еще крепче. — Теперь уж наверняка.

— И я так думаю, — подтвердил Карус ее слова.

Вельможи Ройяс и Валдрон по-прежнему стояли на месте, не решаясь подойти. Поймав на себе взгляд Каруса, они сделали шаг вперед, чтобы поздравить короля и его невесту. Но тот махнул им рукой, жестом приказывая оставаться на месте. Наклонившись к девушкам, он прошептал:

— Все короли когда-то должны жениться. Твой Гаррик, — кивнул он Лизэйн, — смелый человек и достоин высших похвал. Но его родила и вырастила такая волчица, как Лора. Это она внушила ему отвращение к браку. Именно поэтому он так долго откладывал свадьбу. Я же, как хороший регент, готовлю королевство для достойного правителя. Он будет править еще лучше.

Карус еще раз обнял Шарину и Лизэйн и взглянул на свой народ.

— Я просто люблю того парня, который придет после меня.

Глава тринадцатая

— Ну все, на сегодня хватит. — Илна поставила на место большой глиняный кувшин, который только что очистила. Посмотрев на кончики пальцев, она их не увидела. Приближался рассвет, и хозяин трактира решил, что масло в лампах жечь не стоит — вполне достаточно огня в печи и света за окном.

— Эй, — грубо окликнула девушку кухарка, младшая сестра хозяйина. — Я тебя не отпускала.

Готовка еды для посетителей трактира была нелегким занятием. Жара, духота и набивавшиеся в помещение толпы людей сильно раздражали и без того сварливую женщину.

— Нет. — Илна решила твердо стоять на своем. — Я уже сказала тебе, что ухожу в конюшню спать. Мне просто необходимо передохнуть до вечера, когда начнется очередная пируш-

ка. Я и так уже выполнила недельную норму, и ты это прекрасно знаешь.

Проходя мимо двери, девушка взяла из ящика с хлебами круглый каравай, который только что принес сын булочника. Илна уже успела перекусить, но сомневалась, что Алекте удалось хоть раз за день выбраться из конюшни. Кроме того, хлеб может пригодиться, если ей и дикарке придется покинуть заведение в спешном порядке.

Кухарка хотела отпустить какую-то колкость, но передумала. В хрупкой незнакомке она чувствовала такую силу, что не осмеливалась оскорблять ее, как своих прежних помощниц. Вместо этого она произнесла:

— Если увидишь Ариса, скажи этому лодырю, чтобы тащился сюда.

Кухня располагалась в отдельном помещении на заднем дворе. Небольшой домик с черепичной крышей был сложен из красного кирпича. Сам трактир, высокое двухэтажное здание, располагался на окраине Доннела.

Двоюродный брат поварихи, конюх, обрадовался, когда ему в помощницы дали Алекту. Животных на постоялом дворе трактира было так же много, как и людей. Но дикарка, ласково гладя их и нашептывая им какие-то нежные слова, умудрялась добиваться того, что в одном стойле могли находиться сразу две лошади. Одно животное всегда поймет другое, подумала Илна. Но, как бы то ни было, со своей работой Алекта справлялась отлично.

В той же конюшне девушки и спали после работы, хотя кухарка явно бы не возражала, чтобы Илна работала круглые сутки.

Во дворе трактира всегда стояло много экипажей и телег. Они располагались вдоль стен, чтобы проезжая часть оставалась свободной. Кучера и некоторые путники спали прямо в телегах, ели же все в харчевне.

— Эй, красавица, не выпьешь с нами? — крикнул один из мужчин, гревшихся у печи во дворе.

Не обращая на него внимания, Илна прошла между каретами, колеса которых были связаны между собой, а то и просто валялись на земле.

Несмотря на то что в Доннел приезжали толпы народа, порядка в городе было мало, а развлечений еще меньше. Вечерами люди набивались в трактир и заполняли двор, но той радости и безудержного веселья, что царили на постоялом дворе Рейзе во время Овечьей Ярмарки, здесь не наблюдалось.

Дверь, ведущая в конюшню, оказалась распахнутой настежь. Из-за переизбытка лошадей в этом старом помещении было намного теплее, чем снаружи, особенно по вечерам. Кони ржали и, как и всегда, терлись боками о деревянные перегородки; доски трещали. Несмотря на все это, Илна чувствовала себя здесь как дома, спокойно и умиротворенно. Храп, раздававшийся из-за стены, где обычно спал конюх, ее совсем не раздражал.

Неожиданно на сеновале, где обычно спали девушки, вспыхнул свет масляной лампы.

— Алекта, — тихо, чтобы не разбудить конюха и не потревожить лошадей, позвала дикарку Илна. Он бы не обрадовался, заметив на сеновале открытый огонь. Девушка поразилась глупости своей спутницы. Неужели народ в деревне Хартраг не знает, что сухая трава быстро загорается?

Ответа не последовало, но Илна услышала приглушенные бормотания. Насторожившись, она достала из рукава моток ниток и принялась привычно вязать узлы, взбираясь на сеновал по простой деревянной лестнице, приставленной к перегородке конюшни.

Лампа висела на уздечке, прикрепленной к толстой балке потолочного перекрытия. Ее колеблющийся свет озарял символы, которые Алекта написала на деревянной стене. Кроме того, отразившись от бронзового атама дикарки, сверкающий луч бил прямо в глаза мужчине, который торопливо и неуклюже раздевался перед ней.

Одежда Алекты валялась тут же. Ее пышное гладкое тело влажно блестело, и запах пота уже смешался с запахами конюшни. Дикарка возбужденно дышала и продолжала распевать заклинания, не обращая внимания на Илну и нисколько не заботясь о том, что ее могут услышать.

В мужчине Илна узнала лорда Конгина, того самого всадника, которого они остановили на въезде в город. Встретившись

с Алектой во дворе трактира, он посмотрел на нее с отвращением. Возможно, девушка восприняла это как вызов.

— Отпусти его, — приказала Илна. Увидев, что делает ди-карка, девушка вспомнила о жизнях, загубленных ею в Эрдине с помощью магических заклинаний, которым обучил ее в аду один из демонов.

Тяжело дыша, потная Алекта прекратила свое мерзкое пение и посмотрела на Илну из-за плеча лорда Конгина. На губах ее играла похотливая улыбка.

— Детка, ты тоже можешь найти себе забаву, во дворе еще много мужчин. Или подожди, пока я закончу развлекаться с этим, — грубо бросила она.

— Нет, — ответила Илна и, сделав шаг вперед, раскинула руки в стороны. — Делай все, что хочешь, и развлекайся, с кем хочешь, хоть с десятком мужчин. Но я не позволю тебе использовать для этого магию.

Алекта зло зашипела, будто дикая кошка.

— Дура! Разве ты сможешь мне помешать? — Она взмахнула жезлом так, чтобы свет лампы попал на лицо Илны.

Бронзовые удары зазвучали в ушах Илны. Голова налилась свинцом. В каждой гладкой поверхности отразилось злое смеющееся лицо Алекты. Стены конюшни начали приближаться к Илне, тесня ее со всех сторон.

Илна ожидала от дикарки чего-то подобного, а потому разжала пальцы, сжатые в кулаки, и показала Алекте узор, который сплела, пока взбиралась по лестнице.

Уши Илны пронзил нечеловеческий крик. Стены остановились. Бронзовая дымка перед глазами медленно рассеивалась.

Нож Алекты ударился о пол конюшни. Сама она схватилась руками за низ живота и закричала, корчась от боли:

— Что ты сделала? Теперь я не женщина!

— Что? — опомнился Конгин. — Что здесь происходит?

Он попытался сделать шаг, но запутался в нижнем белье, сползшем ему на шиколотки. Мужчина уже очнулся от заклинания, но еще плохо владел своим телом. От ожога лампой его спасли руки Илны.

— Ты... — гневно закричала Алектa.

Илна с размаху ударила ее по щеке и прибавила:

— Заткнись!

Ошеломленная дикарка отскочила назад, хлопая глазами. Только сейчас она поняла, что магия Илны превзошла ее собственную.

— Одевайся и убирайся, — приказала Илна лорду Конгину. — Нет, лучше просто бери свои тряпки и выметайся отсюда, сейчас же!

Полуодетый лорд скатился по лестнице, подтягивая остатки нижнего белья и прижимая к себе тунику. Илна подумала, что так он запросто может свернуть себе шею, но ему удалось благополучно достичь земли и даже не покалечиться. Впрочем, если бы и убили — потеря не велика.

— А с тобой, — сказала Илна и внимательно посмотрела на дикарку, — все будет в порядке. Но в следующий раз слушай, что я тебе говорю.

— Ты же сказала, что не волшебница, — прошептала изумленная Алекта, держась за щеку, на которой багровело пятно от пощечины.

— Я предупреждала тебя, что не следует пользоваться для этих целей заклинаниями.

Илна тяжело дышала, правая ладонь ныла от оплеухи. Она спрятала моток ниток в рукав и вновь посмотрела на дикарку. Обе молчали.

— Скоро полнолуние, — произнесла наконец Илна. — Нам нужно выяснить, где жрецы соберут людей, и пробраться туда.

— Ты же сказала, что не волшебница... — не слушая ее, повторила Алекта.

Гаррик ждал. Он старался спокойно и ровно дышать, чтобы его волнение не передалось разбойникам. Двоюродный брат Хейма занимал в этом районе Дурассы должность ночного сторожа. Он подобрал ключ, подходивший к торговой лавке, и помог шайке разбойников пробраться в город под покровом темноты.

Единственным источником света была сейчас масляная лампа, горевшая в задней комнате. Там Метрон осуществлял пос-

ледние приготовления к предстоящему магическому ритуалу. А Вескей здесь же ждал, пока он закончит. На узкой улице перед лавкой валялись осыпавшаяся штукатурка, обрывки старых тряпок, черепки от разбитой посуды. При виде всего этого мусора ни у кого не возникло бы подозрений, что внутри пустого магазинчика что-то происходит.

— Защитники сидят у нас на хвосте и запросто могут поджидать на улице, чтобы схватить, — нарушил тишину в комнате Адемий, обводя испуганными глазами товарищей. — Если они ждали нас на берегу, когда мы еще сами не знали, где высадимся, то уж сейчас им наверняка известно, что мы направляемся в Пик.

— Метрон обещал скрыть нас от посторонних глаз, — не согласился с ним Хейм. Разбойник держал в руке четыре бамбуковых шеста по двадцать футов длиной. При необходимости они соединялись между собой, превращаясь в длинную полуу трубку. Распутав веревку, Хейм связал шесты вместе.

Он не был трусом, но в душе побаивался лишиться мочки второго уха, если попадет в тюрьму еще раз. Несмотря на это, разбойник добровольно вызвался сопровождать Гаррика и его подельников до стены башни, чтобы обеспечить прикрытие в случае внезапного нападения Защитников.

— Метрон сказал, — ухмыльнулся Адемий. — А ты что, ему веришь?

Гаррик одним прыжком преодолел разделявшее их расстояние. Адемий отшатнулся, пытаясь отскочить назад, но не успел. Принц крепко держал его за горло.

— Ты разве не понимаешь, что в любой момент может погибнуть весь мир, — прошипел Гаррик. Ему вторила своим рычанием Тинт.

Юноша почувствовал под пальцами пульсирующую в венах рыжеволосого парня кровь.

— И если сейчас же не замолчишь, а попытаешься и дальше болтать глупости, то для тебя все закончится прямо сейчас. Понятно?

Адемий испуганно кивнул. Гаррик разжал пальцы и отпустил бандита.

— Мы, Братья, не воюем между собой, — со злостью бросил Халофий, стоявший у стены.

— Заткнись, Халофий! — не выдержав, вступил в перепалку Тосий.

Разбойник послушно замолчал. Выдавив из себя жалкую улыбку, он стал протирать сигнальный горн краем туники.

— Клянусь Пастырем! Больше всего мне хочется побыстрее закончить с этим делом, — вздохнул Хаккен, проверяя узлы на веревочной лестнице, которую только что сплел.

Неожиданно вспыхнувший красный магический свет озарил всю комнату и исчез возле стены. Яркая вспышка не ослепила Гаррика, успевшего вовремя закрыть глаза. Вескей вышел из задней комнаты. В руках он держал серебряную цепочку, на которой болтался медальон Метрона.

— Вот, возьми. — Он протянул Гаррику амулет. Принц не видел его лица — в лавке снова стало темно, — но голос прозвучал устало.

— Вам, наверное, уже пора в путь.

Гаррик взял медальон. Он был выполнен в форме паука, державшего в лапках прозрачный кристалл. Внутри светилась маленькая фигурка Метрона, сжимавшего в одной руке жезл, а в другой кольцо с сапфиром.

— Быстро, — пискнул его голос в мозгу Гаррика. Фигурка волшебника жезлом показывала, куда нужно двигаться. — Я не могу долго оставаться в твоём сознании.

Гаррик с непроницаемым лицом повесил медальон на шею. Амулет не вызывал у него восхищения, но юноша надевал его не для того, чтобы им любоваться.

— Вперед, — скомандовал Гаррик. Железные задвижки и дверные петли были заблаговременно смазаны. Тосий, стоявший у выхода первым, тихонько их приоткрыл и, словно кошка, бесшумно выскочил на улицу. Прада, который нес дежурство на крыше, присоединился к нему одним прыжком. Хейм вышел чуть позже. В руках он держал связку приготовленных бамбуковых шестов и бычий пузырь с дурманящей пылью.

Гаррик последовал к выходу за Тинт. Последним наружу выбрался Хаккен. Они двигались бесшумно, стараясь держать-

ся в тени домов. Пройдя несколько шагов, принц обернулся. Возле лавки, рядом с Адемием и Халофием, он заметил Вескея. Атаман задержался внутри, чтобы взглянуть еще раз на бездыханное тело Метрона, лежавшее на полу в задней комнате.

Двери лавки выходили на узкую улицу, которая заканчивалась небольшой аллеей. Лишь она отделяла разбойников от десятифутовой внешней стены, окружавшей Пик. Прежде чем выбрать это место, Гаррик долго совещался с Вескеем. Наяву оно выглядело так же, как и на том образе, что показал им Метрон при помощи заклинания. Стена казалась очень массивной, но ствол могучей глицинии позволял добраться до верха даже неуклюжему человеку. Виноградные лозы никого не смогли бы спрятать днем, зато ночью оказались хорошим укрытием для разбойников, остававшихся ждать внизу.

Тосий подставил Гаррику сложенные замком руки, чтобы тот мог поставить на них ногу. Разбойник выпрямился, и плечи юноши оказались почти вровень с верхним краем стены. Гаррик схватился за нее руками, подтянулся и стал ждать остальных. Тинт запрыгнула на стену без всякой помощи. Она принялась к саду, раскинувшемуся внизу, и произнесла:

— Плохое место, Гар. Нужно уходить.

Гаррик слышал писклявый голос волшебника, заключенного внутри амулета. Магические слова холодом пронзали его мозг.

— Дабатаа саумар макс...

Хаккен тоже взобрался по глицинии без помощи Тосия, но не так легко, как это сделала Тинт. Он посмотрел через плечо вниз, затем взял в руки бычий пузырь и бамбуковые шесты, тонкой веревкой привязанные к кожаному поясу.

Луна еще не взошла, но звезды ярко сияли на небе, освещая башню и сад с необычными растениями. Тинт схватила Гаррика за плечо. Дрожащей рукой она указала в сторону гигантских бромелий. Ее пальцы впились в тело юноши.

— Гар! — прошептала она испуганно. — Гар, там зубы.

Розовая дымка от вспыхнувшего в воздухе магического огня окутала растения. Вначале Гаррик подумал, что это и есть та самая опасность, о которой предупреждает Тинт. Но потом по-

нял, что это Метрон оповещает их об угрозе, которую уже почувствовала девушка-обезьяна.

— Там прячется чудовище, — услышал Гаррик писк Метрона в ушах. — Оно почуяло вас, когда вы еще не забрались на стену. Убейте его, прежде чем отправляться в сад.

Гаррик нащупал рукоять меча. Сегодня он специально прицепил ножны за спину. Так проще карабкаться по стене, не опасаясь зацепиться за камень или выступ оружием. Именно так носил в сражениях меч его предок Карус.

— Не строй из себя героя, — остановил его Хаккен. Он, стоя на коленях, соединял между собой бамбуковые шесты. — С этим мы постараемся справиться вместе.

— Гар, давай убежим, — испуганно шептала Тинт.

Гаррик отцепил ее пальцы. Он и так в последнее время ходил весь в синяках.

— Мы полезем вон на ту башню, Тинт. Мы не можем уйти отсюда, не освободив лорда Талемуса.

Плевать на синяки. Главное, остаться живым после всего, что они задумали, а не лежать на земле бездыханным телом, покрытым трупными пятнами. Что случится с душой Гаррика ор-Рейзе, если Гар, человек-обезьяна, умрет сегодня ночью?

— Помогите мне, подержите их вот так, — попросил Хаккен. Он уже соединил между собой бамбуковые шесты. Получилась длинная полая трубка. Сейчас разбойник осторожно привязывал к ее концу бычий пузырь. — Я никогда не пользовался этим на весу. Казалось бы, легко, но слишком уж длинная получилась штуковина.

— Откуда ты взял этот яд? — спросил Гаррик, поддерживая рукой бамбуковый шест. Тонкий пузырь висел на его конце, как плод на дереве.

— Это растертые в пыль пещерные грибы. Они растут на востоке Лаута, — пояснил Хаккен, прилаживая свое оружие. — Их трудно найти, а еще опаснее собирать. Можешь мне поверить. Мы нашли бычий пузырь с пылью в сумке того офицера, который командовал Защитниками. Не знаю, для чего он ее использовал, но после того, как Хейм перерезал парню горло, она ему уже ни к чему.

— Хватит копаться, — проскрипел раздраженный голос Метрона.

Хаккен посмотрел на кристалл, затем поднял глаза на Гаррика.

— Заткни его, если можешь. Или, клянусь Сестрой...

Гаррик жестом успокоил разбойника.

— Давай заканчивай. А ты, Метрон, не шуми по пустякам.

Хаккен нахмурился, но ничего не сказал. Ему удалось запереть бычий пузырь, плотно примотав его к шести тонкой веревкой. Зажмурился, разбойник резко сжал пузырь.

Казалось, ничего не произошло. Гаррик потер лоб и уже хотел спросить, в чем дело.

— Не двигайся! — прохрипел Хаккен. — Нужно подождать. Это займет еще...

Прозрачное облако пыли, почти невидимое в лунном свете, образовалось на другом конце шеста. Мелкие споры пещерных грибов медленно посыпались вниз, оседая на бромелиях.

— Ну, все. Теперь можно идти. — Хаккен опустил конец бамбукового шеста. — И будем уповать на милосердие Господи, чтобы эта дрянь не осталась в воздухе, когда мы будем спускаться.

Длинные мечевидные листья бромелий, свисавшие до самой земли, отчаянно затряслись. Гаррик выхватил из ножен меч.

Из-под листьев выскочило ужасное существо. Оно было размером с человека и стояло на двух ногах, но хвост ящерицы и вытянутые, как у морского демона, челюсти с длинными клыками не позволяли усомниться в том, что перед ними порождение темных сил. Гаррик почувствовал, как занесли шрамы на голове, оставшиеся от зубов морского чудовища.

Монстр подпрыгнул вверх и упал. Хвост ударил несколько раз по земле, а пасть захлопнулась, будто стальной капкан. Скрюченное тело замерло.

— Не теряйте времени, — пропищал Метрон. — Прыгайте вниз, и там мой амулет укажет дорогу!

Гаррик нахмурился — его раздражал злой пронзительный голос, похожий на крик крапивника, маленькой противной

птички, разоряющей чужие гнезда, ворующей из них насиженные яйца.

Хаккен зацепил крюки веревочной лестницы за стену и сбросил ее вниз. Юноша одобрительно кивнул и спрыгнул на землю, приземлившись на ноги. Тинт мягко опустилась рядом, словно боялась примять траву. Спустя секунду к ним присоединился Хаккен. Им не понадобилась лестница, чтобы войти в сад, но они оставили ее висеть на стене на тот случай, если придется отступить с раненым. К тому же никто не мог сказать, в каком состоянии будет Талемус после пребывания в темнице.

Хаккен прошел вдоль стены. Схватился за лестницу и проверил ее на прочность.

— Что теперь? — поинтересовался он, оглядываясь по сторонам.

Метрон уже нараспев произносил заклинание.

— Подождем, пока закончит, — ответил Гаррик, указывая на хрустальный амулет у себя на груди.

Он вытащил из ножен острый меч, который наточил еще в конюшне, прежде чем шайка покинула поместье Талемуса. В лавке, пока они ждали назначенного часа, юноша хотел подточить его, но, убедившись в остроте клинка, отказался от этой затеи. Излишняя заточка может испортить металл, сделав его слишком тонким, а меч сейчас просто необходим.

Теплая, шелковистая на ощупь трава приминалась под босыми ногами. Похоже, она не скрывала в себе никакой опасности. Иначе Тинт уже дала бы знать, что почуяла угрозу. Но в сочетании теплой травы и прохладного ночного воздуха было что-то неприятное. Хаккен молчал, но с его лица не сходило настороженное выражение.

Тинт то и дело вставала в полный рост и принималась, затем, опустившись на четвереньки, начинала ощупывать каждый дюйм заросшей травой земли. Гаррик какое-то время наблюдал за ней, затем принялся сам осматривать сад.

Они уже видели это место со стены. Ряды деревьев, похожих на юкку, с заостренными макушками и мохнатыми стволами, слегка покачивались. Но от чего они покачивались, если ветра совершенно не ощущалось?

Слева от себя юноша заметил растение с острыми листьями длиной с его меч, прикрывавшими огромный камень. Большие, белые, почти прозрачные цветы прорастали сквозь опавшую листву. Гаррик с трудом различил их в бледном свете звезд.

Он сделал к ним шаг и присмотрелся. Неужели они повернулись? Да, цветы на самом деле слегка переместили головки, будто десятки бледных лиц смотрели на незваных гостей.

Тинт тоже заметила их. Она прыгнула Гаррику на плечи и прижалась к нему, качая головой и не спуская с цветов глаз.

— Плохо, Гар. Они лгут. Они поранят Гара.

— Что ты... — начал было Гаррик.

Неожиданно он ощутил сильный запах. Какая-то пелена заволакивала сознание. Что-то изменилось.

Гаррик ощутил такое наслаждение, какого еще не испытывал за всю свою жизнь. Рассудок отказывался повиноваться. Нахлынувшее райское блаженство не шло ни в какое сравнение с теми радостями жизни, которые он знал до сих пор. Победы над врагами, добрые поступки, верные друзья, любимая девушка — все это меркло в помрачившемся сознании. А цветы манили, трепеща лепестками и обещая новое, неизведанное чувственное наслаждение.

Он очнулся оттого, что Тинт стала бить его по груди.

— Эй! — закричал Гаррик.

Ему следовало говорить потише, но он еще не понял, в какое место они попали. Чудовищный монстр учуял незваных гостей до того, как они начали перелезать через стену. И глупо было надеяться, что им удастся скрыть свое присутствие от остальных обитателей сада. И запах цветов уже напоминал не благоговения, а зловоние, исходившее от гнилых яиц. А ведь он уносил его в мечту, которая бы закончилась...

Сложно сказать, где бы и чем она закончилась, но в любом случае не там и не тем, чем хотелось бы ему самому.

— Проснись, Гар. Плохо. — Тинт продолжала колотить его по груди.

Юноша покрутил головой, стряхивая наваждение, и осмотрелся.

Хаккен стоял невдалеке, широко открыв глаза, с его нижней губы стекала струйка слюны. Он покачнулся и медленно пошел навстречу цветам. Гаррик встал перед моряком и схватил его за плечи. Хаккен отшатнулся и, злобно зарывав, выхватил из-за пояса короткий топор.

— Прочь с дороги! Или, клянусь Госпожой, ты пожалеешь, что встал на моем пути!

Но тут нос моряка брезгливо сморщился.

— Что за вонь? Я не нюхал ничего подобно с тех пор, как ступил на палубу «Эрдинбеллы» с теми крысами, что потом пошли с ней ко дну.

Цветы отклонились и стали закрываться. Запах рассеялся так же внезапно, как и появился. И если бы с ними рядом было девушки-обезьяны...

Гаррик обнял Тинт, которая все еще прижималась к нему. Она потерлась головой о его плечо и замурлыкала как кошка.

— Спасибо, Тинт. Если бы не ты... Ты спасла нам жизнь.

Красная вспышка магического света вылетела из хрустального амулета, висевшего у Гаррика на груди, и быстро растаяла, оставив вместо себя огромного мотылька. Бабочка взлетела над травой и повисла в воздухе, хлопая крыльями величиной с ладонь взрослого человека.

— Идите вслед за проводником, — пропищал Метрон. — Следуйте за ним и не теряйте времени. Защитные заклинания Заступника скоро выявят присутствие в саду посторонних. Сейчас все будет зависеть только от вас самих.

Хаккен крепче сжал в руке топор и вопросительно посмотрел на Гаррика. Тот задумался на короткое время, а затем произнес:

— Мы пойдем за этим мотыльком.

Он сделал несколько решительных шагов, чтобы подтвердить свои намерения.

Тинт засеменила рядом с Гарриком на четырех конечностях, оглядываясь по сторонам. Чтобы добраться до башни, им нужно было пройти через широкие ряды похожих на юкку растений. Девушка-обезьяна не проявляла особого интереса к цветам. Зато ее внимание привлекли дрожащие листья юкки. Она

остановилась, не доходя до ближайшего дерева. Гаррик последовал ее примеру, потому что доверял обонянию Тинт больше, чем магии Метрона.

Бабочка сменила направление и повела их по кругу, вдоль стены, с которой они только что спустились. Она летела мимо бромелий, где пряталось чудовище, погибшее от яда пещерных грибов.

Хаккен догнал Гаррика.

— На листьях наверняка осталась пыль! Знаешь, что будет, если мы стряхнем ее?

— Идите вперед, не останавливайтесь, — тоненько завизжал Метрон. — Думаете, мои силы беспредельны?

Путь, который выбрала бабочка, шел мимо клумбы с красными цветами, похожими своими заостренными тычинками на клыки. Гаррик заколебался, но Тинт беззаботно прошла мимо и, лишь увидев его сомнения, остановилась.

— Ну что вы застряли, — заволновался Метрон. — Я же сказал, время уходит.

Мотылек вернулся назад, будто охотничья собака, стремившаяся привести своего господина к цели. Тинт, которая всегда была голодна, подпрыгнула и попыталась его схватить. Но пальцы девушки поймали лишь воздух, даже не коснувшись существа из магического света. Приземлившись, она с удивлением уставилась на свою пустую руку.

Гаррик подумал, что не все в мире оказывается таким, каким представляется. Он кивнул Тинт, и они продолжили путь. Ноги проваливались в мягкую рыхлую землю.

Мотылек повернул в сторону, к другой цветочной клумбе, в двух шагах от той, что они миновали. Теперь они чуть-чуть приблизились к башне. Гладкие стены тюрьмы и впрямь выглядели неприступными. Гаррик постарался вспомнить, что им привиделось на берегу пруда во время магического ритуала, и сравнить это с реальной башней.

Прямо за цветочной клумбой они увидели дерево. Его ствол наклонился параллельно земле, а корень, в палец толщиной, щетинился над землей ворохом усиков, похожих на тонкие

хлысты. Они поднялись, когда девушка-обезьяна подошла поближе, и зашевелились. Тинт отскочила назад.

Бабочка свернула в сторону, облетая дерево, и замахала крыльями над небольшим прудиком, заросшим камышом. Тинт остановилась и легла на землю, прижавшись к ней носом. Потом вскочила на ноги и повернулась к Гаррику.

— Плохо! — заскулила она. — Гар, зубы!

Юноша погладил ее по голове, стараясь успокоить. Но девушка ударила его по руке и запричитала:

— Гар, это плохое место. Мы уходим, Гар? Надо уходить.

Гаррик осмотрел пустую лужайку. На ней не росло никаких кустов, под которыми могло бы спрятаться чудовище. Он не видел даже признаков опасности. Бабочка кружила над ними, приглашая следовать за ней.

— Почему вы остановились? — не выдержал Метрон. — Идите за проводником. Там нет никакой опасности. Ну же, быстрее, быстрее.

— Тинт, — обратился к девушке-обезьяне Гаррик, поправляя за спиной меч. — Где это животное? Где зубы?

— Ну, что опять случилось? — не выдержал Метрон. — Только дураки могут слушать обезьяну! Что она может знать!

— Гар! Надо что-то делать! — занервничал Хаккен. — Нельзя долго стоять на одном месте, понимаешь?

— Там, там! — Тинт указывала пальцем на непримятую траву. Ее лицо вытянулось, и девушка вновь метнулась к Гаррику, указывая на опасность, которую чувствовала только она. — Зубы, Гар! Плохо!

Гаррик сделал шаг вперед и взмахнул мечом. Тинт так настаивала на опасности, что он надеялся рассечь пополам невидимого противника, подстерегавшего их в этом месте. Острие просвистело в воздухе, не встретив никакого сопротивления.

— Может, мне применить магию, чтобы сдвинуть вас с места! — завопил Метрон. — Торопитесь! Иначе я отделю мясо от ваших костей и оставлю гнить в этом саду.

Хаккен прошептал себе под нос какое-то ругательство и вышел на лужайку, крепко сжимая топор обеими руками. Мо-

тылек плясал над его головой, направляя прямо к клумбе с прозрачными грибами, похожими на человеческие пальцы.

— Заклинаю Госпожой, пойдем, Гар, — позвал он дрожащим голосом.

Гаррик сделал шаг вперед, потом еще два шага и...

Тинт схватила юношу за запястье и рванула к себе с такой силой, что он едва удержался на ногах. Две пары клыков величиной с человеческую руку вонзились в землю, как раз в том месте, где только что стоял Гаррик.

Тинт закричала от ужаса и запрыгала на месте. Юноша изо всех сил ударил по земле мечом. Острый изогнутый клинок ушел вглубь по самую рукоять.

Земля задрожала. Клыки исчезли так же внезапно, как и появились. Гаррик вцепился в меч обеими руками, чтобы он не ушел под землю.

Оружие качнулось и поддалось. Юноша вытащил клинок. По лезвию меча стекали капли черной крови. Гаррик выпрямился. По земле пошли волны. И он понял, что раненое существо уходит в свой подземный ход, откуда и выползло.

Метрон застонал, но Гаррик не обращал на него внимание. На лужайке Хаккен перепрыгивал с одной ноги на другую в страхе, что другое подземное чудовище может скрываться рядом с ним и готово пустить в ход страшные зубы. Тогда саду уже не придется беспокоиться, как с ним разделаться.

Гаррик сделал шаг навстречу моряку и схватил за руку, в которой тот сжимал топор.

— Успокойся.

Хаккен в панике попытался высвободиться. Но Гаррик поднес к его лицу меч. Это сразу же привело моряка в чувство. Он перестал сопротивляться и бросил на землю оружие. Гаррик разжал пальцы и отпустил его.

— Это проклятое место! — прошептал Хаккен, растирая запястье и настороженно оглядываясь. Моряк все еще не мог прийти в себя от пережитого ужаса.

— Теперь можете подойти к стене, — проскрипел Метрон. Он перестал ругаться и командовать ими, но, похоже, только

на время. — Ждите, пока я подготовлю средство, с помощью которого вы заберетесь на башню.

Гаррик настороженно огляделся и удивился. На расстоянии всего двух футов от них высились гладкие стены тюрьмы. Хотя ему казалось, что они не прошли и четверти пути, с тех пор как оказались в саду.

Только благодаря Тинт им удалось достичь цели. Гаррик ласково положил руку на плечо девушки.

— Метрон, если ты еще раз назовешь мою подругу обезьяной, не жди от меня пощады. И я не буду долго раздумывать. Понятно?

— Да, мастер Гар, — пропищал волшебник. — Я могу начинать? Времени осталось мало.

Метрон был прав. И Гаррик не хотел попусту тратить время и слова.

— Тогда приступай. — Юноша повернулся к Хаккену: — Я хочу побыстрее покончить с этим делом.

Они осторожно приблизились к башне, чтобы не попасть в очередную ловушку. Растения с огромными разлапистыми листьями на мягких стеблях опять встали перед ними стеной. Гаррик никогда прежде не видел подобной растительности, цепляющейся корнями за голые камни.

Метрон начал распевать заклинание. Кристалл наполнился розовой дымкой, но грязная голубая туника юноши не пропускала свет.

Гаррик поднес амулет к лицу и попытался рассмотреть, что делает волшебник. Однако в кристалле все оставалось по-прежнему. Маг сидел, скрестив ноги. Его жезл поднимался и опускался в ритм заклинанию. Кольцо он держал так, чтобы свет от сапфира падал на магические символы.

Тинт села рядом с Гарриком и, довольно урча, принялась тереться о его плечи. Ее нисколько не заботили действия Метрона. Сейчас девушка не чувствовала никакой угрозы для себя и Гаррика. Заметив на стене жука, она схватила его и сунула в рот.

Гаррик взглянул на меч. Стой же ловкостью, что и его предок Карус, он срубил огромный лист и, сложив его пополам, стер с лезвия запекающуюся кровь. Осторожно, чтобы не поре-

заться, юноша провел рукой по острию и пристально всмотрелся, нет ли на нем зазубрин. Убедившись, что оружие в порядке, он убрал его в ножны.

— Абрасакс, — продолжал бормотать Метрон, — рейст белхова хиве...

Хаккен повернул голову в сторону башни.

— Что ты думаешь по поводу его колдовства, Гар? — поинтересовался моряк. — Он сможет переправить нас через стену с помощью этих слов? Я просто не вижу другого способа туда забраться.

— Сукоко нурелла готера...

Гаррик дотронулся до стены. Башню, как и внутреннее ограждение сада, построили из горной кристаллической породы. Она представляла собой сплав, состоящий из шпата, кварца и слюды. Именно поэтому постройка казалась полосатой. Гаррик провел по ней рукой, но не ощутил никаких шероховатостей. Стена была словно отлита из монолита. В ней не было ни промежутков, ни щелей, ни даже трещинок, чтобы просунуть иголку. То ли Пик действительно выточили из целого камня, как гончарное изделие, то ли на каменную стену после постройки каким-то образом нанесли сплошное покрытие.

— Навев, — выкрикнул Метрон, — бадава! Белхорва!

Кожу Гаррика стало покалывать иголочками, будто он сделал шаг в холодную соленую воду. Хаккен, видимо, почувствовал то же самое. И это его испугало. Он вскрикнул и стал стряхивать с себя что-то невидимое.

— Начинайте подниматься, — распорядился Метрон. Чувствовалось, что он устал. Его голос звучал еще тише, чем раньше. — Просто прислоните ноги к стене. Только быстрее, прошу вас.

Гаррик поднял правую ногу и прижал подошву к камню, словно упираясь в него. Нога тут же прилипла. Теперь его тело находилось параллельно земле. И поэтому он спокойно мог оторвать от нее левую ногу.

— Дузи! — воскликнул юноша. На мгновение почудилось, что он стоит у подножия высокого дерева, по каким с легкостью взбирался в Барке. Ему нравилось разглядывать сверху жителей деревни.

Нет, нога все-таки не приклеилась к камню. Ее просто притягивала к нему неведомая сила. Хаккен вскрикнул и упал на стену. Он стоял на четвереньках на вертикальной поверхности и смотрел на Гаррика с удивлением.

— Гар! — заверещала Тинт. Она прыгнула на стену за ним следом. Но ее когти лишь царапнули камень, и девушка сползла вниз. — Гар, вернись!

Он наклонил голову к кристаллу и посмотрел на волшебника.

— Метрон, почему Тинт не может взобраться на стену?

— Думаешь, я всемогущ? — прохрипел тот. — Знаешь, сколько сил нейтральной природы мне пришлось привлечь для того, чтобы отправить наверх вас двоих? Действуйте, и как можно быстрее!

— Жди меня внизу, Тинт.

Гаррик почувствовал холод. Казалось, вся кожа пропиталась красным магическим светом. Юношу затрясло.

— Хаккен, вперед. Тинт, я вернусь за тобой, как только смогу. Жди меня здесь. Хорошо?

— Гар! — Девушка-обезьяна вновь попыталась уцепиться за стену, но тщетно.

— Нет, Тинт!

Но она, словно обезумев, все продолжала прыгать на гладкую стену. Подпрыгнув в очередной раз, Тинт попыталась ухватиться за ногу Гаррика. Юноша шагнул вверх, чтобы она не смогла поймать его.

— Поднимайся, Хаккен! — громко повторил он, чтобы заглушить завывания Тинт. Не желая смотреть на удаляющуюся землю, принц устремил взгляд в звездное небо.

Девушка-обезьяна продолжала бесноваться внизу. И хотя поблизости Гаррик не видел стражников, его беспокоил этот шум.

До верха тюрьмы было футов двадцать. Башня заканчивалась гладким куполом, похожим на рукоять меча. Интересно, что будет, если встать на него. Наверное, упадешь, а может, спустишься по стене с другой стороны.

Хаккен поднимался рядом, осторожно касаясь стены. Ширина крепости позволяла ему находиться подальше от Гарри-

ка. Но сейчас они не прогуливались, поэтому держаться вместе было благоразумнее.

Тинт по-прежнему завывала внизу. Их разделяло еще не-большое расстояние, и Гаррик хорошо слышал ее рыдания. Сначала эти вопли злили его, но потом он смутился. Злиться на девушку, которая не могла понять, почему она не может влезть на стену, то же самое, что злиться на грозу... Особенно если эта «гроза» не раз спасала ему жизнь.

Он повернул голову в сторону и посмотрел на ночную Дурассу. Темные пустые улицы лишь кое-где подсвечивались фонарями, горевшими возле трактиров и постоянных дворов. Слабый свет звезд скользил по ставням на закрытых окнах. В это время большинство горожан уже спали, набираясь сил перед тяжелым рабочим днем. Тишину нарушали только звуки колотушек ночных сторожей. Где-то среди них бродит и двоюродный брат Хейма, поглядывая время от времени на темную громаду Пика. Возможно, сейчас он видит на башне Гаррика и Хаккена. Но принца это не волновало.

За стеной послышался шорох. Возможно, кто-то из часовых совершал обход тюрьмы.

— Чаромай! — выкрикнул Метрон. Купол башни потемнел и рассеялся так же, как предрассветная дымка исчезает с первыми лучами солнца. Они почувствовали сырой теплый запах, слегка отдававший плесенью.

— Быстро внутрь! — приказал волшебник. — Моя магия удержит купол, пока вы внутри, только не задерживайтесь!

— Там темно, как в заднице у борова, — запротестовал Хаккен.

— Как только спуститесь, я стану вашим светом, — заверил его волшебник.

Гаррику хотелось спускаться внутрь не больше, чем моряку. Но сейчас он доверял Метрону, резонно полагая, что тот будет стараться изо всех сил, чтобы обезопасить их путь. Юноша сделал шаг вперед. Сила, притягивавшая его к стене, исчезла. Хаккен, боявшийся остаться в одиночестве больше, чем узнать, что ждет их внутри, прыгнул следом.

Небо над головой исчезло. Затихли завывания Тинт. На какое-то мгновение Гаррик оказался в темноте, ощущая лишь затхлый запах. Хрустальный амулет на его груди затрещал. Метрон вытянул вперед левую руку, державшую кольцо. На сапфире вспыхнул магический свет, отчего помещение, в которое они попали, осветилось. Гаррик с моряком стояли в длинном коридоре, напоминавшем нору мускусной крысы.

Они молча огляделись. Коридор казался выжженным в камне. Но убранство его было таким же роскошным, как во дворце.

На стенах висели гобелены из толстого мягкого шелка. Рисунки на них изменялись в зависимости от освещения. Между каждой парой гобеленов располагались ниши, над которыми с потолка свисали шнуры фиолетового цвета.

Метрон продолжал колдовать. Масляные лампы, подвешенные к потолку, загорались одна за другой. Они отбрасывали на стены бледный свет, подобный тому, который дает при горении чистейшее оливковое масло. По коридору заметались колеблющиеся тени, из-за чего светильники казались живыми существами.

В двадцати футах от того места, где стоял Гаррик, коридор разветвлялся. Каждое ответвление расходилось еще на два, и каждый новый коридор уходил в своем направлении, какой-то вверх, а какой-то вниз.

— Лорд Талемус должен быть в одной из этих камер, — пропихивал Метрон, и голос его оборвался. На этот раз слова не так ударили в мозг Гаррика, как прежде. — Но я не могу сказать, в какой именно. Заглядывайте в каждое смотровое окно и проверяйте, но будьте осторожны.

— Смотровые окна? — переспросил Хаккен. — Что-то я их не вижу...

— Вережки, — рыкнул Метрон. Волшебник почему-то злился и вел себя так же, как обычный человек, когда у него что-то не получается. — Дергайте за веревки, дураки.

Гаррик потянул за ближайший шнур, сплетенный из фиолетового плюша, с золотой кистью. Задняя стенка ниши, возле которой стоял юноша, слегка опустилась. Гаррик сделал к ней шаг и, приподнявшись на носки, заглянул внутрь.

В открывшемся окне он увидел сидевшего на полу ребенка лет шести. В руках мальчик держал игрушечную утку с разри-сованными глиняными крыльями. У стены стояли бронзовый стол и стул из кости мамонта, украшенный жемчугом. Кровати в комнате не было.

— Идите дальше, — пропищал Метрон. — Мы должны най-ти Талемуса.

— Почему... — начал Гаррик.

Ребенок повернул голову в его сторону. В глазах у него горел яркий адский огонь. Гаррик выпустил шнур из рук и попятился. Стена захлопнулась.

— Хаккен, проверь ту часть коридора. — Голос прозвучал как-то хрипло. — А я проверю эту.

Гаррик быстро подошел к следующей нише и протянул руку к веревке, на конце которой не было кисти. Сделав над собой усилие, он дернул ее изо всех сил и отскочил в сторону.

Эта камера была похожа на пещеру, покрытую непонятным налетом цвета жемчуга. Гаррик не смог понять, откуда в нее проникает бледный мерцающий свет. В камере, казалось, не было ни одного живого существа. Он отпустил веревку и пошел дальше по коридору.

Оставалось проверить еще четыре камеры. Немного оправившись от потрясения, полученного от зрелища адского огня в глазах ребенка, он открыл третью. Хаккен, будто по команде, последовал его примеру.

В открывшееся окно ниши на Гаррика уставился демон. Его длинные челюсти раскрылись, и до юноши донеслось омерзительное шипение. Тонкий раздвоенный язык потянулся наружу. Гаррик отпрыгнул в сторону и выхватил меч. Веревка выскользнула у него из руки. Окно захлопнулось, и демон вновь оказался за каменной стеной.

Прикусив нижнюю губу, Гаррик заглянул в следующую камеру. Его рука продолжала сжимать рукоять меча. Но тот, кто посмотрел бы на него сейчас, не заметил бы страха на его лице. И все же на всякий случай он решил держаться подальше от смотрового окна.

В камере на камне лежал мужчина. Его руки и ноги были

притянуты веревками к стенам. Мучительная смерть уже была близка. Их взгляды встретились, но на лице страдальца не мелькнуло ни надежды на спасение, ни страха перед приближающимся концом.

— Метрон, может, спасем парня вместе с Талемусом?

— Если я сделаю это, ты на коленях будешь молить Заступника упечь его под замок, но будет слишком поздно.

Гаррик нахмурился, но отпустил веревку, и ниша закрылась. Он уже потянулся, чтобы открыть следующую камеру, но передумал, решив вначале проверить, как идут дела у Хаккена.

Моряк, как окаменевший, стоял, прижавшись лицом к смотровому окну.

— Хаккен, — окликнул Гаррик, но его товарищ даже не пошевелился. Только пульсирующая вена на его шее свидетельствовала о том, что он жив.

Гаррик подошел ближе и дотронулся до его плеча.

— Хаккен! — крикнул он прямо в ухо моряку и заглянул в окошко.

В камере находилась голая женщина. Ее красота была способна затмить даже солнце. Желание накатило с такой силой, что он уже готов был крушить вся и всех на пути к вожделенному плоду.

Огромным усилием воли юноша заставил себя отвести взгляд от окна. Он схватил моряка и отшвырнул его в сторону. Вережка вырвалась из рук, окошко захлопнулось, будто ничего и не было.

Гаррик заморгал и стал тереть глаза.

— Дузи, помоги мне! — Его била дрожь. — Хаккен, ты как?

Моряк лежал на полу. Взгляд его все еще оставался пустым. Поднявшись на ноги, он вновь потянулся к веревке.

Гаррик схватил его за запястье и грозно произнес:

— Оставь ее. Иди к следующей камере. Мы должны найти лорда Талемуса и выбраться отсюда живыми.

— Я предупреждал, что нужно быть осторожными, — пропичал Метрон. — Многие здешние узники опасны для самих тюремщиков. А некоторые представляют угрозу даже для космоса.

— Отпусти меня, — прорычал моряк. Глаза его налились кровью, лицо побагровело. Он попытался высвободиться, но, поняв, что у него это вряд ли получится, поднял топор.

Гаррик ударил моряка в солнечное сплетение и выдернул из его рук оружие.

— Иди и проверь другие камеры на своей стороне, — приказал он. — Покричи, если найдешь лорда Талемуса. И не заставляй меня приходить за тобой еще раз.

Моряк вытарашил на него глаза, но не посмел возразить. Оправившись от удара, Хаккен сделал шаг к следующей веревке. Он потянул за нее, бросил быстрый взгляд в открывшуюся нишу и закрыл окошко. Затем проковылял к четвертой и так же быстро осмотрел ее. Перед тем как свернуть в развилку коридора, моряк бросил через плечо быстрый взгляд на Гаррика. В глазах его еще полыхала злость.

Гаррик засунул топор себе за пояс и направился в свою сторону. Он вернет Хаккену оружие, но только тогда, когда они выберутся из тюрьмы. Юноша наблюдал за моряком до тех пор, пока тот не свернул в коридор. Это была простая предосторожность на тот случай, если у Хаккена появилось бы желание задушить его.

Гаррик открыл следующее окошко. В отличие от предыдущих камер, эта была озарена красным магическим светом. Юношу заинтересовала причина такого явления, и он, прищурившись, попытался рассмотреть, что же происходит в камере. В этот момент за спиной раздался дикий крик.

— Хаккен! — Гаррик, выхватив из ножен меч, бросился к моряку, завернул за угол и там едва не столкнулся с ним.

Лицо Хаккена судорожно перекошилось. Из открытого рта текла желтая пена. Правую руку он вытянул перед собой, словно пытаясь защититься. Но в коридоре перед ним никого не было.

Внезапно спина моряка выгнулась дугой, и он упал замертво. Скрюченное тело застыло на полу.

— Метрон, что это? — Гаррик непонимающе крутил головой по сторонам, не в силах понять, почему умер Хаккен. Он не видел в коридоре ничего, кроме горящих под потолком ламп.

— Откуда я знаю, — пропищал Метрон. — Но это не магия. В этом я уверен. Погоди, сейчас определю точную причину смерти по глазам.

Правая рука Хаккена была откинута в сторону. Пальцы на ней уже почернели. На тыльной стороне ладони Гаррик рассмотрел что-то вроде двух точек от укуса.

— Не стоит, — отказался он от помощи Метрона и поднял меч. — С этим я справлюсь сам.

На веревке, за которую, похоже, дернул Хаккен, юноша увидел два красно-черных шара, окруженных желтыми кольцами. Они неподвижно застыли в воздухе. И только приглядевшись, можно было понять, что это два глаза.

Меч просвистел в воздухе и отрубил голову, даже не коснувшись каменной стены. Ядовитые клыки блеснули на свету. Пасть рептилии захлопнулась, словно мышеловка.

Тело ее извивалось кольцами, но она никому уже не могла причинить вред. Гаррик стащил ее с веревки, освободив проход к камере. Кровь рептилии, обильно стекавшая из отрубленного тела, запачкала ладонь.

В камере сидел молодой мужчина в шелковой тунике и играл в кости, выбрасывая их на деревянную доску. Как и все остальные пленники, он, казалось, не заметил, что за ним кто-то наблюдает.

— Это он! — воскликнул Метрон. — Не двигайся! Теперь не двигайся!

Волшебник помолчал, а затем запел заклинание.

— Трескидин амат лахаха...

Талемус с отрешенным лицом сидел на полу, по-прежнему выбрасывая кости из эбонитовой чаши на доску. Гаррик узнал бы его и без подсказки волшебника — по той статуе, которую нашел на Змеином Острове.

— ...генио гибидидам... — распевал Метрон, — лоусман!

Стена исчезла. Талемус подпрыгнул от неожиданности, оторвавшись от игры, и ухватился за спинку стула, чтобы использовать его как оружие.

— Пойдемте, — успокоил его Гаррик и схватил за рукав. Талемус выглядел очень молодо, хотя Гаррику казалось, что

лорд должен быть старше его самого. — Давайте выбирать ся отсюда.

— Быстрее тащи его, — пропищал из хрустального амулета волшебник. — Я спас вас, лорд Талемус.

Спасти пленника можно было только одним способом — следуя наставлениям мага. Гаррик потянул Талемуса за собой, и они оказались в коридоре. Вспышка голубого цвета коснулась купола. Он почернел, и в нем открылся проход. Волшебник продолжал распевать заклинание, не давая куполу вернуться в прежнее состояние.

Тело Хаккена так и осталось лежать на полу. *Пусть мужчины умрут, и тела их останутся на поле битвы...* Впрочем, будь такая возможность, Гаррик вынес бы тело моряка наружу.

— Ты должен нести лорда Талемуса, — приказал юноше Метрон. — У меня нет времени подготовить его. Быстрее!

— Что? — недоуменно спросил Талемус.

Гаррик схватил лорда за плечи и, подкинув, забросил себе на спину. Не до объяснений. Больше дела, меньше слов.

— Он у меня на спине!

— Бихолрва! — произнес Метрон. Гаррик вновь почувствовал силу притяжения. Он ступил на отвесную стену башни и стал спускаться вниз, не обращая внимания на вопли Талемуса и удары, которыми тот осыпал его спину.

Ночь уже вступила в свои права. На звездном небе появился наконец лунный диск. Гаррик почти бежал вниз по стене, к кустам, не обращая внимания на стремительно приближавшуюся землю. Тинт сидела там же, где он ее оставил. Только сейчас она вела себя очень тихо.

— Быстрее, прошу тебя, — молил Метрон. Он уже не пытался бодриться. — Даже с помощью кольца я удерживаю вас из последних сил.

Кусты затряслись. Что-то темное приподнялось над листвой.

Похоже, там прячется человек, подумал Гаррик. Но тень продолжала увеличиваться, и он понял, что ошибался.

За кустом скрывалась огромная, с башню, змея.

— Метрон, — воскликнул Гаррик, — ты можешь остановить это чудовище?

Он попытался вытянуть меч, но Талемус помешал ему это сделать. Лорд закричал как безумный и вцепился руками в шею Гаррика. Они едва не рухнули на землю. Лишь усилие волшебника не позволило беглецам превратиться в мешки с костями. Словно зачарованные, они не могли оторвать глаз от чудовищной змеи, вытягивающей к ним голову.

Внезапно Гаррик вспомнил, какой испуг пережила Тинт при виде удава на Змеином Острове. Неудивительно, что сейчас она сидит так тихо. Похоже, девушка просто окаменела от страха.

— Быстрее, — торопил Гаррика волшебник. — Мои силы на исходе.

— Гар! — в отчаянии закричала Тинт и подпрыгнула вверх. Она подскочила на двадцать футов и удачно зацепилась. Отсюда девушка-обезьяна могла бы прыгнуть еще выше. Но она оттолкнулась от стены и, вцепившись в чудовище всеми четырьмя конечностями, изо всех сил укусила рептилию за шею.

Змея принялась скручиваться кольцами, словно соломенный жгут, брошенный в огонь. Она не могла дотянуться до Тинт, чтобы вонзить в нее ядовитые клыки. Поэтому рептилия начала раскачиваться, стараясь припечатать девушку-обезьяну к стене. Тинт поплыла вместе с ней по воздуху, по-прежнему цепляясь за гибкое тело, в надежде добраться до безопасного выступа на стене.

— Быстрее, — вновь закричал Метрон.

Гаррик стянул с себя оцепенение. Не обращая внимания на Талемуса, он вытащил меч и прыжками понесся к земле. Если лорд не сможет удержаться за него, то ему придется научиться летать.

Змея изогнулась и обвилась вокруг девушки-обезьяны. Тинт пронзительно вскрикнула, раздался хруст костей, и тело девушки-обезьяны обмякло. Рептилия, слегка ослабив хватку смертоносных колец, склонила к ней плоскую треугольную голову. Подбросив жертву в воздух, она поймала ее и, вытянувшись на лужайке во всю огромную длину, принялась заглатывать добычу.

Гаррик почувствовал, что земля уже недалеко. Он оттолкнулся от стены и прыгнул вниз, чуть согнув колени. Трава смягчила удар, и юноша приземлился на землю без какого-либо ущерба для собственного здоровья. Потрясение, которое пришлось пережить Талемусу, едва не перелетевшему через его голову, в расчет не принималось. В ушах бился крик Метрона:

— Перебирайтесь быстрее через стену! Она не полезет за вами!

Отмахнувшись от его воплей словно от назойливой мухи, Гаррик шагнул навстречу змее.

Рептилия приподняла голову с широко открытой пастью, по обеим сторонам которой свисало безвольное тело Тинт. Ее горящие глаза, не мигая, уставились на юношу. Гаррик взмахнул мечом и ударил змею по шее так, словно рубил дрова. Клинок наткнулся на кость. Длинное тело змеи забилось в конвульсиях, отчего растения вблизи зашатались и упали, будто вырванные смерчем.

Змея выгнула спину с широким рисунком. Ее голова ударилась о стену, раздался глухой стук. На улице кто-то закричал.

Сгорбленное тело девушки-обезьяны задрожало и исчезло в судорожно захлопнувшейся пасти. Глаза чудовища погасли, и оно неподвижно вытянулось на земле. Гаррик вновь замахнулся мечом, чтобы нанести еще один удар, но остановился и вложил клинок в ножны.

Он повернулся к Талемусу. Тот сидел на земле и с ужасом смотрел на происходящее. Гаррик протянул ему руку, помогая подняться.

— Иди за мной, — сказал он, направляясь к тому месту, где они спустились в сад. — Ступай по моим следам.

Гаррик шел впереди, незаметно вытирая глаза. Если бы он сейчас пожалел слез, это значило бы, что Тинт погибла зря...

Шарина стояла на причале рядом с трубачом, который подавал сигнал каждый раз, когда моряки спускали на воду очередную трирему. Она почти не слышала сигнального горна. Все другие звуки перекрывал шум того бедлама, который всегда творится при погрузке кораблей.

Шкивы заскрипели, сосновые доски пронзительно завизжали в унисон, касаясь натертых известью стапелей. И через причал от нее на воду плюхнулась следующая трирема. Спускавшие ее рабочие перебросили на борт швартовые, державшие корабль у набережной. У причала ожидали команды на погрузку примерно около ста человек, державших в руках весла. На корабле находились только рулевые да несколько гребцов, готовые в случае непредвиденных обстоятельств вывести корабль из бухты в открытое море.

Флотские унтер-офицеры громкими криками подгоняли моряков. Толпа зевак с восторгом наблюдала за происходящим, люди оживленно обмениваясь друг с другом впечатлениями.

Карус отошел от группы советников и приблизился к Шарине. В этот день на нем была походная одежда: короткая туника с рукавами, плащ с капюшоном на плечах и сандалии на прочной толстой подошве. Утром он собирался надеть ту одежду, в которой воевал, будучи правителем Островов. Но Лизэйн объяснила, что это может вызвать нежелательные разговоры.

— Ну, что, тебя впечатляет происходящее? — склонился он к Шарине.

Она помедлила, не зная, что ему ответить. Но потом сказала правду:

— Меня все это очень смущает. Такое зрелище не по мне. Слишком много суматохи.

— Верно, — согласился Карус, — хотя войска справляются с этим лучше, чем я ожидал. Если бы позволяло время, я погрузил бы всю пехоту на корабли прямо в устье реки.

Девушка не стала указывать ему на скопившихся на причале солдат, что было одним из доказательств царившего здесь беспорядка. Тяжелая пехота, грузившаяся на корабль, озлобленно расталкивала гребцов, пытаясь разместиться в центре судна.

Солнечный зайчик ослепил Шарину и заставил прищуриться. Она приставила руку ко лбу козырьком, стараясь рассмотреть, что стало причиной его появления. В доке, используя обнаженный меч в качестве указки, спуском на воду очередного судна руководил сам лорд Валдрон. Увидев его, Шарина поня-

ла причину, по какой офицеры набрасывались на моряков, выказывая служебное рвение.

Какой-то офицер безуспешно пытался миновать кордон стражников из отряда Кровавых Орлов, чтобы подойти к королю. Драгоценные камни, закрепленные на его доспехах, сверкали и переливались на солнце. Убедившись, что стража не собирается его пропускать, офицер издали громко обратился к Карусу.

Король замолчал и, повернув голову, посмотрел вначале на командира охраны, а затем на пытающегося прорваться офицера. Последний закричал еще раз:

— Принц Гаррик...

— Лорд Госли! — прогремел в ответ голос Каруса. — Немедленно спусти на воду «Хозяйку Вэллиса» или оставь свой пост, как и свою честь! Если будешь медлить, я позабочусь, чтобы твоя голова рассталась с телом до заката солнца!

Шарина моргнула. Лорд Валдрон, находившийся на другой стороне пристани, перестал распекать подчиненных, услышав голос короля.

Лорд Госли с ненавистью посмотрел на Каруса. Его глаза от злости налились кровью. Не промолвив ни слова, он круто развернулся и зашагал назад.

Карус с отвращением покрутил головой.

— Ты считаешь, что я не должен был так говорить? — прошептал он на ухо Шарине. — Я запретил брать на корабли лошадей. А Госли настаивал, чтобы его конь отправился с ним. Мало того, он заплатил капитану триремы, чтобы его кавалеристы тоже смогли взять с собой лошадей. И теперь его батальон готов следовать за ним, куда бы он ни приказал. Не за мной, а за ним. Разве за это не следует отрубить голову?

Шарина откашлялась. Она не хотела повторять слова Каруса. Вместо этого девушка положила руку ему на плечо и заметила:

— Мое дело напоминать вам, что вы принц Гаррик. И лишь моя вина в том, что вы забыли об этом, Ваше Величество.

Как она и ожидала, Карус смутился от мысли, что своей грубостью причинил Шарине неудобство. Девушка поспешила сменить тему разговора:

— Может быть, все-таки стоило грузиться в устье реки?

Карус не ответил. Вместо этого он опустил свои кулаки на парапет причала и стал наблюдать за происходящим в бухте. На его губах появилась широкая улыбка. Шарина чувствовала, что он еле сдерживается, чтобы не разразиться хохотом. Она тоже посмотрела на море, стараясь понять причину его веселья.

Только что загруженная трирема отчалила от пристани. На веслах в ней сидела всего лишь дюжина гребцов. Корпус корабля качался на волнах из стороны в сторону. Пехотинцы боялись пошевелиться, вцепившись в деревянные скамейки, а унтер-офицеры криками подбадривали новобранцев. Команда небольшого буксира слаженно махала веслами, выводя судно на рейд.

Два других корабля уже шли по фарватеру самостоятельно. Течение сближало их, но команды пока не замечали грозившей судам опасности. Внимание обоих капитанов было отвлечено на наведение порядка среди солдат, беспорядочно слонявшихся по палубам. Рев предупреждения, донесшийся с пристани, в одну секунду оповестил обе команды об угрозе столкновения. Гребцы на триремах налегли на весла и развели их в разные стороны. В противном случае дело могло бы закончиться кораблекрушением. Сейчас же все обошлось лишь поломкой одного весла. Толпа на пристани восторженно завопила.

— Вот почему я не сделал этого, Шарина, — ответил он на ее вопрос, повысив голос, чтобы девушка могла расслышать его в общем шуме. — Я дал возможность всем увидеть, что армия и народ королевства едины.

Он еще раз посмотрел на корабли, затем на пристань и продолжил:

— Здесь, на этих кораблях, находятся люди с Хафта, Шенги и Серизы. Они отправляются навстречу такой опасности, которая способна напугать любого жителя Островов. Это похуже, чем платить налоги. Теперь люди, которые остаются на берегу, знают, как все происходит. И смогут рассказать об этом тем, кто не видел. Сейчас мы заложили первый камень единства.

Карус положил руку на плечо Шарине, стараясь успокоить ее и сдержать охватившие его чувства.

— В то время, когда я правил Островами и меня звали Карус, — заговорил он с дрожью в голосе, — мне казалось, что

есть лишь моя армия и мое королевство. Только Пастырю известно количество врагов, поверженных мною. Я был готов убивать сотнями, стирая в пыль их кости. И это продолжалось до того дня, пока я не умер. А мое королевство умерло вместе со мной.

Шарина сжала другую руку короля и неотрывно смотрела на бухту, чтобы не смущать его.

— Гаррик думает по-другому, и я сейчас начинаю понимать его, — продолжил Карус. — Эта армия, как и королевство, принадлежат каждому, кто считает себя жителем Островов. Короли не должны править с помощью кулаков и мечей. Только тогда они достойны уважения. И когда они умирают, на их землях не воцаряется хаос.

Карус засмеялся. Но в его смехе было больше сарказма, чем веселья.

— Запомни, девочка, это тело я получил взаймы. И намерен вернуть его твоему брату. Ну, может, с одним или двумя шрамами. Не больше. Но он и сам мог бы запросто получить их на войне.

Вновь заиграла труба. Последняя трирема опустилась на воду, заняв свое место в строю боевых кораблей. Только «Король Островов» оставался еще на якоре у пристани. Огромный пятипалубный флагманский корабль, на котором Шарина и Теноктрис поплывут вместе с Карусом.

— Ну, а пока не вернется Гаррик, — голос Каруса прозвучал слишком громко, и его могли услышать окружавшие их люди, хотя сам король не придавал этому значения, — я буду присматривать за королевством вместо него.

Он крепко сжал рукоять меча и выхватил его из ножен так, что лезвие заиграло в лучах солнца. Народ восторженно закричал.

— А сейчас, — провозгласил Карус, подбадриваемый сотнями горожан, — за Пастыря! И пусть враги королевства обратятся в прах!

Кэшел потянулся, наслаждаясь солнечным светом, который пробивался сквозь высокие кусты. Рощица гигантской голубики оказалась хорошим местом, где они могли передохнуть, не опасаясь, что их заметят.

Обычно юноша просыпался на рассвете. Но за последние дни он слишком устал, да и Тильфозе был просто необходим длительный привал. Кэшел взглянул на нее и усмехнулся. За дни их странствий одежда ее поизносилась, и она уже не походила на ту леди с корабля, которую он вытащил из моря. Тильфоза с самого начала их знакомства не отличалась полнотой, но Кэшела все же расстраивало, что щеки девушки ввалились, и на них уже не пылает яркий румянец. Это не сразу бросалось в глаза, пока она бодрствовала. Но сейчас, когда Тильфоза спала на голой земле, положив под голову свой плащ, она походила на сироту, брошенную на произвол судьбы в бурный речной поток.

Кэшел осторожно встал и стал стряхивать ягоды голубики с нижних веток. Вместо корзины он подставил под них подол туники. Юноша старался делать это тихо. Но треск веток разбудил Тильфозу. Она тут же вскочила и растерянно завертела головой по сторонам. В руках девушка держала сломанный меч, собираясь защищаться от грозящей им опасности.

— Ой! — воскликнула Тильфоза, потеряв равновесие. Она попыталась назад и попыталась ухватиться за кусты, чтобы не упасть.

Кэшел бросился на помощь, рассыпав ягоды. И успел как раз вовремя. Как всегда, когда нужно действовать, бывший пастух оказывался намного проворнее, чем казалось окружающим. Вот только схватил бедняжку слишком сильно, чем мог причинить ей не меньшую боль, чем царапины от кустов голубики.

Тильфоза выпрямилась. И юноша отпустил ее руку.

— Извини, — попросила прощения девушка. — Мне приснился плохой сон.

Она измученно улыбнулась и принялась растирать локоть. Не глядя на Кэшела, Тильфоза продолжила:

— Мне приснилось, будто огромная змея пыталась меня проглотить.

Наконец она набралась смелости и посмотрела на него, все еще напряженно улыбаясь. Руки цепко сжимали хрустальный медальон, висевший на ее шее.

— Не думаю, что это Владычица наслала на меня этот сон.

Кэшел прищурился. Мысли хороводом кружились у него в голове. Присев на корточки, он попытался собрать рассыпав-

шиеся ягоды, но тут же отказался от бесполезного занятия. Часть ягод была раздавлена, а что-то вообще скатилось по склону в овраг. Он распрямился и поднял повыше посох, чтобы наклонить ближайшие ветки. С них гроздьями свисали спелые ягоды. При первом же прикосновении они посыпались, будто град, на головы Кэшела и Тильфозы.

— Я не видел поблизости ни одной змеи, — успокоил он девушку, отправляя в рот пригоршню голубики. Тильфоза, как истинная леди, клевала по одной яголке, хотя тоже проголодалась. — Здесь даже нет птиц, вот что забавно. Мне казалось, что тут будет полно галок и сорок, но я до сих пор не услышал ни одной птичьей трели.

Тильфоза уже собиралась положить на землю сломанный меч, который называла кинжалом, но, услышав слова Кэшела, снова вцепилась в рукоять.

— Как по-твоему, эти кусты выросли сами или посажены человеком?

Юноша внимательно осмотрел кустарник. Спелая крупная голубика свисала с кустов гроздьями. Земля здесь была рыхлой и влажной. По ней вился лишь плющ, да росли дикие цветы.

— Думаю, за ними кто-то ухаживает. А значит, их посадили. На земле под ними ягод нет, кроме тех, что я рассыпал.

Он откашлялся. Странно, что нижние листья не объедены животными.

— Я думаю, нам нужно идти, — предложил Кэшел и посмотрел на небо. Солнце стояло почти в зените. — Если ты, конечно, готова к этому.

Тильфоза согласно улыбнулась, прожевывая голубику. Ягодный сок испачкал губы, и она вытерла их рукой.

— Я готова. У меня, правда, еще немного кружится голова. Но это оттого, что я слишком резко подскочила, проснувшись.

Кэшел не был уверен в правдивости ее слов. Похоже, она что-то скрывает. Но он не мог назвать ее лгуньей.

— Мы шли на восток и вышли сюда. Это самое хорошее место из всех, где нам довелось побывать прежде. Но думаю, пора уходить.

Тильфоза кивнула, соглашаясь с ним. Ее рот опять был полон ягод. Она приподняла тунику, чтобы насыпать в подол ягод про запас. Интересно, использовала ли леди Тильфоза свою одежду в подобных целях раньше, до того, как Кэшел показал ей это на своем примере?

Тильфоза пошла вдоль кустов голубики, направляясь к выходу из ягодной рощи. Девушка шагала вперед, не оглядываясь, в полной уверенности, что Кэшел следует за ней. Он улыбнулся.

— Госпожа, если вы пойдете чуть помедленнее, то я даже смогу идти рядом с вами. Хотя мне не привыкать к тому, что овцы идут впереди. Я же когда-то был пастухом. Не забыла?

— Ой, — пробормотала девушка, оглядываясь, и улыбнулась, залившись от смущения пунцовой краской. — Извини.

— Мы пойдем во-о-н туда, — махнув рукой на восток, Кэшел указал направление, — что бы нас ни ждало впереди.

Тильфоза покрутила головой по сторонам, а потом снова взглянула в глаза спутнику.

— Где ты хочешь оказаться? Что ищешь?

Юноша пожал плечами и забросил в рот пригоршню ягод.

— Дорогу домой, — пояснил он неразборчиво из-за набитого рта. — Мы будем придерживаться того направления, которое я показал. Надеюсь, чутье меня не подводит и дорога выбрана верно. Но прежде я доставлю тебя в целости и сохранности к Талемусу. И удостоверюсь в том, что ты захочешь с ним остаться.

— Где бы я хотела остаться... — Тильфоза опустила глаза к земле, а затем посмотрела на Кэшела. К его удивлению, в них не было той трогательной нежности, как раньше. Голос девушки зазвенел. — Кэшел, я уже не доверяю Метре. Больше того, я совсем не уверена, что смогу доверять...

Лицо у нее сморщилось, будто она надкусила кислый лимон, а может, и что похуже. Наконец, собравшись с силами, она закончила:

— Я не уверена, что могу доверять Владычице. Представляешь, что будет, если мы придем к лорду Талемусу, а он в сговоре с Архаями? Думаю, вряд ли они настроены дружелюбно по отношению к людям, как на этом настаивала Метра.

Кэшел вновь пожал плечами.

— Скоро все выяснится.

Он не знал, как ее успокоить, и хотел быстрее закончить бессмысленный, по его мнению, разговор.

— Как часто обстоятельства складывались в твою пользу, мастер Кэшел? Я в этом не слишком удачлива.

Юноша доел ягоды, и теперь обе руки у него были свободны. Он вытер их о тунику и крепче сжал посох.

— Могу похвастать, что до сих пор мне изрядно везло. — Он покрутил свой посох, желая показать, в чем причина его удачливости. — Может, не сразу, но я всегда находил верный выход.

Тильфоза фыркнула, сдерживая смех, и тут же замахала рукой, желая убедить его, что с ней все в порядке. Она смеялась, а он никак не мог понять, в чем причина внезапного веселья.

— Все в порядке, Кэшел, — едва смогла выговорить от смеха девушка. — Я просто поверила в то, что обстоятельства могут сложиться удачно и для меня. Пока я с тобой, удача вполне может мне улыбнуться.

Перед ними лежала равнина, лишенная каких-либо признаков человеческого присутствия. Впереди не было ни каменных стен, ни полей с пшеницей, ни распаханной земли. Но, может, потому, что Тильфоза обратила его внимание на ухоженные кусты голубики, Кэшел начал замечать признаки обработки земли. Они не сразу бросались в глаза, но все же... До самого горизонта земля была покрыта цветущими тюльпанами и барвинком, которые чередовались красными и голубыми полосами. Хотя так могла распорядиться и природа, а человек вовсе был тут ни при чем. А вот заросли самшита, на первый взгляд совсем не похожие на живую изгородь, росли все же слишком плотно и слишком ровно, чего не бывает в естественных условиях.

— Кэшел, — позвала его Тильфоза. — Нет, мне показалось. Кажется, в тех кустах кто-то был. Правда, там очень мало места, чтобы спрятаться.

Кэшел посмотрел в ту сторону, куда указывала Тильфоза.

— Это просто груши. Ты зря беспокоишься, — успокоил он девушку. Деревья росли чуть в стороне от их пути. Но все же

Кэшел направился к ним, чтобы присмотреться внимательнее. Тильфоza шла рядом с ним.

— Разве бывают грушевые деревья такими маленькими? — поинтересовалась девушка. Она почувствовала тепло его тела. Кэшел же заметил, что ее рука сжимает рукоять обломанного меча.

Деревья были ему по плечо. Они отличались от тех груш, что росли у него на родине, аккуратной круглой кроной. На ветках висело много крупных зрелых плодов. Земля под ними была разрыхлена и удобрена, а трава обкошена. Похоже, этим занимался человек, который знал, как ухаживать за деревьями.

— Никогда не видел таких груш, — удивился Кэшел. — Но они созрели и вполне съедобны. Их сок поможет нам утолить жажду, до тех пор пока мы не найдем воду.

Он протянул руку к ближайшей ветке и, сорвав грушу, протянул ее Тильфозе. И тут же глаза его уловили движение в ветках дерева. Юноша резко повернул голову, но увидел лишь качающиеся ветки.

— Что это было, Кэшел? — спросила девушка дрожащим голосом и выхватила из-за пояса обломок меча.

— Не знаю. Что-то бросилось в кусты остролиста прежде, чем я смог его опознать. Размерами не больше кролика и двигалось так же. Но кажется...

Он сорвал грушу для себя, даже не взглянув на дерево.

— Во всяком случае, нам лучше уйти отсюда поскорее. Я хочу добраться до воды. И может быть, мы найдем поблизости тропинку или какой-то другой знак, который поможет выйти к источнику.

Кэшел еще раз огляделся и нахмурился. Вытерев о тунику пальцы, измазанные соком груши, он подхватил с земли посох.

— Я не увидел здесь ни одного куста или дерева, о котором бы не позаботились люди, — заключил юноша после осмотра растительности. — Даже сады королевского дворца в Вэллесе обработаны хуже, чем здешний лес. Наверное, где-то поблизости есть деревня.

— На сад не похоже, — не согласилась с ним Тильфоza и тоже нахмурилась, не желая спорить.

— Это совсем другое, — пояснил Кэшел. — Те, кто ухаживает за этими растениями, делают лишь необходимую работу. Они словно выполняют пожелания растений: подкармливают корни, обрезают сухие ветки. Это совсем не то, что делает садовник в саду.

Он откашлялся.

— Может, продолжим наш путь? Если, конечно, ты...

— Пойдем, я давно уже готова следовать за тобой, — ожилилась Тильфоза. Она не стала прятать свой кинжал за пояс, хотя Кэшел не чувствовал здесь ничего враждебного — вполне мирный уголок.

Тропинка поднималась вверх. Когда они добрались до вершины холма, их взглядам открылась деревня, расположенная в долине у его подножия. Она находилась чуть в стороне от дороги, и домов в ней было больше, чем мог сосчитать Кэшел. По крайней мере пальцев на руках не хватило бы. Крохотные избышки напоминали соломенные ульи с крышами, покрытыми листьями вместо привычного Кэшелу камыша.

— Сегодня, после того как мы покинули утром заросли голубики, я больше нигде не видел травы, — поделился своими наблюдениями юноша.

— Я тоже, — согласилась с ним Тильфоза. — А что, это может иметь какое-то значение?

Кэшел пожал плечами.

— Я не заметил ни полей пшеницы, ни камыша. Все здесь сильно отличается от той местности, где я живу и к которой привык.

Юноша откашлялся и сплюнул.

— Наверное, поэтому мне здесь немного не по себе.

Пока он не увидел здесь никаких признаков жизни, кроме ползающих жуков да тени, мелькнувшей в грушевых деревьях. Люди, построившие эти лачуги, тоже как будто попрятались.

Они спустились к деревне. Голосов не было слышно, не чувствовалось запаха дыма от горевших очагов, что удивило и насторожило Кэшела. После тех нескольких дней, когда они не смогли развести костер, его ноздри безошибочно определили бы место, где горел огонь.

Избушки стояли по кругу одна возле другой так тесно, будто это комнаты, а не дома. Постройки в его родной деревне Барка тоже были невелики, но они располагались друг от друга на большем расстоянии, чем здесь. Окон Кэшел и вовсе не обнаружил, а двери были маленькими даже для такой избушки и выходили в пустой внутренний двор.

Кэшел прошел мимо домов. Единственным входом в деревню служил небольшой проход с восточной стороны.

— Как ты думаешь, здесь кто-нибудь есть? — испуганно спросила Тильфоза. Она прижала руки к груди и настороженно оглядывалась по сторонам, чтобы загодя увидеть подстерегавшую их опасность.

Кэшел сначала нахмурился, но потом потер лоб и улыбнулся. Понятно, что Тильфозу пугает тишина. Вот и хочет услышать от него подтверждение, что он готов защитить и уберечь ее от любой угрозы.

— Люди где-то неподалеку, — пояснил юноша и указал на сушилки на крышах домов. На них Кэшел заметил разложенные ягоды, разные фрукты и овощи. Не было только мяса. — Эти яблоки порезаны не больше часа назад.

Кэшел еще раз обошел внутренний двор, осмотрев каждую избушку, и вернулся к проходу. Юноша двигался, высоко поднимая посох, чтобы, защищаясь, не задеть крыши домиков.

— Если сравнить их предполагаемый рост и наш...

Он улыбнулся, посмотрев на девушку. Она была великаншей по сравнению с теми, кто построил эти хижины.

— ...я не виню их за трусость. Просто им нужно время, чтобы разобраться, друзья мы или враги.

Тильфоза встала на колени, чтобы заглянуть в открытую дверь. Похоже, она не увидела там ничего для себя интересно-го. На лице девушки отразилось недоумение. Она посмотрела на Кэшела, собираясь что-то спросить, но передумала и только улыбнулась.

— Впереди заросли ив. Туда мы и пойдем. — Кэшел улыбнулся ей в ответ и вновь указал посохом на восток, где за кустарником виднелись верхушки деревьев. — Похоже, что там есть ручей или река. И если жители этой деревушки убедятся, что

мы не причиним им вреда, то выйдут к нам. И мы сможем познакомиться с ними поближе.

Они двинулись в направлении, указанном юношей.

— А что, если они не выйдут? — задала мучивший ее вопрос Тильфоза.

Кэшел пожал плечами.

— Мы просто пойдем дальше, как и сейчас. Не думаю, что мы получим от них что-то такое, чего не можем добыть сами. Ты же видишь, они даже не умеют готовить еду на огне.

Тильфоза мечтательно улыбнулась.

— Больше всего мне бы хотелось, чтобы над головой была крыша, если пойдет дождь. Но небо ясное. А эти лачуги, как мне кажется, не смогли бы спасти нас от дождя. Они ведь похожи на сплетенные из прутьев шалаши.

— Я видел птичьи гнезда, построенные получше, — согласился с ней Кэшел. — А вот белки действительно сооружают что-то подобное.

Он хмыкнул от своего сравнения здешних жителей с большими белками, но затем трезво рассудил, что не может обсуждать то, чего никогда не видел, и почесал в задумчивости затылок.

— Кэшел, что с тобой? — Тильфоза вопросительно подняла вверх брови.

— Думаю, эти жилища все-таки построили не белки, потому что животные не способны вести себя как люди.

Тильфоза озабоченно посмотрела на него, стараясь понять, что он имеет в виду.

Деревья, вдоль которых они шли, напоминали ивы. Одно из них сразу приковывало к себе внимание, выделяясь на фоне бледной зелени темной листвой. Могучее дерево возвышалось над остальными. Ветки его тесно сплелись между собой, подобно избушкам в той деревне, которую Кэшел с Тильфозой только что покинули. Некоторые низко склонились к земле, словно козы на водопое. Кое-где на ветках висели огромные стручки.

Темные листья этого странного дерева были маленькими и круглыми и больше подошли бы оливе, чем такому великану.

Стручки, свисавшие вниз, превосходили по размеру семенные коробочки акации и рожкового дерева.

Створки одних стручков уже плотно сомкнулись и стали коричневыми. Открытые имели такую же окраску, как и листья.

Присмотревшись, Кэшел понял, что ошибался. Он принял за стручки с семенами огромные, скрученные в трубочки листья.

Такие огромные, что могли удержать маленького человека.

— Кэшел, там человек, — громко произнесла Тильфоза, указывая на дерево пальцем. Она с трудом сдерживалась, чтобы не заголосить от ужаса. — Кэшел, он же...

— Успокойся. Я все вижу, — оборвал ее юноша и больше ничего не добавил. Предстояло решить, что делать дальше.

Кэшел уже заметил под склонившейся к земле веткой голого человечка размером с ребенка. Волосы на его голове отсутствовали, а бронзовая кожа в тени дерева казалась пепельной. Человечек неподвижно стоял на земле, а лист закручивался вокруг него. Лишь глаза, лихорадочно бегавшие по сторонам, да маленькая жилка, пульсирующая на шее, показывали, что он еще жив. Однажды Кэшелу довелось наблюдать такое оцепенение у кролика, перед тем как его проглотила гремучая змея.

В воздухе стоял тяжелый запах. И его никак нельзя было назвать приятным. Кэшел сморщил нос и подошел ближе к жертве. Над головой шуршали ветки, но само дерево стояло неподвижно.

Лист продолжал медленно закручиваться вокруг жертвы. Его изогнутые зубчатые края походили на клыки морского демона.

Получавшийся из листа стручок уже туго спеленал свою жертву и начал приобретать коричневый оттенок. Кэшел мог бы разрезать лист ножом, когда тот был еще зеленым и гибким, но побоялся задеть человечка.

Сейчас он держал наготове посох.

Кэшел замер на месте, прислушиваясь к внутреннему голосу. Но голос молчал. И юноша понял, что нужно действовать, не ожидая подсказок. Он присмотрелся к ветке, еще раз оценив ее толщину. Затем поднял посох и нанес удар по тому месту, где она крепилась к стволу дерева.

Если бы перед ним был дуб или, что хуже, кизил, то ему в лучшем случае удалось бы лишь поцарапать кору. Но это дерево оказалось не таким прочным; по твердости оно напоминало грушу. Ветка сломалась, не выдержав удара, и упала на землю вместе с жертвой.

Из зарослей кустарника позади дерева раздались пронзительные звуки, словно ветер сталкивал между собой медные горшки.

Кэшел наклонился и дотронулся до плеча маленького человечка левой рукой. В правой он все еще сжимал посох, опасаясь ответных действий дерева. Лист на обломанной ветке раскрылся, вывернувшись в обратную сторону. Он пульсировал и подрагивал, словно живое существо, бившееся в предсмертной агонии.

Юноша продолжал наблюдать за деревом. Тильфоза сделала к нему несколько шагов и остановилась, не решаясь подойти ближе.

Спасенный человечек закашлялся и попытался глубоко вздохнуть. Тело его покрывала какая-то жидкость, по всей вероятности, сок листа. Он заморгал, начиная, похоже, понимать, что с ним произошло.

— Я позабочусь о нем, — предложила Тильфоза и, опустившись на колени перед человечком, подсунула под его голову руку, в которой сейчас уже не было кинжала.

Кэшел выпрямился и подвел итоги наблюдений. Листья странного дерева закрывались, будто лепестки лотоса на ночь. Запах, ощущавшийся вначале, испарился. От него не осталось и следа.

Юноша посмотрел на сломанную ветку. Из нее струился темный густой сок. На земле развернутый лист уже сморщился и напоминал высушенную на солнце кожу. Кора сломанной ветки постепенно осыпалась.

Из зарослей калины и акации к нему стали выползать такие же человечки. Все они были голыми, как мужчины, так и женщины. Несколько женщин держали на руках крошечных детишек, похожих на полуторамесячных щенков комнатных собачек. Кэшел не заметил у человечков ни оружия, ни инст-

рументов. Они подходили к нему все ближе, вытянув вперед руки ладонями вверх.

Кэшел тоже вытянул вперед пустые руки, чтобы поприветствовать незнакомцев. Их было очень много. Если все они пришли из той деревушки, в которой недавно они с Тильфозой побывали, то в каждом домике должно было проживать не меньше дюжины.

— Достопочтимые господин и госпожа! — закричал тонким голосом пожилой мужчина, стоявший впереди. — Мы, Помощники, приветствуем вас! Добро пожаловать в нашу Страну.

— Добро пожаловать в нашу Страну, — хором поддержали его остальные.

Их голоса напомнили Кэшелу кваканье лягушек весной. Он улыбнулся, подбадривая Тильфозу, и позволил человечкам обступить их со всех сторон. Местные жители показались ему безобидными и доброжелательными.

Глава четырнадцатая

Шарина стояла на борту пятипалубной триремы рядом с капитаном возле деревянной мачты, выкрашенной в лазурный цвет. Ее установили совсем недавно, переоснащая «Короля Островов» для участия в боевых действиях.

Здесь же на шкафуте находилась и Теноктрис, негромко читавшая магическое заклинание. Голос волшебницы заглушался шумом ветра, а от посторонних глаз ее закрывало полотнище паруса, заменявшее защитный полог. Но все равно моряки старались не смотреть в ее сторону.

Света и воздуха Теноктрис в ее убежище хватало, а Шарина в любой момент была готова принести ей все, что могло понадобиться, точно так же, как в королевском дворце в Вэллесе. Обычно магический свет закрывал солнце красной или голубой дымкой, но сейчас вспышки были такими редкими, что команда ничего не замечала.

Капитан отдавал распоряжения команде через трубача. Тот сидел на кормовой части борта. Услышав приказание, он подносил к губам инструмент и трубил условный сигнал.

— Прекратить грести! — приказал капитан Сей. — Расправить парус!

Офицеры на палубе хором дублировали приказания, обильно сдабривая их площадной бранью. Шарина уже изучила ругательства и понимала, какие распоряжения относятся к солдатам, а какие к морякам. Разница в методах, применяемых младшими офицерами и погонщиками мулов, заключалась лишь в том, что первые не пользовались кнутом. По крайней мере в королевской армии.

Пока команда готовила шкоты, чтобы растянуть парус и поймать попутный ветер, гребцы отдыхали и могли размять ноги. Скамейки были мокрыми от пота, ведь им пришлось трудиться под прямыми лучами солнца, почти в полном безветрии.

Король Карус спрыгнул на палубу и встал рядом с Шариной. Капитан Сей сделал шаг ему навстречу, чтобы поприветствовать, но Карус энергично замахал рукой.

— Продолжай заниматься своим делом, Сей, — приказал он. — Каждый на этом корабле должен заниматься своим делом.

Свободные от вахты офицеры чокались чашами с вином, разбавленным на две трети водой. От столкновения кубков друг с другом раздавался дребезжащий звук. Помощники судового писаря, носившие при себе восковые дощечки со списками, проверяли имена тех, кто стоял на вахте. Военная служба вовсе не подразумевала знания грамоты, и Шарину очень удивило, что на «Короле Островов» даже низшие чины умеют читать и писать свое имя, и, кроме того, могут понимать пароли, нацарапанные на глиняных черепках.

Карус подмигнул Шарине, затем встал в очередь за выпивкой. Стоявшие впереди него моряки расступились от удивления.

— А ну вернитесь назад, — громко прокричал Карус так, чтобы его слышала вся команда. — Когда я командую своим кораблем, то хочу, чтобы выполнялся любой мой приказ. Даже если я прикажу прыгнуть в море. Но сейчас, когда я сижу с вес-

лом на одной скамейке с вами, то хочу, чтобы ко мне относились как к обычному гребцу. Может, кто-то сомневается в этом?

Он поднял вверх свои большие руки, чтобы все могли увидеть его мозолистые ладони, покрытые пятнами смолы от весла. Адмирал Зеттин и его помощники, устроившиеся на носу корабля, в изумлении уставились на Каруса. Их примеру последовали и стражники из отряда Кровавых Орлов.

Моряки, стоявшие в очереди перед королем, быстро опорожняли кубки и отходили в сторону, стараясь не встречаться с ним взглядом. Карус взял чашу, висевшую на ручке кувшина. Младший боцман наполнил ее до краев. Помощник флотского писаря, взглянув на свою восковую доску, с ужасом уставился на короля и промычал:

— Но... его нет в списке.

— Как твой командир, — засмеялся Карус, — я приказываю сделать для меня исключение.

Он осушил чашу до дна и, повесив ее на место, отошел в сторону, вытирая рот тыльной стороной ладони. Следующий за ним в очереди моряк пригубил свою порцию, стараясь не коситься в сторону короля.

Карус вернулся к Шарине, улыбаясь и довольно потирая руки.

— Мне нужно их беспрекословное подчинение, — прошептал он ей на ухо и кивнул в сторону Зеттина и его помощников, которые застыли на носу судна. — Я не приказываю придворным садиться на весла, хотя и нужно было бы. Но хочу, чтобы они поняли: сейчас на этом корабле ни у кого нет привилегий. И каждый должен выполнять здесь ту работу, какая ему будет поручена. Похоже, кое-кто из моих приближенных думает иначе, но никогда не осмелится сказать мне это в лицо.

Улыбка стала еще шире.

— Но мне на самом деле нравится грести. К тому же, пока мои мозги отдыхают, пускай поработают мышцы.

Он вздохнул, и лицо его омрачилось.

— Сейчас мне это нужно даже больше, чем когда-либо.

— Вы что, сегодня не спали? — тихо спросила его Шарина. Здесь на двухсотфутовом корабле, вместившем на своих палу-

бах четыреста человек, уединиться было сложно. Но в несмолкаемом шуме голосов вряд ли кто-то мог разобрать, о чем они говорили.

Карус пожал плечами и взглянул на море.

— Не больше, чем обычно. Думаю, вскоре мы решим все наши проблемы.

Шарина посмотрела туда же, куда и король, в открытое море. Бледно-зеленая стихия покачивала на своих волнах корабли королевского флота. Отсюда она могла разглядеть лишь их мачты да весла гребцов. Небо над головой было чистым, лишь на горизонте виднелись небольшие вытянутые облака.

Карус указал на них пальцем:

— Такие облака означают, что там берег. Думаю, это Дандмерские рифы. Во всяком случае, так они назывались в дни моего правления.

Он нахмурился и провел рукой по волосам.

— Я никогда не считал себя моряком. Но перед тем как умереть, мне пришлось провести слишком много времени на корабле, чем-то даже похожем на этот.

— Знаешь, мне кажется, что друг Илны, Чалкус, тоже неплохо разбирается в искусстве владения мечом, хоть он и не солдат, — с невозмутимым видом успокоила короля Шарина.

Король сначала окаменел, но потом, догадавшись, что Шарина пошутила, разразился громким хохотом.

— Нуда, Чалкус умеет владеть мечом. Интересно, как у него дела? Нет, я не переживаю за него. Я больше беспокоюсь о тех, кто попытается встать у него на пути.

Он опять уставился на свой флот.

— Кораблям нужно держать дистанцию. Опасно, когда они находятся рядом. У Союза Запада тоже может быть флот. И лучше, если между нашими кораблями будет расстояние, позволяющее им быстро менять курс. Так мы меньше рискуем.

Шарина озабоченно посмотрела на короля.

— Не беспокойся. Пока кораблям ничего не угрожает, — попытался успокоить ее Карус. — Как и в любой военной операции, главное — четко выполнять приказы.

Он потер висок и снова замолчал. Шарина чувствовала, что король борется с накопившейся за последние дни усталостью. Даже ему, энергичному и сильному, как Карус, с молодым телом, как у Гаррика, нужен сон.

Верхушка мачты блестела под солнцем лазурью. Яркий цвет раздражал девушку, и она недовольно поморщилась, надеясь что король не заметит этого.

Две небольшие лодки, полные гребцов, подплыли к «Королю Островов». На корабле было слишком много людей, поэтому гребцам приходилось после смены пересаживаться на другое судно.

Карус прервал затянувшееся молчание:

— Когда я вышел в море в свой последний поход, то даже и слушать не хотел о присутствии на моем корабле волшебника. Но герцог Йольский воспользовался помощью своего придворного мага. Вызванный им катаклизм утопил в морской пучине и меня, и весь мой флот. Поэтому сейчас мне становится не по себе, когда я вижу, чем занимается наша подруга Теноктрис. Хотя и понимаю, что она делает это для нашего блага.

Шарина пристально посмотрела в глаза человека, которого окружавшие их люди называли ее братом.

— Ваше Величество, вы испытываете радость оттого, что снова можете ходить по палубе и держать в руках меч?

Карус встретился с ней взглядом, и в его глазах вспыхнули молнии.

— Ты хочешь знать, будет ли мне жалко отдавать назад это тело, когда вернется Гаррик?

Король покачал головой и сплюнул за борт. Возмущенно ударив себя кулаком в грудь, он подыскивал нужные слова и не торопился давать ответ.

— Девочка, мне доводилось убивать людей в гневе. Тогда моя кровь вскипала, и горе тем, кто попадал под горячую руку. В такие моменты я оправдывал себя тем, что выхватываю меч быстрее, чем соображают мои мозги. Но даже злейший мой враг не мог назвать меня вором.

Он ушипнул себя за правое плечо.

— Я взял это тело на время и верну его при первой же возможности. И не имеет никакого значения, хочу я этого или нет. Это мой долг. И я выполню его.

— Прости, — прошептала Шарина. — Я не хотела...

Карус перебил ее:

— Ты не должна извиняться за то, что волнуешься за брата. За что угодно, но только не за это и не передо мной, Шарина.

Украдкой он смахнул со щеки слезу.

— Я тоже за него волнуюсь. А еще больше — за Илну, которую сам отправил навстречу неизвестности.

Илна проснулась от звуков ритмичного пения, доносившегося из темноты. Вероятно, в храме Владычицы начался молебен. Бледный свет луны, уже находившейся в зените, падал на сеновал через приоткрытые двери конюшни. Девушка присела на соломе и нахмурилась. Немного помедлив, она решилась дотронуться до плеча Алекты.

Дикарка проворно, словно дикая кошка, вскочила на ноги, зажав в руках кинжал. Это не было попыткой свести с Илной счеты. Просто, даже находясь в полудреме, она держала оружие наготове на тот случай, если вдруг оно понадобится. Увидев, что им ничто не угрожает, Алекта тут же убрала кинжал в ножны.

— Что опять случилось? — спросила она у Илны хриплым голосом. Сочтя, что ее в чем-то подозревают, та рассердилась и ничего не ответила. Все связанное с дикаркой ужасно раздражало Илну.

— Я подумала, что нас призывают в храм, — произнесла Алекта, — но...

— Эй, — прокричал снизу конюх. — Эй, вы там, наверху! Вы что, не слышите? Всех зовут в храм! Живо выбирайтесь оттуда, а не то я принесу кнут!

— Если ему так нравится слушать свой голос, — усмехнулась Алекта, направляясь к лестнице, — тогда пусть попишит.

Илна поймала дикарку за запястье. Та изогнулась и попыталась освободить руку. Но Илна держала ее крепко, невинно при этом улыбаясь.

— Эй, — повторил конюх.

— Мы спускаемся, — ответила Илна, не сводя глаз с Алек-
ты. — И придержи язык, когда разговариваешь с нами.

Дикарка кивнула головой и перестала вырываться.

— Я все поняла. Считай, договорились, — пробормотала
она, пропуская Илну вперед.

Конюх уже ушел, оставив двери открытыми. Неожиданно с
улицы раздался резкий стук. Лошади проснулись и стали не-
рвно всхрапывать. Девушки, стараясь остаться незамеченны-
ми, выглянули во двор.

У входной арки, ведущей на улицу, они увидели жрицу в чер-
но-белой одежде. Ее сопровождала кучка помощников. Среди
них Илна рассмотрела нескольких писарей, фонарщика и еще
одного мужчину атлетического телосложения с деревянной ко-
лотушкой на плече. Ее стук оповещал верующих о начале служ-
бы в храме. Илна прежде никогда не видела такого инструмента.
Но его звук был намного громче и разносился дальше, чем трели
того рожка, на котором играл ее брат, когда пас в горах овец.

Кроме помощников, жрицу сопровождало еще с полдюжи-
ны солдат. Они двигались за ней, откровенно скучая, но не
выпускали из рук оружия. Илна повидала немало военных, и
ей не составило особого труда опознать в них ополченцев, ко-
торым лишь при определенных обстоятельствах выдавали ору-
жие и военную форму.

— Следуйте за апостолами, — отчетливо вещала жрица, круп-
ная женщина, судя по голосу, постарше Илны. — Какие-то зло-
деи вошли в Доннел прошлой ночью и осквернили храм Вла-
дычицы кровью верующего. Владычица сказала, что они еще в
городе. Их нужно поймать и наказать прежде, чем они совер-
шат следующее зло.

Все окна во внутренний двор трактира были открыты. Из
них высовывались лица постояльцев и прислуги, слушавших
указания жрицы. Кучера и работники, находившиеся во дворе,
перешептывались между собой. Илна почувствовала, что жри-
ца пользуется уважением среди этих людей. И вовсе не из-за
сопровождавших ее солдат.

— Чтобы опознать злоумышленников, — продолжила жри-
ца, — мы запрем городские ворота. Каждый горожанин должен

представить апостолам трех человек, которые знают его не меньше года. Тогда Дитя Владычицы поставит ему на лоб особую отметку.

— Но я из Брэйнджа, — закричал один из постояльцев трактира. — И совсем никого здесь не знаю!

— Путники, прибывшие в наш город недавно и не имеющие здесь никаких знакомств, будут записаны мной и моими помощниками в особый список. У Владычицы в каждом селении есть последователи, распространяющие ее учение. Они смогут найти свидетелей, которые подтвердят личности добропорядочных граждан. Всех, но только не злодеев.

Мужчины, а во дворе не было женщин, стали шепотом переговариваться. Служитель храма с деревянной колотушкой на плече не выдержал и закричал:

— А ну, быстро выходите! Или вы думаете, что мы будем здесь возиться целую ночь? Нам нужно переписать еще целый район кожевников.

— Все постояльцы трактира тоже подходите, — приказала жрица. — Быстрее. Процедура не займет много времени, а нам дорога каждая минута.

— И что теперь делать? — прошептала Алектa.

— Стоять и смотреть, пока я не выберу маршрут, — посоветовала ей Илна.

Она с легкостью выскользнула во двор, но тут же заскочила назад. В той суете, которая там царила, ее одну никто бы не заметил. Но вместе с Алектой им в толпе не затеряться.

Теплые тела животных и их ровное дыхание успокоили Илну. Девушка села на земляной пол и, захватив из яслей пригоршню соломы, начала плести. Илна редко использовала свое искусство для принятия решений, но сейчас у нее не было другого выхода. Девушка не могла понять, как Владычица узнала о том, что они находятся в Доннеле, но догадывалась, что дело не просто в интуиции.

Пальцы Илны сплетали соломинки в узор с таким мастерством, что постороннему это могло показаться волшебством. Темнота в конюшне никак не влияла на ее работу. Это был труд для души, а не для ума.

Снаружи до девушек донеслись громкие голоса.

— А ну, иди сюда. Кто следующий?

Шум во дворе усиливался. Теперь Илна уже различала и женские голоса. Кто-то визгливо закричал. И хотя девушка не расслышала слов, она узнала трактирную кухарку.

Илна поднялась в полной уверенности, что рисунок закончен, хотя и не видела его в темноте, и подошла к двери. Алекта, наблюдавшая за двором трактира через щелку, прошептала:

— Этот идолопоклонник разговаривает сейчас о чем-то с нашим жирным конюхом.

Илна сделала шаг к двери, посмотрела на грубый соломенный коврик в своих руках и показала его дикарке.

— На север, а потом на северо-запад, — произнесла Алекта. Ее лоб хмурился от напряжения. — Как ты это делаешь? Я вижу на твоём коврике направление, хотя никакого рисунка там нет.

— Тсс! — зашипела на нее Илна и вышла из дверей конюшни.

Под аркой ворот постояльцы трактира называли писарю свои имена. Жрица внимательно осматривала каждого подошедшего. Она указала на хозяина трактира, который вышел из дверей в ночном колпаке и рубашке:

— Я знаю мастера Рэддика лично. Запишите его в списки, как и тех, за кого он поручится.

Толстый конюх шел к Ильне через толпу людей, собравшихся во дворе, вместе с писарем и двумя солдатами.

— Вон еще одна! — Он ткнул пальцем в сторону девушки. — Пыталась спрятаться в конюшне!

— Я отходила, чтобы надеть верхнюю одежду, — не обращая внимания на суетившегося рядом конюха, заявила писарю Илна. — Нам нечего прятать.

— Это уж мне решать, — усмехнулся писарь. — Кто ты?

В одной руке он держал книгу из четырех тонких берестяных листов, прошитых кожаным шнурком; на боку висел кововий рог, наполненный чернилами, в другой руке писарь зажал гусиное перо.

— Меня зовут Илна, — громко ответила девушка, засовывая соломенный коврик в кормушку, стоявшую рядом. Он сделал свое дело, теперь ей осталось расшифровать получивший-

ся рисунок. — Это моя родственница Алектa. Мы из деревни Барка.

— Деревня Барка? — переспросил писарь. — Никогда не слышал о таком селении.

Илна пожала плечами. Она опасалась лишь того, что парень слышал о ее родном доме и знал о существовании Хафта.

— Это на северо-запад отсюда, — продолжила Илна. — Мы пришли в Доннел на зов Владычицы.

— На север и... — попытался повторить конюх. Он уставился на Алекту. — Но ты не говорила, что приехала сюда из-за холмов.

— Ты должен был понять это, лишь взглянув на нее. — Писарь презрительно сморщил нос. — В тех местах много скота и не слишком много храмов для верующих в нашу Владычицу.

— Зато есть мы, — перебила его Илна, притворившись, что его слова оскорбили ее. — Владычица не наделяет властью маленьких скрюченных червяков, которые представляются важными господами. Тебе не нравится, что мы приехали в Доннел, выполняя волю Владычицы?

Писарь, должно быть, почувствовал угрозу в ее словах.

— Конечно же, нет. Вам нужно лишь записаться в...

Он замолчал, открыл в своей книге последний лист, но не смог прочитать запись без фонаря.

— Мне известно, что в горах нет храмов Владычицы. И будет лучше, если вы спросите у Детей Владычицы, что вам делать. Я выделю проводника, который отведет вас в храм.

Илна фыркнула.

— Мы и сами можем туда дойти. Мы здесь уже третий день и отлично знаем, где он находится.

Прежде чем писарь успел сказать еще что-то, она позвала:

— Пойдем, Алектa.

Они направились к выходу со двора трактира. Кто-то зажег во дворе факел и закрепил его на дверце кареты. Слабое желтое пламя осветило толпу полураздетых людей.

Писари разделили собравшихся на две группы и записывали в книги их имена. Те, чья личность была установлена, подходили к воротам, у которых стояла жрица.

Илна старалась не встречаться глазами с толпившимися во дворе людьми, чтобы не привлекать к себе их внимание. Приблизившись к воротам, она увидела, как жрица ставит печать на лоб кухарке, а затем кладет ее назад в горшочек с охрой. На коже женщины проявились очертания толстого паука, согнувшего передние лапки.

Илна напряглась, ожидая, что сейчас кухарка бросит ей вслед какие-нибудь злые слова, но та не заметила девушку, углубившись в свои мысли. Лицо у нее было таким испуганным, будто ей на лоб посадили настоящего паука.

На выходе из ворот стояли солдаты. Они не заслоняли его, лишь бегло осматривая проходящих мимо них людей. Илна подождала, пока из ворот выйдут два кучера, и уверенно направилась к арке. Один из солдат в блестящей под лунным светом кирасе пристально посмотрел на нее. Она удостоила его холодным взглядом и надменно кивнула. Он кивнул ей в ответ, остальные солдаты не сводили глаз с Алекты.

Если последователей секты Лунной Мудрости объединяла некая родственная связь, которую ощущала Илна, то солдаты были всего лишь наемниками. Они не имели к этой вере никакого отношения. И девушки вызвали у молодых людей такой же интерес, как и любые другие представительницы противоположного пола.

Ни фонарь, ни зажженный факел не сделали двор трактира светлее. Но на улице было совсем темно. Возницы повернули направо, туда же должны были идти и девушки. Илна остановилась у ворот, поджидая замешкавшуюся дикарку.

— Ты видела паука? — возбужденно спросила Алекта, выйдя из ворот. — Чего же еще ожидать от людей, которые выпустили Свору.

— Видела, — коротко ответила Илна, размышляя над тем, что разглядела в этом знаке ее спутница. Сама она ничего особенного в нем не заметила. — Думаю, нам опасно оставаться в Доннеле, если слуги Владычицы так обеспокоены. Выйдем через северные ворота и отправимся в том направлении, которое указал коврик.

— Я до сих пор не поняла, что ты сделала, — зло пробурчала себе под нос дикарка. — Всего лишь несколько переплетен-

ных между собой соломенных косичек. Но когда я посмотрела на них, то увидела дорогу. И те самые ворота, через которые мы пришли сюда прошлой ночью.

— Тебе и не нужно ничего знать, — прервала ее бурчание Илна. Возницы скрылись за поворотом, и им тоже следовало поторапливаться.

— Тыфу, — вспылила Алектa, всматриваясь в дорогу. — Даже переходить через сожженное лавой поле у деревни Хартраг легче, чем идти по этой мостовой. Камни такие скользкие от слизи, что того и гляди разобьешь нос.

Илна фыркнула. Она хотела спросить, как выглядит земля, сожженная лавой, но решила не доставлять дикарке удовольствия своими расспросами.

— Если люди в горах не молятся Владычице, то можно надеяться, что мы найдем у них прибежище, пока нас ищут. Надеюсь, Дети Владычицы быстро успокоятся.

Единственной проблемой, которая продолжала ее заботить, оставалась невозможность переправить добытые сведения в Вэллис. Но Илна с самого детства поняла, что решать задачи нужно по мере их поступления. Сначала необходимо оторваться от погони.

Алектa продолжала бубнить что-то себе под нос. Ее пугали извилистые улицы и каменные дома.

— Я охотилась в зарослях камышей и возле болот, дороги к которым были прямее, чем эти. Как только люди могут здесь жить?

Илна, соглашаясь в душе с дикаркой, предпочла лишь холодно улыбнуться.

— Потерпи, мы скоро выберемся отсюда.

— Они закрыли городские ворота, — напомнила Алектa хриплым голосом. — Похоже, нам не удастся выйти отсюда так же легко, как вошли прошлой ночью.

— Удастся, не сомневайся, — заверила ее Илна. Пальцы ее сплетали в узор нити, вытащенные из рукава еще у ворот постоянного двора. Но сейчас она мечтала об охапке соломы с коношенного сеновала. Для исполнения задуманного ей нужен узор большего размера, чем обычно. Моток ниток позволял

сплести рисунок всего лишь на два пальца в каждую сторону. А чтобы получить желаемый результат, Илне пришлось бы связать несколько таких же.

Девушка мрачно улыбнулась, обдумывая план по их спасению.

Они продолжали идти по петляющим между темными домами закоулкам. Навстречу им попалась группа людей, по всей видимости, семья с тремя детьми и служанкой. Впереди с фонарем в руке шел низший жрец храма. Илна определила это по его одежде. Он с раздражением покрикивал на людей, те нервничали и беспокойно оглядывались по сторонам.

Илна со злостью посмотрела на жреца, затем перевела глаза на завернутого в простыню малыша, которого мать несла на руках, и взгляд ее смягчился. По всей вероятности, это были чужеземцы, никого не знавшие в Доннеле. И жрец сопровождал их среди ночи в храм на регистрацию. Илна подумала, что Владычицу, похоже, совершенно не беспокоят судьбы тех людей, что собрались по ее призыву в городе. Значит, и ей тоже не стоит об этом задумываться. Хотя именно они выпустили на свободу Свору, ставшую причиной кошмарных снов Каруса.

Они с Алектой свернули еще на одну улицу и наконец очутились у городской стены. То, что ворота оказались закрыты, усложняло задачу. Стальной трос, закрепленный на верхних кольцах петель, не позволял даже приоткрыть их.

Десяток вооруженных людей полукругом преграждали подход к воротам. Илна разглядела среди них не только солдат, но и ополченцев. Похоже, их создали специально для поимки преступников, убивших сторожа храма.

Правее ворот находилась смотровая башня. Но, похоже, пол на ее верхнем этаже был таким же гнилым, как и на нижнем. Это объяснило Илне отсутствие возле нее охраны.

Солдаты спокойно наблюдали за девушками, не ощущая для себя никакой угрозы в их приближении. Ополченцы же выглядели озабоченными. Старший даже вытащил из ножен меч и провел пальцем по клинку, чтобы убедиться в его остроте.

Один из ополченцев поднял повыше большой фонарь и прикрепил его к столбу у ворот. Но грязные стекла плохо про-

пускали свет от горевшего внутри фитиля наружу. Илна нахмурилась и подошла чуть ближе, чтобы убедиться, что и этого света хватит для исполнения ее замысла.

Алектa шагнула следом и остановилась за плечом у Илны. Она не держалась за рукоять кинжала, но была готова к решительным действиям. Дикарка не пасовала перед опасностью и могла броситься на солдат в любой момент, не страшась численного преимущества врага. Для нее был важен лишь конечный результат. А число людей, лишенных ради этого жизни, не имело никакого значения.

— Что вы здесь делаете? — спросил начальник сторожевого отряда в бронзовой кирасе; остальные стражники были всего лишь в куртках из буйволиной кожи. Он говорил, чеканя каждое слово, отчего кончики его усов словно взлетали вверх. — У вас нет печати.

У каждого солдата на лбу виднелась красная печать с пауком. И даже шлемы не скрывали полностью этот символ.

— Да, у нас нет печати. — Илна сжимала в руке приготовленный узор. — Поднесите фонарь поближе, и я покажу почему.

Стражники в недоумении уставились на нее. Трое солдат шагнули вперед, но ей было этого мало. Нужно, чтобы вся охрана увидела ее работу.

Илна жестом подозвала остальных. Дождавшись, пока они, словно овцы, столпятся перед ней, она поднесла узор к свету.

Стражники, будто оглушенные, выронили из рук оружие. Их моментально парализовало. Они не умерли, но провести в оцепенении им предстояло еще не один час.

Фонарь упал и разбился, расплескивая вокруг осколков масло. По земле побежала струйка огня.

Командир стражников согнулся и, прикрыв лицо руками, чихал чуть поодаль. Только это спасло его от заклинания Илны.

Алектa опустилась перед ним на колени. В ее руке уже блеснул кинжал. Не дотягиваясь до запястья, Илна схватила дикарку за плечо. Страхнув резким движением ее руку, Алектa вонзила нож в горло латника. Кровь закапала на мостовую, черная в свете горевшего масла.

Илна принялась расплетать узор, чтобы занять свои пальцы и успокоить мысли. Она опасалась, что компаньонка выйдет из повиновения.

— Здесь калитка, — придя в себя, холодно бросила девушка Алексе. — Помоги мне ее открыть.

Илна убрала в рукав нитки и шагнула к городским воротам. Калитка была невысокой. И даже Илне пришлось сгорбиться, чтобы пройти через нее. Она приоткрыла задвижку, но, придавленная тяжестью ворот, калитка не поддавалась их усилиям.

Алекса подобрала с земли копье одного из стражников и, просунув его в щель над порогом, навалилась как на рычаг. Калитка крякнула и открылась.

Дикарка улыбнулась Илне:

— Ну что, выходим?

— Да. — В душе Илна продолжала злиться на дикарку, но гнев приходилось сдерживать.

Девушки бесшумно выскользнули из ворот Доннела.

Позади на дороге остались поверженные солдаты. Глаза их были открыты, но они ничего не видели вокруг себя. Тяжелое, будто у спящих тюленей, дыхание свидетельствовало о том, что стражники живы. Только человек в бронзовых латах уже не подавал признаков жизни.

Гаррик забрался на стену и увидел там лорда Талемуса, сидящего на корточках.

— Где лестница вниз? — простонал лорд.

Охранник с дубинкой и сигнальной колотушкой, стоявший невдалеке, поднял вверх голову. Увидев людей, он забил сигнал тревоги. Гаррик слишком поздно заметил стражника. Теперь из-за выступа стены на подмогу часовому бежали вооруженные Защитники.

— Прыгай скорее вниз, дурак! — рявкнул Гаррик.

Талемус, испуганно взглянув на него, покорно прыгнул, даже не взглянув на землю. Он непременно упал бы на живот, но Тосий, ожидавший их внизу, подхватил его.

Гаррик, не медля ни секунды, прыгнул следом. Юноша злился на весь мир, но особенно на себя. За то, что выместил

свою злость на Талемусе. Хотя лорд вовсе не виноват в том, что жил нормальной жизнью, в которой не было места резне и тюремной камере. Гневный окрик и окровавленный меч напугали Талемуса так, что он едва не сломал себе шею.

Если бы это произошло, тогда смерть Тинт была бы напрасной.

Дротик пролетел над его головой. Командир Защитников, стоявший в трех ярдах от них, замахал руками и упал на спину. Покрутив по сторонам головой, Гаррик заметил на крыше того дома, где прятались разбойники, Праду. Это его копье просвистело только что над головой юноши. Разбойник уже приготовился бросить следующий дротик. Напуганные неожиданным отпором, Защитники отступили и спрятались за углом стены.

Гаррик побежал вдоль улицы к лавке. Впереди Тосий тащил на плечах Талемуса. У того от страха отнялись ноги.

Метрон продолжал визгливо выкрикивать указания. Только усилием воли Гаррик преодолел желание размоzzжить хрустальный амулет о мостовую. Халофий и Мерсрик распахнули дверь и тут же захлопнули ее за Гарриком, вбежавшим в лавку последним. Дверь не выдержит длительной осады, но на время сможет сдержать натиск Защитников.

Вескей стоял у входа в заднюю комнату. Встретившись с Гарриком глазами, он жестом позвал его туда. В комнате на полу со свернутым плащом под головой лежало тело Метрона. Желтый свет масляной лампы падал на бледное лицо. Казалось, жизнь покинула его.

— Быстро повесь амулет мне на шею, — пропищал в ушах Гаррика голос волшебника. — Не медли!

Гаррик снял серебряную цепочку и повесил медальон на шею Метрону. Он удивился, каким легким показался амулет.

Маленькая фигурка внутри кристалла исчезла. Лежавший до сих пор неподвижно волшебник закашлялся и открыл глаза. Он вел себя как человек, которого только что вытащили из воды. Дико озираясь вокруг, маг закричал:

— Где лорд Талемус? Он жив? С ним все в порядке?

Тяжелый предмет ударил в дверь лавки. Послышался треск дерева, а следом за ним предсмертный крик.

— Кто еще? — грозно проревел за стеной Хейм. — Кто же-
лает умереть за Заступника?

— Здесь твой Талемус! — рывкнул на волшебника Вескей и
приподнял его за шиворот. — Но ему не поздоровится, если мы
не сможем отсюда выбраться. Ты же обещал, что сможешь вы-
тащить нас в безопасное место!

— Да! Но сначала я хочу увидеть Талемуса! — Метрон сел
на полу и скрестил ноги, пытаясь справиться с сотрясавшей его
тело дрожью.

Еще до того, как войти в транс, он нарисовал на темном
полу магический круг и написал внутри него заклинание. Сей-
час маг поставил в центр круга масляную лампу и вытащил из-
за пояса жезл.

Гаррик направился к дверям, но Вескей вернул его обратно.

— Останься здесь. Я сам схожу за Талемусом. — И, отвер-
нувшись, пробормотал: — За эту ночь я насмотрелся волшеб-
ства больше, чем за всю жизнь.

Метрон не обращал на них никакого внимания. Достав из-
за пазухи кольцо с сапфиром, маг сжал его двумя пальцами.
Ударяя жезлом по словам заклинания, он нараспев повторял
их вслух.

— Рекси, — распевал волшебник. — Форекси хипарекси...

Фитиль лампы зачал от взмахов жезла. Сначала пламя
колебалось, отбрасывая на стены комнаты пляшущие тени, но
затем ярко вспыхнуло. В комнате похолодало, по полу побежа-
ли искры красного магического света.

— Маскелла, — продолжал петь Метрон, — маскеллон мас-
келлоуфран...

В комнату вошел Талемус. Он уже почти пришел в себя и ус-
покоился. Лишь красные пятна на лице да широко открытые
глаза выдавали пережитое волнение. Молодой человек, которо-
го вытащили из тюрьмы Заступника, еще до конца не поверил в
свое освобождение. Гаррик взглянул на него и вновь вспомнил
пережитые события этой ночи. Сейчас он лишь удивлялся, что
позволил втянуть себя в эту авантюру.

— Ты хотел меня видеть?

Гаррик ткнул пальцем в Метрона:

— Нет, это он хотел убедиться, что ты жив.

— Бесро уфро балбеух! — закончил Метрон. Он сжал волшебное кольцо, чтобы магический свет отразился в сапфире.

На мгновение в комнате воцарилась тишина. Затем вновь раздались треск двери, крики и стук мечей. Вновь кто-то громко закричал.

Гаррик повернулся и сделал шаг в сторону двери, чтобы отправиться на подмогу. В руке он до сих пор сжимал меч.

— Приведи их сюда, — прохрипел ему вдогонку Метрон. — Я открою портал, но мы должны сразу же уйти.

Гаррик посмотрел на него через плечо. Волшебник пытался встать на ноги, удерживая в кольце отражение магического света. Сапфир отбрасывал на стену голубые отблески. На какое-то мгновение Гаррику показалось, что он смотрит на звездное небо. Потом стена исчезла. Ее место заняла бездна, в которой закручивались в громадную воронку, как в водоворот, темные потоки вязкого вещества.

— Я приведу их, — бросил Гаррик Метрону и сделал шаг в другую комнату лавки.

Бандиты, сбившись в кучу, стояли у стены напротив двери. Люди Эйхеона толпились на улице у входа, ожидая приказа к атаке. Свет от уличного фонаря проникал в комнату и освещал лица противников.

Защитники были хорошо вооружены. Но два бездыханных тела уже перегородили дверной проем, затрудняя продвижение атакующих. Они стали хорошей баррикадой для разбойников.

— Метрон открыл портал, — закричал Гаррик.

Один из Защитников, открыв рот в беззвучном крике, ворвался в дверь, прикрываясь щитом. Тосий ударом топора отразил его атаку. Защитник рухнул как подкошенный, его щит покатился по полу. Хейм следующим ударом перерубил ему ногу, а Адемий завершил дело, свернув Защитнику шею. При виде этого нападавшие замерли у входа, не осмеливаясь повторить попытку своего товарища.

— Портал открыт! — повторил Гаррик. — Идите в заднюю комнату. Я задержу их!

Он не знал, почему сказал это. Наверное, потому, что в его ушах до сих пор стоял предсмертный крик Тинт и хруст ее костей. Гаррик горел желанием не допустить гибели других людей, виновных лишь в том, что вызвались помогать ему. К тому же он, единственный среди них, мастерски владел мечом. И самое главное заключалось в том, что он был принц Гаррик, правитель Хафта, наследник Каруса, одного из величайших королей и военачальников Старого Королевства.

Разбойники не заставили себя упрашивать и стали по одному отступать в заднюю комнату, где находился волшебник. Они старались не толпиться в дверях и не создавать давку. В комнате с Гарриком осталось лишь несколько человек. Братство разделилось на тех, кто хотел столкнуться лицом к лицу с Защитниками Эйхеона, и тех, кто предпочел смотреть на это со стороны.

Разбойники, оставшиеся с Гарриком не привыкли отступать. Они были готовы драться до последнего человека и не собирались облегчать работу противникам, поворачиваясь к ним спиной.

К Защитникам, толпившимся на улице, подоспели офицеры. Грубой бранью и ударами кулаков они восстановили дисциплину среди подчиненных и сейчас готовились к атаке, чтобы наказать дерзких нарушителей спокойствия.

Сверху над головами разбойников раздался стук меча по черепичной крыше. Прада предусмотрительно запер на замок чердак, когда они вернулись в лавку. Но вряд ли потолок долго продержится в целости.

Гаррик выхватил щит из руки мертвого Защитника, намереваясь использовать его для защиты, а не в качестве трофея, которые обычно собирают победители после сражения.

— Быстрее идите в заднюю комнату, — закричал юноша. — Быстрее, портал открыт, спасайтесь!

— Отойдите в сторону, — заглушил его голос своим криком Вескей. — Я выброшу на улицу остатки пыли пещерных грибов. Это прикончит всех, кто там остался. И мы сможем отсюда выбраться.

— Ты что, рехнулся? — утратив от страха остатки разума, завизжал Халофий.

Вескей достал из-за пояса мешочек. Бандиты, стоявшие рядом с дверью, отшатнулись в разные стороны. Они уже видели действие грибной пыли.

Защитники построились в два ряда перед входной дверью, выставив вперед маленькие щиты. Офицер подал команду, но в тот же момент мешочек с грибными спорами ударился о щит. В воздух взлетело облако пыли. Защитники бросились врассыпную, но было поздно. Как подкошенные они падали на землю. Многие кричали в предсмертной агонии от жестоких мучений. Через несколько минут все стихло. Облако пыли оседало подобно вулканическому пеплу.

— Вперед, мальчик. — Вескей похлопал Гаррика по плечу. — Скоро этот кусок потолка упадет, и я не хочу, чтобы он стал нашим надгробием.

В задней комнате кроме Талемуса и волшебника остались лишь трое разбойников. Когда Гаррик вслед за Вескеем шагнул в дверь, перед порталом стоял Тосий. Его лицо перекошилось от страха. Он шагнул к темному водовороту и тут же отскочил назад. Топор с налипшими на лезвие мозгами Защитника дрожал в его руках.

— Проходи вперед или убирайся прочь, — обозлился Метрон. — Я не могу удерживать этот портал вечность.

Гаррик отшвырнул в сторону щит и убрал в ножны меч. Он сделал шаг к Тосию и встал между ним и порталом.

Пропустив к порталу оставшихся разбойников, он обратился к Тосию:

— Ты спас наши жизни, когда мы выбрались из-за стены, Тосий. Только я виноват в том, что там произошло. Но без тебя нам бы не удалось добраться до этого места. Мы бы погибли или были бы захвачены в плен.

Прада и Мерсрик уже прошли в портал. Они лишь на мгновение задержались перед тем, как прыгнуть в водоворот. Поток вязкой массы в воронке загорелся сначала розовым, а потом бирюзовым светом, и мужчины пропали.

— Лорд Талемус, — произнес Вескей. — Теперь ваша очередь. Без вас нам не обрести то, к чему мы стремимся.

— Я боюсь, — скулил Тосий. — Я не смогу, не отпускай меня.

Талемус с неуверенностью посмотрел на Гаррика. Тот просто махнул ему рукой, не рискуя отходить от Тосия. Вескей подхватил Талемуса на руки, сделал шаг к водовороту, бросил в воронку юношу и прыгнул следом сам.

Метрон поднялся на ноги и заковылял к стене. Свет больше не отражался в сапфире. И портал стал мерцать и уменьшаться. Волшебник шагнул в него и исчез. Магический свет вспыхнул два раза, портал стал еще меньше.

И в этот момент Гаррика словно осенило. Подхватив с пола плащ, на котором лежало тело Метрона, он решительно натянул его разбойнику на лицо. Он поступил бы так же, спасая лошадь из горящей конюшни.

— Пойдем, Тосий. Быстрее, вместе со мной!

Они шагнули к portalу. Тосий скулил тонким голосом, как ребенок, ожидающий наказания. У них еще оставался маленький шанс...

— Пригнись! — заорал Гаррик, с силой пригибая голову Тосия вниз. — А теперь прыгай!

Пребывание в портале можно было сравнить с прыжком в холодную воду мельничного пруда. Кожу будто пронзили сотни иголок. Дыхание перехватило от спазма в груди. Гаррик попытался закричать, но он несся с такой скоростью через время и пространство, что ему не удалось услышать собственный голос. Юноша почувствовал, как его тело исчезает, рассыпаясь на тысячи мельчайших кусочков. Последним исчезло сознание.

Гаррик пришел в себя от громкого звука, похожего на кваканье огромной лягушки. Он лежал спиной на грязной земле в лесу, которого прежде никогда не видел. Его рука все еще сжимала руку Тосия. Приподнявшись на локте, он увидел рядом и остальных разбойников. Некоторые уже сумели подняться, а кое-кто даже осматривал оружие.

Метрон лежал тут же на спине. Его лицо подергивала судорога, глаза были плотно закрыты. Кольцо светилось сапфиром на его указательном пальце. Не открывая глаз, он поднес руку ко лбу. Затем начал ощупывать грудь, и, наконец дотронувшись до хрустального амулета, волшебник зажал его в ладони.

Гаррик увидел в пяти шагах от Метрона атамана. Вескей сидел на земле, всматриваясь в лицо лорда Талемуса. Тот уже раскрыл глаза, но еще, похоже, был не в состоянии говорить.

Кажется, что все, кто прошел через портал, уцелели, как и сам Гаррик.

Юноша с облегчением вздохнул. Он постучал рукой сначала по одному колену, потом по другому, согнул и выпрямил спину. Гаррик чувствовал теперь не только каждую часть своего тела, но и каждую его клеточку.

При прохождении через портал его как будто разделили на великое множество частей. Сейчас они соединились. Он снова был самим собой. Но Гаррик знал, что никогда не забудет это ощущение расчлененности.

Он осмотрелся. Земля, казалось, была лишена травы и цветов. А небо над его головой закрывали ветками деревья с гладкими зелеными стволами.

Вновь послышалось громкое кваканье, похожее на лягушачье. Гаррик, представив себе ее размеры, усмехнулся. Такая лягушка была бы величиной с мула.

— С тобой все в порядке, Гар? — наклонился над ним Вескей. В руке он держал дротик. Атаман использовал его как опору для того, чтобы подняться с земли.

— Да. — Гаррик указал на гладкие стволы. — Вескей, оказывается, это не деревья. Это трава. Мы в поле.

Вескей, осмотревшись, согласно кивнул и убрал за спину свой дротик.

— Возможно, возможно. Главное, что на нем нет Защитников.

Все разбойники уже поднялись на ноги и смогли убедиться, что переход через портал прошел без ущерба для их здоровья. Тосий тоже пришел в себя и очищал лезвие топора стеблями гигантской травы. Встретившись взглядом с Гарриком, он смущенно улыбнулся.

Тосию нечего было стыдиться, но Гаррик не стал успокаивать его, чтобы не смущать разбойника лишним раз.

Талемус подошел к Гаррику и остановился в двух шагах от него, скрестив руки на груди. Юноше показалось, что он ждет

каких-то объяснений. Вескей понимающе усмехнулся и отошел в сторону, заговорив с Хеймом.

— Лорд Талемус, — обратился к молодому человеку Гаррик. — Ты что-то хотел спросить?

— Я — Талемус бор-Ламинол, — представился молодой человек. — И я просто хотел назвать себя и поблагодарить за спасение.

Он смущенно улыбнулся и добавил:

— Вы спасли мою жизнь даже несколько раз.

— Я — Гаррик ор-Рейзе. Но ты можешь называть меня просто Гар, как и все остальные разбойники.

Гаррик отвернулся в сторону, будто хотел осмотреться. Он не испытывал к Талемусу неприязни. Но проблема была в том, что когда Гаррик смотрел на него, то видел глаза Тинг, ее испуганное лицо. Он знал, что никогда не забудет, как она прыгнула навстречу змее, чтобы спасти его.

— Я... — замялся Талемус. — Мастер Гаррик, не буду больше тебе надоедать, но я действительно очень благодарен. Метрон хотел отправить меня через портал, как только пришел в себя. Но я отказался, пояснив, что буду дожидаться вас.

Гаррик встретился глазами с молодым человеком и усмехнулся.

— Понял, что Метрон не станет ждать нас, как только ты окажешься в безопасном месте? — спросил он. — Я рад, что до тебя это дошло, лорд. И ты поступил благородно.

Странный лес был полон звуков, но Гаррик никак не мог понять, кто их производит. К негромкому шуму, подобному колыбанию травы, примешивались и совсем непривычные для его уха звуки.

Вескей подошел к Гаррику и Талемусу. Он кивнул в сторону Метрона, единственного, кто еще не поднялся с земли. Волшебник так и лежал, сжимая в руке хрустальный амулет.

— Как думаешь, он жив?

И, усмехнувшись, взглянул на Талемуса.

— А если нет, ты знаешь, что делать дальше?

— Думаю, он скоро придет в себя, — заверил атамана Гаррик. — Магия отнимает у волшебников много сил.

Он слегка потянулся, почувствовав, что мышцы свело в самых неожиданных местах, и прибавил:

— Да и к другим это относится.

Гаррик улыбнулся, как, бывало, делал это Карус, и продолжил:

— Но мы оказались крепче, чем он.

Звук, подобный жужжанию огромной цикады, заставил их вздрогнуть. Он шел из зарослей гигантского шиповника. Метрон очнулся и, приподнявшись на локте, посмотрел в ту сторону, откуда донеслось жужжание. Гаррик схватился за рукоять меча, с сожалением вспомнил, что не только не заточил клинок после схватки со змеей, но даже не протер его.

Звук опять повторился. Теперь он стал намного ближе. Разбойники сбились в кучу, проверяя оружие.

— Атаман, к нам что-то приближается! — не выдержал Адемий.

— Встаньте в две линии, между мной и Гарриком, — спокойно приказал Вескей. — Стойте близко, но не мешайте друг другу. Хейм, смотри, чтобы никто не напал на нас со стороны. Возможно, это западня.

Он отошел в сторону и встал у левого фланга. Гаррик вытащил меч и занял позицию в двадцати шагах по правую руку атамана. За его спиной рос огромный стебель травы, такой толстый, что Гаррик смог бы обнять его лишь двумя руками. Неплохая защита. Хотя кто знает, какие твари обитают в этом месте.

Звук повторился. Существо с плоской головой, шестью конечностями и хитиновым телом остановилось в пятидесяти футах от Гаррика. Оно стояло на задних лапках довольно далеко и походило на маленького человечка. Тосий поднял топор и сделал шаг вперед.

— Остановись! — закричал Метрон. — Это наши помощники. Они будут сопровождать и защищать нас весь оставшийся путь.

К первому присоединилось еще два существа. На шеях у них Гаррик рассмотрел золотые воротнички. Они стояли тихо, не издавая никаких звуков, и было непонятно, могли ли они вообще говорить.

— Метрон, в какую игру ты с нами играешь? — закричал Вескей, рассмотрев пришельцев. — Думаешь, я не узнал их? Это

Архай! Те самые монстры, которые помогли разрушить Старое Королевство после гибели принца Гаррика на Тизамуре.

— Да, это Архай, — согласился с ним Метрон. Он наконец встал на ноги и, пошатываясь, подошел к атаману. — Все, о чем ты говоришь, осталось в прошлом. Сейчас они с нами против власти Заступника. Без их помощи нам не победить.

Гаррик посмотрел на волшебника, затем перевел взгляд на атамана. Его как будто поразило громом.

Как он мог погибнуть на Тизамуре, если никогда там не был. Но...

— Против Заступника? — переспросил Вескей, сделав шаг навстречу волшебнику. Деревянная нога проваливалась во влажную землю, и он прихрамывал. — Конечно же, так я и поверил, что они — против Заступника! Ты — глупец! Он же приобрел над ними такую власть, что не позволил стереть в порошок Лаут. И они не посмели его послушаться! Помнишь, что они сделали со всем остальным королевством? О чем ты только думаешь?

— Это было тысячу лет назад. — Метрон не отводил от атамана глаз и не повышал голос. — Это была совсем другая эпоха, мастер Вескей. У Лаута есть будущее, как и у всех Островов. И оно в наших руках, как и наша собственная судьба.

Он обвел рукой гигантскую траву вокруг них. Сапфир блеснул на его пальце.

— Как ты собираешься выбираться из этого места? Лишь под защитой Архаев мы сможем чувствовать себя в безопасности. Иначе нам не удастся пройти и тридцати футов.

Гаррик заметил, что у Архаев нет оружия, но их верхние конечности, заканчивавшиеся зубчатыми клешнями, с успехом могли заменить его.

Архай, который вышел к ним первым, поднял вверх длинную трубку, которую держал средними конечностями. Трубка завибрировала, раздался звук, который они принимали за жужжание гигантской цикады. Прада схватился за дротик, еще не сознавая, грозит ли им опасность. Вескей успокаивающе положил ему на плечо руку.

— Ну что, мастер Вескей? — насмешливо спросил Метрон. — Что будем делать?

— Атаман, — перебил его Хейм, — послушай меня. Ведь не жуки убили мою жену. Это сделали Защитники.

Вескей отвернулся в сторону и стал бормотать проклятия, но так тихо, что даже Гаррик, стоявший рядом, не смог их разобрать. Он вновь посмотрел на Метрона.

— Хорошо, я согласен. Пусть Архаи будут нашими сопровождающими. И что дальше?

— Скоро тронемся, — заверил его волшебник. — Нужно дождаться транспорта.

— Атаман, — встревожился Халофий, — земля трясется, слышишь?

— Не паникуйте. Это наш транспорт, — успокоил разбойников Метрон.

— Госпожа, защити нас и спаси наши души, — пробормотал Талемус. Он стоял позади Гаррика. У него не было оружия, поэтому лорд предпочел остаться за спиной вооруженного человека. — Что это за монстр?

Существо, выбежавшее из травы, было высотой в двадцать футов и с таким количеством ножек, что Гаррик не смог их сосчитать. Длинное тело показалось еще не полностью, хотя округлая голова находилась уже возле трех Архаев. Судя по всему, оно было несколько ярдов в длину. Два больших фасетчатых глаза занимали почти всю его голову, а рот казался крохотным для такого здорового тела. Золотая цепь блестела чуть ниже головы, в том месте, которое условно можно было бы назвать шеей. Длинное золотое седло крепилось к туловищу.

— Это многоножка, — пояснил Гаррик. Он был рад, что мог ответить Талемусу. Иначе пришлось бы разговаривать с самим собой. — Всего лишь большая многоножка, только и всего. Они не кусаются и не жалят. Эти существа вполне безобидны.

При виде гигантского существа разбойники встали еще плотнее друг к другу. Они и представить себе не могли, что именно о нем говорил Метрон, предлагая дождаться транспорта. Мерсрик вцепился в копые, воткнутое в землю, чтобы не пуститься в бегство.

Гаррик подошел поближе и встал перед разбойниками. Он ощущал запах многоножки и Архаев одновременно. Это был вязущий запах, чем-то напоминающий кислое вино.

— Она не тронет вас. Многоножки питаются компостом.

Конечно, многоножка могла наступить на них. И это было бы так же неприятно, как оказаться под падающим домом. Но в жизни и так много случаев, когда человек может умереть...

На спине у многоножки в золотом седле уже сидели Архаи, обхватив нижними лапками ее туловище.

Гаррик повернулся к волшебнику:

— Что нам делать?

— Делать? — переспросил Метрон. — Седлайте эту «лошадь», милый мальчик. И под моим командованием и защитой Архаев она довезет нас до места назначения.

Один из Архаев, сидевший на спине многоножки, спустил вниз лестницу с деревянными ступеньками и золотыми поручнями. Ступеньки глухо ударились о кожу многоножки. Тосий взялся рукой за лесенку и вопросительно посмотрел на Вескея.

— Давай залезай, — кивнул атаман. — У нас нет выбора.

Тосий начал карабкаться вверх. За ним последовали остальные разбойники. Метрон самодовольно ухмыльнулся, наблюдая эту картину.

— Мастер Метрон! — Гаррик произнес это с улыбкой и очень тихо. Его мог слышать только Талемус, находившийся рядом.

— Да, мой мальчик, — отозвался тот.

— Я не твой мальчик, — огрызнулся Гаррик. — Я могу быть твоим союзником, но не другом. И хочу, чтобы ты запомнил и зарубил это себе на носу, пока мы вместе.

Лицо волшебника застыло в напряжении.

— Сегодня погибли дорогие мне люди. И если я почувствую, что ты насмехаться над моими друзьями, живыми или мертвыми, то убью тебя, чего бы мне это ни стоило. Понятно?

— Да, — коротко ответил Метрон.

— Вот и славно, — улыбнулся Гаррик. — Возможно, что я буду сожалеть о твоей смерти. Но это будет лишь после того, как я убью тебя.

Он посторонился и пропустил волшебника к лестнице. Вескей уже забрался на многоножку.

— Прошу, мастер Метрон. Мы с Талемусом полезем следом.

Их взгляды снова встретились. Затем волшебник отвернулся и направился к многоножке. Гаррик понял все, что тот не решился ему сказать.

Кэшел откашлялся. Ему тяжело было шевелить мозгами среди оравы кричавших темнокожих человечков.

— Мастер! Достопочтимый господин!

Тильфоза на всякий случай положила руку на его плечо, чтобы он ненароком не напугал человечков.

— Я хочу, чтобы вы успокоились. Мне нужно с вами поговорить, — наконец выговорил Кэшел. Похоже, они с Тильфозой находились среди добрых существ, но все-таки что-то его по-прежнему смущало.

Маленькие человечки стали подпрыгивать вверх, таращась на него глазами испуганного кролика. Похоже, голос Кэшела прозвучал громче, чем было нужно. Он напугал и Тильфозу. Девушка вздрогнула и похлопала его по плечу.

— Господин, — обратился к юноше самый старый человечек.

— Меня зовут Кэшел. Так и обращайтесь ко мне. А это — Тильфоза...

Он нахмурился и посмотрел на девушку.

— ...леди... или...

— Просто Тильфоза, — поспешила она ему на выручку. — А как обращаться к вам?

Конечно, Тильфоза привыкла к таким разговорам. Ей было не в диковинку соблюдать правила этикета. А Кэшела этому никогда не учили.

Он улыбнулся. В Барке все знали, что если встретишь чужую овцу, то нужно отвести ее хозяину или самому выпустить на пастбище.

— Мы — Помощники, госпожа, — ответил старичок. — Меня зовут Двадцать-второй. Мы хотим устроить в деревне праздник в вашу честь, достопочтимые господин и госпожа. Вы согласны оказать нам такую честь?

От одного упоминания о еде в животе у Кэшела забурчало. Ягоды, которые они нарвали, уже давно закончились. Правда, в деревне он не заметил ни хлеба, ни сыра, ни мяса. Хотя сейчас за еду могло сойти что угодно.

Он посмотрел на Тильфозу, ожидая, что она скажет. Девушка коротко кивнула. Теперь его задачей было обезопасить их отдых.

— С удовольствием, — ответил Двадцать-второму Кэшел. — А как его имя? — Он показал на пострадавшего. Юноша ожидал, что хоть кто-то позаботится о человечке, который только что упал с дерева. Но никто даже не заинтересовался его персоной. Человечек уже сидел, но, похоже, он еще не пришел в себя.

— Он — Четырнадцатый, — весело ответил старичок. — Пойдемте с нами, достопочтимый господин и достопочтимая госпожа. Мы устроим вам пир.

Толпа человечков, обступив Кэшела и Тильфозу, вновь весело загалдела. Их голоса были слишком высоки, поэтому Кэшел не мог разобрать ни слова в этом хоре.

Человечки разделились на две группы. Одна, в которой были лишь молодые девушки, едва достававшие ему до запястья, повела Кэшела. Он держал посох перед собой, а девушки по очереди подпрыгивали и висли на нем, как на перекладине.

Кэшел бросил взгляд через плечо. Тильфозу вела другая группа человечков, но она состояла только из молодых мужчин.

Остальные Помощники шли вслед за ними. Лишь несколько человечков побежали вперед, пробираясь сквозь густую траву как олени в лесу.

— Я голодна, — сказала Тильфоза, когда он вновь посмотрел на нее, — и готова съесть все. Пусть даже это будет сырым.

Кэшел усмехнулся, но тут же нахмурился, вспомнив о Четырнадцатом. До него наконец дошло, что тот не может идти. А племя почему-то не забрало его. Он так и остался одиноко сидеть возле дерева-убийцы.

Двадцать-второй шел позади. Он улыбнулся, встретившись с Кэшелом взглядом.

— Что ты хочешь спросить, господин?

Кэшел хотел спросить про Четырнадцатого, но вместо этого задал другой вопрос:

— Здесь часто бывают гости?

— Нет, нет. Вы первые за...

Он развел руками в растерянности.

— Я не знаю, сколько времени прошло с тех пор, как нас посещали гости. Мой отец разговаривал с ними или отец моего отца, а может, это легенда.

Кэшел посмотрел на маленького человечка, затем на солнце. Оно стояло в зените. Дни и ночи здесь длятся столько же, как и у него на родине. Может, и годы совпадают по количеству дней. Возможно, Помощники живут столько же лет, сколько и обычные люди. Конечно, кому посчастливится выжить и вернуться домой. Наверное, именно за то, что он сломал дерево, им с Тильфозой и решили устроить пир.

Помощники, казалось, старались не наступать даже на сухую листву. Двадцать-второй шел между стеблей колокольчиков. Цветы лишь слегка покачивались, когда маленький старичок ловко проходил между ними.

Кэшел посмотрел на Тильфозу. Он хотел рассказать ей о своих предположениях, но боялся смутить Помощников. Поэтому юноша решил, что лучше будет пока смотреть под ноги, чтобы ни на кого не наступить. А потом, когда они сядут вместе, он потихоньку расскажет о своих открытиях.

Процессия вошла в деревню. Племя уже трудилось, не покладая рук, во внутреннем дворе. Одни несли сюда высушенные продукты. Другие шли из леса с полными коробами ягод и орехов.

Кэшелу показалось, что Помощники не занимались плетением корзин, так же как и не утруждали себя изготовлением одежды. Юноша вновь подумал о белках, но все же это были человечки. Просто намного ниже ростом, чем в других поселениях.

Кэшел никогда в жизни не видел таких прекрасных и добрых людей, как эти. Если не считать того, что они оставили на произвол судьбы Четырнадцатого, то во всем остальном местные жители производили лишь приятное впечатление.

Девушки расступились и пропустили Кэшела вперед, к проходу между избушками. Двадцать-второй протянул ему руку, чтобы торжественно ввести во внутренний двор.

— А где здесь можно сесть? — Кэшел оглянулся в поисках Тильфозы.

— Где пожелаете, великий господин и великая госпожа. — Старичок широким жестом обвел внутренний двор. — Где бы вы ни сели, вам везде будут оказаны достойные почести. Что будете пить после еды, воду или сок?

— Думаю, что воду, — ответил Кэшел и махнул Тильфозе, показывая, что они могут сесть. Правда, на голую землю. Но им и прошлую ночь пришлось провести без матрасов и одеял.

Девушка села, прислонившись спиной к домику.

— Мне тоже воду, — обратилась она к старушке, которая ввела ее во внутренний двор.

Помощники продолжали суетиться, поднося воду и еду. Лишь немногие сели напротив Тильфозы. Кэшел же продолжал стоять, облокотившись на домик. Его не оставляло тревожное чувство. Не то чтобы в этой деревне ему что-то пришлось не по нраву. И дело было вовсе не в том, что народец отличался от обычных людей. Он не увидел в человечках ничего дурного. И все же...

Казалось, они не способны обидеть даже муху. Но Кэшел не увидел ни мухи, ни мыши, ни птицы, да и никакого другого животного, с тех пор как проснулся сегодня утром в роще голубики.

Двадцать-второй принял сосуд из рук прислуживавшего соплеменника. Но прежде чем передать его Кэшелу, он демонстративно отхлебнул оттуда, показывая безопасность напитка.

Кэшел почувствовал, как его бросило в жар. Он не думал, что его подозрения так заметны хозяевам. Юноша взял наполненную чашу и сделал глоток.

Сначала небольшой. Хотя ему и было немного стыдно за свои опасения, но он не хотел терять бдительности. В чаше оказалась обычная холодная вода. Только безвкусная. По мнению Кэшела, она годилась лишь для того, чтобы поливать рассаду.

Его заинтересовала сама чаша. Она ничем не походила на произведение гончарного искусства. Это был высохший на сол-

нце комок глины с глубокой выемкой посередине. Снаружи чашу обмазали соком или смолой. Кэшел вспомнил, что так же поступал и Рейзе. Он всегда смолил кожаные бурдюки для вина, сохраняя его для продажи на Овечьей Ярмарке.

На самом дне чаши Кэшел рассмотрел какой-то бурый налет, будто там стояла печать. В отличие от смолы этот налет придавал напитку терпкий, горьковатый привкус. Печать можно было соскоблить даже ногтем. Но тут же новая порция вязкого вещества проступала на дне чаши.

Пожилая женщина, прислуживавшая Тильфозе, протянула ей такой же сосуд. Но прежде чем отдать его, сделала оттуда глоток, показывая, что у хозяев нет дурных замыслов. Тильфоза взглянула на Кэшела, умело маскируя свое удивление.

Наконец Кэшел решился и сел на землю рядом с Тильфозой. Посох он поставил справа от себя, прислонив его к стенке избушки, чтобы беспрепятственно схватить его в случае опасности.

Помощники стояли на коленях или сидели на корточках. Двадцать-второй опустился на землю возле Кэшела. Тут же прислуживавший мальчик положил перед ним три тщательно отобранных яблока.

— Яблоко, господин? — предложил Двадцать-второй и, надкусив сочный плод, протянул его Кэшелу.

— Спасибо, я возьму целое, — поблагодарил юноша старичка. Яблоко оказалось сочным и по вкусу напоминало те спелые плоды, которые они когда-то собирали вместе с Илной. Такие яблоки росли только во фруктовых садах на юге их острова.

В руке остался лишь огрызок, и Кэшел замешкался, не зная как поступить. Дома он бросил бы его на мусорную кучу или скормил овцам. Здесь же на выручку пришел тот самый малыш, что обслуживал вожда. Он выхватил огрызок из рук Кэшела и тут же исчез с ним.

Пир продолжался. На земле перед ними стояли всевозможные фрукты и овощи, орехи и грибы. Они были сырыми, сушеными или вялеными. Похоже, что жители деревни не умели разводить огонь и готовить на нем еду.

Двадцать-второй камнем пробил дырку в огромном, как голова, орехе, сделал глоток и предложил Кэшелу последовать

его примеру. Молочный напиток оказался таким вкусным, что юноша тут же осушил орех до дна.

До начала застолья Кэшел думал, что не сможет наесться той едой, которую предложили им Помощники. Но молоко ореха оказалось таким сытным, что могло вполне заменить сыр и хлеб. Прислуживавший мальчик расколол выпитый Кэшелом орех. Его мякоть была такой же вкусной, как и сок.

Еду все продолжали подносить. Ее разнообразие не переставало удивлять Кэшела. Юноше хотелось попробовать все, что стояло перед ним. Но каждый раз, прежде чем передать блюдо гостю, вождь отщипывал кусочек для себя.

Старушка, кажется, ее звали Семнадцатая, тоже пробовала еду Тильфозы, хотя в этом уже не было необходимости. Но юноша решил не спорить с Помощниками по пустякам. Как он уже убедился, дружелюбные человечки отличались ужасным упрямством и настаивали на своем до тех пор, пока с ними не согласишься. Как коза Скинти Оффот, привыкшая вести овец за собой туда, куда ей вздумается. Кэшел усмехнулся пришедшему в голову сравнению.

— Господин Кэшел, — обратился к нему Двадцать-второй. — Не хотели бы вы с госпожой помыться после еды? Похоже, вам пришлось долго идти.

Кэшел обрадовался, что его загорелая кожа скрывает краску смущения, проступившую на лице.

— Я вижу... — Старичок не закончил фразу.

Видимо, он хотел сказать, что от них с Тильфозой не очень приятно пахло. Дома Кэшел в конце тяжелого трудового дня соскребал с тела всю грязь и смывал пот. Он делал это в любую погоду, даже если приходилось раскалывать лед на мельничном пруду, чтобы достать воду. Но с тех пор, как они покинули Змеиный остров, возможности помыться у него не было.

— Вы моетесь в ручье? — поинтересовался Кэшел. Он подумал, что по дороге завернет к дереву и узнает, что стало с Четырнадцатым.

— Нет, прямо в деревне у нас есть избушка, где можно помыться, — объяснил Двадцать-второй. Старичок указал на самый крайний домик у прохода. Тот и на самом деле был боль-

ше, чем все остальные. Но заметить это можно было, лишь приглядевшись.

— Кто из вас пойдет первым? Там не хватит места для двоих. Вы такие... Вы отличаетесь по росту от нашего племени.

Кэшел потерял глаза. Юноша сытно поел, и теперь его клонило в сон. Конечно, помыться было бы здорово...

— Тильфоза! Видишь крайний домик, который побольше других? В нем у Помощников баня. Ты не хочешь...

— Паровая баня? — переспросила девушка. — Не может быть.

Она задумалась, плотно сжав губы.

— Почему бы тебе не пойти первым, Кэшел? А потом уж я решу, буду мыться там или нет.

— Договорились. — Он с трудом поднялся на ноги, чувствуя в животе тяжесть от переедания. Ему показалось, что он стал хуже не только соображать, но и ходить, однако после нескольких шагов это ощущение прошло. — Мастер Двадцать-второй, я с радостью приму твоё предложение.

Молодые девушки вновь обступили Кэшела и повели его к бане. И хотя ростом они были с пятилетних детей, юноша понял, что они давно уже выросли. Кэшел посмотрел на них, потом перевел взгляд на вождя и спросил:

— Они тоже пойдут со мной мыться? Я бы лучше...

— Конечно, господин Кэшел, — с полуслова понял его Двадцать-второй. Вождь махнул рукой, и тут же, как по команде, девушки куда-то исчезли. Вместо них Кэшела окружили юноши, те самые, что сопровождали Тильфозу. Двое взяли его за руки.

— Стойте! — приказал Двадцать-второй. Он с поклоном передал Кэшелу посох, стоявший у стены избышки.

Юноша почувствовал в руке знакомую тяжесть своего верного защитника, вырезанного когда-то из ореха гикори. Стало хорошо и спокойно, словно на мгновение он вернулся в родной дом.

Помощники подвели Кэшела к бане. Чтобы протиснуться в ее узкую дверь, похоже, придется встать на четвереньки. Он наклонился и заглянул внутрь. В земляном полу было выдолб-

лено углубление. На дне его юноша увидел такой же налет, как и на чаше.

— Господин. — Помощники склонились по обе стороны от двери, приглашая его войти.

Поколебавшись, Кэшел прислонил посох к стене домика, сгорбился и полез внутрь. В общем-то он мог справиться с Помощниками и голыми руками. К тому же человечки не делали ничего такого, чтобы заподозрить их в коварстве. Да и какой вред могла причинить ему эта кучка цыплят?

Резкий запах травы ударил в нос. Весело переговариваясь между собой, маленькие человечки принялись за работу. Они сняли с Кэшела пояс, потом тунику.

Один из Помощников потрогал мускулы на руке у Кэшела и захихикал:

— Такой большой, такой сильный!

— Ложитесь, господин Кэшел, — попросил его товарищ.

Кэшел повиновался. Углубление в полу оказалось скользким от покрывавшего его налета и прохладным. В нем было приятно лежать после нескольких часов, проведенных под жарким солнцем. Глаза юноши быстро привыкли к полумраку. Избушка освещалась лишь пробивающимися через отверстие в крыше солнечными лучами.

Кэшел лежал на животе головой к двери, положив руки под голову. В домик вошли еще шестеро Помощников. Они принесли чан с нагретой на солнце водой и несколько тыкв.

Самый молодой разломал овощ. Из тыквы посыпались круглые семена, похожие на головку одуванчика. Мякоть оказалась Кэшелу жесткой, словно высохший стебель. Прежде он не видел ничего подобного. Баня вновь наполнилась свежим и сильным запахом травы.

Помощники полили водой спину и ноги Кэшела. Несколько человечков принялись скрести его тело кусками тыквы. Движения их были плавными, а прикосновения мягкими. Кэшел почувствовал тепло, словно его накрыли овечьей шкурой. По коже пробежала приятная дрожь.

Еще один Помощник растирал плечи и шею. Ожог на предплечье тут же перестал болеть, как будто его смазали ланолином.

Кэшел подумал, что неплохо будет провести пару деньков в гостях у маленьких человечков. Конечно, они с Тильфозой хотят поскорее вернуться домой. Но точного срока, когда они смогут туда попасть, у них все равно не было.

Конечно, здорово расслабиться и отдохнуть среди этих дружелюбных крошек, но...

Раздался крик Тильфозы.

Из головы Кэшела сразу улетучились все мысли, кроме одной — Тильфозе угрожает опасность. Он попытался вскочить, но смог лишь приподняться и ударился головой о крышу домика. Юноша хотел разломать переплетенные между собой ветки, но руки не слушались его. Они словно онемели.

Кэшел все чувствовал, но шевелиться с каждой минутой становилось все труднее. Помощники окружили его и возбужденно о чем-то затараторили. Он попытался сделать шаг и упал на землю. Через приоткрытую дверь юноша увидел Тильфозу. Человечки, чьим дружелюбием и безобидностью он так восхищался, повалили ее на землю и связывали руки поясом Кэшела, разорванным на веревки.

Он хотел воззвать к Дузи, но слово застыло на его губах.

Помощники волоком вытащили обездвиженного Кэшела во внутренний двор. Племя окружило юношу плотным кольцом. Двадцать-второй громко отдавал приказания. Множество маленьких ручек ухватилось за Кэшела. Его тело закачалось, и было поднято вверх усилиями всего племени. С громкими криками человечки понесли Кэшела к выходу из деревни.

Помощники, натиравшие в бане его тело кусками тыквы, шли впереди процессии. Их руки безвольно висели вдоль туловища, слегка покачиваясь при ходьбе. И до Кэшела вдруг дошло, что яд, которым его отравили, содержался в мякоти тыкв.

Его взгляд остановился на Тильфозе. Со связанными руками девушка лежала на земле у последней избушки. Но никто не додумался засунуть ей в рот кляп.

— Я помолюсь за тебя Владычице, — прошептала она.

Кэшел не смог ничего сказать в ответ, да и слова сейчас были ни к чему. Тильфоза могла не понять его, если бы он посовето-

вал приберечь молитвы для себя самой. Юноша не сомневался, что вскоре дело дойдет и до нее.

Может, со временем сила яда и ослабнет, но Кэшелу, похоже, этого уже не дожидаться. Помощники всей деревней несли его к дереву, пожирающему людей.

Он был новой жертвой.

Глава пятнадцатая

— Иазуой! — произнесла Алектa последнее слово заклинания и ударила ножом в кучу шепок, аккуратно сложенных в центре пентаграммы.

Вспыхнуло пламя. Его язычки стали подниматься вверх, постепенно охватывая сломанные ветки и коряги. Свет пламени отбрасывал на лица девушек тени.

Алектa вновь склонилась над костром, шепча что-то себе под нос, затем удовлетворенно кивнула.

— Дорога там, — указала она. — Без тебя я бы никогда ее не нашла.

Илна посмотрела в ту сторону, куда стелился дым. Он поднимался вверх по каменистому склону к расщелине. Рассвет уже окрасил деревья в красный цвет. Дороги, проложенной ногами людей и колесами телег, она не увидела. А значит, им снова придется идти на ощупь, что усложнит и без того непростой путь.

Сюда они добрались по тропе, где ходили люди, а иногда и груженные поклажей мулы. Но для колесниц и повозок тропинка была узковата. Это совсем не удивило Илну. В деревушке Барка после крушения Старого Королевства осталась всего лишь одна протоптанная дорога, все остальные поросли ковылем.

Конечно, днем им кто-нибудь может встретиться, но чем реже они будут попадаться людям на глаза, тем лучше.

— У тебя остались силы, чтобы идти? — спросила Илна у дикарки. — Будет лучше, если мы выйдем прямо сейчас.

— Конечно, идем! Я совсем не устала от такого простого заклинания.

Илна не поняла, действительно Алекта не чувствует усталости после колдовства или пытается скрыть от нее слабость, но разбираться в этом у нее не было никакого желания.

Она отломала себе и дикарке по куску от того каравая, что взяла утром на кухне. Алекта, прежде никогда не видевшая пшеничного хлеба, жадно набросилась на еду.

Через несколько минут, покончив со своей порцией хлеба, дикарка поднялась на ноги и потянулась.

— Я пойду вперед. Надеюсь, ты не думаешь, что разбираешься в дорогах лучше, чем я? По таким тропам проходит один, самое большее два человека в год.

— Иди, я пойду следом, — подгоняя Алекту, резко ответила Илна, сделав вид, что не заметила взгляда компаньонки, брошенного на оставшийся ломоть хлеба.

Склон зарос диким лавром и небольшими кустами с мелкими листочками. Колючек на кустах не было, но сплетенные между собой ветки затрудняли движение. Девушки пробирались через заросли, оставляя на сучках клочки одежды.

В расщелине они остановились на привал. Между камней протекал ручей, вода собиралась в выемку, выдолбленную в камне. Алекта нагнулась и принялась жадно пить. Илна отломала еще по куску хлеба и протянула дикарке ее долю, потом тоже утолила жажду.

Когда Илна наконец выпрямилась, Алекта смотрела на север. Ту местность, откуда они пришли, вряд ли можно было назвать ухоженной, но присутствие людей все равно ощущалось. Теперь же девушки удалялись от поселений все дальше и дальше. Впереди не было видно ни домов, ни дорог, ни малейшего признака жизни — лишь огромные кусты орешника и толстые стволы сосен, закрывающие собой весь горизонт.

Алекта грязно выругалась. Илна посмотрела на дикарку с удивлением.

— Твоя ненависть к городу мне понятна. — Она любила города не больше своей спутницы. Слишком много людей, и все

вокруг сделано из камня. — Но я думала, ты обрадуешься, вернувшись в лес.

— Обрадуюсь? Да эти деревья хуже, чем дома! Где пастбища? Где фермы? Это...

Дикарка замолчала, ее переполняло отчаяние. Илне стало жаль Алекту, и она попыталась успокоить спутницу.

— Это часть рисунка. Лес, море, дома, деревни — все вытканое, как на холсте. Ниточка к ниточке.

Алекта посмотрела на нее с презрением и ненавистью.

— Твои рисунки на ткани! — злобно произнесла она. — Да вы все заодно! Ты и те дураки из храма! Ты покоряешь людей своей воле, они связывают себя по рукам и ногам, выпустив Свору. Ты такая же, как и эти людишки!

— Ты так думаешь? — Голос Илны был холоден как лед. Она убрала остатки хлеба за пазуху. — Полагаю, нам пора идти.

— Не нравится мне это место, — немного помолчав, пробормотала Алекта и в очередной раз посмотрела на север. Похоже, этой фразой она пыталась сгладить свою грубость.

Но Илна не нуждалась в ее извинениях. Алекта была частью огромного рисунка, как и сама Илна, которая всегда представляла себе того, кто создал мир, как искусного ткача и восхищалась его работой.

Вместо того чтобы спускаться в долину, Алекта повернула на запад и обошла холм слева. Илна не видела дороги, но дикарка уверенно шагала вперед, поэтому у нее не осталось и тени сомнения, что они идут в верном направлении. Илне не нравилась ее спутница, но способностям Алекты она отдавала должное.

Каменистая земля, по которой они шли, была покрыта слоем сухих листьев и сосновых иголок. Пробриться через такой покров подлеску оказалось не под силу, кое-где валялись сложенные деревья. На крутом, почти вертикальном склоне росли могучие, величественные сосны. Илне не доводилось прежде видеть что-либо подобное.

Она улыбнулась. Брату понравился бы этот лес. Кэшел чувствовал себя наедине с природой так же, как Илна за станком. Уж он бы придумал, как расчистить эту чащу и привести ее в надлежащий вид.

— Люди не слишком часто пользуются этой дорогой, — сказала Алекта, достаточно громко, чтобы не поворачивать голову. — Один или два раза в год. Через деревню Хартраг с такой же регулярностью проходят коробейники. Но все идет вниз, в Доннел, а не поднимаются вверх.

— И ты все это видишь? — поинтересовалась Илна. — Или приходится использовать магию?

— Все равно. Я ишу тропу так же, как ты разгадываешь рисунки.

Илна нахмурилась, но потом решила, что дикарка просто не хочет открывать всю правду. Похоже, Алекта и сама не знала, как находит тропу. Илна тоже не смогла бы объяснить, как узнает соседа с большого расстояния.

Благодаря своему таланту Алекта посещала мир сновидений и не нуждалась для этого в другом волшебнике из пробужденного мира. Свора обладала такими же способностями, что давало ей возможность не терять преследуемую жертву из виду.

Они дошли до огромного, расколотого пополам камня. Между его частями образовался узкий проход. Илна остановилась.

— Нам нужно туда. Место, которое мы ищем, по другую сторону этих камней.

Алекта нахмурилась:

— Откуда ты знаешь?

Илна пожала плечами.

— Рисунок, — объяснила она. — Все его части сходятся там.

Алекта фыркнула и просочилась сквозь расщелину. По другую сторону камня, у подножия крутого склона, она увидела деревню и храм с колоннами.

Шарина лежала на берегу, укутавшись плащом наподобие одеяла и подвернув один его конец под голову. Теноктрис посапывала рядом, присвистывая при каждом вдохе. Шарина слишком устала, чтобы заснуть безмятежным сном, но все равно испытывала удовольствие от возможности вытянуться в полный рост на прибрежном песке. Несколько дней назад девушка и представить себе не могла, как будет этому рада.

Во время отлива королевский флот сел на мель у коралловых островов. Через несколько часов прилив вновь оставит на поверхности моря лишь верхушки рифов, а пока команды закрепили суда якорями и наслаждались неожиданным отдыхом. Половину Внутреннего моря корабли уже преодолели, но отдохнуть по-настоящему можно будет, лишь когда они доберутся до места назначения.

Шарина могла бы лечь спать на палубе корабля под приспущенным парусом, как в палатке. Но ночь была теплая, и девушка не нуждалась в крыше над головой, как и все остальные. Исключение сделали лишь для Каруса. На берегу ему поставили палатку, в которой он спал один, как правитель Островов. Только Шарина и Теноктрис знали, что все дело в тех кошмарных снах, что продолжают мучить Каруса. Правда, стань это известно войску, его боевой настрой сильно бы пошатнулся.

На плотях шипели в кострах пропитанные морской водой дрова. Многие гребцы до мобилизации на военную службу были обычными крестьянами и ремесленниками в ближайших к Вэл-лису поселениях; для них тепло и свет костра значили больше, чем сон.

Несколько солдат из отряда Кровавых Орлов охраняли женщин и Каруса. Облокотившись на копья, они стояли вокруг палатки и вглядывались в ночную мглу. Стражники менялись каждый час. Нести охрану короля в походных условиях ничуть не легче, чем во дворце.

Неожиданно до Шарины донесся крик Каруса. Девушка услышала звон меча о ножны, а левая сторона палатки из кожи выгнулась, словно кто-то ударил по ней изнутри.

Шарина тут же вскочила на ноги. Стражников тоже всполошил крик короля, и они с обнаженными мечами толпились у входа в палатку.

— Стойте, я сама помогу Его Величеству, — остановила их Шарина. — Теноктрис!

В палатке могло разместиться четверо дюжих молодцев, но полог оказался слишком низким, и девушка не смогла выпрямиться в полный рост. Свет луны не пробивался сквозь кожу, и внутри царила кромешная темнота.

— Ваше Величество... — лишь успела воскликнуть Шарина, и в то же мгновение почувствовала у себя на горле руки Каруса.

В воздухе промелькнула яркая магическая вспышка, и тут же розовая дымка начала обволакивать крепежные столбики, полог и стену палатки. Внутри стало светло, будто зажгли масляную лампу.

Карус пришел в себя и отпустил девушку.

— Извини, — попросил он прощения у принцессы и слабо улыбнулся. Бросив взгляд на колышущийся полог, король отшатнулся назад, как от удара. — Входи, Теноктрис...

Старая волшебница пыталась заглянуть внутрь палатки из-за плеча Шарины.

Король засунул меч в ножны. Пока он этого не сделал, Шарина не могла заставить себя сдвинуться с места, что, впрочем, не помешало ей в очередной раз восхититься умением Каруса ловко обходиться с оружием.

Магическая пелена постепенно рассеивалась. Не желая вновь оказаться в темноте, Шарина присела возле масляной лампы, в углу. При последних всполохах магического света она высекла кремнем искру, постаравшись сделать так, чтобы та попала точно на пучок высохшего молочая, обмотанного вокруг ветки. Сухая трава тут же вспыхнула, девушка поднесла ветку к лампе и зажгла фитиль.

— Спасибо, — поблагодарил ее Карус. Он окончательно овладел собой и наградил девушку широкой улыбкой. — При свете лампы я чувствую себя гораздо лучше, нежели в темноте.

Он горько усмехнулся.

— Я рад, что все обошлось. Шарина, вижу, тоже чувствует себя намного лучше при свете.

— Да. — Повесив лампу под полог палатки, девушка с трудом выдавила из себя улыбку; ведь еще недавно Карус так крепко сжимал ее горло, что она едва не умерла.

— Новый кошмар, Ваше Величество? — Теноктрис устало потерла глаза рукой. Волшебница спасла Шарине жизнь, но очередное заклинание лишило ее сил.

— Все тот же сон. — В глазах Каруса проскочила злобная искра. — Я боялся, что будет хуже, но все произошло как и прежде.

Король усмехнулся еще раз и как-то сник; теперь в его взгляде не было ни надежды, ни злости — одна лишь пустота.

— Не помню ничего, кроме начала сна, а луна становится все больше и больше.

Теноктрис нарисовала на песчаном полу квадрат, потом написала с каждой стороны по символу. Шарина не могла прочесть слова, на песке они были практически неразличимы, но в центре девушка разглядела полумесяц.

Волшебница заботливо посмотрела на Каруса.

— Может быть, Ваше Величество желает выйти?

Карус махнул рукой:

— Делай, что положено. Я готов стерпеть что угодно, а тут речь идет об обычном волшебном заклинании, которое тем более может мне помочь.

Оглядевшись, Теноктрис поняла, что оставила сумку с волшебными амулетами на улице. Догадавшись, что ей нужно, Шарина сняла с потолка масляную лампу и поднесла к рисунку. Теноктрис с благодарностью кивнула девушке, затем взяла ветку, которой поджигают лампу, и, используя ее в качестве жезла, ударила по каждой из сторон квадрата и принялась нараспев произносить заклинание:

— Нексиаксирксин морото тоепанам иотхам...

Она стукнула жезлом по рисунку еще раз и вскрикнула:

— Лаулоне!

Ничего не произошло.

Карус нахмурился.

— Что-то не так? — Со стороны могло показаться, что он спокоен, но Шарина видела, как вздрагивает король после каждого магического слова, видела, как напряжено его лицо.

Теноктрис слегка улыбнулась.

— Вовсе нет, — успокоила она Каруса. — Теперь вы можете спать спокойно, Ваше Величество, этой ночью вас ничто больше не потревожит.

— Правда? — недоверчиво хмыкнул Карус. — Не тушите лампу, пусть горит, так я лучше сплю.

Он взглянул на обеих женщин, в глаза им бросилось его усталое, изнуренное лицо.

— Знайте, я не побегу, — продолжил Карус. — Мне не ведом страх перед лицом опасности. Если враг становился на моем пути, все зависело от того, кто быстрее выхватит меч. Я никогда не пытался оттянуть развязку и стремился схватить противника за глотку быстрее, чем это сделает он, но в конце концов мне повстречался враг, оказавшийся сильнее меня. Я погиб, а вместе со мной погибла и вся империя.

Шарина успокаивающе похлопала короля по спине.

— На этот раз ты не упустишь врага.

— Постараюсь. Иначе мне придется провести целую вечность в лапах серых монстров из кошмаров, и я не знаю, смогу ли все это вынести.

Карус громко рассмеялся, будто только что рассказал веселый анекдот, и Шарина — к своему ужасу — поняла, что и ей самой весело. Ситуация была настолько нелепой, что им не оставалось ничего другого, кроме как смеяться над собой.

Поездка на многоножке действовала, к удивлению Гарри-ка, успокаивающе. Из-за огромного туловища насекомое двигалось так плавно, что он не чувствовал никаких неудобств. Гигантская многоножка ловко огибала препятствия, плавный ход ее был подобен скольжению корабля в открытом море.

Архай, сидевший впереди, управлял насекомым с помощью золотого жезла. Один его конец был заострен, а другой заканчивался золотым веером.

За возницей расположились Метрон и Талемус. Волшебник сидел, скрестив ноги, и мелом чертил на твердой коже многоножки магические символы. Иногда он прекращал это занятие и углублялся в изучение какого-то древнего папируса. Талемус молча рассматривал окрестности; казалось, ему скучно, но даже с разделявшего их расстояния Гаррик заметил, что юноша держится настороженно.

Вескей и остальные разбойники расположились впереди принца. Атаман чувствовал себя на огромном насекомом, как на палубе корабля. Только что он проверял, как дела у Хейма, раненного в сражении с Защитниками, а теперь, выяснив, что все в порядке, медленно ковылял назад. Его деревянная нога

слегка скользила по гладкой коже многоножки, и Вескей покачивался то в одну сторону, то в другую.

Архаи, ехавшие позади Гаррика, держались за толстую золотую цепь, протянутую вдоль всего туловища насекомого. Вескей не последовал их примеру, для атамана разбойничьей шайки это было равносильно позору.

Сплетенные между собой стебли огромных растений почти полностью закрывали небо, но все же гигантская трава пропускала больше света, чем деревья в лесу. Озираясь по сторонам, Гаррик часто замечал торчащие из зарослей усики какого-нибудь насекомого. Один раз на глаза ему попался паук; тот неподвижно сидел на стебле неизвестного принцу растения, уставившись на огромную многоножку и находящихся на ней людей и Архаев.

— Послушай, Гар, — обернулся к нему Вескей. Они с Гарриком оказались единственными, кто расположился почти в самом конце туловища насекомого. — Что ты обо всем этом думаешь, парень? Где мы? Что будем делать дальше?

Гаррик ухмыльнулся.

— Будем ждать, когда мастер Метрон объяснит, в чем заключается наша следующая задача. Не то чтобы я находил это решение верным, но пока не могу предложить ничего взамен. Что же до того, где мы находимся...

Он бросил взгляд в сторону и вздрогнул. Огромный жук, больше, чем быки в деревне, смотрел на них сетчатыми глазами.

— Лично я предпочел бы оказаться в каком-нибудь другом месте. Хотя не могу отрицать, что, попав сюда, мы избежали крупных неприятностей. В противном случае нам пришлось бы сражаться с целым полком Защитников, и я не рискну утверждать, что исход боя оказался в нашу пользу.

Вескей согласно хмыкнул в ответ. Он посмотрел в сторону Метрона, сидевшего впереди. Улыбаясь, будто услышал какую-то шутку, атаман спросил:

— Интересно, что поведал бы наш друг волшебник, если бы мы подвесили его на дыбе и приложили к телу раскаленное железо?

— Думаю, нам все равно не удалось бы узнать правду. Мы бы даже не выяснили, как отсюда выбраться.

Многоножка двигалась по низине, заросшей густой темно-зеленой травой. Они проехали мимо небольшого озера; в воде отразились тело насекомого и полчища его ножек. Болотистую местность пересекли довольно быстро.

— Да, пожалуй, ты прав, — согласился Вескей. — И от наших хитиновых спутников ответ мы тоже получим едва ли.

Атаман оглянулся и посмотрел на троих Архаев, сидевших позади Гаррика. На его губах вновь заиграла прежняя улыбка. В лапках двух насекомых он заметил какие-то золотые пружинки и колесики, третий держал механизм, больше похожий на золотого паука. Прикрутив к устройству недостающие части, Архай дернул за рычаг, два других наблюдали за бесполезным вращением механизма, беспокояно размахивая клешнями.

— Но я бы рискнул, — прибавил атаман.

— Что это за звук? — проявил беспокойство Адемий, сидевший впереди с остальными разбойниками, которые тоже взволнованно закурили головами по сторонам.

— Я ничего не слышу. — Вескей с недоумением посмотрел на Гаррика.

— Зато я слышу. Этот скрежет прямо пронзает мне уши. Такое впечатление, что кто-то скребет по металлу.

Звук инструмента, который Архаи использовали для оповещения, действовал Гаррику на нервы, он чувствовал, что его мозги вот-вот лопнут от этого лязга.

Архаи тоже слышали сигнал. Тот, что держал механизм, продолжил крутить рукоятку, прислушиваясь к тому, что сообщал товарищ, третий Архай зачем-то побежал в самый конец многоножки, покачиваясь на прямых лапках, как на ходулях. Вскоре он пропал из виду, потому что огромное насекомое объезжало какое-то препятствие.

Метрон и три Архая, сидевших впереди, начали о чем-то спорить на стрекочущем языке этих существ. Тот, что управлял многоножкой, постоянно крутил головой то вперед, то назад.

— Приготовьте-ка свое оружие, братцы! — приказал Вескей. — Полагаю, сейчас случится что-то непредвиденное.

Он приблизился к Гаррику и жестом указал в сторону хвоста многоножки.

— Может, пересадим туда кого-нибудь из наших?

— Нет. — Гаррик вытащил меч, сожалея, что не имеет под рукой точильного камня и не может убрать с лезвия зазубрины. Привычку всегда носить его за поясом принц перенял у Каруса. К сожалению, Сэто был не таким предусмотрительным, как древний король.

— Хорошо, — согласился Вескей. — Тогда давай сами присоединимся к парням, думаю, нам сейчас следует держаться вместе.

Гаррик поднялся на ноги и последовал за атаманом в голову многоножки. Вескей, слегка прихрамывавший на деревянную ногу, шел не слишком быстро. Достав из-за спины дротик, он поочередно крутил его то в одной руке, то в другой.

Архаи перестали спорить с Метроном. Двое побежали назад, а погонщик многоножки вернулся к исполнению своих прямых обязанностей, волшебник же принялся выводить вокруг фигуры, которую уже успел начертить, магические слова.

Талемус попытался выяснить, в чем дело, но маг просто не обратил на него внимания. Юноша предпринял еще одну попытку, но и та закончилась неудачей. Тогда он встал, решив присоединиться к разбойникам, хотя они и посматривали на него с нескрываемым презрением.

— Лорд Талемус, что происходит? — Своим вопросом Гаррик хотел изменить отношение шайки к юноше.

— Я знаю не больше вашего, — ответил Талемус. — Метрон слишком занят, чтобы объяснить мне хоть что-то.

Голос его звучал раздраженно. Молодого дворянина злило, что с ним обращаются недостойно, но хорошее воспитание обязывало скрывать чувства. К тому же Метрон пытался их спасти, хотя, возможно, заботился лишь о своей жизни, а всем остальным просто повезло оказаться рядом с волшебником.

Из леса стремительно выползло некое существо, остановившееся на расстоянии выстрела от многоножки. Гаррик заметил в траве еще какое-то движение.

— Взгляните-ка туда. — Он указал влево.

— С этой стороны тоже кто-то есть, — отозвался Халофий. — Они приближаются.

Где-то совсем близко раздался пронзительный визг, но понять, откуда он шел, Гаррик не смог. Наконец существо подползло поближе, и им удалось его разглядеть.

Неизвестная тварь была похожа на завернутый в простыню труп, без рук, без ног, хотя по заросшей травой земле, по которой человек шел бы очень медленно, передвигалось без особых усилий. Еще две такие же твари появились из леса и ползли теперь по направлению к многоножке.

Архай спустили вниз золотую лестницу, чтобы слезть со спины удивительного транспортного средства. Ступеньки прогнулись под тяжестью одного из них, посланного, по всей видимости, на разведку.

Архай прыгнул на землю и тут же был атакован тремя тварями. Он принялся отбиваться от них своими зубчатыми конечностями, острые клешни вспороли кожу первого странного существа; кишки вывалились наружу, брызнул гной.

Струи густой жидкости, выпущенные двумя другими существами, достигли цели, точно попав в Архая. В предсмертной агонии тот издал звук, напоминавший скрип дверных петель, но все же успел разрубить клешней тело еще одной гадины. Многоножка обошла место сражения стороной.

— Вон там еще ползут, — поделился своими наблюдениями Тосий, протирая лезвие топора краем рубахи.

Жуткий скрежет раздался теперь с другой стороны — еще один Архай погиб, пожертвовав своей жизнью, чтобы не допустить врагов к многоножке.

— Не люблю червяков, — пробубнил себе под нос Тосий. — А эти гадины хуже скользкой плесени.

Напавшие на них твари напомнили Гаррику плоских червей, но внутренние органы, вывалившиеся из распоротого тела одного из существ, оказались такими же, как у животных. Сейчас Гаррик был готов очутиться где угодно, но только не рядом с этими мерзкими червяками.

По его лицу пробежала невеселая усмешка. Было бы неплохо поделиться этим соображением с Карусом, окажись тот вновь в его сознании.

— Придется пройти через это одному, — чуть слышно про-
бормотал принц.

Справа к многоножке приближалось с дюжину червеобраз-
ных существ. Стоявший немного сзади Халофий громким кри-
ком предупредил товарищей о надвигавшейся опасности:

— Десять! Тринадцать! Весь лес кишит этими тварями! О
Пастырь, сохрани нас!

Архай, державший в руках золотой механизм, принялся
крутить ручку с удвоенной энергией, его собрат повертел голо-
вой в разные стороны и прыгнул вниз, но тут же оказался раз-
давлен многоножкой. Стремительность действий привела его
к смерти, со стороны это походило на самоубийство от осозна-
ния безнадежности ситуации, в которой они оказались.

— Я мог бы зарубить одну тварь отсюда, сверху, — задум-
чиво размышлял Вескей, похлопывая по древку дротика. — Но
думаю, следует дожидаться лучшей цели.

— Лучшей цели? — мрачно переспросил Талемус.

Атаман улыбнулся.

— Она будет отличаться от этой. Взбодрись, сынок. Нас еще
не повесили.

Метрон перестал петь и громко воскликнул:

— Сиче!

Он поднял вверх кольцо с сапфиром, голубая вспышка ма-
гического света озарила небо и колышущуюся на ветру траву.

Механизм, похожий на золотого жука, взвыл, оттуда выр-
вались лучи голубого цвета, заставившие Архая задрожать и
схватиться двумя верхними конечностями за золотую цепь.

Гаррик почувствовал, как волосы у него встают дыбом. Все
вокруг окрасилось в красный цвет, такой яркий, что юноша на
мгновение даже зажмурился. Стволы деревьев стали шире вдвое,
разбойники закричали от ужаса, а Халофий даже затрубил в горн.

Магическая вспышка погасла, все вновь стало зеленым и ко-
ричневым. Гаррика качнуло, но он удержался на ногах. Много-
ножка продолжала двигаться так же размеренно, как и раньше.

Вескей дотронулся до плеча Гаррика и кивнул в сторону
Метрона. Волшебник медленно сползал вниз, правая его рука
была прижата к груди. На пальце по-прежнему сияло кольцо.

Левой рукой он тянулся к голове многоножки, пытаясь поймать золотую цепь, но сжать кулак магу никак не удавалось.

Гаррик сунул меч в ножны и бросился на помощь волшебнику. Талемус попытался последовать за ним, но покачнулся, Вескей схватил его за руку и уже не отпустил от себя, несмотря на попытки молодого человека высвободиться.

Метрон не нравился Гаррику, он не доверял волшебнику, но тот был им еще нужен. Юноше удалось схватить мага за плечи и в последний момент втянуть на многоножку. Метрон смотрел на Гаррика невидящим взглядом, не понимая, что происходит.

Архай-погонщик оглянулся на людей, потом отвернулся и занялся своими обязанностями. Гаррик не сдвинулся с места до тех пор, пока не убедился, что волшебник приходит в себя после заклинания.

Пейзаж вокруг остался таким же, каким был с самого начала пребывания в этом мире, но от тех ужасных тварей, которые атаковали их всего полчаса назад, не осталось и следа.

Механизм, похожий на золотого жука, развалился на части. От Архая, крутившего ручку, сохранился лишь обугленный хитиновый панцирь да одна клешня. Из всей еще недавно сопровождавшей их группы выжил только погонщик.

Издали долетел чей-то крик — лес по-прежнему таил в себе множество опасностей. Многоножка продолжала свой путь.

Помощники пели что-то, похожее на молитву, на неизвестном языке. Все население деревни, сопровождавшее недвижимое тело юноши, не могло сдержать своей радости. Улыбались во весь рот даже те молодые люди, которые пострадали от действия яда, когда натирали им спину и ноги Кэшела.

Тело его плавно покачивалось на руках Помощников, словно он плыл в лодке по тихой реке. Кэшел по-прежнему не мог повернуть голову, но уже хорошо видел дерево, к которому его несли. Листья дрожали, будто от нетерпения, ветки опустились к земле, лениво покачиваясь на ветру, на конце самого толстого сука трепетал огромный лист.

Кэшел прикидывал, что маленькие человечки сделают с Тильфозой. Возможно, ее они отпустят, ведь это он сломал ветку дерева.

Все может быть. Но Кэшелу не очень-то верилось, что они разрешат девушке уйти. Если дерево питается людьми, то Помощники будут рады возможности спасти жизни двух своих соплеменников. Тильфозу принесут в жертву, как и его самого.

Кэшел все отлично слышал, видел и даже различил запах дерева, когда они подошли к нему вплотную, но по-прежнему не чувствовал прикосновений рук Помощников к своему телу. Яд парализовал его, превратив в деревяшку.

Не дойдя пару шагов до ствола дерева Двадцать-второй что-то скомандовал. Человечки опустили юношу на землю. Кэшел почувствовал, как затрепетал и зашуршал лист, и понял, что жить ему осталось совсем недолго.

Лист стал оборачиваться вокруг него, начиная с ног. Юноша ощутил покалывание, напомнившее те ощущения, которые он испытывал ребенком, купаясь в мельничном пруду. Прикосновения листа вызывали щекотку, но смеяться Кэшел не мог — яд сковал горло.

Он лежал лицом к деревне и, чтобы не думать о близком конце, принялся рассматривать крыши видневшихся избушек. Заметив струйку дыма, юноша решил, что именно там находится баня, где его отравили. Дым повалил сильнее, похоже, там начинался настоящий пожар.

Над деревней поднимались языки пламени. Треск полыхавших в огне сухих веток, из которых были сплетены избушки, донесся до того места, где находился Кэшел. Какая-то девушка оглянулась на шум и, увидев пламя, завизжала, словно напуганный змеей кролик. Помощники обернулись на ее крик и тут же помчались к деревне.

Из-за кустов появилась Тильфоза. Девушка медленно, слегка покачиваясь, шла по дороге; в одной руке она держала горящий факел, другой сжимала посох Кэшела.

Двадцать-второй указал на нее соплеменникам и стал выкрикивать какие-то приказания, но девушка взмахнула в воздухе посохом, и Помощники с криками разбежались в разные сто-

роны. В низкой траве не спряталась бы и полевка, но человечки скрылись так быстро, что, когда Тильфоза перевела туда свой взгляд, их уже и след простыл.

Лист продолжал медленно оборачиваться вокруг Кэшела; тела и ног уже не было видно. Лист приближался к лицу. Неприкрытое одеждой тело слегка пощипывало, но Кэшел понимал, что в темноте будет чувствовать себя гораздо более неуютно, нежели от простого покалывания кожи.

Тильфоза подошла к нему и бросила посох на землю. Лицо и одежда девушки были испачканы сажей, запястья — обожжены огнем.

— Я не настолько сильна, чтобы сломать твою ветку, дерево! — закричала она. — Но я принесла с собой вот это!

Она подняла вверх факел, и Кэшел понял, что это острокопечная крыша одной из избушек — он смог хорошо рассмотреть горящий ворох веток.

Юноша услышал шипение сока под корой дерева. Лист начал раскручиваться, и Кэшел понял, что сейчас упадет. Он попытался вытянуть вперед руку, чтобы нащупать какую-нибудь опору, и неожиданно ему удалось это сделать.

— Сгори же! — Тильфоза подпрыгнула, опершись на руку Кэшела, и провела своим факелом по листу. — Отпусти его или умри!

Лист стал осыпаться, Кэшел полетел на землю головой вниз. Он еще не мог управлять телом, поэтому ударился плечом, но боли не почувствовал — видимо, яд продолжал действовать.

Тильфоза уцепилась за юношу и попыталась оттащить его в сторону, все еще размахивая перед деревом факелом, но даже если бы обе ее руки были свободны, она все равно не смогла бы поднять Кэшела. К счастью, он уже мог шевелить руками; ноги, правда, не слушались, однако, опираясь на руки, он сумел потихоньку отползти на безопасное расстояние.

Убедившись, что Кэшел может двигаться самостоятельно, Тильфоза отпустила его и подобрала с земли посох.

С каждой секундой дерево-убийца становилось все дальше и дальше, и силы постепенно стали возвращаться, так что когда они с Тильфозой выбрались из этого ужасного места, он уже довольно бойко передвигался на четвереньках.

— Как тебе удалось развязать веревки? — прохрипел юноша. Он снова мог говорить, но губы слушались еще плохо.

— Воспользовалась вот этим. — Тильфоза дотронулась до хрустального медальона. Солнце заиграло на его гладкой поверхности. Девушка зажала украшение между пальцами так, чтобы солнечный свет, отражаясь, падал на ветку, которую сломал Кэшел, спасая Четырнадцатого. Появился слабый дымок, ветка вспыхнула, огонь перекинулся на то, что осталось от листа.

— Амулет пережег веревки? — Голос прозвучал уже увереннее.

— Нет, — усмехнулась Тильфоза. — Сделать это было не слишком удобно, но так мне удалось поджечь один из домиков, и я пережгла остатки твоего пояса.

Кэшел внимательно посмотрел на нее. Получилось, она сунула руки в костер и держала их там, пока веревки не перегорели.

Юноша перевел дух и с трудом встал на колени.

— Будь добра, подай мне посох, госпожа, — попросил он Тильфозу. — Сжав его в руке, я сразу почувствую себя лучше.

Девушка протянула Кэшелу дубинку с железным наконечником, которую удерживала в руках из последних сил. Несмотря на загар, ее кожа казалась серой, запястья покрылись волдырями.

Кэшел принял у нее посох и едва прикоснулся к гладкой деревянной поверхности, как прежняя уверенность вновь вернулась к нему.

Он поставил посох перед собой, оперся на него и поднялся на ноги. Осторожно переставив дубинку вперед, Кэшел сделал первый шаг. Второй дался легче.

Юноша огляделся. Помощники исчезли, словно роса с травы под лучами утреннего солнца. Дерево подняло ветки вверх, поближе к стволу. Оно походило сейчас на перепуганную старуху, которая пытается закрыть лицо руками — от страха.

— Интересно, что стало с тем человечком, которого я спас? С Четырнадцатым?

— Мне все равно, — равнодушно сказала Тильфоза. — Они все заслуживают смерти. Надеюсь, им еще воздастся! — добавила она свирепо.

Кэшел пожал плечами.

— Жаль, у меня нет овечьего масла, чтобы смазать волдыри. — Он заботливо склонился к ее рукам. — Но, думаю, мы можем обмазать твои запястья глиной, и вскоре тебе полегчает.

Юноша повернулся и посмотрел на дерево. Оно стояло все так же неподвижно, лишь в одном месте из-под обожженной коры капал сок.

— Ну что, пойдём? — поторопила его Тильфоза.

— Да, сейчас. Как думаешь, в деревне все дома сгорели?

Девушка нахмурилась.

— Нет. Ветер не тронул избы на восточной стороне. Полагаю, с ними все в порядке.

— Отлично, — обрадовался Кэшел. — Принесу сюда парочку.

Он повертел посохом в воздухе, желая убедиться, что силы к нему вернулись — пальцы сжимали оружие крепко.

Юноша еще раз взглянул на дерево и удовлетворенно улыбнулся.

— Я сложу их в кучу возле дерева, а ты подожжешь ее своим факелом.

— О, — улыбнулась Тильфоза, — отличная идея!

Девушка засмеялась, и смех ее был столь заразительным, что Кэшел не удержался и тоже захохотал. Не теряя ни минуты, они направились назад, в деревню.

Глава шестнадцатая

Увидев деревню, Алекта успокоилась, выпрямилась и, приостановившись, поправила на груди накидку из волчьей шкуры.

Здесь тропа уже стала такой, какой и должна быть настоящая дорога. Правда, она все еще оставалась каменистой и крутой, как, впрочем, и все другие, по которым им пришлось пробираться. Алекта пошла вперед и, дойдя до развилки, повернула к храму.

Илна промолчала. Только одна из них могла идти по тропе первой, и пока не возникла необходимость выбора лидера, девушка не возражала против того, что впереди шла ее спутница.

Местные жители, в основном женщины и дети, трудились на обработанных клочках земли, собирая урожай. В этой деревне крестьяне не устраивали искусственных террас на склоне; они распахивали землю и сажали растения там, где позволял это рельеф местности. Вокруг невзрачных домов росли виноградные лозы.

Первыми приближение Илны и дикарки заметили козы, поедавшие траву на крутых склонах. Животные подняли головы и испуганно заблеяли. Мальчик-пастушок, наигрывавший что-то на рожке, прекратил свое занятие и испуганно закричал:

— Эй!

Его возглас мгновенно разнесся по широкой долине, словно крик ястреба. Работавшие в огородах крестьяне, подняв головы, уставились на незнакомок. Крик пастушка привлек и внимание мужчин, валивших деревья на краю леса. Они оторвались от своего занятия и, зажав в руках топоры, подошли поближе к женщинам и детям, один из мужчин забежал в дом и выскочил назад с луком и стрелами.

— Почему у них нет собак? — недоуменно спросила Алехта. — Интересно, как они здесь живут? Это место и тот проклятый город разделяет огромное расстояние, так что, думаю, нам здесь понравится.

— Да, я тоже так думаю.

Илна разделяла уверенность дикарки, полагая, что сумеет договориться с местными жителями, если ей представится такой шанс.

Крестьяне смотрели на чужестранок настороженно; по всей вероятности, посторонние сюда заезжали редко, но Илне показалось, что настроены они не слишком враждебно. Единственным оружием, которое она увидела в их руках, был лук, хотя и топоры в руках лесорубов тоже смотрелись довольно-таки угрожающе.

Каменный храм оказался меньше тех, что Илна видела прежде в городах. Но не только это отличало его от других храмов: крышу над крыльцом поддерживали четыре изящные колонны, наружу из скалы выступала лишь передняя часть храма, та, где находился вход, — все остальное было вырезано внутри камня.

Из расположенного рядом с храмом дома вышел полный пожилой мужчина в красной одежде с золотым кантом и вышивкой. По всей видимости, это был местный священник. Девушкам бросилась в глаза серебряная тиара, украшенная жемчугом. Мужчина пытался застегнуть на животе пряжку кожаного пояса, но все его усилия оказывались тщетными.

Трое крестьян — один из них с луком и стрелами — присоединились к пожилому священнику. Тому удалось наконец застегнуть пояс, и он направился навстречу незнакомкам.

— Вы пришли от Владычицы? — Мужчина старался говорить грозно, пытаясь запугать девушек, но его добродушная внешность никак не вязалась с властным голосом и не могла нагнать абсолютно никакого страха. — Если вы ее посланницы, то сейчас же убирайтесь прочь! Мы охраняем Врата и не хотим иметь ничего общего с вашим лживым Богом!

В отличие от живого, с напевом говора жителей деревушки Барка, священник говорил в нос, но его произношение также отличалось и от того, что звучало в Доннеле, — резкого и обрывистого.

Алекта остановилась на тропинке, не дойдя нескольких шагов до храма, и вытащила из-за пояса два птичьих пера. Она выдернула их прошлой ночью из крыльев куропатки, которую добыла колдовством. Дикарка принялась шептать себе под нос какое-то заклинание.

Спустя минуту живая куропатка выпорхнула из ее руки и полетела в растущие на опушке леса кусты орешника. Это было лучшим свидетельством ее мастерства, хотя девушка и не стала доводить представление до конца. Яркая вспышка — и куропатки и след простыл; в воздухе кружились лишь ее перья.

Дикарка пошатнулась. Илна протянула руку, чтобы поддержать ее, и сказала:

— Мы не молимся Владычице. За нами гонятся ее жрецы. Просто мы подумали, что здесь будем в безопасности.

Она жестом указала на свою компаньонку. Алекта уже начала приходить в себя от заклинания, но попытки оттолкнуть руку Илны, чтобы выйти вперед, не сделала.

— Помогите нам, и мы поможем вам, — предложила Илна.

Четверо мужчин стали перешептываться между собой, бросая на незнакомок косые взгляды. Священник попытался посмотреть Илне в глаза, но не смог выдержать ее взгляда.

У храма постепенно собрались все жители деревни; малыши жались поближе к матерям, подростки и совсем взрослые парни сбивались в группки по несколько человек — все они поглядывали на чужестранок с опаской.

Священник взглянул на Илну еще раз и что-то отрывисто бросил собеседникам. Человек с луком опустил оружие, а стрелу засунул за пояс, еще один из мужчин поставил свой топор рядом с крыльцом храма.

— Добро пожаловать в нашу деревню, волшебницы, — гостеприимно приветствовал девушек священник. — Мы, хранители Врат, всегда рады гостям, но вы должны соблюдать законы, установленные на нашей земле. В честь вашего прибытия мы принесем в жертву Великому Богу козленка, а на ночлег устроим вас в храме. Вы сможете оставаться в нем все то время, пока будете гостить в нашей деревне.

Бледнолицый, очень высокий мужчина, так и не опустивший топор, нахмурился и что-то зашептал на ухо священнику. Тот грозно рявкнул:

— Таково мое решение, Плетнав!

Уважительно поклонившись, он пояснил Илне:

— Госпожа волшебница, дело в том, что некоторые крестьяне выступают против приношения животных в жертву. Я, Артлан ор-Вассти, хранитель Врат и священник Великого Бога, все же полагаю, что правильнее будет убить козленка и зажарить его в вашу честь. — Сделав небольшую паузу, священник продолжил: — Но, конечно, если вы сами воздержитесь от того, чтобы есть козленка...

— Воздержимся? — захохотала Алекта. — Только не я, Артлан. Проведя целые сутки в дороге, я ужасно проголодалась. А еще лучше зажарить сразу двух козлят, вдруг кто-то из вас тоже захочет полакомиться мясом?

— Очень хорошо. — Казалось, выходка дикарки ничуть не возмутила Артлана. — Ойра...

Он посмотрел на женщину, которая только что вышла из храма и встала за его спиной. Она была такой же полной, как и священник, только намного моложе.

— Возьми одного из наших козлят.

Женщина поджала губы и зашептала что-то на ухо священнику, но так, чтобы Илна не могла разобрать ни слова.

— Делай, как я сказал, женщина, — разозлился священник. — Жертвенным козленком угостится вся деревня.

Артлан окинул взглядом стоящих рядом мужчин.

— Ну, конечно, после того как наедятся наши гости и мы сами, — прибавил он после непродолжительной паузы. Это прозвучало более миролюбиво, чем ответ на вопрос о предстоящих тратах.

— Я — Илна он-Кенсет, — назвалась девушка, — но я хотела, чтобы меня называли просто Илна. А это моя подруга Алекта...

Она не знала, есть ли у народа, к которому принадлежала дикарка, фамилии или та просто не удосужилась сообщить ее, а может, Алекта не знала своего отца.

— Как я уже сказала, мы приехали из Доннела и хотим укрыться в вашей деревне от жрецов Владычицы. Если я правильно поняла, вы предлагаете нам переночевать в храме?

Собравшиеся у храма крестьяне пришли в движение и начали сбиваться в большую толпу, перешептываясь и поглядывая на чужестранок, похоже, им не часто доводилось собираться всей деревней.

— А почему бы и нет? — Вопрос Илны явно позабавил Артлана. — Хотите осмотреть помещение? Там очень удобно, я уверен, вам понравится.

— Пойду принесу чистое белье, — засуетился мужчина с топором.

Положив его на плечо, он обратился к лучнику:

— Идем со мной, Горлан. После того как Магда переехала к Пизу, у тебя осталось лишнее одеяло.

— Хорошо, покажите нам ваш храм, — согласилась Алекта. Она окинула каменное сооружение недоверчивым взглядом. — Лично я предпочла бы переночевать в лесу. — Голос ее дрогнул. — Не люблю дома из камня.

Илна подумала, что настоящая причина сомнений Алекты заключается в том, что дикарка никогда не видела каменных зданий до того, как попала в Доннел.

— Уверен, в этом не будет необходимости, — заверил священник и, указав рукой на храм, предложил девушкам идти за ним следом. — Впрочем, вы все увидите сами.

— Кому вы воздаете молитвы? — поинтересовалась Илна. Сама она не верила в Великих Богов. Девушка знала, что выше людей стоят потусторонние силы. Ей это было известно еще до того, как жители Доннела разбудили Свору. Если у этих крестьян имеется похожий обряд, нога ее в храм не ступит.

Священник несколько озадаченно посмотрел на нее через плечо.

— Кому? — переспросил он. — Богу, конечно, госпожа. Он был послан на землю охранять Врата в Преисподнюю, чтобы ее обитатели не вырвались наружу.

Тяжелая деревянная дверь с двумя створками служила входом в храм. Створки открывались внутрь, казалось, их никто не закрывал многие десятки лет. Время не пощадило и каменные плиты крыльца, которые были порядком стерты.

Артлан вошел в помещение первым. Потолок храма оказался неожиданно низким, и, чтобы не удариться головой, Ильне, бывшей выше священника, пришлось пригнуться. Единственными предметами мебели в храме являлись каменные скамейки. Вместо привычной задней стены взгляду девушек открылся вход в пещеру; Илна заглянула внутрь, но не смогла определить, где та заканчивается.

— Где же ваш Бог? — спросила она. Девушка долго колебалась, прежде чем задать этот вопрос, опасаясь вызвать у священника подозрение. — У вас что, нет статуй, его изображающих?

Артлан выпрямился и с достоинством, которого Илна никак от него не ожидала, произнес:

— Госпожа, мы не молимся статуям. У Врат самого Ада не место образам. Наш Бог настоящий.

— Простите, я не хотела вас обидеть.

Илна действительно сожалела, что задала этот вопрос. Сама она мало во что верила, а если и верила, то в основном в пло-

хое. Но она не имела права оскорблять людей, имевших совсем другие представления о вере.

В храм вошла Алекта, старательно кутавшаяся в накидку из волчьей шкуры. Дикарка поднесла руку к задней стене и облегченно улыбнулась, почувствовав родную стихию.

— Почему ты не сказал, что раньше здесь была пещера? Мне уже доводилось спать в подобных.

Как и Илна, она наклонилась, пытаясь разглядеть, где пещера заканчивается.

— Кто-нибудь туда спускался? — поинтересовалась дикарка у священника, указывая в глубь пещеры. — Вижу, там спокойно может пройти человек.

— Это место не для людей, госпожа, — ответил Артлан с прежним достоинством. — Только Бог или Демоны могут пройти через Врата.

— Но там есть вода. — Дикарка кивнула в сторону пещеры. — Носом чую.

— Может быть, госпожа. Не знаю. Мы берем воду из ручья, текущего за домом Таенан. Если пожелаете, наши женщины принесут вам ведро-другое.

Илна вышла на крыльцо. По склону к храму поднимались женщины с одеялами для них и еще какими-то тюками.

Илна нахмурилась, но потом сообразила, что то, должно быть, матрасы. Только во дворце спят на перинах, здесь же под спину кладут кожаные мешки, набитые соломой, как и в деревне Барка. Сейчас и плоские тюки покажутся им мягкими перинами; последние дни единственной их подстилкой была покрытая иголками сырая земля.

Алекта стукнула кулаком по одной из скамеек, что крепились к стенам храма с помощью извести.

— То, что нужно, — улыбнулась дикарка. — Кажется, совсем недавно ты предлагал нам поесть?

Артлан низко поклонился.

— Мы накроем стол в моем доме. Козленок, полагаю, еще не готов, но можно начать с каши.

Илна задержалась на крыльце и внимательно осмотрела дверь. Створки оказались толстыми, крепкими, из прочного

деревя, петли тоже были деревянными. Этой ночью они с Алектой могут спать спокойно, не опасаясь нападения враждебно настроенных крестьян, найдись такие в этой деревне.

Сделав еще один шаг, Гаррик оказался у головы многоножки. Архай никак не отреагировал на его появление, даже не повернул головы, когда принц подошел к Метрону. Погонщик продолжал колоть гигантское насекомое золотым жезлом то с одной, то с другой стороны. Гаррик не смог понять, как он ориентируется на местности, но по уверенным движениям Архая было видно, что тот хорошо знает свое дело.

Разбойники оставались на своих местах, ожидая, чем закончится разговор юноши с Метроном, и лишь Талемус хотел составить ему компанию, но Гаррик предпочел переговорить с волшебником в одиночку. Он еще раз посмотрел по сторонам, обдумывая то, что собирался сказать.

Метрон сидел на шее многоножки, скрестив ноги. Подняв глаза от пергамента, он встретился взглядом с Гарриком и тут же вновь углубился в чтение.

Такое пренебрежение разозлило Гаррика. Он наклонился к волшебнику:

— Мастер Метрон, нам еще долго ехать на спине этой твари?

Маг сердито посмотрел на Гаррика. Усталость и постоянно подстерегающие их опасности изрядно вымотали волшебника, и глупый, на его взгляд, вопрос только усилил раздражительность.

— Все зависит от обстоятельств. Я не могу попусту тратить силы, пытаюсь рассчитать точное время прибытия.

— Допустим, ты прав. Но хочу напомнить, что нам нужны вода и пища. Ты сам сообщишь Архаю, что следует сделать при-вал, или мне поискать к нему подход?

— Ты что... — Метрон хотел осадить зарвавшегося, по его мнению, юношу, но тут же прикусил язык. Волшебник вовремя вспомнил об угрозе Гаррика разделаться с ним.

— Это... — подбирая нужные слова, начал он, убрав свиток в пояс. — Мастер Гар, я не могу сказать точно, как долго нам ехать. Надеюсь, мы будем на месте уже через несколько часов; вам придется обойтись без воды и пищи еще немного.

Волшебник развел руками:

— Уверяю вас, это лишь вынужденная необходимость. От этого зависит наша с вами жизнь. Только что мы избежали лишь одной из подстерегавших нас опасностей, а их может оказаться намного больше, так что чем быстрее мы уберемся отсюда, тем лучше.

Гаррик ответил не сразу — он думал. Больше всего ему хотелось придавить мерзкого старикашку коленом к земле и заставить молить о пощаде, но это не помогло бы свергнуть Заступника с трона и вернуть Тинт.

— Мне нужно обсудить твоё предложение с товарищами и лордом Талемусом. — Гаррик обрел наконец прежнее хладнокровие. — Мы сообщим тебе о нашем решении.

Он остался доволен своими последними словами. Пусть Метрон волнуется и переживает — его это уже не касается. Повернувшись, Гаррик зашагал по спине многоножки назад к братьям.

Разбойники собрались в одном месте. Они смотрели на Гаррика испуганными глазами, в которых тем не менее теплилась надежда.

— Ну что, парень, — поинтересовался Вескей, — есть для нас хорошие новости?

Гаррик пожал плечами.

— Придется провести в дороге еще несколько часов, возможно, немного меньше. Этот, — он пальцем указал в сторону Метрона, — не может сказать точно, но, думаю, просто скрывает от нас правду.

Талемус виновато улыбнулся.

— Я уже говорил братству и тебе, мастер Гар, что ничего не знаю о планах Метрона. Он лишь сказал мне, что я должен жениться на благородной девушке с Тизамура. Волшебник почему-то уверен, что наш брак поможет разрушить чары Заступника. Такие вот дела...

Молодой человек посмотрел на бандитов с надеждой.

— Ее зовут леди Тильфоза бос-Фолиал. Может, кто-нибудь о ней слышал?

— Как мы могли что-то слышать о девушке с Тизамура, если из Лаута никого не выпускают уже тысячу лет, с тех пор как к власти пришел Заступник, — съязвил Адемий.

Вескей посмотрел на Гаррика.

— Я ничего не слышал о Тильфозе, — понял тот немой вопрос атамана. — Ни в одном из мест, где побывал.

— Боюсь ошибиться, но мне кажется, что я слышал это имя. На Змеином острове, когда мы искали кольцо для волшебника, — заявил Вескей.

— Но кроме нас там никого не было, атаман, — засомневался Тосий. Вспомнив об острове, он нахмурился. — Кроме нас и змей. Вот этих гадин там больше, чем в любом подземелье.

— Нет, там были еще и статуи, брат Тосий, — напомнил ему Вескей. — На постаменте одной из них было написано: «Талемус, граф Лаута», а саму статую нашел Гар, вместе с кольцом.

— Да, — подтвердил Гаррик. Принц прокручивал в голове воспоминания Гара, пытаясь выудить оттуда нужные ему сведения. Когда была найдена первая половина статуи, его разум еще не составлял единое целое с телом Гара, для которого находка явилась, по всей видимости, лишь обычным куском камня, одним из тех, что валялись по всему острову.

— Моя статуя на Змеином острове? — изумленно переспросил Талемус. — Я думал, там все уже давно превратилось в руины.

— Так оно и есть, — подтвердил Вескей. — Но, судя по состоянию мрамора, статую закопали вместе с кольцом лет сто назад, больше я нигде не встречал таких изваяний.

Оглянувшись назад, Гаррик поймал взгляд Метрона. Волшебник смотрел на него и разбойников выжидающе. Что же он от них скрывает? Заметив, что юноша смотрит на него, маг одал Гаррика притворной улыбкой.

Принц отметил, что Талемус очень удивился, услышав о найденных на Змеином острове кусках изображавшей его статуи. Это доказывало, что он не причастен к делам Метрона и ничего о них не знает. Гаррик не только утвердился в мысли о том, что волшебник водит их за нос, но и понял другое — Талемусу можно доверять.

Вескей продолжал:

— Напротив крыльца, где мы нашли постамент, на котором стояла статуя с твоим изображением, — он усмехнулся, поняв парадоксальность своих слов, — стояла другая скульптура. Сейчас от нее остались только ноги и часть туловища, да и сам камень годы не пощадили. Оттерев глину, я сумел прочистить на постаменте: Тильфо.

Он пожал плечами:

— Остальное меня не интересовало, ведь Метрон послал нас на остров не за этим, так что для меня то был обыкновенный кусок камня. Но для тебя, парень, он должен что-то значить!

Талемус перевел взгляд с Вескея на Метрона, потом уставился на гигантские заросли ежевики, мимо которых проходила многоножка.

— Да, — наконец прервал он затянувшееся молчание. — Должен. Но пусть Госпожа заберет мою душу, если я знаю, что именно!

— Я не понял ничего из того, о чем вы говорили, — заявил Тосий, и Гаррик улыбнулся — бандит в точности передал его собственные мысли.

На ожоги Тильфозы Кэшел наложил повязки с растолченным окопником. Он размазал лекарственное растение по листу шавеля и прикрепил к рукам девушки с помощью бересты. Особое удовольствие юноша испытывал при мысли о том, что Помощники пришли бы в ужас, увидев, как он распорядился растением.

Тильфоза наклонилась, чтобы выбросить из сандалии камешек. Кэшел привязал ей к подошвам куски коры, чтобы они могли поскорее уйти из этого места. Он не боялся Помощников — свирепый бык Миаса ор-Монклина внушил бы ему гораздо больший ужас, — но маленькие человечки оказались коварными мстительными существами, и Кэшел знал, что почувствует себя спокойно лишь тогда, когда они с Тильфозой выберутся из их владений.

— Хочешь, немного передохнем? — заботливо наклонился к девушке Кэшел.

— Нет, нет. — Тильфоза несколько раз слегка подпрыгнула, показывая ему, что в состоянии продолжить путь. — Вон там, впереди, еще один дом, ты разве не видишь?

— Что ж, тогда пойдем. — Голос Кэшела звучал немного обреченно. Повстречав на своем пути с десяток домов, они стучались в каждый из них, надеясь хоть где-то найти приют на ночь, но все безрезультатно.

— Ничего не поделаешь, они ведь простые крестьяне, — вслух утешал себя Кэшел. Когда он пас овец в деревне Барка, то всегда разговаривал сам с собой, ведь ему с рассвета до заката приходилось иметь дело лишь с овцами.

— Правильно, — поддержала его Тильфоза. — Мы не можем винить жителей этих домов за такое настороженное отношение к чужестранцам. Зато мы узнали от них, что до города недалеко.

Эти слова девушка произнесла с большим воодушевлением, но Кэшел догадывался, что так она пытается скрыть от него свою усталость. Они оба старались подбодрить друг друга; ни ему, ни Тильфозе не хотелось, чтобы их попытки закончились неудачей. Иначе вновь придется устраиваться на ночлег на холодных камнях. Кэшел в мечтах был согласен уже и на соломенный тюфяк.

Дорога привела их к невысокой плотине, возле которой росли ивы. Мост через реку оказался таким широким, что по нему можно было проехать на карете или телеге, но Кэшел сомневался, что по такой вязкой, глинистой земле кто-то вообще ездит.

Пока они шли вдоль дороги, юноша обратил внимание на поля, засеянные неизвестными растениями. Над озером стоял густой туман, скрывавший от них постройку. Кэшел был уверен, что прямо за полями находятся жилые дома. Правда, вряд ли их жители проявят к ним большее участие, чем те, возле чьих домов они с Тильфозой уже останавливались.

Туман немного рассеялся, и прямо перед собой они увидели хижину с соломенной крышей.

Домик, построенный из длинных, связанных между собой веревкой бамбуковых стволов, стоял на сваях. Снаружи стены хижины хозяева завесили старыми вытертыми коврами.

Позади дома Кэшел заметил заросший пруд. На мелководье плескались карпы. Похоже, хозяева избушки сами разводили рыбу, подкармливая ее зерном.

— Эй, в доме! — крикнул Кэшел, подойдя к хижине — Мы пришли издалека и хотели бы купить у вас еды. Или я мог бы выполнить за хлеб какую-нибудь работу.

Юноша знал, что для крестьян деньги не представляют такой ценности, как для жителей городов. Он и сам предпочитал брать за свою работу черный хлеб или обрезки ткани и ниток, из которых его сестра ткала отличные полотна.

— Убирайтесь! — услышали они в ответ злой женский голос. — У нас нет для вас работы! И еды тоже!

— Послушайте, нам нужна пища! — не выдержал Кэшел. — И вообще, нельзя ли повежливее? Я не причиню никакого вреда тому, кто обращается ко мне как следует, но и никому не позволю гнать себя, словно приبلудную собаку.

Он подошел к дому и подергал за веревки, на которых держался вход в хижину, проверяя, выдержит ли это хлипкое строение его вес. Веревки были свиты из неизвестного материала.

— Только попробуй войти! — пригрозил голос. — Идите дальше, там есть трактиры и постоялые дворы, где вас и накормят за ваши деньги.

— Пойдем, Кэшел, — прошептала Тильфоза. — Не стоит затевать драку.

Юноша вздохнул.

— Не было бы никакой драки, — пробурчал он себе под нос, когда они вновь вышли на дорогу. — Да, понимаю, это их частные владения. Но почему все люди в этих деревнях настроены так недружелюбно?

Теперь они шли чуть быстрее, чем раньше. Туман то сгущался, то снова рассеивался. Порой Кэшелу приходилось ощупывать посохом дорогу перед собой, прежде чем сделать шаг. Юноша чутко прислушивался ко всем звукам, которые доносились до них сквозь пелену тумана.

— Где-то шумит река, — сказал он Тильфозе. — Помнишь, в том доме, куда мы зашли в первый раз, нам говорили, что у реки находится город, который называется Сунг.

Слух не подвел Кэшела. Он свободно отличал звук текущей воды от звона падающих дождевых капель. Впереди них медленно текла широкая река.

Ветерок расчистил им путь в тумане, и они смогли подойти ближе к воде. Прямо у реки стояли дома, в мерцающем свете фонарей можно было различить силуэты людей.

— Город не окружен крепостной стеной, — заметила Тильфоза. — Как ты думаешь, это хороший знак?

Кэшел удивленно заморгал. По правде говоря, он и не знал, что сказать в ответ. Юноша вырос в деревне, вокруг которой не было ни рвов, ни стен, ни каких-либо других укреплений. Но с тех пор, как Кэшел покинул Барку, ему довелось побывать в разных местах. Дворец в Вэллесе был огражден стеной, построенной еще во времена Старого Королевства и защищавшей замок от врагов, но, по словам Шарины, стена эта не спасла дворец от разрушения во время Хаоса.

— Полагаю, хороший, — поспешил он успокоить Тильфозу. — Это значит, что люди здесь настроены мирно.

— Даже если не очень хорошо относятся к чужеземцам. — Тильфоза крепко сжала руку Кэшела, затем вновь отпустила. Теперь она лишь слегка, кончиками пальцев, придерживалась за его локоть.

Дорога к Сунгу оказалась пологой, чему путники, вдоволь походившие по холмам и склонам, очень обрадовались. К их удивлению, въезд в город был вымошен стволами деревьев, правда, разной ширины и высоты. Каждый раз, когда какой-нибудь ствол поднимался вверх под весом Кэшела, а затем с грохотом падал вниз, у Тильфозы захватывало дух.

Ветер разогнал туман, и их взору открылся отличный вид на реку. Звезды отражались в ее чистой воде, для судов на обоих берегах были построены причалы. Посреди рек, на насыпном острове расположился храм. Попасть туда горожане могли по небольшой плотине. Крыша храма поддерживалась четырьмя короткими толстыми колоннами. За исключением фасада, здание казалось абсолютно безликим и напоминало каменный амбар.

Кэшел взглянул на небо. К великому сожалению, звезды над Сунгом не были ему известны, чего, в общем-то, и стоило ожи-

дать, но до последней минуты в сердце теплилась надежда, что он увидит хотя бы Хлев или семь голубых звезд Колесного Вала, коими Кэшел часто любовался по ночам на склонах гор в родной деревне.

Они вошли в город. Его улицы, застроенные в основном деревянными двухэтажными домами с соломенными крышами, оказались грязными и неухоженными. Единственным каменным зданием в этом городе был храм.

Мимо прогромыхала телега, запряженная всего одним мулом, которым правил сутулый мужчина. Внутри повозки что-то гремело и билось о стенки.

— Простите, — окликнул мужчину Кэшел, но тот, не обратив на них внимания, лишь шелкнул хлыстом, погоняя своего мула.

— Нам нужно решить, куда идти дальше. — Юноша повернулся к Тильфозе. Его голос звучал уже не так бодро. В каком направлении двигаться дальше, он не знал. Город нравился Кэшелу все меньше и меньше.

— Интересно, Сунг большой город? — поинтересовалась Тильфоза, стараясь отвлечь его от невеселых мыслей. Она приостановилась, чтобы счистить грязь с туники и привести платье в более-менее нормальный вид. Мимоходом девушка дотронулась до засунутого за пояс кинжала, проверяя его сохранность.

— Думаю, большой. Здесь должны быть торговые лавки, где мы сможем купить себе новую одежду, — заверил ее Кэшел. — А то наша, кажется, немного поизносилась за время путешествия.

Вдоль зданий были проложены широкие пешеходные дорожки, вымощенные досками, некоторые из которых уже давно сгнили. Глядя себе под ноги, Кэшел шагал по ним так же осторожно, как по тонкому весеннему льду. Редкие прохожие быстро проходили мимо Кэшела и Тильфозы, игнорируя все попытки юноши разузнать дорогу. Жители города носили странную одежду, состоявшую из рубахи и грубых штанов из мешковины. Головы их покрывали полотняные шапки, надвинутые на лоб так низко, что Кэшел не мог отличить мужчин от женщин. Общаться с чужестранцами не желал никто.

Наконец они увидели продавца, запиравшего на засов ставни на окнах своей лавки. Кэшел дотронулся до его плеча:

— Любезнейший, подскажи нам, где здесь трактир? Сами мы не местные.

— Что? — услышал он женский голос. — Трактир?

Продавец, оказавшийся женщиной, повернулся, чтобы посмотреть на незнакомцев. Судя по ее лицу, их вид не вызвал у торговли симпатии.

— Отправляйтесь в «Гиацинт», — сказала она. — Это в конце улицы, у реки.

Женщина стремительно развернулась и исчезла в боковом проулке. Кэшел и не попытался ее удержать. Он улыбнулся Тильфозе.

— Думаю, не обязательно быть местным жителем, чтобы найти реку.

Девушка согласно кивнула.

Они стояли на развилке трех дорог. Кэшел выбрал одну из них, ту, что, по его мнению, вела напрямик к реке. Ему не часто доводилось бывать в таких местах, где улица блуждает, как овца по пастбищам, но...

— Если мы ничего не найдем, — попыталась подбодрить его Тильфоза, — то вернемся и пойдем по другой дороге. Та женщина окинула нас таким презрительным взглядом, что, думаю, нам в первую очередь следует подумать о новой одежде.

К ней вернулось хорошее настроение. Кэшел посмотрел на свою спутницу и ухмыльнулся. На какое-то мгновение Тильфоза превратилась в леди, вспомнив о своем положении в обществе, но почти тут же вновь стала той девушкой, что так стойко перенесла кораблекрушение и смело противостояла двум десяткам разъяренных матросов. А ведь неизвестно, что еще уготовлено ей богами.

Они подошли к реке. Приметив на набережной несколько закрытых лавочек, Кэшел решил, что среди них наверняка найдутся и те, в которых торгуют одеждой.

Шлюхи, ожидавшие в конце улицы потенциальных клиентов, проводили Кэшела жадными взглядами. Он прошел мимо них с невозмутимым видом, Тильфоза же посмотрела на девушек так, будто была королевой.

Кэшел улыбнулся. Она и есть королева. По крайней мере станет, когда он доставит ее принцу Талемусу.

Тильфоза указала на вывеску, свисавшую с находящегося в конце улицы здания.

— Вот он, «Гиацинт».

Кэшел с удивлением посмотрел на девушку. Откуда ей это известно? Вывеска ничем не освещалась, и даже он не мог различить, что на ней написано.

Похоже, это действительно был постоянный двор. Здание располагалось на углу улицы; днем его прилавок, закрытый сейчас ставнями, выходил прямо на набережную. Юноша уже не сомневался, что это то самое место, о котором говорила им продавщица.

— Как ты догадалась?

Она опять указала на вывеску.

— Видишь на ней буквы, вырезанные на дереве? Правда, чтобы их прочесть, нужно зайти с другой стороны.

— Все понял, госпожа. Только читать я не обучен.

— Я сделала это за тебя. — Девушка крепко сжала его руку. — А ты позаботишься обо всем остальном. И еще, Кэшел...

Глаза их встретились.

— Меня зовут Тильфоза. И я не госпожа. Договорились?

— Ладно. — Кэшел смущенно улыбнулся.

Левая створка дверей в трактир оказалась закрыта, в другой части прохода стояли несколько мужчин. Они смотрели на реку и что-то пили из деревянных кружек.

Расправив плечи, Кэшел пытался сообразить, как сказать этим парням, что им с Тильфозой нужно пройти внутрь. Конечно, лучше постараться не грубить, но у него создалось впечатление, что ребята настроены не слишком дружелюбно.

— Кэшел! — вскрикнула Тильфоза, хватая за руку.

На мгновение Кэшел решил, что таким образом она собирается предотвратить драку, но, обернувшись, он наконец увидел то, на что были обращены все взгляды. Успокоившись, он пригляделся получше.

По набережной двигалась похоронная процессия. Впереди шел высокий мужчина в длинном черном плаще с капюшоном,

закрывавшим его лицо. Следовавшие за ним катили двухколесную тележку, на которой стоял цинковый гроб. Головы мужчин покрывали остроконечные шляпы с траурными черными перьями и лентами. Две женщины с непокрытыми головами били в барабаны.

Лицо лежавшего в гробу покойника прикрывала вуаль. Кэшел, после досадной оплошности с продавщицей, уже не мог сказать с уверенностью, кого — мужчину или женщин — хоронят. В свете фонарей, которые несла траурная процессия, рубаха умершего казалась темно-зеленой.

Наблюдая за плавно катящейся по улице тележкой, Кэшел, сам не зная почему, мысленно перенесся в свое детство, когда в дни сбора храмовых податей в его деревню привозили из Каркозы образы Великих Богов.

Процессия свернула к ведущей к храму насыпной дороге.

— Простите меня, господа, — неожиданно обратилась к стоявшим в проходе мужчинам Тильфоза — Мы не местные. Вы не скажете, кто это?

Мужчины повернулись на ее голос. Один из них, оказавшийся лицом к лицу с Кэшелом, отпрыгнул назад, будто увидел перед собой огромного быка.

— Да поможет мне Пастырь! — прошептал он, стряхивая со своей рубашки выплеснувшуюся на нее из кружки пивную пену.

Тем временем процессия уже подошла к храму, и ворота его приоткрылись. Поставив тележку перед ними, мужчины отошли назад. Женщины принялись бить в барабаны с еще большим остервенением.

— Мне кажется, госпожа, что это хоронят Тадбала Бессинга, сына сапожника, — ответил наконец один из посетителей таверны. — По крайней мере люди говорили, что он умер прошлой ночью. Но даже если это не Тадбал, то скоро его все равно привезут сюда.

— Нет, — не успокаивалась Тильфоза. — Вы меня не поняли. Меня интересует высокий человек в капюшоне, он — священник?

Мужчины переглянулись между собой.

Кэшел решил объяснить им причину любопытства Тильфозы, а заодно и напомнить о необходимости соблюдать при разговоре с девушкой правила этикета.

— Мы чужестранцы, понимаете?

— Ладно, объясняю, — сказал тот, что пролил на себя пиво. — Он — один из Девяти. Они заботятся о мертвых.

— Здесь, в Сунге, такой обычай, — добавил второй.

В это время из храма вышел человек, как две капли воды похожий на того, о котором расспрашивала Тильфоза. Вдвоем они втащили покойника внутрь. Двери храма захлопнулись. Траурная процессия повернула обратно.

Кэшел поехал. Ему не было никакого дела до местных обычаев, если только, конечно, его не попытаются скормить дереву или устроить еще что похуже. В деревушке Барка, если достаток семьи не позволял купить для покойника деревянный гроб, умершего хоронили завернутым в простыню, и Кэшел уже давно свыкся с тем, что в разных поселениях по-разному относятся к самой смерти и к умершим. Решат жители Сунга выбрасывать трупы в реку на корм рыбам — ну что ж, это их личное дело.

— Их что, девять, этих священников? Или Девять — это просто какое-то название? — не унималась Тильфоза.

— Я и сам не знаю, госпожа, — не слишком охотно стал объяснять первый мужчина. — Больше, чем втроем, их вместе не видели.

— Тильфоза, думаю, нам следует позаботиться о ночлеге и еде, — вступил в разговор Кэшел.

Мужчины вновь обменялись взглядами и, распахнув вторую створку трактирной двери, немного посторонились, предоставив чужеземцам возможность войти.

— Вы уже нашли то, что ищете. Здесь есть все, что вам нужно.

— Спасибо, — благодарно кивнула Тильфоза и, высоко подняв голову, ступила через порог. Ни дать, ни взять — королева.

Шарина наблюдала за происходящим, стоя на корабельной палубе у мачты. Вдоль берега на веслах, чтобы снова не сесть на мель, оказываясь порой в опасной близости друг от друга, что не могло не тревожить их капитанов, проплывали громадные

триремы. На их палубах уже стояли готовые отразить атаку неприятеля — как со стороны берега, так и с моря — баллисты. Тяжелые стрелы, способные с небольшого расстояния пробить корму вражеского корабля, кучками лежали неподалеку.

Карус пересел с «Короля Островов» на легкую восьмидесятивесельную галеру. Прежде, при Валенсе Третьем, это одномачтовое парусное судно служило для перевозки собранных податей. После того как правителем Островов стал Гаррик, все подобные суда в целях укрепления королевского флота переоснастили и стали использовать для военных нужд.

Рядом с Шариной на корме флагманского корабля стоял адмирал Зеттин. Он, как и девушка, провожал взглядом небольшое судно, на борту которого находился король. Лорд Валдрон, находившийся на палубе «Повелительницы восхода», также не сводил с него глаз, похлопывая рукой по ножнам.

Военачальников пугали произошедшие с принцем перемены, они даже не подозревали, что в теле Гаррика может находиться его грозный предок. Не раз за последние дни глаза принца вспыхивали огоньками ярости, поэтому никто из приближенных даже не осмелился оспорить его решение лично провести разведку, высадившись на берег Лаута с отрядом Кровавых Орлов.

Галера уже почти достигла берега. Маленький корабль, не имея тарана, шел против течения только за счет усилий гребцов, будто бегун, пробирающийся через толпу; вскоре его днище заскребло по песку, и он остановился в двадцати футах от суши.

Галера накренилась на правый борт, с нее спрыгнули солдаты из отряда Кровавых Орлов, лишь на время ставшие гребцами. Командовал ими человек в серебряных доспехах, с золотой короной вместо шлема, надеть который так просила Шарина. Король Карус.

Солдаты выстроились в одну линию и, зажав в левой руке щиты, направились к растянувшейся по прибрежной полосе рыбацкой деревушке. В дверях одного из домов появилась женщина с горшком в руках. От изумления она прикрыла рот рукой, но тут же, бросив горшок на землю, с криками убежала в глубь острова.

Горнист, двигавшийся в строю по правую руку от Каруса, протрубил сигнал. Триремы устремились к берегу.

Теноктрис вышла из своего укрытия за мачтой. В руках она держала бамбуковую щепку, как обычно, заменявшую ей атам. Придерживаясь свободной рукой за перила, старая волшебница осторожно опустила щепку на воду.

В то мгновение, когда королевский флот развернулся, чтобы пристать к берегу, на судах заиграли сигнальные горны и трубы. На кораблях поднялась обычная суматоха, всегда сопровождающая швартовку кораблей.

Корабельные офицеры «Короля Островов» орали на матросов, солдат и друг на друга. Флагманский корабль следовало развернуть носом в сторону моря, иначе течение могло утянуть его в западную бухту. Увидев, какая неразбериха творится на флагманском корабле, Шарина представила себе тот бедлам, что царит на других триремах. Забравшийся на перила капитанского мостика адмирал Зеттин пытался навести порядок, крича на капитана так, будто в корабль попал огромный камень. Один из его помощников удерживал адмирала за пояс, другой — рукой вцепившись в шкот.

— Пока все идет просто великолепно, — не в силах больше сдерживаться, озвучила свои мысли Шарина и улыбнулась. — Хвала Госпоже, Союз Запада никак себя не проявляет. Боюсь только, что одна часть королевского флота может потопить другую, радуясь, что все складывается так удачно.

Она замолчала, пристально наблюдая за происходящим на суше. На берег высаживалась королевская армия. Под громкие крики унтер-офицеров вооруженные солдаты строились клином, присоединяясь к отряду Кровавых Орлов. Корабельным командам полагалось разбить на берегу базовый лагерь и охранять корабли — защита флота держалась отныне на их пиках и на мечах.

Все это Карус организовал на тот случай, если Союз Запада попытается атаковать их с суши силами кавалерийских эскадронов. Древний король, правивший сейчас Островами, был вспыльчив и скор на расправу. Инакомыслие он подавлял самым жестким образом, об этом Шарина читала в древних летописях. Но, проведя рядом с Карусом не одну неделю, она смогла оценить

его полководческий талант. Приняв решение, что моряки будут воевать на берегу, он продумал все до мелочей, так же скрупулезно, как подбирала нитки для своих узоров Илна.

Казалось, противник не осведомлен о вторжении королевской армии на остров. Конечно, долго хранить это в тайне не удастся, но через час базовый лагерь будет со всех сторон укреплен, и солдаты займут оборонительные позиции.

А уже через четыре часа королевская армия должна начать осаду Доннела. Изменения в планах могли произойти лишь в том случае, если армия Союза Запада решит выйти из города и встретиться с войском Каруса лицом к лицу.

От этой мысли Шарина вздрогнула.

— Что-то не так? — поинтересовалась Теноктрис.

— Я думала, что война может закончиться еще до наступления ночи, если армия противника покинет стены Доннела. Ты когда-нибудь видела мясника, разделяющего тушу свиньи?

Волшебница покачала головой:

— Я знаю лишь то, о чем написано в моих книгах, дорогая.

— Так вот, я подумала о двадцати тысячах свиней, которых могут зарезать одновременно, — продолжила Шарина. — Обо всей этой крови, грязи, порсящем визге...

Теноктрис положила руку на плечо девушке, пытаясь таким образом ее успокоить, и огляделась. Королевский флот стал на якоря у берега. Матросы в спешном порядке разгружали корабли.

— Твоя работа прошла успешно? — поинтересовалась Шарина у волшебницы, чтобы хоть немного отвлечься от военных действий. Девушка кивнула в сторону мачты, за которой совсем недавно сидела Теноктрис.

— Мне удалось узнать, что никого из наших пропавших друзей сейчас в Доннеле нет. — Волшебница улыбнулась, но в глазах ее читалась грусть. — Хотя, если я правильно расшифровала символы, совсем недавно здесь была Илна. Ты же знаешь, мой магический дар — не самый сильный.

Шарина обняла Теноктрис.

— Встречала я могущественных волшебников. И все они мертвы, хвала Госпоже. Только благодаря тебе королевство все еще существует.

Девушка вновь подошла к перилам и окинула корабли королевского флота долгим изучающим взглядом. Похоже, все было в порядке. Лишь возле одной триремы стояли — по колено в воде — офицеры и рассматривали обшивку киля. Наверное, корпус корабля получил повреждение, а капитан заметил это лишь у самого берега.

Карус стоял на треноге, сооруженной из связанных между собой стволов небольших деревьев. Оттуда он мог наблюдать за всем происходящим как на море, так и на суше. Его адъютант уже бежал в сторону поврежденного корабля. Король заложил руки за спину и был, похоже, вне себя от гнева.

— Надеюсь, у капитана хватит мозгов отойти подальше, пока Карус не явился к нему лично, — усмехнулась Шарина.

— Да, — согласилась с ней Теноктрис. — Им лучше утонуть, чем впасть в немилость.

Улыбка на лице девушки сменилась озабоченностью.

— А что, если Карус убьет капитана? Просто отрубит ему голову, так же как отрубил ее Эйхеусу.

Теноктрис молча пожала плечами.

Адъютант Каруса громко отчитывал капитана триремы. Офицеры и команда дружно пытались вытащить корабль на берег для починки. Кажется, опасность на сей раз миновала.

— Теноктрис, ему не следует так себя вести, это не идет во благо королевству. — В голосе девушки послышалось отчаяние. — Карус и сам это знает, но когда разозлится, крушит любого, кто попадет ему под руку, независимо от того, прав тот или виноват.

— В этом и заключалась настоящая причина всех его бед, — сказала волшебница. — Тем не менее Карус не ударил слугу за провинность графа Сандраккана.

— Не имеет значения, — не успокаивалась Шарина. — Это еще хуже! Я знаю, справедливость — прекрасное качество. Но лучше бы он ударил слугу, а не убил дворянина только за то, что тот медленно выполнял его приказания.

— Кошмары его просто замучили, которую ночь из-за них не может уснуть, — пожалела короля Теноктрис. Карус теперь пристально наблюдал за тем, как строится насыпной бастион

лагеря. — Полагаю, он и раньше был вспыльчив, но даже святой, если спит мало...

К берегу подходили последние корабли. Две триремы, оказавшись слишком близко друг от друга, сцепились веслами. На палубах обоих судов раздались проклятия, но в конечном счете все обошлось. Несмотря на видимый хаос, обстановка начинала улучшаться.

— Может, все и получится так, как он задумал, — смягчилась Шарина. — Возможно, королю перестанут сниться кошмары и он подавит мятеж Союза Запада. Ведь раньше ему часто удавалось побеждать.

— Будем надеяться, — произнесла Теноктрис. — Лучше я...

Она замолчала и направилась к своему убежищу — заниматься магическими ритуалами. Старая волшебница выглядела такой усталой, что девушка едва ее не остановила.

Но в последний момент сдержалась. Ей, как, впрочем, и Теноктрис, было хорошо известно, что последняя вспышка гнева и самонадеянность явились причинами смерти Каруса. Возможно, и теперь, если Теноктрис не удастся вовремя вмешаться, с ним может случиться то же самое.

Шарина понимала, что знаний у старой волшебницы ничуть не меньше, чем у их врагов. Благополучие королевства зависело сейчас скорее от нее, чем от умения Каруса владеть мечом.

Глава семнадцатая

Кэшел прижал к себе посох, опасаясь, что если тот упадет на пол, грохот привлечет к нему и Тильфозе внимание посетителей трактира.

— Нам нужна еда и комната, — произнес юноша, оглядываясь по сторонам.

Возле стойки спиной к ним стояли несколько мужчин. Единственным источником света в комнате оказался зажженный очаг. Рядом с его железной решеткой лежали нарубленные дрова. Пол

был обшит нетесаными досками. Поверх него лежали камышовые дорожки. Похоже, их положили недели две назад.

— Вы можете получить здесь и еду, и ночлег, — откликнулась женщина из-за стойки, — если у вас есть деньги. Три Камыша — за постель на двоих. Камыш — за кашу. И еще один Камыш, если хотите, чтобы ее полили рыбной похлебкой.

Хозяйка трактира оказалась крупной, высокой женщиной лет сорока. Вместо туники она носила кафтан с длинными рукавами, который позволял всем желающим обозревать ее пышную грудь.

— А сколько стоит отдельная комната, госпожа? — требовательно спросила Тильфоза.

— Отдельная комната здесь есть лишь у меня. — Хозяйка трактира окинула Тильфозу оценивающим взглядом. — Если что-то не нравится, убирайтесь прочь.

— Мне кажется, они заслуживают уважения, Лимэй, — вмешался в разговор мужчина, сидевший в компании завсегдатаев трактира с кружкой пива. — Может, ты все-таки поищешь для них отдельную комнату?

Трактирщица в собранных над шиколотками мешковатых штанах вышла из-за стойки. Как и посетители трактира, женщина тоже была босой.

— Деньги есть? — спросила она Кэшела, подойдя к очагу, в котором над огнем висел большой железный чайник.

— Да, — подтвердила Тильфоза, придерживая юношу за запястье, чтобы тот молчал. — У нас есть серебро, да и медные деньги тоже. Правда, на них изображен камыш.

Лимэй не ответила. Она наклонилась, сняла чайник с огня и поставила его на видное место, чтобы легче дотянуться, потом выпрямилась и взяла в руку один из висевших на протянутом вдоль стены кожаном ремне деревянных половников.

— Значит, у тебя есть серебро? — спросила она, вновь обращаясь к Кэшелу. — А по тебе такого и не скажешь.

— Наш корабль разбился о рифы, — пояснил юноша и перебросил посох из руки в руку.

Зачерпнув половником кашу, Лимэй вывалила ее в тарелку. Затем достала с полки над очагом вторую миску.

— Не волнуйся. Здесь тебя никто не ограбит. — Хозяйка трактира наполнила тарелку до краев. — И даже если ты не сможешь мне заплатить, я знаю, как помочь такому молодцу, чтобы удача повернулась к нему лицом.

— С рыбной похлебкой, — резким голосом перебила ее Тильфоза. — И я уже сказала вам, что деньги у нас имеются.

Двое посетителей, сидевших за столом в углу трактира, засмеялись, подталкивая друг друга локтями. Кэшел обернулся и с любопытством посмотрел на них. Те тут же притихли, уткнувшись в кружки.

Лимэй поставила на стойку еще одну миску и воткнула в каждую по ложку, потом подошла к очагу и достала из ниши над ним кастрюльку. Полив кашу горячей похлебкой, она повернулась к Тильфозе:

— Ну, девчушка, забирай, или одна не справишься?

Кэшел сам подошел за кашей для Тильфозы. Трактирщица прошла мимо юноши, прижавшись на секунду бедром к его ноге и бросив на Тильфозу насмешливый взгляд. Девушка лишь презрительно фыркнула и взяла из рук Кэшела свою миску.

Тот вновь направился к стойке, на сей раз за своей порцией. Лимэй дотронулась до его протянутой руки и сказала:

— Пойдем ко мне, там и поешь. А может, хочешь эля?

Она потянула юношу к себе, и Кэшелу пришлось дернуть рукой, чтобы высвободиться.

— Да, эля мы хотим, — подтвердила Тильфоза. Она сказала это громче, чем полагалось девушке благородного воспитания. Мужчины в углу снова засмеялись.

Трактирщица подошла к стойке и принялась разливать пиво по кружкам.

— Эй, Лимэй, — окликнул ее один из гревшихся у очага мужчин. — Похоже, ты не прочь сегодня поразвлечься?

— Возможно, — задумчиво глядя на Кэшела, улыбнулась женщина. — Возможно.

Налив две полные кружки, она поставила их перед юношей и Тильфозой, затем внезапно схватила кружку Кэшела, долила в нее еще немного пива и вернула напиток на барную стойку.

— Не понял, — удивился юноша.

— Я тебе потом все объясню, — улыбнулась Лимэй. — Позже.

Не желая встречаться глазами с хозяйкой трактира, Кэшел выпил содержимое своей кружки залпом. К тому же ему ужасно хотелось пить, он просто умирал от жажды. Пиво оказалось хорошим, хотя после него и оставался маслянистый осадок.

Тильфоза открыла кошелек и достала оттуда монету в виде полумесяца.

— Это — за еду и ночлег, — коротко сказала она. — Наверное, пожелаете ее взвесить?

Усмехнувшись, трактирщица наклонилась, выставляя напоказ пышную грудь, достала кожаный кошелек и открыла его.

— Классные сиськи, Лимэй! — крикнул один из посетителей.

Женщина положила тонкую серебряную монету с изображением носа какого-то корабля возле той, что получила от Тильфозы. Зажав одну монету пальцами, Лимэй ударила ею о другую, и обе полетели в кошелек.

— Думаю, она весит столько же, сколько и Лодка. А Лодка — это четырнадцать Камышей.

Она полезла в коробку с деньгами и достала оттуда темные медные монеты. Деньги трактирщица положила на стол, рядом с Кэшелом, вновь коснувшись кончиками пальцев его руки.

— Сдача.

Забрав его кружку, она опять наполнила ее пивом до самого верха.

— За счет заведения, — пояснила Лимэй, постучав пальцем по деревянной кружке, по бокам которой стекала пена. — Компенсация за причиненное неудобство.

— Просто скажи, что она нужна тебе сегодня ночью, парень! — крикнул какой-то мужчина из-за печной трубы.

— Заткнись, Хелв! — огрызнулась Лимэй, едва сдерживая гнев. Кивком она указала Кэшелу на тарелку с кашей. — Ешь, милый, а то вид у тебя больно усталый.

— Ну да, а Лимэй таких не любит, — вновь выкрикнул кто-то из мужчин. Кэшел ухмыльнулся, но потом нахмурился и приступил к еде.

Каша была сварена из смеси гороха и ячменя. Сдобренная гжучим перцем рыбная похлебка придавала вареву хоть какой-то вкус, и оно уже не казалось таким пресным.

Слегка сгорбившись и уставившись на миску, юноша принялся медленно жевать. Лимэй разливала пиво посетителям трактира и раскладывала кашу по тарелкам, но всякий раз, проходя мимо Кэшела, старалась до него дотронуться.

— Покажи ему, Лимэй, — крикнул один из сидевших у стойки. — Она волшебница, парень. Имей в виду.

За все это время Тильфоза ни разу не подняла глаз от тарелки. Она зачерпывала небольшие порции каши, а не подносила ко рту полную ложку, как это делал Кэшел. Тот уже опустошил тарелку, а Тильфоза, казалось, съела всего несколько ложек. Теперь она уставилась на кричавшего.

— Не волнуйся, девочка, — ухмыльнулся мужчина. — Скоро узнаешь, с какой стороны режут хлеб.

— Эй, ты! Не лезь не в свое дело! Хозяйка здесь — я, — осадила его Лимэй.

И, прежде чем Кэшел успел отстраниться, она выдернула волос из его шевелюры и положила на барную стойку, потом вырвала волос у себя и сплела их вместе. У хозяйки трактира были черные густые локоны, по сравнению с ними волосы Кэшела казались тонкими и светлыми.

— Как тебя зовут, парень? — спросила она, отставив пустую миску в сторону, и, не дожидаясь ответа, принялась скручивать оба волоска, раскладывая их то так, то этак на липкой от пролитого пива стойке.

— Мы не должны называть своих имен, — поспешила предупредить своего спутника Тильфоза, сжимая в руке хрустальный амулет.

— Меня зовут Кэшел ор-Кенсет, — не слушая девушку, ответил Кэшел. Конечно, он мог назвать любое имя, но не видел причины, по которой бы потребовалось скрывать, как его зовут. — Госпожа Лимэй, я знаю, что еще рано, но мы провели в пути несколько дней и сильно устали. Я и моя спутница хотели бы удалиться в комнату на ночлег.

— Сегодня я могу закрыть трактир раньше обычного. — Трактирщица сосредоточилась на символах, которые уже нарисовала на барной стойке. — Подожди, сам все увидишь.

Хозяйка потянулась к полке за своей спиной и достала оттуда какой-то странный предмет серо-зеленого цвета, не более фута длиной. Сначала Кэшелу показалось, что это сплетенные между собой стебли травы, потом — коровий рог, но что это было на самом деле, юноша так и не понял.

Лимэй принялась что-то напевать себе под нос, постукивая по начерченным символам загадочной штуковины. Кэшел не мог разобрать ни слова из ее пения.

Стул возле трубы треснул. Завсегдаги трактира встали, наблюдая за действиями хозяйки трактира. Но никто не произнес ни единого слова.

Вспышки магического света, сначала красная, потом голубая, появились над стойкой. От чередования ярких цветов за рябило в глазах. Магические искорки вытянулись, а потом смешались между собой, образовав фигурки размером с детскую соломенную куклу.

Кэшелу неожиданно показалось, что в комнате никого не осталось. И самым важным для него было рассмотреть в выбком свете горящего очага, что происходит с фигурками на стойке.

Юноша почувствовал, что его бросает в жар. Он без труда узнал свое лицо в голубой фигуре, а лицо Лимэй в красной. И без слов было понятно, что они делают.

— Отличная работа, Лимэй! — крикнул кто-то из завсегдагов трактира.

Кэшел вспомнил и сжал в правой руке посох так сильно, что его пальцы побелели.

Тильфоза подскочила к стойке и выплеснула в лицо Лимэй остатки пива. Хозяйка трактира отшатнулась, но промолчала. Образы исчезли.

Девушка подобрала скрученные волосы, мокрые от пролитого эля, и положила их себе в кошелек.

— Твое представление оскорбило меня.

Трактирщица уставилась на Тильфозу, так и не сказав ни слова. Но уже давно Кэшел не видел лица более безумного, чем у нее.

— Мы уходим и не собираемся тебя дольше беспокоить. — Обняв Тильфозу за плечи и не глядя в сторону трактирщицы, он повел девушку к выходу.

Двое мужчин, которых они встретили на входе в трактир, уже ушли. Кэшел понимал, что вряд ли кто-нибудь из завсегда-таев заведения заступится за них, если Лимэй захочет отомстить. В этом случае ему придется вытолкнуть девушку на улицу, пока он с верным посохом будет наводить порядок в трактире.

Юноша обвел взглядом комнату. Похоже, никто из завсегда-таев не хотел наживать себе неприятностей. Мужчины в углу сгорбились и положили руки на стол, чтобы прикрыть голову, если завяжется потасовка. Еще два постояльца пятились к стене, наблюдая за Кэшелом, словно загнанные лисой кролики.

Хозяйка трактира положила атам на барную стойку.

— Я ошиблась! Госпожа указала мне на мою оплошность. Если хотите...

Трактирщица указала на дверь. Одна ее створка уже была закрыта. Отступление могло оказаться сложнее, чем хотелось бы.

— Правда, ночи в Сунге темные и холодные, а я могу дать вам комнату.

Помолчав, Лимэй пожала плечами и улыбнулась.

— Может, не станем держать зла друг на друга и забудем все, что произошло?

Кроме того, мы уже заплатили, подумал Кэшел. Он понимал, что три медных монеты больше заработка пастуха.

— Кэшел, — позвала тихонько Тильфоза. Он обернулся к ней. Девушка побледнела, и щеки ввалились больше, чем обычно. — Мы можем остаться? Я очень...

Казалось, что она вот-вот упадет. Сегодня им пришлось пережить слишком много событий. Кэшел привык к такому, а Тильфоза нет. Ее ожоги, изнурительный переход, и вся эта неразбериха могли выбить из колеи кого угодно, а не только слабую девушку.

— Конечно. — Он согласно кивнул и повернулся к хозяйке трактира: — Мы принимаем твоё предложение, госпожа. И прошу простить нас за причиненное неудобство.

Конечно, несколько капель выплеснутого пива не стоили таких расшаркиваний, но Кэшел решил смягчить положение.

Лимэй взяла из очага сгоревшее до середины полено и протиснулась мимо стойки.

— Проходите сюда.

— Эй, не оставляй нас в темноте, — крикнул кто-то из мужчин.

— Подбросьте в очаг еще дров, — грубо бросила им трактирщица.

Она открыла дверь в конце коридора. Кэшел головой показал, чтобы Тильфоза последовала за ней первой. Сам он двинулся следом, готовый защитить девушку от любой неприятности.

Узкая комната за дверью оказалась кладовой. Бочки с пивом стояли вдоль одной стены. Запасы продуктов и кувшины с вином располагались у другой. Кэшелу было нелегко протискиваться между ними. Сначала его удивил такой способ хранения продуктов. Но потом он понял, что Сунг расположен в долине реки, поэтому местные жители не могут устраивать такие погреба, как на постоялом дворе Рейзе в деревне Барка.

Лимэй прошла через кладовую, открыла еще одну дверь, за которой находилась жилая комната. Трактирщица зажгла свечу в нише и жестом пригласила их войти.

— Проходите, госпожа. Надеюсь, останетесь довольны.

Тильфоза с презрением посмотрела на хозяйку, но, почувствовав подвох в словах Лимэй, не клюнула на наживку. Девушка уже видела, как убивают людей. И понимала, что может в любой момент поплатиться жизнью за свой поступок.

— Спасибо, — поблагодарила она хозяйку и вошла. — Думаю, мне все понравится.

Кэшел с порога осмотрел комнату. Из мебели в ней стояла лишь деревянная кровать с подушками, одеялами и матрасом, набитым соломой. Но она была такой большой, что на ней вполне могли поместиться три человека. Тильфоза машинально потрогала матрас рукой, словно желая убедиться, что наконец-то сможет лечь.

— Хорошего вам сна, — пожелала Лимэй и направилась к выходу.

Кэшел выставил перед собой посох, чтобы трактирщица, протискиваясь к выходу, не прикоснулась к нему. Мысленно он разделял мнение Тильфозы о мстительности хозяйки трактира.

Лимэй усмехнулась, увидев это, но усмешка получилась злой.

Кэшел подождал, пока двери за ней закроются, а затем повернулся к спутнице:

— Дай мне пару подушек и одеяло. Или они все тебе нужны?

— Конечно же, нет. А что ты намереваешься сделать?

— Я хочу лечь у двери, — объяснил он. — На ней нет замка. И нам придется оставить ее открытой. Но не думаю, что кто-то сможет войти в комнату, не разбудив меня.

— Но пол же твердый!

Кэшел засмеялся.

— Каждую ночь, возвратившись с пастбища домой, я спал на полу мельницы. А там пол был каменным. Не волнуйся за меня, госпо... э-э-э... Тильфоза.

Она отвернулась.

Кэшел расстелил на полу пуховое одеяло и положил сверху подушки. Головой он намеревался лечь в сторону кладовой, а ногами в сторону кровати, на которой будет спать Тильфоза. Теперь нужно решить, задувать свечу или...

— Кэшел, я не осуждаю тебя. Может быть, тебе хочется встретиться сегодняшней ночью с этой женщиной? — спросила Тильфоза, не глядя в его сторону.

— Да ты что? — Слова девушки не укладывались у него в голове. — Спать с Лимэй? Дузи лишил тебя разума, госпожа! За кого ты меня принимаешь?

— Прости. — Тильфоза с облегчением вздохнула. — А теперь давай поспим хоть немного.

Она быстро повернулась и задула свечу.

— Хорошо. — Юноша улегся на свое ложе. В ответ он услышал лишь шуршание одеяла.

Кэшел заснул мгновенно. Но видел только плохие сны. Всю ночь ему грезилось, что рядом кто-то колдует, и слышался голос Лимэй.

* * *

Илне снилось, что она стоит на верхушке холма. Идет гроза. Где-то рядом ударяют молнии и гремит гром, сотрясая небо и землю. Она чувствовала, как ветер пытается сбить ее с ног и вот-вот унесет в темноту, освещаемую лишь вспышками молний. Она хотела закричать. Но изо рта не вырывалось ни звука.

Какая-то сила яростно швырнула ее на землю. Она не могла понять, где находится. Вокруг были лишь камни. Лунный свет, падая через окно, обрисовывал чей-то силуэт. Но она не могла понять, кто это.

Алекта закричала. Дикарка подскочила к входу, сбросила перекладину с дверей храма и распахнула их. Илна сделала глубокий вдох свежего прохладного воздуха. Он наполнил ее легкие, и девушка снова могла видеть и говорить.

Луна осветила через открытые двери помещение, в котором они ночевали. У входа в пещеру билось на полу в конвульсиях странное существо. Размером оно было не больше коровы. Но посредине вытянутой морды блестели три глаза. В среднем торчал кинжал Алекты.

Илна с трудом выбралась на крыльцо храма. Правая икра горела. Но она могла стоять, преодолевая головокружение.

К храму со всех сторон спешили люди. В руках они держали фонари или простые факелы. А некоторые освещали себе дорогу простой головешкой.

Похоже, крестьяне ждали этого, подумала Илна. Иначе они не смогли бы подняться с постелей так быстро на крик Алекты.

Она села на крыльце, скрестив ноги, хотя боль и слабость еще не отпустили ее, достала из рукава моток ниток и, не теряя понапрасну времени, принялась плести узор в свете фонарей и половинки луны. Илна ждала тех, кто приближался.

Алекта закричала вновь. На этот раз от удивления. Странное существо вскочило на ноги и одним прыжком пересекло помещение храма. Отталкиваясь от земли толстым хвостом, оно вылетело на крыльцо и безжизненно рухнуло на ступеньки. Последний его прыжок был так же безумен, как бег безголовой курицы.

Местные жители замедлили свой бег. Илна воспользовалась этим, чтобы рассмотреть монстра поближе. Он оказался похожим на ящерицу или...

Она потыкала пальцем в толстую шею. Кожа существа была влажной и скользкой как у саламандр, а не как у ящериц. Зубы — короткими и острыми, как у змеи.

Илна опять потеряла правую икру, только сейчас заметив на ней несколько точек. Ее пальцы ощутили липкую кровь, которая сочилась из ранок. Повреждения были не опасными, но укус мог оказаться ядовитым.

Алекта подошла к существу и, набравшись смелости, выдернула из его глаза кинжал. От усилия она пошатнулась. Голова чудовища дернулась и ударилась о ступеньки крыльца так сильно, что затрещали кости.

— Ты разбудила меня своим криком, — задыхаясь, обратилась дикарка к Ильне и перевела взгляд с мерзкой твари на крестьян, медленно поднимавшихся в гору.

— Разбудила? — переспросила Илна. Девушка пыталась вспомнить, что случилось, прежде чем она выползла на крыльцо, но сон не оставил воспоминаний.

— Да, — пояснила Алекта. — Я проснулась от твоего крика и увидела, что ты уставилась вот на эту тварь. В воздухе так жутко воняло, что меня едва не вытошнило. Мне показалось, что его третий глаз будто околдовал тебя.

Илна посмотрела на нож. Слезвия стекала прозрачная жидкость. Алекта выругалась и вытерла его об свою юбку. Затем убрала кинжал в ножны.

— Спасибо. — Илна на самом деле была благодарна дикарке. Она уже могла подняться на ноги. Правда, правая икра продолжала ныть, словно ее прижгли раскаленным железом. Но боль можно терпеть. — Ты спасла мне жизнь.

Алекта хмыкнула и стала вместе с Илной смотреть на приближающихся крестьян. Священник Артлан дожидался их у своего дома. А затем вместе с ними начал подниматься к храму. На холме собралось все население деревни, включая детей и стариков.

— Мы что, убили их бога? — шепотом поинтересовалась Алекта.

— Думаю, что да, — согласилась с ее предположением Илна. — Но по крайней мере сейчас я в большей безопасности, чем тогда, когда эта тварь была жива.

— С вами все в порядке, великие волшебницы? — дрожащим голосом поинтересовался Артлан, подойдя к крыльцу. На его голове светилась тиара.

— Не совсем, — ответила Илна. — Вы закрыли нас здесь, чтобы убить?

— Нет, нет, — попыталась заверить их какая-то женщина, похоже, жена священника Ойра.

— Госпожа волшебница, — Артлан развел руками, — мы не могли прогневить Великого Бога. Раньше он всегда оставался доволен, когда в жертву ему приносили козу или кролика. Так продолжалось много поколений. Но совсем недавно...

— Он забрал у меня мою малышку. А ей было всего десять месяцев, — крикнула молодая женщина. — Он пришел в наш дом и забрал ее прямо из колыбели. А мы уже придумали ей имя.

— А моя жена? — подал голос крестьянин, стоявший с краю. Это он вышел с топором из леса, когда Алекта и Илна вошли в деревню. Сейчас мужчина держал в руке факел. — Я проснулся от крика дочери. Бог уже схватил жену за ногу. И все, что мы могли сделать, так только стоять и смотреть.

— Что значит, просто стоять и смотреть? — прорычала Алекта. Она уперлась руками в бока и напряглась. — Ты мог бы разmozжить ему голову топором.

— А вы все могли бы просто засыпать пещеру, — поддержала ее Илна. Она уже не испытывала злости. — Шесть или восемь мужчин в состоянии завалить камнями проход. И эта тварь не смогла бы оттуда вылезти.

Она толкнула труп ногой, но тут же пожалела об этом. Какой-то ребенок взвизгнул от ужаса.

— Госпожи волшебницы, — низко поклонился им Артлан. — Бог это Бог. Как же мы могли восстать против Него? И если Он решил привести вас к Вратам, тогда нам оставалось лишь исполнить Его волю.

— Исполнить Его волю! — закричали крестьяне. Их голоса разнеслись по всему склону.

— Его волю? — Похоже, что Алекта перестала сдерживаться. — А как насчет моего желания отправить тебя к Сестре?

Словно дикая кошка, она подскочила к Артлану и вонзила кинжал ему в грудь. Священник не успел даже охнуть. Дикарка вырвала нож, и мужчина, как подкошенный, рухнул к ее ногам.

Крестьяне не сразу поняли, что произошло. Только Ойра вскрикнула и вцепилась Алекте в лицо. Дикарка ударила женщину между глаз.

— Они убили Артлана! — наконец пришел в себя какой-то мужчина и запустил в Алекту фонарем. — Не дайте им уйти!

Поднятые крестьянами фонари вспыхнули и осветили весь склон.

— Скорее внутрь! — Илна бросилась к двери в храм.

Перепрыгнув через тело божьей твари, она ворвалась внутрь. Алекта уже ждала ее там. Вдвоем они навалились на дверь и захлопнули тяжелые створки.

— Быстрее! — крикнула Алекта. — Давай перекладину. Это удержит их. Правда, ненадолго.

— Да, — соглашаясь с дикаркой, кивнула Илна.

Она не стала спрашивать о том, что им делать дальше. Этот вопрос был сейчас неуместен.

Илна уже не представляла, что может помочь ей и ее компаньонке-убийце.

Гаррик помолчал, прежде чем решился задать еще один вопрос:

— Лорд Талемус, до встречи с Метроном...

Он не успел закончить. Архай подскочил и завершал, словно придавленный кузнечик. Вместо того чтобы слегка дотрагиваться до шеи многоножки, он изо всех сил воткнул ей в бок золотой жезл.

Гаррик поднялся на ноги и побежал вперед, еще не представляя, что будет делать. Правой рукой он сжимал рукоять меча, не вынимая его из ножен. Вескей шагал вслед за ним, чуть прихрамывая.

Талемус не усидел на месте и присоединился к их компании. Он мог бы и не делать этого, но с Гарриком и Вескеем

юноша чувствовал себя в большей безопасности, чем с кем-либо другим.

Метрон, похоже, вставать не собирался. Он лишь оторвал глаза от пергамента да вытянул, как журавль, шею, чтобы посмотреть на вскочившего Архая. Тот судорожными прыжками двигался в сторону Гаррика. Для насекомого с шестью конечностями это не представляло трудности. Во всяком случае, Архай не рисковал свалиться вниз, в отличие от волшебника, сидевшего на многоножке, скрестив ноги.

Впереди сверкала гладкая поверхность озера, окруженного гигантской травой. Вода, подумал Гаррик, а в ней отражается солнце.

Но почти сразу понял, что ошибся. Потому что бледное перламутровое сияние оказалось вовсе не солнечным светом. Да и озеро не могло просто так выплеснуться из берегов и течь в сторону многоножки.

Вид перламутрового сияния поверг волшебника в сильнейшее беспокойство.

— Не может быть, чтобы это был Заступник! — кричал Метрон, открывая сумку с магическими артефактами. Не заботясь о сохранности, он швырнул внутрь пергамент и выхватил оттуда маленькую бутылочку. — Не может быть! Какая неудача!

Многоножка все так же быстро двигалась, забирая в левую сторону. Земля в этом месте оказалась испещрена глубокими бороздами. Гигантское насекомое преодолевало их без труда. Но неровности почвы сказались не лучшим образом на самочувствии ее наездников. Ноги Талемуса стали дрожать и подкашиваться.

Гаррик схватил его за руку и показал, как следует удерживать равновесие. Сам он научился этому на корабле во время шторма.

Вескей присел и ухватился за золотую цепь, чтобы удержаться. Теперь он не видел жемчужного блеска воды за стеблями травы. Ему хотелось верить, что многоножка сумела обойти озеро стороной.

Прозрачная бутылочка с золотыми символами, которую держал в руках Метрон, была наполнена бледно-желтым по-

рошком. Волшебник высыпал небольшую щепоть зелья на изображение гексаграммы, и порошок сразу сменил свой цвет на ядовито-красный.

Увидев манипуляции Метрона, Архай вспомнил о своих обязанностях погонщика и вернулся на место, но продолжал поворачивать треугольную голову в ту сторону, где находилось озеро. Его клешневидные конечности двигались попеременно то вверх, то вниз, что напоминало движение ножниц. Похоже, Архай готовился к защите.

Многоножка преодолела очередную борозду. Вескей отпустил золотую цепь и выпрямился.

— Эй, атаман, — слышался голос Хейма. Он с другими разбойниками стоял позади Вескей. — Что происходит?

— Ничего, о чем стоило бы волноваться, — весело подмигнул им Вескей. — Но я уже готов вернуться туда, откуда пришел. Даже если меня там ждут Защитники.

Он отвернулся от разбойников и тихо пробормотал:

— Нам не стоит волноваться хотя бы потому, что не в наших силах что-либо изменить. Все сейчас зависит от проклятого колдуна.

Метрон уже заканчивал последние приготовления. Прозрачную бутылочку он предусмотрительно заткнул пробкой и убрал в сумку. Вокруг гексаграммы волшебник написал магические слова, воспользовавшись кисточкой и пузырьком с киноварью. В центре многоконечной звезды блестело сапфиром кольцо. Откашлявшись, волшебник затынул заклинание, размахивая жезлом.

— Может быть, жемчужная жидкость не сможет забраться на тот холм, который мы только что пересекли? — предположил Талемус.

Гаррик пожал плечами, оглядывая окрестности. Растительности здесь было уже намного меньше. Но бугор, через который они перебрались, не позволял увидеть, что делалось позади.

— Боюсь, если все было бы так просто, твой советник не проявил бы такой прыти.

Он кивнул в сторону Метрона, который, не останавливаясь, распевал заклинание.

— Грустно, но похоже на правду, — согласился с ним Вескей. Атаман переложил дротик в другую руку. Жемчужный свет уже не скрывали стебли гигантской травы справа от них.

Подозревая, что опасность неизбежна, Гаррик отвернулся и посмотрел влево. Перламутровое сияние приближалось к ним и оттуда.

Жемчужная жидкость текла по земле, будто пролитое пиво. Она покрывала землю всего лишь на два пальца. Но как только ей удавалось окружить гигантский стебель травы, растение умирало. Языки жидкости растекались в обе стороны, чтобы заключить многоножку в ловушку.

— Атаман, оно приближается! — выкрикнул Гаррик.

— Ребята, приготовьтесь! — подал команду Вескей.

Разбойники уже и сами поняли, что им грозит, и схватились за оружие.

— Думаю, нам придется пробираться самостоятельно. Все указывает на то, что мы потеряем нашу лошадку. — Вескей еще мог шутить.

Похоже, шансов у нас не осталось, думал Гаррик, стараясь трезво оценить ситуацию. Нам не от кого отбиваться и некуда бежать.

Принц выхватил меч. Его не страшила мысль о надвигающейся опасности. Было даже чуточку интересно, что он испытает, когда жемчужная жидкость окружит его.

Метрон надрывно заорал:

— Акрама чамари!

Гаррик оглянулся. Жезл лежал на кольце. Красная вспышка появилась в воздухе одновременно с голубой, в цвет сапфира.

Затем вспыхнул белый магический свет. Внутри гексаграммы загорелся огонь. Метрон взмахнул рукой. Пламя взметнулось до неба. Зарево заполнило всю долину. Адемий не выдержал и закричал от страха.

Гаррик почувствовал, что в груди заныло так, будто сквозь него прошла молния. Потом все прошло, и он смог нормально дышать.

Огонь достиг края мерцающей жидкости и стал пропадать. Красный и лазурный свет смешались с жемчужным сиянием.

Оно замерло. Мерцающая жидкость остановилась и стала застывать словно лед.

Метрон повалился на тело многоножки. Его лицо стало серым от изнеможения. Гаррик подскочил к нему и схватил за плечи.

— Ему удалось! — закричал Талемус. — Мастер Метрон, ты спас нас!

Вескей молчал. Он продолжал смотреть на мерцающую жидкость, которая едва не погубила их. Прежде чем им удалось удалиться на безопасное расстояние, ее поверхность покрылась трещинами. Из них показалась перламутровая жидкость, которая потекла вслед за ними.

Гаррик похлопал волшебника по щекам:

— Очнись, мастер Метрон. Ты можешь нам скоро понадобиться.

Шарина стояла в четырехстах ярдах от крепостных стен Доннела. Они не казались такими же громадными и неприспособленными, как в Эрдине, Вэллесе или Каркозе. Правда, в древней столице стена была разрушена сорок поколений назад. И теперь ее использовали как каменоломню.

Шарина находилась в убежище, сооруженном из стен рыбацкого сарая. Теперь они как щиты закрывали девушку от стрел неприятеля. Она не стремилась следовать за королем и лишь изредка перебрасывалась словами с его помощниками. Единственной причиной, по какой ей пришлось отправиться на Тизамур, была ее способность умирять гнев Каруса. Но в такой обстановке она не могла выставить его на всеобщее посмешище, прокладывая путь к королю через взводы солдат.

Подготовка к осаде велась уже не один час. Солдаты королевской армии под командованием офицеров рыли окопы и траншеи, строили укрепления, устанавливали баллисты и катапульты. Все это время король в сопровождении лорда Валдрона и отряда Красных Орлов объезжал войска, лично inspectируя работу подданных. Он не собирался долго держать свою армию под стенами этого города.

Шарина вновь посмотрела на Доннел. Стены города, сложенные из камня, достигали двадцати футов в высоту. То здесь, то там бросалась в глаза новая кладка по свежему цементному раствору. Кроме того, защитники города возвели несколько дополнительных башен между стенами. Это позволяло лучникам обстреливать большую территорию и усиливало непреступность стен. Однако новые сооружения сделали из дерева. И в этом был их недостаток. Они могли остановить лишь обыкновенную стрелу. Даже Шарина, слабо разбиравшаяся в военном деле, понимала это. Тяжелые стрелы, выпущенные из катапульт, разрушат башни и погубят всех, кто находится внутри.

Наконец король, сопровождаемый своей свитой, подъехал к укрытию, под защитой которого находилась все это время Шарина. Карус впервые за весь день слез с лошади и передал поводья лорду Аттаперу. Он снял шлем, который сейчас был ему не нужен, и присоединился к девушке. Взгляд его устремился на Доннел.

— Город не такой большой, как мне казалось. Я собирался начать штурм сразу, как только мы доберемся сюда. Здесь есть несколько мест, через которые мои солдаты без труда смогли бы прорваться внутрь.

Он пальцем указал три места. В первом в крепостной стене наметилась трещина. В ней было нетрудно закрепить осадную лестницу, чтобы взобраться наверх. В другом месте, напротив роши оливковых деревьев с уже созревшими плодами, стены доверху обвивал плющ. Третьим оказались главные ворота. Их деревянные створки уже начали подгнивать. И таран без труда пробил бы их.

— Но теперь я передумал, — продолжил Карус. — Наступление всегда несет за собой большие потери среди атакующих. Если я отправлю их на штурм, то через час примерно треть из них мы бы вынесли в гробах. А к полуночи я бы потерял половину солдат. К тому же ситуация могла перемениться в пользу неприятельских войск. Они лучше знают свой город. Да и горожане могут поджечь дома, лишь бы не отдать врагу.

Он покачал головой и нахмурился, что-то вспоминая.

— Да, когда берешь город, часто случаются пожары. Кто-то осмысленно поджигает свой дом. А кто-то просто не может удержаться, чтоб не бросить на соломенную крышу фонарь. Так люди пытаются доказать, что они вправе распоряжаться личным имуществом по своему усмотрению. Ну, в этом есть доля справедливости.

— Так к какому же решению вы пришли, Ваше Величество? — Шарина улыбнулась, стараясь расположить к себе собеседника.

— Осада, — ответил Карус и пожал плечами. — Не думаю, что она затянется. В городе полно людей. Пленные говорят, что там все население с юга острова. У них еды меньше чем на три дня. А через шесть дней за этими стенами не останется ни одной крысы или клочка упряжи.

Солдаты продолжали рыть траншеи на расстоянии выстрела от Доннела. В некоторых местах даже чуть ближе. Катапульти и баллисты, перевезенные сюда с кораблей по приказу короля, были готовы открыть огонь сразу же, как только вражеские лучники начнут обстрел.

— Они сдадутся, когда еда закончится? — спросила Шарина. Она бросила взгляд на город и отвернулась. Ей даже не хотелось думать о том, что будет твориться в нем через несколько дней.

Королевская армия разрушила все постройки вокруг городских стен. Крестьянские хижины и загородные дома богатых людей меньше чем за день превратились в руины. Деревья и кусты вырубili, а траву вытоптали. Кругом царила разруха.

— Люди, которые стоят во главе Союза Запада и называют себя Детьми Владычицы, не собираются сдаваться, — ухмыльнулся Карус. — У них есть запасы еды. К тому же кое-какой провиант припрятали купцы. Но ворота закрыты ненадолго. Осада не продлится больше недели.

— А как же твои сны? — вдруг неожиданно вспомнила Шарина.

— Я смогу сопротивляться кошмарам дольше, чем людям за стеной осталось жить! — мрачно ответил Карус. Лицо его посерело. Отвернувшись от Шарины, он уставился на Дон-

нел. — Я думал об этом, когда мы только сюда приехали, размышляя, стоит начинать штурм сразу или нет. Мне очень хотелось приступить к делу не медля, приказав солдатам убивать всех, на ком надеты черно-белые одежды.

Он сжал рукоять меча, до половины достал клинок и засунул его обратно. От резкого движения сталь зазвенела, ударившись о ножны.

— Я горел желанием перебить всех, — продолжил король, — а после того, как солдаты выполнили бы свое дело, мои кошмары исчезли бы.

— Карус, — попыталась успокоить его Шарина, дотронувшись до руки. Он вздрогнул, затем вздохнул. И напряжение, овладевшее им, стало проходить.

— Я убивал людей, когда еще находился в своем теле, — уже спокойно произнес Карус. — Убивал их сам, и меня не терзали угрызения совести. Да и смертей повидал немало. Но я никогда не убивал мирных жителей, когда осаждал город.

Он потер глаза, затем виски. Шарина еще никогда не видела его таким изможденным.

Король опустил руки, сжатые в кулаки, и слабо улыбнулся.

— Больше всего мне сейчас хочется вздремнуть хоть немного, — закончил он, — иначе не знаю, что со мной будет. Но надеюсь, что жители Доннела скоро сдадутся и моя мечта осуществится.

Их внимание привлекли звуки горна. Они раздавались со стороны смотровой вышки, высокого сооружения с лестницей до самого верха. Там был установлен помост для наблюдателя, огороженный плетеными перилами. Оттуда дозорный мог просматривать подходы к городу и его окрестные территории.

Опять заиграл горн. Дозорный, прижимая одной рукой к губам свой инструмент, другой указывал на юг. И осажденные жители, и королевская армия, все смотрели в ту сторону.

Шарина провела рукой по щиту. Плотная стена из переплетенных между собой веток толщиной в большой палец удерживалась в вертикальном положении толстыми кольями. С правой стороны от щита уцелело несколько кедров, которые теперь служили хорошей защитой от стрел.

— Что это там за огонь? — нетерпеливо произнес Карус.

Шарина, подпрыгнув, уцепилась за верх щита и подтянулась на руках, чтобы узнать, что происходит. Покрутив по сторонам головой, она крикнула:

— К нам приближается всадник!

Стоявшие внизу солдаты недоверчиво взглянули на нее.

— У него красный флаг. Это один из наших гонцов, Ваше Величество.

— На самом деле? Клянешься Госпожой? — не мог поверить Карус. — Что же такого произошло, что Зеттин прислал к нам гонца?

Воспользовавшись всеобщим замешательством, несколько лучников из осажденного города пустили стрелы в сторону Шарины и Каруса.

— Вниз! — закричал стражник из отряда Кровавых Орлов. Он подскочил к щиту, схватил Шарину за лодыжку и изо всей силы дернул ее вниз.

Девушка приземлилась на ноги как раз вовремя. Еще бы чуть-чуть, и ей в голову могла вонзиться стрела, которая пролетела как раз над щитом. Вторая стрела прошла в двадцати футах от него.

Баллиста, установленная на земляном валу в тридцати ярдах позади Шарины, выстрелила. Лучники, услышав предупреждающие крики наблюдателей, спрятались за зубцами башни. Однако тяжелая стрела пролетела мимо. Со стороны осажденных раздались восторженные крики.

Похоже, защитникам города прежде не доводилось видеть такого артиллерийского вооружения. Толпа лучников собралась на стенах круглой башни и с любопытством наблюдала за тем, как королевские солдаты снова заряжают баллисту.

Воспользовавшись этим, моряки подготовили катапульту, находившуюся с другой стороны крепостной башни. Круглый камень размером с человеческую голову, вылетел из нее и, ударившись о каменную кладку, отскочил и влетел в толпу любопытных, утративших осторожность стрелков. Несколько лучников упали, кто-то закричал. Остальные скрылись в башне и больше не показывались.

Гонец, на ходу соскочив с лошади, пробирался сквозь ряды королевских солдат, осаждавших город. Не обращая внимания на военачальников и помощников короля, он направился прямо к Карусу.

Кровавые Орлы, выставив вперед щиты, сомкнули строй и преградили гонцу путь. Они отлично справлялись со своими обязанностями и не подпустили бы к королю ни подозрительного помощника, ни тем более подозрительного гонца, который мог оказаться наемным убийцей Союза Запада.

— Пропустите его, — голосом, не терпящим возражений, приказал стражникам Карус.

Лорд Аттапер посмотрел на короля, не выпуская из поля зрения курьера.

— Оставайтесь на месте! — рявкнул он на своих солдат. — Ты кто, гонец? Тогда передай свое сообщение с того места, где ты сейчас находишься.

Охрана послушалась приказа своего командира, а не короля. Гонец попытался пройти вперед, но его отпихнули щитами. Лорд Валдрон, словно громовержец, бросал гневные взгляды в сторону Аттапера. Офицеры подошли ближе.

— Говори оттуда, — раздраженно приказал Карус. Но на этот раз ему удалось справиться с гневом. — Что хотел сообщить нам адмирал Зеттин?

— Ваше Величество! — немного запинаясь, произнес гонец. — Граф Блэйза высадился с целой армией в бухте к северу от нас. Адмирал Зеттин сообщает, что у них около пятнадцати тысяч человек. Он не до конца в этом уверен, потому что неприятель еще не закончил разгрузку военных машин и артиллерийского вооружения, доставленных из Сандраккана. Адмирал ожидает ваших приказаний.

— О Госпожа, сохрани нас! — не сумел сдержать своего испуга бородатый офицер, помощник лорда Валдрона. — Они знали, что мы плывем сюда, и загнали нас в ловушку. Мы все, как пить дать, умрем здесь!

Карус, расправив плечи, как стервятник крылья, оттолкнул в сторону двух стражников, схватил старого солдата за плечо и

ударил кулаком в лицо. Раздался треск сломанных костей, будто что-то порвалось.

— Ваше Величество! — Шарина, схватив Каруса за руку, сжала ее со всей силы, на какую только была способна. — Не здесь и не так!

Посмотрев на нее, Карус разжал руки. Офицер упал, словно у него подкосились ноги. Два помощника подхватили его и увели подальше от короля.

Карус оглядел стоявших возле него людей. В их глазах он заметил ужас. Король тряхнул головой, затем несколько раз сжал и разжал кулак, прищелкнув пальцами.

— Нет! Мы не умрем здесь и не прекратим осаду города! Лорд Валдрон! Ты останешься здесь с половиной тяжелых пехотинцев и продолжишь осаду. Другую половину, в основном застрельщиков, я заберу с собой. Мы возвратимся назад к флоту, чтобы перевес войск оказался на нашей стороне. И тогда, — он указал на ворота Доннела, вокруг которых расположилась королевская армия, — я покажу графу Лердоку, как выступить против Правителя Островов. Я проучу его, или Сестра заберет мою душу!

Все, кто слушал короля, стали понемногу приходить в себя. В их глазах появилась надежда и даже радость. Шарина же думала, что Сестра может забрать душу не только Каруса, но и души всех его солдат, если король в своей поспешности и вспыльчивости примет неверное решение.

Глава восемнадцатая

Алекта запрыгнула на скамейку и, опираясь на перекладину, выглянула в маленькое круглое окошечко в воротах храма. Увидев ее, крестьяне разразились яростными криками. Дикарка, не мешкая, спрыгнула на пол. Фонарь ударился в переплет окна. Посыпались стекла, в храм залетело несколько искр. Илна сбросила постель на пол прежде, чем та успела вспыхнуть. Алекта грубо выругалась.

— Они пока не пытаются взломать дверь. Мужчины повесили фонарь над убитой саламандрой и рассматривают ее.

— Возможно, им некуда торопиться, — ответила Илна, пытаясь вспомнить линии того рисунка, который, связав прошлое с будущим, привел их в это место. — Или они надеются, что голод заставит нас выйти наружу, если, конечно, к тому времени крестьяне не решат завалить дверь.

Она улыбнулась от своего предположения.

— Жаль, что эта мерзкая тварь убежала отсюда. А то у нас была бы возможность полакомиться ею. Этого мяса нам могло хватить надолго.

Алекта подозрительно покосилась на свою компаньонку и облегченно вздохнула, решив, что та шутит. Но сама Илна еще до конца не уверилась в несерьезности своих слов.

Что-то сильно ударило в двери. Илна застыла в нерешительности, соображая, что лучше: достать из рукава моток ниток или из-за пояса маленький нож с костяной рукояткой. В конце концов она склонилась в пользу шелковых нитей. Конечно, это не могло помочь против толпы, но девушке больше нравилось прикасаться к шелку, чем костяной рукояти ножа. К тому же здесь было слишком мало света, чтобы местные жители смогли увидеть сплетенное заклинание.

Алекта вновь запрыгнула на перекладину и выглянула в окошко. Соскочив на пол, она поспешила рассказать Илне о том, что увидела:

— Они заваливают дверь камнями. Похоже, нас собираются здесь замуровать.

Илна кивнула, но лицо ее осталось невозмутимым.

— Я хочу посмотреть, куда ведет эта пещера, — сообщила она дикарке. Если в ней смогла разместиться тварь размером с лошадь, пещера должна быть довольно большой. Да и выбора у них теперь не было...

Алекта, похоже, даже не слышала ее. Она прислушивалась к происходящему за стенами храма. Там крестьяне вкатили на крыльцо огромный камень и положили его рядом с первым. Похоже, в работе принимала участие вся деревня. Так они без

особого труда завалят выход. И пленницам будет не под силу выбраться из храма, ставшего для них западней.

Коварные намерения местных жителей привели дикарку в ярость.

— Да я поубиваю вас всех! Сотру в порошок! Вы, трусы! — бесновалась она.

Усевшись на пол, Алекта очертила круг с помощью кинжала. Его острие до сих пор было покрыто запекшейся кровью священника. Дикарка плюнула на него, чтобы тонкая линия, которую она рисовала на каменном полу, окрасилась в красный цвет. Ее сосредоточенное лицо перекошилось от напряжения.

Илна решила не вмешиваться в действия компаньонки. Она легла на живот и осторожно поползла в пещеру. Камни покрывала оставленная саламандрой слизь. Теперь Илна понимала, что капли на полу, которые бросились ей в глаза, когда Артлан впервые показывал им храм, были вовсе не водой.

Крестьяне снаружи продолжали свою грязную работу. Илна улыбнулась. Слизь можно будет смыть, если они доберутся до того места, где есть чистая вода. Только вот долго ли им осталось жить на этом свете.

Туннель продолжал сужаться. Саламандра была толще Илны, но обладала другими преимуществами. Если ей все же удастся протиснуться в это отверстие...

Она засмеялась. Но тут же пожалела об этом. Каждое прикосновение к камню заставляло ее содрогаться. А смех лишь усугубил положение. Если я протиснусь в это отверстие, подумала она, то рискую умереть в маленьком каменном мешке. Но то же самое случится со мной, если я не найду выхода из храма. Стой лишь разницей, что во втором случае мой гроб будет побольше.

Девушка вытянула перед собой руки. Извиваясь, как червяк, Илна ползла вперед, упираясь в камни локтями. Казалось, она уже не в силах пошевелиться, чтобы двигаться дальше. Ощущение не из приятных. Но Илна заставила себя улыбнуться и продвинуться еще на полфута вперед. Сидеть, опустив руки в ожидании смерти — такое не для нее.

Девушку беспокоило не само узкое пространство, а постоянные прикосновения сырых, покрытых слизью каменных стен.

Что ж, нало подавить брезгливость и двигаться вперед. Ничего другого ей не оставалось.

Пещера стала постепенно расширяться. Не сильно, но Илна уже касалась камней лишь одним локтем, а не двумя, как прежде. Постепенно и бедра перестали тереться о стенки прохода. Девушка почувствовала, что где-то рядом вода. А это означало, что им с Алектой не грозит смерть от жажды.

Проход стал еще шире. Илна уже смогла встать на четвереньки. Затем осторожно приподняла голову в надежде, что высота туннеля позволит встать на ноги. Но потолок все еще был слишком низок. Хорошо хотя бы, что не нужно ползти по холодному каменному полу.

Илна оперлась о стену правой рукой. Ладонь соскользнула вниз, и она ощутила воду, стылую как лед. Девушка от неожиданности отпрянула и чуть было не ударилась головой о каменный свод туннеля.

Она зачерпнула в пригоршню воды и попробовала ее. Ледяная влага впиталась в пересохший язык. Во рту остался привкус железа. Девушка перевела дыхание.

Пение Алекты грозным эхом разносилось по туннелю. Илна могла различить лишь отдельные слова.

— ...палипатер патрима... иао алимапс...

Девушка вновь опустила руку в воду, чтобы ощупать дно подземного озера. Если здесь неглубоко, может быть, удастся перебраться на другую сторону. Но нащупать дна Илна не смогла и наклонилась еще ниже, не прекращая попыток. Голова ее высунулась из туннеля наружу. И вместо озера девушка увидела реку. Водный поток медленно двигался по такому же туннелю, как и тот, по которому она только что ползла.

Илна не умела плавать и знала, что не сможет прыгнуть в воду, если не нащупает дна. Где-то недалеко справа слышался шум падающей воды. Возможно, выход там.

— ...нерксия... — донесся голос Алекты. Назвать человеческим его было трудно.

Илна задумалась. Конечно, если впереди еще одна большая пещера, она может оказаться заполненной водой. Но в этом подземном мире жил убитый Алектой монстр, вылезавший на

поверхность лишь за добычей. По словам Артлана, он делал это в последнее время довольно часто. Илна знала, что в реке, протекающей у ее родной деревни Барка, саламандры прячутся под камнями и выползают оттуда лишь сырыми вечерами, когда никто не хочет выходить наружу, кроме мышей и птиц.

Девушка приподняла свою тунику и отжала из подола воду. Села на край туннеля, опустила в реку ноги и соскользнула вниз. Теперь Илна стояла на подводном выступе скалы. Вода доходила ей до груди. Но, несмотря на все усилия, девушка не смогла увидеть, где заканчивается река. Нет смысла рисковать и двигаться дальше, пока непонятно, зачем ей это нужно.

Вылезти из воды оказалось непросто. Монстр, за те годы, что жил здесь, отполировал камни собственным брюхом. Ноги сводило от ледяной воды. Но ей все же удалось подтянуться на руках и влезть обратно в туннель.

Девушка тяжело дышала и, пытаясь хоть немного согреть ноги, принялась растирать их. Затем опять легла на живот и, извиваясь, как червяк, поползла в другую сторону. На этот раз все получилось намного проще. Впереди, указывая выход, мерцал лунный свет.

Внезапно розовая магическая вспышка смешалась со светом луны. Алекта громко закричала:

— Бримо!

Еще одна вспышка, на этот раз ярче.

— Ананке!

Илна последним усилием протиснулась вперед и наконец окончательно вылезла из пещеры. Она поднялась на ноги и с удовольствием распрямила спину. Девушка не понимала, почему так торопилась. Но какое-то тревожное чувство гнало ее вперед.

— Чосарба! — заорала Алекта.

Дикарка стояла на коленях, воткнув свой нож в центр фигуры, которую начертила человеческой кровью. Подняв вверх руки, Алекта праздновала свой триумф.

В острие ножа отражался магический свет. Склонившись над ним, Илна на мгновение увидела лица крестьян, в испуге уставившихся на храм. Крылатые монстры приближались к де-

ревне, а другие существа, похожие на рыб, плыли к ней по лаве, извергающейся из недр скалы.

Магическая вспышка погасла. Но перед глазами Илны все еще стояла привидевшаяся ей картина. Алекта захохотала, словно демон. Каменный пол храма вздрогнул.

Снаружи раздалась испуганные вопли крестьян. Первый толчок был едва ощутимым. Но живущие в горах знают, как опасны оползни и обвалы.

Илна пришла в себя и выпрямилась. По каменным стенам храма пошли трещины. Даже сюда доносился грохот глыб, летевших в долину и захватывавших по дороге новые и новые камни. Из-за толчков с пола поднялись пыль и грязь. Илна прикрыла рукавом рот и нос.

Крыльцо храма обвалилось, камни посыпались вниз, дверь, соскочив с верхних петель, приоткрылась. На крыше храма появились трещины.

Илна схватила Алеку за плечи и потащила к пещере. Только вот смогут ли они укрыться там от разбухшей обезумевшей дикаркой стихии.

— Пойдем скорее, — закричала девушка. Она не могла объяснить, почему пытается спасти свою компаньонку. Может быть, только им и суждено спастись в постигшем долину катаклизме.

Единственный выход — идти вперед.

Пещера сужалась. Илна поползла внутрь туннеля.

— Ползи за мной! — требовательно повторила она, но не услышала собственного голоса. Землетрясение приближалось, и ужас предшествовал ему.

Илна протискивалась между камнями, которые, как тесто, плотно облегали тело. Кровь холодела от каждого прикосновения к стенам.

Она изо всех сил толкала себя вперед, чтобы достичь того места, где туннель расширяется. Илна чувствовала себя победительницей. Ведь она смогла преодолеть страх перед камнем.

Достигнув подземной реки, девушка повернула голову.

— Алекта! — закричала она, едва переведя дыхание.

Ответа Илна не услышала. Она развернулась и полезла назад. В самом узком месте туннеля девушка увидела вытянутую

руку компаньонки, сжимавшую бронзовый кинжал. Илна схватила Алекту за запястье и потянула к себе — широкие бедра не проходили через узкий проход.

Она двигалась вперед и тащила за собой дикарку. В висках стучала кровь, и девушка не слышала никаких других звуков, кроме раскатов разрушающейся горы, пытающейся уничтожить все живое вокруг. Отпустив руку Алекты, Илна по скользким камням сползла в реку. Вода окатила ее ледяным холодом.

Илна глубоко вдохнула и сделала шаг вперед. Река сомкнула над ее головой свои воды. Но девушка уже касалась ногами гладкого каменного пола. Так она будет идти до тех пор, пока в груди не закончится воздух или заledenевшие ноги не перестанут слушаться. Хотя, может, ей повезет, и она сумеет выбрать-ся на поверхность. Там, где живут люди.

Другого выхода нет.

Тильфоза закричала. Кэшел, не открывая глаз, вскочил и замахнулся посохом, чтобы ударить противника. Палка стукнула по стене. И юноша наконец проснулся.

В комнате было темно. Закрытое окно не пропускало свет. Иначе бы комнату заполнил туман.

Наклонившись вперед, Кэшел ощупал деревянную кровать, на которой спала Тильфоза. Он подтащил к себе девушку и поднял ее на руки. Она была холоднее утопленницы. Холоднее воздуха. Холоднее дыхания смерти.

Развернувшись, он направился через кладовую в общую комнату. В другом ее конце скрипнула и отворилась дверь. В дверном проеме стояла Лимэй, высоко подняв масляную лампу. За ее спиной Кэшел увидел двух мужчин, ночевавших в общей комнате. Один держал в руке дубинку, другой рыбацкую острогу.

— Дайте мне вынести ее на свет! — прокричал Кэшел. Посох он обронил в проходе, но не стал наклоняться, чтобы поднять. Здесь все равно было слишком тесно, чтобы им размахнуться. Ногой юноша задел корзину со спиртным. Закрытые бутылки зазвенели, но не разбились.

— Похоже, это проделки Лимэй, хотя девчонка даже не закричала, — негромко бросил один из мужчин другому. — Ты слышал ее шепот на чердаке?

— С дороги! — рывкнул на них Кэшел.

Рыбак отскочил в сторону и как раз вовремя. Его товарищ замешкался. Кэшел отпихнул парня плечом, вошел в общую комнату и положил Тильфозу на стойку. Затем подбежал к очагу и принялся раздувать угли.

Взгляд его упал на лестницу, ведущую на чердак. Дверь туда оказалась открытой.

Он вспомнил слова рыбака о том, что тот даже не слышал крика Тильфозы, и нахмурился. То, что ему почудилось, озвучили вслух. Он спал, и ему снился сон...

Лимэй подошла к стойке, удерживая лампу так, чтобы свет падал точно на бледное лицо девушки. Она лежала, словно восковая фигура. Хозяйка трактира молчала, но цвет ее лица был ненамного живее, чем у Тильфозы.

— Что ты сделала с ней? — спросил Кэшел.

Ярость искажила голос. Сейчас он походил на рычание голодного льва. Мужчины вздрогнули. Лимэй продолжала стоять с невозмутимым лицом.

Обе двери трактира были распахнуты настежь. Жильцы соседних домов уже толпились в помещении. То ли сами прибежали на крик Кэшела, то ли их кто-то позвал.

— Что я могла с ней сделать? — наконец поинтересовалась трактирщица. — Она была с тобой в комнате, а я спала на чердаке.

Лампа задрожала в руке хозяйки трактира. Она устала, очень устала от того заклинания, которое только что сплела на крыше.

Рыбак дотронулся до щеки Тильфозы, а затем двумя пальцами до ее горла.

— Да она мертва. Холодная как лед. Нужно позвать кого-нибудь из Девяти.

— Может, это чума? — испуганно спросил кто-то в толпе.

Кэшел потянулся, чтобы схватить Лимэй за горло. Она быстро отпрянула и проскочила за стойку, зная, что там он не сможет ее достать.

— Присмотрите за ним! — крикнула она мужчинам, толпившимся в комнате. — Похоже, парень сошел с ума от горя.

Стойка в трактире была сделана из прочного дерева и просто приставлена к стене. Но Кэшел не мог ее оттолкнуть, потому что на ней лежала Тильфоза. Он повернулся к кладовой, чтобы подобрать с пола посох.

Два человека попытались остановить его, схватив за руки. Под громкие вопли присутствующих Кэшел вырвался и столкнул мужчин лбами. Кто-то попробовал уцепиться за ноги, но он всех распахал, раздавая пинки направо и налево. Руки его были свободны, и он опять потянулся к Лимэй.

Он должен ее достать. И она ответит за то, что сделала с Тильфозой. Или...

Народ прибывал, но Кэшел не обращал внимания на любопытных и, словно разъяренный бык, слегка сгорбившись, двигался вперед. Лимэй отступала все дальше, пока не уперлась в стену, выставив перед собой лампу. На ее бледное лицо падала тень.

В этот момент кто-то набросил на Кэшела сеть, пахнущую рекой и илом. Мужчины закричали и дружно навалились на него. Попался! Теперь ему уже не вырваться! Сеть не разорвать!

Но Кэшел не собирался сдаваться. Его удерживала всего лишь рыбацкая сеть. Правда, она была сплетена из прочной веревки и лишь растянулась, когда он попытался ее разорвать. Юноша сделал шаг вперед, запнулся о перевернутый стол и не смог удержаться на ногах. Он упал, сломав при падении стул.

— Мы поймали его! — закричал кто-то. — Дайте мне...

Кэшел стал изо всех сил лягаться, пытаясь освободить колени. Его несколько раз сильно пнули, на ноги набросили вторую сеть. Теперь он стал похож на курицу, которую собираются нести на рынок.

Лимэй уставилась на него.

— Не надо его бить, — приказала она горожанам, хотя, похоже, никто и не собирался этого делать. — Чужестранец сейчас расстроен. Чуть позже, думаю, он придет в себя.

— Ты убила ее! — закричал Кэшел.

Он стал извиваться, пытаясь сдвинуться с места и дотянуться до трактирщицы, чтобы вцепиться зубами в ее ногу. Мужчины, удерживавшие сети, потянули за стягивающие веревки. Сети облепили его еще сильнее и лишили любой возможности двигаться.

— Привяжите его к столбу, — успокоившись, попросила Лимэй и кивнула на опору в центре комнаты. — Пусть перебесится.

Мужчины подтянули Кэшела к столбу. Юноша был силен, но в путах не повоюешь. Он лишь смог выпутать руки и дотронуться до пола.

— Эй, парень, — сказал один из горожан, — успокойся, и мы тебя отпустим.

На пороге в открытых дверях трактира появилась невысокая, худая фигура в черном плаще с надвинутым на лицо капюшоном. Присутствующие повернулись в ее сторону и затихли, увидев того, кто пришел.

Черный человек плавно вошел в комнату и остановился у безжизненного тела Тильфозы. Трактирщица слегка улыбнулась, и тут же ее лицо вновь стало непроницаемым.

— Кто покойник? — прошелестел из-под капюшона безжизненный голос, походивший на шум ветра в гниющих камышах.

— Вот. — Мужчина, в котором Кэшел узнал одного из постояльцев трактира, указал на стойку.

— Вы можете унести ее на моей столешнице, — предложила Лимэй. — Она может оказаться заразной, и хорошо бы ее срочно отсюда забрать.

— Тильфоза не болела! — закричал Кэшел. — Это ты убила ее, женщина!

Мужчины уже отделили крышку стола от ножек, поднесли столешницу к стойке и осторожно переложили туда тело Тильфозы.

Человек в капюшоне кивнул и вышел из трактира. Кэшел проводил взглядом одного из Девяти.

Мужчины с телом Тильфозы вышли за ним следом. Местные жители низко склонили головы, когда мимо них проносили умершую девушку, и тут же стали расходиться по домам.

Лимэй закрыла обе створки двери. Три постояльца, ночевавшие в общей комнате, тихонько переговариваясь, улеглись на матрасы.

Трактирщица еще раз взглянула на Кэшела, прежде чем задуть лампу. Но он не видел ее лица. Его душил гнев.

Адемий, которого никто из разбойников не считал набожным, встал на колени на теле многоножки и начал громко молиться. Вначале он обратился к Госпоже, потом призвал Пастыря, затем снова Госпожу. Разбойник читал молитвы так громко, что каждое слово отчетливо слышали все ехавшие на многоножке. Умолкнув на минуту, чтобы перевести дух, он с новыми силами обратился к Великим Богам.

Остальные разбойники слушали его молча.

Метрон лежал без чувств на теле гигантского насекомого. Он потерял сознание на последнем слове магического заклинания, когда во второй раз остановил окружавшую их мерцающую жидкость. Лицо его было мертвенно бледным, и лишь хриплое дыхание, со свистом вырывавшееся из груди, свидетельствовало о том, что волшебник жив.

— Жидкость опять нас нагоняет, — спокойно произнес Талемус. На его лице не отразилось ни малейших признаков волнения.

Жемчужная жидкость мерцала за деревьями с обеих сторон. Гаррик вспомнил, как в первый раз ему показалось, что это блестит на солнце вода. Он улыбнулся, подумав, что был бы не прочь так и остаться в неведении.

С тела многоножки было видно, как перламутровая жидкость, словно масло, обволокла жука, совсем недавно пробежавшего мимо них. Жук был величиной с небольшой дом. Но он не смог противостоять этому непонятному и опасному явлению. Лапки его рассыпались в пыль. Крылышки, расслаиваясь, распластались на жемчужной поверхности. Толстое тело жука корчилось в спазмах.

Гаррик наблюдал за мучениями насекомого, не отводя глаз от ужасной картины.

— Не могу сказать, что с нетерпением жду, пока эта жидкость доберется до меня, — заметил Вескей и посмотрел на Гаррика. — Что молчишь?

— Если ты ищешь, кто бы тебя убил прямо сейчас, то не на того напал, — с усилием выдавил из себя принц. — Обратись к кому-нибудь еще.

Атаман улыбнулся.

— Я сказал, что не стремлюсь ускорить встречу с этой водичкой. Но это вовсе не означает, что я боюсь ее.

— Она приближается, — по-прежнему спокойно сообщил Талемус. Теперь стало заметно, что его лицо вытянулось от страха.

Мерцающая жидкость потихоньку окружала их со всех сторон. Она продолжала двигаться с той же настойчивостью, что и раньше. Будто живое существо, уверенное, что если не получится сейчас, то следующая попытка увенчается успехом.

— Пора приводить в чувство нашего ученого друга. — Вескей, склонившись над Метроном, принялся трясти его за плечо.

Атаман действовал очень решительно, стараясь вернуть волшебника к жизни. Теперь их спасение зависело лишь от него. Все знали, на какой риск идут и что будет в случае неудачи. Но сейчас им грозила гибель не от меча Защитников и не от топора палача на плахе на центральной площади Дурассы. Метрон поплатится жизнью так же, как и все остальные. Поэтому он должен быть заинтересован в их спасении.

— Вставай, вставай, — пытался докричаться атаман до Метрона, встряхивая мага за плечо. — Пора опять начинать представление, мастер Метрон.

Волшебник слегка приоткрыл глаза и приподнялся на руке, сиюсья увидеть людей, стоявших возле него.

— В этом нет нужды, — простонал он. — Я использовал остатки порошка. Моя склянка пуста.

— Но ты же смог открыть нам портал сюда из Дурассы, — вдруг вспомнил Гаррик. — Попробуй сделать это еще раз и верни нас назад.

Метрон широко распахнул глаза, но тут же скорчился от боли. Вескей поддержал его за плечи, чтобы волшебник не свалился на землю.

Маг закрыл глаза. Затем вновь открыл их. Казалось, что он принял решение.

— Нет, нет, я не смогу вернуть вас назад. Но если мы уже близко от места назначения, то я попытаюсь открыть портал туда. Мне нужен свет. Подойдет лампа или факел.

— Тосий, неси сюда огниво, — приказал Вескей. — А ты, Адемий, тащи свои башмаки. Мы найдем лучшее применение их деревянным подошвам, чем просто топтать землю.

Адемий повернулся, прервав от удивления молитву.

— Какое лучшее применение? — потребовал он объяснений у атамана.

— Сожжем, чтобы выбраться из этого проклятого места, — прикрикнул на него Вескей. — Давай поворачивайся быстрее, брат Адемий.

— Я не... — начал было разбойник.

Тосий схватил его за шиворот.

— Быстро снимайте с него башмаки, Братья!

Испуганный Адемий бросил взгляд на мерцающую жидкость и, уже не сопротивляясь, беспрекословно сбросил башмаки.

Халофий подхватил их и вместе с Тосием отправился к атаману.

Тем временем Метрон уже окончательно пришел в себя. Он достал из сумки кисточку, горшочек с киноварью и нарисовал магическую фигуру.

Гаррик бросил взгляд в сторону. Мерцающая жидкость подобралась к ним совсем близко. Вескей уже без труда мог метнуть в нее дротик. Только их положение от этого вряд ли бы улучшилось. Жидкость, разделившись, словно река, на два рукава, окружала их. И когда оба потока соединятся, у них не останется шанса выбраться из смертельного круга.

Атаман торопливо счистил ножом грязь с башмаков Адемия, а затем принялся срезать с деревянных подошв тонкие стружки и кучкой складывать их в середине гексаграммы, которую нарисовал волшебник.

Метрон положил кольцо перед собой и поднял вверх жезл. По его команде Тосий высек искру. От нее загорелся пух моло-

чая, рассыпанный вокруг стружки, а следом огонь охватил и сухое дерево.

— Пико пикантрис сусенген... — запел Метрон, поднеся сапфир прямо к огню.

От драгоценного камня в небо устремились яркие лучики света.

Языки жидкости сближались друг с другом, перекрывая путь движущейся вперед многоножке. Насекомое продолжало бежать, не реагируя на приближающуюся мерцающую жидкость. Архай возбужденно заверещал, вращая над головой золотой жезл. Он спрыгнул на землю, рискуя быть растоптанным многоножкой. Но, похоже, это его уже не волновало.

Вескей посмотрел на Гаррика. Атаман до сих пор держал в руках нож, которым счищал грязь с башмаков Адемия.

— Не могу сказать, что расстроился из-за того, что мы лишились погонщика, — пошутил он, передавая Халофию последние стружки, чтобы тот поддерживал огонь.

Гаррик улыбнулся так, как прежде это делал Карус. Его улыбка напоминала оскал хищного зверя. Возможно, не только Архаю оставалось жить считанные минуты, но и им самим.

— Бафар бафриз сакса... — продолжал петь Метрон, направляя лучи света от сапфира на тело многоножки. — Нофрис нафра сакса...

Два потока мерцающей жидкости столкнулись, вверх полетели жемчужные брызги. Кольцо вокруг многоножки сомкнулось. Однако насекомое все так же двигалось вперед, навстречу разливающейся жидкости. Правда, может, чуть медленнее.

— Бароч баруча барбата...

Метрон не переставал петь, а его правая рука как заведенная ударяла по кольцу. Разрозненные голубые лучи соединились. Столб света упал на тело многоножки, и перед ними открылся портал.

— Братцы, пошли, вот оно! — закричал Вескей.

Адемей вскочил на ноги и рванулся к portalу. Остальные разбойники двинулись следом, но через несколько шагов остановились в нерешительности. Их одинаково пугало как про-

хождение через портал, так и окружавшая жидкость. Тело многоножки дрожало от приближающейся опасности.

Вескей встретился глазами с Гарриком. Оба понимали, что им грозит, если они останутся здесь. А с другой стороны, может быть, по ту сторону портала их поджидают еще большие кошмары.

— Вперед! — принял решение Гаррик. — Я пойду последним, как и в прошлый раз.

Атаман приблизился к portalу, сделал решительный шаг в него и исчез. Хейм и Халофий последовали за ним. Гаррик жестом указал на портал Талемусу. Молодой человек поколебался несколько секунд, но последовал вслед за Прадой в неизвестность.

Гаррик стоял возле волшебника, не спуская с него глаз. В руке он держал обнаженный меч, словно позабыв убрать его в ножны. Разбойники один за другим прыгали в портал и исчезали. Некоторые шептали молитвы. Лишь Тосий все еще стоял рядом с Гарриком.

Многоножка внезапно попятилась назад. Гаррик пошатнулся. Метрон попытался встать. Но юноша без колебаний приставил меч к горлу волшебника, заставив его остаться на месте.

— Тосий! — приказал он. — Вперед!

Но разбойник так и не смог пересилить страх и шагнуть в магическую воронку. Он развернулся и с криком спрыгнул на землю, подняв над головой топор.

— Я убью тебя!

Его крик тут же перешел в завывания и вопли. Постепенно они перестали походить на звуки, производимые человеческим горлом.

— Прошу, — взмолился Метрон. Огонь догорал. Портал держался лишь благодаря последним лучам света, отбрасываемым сапфиром. — Прошу, а то...

Гаррик схватил волшебника левой рукой за шиворот и прыгнул вместе с ним в портал.

Они понеслись, как и прежде, сквозь колючий замерзший воздух космических миров.

В портал не проникало ни единого звука. Но ужасные крики Тосия продолжали звучать в голове у Гаррика. Он знал, что страшная смерть товарища навсегда останется в его памяти.

— Итак, господа. — Король, повернувшись лицом к морю, посмотрел в сторону западной бухты. — Я разделяю мнение адмирала Зеттина в отношении того, что Лердок привел сюда армию, превосходящую по численности пятнадцать тысяч солдат. Но меня это не удивляет.

Там, куда смотрел Карус, стояли на якорях сотни кораблей неприятеля. Почти все они еще недавно были обычными торговыми судами. Но сейчас их использовали для перевозки сотен людей, правда, без особого комфорта, и артиллерийского вооружения. Флот Блэйза сопровождали два десятка трирем. Так что вряд ли у графа Лердока было больше боевых кораблей, чем в королевском флоте, когда Гаррик, а теперь Карус, пришел к власти.

Можно управлять одним островом, имея в подчинении лишь полк солдат. Но если ты правитель королевства, то только флот сделает тебя королем.

— Я не ослышался? Вы не усомнились в сведениях, которые сообщил лорд Зеттин? — осмелился прервать раздумья Каруса начальник его личной стражи. Именно он предложил в свое время доверить Зеттину, бывшему старшему офицеру своего отряда, командование королевским флотом.

— Разве я что-то не так сказал? — задумчиво промолвил Карус. — Мне казалось, что я все же чему-то научился за это время. С тех пор как...

Он внезапно замолчал и потрепал Шарину по щеке. Наверное, такие нежности могли показаться странными высшим офицерам королевской армии. Особенно в тот момент, когда они наблюдали, как неприятельская армия готовится к битве. Но пусть их лучше удивляет эта ласка, чем те слова, которые едва не сорвались с языка Каруса:

— С тех пор как я утонул тысячу лет назад.

Лицо короля смягчилось. Лишь на лбу остались хмурые складки. Он еще раз похлопал Шарину по щеке и продолжил:

— Я хотел сказать, с тех пор как впервые приехал в Вэллис. Правда, вначале мне казалось, что Зеттин ошибается.

Если бы королевские триремы встретились с купеческими судами Блэйза в открытом море, то лишь безоговорочная капитуляция могла спасти армию противника от разгрома. Но удача, а точнее, действие магических заклинаний обеспечило графу Лердоку хорошую погоду, необходимый запас времени и отличную маскировку во Внутреннем море. Кто-то очень могущественный сплел хитроумный план и привел его в действие с таким же мастерством, с каким Илна переплетала нити, создавая свои рисунки.

Шарина и вся королевская свита сопровождали Каруса верхом на лошадях. Невзирая на возражения короля, лорд Аттапер настоял на привлечении дополнительной охраны. И теперь вместе с ними, кроме отряда Кровавых Орлов, шагали четыре отряда застрельщиков и копьеметателей. Свита была вынуждена сдерживать своих лошадей, чтобы солдаты не выдохлись. Застрельщики, конечно, не смогут разгромить армию Блэйза в случае ее неожиданного нападения. Но они сумеют сдержать неприятельские войска до тех пор, пока королевская армия не прибудет на берег для защиты короля и его свиты.

— Мы можем атаковать войска графа Лердока прямо сейчас, — решил предложить план действий лорд Довус. Двоюродный брат лорда Валдрона, в прошлом командир кавалерии, теперь он руководил полком Вэллиса. И ему не терпелось проявить себя в этой военной кампании. Лорд махнул рукой в сторону кораблей Лердока, севших на мель, как только начался отлив. Солдаты толпились возле них, как пчелы возле ульев. — Прежде чем они успеют построить укрепления и разбить лагерь, мы их вырежем.

— Нет, — возразил лорд Аттапер. — Будет резня, в этом ты прав. Но...

— Кто ты такой, чтобы... — перебил его Довус. Он прищипнул свою лошадь, чтобы обогнать обидчика и взглянуть ему в лицо. Животное, еще недавно принадлежавшее местному крестьянину и слишком маленькое для крупного кавалериста, упало на колени. Всадник соскочил с седла на землю и, выхватив меч, бросился к Аттаперу.

— Если ты не уберешь меч в ножны, Довус, — остановил его грозный голос Каруса, — то будешь первым, кого я убью на Тизамуре. Запомни!

— Как? — переспросил лорд Довус, повернув голову в сторону короля. Жестокость слов поразила его. — Ваше Величество, я не замышляю против вас ничего дурного. Я только...

— Молчать! — прикрикнул на него Карус.

Все это время Шарина ни на шаг не отходила от короля. Она опасалась, что очередная вспышка гнева может привести его к приступу бешенства. Карус злился, что флот неприятеля смог заманить их в ловушку.

И если Довус или кто-нибудь еще ослушается сейчас воли короля, то Карус может выместить на нем весь свой гнев. А это привело бы к ненужным жертвам.

Лорд Аттапер спешился, поймал за уздечку лошадь Довуса и, как ни в чем не бывало, произнес:

— Позвольте посадить вас в седло, милорд!

Теперь пришла очередь Шарины потрепать короля по щеке.

— Ваше Величество, — прошептала она.

Карус запрокинул голову и захохотал. Девушка понимала, что это был искренний смех. Но резкая смена настроения короля привела его офицеров в недоумение. Ведь еще недавно он был в таком гневе.

— Твое предложение было еще глупее, чем мое решение привести сюда армию, лорд Довус, — успокоившись, пояснил Карус причину своего гнева. — Но и одной ужасной ошибки вполне достаточно для провала всей военной кампании.

Он кивнул в сторону флота противника.

Граф Лердок привез с собой лошадей для кавалерии, доверившись своему опыту военачальника или совету того волшебника, который призвал им в помощь попутные ветра. Поэтому его полк застрельщиков, передвигаясь верхом, мог быстро организовать оборону. А тем временем тяжелая пехота, построившись на берегу в боевые порядки, будет готова нанести ответный удар.

— Это бы привело к очередной неразберихе и панике, — грустно улыбнулся король. — Чего бы мы добились, если бы

бросились на них прямо сейчас? Особенно если их лучники начнут стрелять в нас с палуб. Ведь каждый корабль — это маленькая крепость, вокруг которого ров — открытое море.

— Ваше Величество... — заговорил Довус, но тут же замолчал. Потом перевел взгляд на другого собеседника. — Лорд Аттапер, примите мои извинения. И спасибо за то, что помогли мне сесть в седло.

Шарина оглянулась. Застрельщики, свирепого вида и огромного роста солдаты, вооруженные дротиками, копьями, топорами или огромными ножами, заняли весь холм. В основном это были наемники с разных островов, ведущие кочевой образ жизни. Охотники и пастухи, привыкшие пускать в ход оружие, чтобы выжить в суровых условиях, отбирались и зачислялись в эти отряды. Они принимали на себя главный удар врага, отвлекая его от передвижений основной армии.

Еще дальше Шарина рассмотрела полки, строившиеся в фалангу. Если их неожиданно атакуют, они будут готовы к бою. Восемнадцатифутовые копья угрожающе качались в разные стороны, как иглы ядовитой гусеницы. Бронзовые шлемы блестели под лучами солнца. В руках солдаты держали плоские круглые щиты. Их плотно сомкнутые ряды с опущенными вниз пиками являлись надежной защитой для армии.

Тяжелая пехота была оставлена защищать тыл. Но с того места, где находилась Шарина, она не могла ее видеть. Солдат туда набрали из крестьян Орнифола и снабдили новым оружием. Они гордились своим положением перед легкой пехотой, в состав которой входили гребцы трирем. Тяжелая пехота составляла ядро королевской армии. И она уже не раз доказывала в бою свою отвагу и смелость.

— Аттапер, — обратился король к начальнику стражи, — как ты полагаешь, Лердок закончит строительство лагеря и укреплений прежде, чем решит выступить против нас?

— Не думаю. Но сегодня он точно не выступит. — Командир Кровавых Орлов тщательно подбирал слова. — Хотя граф Лердок всегда стремителен в своих действиях. Впрочем, он бы не прибыл сюда, если бы не был таковым.

Карус ухмыльнулся.

— Точнее не скажешь.

— Граф не станет дожидаться, пока построят необходимые укрепления и разобьют лагерь. Но он захочет полностью высадить на берег всю армию, разгрузить корабли, построить солдат в боевые шеренги, чтобы повести их на врага.

— Я тоже так думаю. — Карус согласно кивнул. — Что ты скажешь, если я заберу у Валдрона оставшиеся войска и перебросаю их от стен Доннела сюда?

Внимательно прислушивавшиеся к их разговору офицеры нахмурились и начали озабоченно переглядываться друг с другом, ошеломленные решением Каруса.

— Вы, конечно, шутите, Ваше Величество? — наконец осмелился уточнить слова короля лорд Мачон, командовавший дивизионом фаланги.

В его голосе звучала надежда на то, что это предложение действительно окажется шуткой. Он, как и все присутствовавшие здесь офицеры, знал о принце Гаррике лишь то, что раньше тот был обычным пастухом.

— Полки осаждают Доннел. Они удерживают в его стенах восставших горожан и прибывшее им на подмогу народное ополчение. — Аттапер знал принца лучше остальных, и старался разъяснить ему пагубность высказанного предложения. — Если вы отзовете армию и перебросите ее сюда, то восставшие объединятся с союзниками и нападут на нас.

Он развел руками.

— Их будет примерно вдвое больше, чем нас.

Офицеры зашептались. Кое-кто вздохнул с облегчением, когда лорд Аттапер решил изложить королю их общую позицию. Даже женщина смогла бы понять, что у принца Гаррика слишком мало военного опыта, чтобы доверить ему единоличное командование армией.

— Да, — зловеще улыбнулся Карус и обвел взглядом своих военачальников, словно кобра, приготовившаяся к прыжку. — Восставшие выйдут из Доннела. И мы перебьем их, пока они будут пытаться соединиться с союзниками. Нужно будет перебить как можно больше людей в этот момент, а всех остальных просто разогнать. Если все пойдет хорошо, то мы сможем вой-

ти в город, прежде чем оставшаяся в живых кучка трусов попытается закрыть ворота. Но с этим можно и подождать.

Лорд Довус стоял позади всех, держа лошадь под уздцы и не желая привлекать внимание короля к своей персоне. Но последнее заявление Каруса повергло его в еще большее недоумение, чем прежде, и он не смог сдержаться.

— Но граф Лердок, — пролепетал он, — попытается... Здесь всего лишь три мили до Доннела. Лердок атакует нас, пока мы будем сражаться с повстанцами Доннела и...

— Мы оставим здесь два полка тяжелой пехоты, чтобы сдерживать Лердока, — прервал его рассуждения Карус. — Этим займется Валдрон. Фаланге проще сменить место дислокации. Она легко сметет ополчение и защитников Доннела. Остальные полки тяжелой пехоты будут защищать фланги, а копьеметатели заставят выживших пуститься в бегство и не позволят им соединиться с армией Лердока.

Король ударил кулаком по левой ладони.

— Мы сокрушим их, — повторил он. — А затем обратим в бегство Лердока, пока он будет отбиваться от полков тяжелой пехоты лорда Валдрона.

— Может, мне повезет, и Госпожа укроет меня своим покрывалом, — тихо взмолился один из офицеров. Все замолчали.

Шарина похолодела. Именно так описывали тактику короля Каруса древние летописцы, когда в стремлении сокрушить врага он проявлял невиданную жестокость.

«Двадцать тысяч кабанов будут зарезаны сегодня на рассвете. Они будут верещать, и на землю, которая и так пропитана кровью, прольется еще больше крови, правда чужой...»

— Ваше Величество! — Аттапер предпринял очередную попытку защитить государство от бессмысленного поступка. — Мой принц... Конечно, граф Лердок предатель и изменник. Он предал вас и Острова. Но, кроме всего прочего, Лердок отличный полководец. Если граф поймет, что у лорда Валдрона под командованием всего два полка, то он сокрушит их и ударит нам в спину.

— Будем надеяться, что он не настолько скор. — В глазах Каруса светилась холодная ярость. — Тяжело построить войс-

ка в боевые порядки, когда на тебя нападут неожиданно. Ты должен это знать.

— Но ведь у Лердока есть кавалерия, — вновь вмешался в разговор лорд Довус. — Может, он и не сможет выставить против нас сразу всю тяжелую пехоту. Но его застрельщики на лошадях смогут сдерживать наше наступление до подхода подкрепления.

— Я выполню приказ короля и поведу фалангу вперед на врага. Вы увидите меня в деле и поймете, что я не трус. — Лорд Мачон решил использовать последний аргумент, чтобы убедить короля отказаться от своего замысла. — По вашему плану мои солдаты атакуют мятежников Доннела, когда те выйдут из города. Но если мы вступим в бой, наши тылы уже некому будет защищать.

— Замолчите! — крикнул король.

Он вцепился правой рукой в рукоять меча и силился превозмочь свою ярость. Неверие подчиненных в успех его плана взбесило Каруса.

— Вы будете выполнять то, что я прикажу, — сдерживаясь, сквозь зубы процедил он. — Другого выхода у нас нет. Или вы можете предложить мне что-то еще?

— В нашем положении, — выступил вперед мастер Ортрон, представитель палаты общин, командовавший одним из дивизионов фаланги, — ни один из предложенных планов не работает, или пусть Сестра заберет мою душу.

Он раздраженно фыркнул и прибавил:

— Но вряд ли ей это удастся.

— Посмотрим, — рявкнул Карус на своих офицеров. Он пришпорил коня и поскакал в сторону лагеря. Туда, где находился королевский флот.

— Ваше Величество, — окликнула его Шарина и, пришпорив лошадь, поскакала вслед за королем. Девушка была не слишком хорошей наездницей. В деревушке Барка у нее не было возможности упражняться в верховой езде.

Карус не сбавлял хода. Побледневший лорд Аттапер взмахом руки приказал своему отряду немедленно следовать за королем.

— Брат! — изо всех сил закричала Шарина.

Карус оглянулся через плечо и резко повернул назад так, что спешившая следом охрана едва не врезалась в него. Из-под копыт королевской лошади полетела галька. В воздух поднялось облако пыли и песка.

— Лорд Аттапер, я хочу поговорить с братом наедине, — потребовала Шарина.

Командир стражников бросил на нее сердитый взгляд, а затем мрачно кивнул.

— Первая линия охраны, займите место впереди на расстоянии пятидесяти шагов от короля. Остальные на таком же расстоянии позади, — скомандовал он.

Карус дождался Шарину, и они поехали рядом.

— Это совсем не то, чего бы я хотел, девочка, — заговорил король, поглядывая на лагерь. Он находился уже совсем близко, всего в полумиле от них. — Но у нас нет другого выхода. Так сложились обстоятельства.

Он нахмурился.

— Признаю, я сделал ошибку, когда привел сюда армию.

Карус встряхнул головой и выпрямился в седле. В его глазах загорелся огонь. Шарина вновь увидела перед собой энергичного человека, готового действовать. В молодом теле Гаррика находился человек, которому тяготы и ужасы войны были ближе, чем заготовка дров.

— Что это? — поинтересовался король, увидев приближающихся к ним со стороны лагеря солдат из отряда Кровавых Орлов. Они несли портшез. Прищурившись, Карус разглядел в переносном кресле Теноктрис. — Если она решилась покинуть свое убежище, значит, узнала что-то такое, что не терпит отлагательства. И я сомневаюсь, что это хорошие новости.

К солдатам, тащившим старую волшебницу, присоединились еще четыре стражника из первой линии королевской охраны. Они прикрыли щитами женщину и своих товарищей на случай, если лучникам неприятеля придет в голову поупражняться в стрельбе по движущейся мишени. Лорд Аттапер выругался, проклиная беспечность Теноктрис, охрану которой тоже обеспечивали его солдаты.

— Карус, — понизила голос Шарина, стараясь закончить их разговор прежде, чем к ним доставят волшебницу. — Даже если ты выиграешь эту битву...

— Я сделаю это, девочка, вот увидишь, — нетерпеливо обрубал ее король. — Я видел, как тренировалась фаланга. Именно от нее все зависит. Как она прорвется через укрепления неприятеля, у нас будет время ударить по графу Лердоку. Они смогут, вот увидишь...

— Карус, если ты выиграешь сражение такой ценой, это будет равносильно поражению, — не сдавалась Шарина. Она держалась очень спокойно, говорила ровно, не повышая голоса. — Даже если из нашей армии никто не погибнет, восставшие понесут такие ужасные потери... Будет столько крови, что в ней утонет все королевство. Такая бойня войдет в историю Островов, как было и прежде, во времена твоего правления.

Карус молчал. По его непроницаемому лицу девушка не могла догадаться, о чем он думает. Сейчас король напоминал свой портрет, отчеканенный на монете.

Шарина немного испугалась, что он может неправильно понять ее слова. Когда она вновь обратилась к Карусу, ее голос дрожал:

— Гаррик никогда не стал бы так делать, Ваше Величество. Мой брат не выбрал бы такой путь решения проблемы!

— Пусть Сестра заберет тебя, дитя! — не выдержал древний правитель. — Я не сам так решил! Просто нет другого выхода, когда мы здесь, а они...

Он сжал рукоять меча, выхватил его из ножен и с остервенением принялся размахивать им, словно прокладывая себе дорогу сквозь ополчение графа Лердока.

— И не смей говорить, что войска должны покинуть остров, — прибавил он, чуть успокоившись. — Лердок атакует нас, как только мы начнем сборы. Я брошу на растерзание часть своей армии, пытаясь спасти другую. И с того самого момента, как нас нагонят солдаты Блэйза, королевство перестанет существовать.

Портшез, в котором сидела Теноктрис, уже поднесли к первой линии охраны короля. Кровавые Орлы остановили его и

после соблюдения небольших формальностей, услышав пароль и сообщив отзыв, пропустили к Карусу.

Король выругался и направил свою лошадь к Теноктрис.

— Если ты еще хоть ненадолго удержишь мою советницу, подполковник Атонп, — обратился он к командиру подразделения охраны с угрозой в голосе, — то я заставлю тебя всю оставшуюся жизнь убирать за мулами. Что продлится недолго, судя по тем обстоятельствам, в которых мы находимся.

Он спешил и поклонился Теноктрис, жестом приказав солдатам опустить портшез на землю. Шарина последовала его примеру. Ее очень обрадовала возможность вновь ощутить под ногами твердую землю.

Стражники плотным кольцом окружили короля и двух женщин. Атапер властным жестом отослал их на прежние позиции. Начальник королевской стражи понимал, в каком настроении находится Карус, которому предстояла не слишком приятная беседа с принцессой и старой волшебницей. Лишние уши здесь были совсем ни к чему. К тому же неприятель еще не высадил на берег свои полки, которые могли представлять реальную угрозу для королевских особ.

— Простите, что воспользовалась портшезом и заставила вас нервничать, — извинилась Теноктрис, — но у нас слишком мало времени. Если, конечно, я все правильно поняла.

Старая волшебница улыбнулась и слегка пожала плечами. Шарина заметила, что старая женщина похожа на тяжело больную, которой необходим постельный режим и сиделка.

— Ваше Величество, вас загнали в ловушку, — продолжила Теноктрис. — Это прямая угроза для всего королевства.

Карус выпрямился. На лбу короля появились хмурые складки.

— Да, похоже, — не сумев сдержаться, резко подтвердил он. — Армия Блэйза уже высаживается на берег. Боюсь, что твое известие запоздало.

Король глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться, но не смог. Гнев продолжал душить его.

— Если бы огляделась вокруг, то поняла бы все без заклинаний и волшебных книг!

— Лишь благодаря магии мне удалось рассмотреть то, что не лежит на поверхности, — не обращая внимания на гнев короля, спокойно произнесла волшебница. Шарина всегда восхищалась умением старухи сохранять хладнокровие в любой ситуации. — Здесь целых три капкана, поставленных на нас. Сам город, который вы пришли покорить. Армия с севера, которая тоже доставляет вам некоторое неудобство...

Короля поразило слово «неудобство». Теноктрис очень тщательно подбирала слова, прежде чем произнести их вслух.

— И третью, самую опасную ловушка, я так и не смогла увидеть. Я лишь чувствую, что она есть.

Теноктрис стояла на ногах до самого конца, пока не окончила свою речь. Так полагалось по этикету при беседе с королем. Но когда она вновь опустилась в портшез, то чуть не потеряла сознание. Ее веки дрожали, но она не закрыла глаза и даже смогла улыбнуться.

— Нам противостоит великий волшебник, превосходящий меня по силе. Но это все, что мне удалось узнать. Он, она или это нечто обладает колоссальной магической силой. И мои заклинания не могут проникнуть через его защиту, чтобы рассмотреть, чего нам следует бояться.

У северных ворот лагеря послышался какой-то шум. Несмотря на приличное расстояние, отделявшее их от того места, Карус, присмотревшись, сообщил:

— Зеттин решил сам приехать ко мне, раз я не спешу к нему.

— А может, нам противостоит не один чародей, а все Дети Владычицы? — спросила Шарина. — Может, именно это ты и увидела, Теноктрис?

Старая волшебница покачала головой.

— Нет, все, что здесь происходит, спланировано кем-то одним. Тем, кто умеет плести запутанные рисунки. Подобно Илне. Дети Владычицы и секта Лунной Мудрости — это лишь умело подобранные нити. Так же как и Союз Запада, и граф Блэйза. Их жизни — нити в искусных руках.

Карус насмешливо фыркнул и поставил левую ногу в стремя, собираясь вскочить в седло.

— Готов поспорить, что Илна сумеет распутать этот рисунок. Что же касается нитей, как ты их назвала, то к завтрашнему утру они не будут представлять для нас опасности!

— Га... — Теноктрис запнулась. Она слишком устала, чтобы вступать в спор. — Карус, ты не должен выступать против них первым, пока мы не выясним, в чем заключается третья опасность. Пойми, именно этого и хотят твои враги.

— Я никогда не сидел, сложа руки, ожидая, пока на меня нападут! — бросил Карус через плечо звенящим от злости голосом. — Я не буду терять время понапрасну. И вижу лишь один выход из положения.

— Гаррик не стал бы...

— Твой брат много чего не стал бы делать! — перестал сдерживаться Карус. — Ты еще не забыла, что раньше он был пастухом и простым крестьянином! Так чего ты хочешь от меня? Чтобы я сразился с Лердоком в кости?

— Я хочу, чтобы ты стал королем Островов, — произнесла Шарина, уперев руки в бока, — вместо того чтобы как раздраженный мальчишка бросать книжку в огонь, если ему что-то непонятно.

Лорд Аттапер, до которого донеслись ее последние слова, не сдержался и хмыкнул.

Карус грозно свел брови. Девушка опять пристально посмотрела на короля и прибавила:

— Кроме того, Лердок — толстый, дряхлый старик. Это будет нечестная схватка.

Король помедлил несколько минут, затем шагнул вперед, обхватив одной рукой Шарину, а другой Теноктрис. Сейчас он вновь напомнил девушке брата.

— Хорошо. — Карус засмеялся от мысли, внезапно пришедшей ему в голову. — Я понимаю, король Островов не может играть нечестно.

Он покружил женщин, поставил их на ноги и чуть отошел в сторону, чтобы взглянуть на них.

— Да, граф стар, но у него есть сын, Лердиан. Он молод, и это уравнивает наши шансы.

— Я слышала об этом, — осторожно, пытаюсь понять замысел короля, произнесла Шарина. — У Лизйн, наверное, есть более подробные сведения о нем.

— Мне не нужны подробности, — усмехнулся Карус. — Мне нужна симпатичная девушка, которая умеет плавать. Ты умеешь, сестра?

— Как рыба, — уверенно ответила Шарина, даже не задумавшись. Она ответила так, словно у нее спросили, какого цвета ее волосы.

— Тогда, скажу по секрету, — прошептал ей на ухо Карус, — возможно, мы сможем спасти королевство и без кровопролитной битвы.

Он протянул руку Теноктрис, помогая старой волшебнице сесть в портшез. Затем посадил в седло Шарину. Взобравшись на своего коня, король окинул взглядом свой лагерь и засмеялся, как пленник, которому представился шанс получить свободу.

Глава девятнадцатая

Холодная вода сковала мышцы. Туннель, по которому текла река, оказался не таким узким, как проход между ним и храмом. Задержав дыхание и упираясь руками в каменные стены, Илна двигалась под водой вперед.

Она не знала, идет ли Алекта следом. И не думала о том, хочет ли, чтобы дикарка тоже спаслась. Их шансы на спасение сейчас уравнились. Илна не могла притворяться и лгать самой себе. Смерть дикарки волновала ее не больше, чем жизнь.

Пальцы окончательно онемели. Сердце колотилось так, что, казалось, готово выскочить из груди. Легкие словно заполнились огненными шариками, которые разрывали их, пытаясь вырваться наружу. Красные точки плавали перед глазами. Ни разу в жизни она не испытывала такого страха. Героическим усилием воли девушка попыталась успокоиться. Внушая себе, что все будет в порядке, она упорно двигалась вперед.

Сознание помутилось. Илна уже не понимала, поднимается ли каменное дно вверх или идет вниз. Из последних сил, цепляясь пальцами за скользкие камни и ударяясь в них то плечом, то боком, то коленкой, она заставляла себя идти дальше.

Эти несколько минут были самыми страшными в ее жизни. Но вот вода вокруг Илны посветлела, и голова вынырнула на поверхность. Она судорожно вытолкнула из легких остатки воздуха, глубоко вдохнула и опять задержала дыхание, вряд ли понимая, зачем это делает. В воздухе не было ощущения опасности. Он просто пах жизнью. Девушка часто задышала, испытывая безграничную радость от каждого глотка воздуха.

Алекта с шумом всплыла на поверхность позади нее, подняв в воздух веер брызг.

— Пусть Сестра заберет меня! — выкрикнула она, задышась. — Свора может обглодать мое тело до костей, если сейчас я не счастлива оттого, что могу дышать.

Илна слегка ударила дикарку по плечу. Но, дотронувшись до каменной стены, вновь ощутила панику. Теперь это лишь позабавило ее. Ведь еще несколько минут назад, когда она уже была готова утонуть, ради спасения ей пришлось цепляться за стены каменного туннеля. В тот момент Илна не чувствовала ужаса от этих прикосновений. Такое случилось с ней впервые. И не шло ни в какое сравнение с тем, что происходило до сих пор.

Алекта сбросила с себя всю одежду, чтобы протиснуться через туннель. Нагота не смущала ее. Ловко цепляясь за каменные выступы, она без труда выползла на берег. В руке у нее был зажат кинжал, который она не выпустила, находясь в воде. Не обращая внимания на попытки компаньонки выбраться на сушу, дикарка взяла оружие на изготовку и принялась осматриваться.

Ильне пришлось подпрыгнуть несколько раз вверх, прежде чем удалось зацепиться и вылезти из воды. Девушка улыбнулась от мысли, которая неожиданно пришла ей в голову: «Вряд ли мне захочется вспоминать то, что сейчас со мной происходит. Но если я здесь утону, эту историю вообще никто не услышит».

Здесь хватало света, чтобы рассмотреть место, куда они попали. А может, все дело в том, что их глаза уже привыкли к тем-

ноте. Эта пещера оказалась намного больше той, в которой помещался храм. Куполообразный свод находился так высоко, что Илна с трудом смогла бы добросить до него камень. На полу росли грибы и лишайники, расползаясь по стенам и потолку. От них по пещере распространялось бледное фосфоресцирующее мерцание. Но и при этом свете глаза опытной прядильщицы могли рассмотреть не только цвета, но и оттенки растительной жизни. Так, темно-желтому грибу с вытянутой шляпкой не хватало зелени, избыточной у его соседа.

— Как думаешь, отсюда есть выход наверх? — нарушила молчание Алекта, постаравшись придать голосу непринужденный тон. Дикарка простукивала рукоятью кинжала стену пещеры. Ее пальцы утопали в плесени. — Как же нам отсюда выбраться? Должен же быть еще какой-то ход.

— Не имею ни малейшего понятия. — Илна подозревала, что из пещеры есть только один выход, тот, по которому они сюда добрались. Она также не сомневалась, что землетрясение, вызванное Алектой, похоронило долину вместе с храмом, деревней и ее жителями.

Но что толку в том, что она понимала это. До сих пор Илна не слишком верила в то, что одни неприятности притягивают другие. Особенно если начинаешь думать о них. Но сейчас, будучи погребенной в каменной могиле, она была почти убеждена в этом.

Громкое стрекотание кузнечика отвлекло девушку от грустных мыслей. Пещерный житель размером с крупную мышь сидел на зеленом грибе. Его длинные тонкие задние ноги стряхивали вниз крупные белые споры.

Задумчиво рассматривая странное насекомое, Илна отжимала шелковые нитки, которые достала из рукава. Раз за разом пропуская их сквозь пальцы, девушка пыталась сообразить, что делать с мокрой туникой. Наконец она решила, что на теле одежда высохнет быстрее, чем на камне во влажном воздухе пещеры. Этот процесс можно ускорить, если ее отжать.

— Согласись, сейчас наше положение намного лучше, чем прежде, — вызывающе заявила Алекта. Ее слова эхом разнеслись по пещере.

— Все стало еще хуже после того, как ты убила священника, — попыталась осадить ее Илна. — Но мы не можем изменить прошлое. Поэтому теперь нужно думать, как отсюда выбраться. Я займусь этим, как только передохну.

Девушка сказала это спокойно, внимательно наблюдая за действиями дикарки и держа наготове петлю на тот случай, если Алекта захочет пустить в ход кинжал. Илна не знала, что будет делать с компаньонкой, когда обезоружит ее. Но наверняка сможет что-нибудь придумать.

— Тьфу, — сплюнула Алекта и, круто развернувшись, направилась в глубь пещеры.

Илна подумала, что дикарка собирается лечь, но та принялась с увлечением изучать круглые шляпки грибов.

Девушка нахмурилась и тоже начала рассматривать пол и стены пещеры. По светившейся в сумраке растительности ползали насекомые, очень похожие на тех, что она привыкла видеть на поверхности земли. Только эти были значительно крупнее своих земных сородичей. А не обитают ли в пещере и «божественные твари»? Но никаких следов присутствия чудовишных саламандр в подземелье она не обнаружила. Хотя, возможно, после того, как огромная тварь погибла, ее меньший сородич и приползет на это место.

Илну беспокоили мысли о еде. Вполне может быть, что вездесущие грибы окажутся съедобными. По крайней мере насекомые живут на них и размножаются. Девушка подумала, что на худой конец съест гигантского сверчка. Ела же она крабов, которых ловила у берегов реки в Барке.

Но тогда у нее была возможность запечь их на углях. А здесь Илна не видела никакой возможности развести огонь. От мысли о сыром кузнечике ее передернуло.

— Вот это да, клянусь Сестрой! — в восторге завопила Алекта. Она вскочила на ноги и повернулась к Илне, зажав в руке нож. В первый миг девушке показалось, что дикарка собирается наброситься на нее.

Но лишь показалось. Алекта держала нож как лопатку, чтобы показать подруге по несчастью темные споры, которые только что вытрясла из гриба. Для Илны они ничего не значили.

— Никогда еще не видела таких крупных, — радовалась Алектa. — Это споры грибов-путешественников, или я не женщина!

— Их что, можно есть? — Илна предпочла не обострять отношений с дикаркой, хотя не совсем понимала, о чем говорит Алектa.

Ей было непонятно, чему так радуется компаньонка. Что подразумевалось под заявлением дикарки, что она никогда не видела «таких крупных»? Может, Алектa имела в виду, что шляпки грибов размером с голову борова?

— Нет, с их помощью можно перемещаться, — снисходительно начала объяснять Алектa. Похоже, дикарка нашла ту силу, которая доставила ее сюда. — Теперь мы снова можем попасть в мир снов.

— Я не вижу, чему ты радуешься, — перебила ее Илна. — По твоим словам выходит, что ты можешь отправить наши души в мир снов. А как забрать наши тела? Они же останутся здесь.

— Правильно, — с торжеством заявила Алектa. — Я найду другую...

В тот же момент ее лицо исказилось судорогой. Она поняла, что чуть не проговорилась. Дикарка быстро исправилась:

— Вначале я отправлю тебя. А потом сама последую за тобой туда, откуда мы сможем выбраться.

— И что, окажемся в том месте, где ты найдешь следующую жертву? — язвительно поинтересовалась Илна. — Не утруждайся. Меня уже и так мучает совесть за все твои прошлые деяния.

Дикарка взвилась от бешенства и подскочила к Ильне. Та попятилась.

— Хочешь сказать, что ты лучше меня? — зло выкрикнула Алектa. — Думаешь, я не знаю, какая ты?

— Вряд ли паук лучше ласки. — Илна вцепилась обеими руками в петлю. — Но я хотела сказать, что мы совершенно разные.

— Думай, как хочешь. Можешь оставаться в пещере и умирать среди этой плесени. А я собираюсь выбраться отсюда.

Алектa круто повернулась и отошла к каменной стене.

Илна попыталась успокоиться и отвлечься от происходящего. Сейчас ей просто необходим был отдых, даже больше, чем

еда. Если бы удалось выспаться, она смогла бы последовать по линиям рисунка.

Илна легла на пол пещеры, положив под голову шляпку гриба. Подушка получилась жесткой, но все же лучше, чем мокрая туника, которую она так и не отжала. Оставалось лишь ждать...

Она предполагала, куда приведет ее узор из переплетенных нитей. Похоже, ей предстоит очутиться в аду, заполненном серыми пауками, которых она увидела в глазах мертвеца еще в Вэллесе.

Алекта поймала кузнечика и распоролла ему брюшко. Неужели у насекомых тоже есть кровь? Наверное. Должна быть. Если ее компаньонка намерена использовать кровь в магии, пусть это будет кровь насекомых.

Дикарка потрясла шляпкой гриба вокруг себя и той фигуры, что нарисовала на полу. Тишину, царившую в пещере, нарушил хриплый от злости голос. Заклинание звучало все громче.

Споры, которые Алекта вытрясла из грибной шляпки, рассыпались и возле Илны. У них оказался резкий, но на удивление приятный запах. Сознание затуманилось. Ей показалось, что она очутилась на вершине холма, заканчивающегося воронкой, такого же, как в деревне Барка за мельницей. Девушка почувствовала, что скользит вниз по склону и хотела остановиться и вползти назад, но не могла пошевелить ни руками, ни ногами. Оставалось только покориться судьбе. На дне воронки виднелась дыра. И Илна знала, что ждет ее по ту сторону.

Дикарка пела. Илне очень хотелось расхохотаться. Но судьба сложилась так, что сейчас она была всего лишь безмолвным наблюдателем. Она будет тянуть нить в свою сторону, а Алекта — в свою. Никто не сможет изменить того, что уже сплетено.

Илна полетела вниз еще быстрее. Она не стала закрывать глаза и видела, что в пещере ничего не изменилось. Просто все замерло — камни, насекомые, грибы.

Только на потолке пещеры теперь сидел паук размером с голову человека, спуская вниз блестящую нить, заканчивавшуюся петлей. Он плел паутину для следующей жертвы и смотрел на Илну немигающими глазами.

Мир, до сих пор окружавший Илну, исчез. Осталась лишь липкая серая мгла. Девушка почувствовала, что ее тело взлетает вверх.

Гаррик выпал из портала прямо на камни. Невдалеке шумело, разбиваясь о берег, море. В небе кричали птицы.

Он лежал лицом в траве, и перед глазами покачивались маленькие белые цветочки. Если бы ему не удалось пройти через портал Метрона, то стебли травы сейчас были бы толщиной со ствол юкки. Но Гаррика слишком утомил переход, чтобы он мог вздохнуть с облегчением, осознав этот факт.

Конечно, ему было намного лучше, чем неподвижно лежавшему на траве рядом Метрону. Гаррик приложил пальцы к его щеке и убедился, что волшебник жив.

Где-то совсем рядом раздавались голоса разбойников. Гаррик приподнялся на локтях. Ноги все еще отказывались держать его.

— А, так вот ты где. — Вескей склонился над ним, помахивая дротиком в знак приветствия. — Как там наш колдун? На этот раз он перенес нас в местечко гораздо лучше предыдущего.

Оглянувшись, Гаррик с удовольствием отметил, что здесь все, кто набрался смелости и прошел через портал Метрона. Все, кроме Тосия. Юноша нахмурился, вспомнив его ужасный конец. Но разбойник сам сделал выбор.

— Метрон жив, — успокоил атамана Гаррик. — Правда, он еще не очнулся, но смерть ему не угрожает.

Юноша, покачиваясь от сильного утомления, осторожно поднялся на ноги. На этот раз портал забрал у него намного больше сил, чем предыдущий. Вокруг зеленела трава. Маленькие пчелки кружились над цветами. И то, что раньше представлялось огромной оранжевой звездой, оказалось небольшой астрой.

Вескей и Талемус ждали, пока он окончательно придет в себя. Вместо того чтобы сделать шаг им навстречу, Гаррик остановился и осмотрелся, пытаясь понять, где они находятся. По солнцу, стоявшему в зените, он смог определить, что уже наступил полдень. Впереди, всего в каких-то двух милях от них, виднелись высокие крутые горы. Посредине юноша заметил перевал.

Позади шумело море, омывая берег, обрывающийся вниз отвесным склоном. Долина, покрытая густой зеленой растительностью, уходила от берега к перевалу.

Земля вокруг них была покрыта цветами и травой. Из нее торчали слегка присыпанные травой и цветами белые ящики. Гаррик, нахмурившись, присмотрелся и тут же понял, что перед ними гробы. А точнее, склепы, куда складывались кости умерших, чья плоть давно истлела от времени.

Во времена Старого Королевства так же хоронили людей и на Хафте. Гаррик читал об этом в книгах. В его дни мертвых предавали земле. А потом поминали каждый год в день весеннего равноденствия.

— Мы на кладбище, — поспешил он сообщить Вескею о своей догадке. Талемус, стоявший в нескольких шагах от них, принялся разглядывать склеп, облицованный мраморными плитами. — Все это, — Гаррик обвел рукой вокруг себя, — захоронения. Наверное, раньше здесь был большой город. Но теперь я даже не вижу руин. Остались только лишь эти ящики для хранения костей. — Он пнул ногой один из гробов.

Вескей поежился, но постарался не показать своего волнения.

— Они могли строить дома из веток или соломы, — предположил он. — А мертвых хоронили в камне. Так делали раньше мои предки. А это место...

Атаман обвел взглядом равнину, расстилавшуюся перед ними. Кругом были лишь разрушенные склепы и могилы. Цветы покачивали головками на ветру, словно подтверждая его слова.

Красные цветы, похожие на циннии, росли здесь в изобилии. Талемус улегся на них, и цветочные головки закрыли его лицо от солнца. Заметив направленные на него взгляды атамана и Гаррика, он поспешил встать и присоединился к ним.

— Это кладбище принадлежало магистрату Викадана. Город располагался на северном побережье Лаута. Он омывается Внешним морем, — сообщил Талемус, нахмурившись. — Но самого города давно уже нет.

— Я слышал об этом месте, — подтвердил его слова Вескей и тоже нахмурился. — Когда две тысячи лет назад пало Старое

Королевство, восставшие жители Викидана попытались свергнуть правительницу Эйхеа. Она подавила восстание и потопила Викидан в морской пучине.

— Да, — вмешался в разговор Талемус. — Внешнее море поглотило землю. Но затем оно отступило, потому что восставшие при жизни поклонялись демону.

Он помолчал и спустя несколько секунд прибавил:

— Так написано в истории Эскоина. Но думаю, что все это неправда.

Вескей возмущенно фыркнул.

— Как ты можешь об этом судить? Я знаю точно лишь то, что правящий ныне Заступник направил своих людей для охраны болот к югу отсюда. Как сказали нам стражники, честно-му человеку лучше держаться подальше от этих мест. Интересно бы узнать, почему мы оказались здесь.

Все трое, не сговариваясь, обернулись и посмотрели на волшебника, хрипевшего в цветах.

Метрон точно знал ответ на этот вопрос. Но, к сожалению, он еще не мог говорить.

— Хотелось бы верить, что маг не обманывает нас, — задумчиво произнес Гаррик. — Но, боюсь, мы еще не скоро сможем расспросить его. Заклинания, которые произносил Метрон, обессиливают даже такого великого волшебника, как он.

— Тебе доводилось прежде общаться с магами, Гар? — поинтересовался Вескей.

— Да, я даже дружил с одной волшебницей.

— А вот я — никогда, — засмеялся атаман. — Но теперь, похоже, многое переменялось.

Он указал на край долины:

— Пойдемте туда. Хочу взглянуть на море. Нужно придумать, как нам отсюда выбраться. Не думаю, что мы сможем проскользнуть через кордоны Эйхеона. И непонятно, что ждет нас на склонах этих гор.

Талемус еще раз оглянулся и посмотрел на волшебника.

— Он скоро придет в себя, — успокоил его Гаррик. — Метрон просто сильно устал. Все, что ему сейчас требуется, — это крепкий сон.

Разбойники, разбившись по парам, принялись обследовать окрестности. Лишь Хейм неподвижно стоял, прислонившись к развалинам какого-то склепа. Приложив руку к глазам, он осматривал долину.

Наверняка ищет Тосия, догадался Гаррик. Кажется, они дружили.

Юноша хотел окликнуть Хейма, но передумал. Некогда. Время для рассказов и ответов на вопросы еще придет.

Халофий воровато оглянулся и исчез, спрыгнув в склеп. Он не задержался там надолго, а когда вернулся, в его руке блестел металлический нарукавник. По веселому посвистыванию разбойника и сиянию металла под лучами солнца легко было догадаться, что нарукавник золотой. Похоже, на этом кладбище хоронили богатых и знатных людей.

— Кажется, все счастливы, что смогли выбраться из того ужасного места, — сказал Вескей, наблюдавший за Халофием. Но особой радости в его голосе не слышалось. — И я тоже. Хотя, сказать по правде, не знаю, насколько это место лучше...

Он улыбнулся.

— Нет, все-таки в зарослях высоченной травы, да еще когда на нас стало насаждать перламутровое озеро, я изрядно струхнул.

— Да, — мрачно согласился с ним Гаррик. Они подошли к краю обрыва. Внизу шумело море. Стоял солнечный безветренный день. Волны не разбивались о камни, а мирно омывали берег, заглушая крики Тосия, все еще звучавшие в его голове.

— Я собрал за десять лет разбойничьей жизни денег больше, чем заработал бы за всю жизнь, оставшись учителем, — поделился атаман своими размышлениями с Гарриком и Талемусом. — У меня сейчас столько золота, что я могу получить все, что продается за деньги. Но единственное, чего мне хочется, чтобы все сложилось по-другому. И я прожил бы жизнь, оставшись честным человеком.

Обрыв, на котором они стояли, не превышал в длину двадцати футов. Еще недавно он был больше. Сейчас зеленая вода бурлила и омывала каменную осыпь обвалившегося берега, оставляя на ней белую пену. Вес людей, подошедших к краю, мог послужить поводом к новому обвалу.

— Неужели корабли Эйхеона сторожат даже этот берег? — поинтересовался Гаррик. Он смотрел вдаль и видел лишь гладь моря, залитую солнцем до самого горизонта. На водной глади не было видно ни одного сторожевого корабля. Но что-то все-таки отпугивало людей, не желавших приближаться к этому берегу. И золото, которое нашел Хейм, еще раз доказывало, что сюда не причаливал ни один корабль.

Гаррик смотрел на горизонт и прикидывал, есть ли у них шансы выбраться отсюда по морю. Даже при всем могуществе Эйхеона, его Защитники вряд ли выходят в открытое море во время бури. Хотя путешествию на самодельной лодочке и с командой необученных гребцов по бушующей стихии он предпочел бы попытку пробраться на юг через горный перевал.

— Я не слышал ничего особенного об этом побережье. — Вескей морщил лоб в попытке вспомнить все, что знал или когда-то слышал о месте, куда забросило их волшебство Метрона. — Берег здесь охраняют корабли Защитников, чтобы местные жители не могли покинуть остров и чтобы на Лаут не пожаловали непрошенные гости. Но ничего интересного об этой бухте или Викедане я не слышал.

Он пожал плечами.

— Моя шайка действовала на юге и востоке острова. Мы оттуда родом, — продолжал атаман. — К тому же я не слишком вникал в дела Защитников. Кажется, что-то болтали о дополнительных судах, выделенных для охраны, так же как и об усилении патруля на суше.

— Что там? — перебил его Талемус, указывая на водную гладь.

— Это просто... — начал Гаррик, но тут же закрыл рот. Он собирался сказать, что это тень на воде, но в небе не было ни облачка.

Какая-то тварь в несколько сотен футов в длину, извиваясь, плыла по воде. Они хорошо видели ее голову, плоскую и треугольную, чем-то похожую на морского демона. Судя по всему, они находились в близком родстве. При виде чудовища от воспоминаний у принца заныл висок. На его голове до сих пор белели шрамы, оставленные клыками другого монстра.

Гигантская змея задержала взгляд на людях, стоявших на берегу. Огромный язык затрепетал в разинутой пасти. И чудовище нырнуло в море, извиваясь всем телом.

— Интересно, она появилась просто так или это было предупреждение для нас? — Талемус старался говорить спокойно. Пережитое минуту назад волнение выдавали лишь нервно сжатые руки.

— По крайней мере теперь нам не придется строить лодку, — заметил Вескей.

Он повернулся и направился назад к кладбищу.

— Пойдемте, друзья, — позвал он, обернувшись к Гаррику и Талемусу. — Мастер Метрон должен ответить на все наши вопросы. И будет лучше, если он сделает это прямо сейчас.

— Мастер Кэшел, мы можем отпустить тебя, — доброжелательно обратился к юноше толстяк в зеленой шляпе, с которой свисали вниз черные ленточки. — Но обещай, что не причинишь зла госпоже Лимэй и не нанесешь ущерба ее заведению.

Этот человек пришел в «Гиацинт» с четырьмя парнями. В руках они держали сети, похожие на те, которые вчера лишили Кэшела возможности двигаться.

Через открытые двери внутрь трактира с любопытством заглядывали прохожие. Их взгляды привлекал привязанный к столбу чужестранец. Несколько посетителей, сидевших за столами и у стойки, тоже смотрели на Кэшела во все глаза.

Лимэй вышла из-за стойки и встала рядом с мужчиной в забавной шляпе. Как понял Кэшел, это был мэр города или, как все его называли, бригадир.

— Мастер Кэшел, — лстиво промолвила она, — я очень сожалею о том, что здесь произошло. Сегодня ты можешь питаться и ночевать в «Гиацинте» совершенно бесплатно. А можешь оставаться здесь и дальше, если пожелаешь.

Трактирщица зажгла в комнате лампу и два больших железных фонаря. В этих краях даже днем было пасмурно и сыро. Но Кэшел уже знал, как мерзко и жутко здесь ночью...

— Отпустите меня и верните мои вещи, — обратился он к Лимэй. — Клянусь Дузи, больше вы все никогда меня не увидите!

Его голос напоминал рычание тигра. Мэр от испуга отскочил назад, парни схватились за сети. От их движений огонь в фонарях заколебался, как на ветру. Только Лимэй стояла неподвижно. Она согласно кивнула.

— Если ты изменишь решение, мое предложение остается в силе.

Кэшел встретился с женщиной взглядом, но промолчал. Больше сказать было нечего.

— Развяжите его, — кивнула трактирщица в сторону юноши.

Мэр посмотрел на нее с тревогой:

— Ты уверена? Может быть, лучше завтра...

— Развяжите его, — повторила Лимэй, чуть повысив голос. Кэшел понял, что никто из местных жителей не осмеливается перечить хозяйке трактира. И, кажется, он даже знал истинную причину такого отношения к ней.

— Хорошо, — согласился мэр и обратился к сопровождавшим его мужчинам: — Разрежьте сети.

— Пусть Сестра заберет тебя! — крикнул, выскочив из-за стола, рыбак, помогавший вчера вязать Кэшела. — Не будет этого. Пусть сначала власти Сунга заплатят мне за две сети!

Он встал на колени и принялся ловко развязывать туго затянутые веревки. Кэшел не двигался, ожидая, пока ослабнут его путы. Если бы он напряг мускулы и задвигался от предвкушения свободы, то лишь бы продлил пытку. Кэшел знал, что надо спокойно ждать.

Рыбак потянул за сеть, стаскивая ее с пленника. Кэшел с трудом поднялся и стряхнул с ног вторую, стремясь поскорее освободиться. Он с наслаждением потянулся и наклонился к земле, стараясь размять занемевшие мышцы. Мэр и посетители трактира с опаской следили за его движениями.

— Если вы вернете мне посох, — заговорил наконец Кэшел, слегка растягивая слова, чтобы справиться с гневом, который рвался наружу, — то я сразу же уйду из трактира.

— Мастер Кэшел, — всполошился мэр, — думаю, что лучше мы вернем его завтра утром, когда ты будешь покидать Сунг.

— Если вы не отдадите мне сейчас посох, тогда вы хуже, чем шайка разбойников. — медленно заговорил Кэшел, задыхаясь от

злости. — Прошлой ночью я пришел сюда не один. Со мной была моя подруга. Хозяйка трактира убила ее, а меня велела связать, наврав, будто я сошел с ума от горя. Я никому не собираюсь мстить, кроме нее, — кивнул он в сторону Лимэй. — Потому что никто из вас не виноват в смерти Тильфозы.

Он оглядел комнату. Присутствующие уткнулись глазами в пол. Только один из помощников мэра смог выдержать его взгляд.

— Поэтому отдайте мне посох, — гремел Кэшел. — Или я воспользуюсь этим... — Он кивнул в сторону барной стойки. — Тогда уж достанется всем. И на этот раз вам меня не остановить!

— Что? — Перепуганный насмерть мэр обернулся в сторону помощников. — Я не верю, что он сможет поднять ее! Она же прибита к полу!

Кэшел сделал шаг к тяжелой деревянной стойке. Посетители трактира бросились врассыпную, чтобы не попасть ему под горячую руку.

— Дженгм! Отдай ему эту чертову палку! — крикнул из угла рыбак. — Боюсь, сегодня нам с ним не справиться!

— Хорошо, хорошо... — пролепетал мэр. — Я только подумал...

— Когда тебе доводилось размышлять в последний раз? Да еще не о том, что ты здесь самый главный? — зло усмехнулся рыбак.

Лимэй встала и закрыла двери в трактир. Затем она вышла в кладовую и принесла посох. Должно быть, все это время он и лежал там, где его уронил Кэшел, когда выносил Тильфозу.

Юноша протянул руку к дубинке. Лимэй намеренно коснулась его пальцами и улыбнулась, когда он отпрянул.

— Возвращайся, если тебе понравилось мое гостеприимство, мастер Кэшел, — громко захохотала она. — Я уж тебя приласкаю.

Мэр и его помощники вышли из трактира, не дожидаясь, пока юноша направится к двери. Кэшел дождался, пока они освободят проход, и двинулся следом. Лимэй продолжала смеяться, и это ему совсем не нравилось. Оказавшись на улице, он захлопнул за собой двери трактира, чтобы не слышать ее смеха.

Кэшел глубоко вздохнул. С тех пор как ночью его разбудили крики Тильфозы, он не мог ни дышать, ни спать. Хотя связали его не сильно, да и с воздухом в трактире все было в порядке, но...

Все кончено. Вот если бы на его месте оказалась Илна, то не только Лимэй, но и все жители города заплатились бы так, как им не привиделось бы и в кошмарном сне. Но этим Кэшел и отличался от сестры. Он никогда не наказывал невиновных.

Юноша пересек набережную и направился к пристани. Здесь уже никого не было. Похоже, все жители разошлись по домам. Несмотря на то что Сунг был большим городом, с наступлением темноты он вымирал, как деревня. Кэшел вспомнил, что в Вэллесе движение не прекращалась даже ночью. Быки, лошади, запряженные в обитые железом повозки, бродили и ездили взад и вперед по вымошенной камнем дороге.

Деревянный причал тянулся по берегу медленно текущей реки до каменной дамбы. На воде слегка покачивались привязанные к нему лодки. Одна из них оказалась такой большой, что у Кэшела не хватило на руках пальцев, чтобы сосчитать, сколько для нее нужно гребцов. Все остальные суденышки были маленькими с плоским дном и двумя уключинами для весел.

В сгуставшихся сумерках юноша рассмотрел в одной плоскодонке мужчину, который распутывал там сеть. Кэшел подошел ближе, держась за перила причала. От его веса доски качались и скрипели под ногами.

Рыбак поднял голову только тогда, когда юноша остановился напротив него. Их разделяло всего четыре шага.

— Тебе чего? — уставился на него мужчина в лодке.

— Уважаемый, мне нужна на одну ночь твоя лодка, — объяснил Кэшел. — Ты не знаешь меня...

— Ты попал в самую точку, братец! — ухмыльнулся рыбак. — И я не могу дать тебе лодку, потому что мне нужно кормить семью. Может быть... Нет, я не знаю никого в Сунге, кто пошел бы на это.

Не слушая его, Кэшел снял с шеи кошелек.

— Ты можешь купить себе лодку за три серебряные монеты?

— Что? За три Корабля? Ты ведь имеешь в виду не медные деньги?

— На них нет изображения корабля. — Кэшел разжал ладонь. Монеты заблестели в лунном свете так ярко, что их даже не скрыл густой туман. — На них выбит мужчина на коне. Но это серебряные монеты. И я отдам их тебе, если ты разрешишь мне воспользоваться лодкой сегодня ночью.

Рыбак, как обезьяна, вскарабкался на причал и, ухватив монеты, поднес их ближе к глазам. Кэшел не знал, что хочет разглядеть этот человек. Но надеялся, что он не усомнится в подлинности денег.

Рыбак спрятал монеты за пазуху.

— Ну что, по рукам? — нетерпеливо спросил Кэшел.

Он не собирался отбирать у мужчины деньги. Даже если бы тот сейчас развернулся и бросился убегать, его лодка все равно осталась бы здесь.

— Тебе нужна только лодка? — Похоже, рыбак не верил своему счастью. — Может, хочешь забрать сеть и снасти?

— Только лодку и весла, — заверил его Кэшел, перечислив на всякий случай все, что ему понадобится. — И надеюсь, что ты сможешь получить все назад, когда я справлюсь со своими делами. Правда, пока не могу сказать, где оставляю лодку. Тебе придется самому ее поискать.

Рыбак смог лишь кивнуть от восторга. Прыгнув в лодку так, что вода полетела в разные стороны, он подхватил одной рукой одежду, а другой сеть.

Кэшел догадался, что деньги значили здесь так же много, как и в Барке. Там за двадцать медяков можно было приобрести хорошую легкую рыбацкую плоскодонку, пригодную для лова рыбы в открытом море. Только мало у кого в их деревне водилось серебро.

Рыбак опять вылез на причал и, что-то напевая, отправился в город.

— Хорошего вечера, — крикнул вдогонку Кэшел. Но даже если мужчина что-то и ответил, он уже ничего не слышал.

Юноша залез в маленькую лодку, оказавшуюся очень устойчивой и крепкой. Положил посох на дно, так, чтобы тот не мешал ему грести. Отвязал суденышко от причала, сел на весла

и поплыл в излучину реки, туда, где росли ивы. Лодка быстро двигалась в тени прибрежных деревьев.

Крестьянин, кроме работы на своем куске земли, умеет еще многое. Кэшел плавал на плоскодонках и в хорошую, и в плохую погоду. Он умел управлять лодкой, чтобы добраться туда, куда нужно.

Кэшел плыл к храму Девяти. Он еще не придумал, что будет делать, но знал, что не допустит, чтобы Тильфозу скормили рыбам. В глубине души юноша надеялся на чудо, на то, что все обойдется. Но понимал, что неприятностей ему на этот раз не избежать.

Где-то рядом плескалась рыба. Кэшелу показалось, что он и река — одно целое. Берег освещали несколько фонарей. Их огни были еле различимы из-за густого тумана.

Кэшел направил лодку к насыпному острову, на котором стоял храм. Ее днище стало цепляться за прибрежный ил раньше, чем он ожидал. Убедившись, что перед ним остров, а не плывущее по течению бревно, юноша вылез на берег, увязнув по колено в грязи. Ощущение неприятное, но привычное. Привязав лодку веревкой к дереву и слегка размяв плечи, он взял в руку посох и направился к храму.

На острове не горело ни одного фонаря. Кэшелу приходилось двигаться почти на ощупь. Поднявшийся ветер разогнал туман, и в слабом свете луны он наконец разглядел огораживавшие храм невысокие стены.

Войти в него можно было через ворота. Но Кэшел даже близко не собирался к ним подходить. Он поставил посох у стены, подпрыгнул и уцепился за ее верх. Каменная кладка оказалась гладкой, без выступов и острых краев.

Кэшел ловко подтянулся и взобрался на стену. Свесившись вниз, он достал посох, оставленный снаружи. Затем юноша на минуту замер, прислушиваясь. Что-то шлепнулось в воду позади него. Но в саду было тихо, а в храме темно. В свете луны он разглядел высокую, узкую дверь и каменную стену без окон.

В саду росли какие-то кусты. В темноте Кэшел не мог определить, какие именно. Вдоль них шла тропинка, соединявшая ворота с дверью храма.

Кэшел, не выпуская из руки посоха, спрыгнул в сад так же ловко, как и забрался наверх. Он услышал, как за стеной что-то опять шлепнулось в воду. Но его это сейчас уже не интересовало.

Земля здесь была намного тверже, чем у берега реки. Кэшел направился по извилистой тропинке к храму. Ветки кустов сплетались над его головой, образуя арки. Орехи свисали с них гроздьями, но у Кэшела не возникло желания сорвать хотя бы один.

На площадке перед храмом тропинка упиралась в большую, покрытую зеленым мхом лужайку. Здесь дорожка прерывалась и появлялась вновь на ее противоположном краю, заканчиваясь у самых дверей храма.

Кэшел остановился, присел и, вытянув вперед левую руку, дотронулся до мха пальцем. То, к чему он прикоснулся, было скользким и дрожащим, как желе. Юноша почувствовал, как что-то затягивает его пальцы вглубь.

Он ухмыльнулся и с усилием выдернул руку. До сих пор все складывалось уж слишком просто. Хотя наверняка эти Девять не были святошами. Кэшел чувствовал, что он не первый человек, которого заинтересовало, какие же тайны скрываются в храме. И если бы сейчас ему не встретилось это препятствие, то наверняка оно поджидало бы его дальше.

Как и все остальные ловушки.

Кэшел отступил на два шага и прыгнул вперед, сильно оттолкнувшись посохом от земли. Он, как птица, перелетел через зеленую лужайку и наклонился вперед, когда очутился на другом берегу, чтобы не упасть. Болото осталось позади, но юноша мог до него дотронуться, даже не вытягивая руки.

Он улыбнулся и, не теряя бдительности, направился к высокой, узкой, отделанной бронзой двери. Небольшая щеколда служила замком.

Кэшел предположил, что дверь, должно быть, заперта изнутри, но на всякий случай потянул за ручку, сначала слегка, потом изо всех сил. Бледное зеленоватое сияние просочилось в щель между каменной стеной и деревянной дверью. Если в храме раздавались какие-то звуки, то все заглушали всплески реки.

Юноша открыл дверь полностью и вошел внутрь, касаясь плечами каменных стен. Закрывать ее за собой он не стал.

Он очутился в маленькой пустой комнате. Дверь напротив вела в храм.

Кэшел посмотрел на стену. Во всю длину на высоту человеческого роста в нее были вделаны железные прутья для одежды. На каждом висел черный плащ с капюшоном.

Кэшел посчитал их. Все пальцы на одной руке и все, кроме большого, на другой. Девять.

Юноша прошел через комнату и очутился в коридоре, ведущем в центральный зал. Кэшел, стараясь ступать как можно тише, осторожно направился туда. Посох он держал перед собой, готовый в любой момент нанести удар. Юноша шел на свет, падающий в коридор из дверей зала.

Кэшела насторожили донесшиеся до него приглушенные звуки. Люди так не говорят. Это больше походило на рычание или чавканье собак, которые обглаживают труп...

— Дузи!

С этим криком Кэшел выпрыгнул из коридора, подняв вверх посох, и очутился в большой комнате с высоким потолком.

Девять оторвались от трупа, который жадно поедали, и устремились на него. Без одежд с капюшонами юноша никак не мог спутать их с людьми. Их бесцветные хитиновые тела излучали фосфоресцирующее сияние. Вместо зубастых челюстей Кэшел увидел клювы.

Он шагнул вперед, вращая перед собой посох. Юноша не знал, чего он сможет этим добиться, но попытаться стоило. У существ не было оружия. А их веретенообразные хитиновые тела вряд ли уцелели бы под ударами железного наконечника его дубинки.

Девять поджали брюшки к нижним конечностям, и в голову Кэшела брызнула вонючая клейкая жидкость.

Юноша продолжал идти вперед, вращая посох, но в руках уже чувствовалась тяжесть. Железный наконечник, коснувшись его тела, прилип к нему. Посох замер, пошевелить им было невозможно.

Существа еще раз обрызгали Кэшела. Он попытался сделать шаг. Но не смог. Ноги словно завязли в черной густой па-

токе. Кэшел упал на каменный пол. Он был сейчас таким же беспомощным, как курица, которой связали крылышки и ножки перед тем, как пожарить.

Девять склонились над ним, переговариваясь о чем-то друг с другом на непонятном языке. Один из них отвернулся назад и, клешней оторвав от трупа кусок мяса, бросил его себе в клюв.

От страха у Шарины заболело в груди, когда их плоскодонка поднялась на гребне высокой волны. Лодочник Юнатий нежно нажимал на левое весло и изо всех сил давил на правое. Уключина скрипела, будто кролик, бьющийся в лапах стервятника.

— Пусть Сестра заберет тебя! — выругался Карус, сидевший на носу. — Таким шумом мы, как пить дать, разбудим Лердока в его палатке.

— Вряд ли, — спокойно ответил Юнатий, налегая на весла, чтобы выправить плоскодонку. — Но если леди соблаговолит достать кусок сала из корзины под моей банкой и смажет жиром уключины, то мы поплывем бесшумно.

Старый моряк улыбнулся сидевшей на корме Шарине. Чтобы вывести его из себя, нужно было что-то большее, чем недовольный возглас принца.

Шарина быстро нашла корзинку, но не сразу смогла нащупать в темноте деревянный колышек, на который закрывалась ее крышка. Кусок настоящего свиного сала лежал в деревянной коробке. И было удивительно обнаружить его в этой лодке.

Карус засмеялся.

— Я понял, что беспокоюсь о каких-то глупых неприятностях вместо крупных проблем, которые пока не могу преодолеть. Но мне нужно как-то отвлечь себя от томительного ожидания того момента, когда мы приступим к осуществлению нашего плана.

— Скоро будем на месте, — невозмутимо сообщил Юнатий. Его голос был едва слышен за плеском воды. — Через милю мы пристанем к берегу, где флот Блэйза бросил якорь. И вам не придется ждать. Если, конечно, вы не поменяете свои намерения и не прикажете мне повернуть назад, чтобы уснуть в теплой постели.

Карус насмешливо фыркнул.

— Это последнее, о чем я могу подумать. Но когда мы разделаемся со всеми проблемами, я буду спать целую неделю.

Шарина смазала жиром одну уключину. Она сжала кусок сала, чтобы выдавить жира и на другую. Если заскрипела одна, то вскоре заскрипит и другая.

Плоскодонка поднялась на следующей волне. Юнатий направил нос лодки прямо на нее и опять вернул их на прежний курс.

— Сегодня западное течение. Не слишком сильное, один или два узла. Если принц не откажется прислушаться к совету старого моряка, то вам лучше плыть сейчас к Кордину.

Он обернулся через плечо.

— Или подвезти вас и госпожу ближе к берегу? Миля — очень большое расстояние для девушки.

— Я скажу об этом следующей леди, которую ты повезешь, — засмеялась Шарина. Она уже сняла с себя пояс и теперь наклонилась, чтобы снять тунику, которую надела специально для долгой прогулки по морю. — Я из деревни Барка. И единственная Госпожа для меня — это та, которой мы молимся.

Я молилась ей сегодня и просила спасти королевство и моих друзей, подумала она и едва заметно улыбнулась.

Шарина взяла пропитанный маслом мешок, в который сложила одежду, чтобы переодеться на берегу. В шелковую тунику и плащ она завернула пьюльский нож. Девушка взяла его с собой как талисман. Но, кроме того, сильный удар этого клинка мог выручить ее из беды.

— Ты готов? — обратилась она к Карусу.

Юнатий убрал весла. Широкие усы дрогнули, когда он посмотрел на Шарину, на ее красивое гибкое тело, озаренное лунным светом. Но тут же лодочник опустил глаза вниз, словно увидел что-то недозволенное.

— Да, — ответил Карус и взял в руки большой сверток. Скинув с себя тунику, он оставил на теле лишь ремень, застегнутый на поясе. На нем в кожаных ножнах, пропитанных воском и ланолином, висел длинный острый кинжал. — Сейчас.

Шарина соскользнула в воду, подняв узел над головой. Некоторое время она плыла, придерживаясь рукой за борт лодки,

которую тихонько несло течением к берегу. Потом, оттолкнувшись, девушка по-лягушачьи двинулась вперед. Ей предстояло проплыть довольно большое расстояние. Она могла воспользоваться мешком с одеждой, как спасательным кругом, чтобы держаться на воде, если изменится течение, но сомневалась, что ей это потребуется.

Юнатий оказался прав насчет течения. И хотя оно продолжало волновать девушку, подсознательно она чувствовала, что плывет в нужном направлении. Ее приводила в беспокойство мысль о том, что скорость течения может оказаться больше.

Шарина нервно хихикнула.

— Что с тобой, девочка? — забеспокоился Карус. Король плыл слева от нее. Она не видела его, но, судя по голосу, он был где-то рядом.

— Все в порядке, — поспешила успокоить его Шарина. — Просто я поняла, насколько море больше меня, понимаешь?

Карус засмеялся, но его смех поглотил шум волн. Дальше они поплыли в полнейшей тишине, не сказав больше друг другу ни слова.

На небе сияла почти полная луна. Ее свет играл на волнах, отчего пена казалась серебряной. Берег приближался. Шарина не устала, но нужно было осмотреться. Она престала бить ногами и легла грудью на промасленный мешок с одеждой. Сначала ничего не было видно из-за кораблей и волн. Но потом, поднявшись на гребне одной волны, она увидела, что находится в шестистах ярдах от берега.

Свет от костров и факелов мерцал там, где в бухте располагались флот графа Лердока и вся его армия. Когда они подплыли ближе к берегу, Шарине показалось, что она видит на дне корабельные якоря. Отдельные огоньки исчезли. Перед ней неожиданно появился корпус судна. Потом другой.

Один из самых больших кораблей сносило течением в море, несмотря на то что его держал тяжелый якорь. Береговая линия в этом месте отлого спускалась к морю, а корабли были слишком большими, чтобы вытянуть их на берег.

Карус добрался до девушки, сделав три больших взмаха руками.

— Они наверняка выгрузили груз и людей на берег, — кивнул он в сторону тысячетонных кораблей. — У этих кораблей не было бы шанса удержаться на якорях, если бы разыгралась буря.

Шарина взглянула на чистое небо.

— Думаешь, заклинания волшебников секты Лунной Мудрости все еще действуют?

Карус насмешливо хмыкнул.

— Я думаю, что тот, кто позаботился о хорошей погоде для кораблей графа Лердока, не спасет его от настоящей беды, если она возникнет неожиданно, — заявил он. — Всегда есть опасность, что твой противник рискнет и сможет похитить удачу у тебя из-под носа.

Король улыбнулся — Шарина поняла это по голосу — и прибавил:

— Моим врагам часто доводилось узнавать об этом, но, как правило, было уже слишком поздно что-либо предпринимать.

Опять заиграла труба. В западной бухте раздавался стук дерева о дерево. Похоже, там что-то строили или ремонтировали.

Карус вытянул руку в сторону суши:

— Мы выберемся на берег там, где стоят вон те лодки. На борту больших кораблей могут оказаться часовые или еще кто-нибудь. А на маленьких судах не будет никого.

— А если там все-таки окажется охранник? — Шарина пыталась не отставать от короля, следуя по течению.

— Тогда придется с ним разобраться. Одно хорошо — на берегу нам не надо беспокоиться, как убрать следы крови.

Шарина кивнула и продолжила плыть к берегу. Когда живешь в деревне и приходится резать скот, то в первый раз испытываешь дрожь. Это воспоминание может посетить тебя снова, когда зимой достанешь из погреба кролика. А на войне убиваешь людей, чтобы твое королевство победило.

Может, тысячу лет назад все было по-другому. Но сейчас Шарина просто пыталась спасти свою родину и многих ни в чем не повинных людей. Если при этом несколько мятежников погибнут, то таковы законы этого мира.

Караульные на судах перекликались друг с другом. Шарина проплывала мимо большого высокого корабля. Карус плыл

рядом. В рубке горел фонарь. Он не освещал воду за кормой, а лишь ослеплял вахтенного матроса, и тот не мог понять, что видит на волнах: тени от луны, остатки подручных средств, при помощи которых армия высаживалась на берег, или потерянные солдатами вещи.

На корме другого стоявшего на якоре судна вахтенный матрос играл на дудке. Он тоже не видел ни Шарины, ни Каруса, наигрывая один и тот же мотив. Похоже, моряк упражнялся, развлекая себя, чтобы не заснуть.

Солдаты Лердока вытянули корабельные лодки подальше на берег и закрепили там, чтобы они не уплыли, воткнув в песок весла. Шарина опустила лицо в воду, крепко схватившись левой рукой за веревку на мешке, в котором лежала ее одежда. Правой рукой и ногами она изо всех сил толкала себя к берегу. Там, прямо перед ней, горел большой костер, вокруг которого спиной к лодкам сидели люди. Даже если там и был часовой, то он спал в одной из них.

Шарина прикоснулась локтем к песку. Она склонилась над мешком, и набежавшая волна накрыла ее. Когда вода схлынула, Шарина, крадучись, стала пробираться к большой плоскодонке, высокие борта которой могли укрыть ее от солдат неприятеля.

Карус уже ждал ее там, развязывая мешок с одеждой. Увидев Шарину, он улыбнулся. Лодки никто не охранял. И это было очень хорошо. В руке короля блестел острый кинжал. И его сталь могла вспороть живот человека так быстро, что он не успел бы даже пикнуть.

Девушку поразили размеры лагеря. Только теперь она оценила, насколько велики силы врага. Но, к своей радости, Шарина убедилась в том, что дисциплина в войсках Блэйза отсутствует. В лагере сияло множество огней, чего не было в королевской армии.

Невдалеке у костра моряк бил в бубен, подыгрывая товарищу, который пел старинную песню:

...еще одна свадьба роковая,
еще одно разбитое сердце...

Глава двадцатая

— Ты должен был остаться в «Гиацинте», — склонился над Кэшелом один из Девяти. Он говорил не на человеческом языке, но, как ни странно, сейчас юноша его хорошо понимал. Из клюва воняло гниющим мясом. — Тебе не следовало сюда приходить.

— Я не дам вам съесть моего друга, — с трудом ворочая языком, ответил Кэшел. Жидкость, которой Девять брызгали, затвердела на шее и правой щеке. Кожу жгло, особенно когда он начинал говорить.

Существо сказала правду. Кэшелу не стоило сюда приходить. О Дузи! Как же оно было право.

Но юноша уже ничего не мог изменить. Он отчетливо понимал, что все равно пришел бы в храм. Даже если бы знал, что у него нет ни единого шанса. По крайней мере теперь его не будет мучить совесть оттого, что он даже не попытался помочь Тильфозе.

Существо подошло еще ближе и подтянуло брюшко к нижним конечностям. Кэшел сжался, приготовившись ощутить на лице клейкую жидкость, которая забьет ему нос и рот. Вместо этого его обдало струей с едким запахом аммиака. Клей, удерживавший посох, испарился. Кэшел чихнул.

Он все еще не мог разжать пальцы, чтобы выпустить его из рук. Голова тоже не поворачивалась. К нему плавно приблизилось второе существо и проделало то же, что и первое. Вдвоем они брызгали на Кэшела до тех пор, пока посох не оказался рядом с ним на полу.

— Твоя подруга — женщина из «Гиацинта»? — спросил один из Девяти.

— Женщина из «Гиацинта» околдована, но не умерла, — вмешался другой.

Голоса Девяти, как и их тела, были одинаковыми. Кэшел знал по имени и по повадкам каждую овечку в деревушке Барка. Но этих существ он не мог отличить друг от друга.

— Мы занимаемся только мертвыми, — добавил третий. — Мы не причиним вреда твоей женщине. Она сможет уйти, как только придет в себя.

Существо, которое подошло к Кэшелу первым, наклонилось и подняло посох с каменного пола. Девять столпились вокруг него и принялись обливать дубинку едкими струями аммиака, чтобы смыть остатки клея. Затем они начали внимательно рассматривать оружие Кэшела, передавая его друг другу.

— Она уже поправилась, — вновь обратился к юноше первый из Девяти, оторвавшись от созерцания посоха. — Мы отпустим ее с тобой. Вы оба должны уйти отсюда.

— Что? — Кэшел не мог поверить в то, что ему сказали. И неожиданно для себя выпалил: — Но вы же едите людей!

Девять принялись раскачиваться взад и вперед, словно неваляшки. При этом они шелкали клювами и издавали странные скрипящие звуки.

На мгновение Кэшелу показалось, что Девять смеются. Но он не мог поверить, что эти существа способны на такое.

— Мы не едим людей, человек из «Гиацинта», — заговорило прежде молчавшее существо.

Кэшел до сих пор не мог шевелиться. Шея не поворачивалась. И видел он лишь то, что делается прямо перед ним, не имея возможности смотреть по сторонам. Юноша попытался повернуться, но не смог оторвать тело от пола.

— Лежи смирно, и мы освободим тебя. — Первый из Девяти выставил вперед живот и стал тереться о правое запястье Кэшела. Его кожа была сухой и гладкой, как у змеи. И совсем не твердой.

Вокруг рук Кэшела и тела образовалась легкая дымка. Юноша закрыл глаза. Запах аммиака оказался настолько силен, что он опять начал чихать. Зато когда Кэшел смог пошевелиться, остатки клея стали отваливаться от него кусками, как лед ломается под весенним солнцем.

Юноша огляделся. С другой стороны зала он заметил такой же коридор, как и тот, по которому пришел сюда. Но в стенах этого были устроены ниши. В каждой стояла каменная скамейка с подушками. В правой нише лежало тело старика. Два существа помогали Тильфозе встать со скамейки в другой нише. Она качалась из стороны в сторону и пыталась протереть руками глаза.

— А кто... — начал Кэшел, но запнулся, взглянул на недоеденное тело, затем на старика и не проронил больше ни слова.

Тело, лежавшее на полу, принадлежало когда-то мужчине. Об этом свидетельствовали остатки бороды на том месте, которое когда-то было лицом. Внутренности были наполовину съедены, но из живота еще торчали кишки, с которых капал желтый жир.

Кэшел закрыл глаза. Но он уже увидел так много, что если бы даже захотел, то все равно не смог бы позабыть.

— Ты уйдешь из Сунга, не так ли? — спросил первый из Девяти. — Для тебя будет лучше, если уйдешь.

— Мы уйдем отсюда, — поспешил уверить его Кэшел. — И если Дузи поможет нам, то, клянусь, больше никогда сюда не вернемся.

Юноша подумал, что если Тильфоза будет не в состоянии идти, то он готов нести ее на спине. Лишь бы убраться подальше от города и от этого ужасного склепа.

Кэшел встал. Глаза слезились от аммиака. Его тошнило так, что все внутренности выворачивались наизнанку. Но в воздухе не чувствовалось запаха смерти. Видимо, клей Девяти что-то сделал с его носом и легкими. Хотя вряд ли он чувствовал себя лучше от запаха мертвого тела.

Тильфоза, покачиваясь, вошла в зал и остановилась. Двое существ поддерживали ее под руки.

— Можно мне?... — осторожно проронил Кэшел и, не удержавшись, подошел к девушке прежде, чем получил разрешение.

— Конечно. — Существа отступили в стороны, чтобы юноша мог занять их место.

— Кэшел, это ты? — Тильфоза крепко ухватило за него, как будто за спасательный круг на корабле, терпящем бедствие. Ее тело все еще было холодным, но уже не напоминало кусок льда, как вчера ночью, когда Кэшел поднял ее с кровати.

— Да, и я заберу тебя отсюда сразу же, как только ты почувствуешь себя лучше. У меня есть лодка. Мы переплывем реку, а потом пойдем на восток.

Он вопросительно посмотрел на существо, которое первым с ним заговорило. Интересно, Девять понимают гримасы человеческого лица?

— Это хороший план, — ответило существо. — Мы желаем вам счастливого пути. И больше не возвращайтесь в Сунг.

Посох Кэшела наконец очутился в руках хозяина. Существа еще раз внимательно посмотрели на деревянную дубинку. Кэшел и сам осмотрел рукоять и железный наконечник. Но не заметил на оружии следов от клешней Девяти.

Опираясь на посох и поддерживая под руку Тильфозу, Кэшел почувствовал себя намного лучше.

— Спасибо, — поклонился он существам и медленно направился со своей спутницей по коридору. Юноша поежился, ощущая за спиной присутствие Девяти, но пятиться по коридору к выходу, ожидая их нападения, было бы глупо.

Один из Девяти вышел вперед и обогнал Кэшела и девушку. Он двигался на четырех конечностях, очень быстро перебирая ими. Казалось, существо плывет над землей, а не идет.

Тильфозе, кажется, стало лучше. Она уже не висела у него на руке, хотя каждое движение давалось ей с трудом.

— Я думала, что все это сон, — прошептала девушка, наклоняя к нему голову. — Казалось, что меня мучает нескончаемый кошмар.

— Все в порядке, — успокоил ее Кэшел. Он сказал чистую правду, но знал, что сам поверит в это до конца только тогда, когда они переберутся на другую сторону реки, подальше от Сунга.

Ветер покачивал створку двери, и она уже почти закрылась. Существо распахнуло ее настежь и посторонилось, пропуская Кэшела и его подругу. Остальные восемь медленно двигались позади.

— Прошу прощения. — Кэшел решил задать вопрос, мучивший его все это время. Существо повернуло плоскую голову в его сторону. — Как же это так... Я имею в виду, что до сих пор никто не догадался, чем вы здесь занимаетесь. Вас всего лишь маленькая кучка, а людей в городе так много. И если бы они захотели прийти в храм, вы не смогли бы их остановить.

— Мы жили в Сунге еще до того, как сюда пришли люди, — терпеливо объяснило существо. Казалось, голос его идет из диафрагмы. Он напоминал Кэшелу жужжание или стрекотание

целого хора кузнечиков. — Первые поселенцы знали, кто мы. И это они построили для нас храм.

Существо замолчало.

— Их дети, нынешние жители Сунга, тоже знают правду, но предпочитают не задумываться о необходимости нашего сосуществования.

— Но почему люди согласились кормить вас таким способом? — неожиданно вмешалась в разговор Тильфоза, крепко вцепившись в руку Кэшела. Кэшел напряг мышцы, иначе она ушибнула бы его. — Вы их запугивали?

Существо несколько раз щелкнуло клювом. Похоже, оно все-таки так смеялось.

— Чужестранка, оглянись вокруг. В этой долине сплошное болото. Дерево здесь плохо горит. А наводнения каждый год размывают землю и вскрывают гробы.

Кэшел кивнул. Единственным местом захоронения трупов была река. Рыбы поедали тела, так же как и Девять... Правда, распухшие и наполовину съеденные тела покойников часто выбрасывало на берег. Кэшел понял это сам, без дальнейших объяснений. Хотя при воспоминании о наполовину съеденном теле мужчины на полу главного зала ему вновь стало плохо.

— Мы отгородили место для лова рыбы плотиной. А люди дали нам возможность уединиться и вести тот образ жизни, к которому мы привыкли.

— Понятно. — На Кэшела накатывала тошнота при мысли о происходившем в храме, но он не мог, да и не собирался вмешиваться в дела жителей Сунга. — Мы пойдем.

Существо кивнуло клювом, словно догадавшись, о чем подумал Кэшел. Возможно, что и так. Девять отлично понимали местное население.

Из сада до них донесся крик женщины:

— Эй, кто-нибудь! Помогите!

Кэшел, наклонив голову, выскочил на крыльцо храма, вскинул посох и ударил по склонившимся над ним веткам.

В болоте, которое сначала показалось ему зеленой лужайкой, он увидел Лимэй. Из трясины торчали лишь ее голова и плечи.

— Помоги мне! Вытяни меня отсюда! — увидев его, заголосила с удвоенной силой женщина.

Кэшел сделал попытку протянуть ей посох, но не смог оторвать его от земли. Он обернулся.

Сзади за наконечник дубинки крепко держался клешнями их сопровождающий.

— Не стоит. Давайте я лучше провожу вас к лодке.

— Помоги мне! — вновь закричала Лимэй. — Не слушай этого демона!

— Девять — не демоны! — резко бросила Тильфоза. Ее голос звенел от ярости. — Девять спасли мою жизнь, когда человек послал меня на смерть.

— Прошу. — Кэшел потянул к себе посох. — Я просто не могу...

— Незнакомец, мы не имеем дела с живыми, — напомнил их провожатый. — Но вскоре восторжествует справедливость. Тогда мы примемся за работу.

Теперь Девять стояли на дорожке все вместе, молчали и не двигались. Они не угрожали. Но Кэшел понимал, что справиться с ними он не сможет.

Тильфоза взяла его под руку.

— Пойдем, — прошептала она. — Я хочу уйти отсюда как можно быстрее.

— Я тоже.

Они двинулись вперед, прижимаясь к кустам, чтобы обойти болото. Кэшелу приходилось низко наклоняться, проходя под сплетенными ветками.

Лимэй еще раз крикнула, потом заголосила. Юноша оглянулся через плечо. Девять неподвижно стояли возле болота и ждали, будто сычи на ветках.

Кэшел почувствовал облегчение, когда ворота закрылись за их спиной. Криков Лимэй уже не было слышно.

— Готова? — спросил Карус. Он сгорбился, стараясь не высовываться из тени лодок, которая скрывала его от чужих глаз.

— Да. — Шарина улыбнулась. — Для меня честь сопровождать такого молодого офицера, как вы. — Она еще могла шутить.

Карус хмыкнул, оценив шутку.

Шарина почувствовала, как дыхание участилось, словно она бежала вниз по холму. И если сейчас резко остановиться, то не удержишься на ногах и сломаешь шею. От этого ощущения девушку охватил бесшабашный, веселый азарт. Ей всегда нравилось бегать.

Карус надел бронзовый шлем, который находился у него в узле, — с плюмажем из красных и белых перьев, цветами Блэйза.

— Пойдем. — Он поднялся во весь рост и протянул ей руку. В его голосе все-таки сквозило напряжение от опасности, которая подстерегала их на каждом шагу. И волнение, завладевшее им в эту минуту, являлось предвестником боя. Он мог бы засмеяться и посреди кровопролитного сражения. Но это была не та радость, которую получала Шарина от бега.

Они двинулись мимо лодок вдоль берега. Шарина шла с левой стороны от короля, накинув на голову капюшон длинного голубого плаща. Правая рука Каруса сжимала рукоять меча.

Им оставалось пройти по темноте всего лишь два шага, а дальше — освещенный лагерь. Это смущало и Шарину, и короля. Девушка ожидала, что их вот-вот окликнут. Но, похоже, никто даже не заметил появления чужих. Луна освещала лишь силуэт человека. А при свете костра можно было рассмотреть обмундирование, а не лицо.

— Будь осмотрительна, — шепнул Карус. И тут же сам споткнулся о тело развалившегося на песке солдата. Это рассмешило его, Шарина тоже улыбнулась. — Клянусь, что сдерживаюсь из последних сил, чтобы не наброситься на них сейчас. Если бы за ними не стояли волшебники секты Лунной Мудрости, то не меньше половины храбрецов Лердока сломали бы себе шеи, пытаясь выбраться из этого чертового места, которое они называют лагерьем.

Девушка порадовалась, что король сдержался и не захохотал. Смех привлек бы к ним внимание скорее, чем их внешность. Она никогда еще не встречала человека, который мог смеяться в сложных ситуациях.

Они медленно шли по берегу, пробираясь через мусор и грязь. Солдаты Лердока даже не позаботились вырыть выгребные ямы, чтобы сбрасывать туда отходы.

— Ты только посмотри на это! Они здесь меньше суток, но уже устроили свинарник! — разозлился Карус.

Он сказал это так, словно они с Шариной прогуливались, а не находились посередине вражеского лагеря.

— Если бы я мог беспрепятственно окружить их, то они умерли бы от болезней среди мусора уже через неделю. — Тут Карус вздохнул. — Правда, мои войска тоже подцепили бы эту заразу. Вот одна из причин, почему я не стану так делать.

Грязь раздражала Шарину по другой причине. Там, где она выросла, весь мусор высыпался в яму и перегнивал. А весной крестьяне вывозили его на поля, удобряя землю. Теперь она испытывала искреннее сожаление, что мусор из лагеря Лердока нельзя будет использовать как удобрение.

Она улыбнулась, вспоминая, есть ли что-нибудь подобное в летописях древнего историка Тинсера. Будь сейчас на месте короля ее брат, она бы обязательно поинтересовалась, помнит ли он хоть строчку оттуда. Но у Каруса не было времени на изучение литературы и исторических трудов.

Они прошли мимо костра. Солдаты, сидевшие вокруг него, сгорбились и отвели глаза в сторону. Пройдя мимо, Карус прошептал на ухо Шарине:

— Думаю, они принимают меня за одного из своих офицеров. Это нам на руку. Каждый знает, что офицер может доставить солдату больше хлопот, чем неприятель.

Чтобы походить на рядового офицера, поверх туники король надел красный плащ и литую кирасу с серебряными заклепками, а на ноги сандалии вместо высоких сапог кавалериста. Обмундирование он позаимствовал у одного капитана из полка тяжелой пехоты.

Они уже почти подошли к центральным воротам. Военачальники Лердока не стали организовывать строительство добротных укреплений и изводить солдат муштрой. Основными препятствиями на подходах к лагерю были рвы, выкопанные возле сельских домишек, и кучи мусора.

Центральный въезд в лагерь солдаты перекрыли телегами, перевернутыми вверх колесами, оставив лишь узкий проход.

Шарина подумала, что войска графа Лердока нанесли местным жителям не меньший ущерб, чем королевская армия.

Вход в лагерь охраняло подразделение тяжелой пехоты. Солдаты, стоявшие на посту в полном обмундировании и вооружении, лениво переговаривались между собой. Рядом с ними на земле лежали восьмифутовые копья.

— Готова? — тихо спросил Карус и запнулся. Вопрос был глупым. Что бы он сделал, если бы девушка ответила «нет»?

Король вышел вперед и представился:

— Офицер охраны.

Карус не кричал, но таким голосом обычно докладывают капитану, что корабль тонет. Офицер пехотинцев, молодой парень примерно такого же возраста, как Гаррик, спустился с вышки, устроенной на дереве. В руке он держал фонарь.

— Назовите себя, — грозно попытался приказать командир пехотинцев. Но уже после первого слова его голос дрогнул.

Стражники, не вмешиваясь, наблюдали за происходящим. Шарина заметила, что она интересуется их намного больше, чем Карус. Девушка усмехнулась и повернула голову в сторону, чтобы стражникам был виден лишь ее профиль.

Высокий, широкоплечий солдат, нагло ухмыляясь, вышел вперед и преградил Шарине путь. Она заметила его татуировку — огромного дракона во всю руку. Офицер грозно взглянул на него, но больше не предпринял никаких попыток утихомирить подчиненного.

— Я Карус ор-Рейзе, — кратко представился король, — офицер личной охраны правителя Хафта. Мне поручено сопровождать госпожу в Доннел и назад. Поэтому прошу сообщить мне пароли и отзывы, чтобы мы смогли беспрепятственно вернуться.

— Я не знаю, должен ли... — замялся офицер, соображая, может ли сообщить секретные сведения неизвестному. Так и не приняв никакого решения, он сконфуженно замолчал.

— А зачем она идет в Доннел? — поинтересовался верзила-солдат. — Город в осаде. Что ей там делать?

— Дела Детей Владычицы тебя не касаются, — осадила солдата Шарина и высокомерно взглянула на него. — Если хочешь больше узнать о Лунной Мудрости, я могу помочь. Дети Вла-

дычицы все тебе подробно объяснят. Владычице нужны крепкие плечи и надежные руки.

Верзила испуганно отшатнулся и зашептал молитву Пастырю. Армия Блэйза была наслышана о секте Лунной Мудрости. И, похоже, солдаты боялись Владычицы еще больше, чем противника.

— Хорошо, — собрался с духом командир пехотинцев. Похоже, после того как Шарина приструнила его подчиненного, он решил ответить Карусу. — Пароль — «луна», отзыв — «звезды». Понятно?

— Да. — Король наклонил голову, поправляя ремень. — Мы еще встретимся...

— Лорд Карус, — требовательно заявила Шарина. — Я должна вернуться к графу немедленно.

— Как? — Он правдоподобно изобразил удивление. — Послушай, мы до сих пор еще не вышли. А у нас не так уж много времени, чтобы добраться до города и вернуться обратно до рассвета.

— Значит, ты останешься в Доннеле. — Шарина симитировала гнев великосветской особы, обращающейся к слуге. Этому она научилась у матери, долгое время прислуживавшей королевским особам во дворце в Каркозе.

Она развернулась и прибавила:

— Идите за мной.

Карус изобразил на лице страдание.

— Слушаюсь, миледи.

Он широкими шагами двинулся за Шариной в глубь лагерь, пытаясь догнать ее. Шарина ожидала услышать за своей спиной смех, но сзади не раздалось даже шепота. Интересно, почему их так пугает секта Лунной Мудрости?

— Отличная игра, девочка, — прошептал ей на ухо Карус. — А теперь давай разыграем такое же представление перед лордом Лердианом.

Гаррик стоял на коленях, рассматривая вход в мраморный склеп. На деревянной двери даже через сотни лет, прошедших со времени ее установки, сохранились бронзовые накладки.

Сквозь щели в разошедшихся досках можно было разглядеть лишь свисающую с потолка паутину да блеск чьих-то глаз. От созерцания этой картины его оторвал голос Талемуса.

— Он до сих пор... — Юноша запнулся, подбирая слова. От волнения он нахмурил лоб и искоса посмотрел на Метрона. — ...Такой спокойный, словно спит.

Гаррик уловил в вопросе юноши страх того, что волшебник может умереть, так и не придя в сознание. Сам он этого не боялся, поэтому поспешил успокоить:

— Талемус, с ним ничего не случится. И вряд ли он скорее придет в себя, если ты будешь таращиться на него весь день.

Молодой дворянин, уныло опустив голову, медленно прошел вокруг могильной плиты и вновь остановился возле атамана и Гаррика. Они втроем оказались солидарны в желании как можно скорее привести Метрона в чувство. Волшебник был единственным, кто мог дать ответ на вопрос, почему они оказались здесь, в Викидане.

Остальные разбойники рассыпались по долине, разыскивая ценности в могильных склепах. Время от времени оттуда раздавались радостные крики, свидетельствующие о новой добыче.

— А ты как думаешь, почему мы здесь? — спросил атаман. Он соскабливал дротиком плесень с двери, в щели которой заглядывал Гаррик. — Спорим, что в одном из этих подземелий захоронены священники? Возможно, в могиле лежат такие драгоценности, которых вы даже не можете себе представить.

На двери проявилось изображение луны в лапах паука. Его сеть раскинулась на обе створки. Даже поврежденная временем мастерски выполненная работа поражала воображение.

— Эти вещи не принесут добра тому, кто их найдет. — Гаррик не разделял восторга атамана. Он указал на огромную яму в земле, как раз у входа в склеп. — К тому же нам не попасть в сокровищницу, даже если удастся открыть дверь. Проход внутри засыпан.

Гаррик встал на ноги. Он предполагал, что разрушение кладбищенских склепов произошло в результате землетрясения. И трудно сейчас назвать причину, которая его вызвала. Им будет нелегко открыть запертую дверь имеющимися инструментами,

но расчистить проход, заваленный гранитными глыбами, просто невозможно.

— А на чем мы повезем золото, которое найдем? — поинтересовался Талемус. Он наклонился, заглянул в щель и поднял на атамана испуганные глаза. — Мне кажется, здесь слишком много пауков. Вы не находите?

— Да. — Вескей нахмурился. Хотя вопрос Талемуса и разозлил его, но он был очень своевременным. Юноша напомнил о трудностях, которые им предстоят, когда сокровища нужно будет выносить. Деревянная нога атамана не способствовала переноске тяжестей.

Вескей еще раз постучал по бронзе дротиком.

— Может, именно поэтому они молились паукам? Как думаете?

— Нет, — возразил Гаррик. Ему не нравилась тема разговора. — Я думаю, причина в другом. Вескей, мне кажется, нам нужно убираться отсюда, и как можно скорее.

Он уже давно заметил дыры в скале. Может быть, Вескей не обратил на них внимания или не понял, что это такое. Несмотря на то что атаман шайки был умным и образованным человеком, он не был деревенским жителем.

Пещеры создала не природа. Они — творение рук человека. Их не заливала морская вода во время прилива. И они, похоже, соединялись подземными ходами с кладбищенскими склепами. Вряд ли кто-то рыл эти подземелья с добрыми намерениями. И Вескей должен был сам догадаться об опасности, которая грозила всей его шайке, но, судя по всему, этого не понимал.

Отчаянный визг отвлек Гаррика от невеселых мыслей. Он повернулся узнать, кто стал добычей ястреба. Наверняка кролик.

Жертвой действительно оказался толстый кролик. Но поймали его не когти ястреба, а крепкая паучья сеть. Задние лапки и пушистый хвост зверька отчаянно тряслись. Животное изо всех сил било передними лапками по сети, но не могло разорвать тонкие и прочные, как шелк, нити.

Черный паук с оранжевой полосой на спинке размером с женский кулак полз к жертве, набрасывая дополнительные петли на пушистое тельце.

— Кто-нибудь видел хотя бы ящерицу, с тех пор как мы здесь? — спросил Гаррик, наблюдая за пауком. Он боролся с желанием раздавить мерзкую тварь и выпустить кролика. Люди, привыкшие работать в саду, не питают большой симпатии к грызунам.

Кроме того, в этом залитом солнцем городе мертвых было слишком много пауков, чтобы он смог перебить их всех.

— Ящериц? — переспросил Вескей. — Нет, я не видел здесь никого, даже змей, да будет благословенна Госпожа. Хотя после пребывания на Змеином острове я готов иметь дело с кем угодно, только не со змеями.

Гаррик удивленно посмотрел на Вескея.

— Я говорю про другое. Но все то время, пока мы искали кольцо Талемуса, мне даже не приходило в голову, что ты боишься змей.

Вескей улыбнулся.

— Даже не приходило в голову? Да все братство было напугано так, будто на острове обитало привидение. И я не меньше.

Атаман пожал плечами. Его признание поразило Гаррика. Он уже не в первый раз почувствовал к атаману уважение. Обычно героями оказываются те люди, которые не боятся признаться в своем страхе. Каждый человек чего-нибудь боится. Но не каждый расскажет об этом.

Метрон громко закашлялся и сел. Он вел себя почти так же, как в тот раз, когда Гаррик вытащил его из пруда. Талемус стоял к волшебнику ближе всех. Но Гаррик с Вескеем опередили молодого человека.

Гаррик подхватил Метрона под руки, чтобы поддержать. Волшебник пытался встать.

— Может, ты еще немного отдохнешь, мастер Метрон? — попытался проявить заботу атаман.

— У нас нет для этого времени, — раздраженно ответил Метрон. Он оперся руками о землю и повернулся, оказавшись на четвереньках. — Со мной говорила Владычица. У нас очень мало времени. Его почти совсем нет.

Волшебник встал на ноги, слегка покачиваясь. Лицо его заливала мертвенная бледность.

— Это Викадан? — Метрон огляделся по сторонам. — Кто может мне это подтвердить?

— Да, — поспешил успокоить его Талемус. — Я много читал об этих каменных склепах.

— Это Викадан, — подтвердил и атаман. — Но я хочу знать, почему мы здесь. Ты обещал отправить нас в то место, где мы хотели бы оказаться. Так почему же ты этого не сделал?

— У меня нет времени на объяснения. Здесь, должно быть, полно животных, пойманных в паучьи сети. Соберите их как можно больше и несите мне.

Пока он все это говорил, в паутину, свисавшую со стены склепа, попал кролик. Паук обмотал его прочной нитью, но маленькое животное все еще билось, тщетно пытаясь вырваться из шелковой тюрьмы. Метрон склонился над несчастной жертвой и вырвал кролика из паутины. Паук, сидевший в центре своей сети, даже не шелохнулся.

— Идите же, собирайте и несите их мне. Я буду ждать вас на скале.

Вескей ничего не понял, а Гаррик нахмурился. Метрон не стал даже осматриваться, чтобы убедиться, что здесь нет пологого берега. Он знал это наверняка.

— Что ты собираешься делать с животными, мастер Метрон? — задал мучивший его вопрос Гаррик. Он чувствовал, что маг не говорит им правды.

— Пытаюсь спасти ваши жизни. Хватит болтать. Отправляйся за животными. Мне надо их очень много.

— Метрон, кровавые жертвы еще никого не доводили до добра, — предупредил Гаррик, не собираясь принимать участия в исполнении замыслов мага.

Волшебник не удостоил юношу ответом. Он повернулся и пошел быстрой, слегка неуверенной походкой к скале. По пути Метрон несколько раз останавливался, чтобы выдернуть из сетей пауков их жертвы.

Талемус и Вескей отправились выполнять указания Метрона без возражений. Правда, атаман, прежде чем забрать жертву из паутины, протыкал тело ее владельца дротиком.

Волшебник расположился на краю скалы. В одной руке он зажал двух кроликов, добытых в сетях пауков. В другой держал

жезл, которым уже чертил что-то на земле. Кольцо с сапфиром, как всегда, блестело у него на пальце.

— Эй, Братья! — заголосил Вескей. — Братья!

Разбойники, шарившие по склепам, прервали свое занятие и оглянулись на зов атамана. Халофий приложил к губам рог и затрубил, призывая шайку собраться в одном месте.

— Ищите в паутине живых кроликов, — приказал Вескей. — И несите их живыми к волшебнику, только быстро.

Он посмотрел на Гаррика.

— Гар, ты сам себе хозяин, и я уважаю тебя за твои убеждения. Что до меня, то я, не задумываясь, перережу горло несколькими мышам, если это поможет спасти мою жизнь.

Гаррик понимающе кивнул. Он плотно сжал губы, но спорить не стал.

Вескей развернулся и пошел к Метрону. Талемус, смущенно посмотрев на Гаррика, двинулся вслед за атаманом. В руках у него билась очередная жертва паука.

Разбойники стремились к Метрону с животными в руках. Некоторые так и не смогли выпустить из рук добычу, награбленную в склепах. Адемию повезло больше всех. Он сумел найти золотой нарукавник, украшенный драгоценными камнями, и золотой кубок. Кроме того, на шее разбойника болталась толстая золотая цепь.

Вескей отдал пойманного зверька и отправился за другим. На секунду он задержал взгляд на Гаррике. Не останавливаясь, атаман возобновил поиски новых жертв пауков. Все кусты на кладбище были густо увешаны сетями.

Гаррик вздохнул. У него пересохло во рту. Но он еще не увидел в этом месте ни одного источника воды.

— Дузи, помоги мне! — взмолился юноша.

На шее уже давно не было медальона Каруса. Гар ничего подобного не носил. Но руки по привычке ощупывали тунику на груди в поисках заветного талисмана.

Что сделал бы Карус? Во всяком случае, не сидел бы здесь и не хандрил. Это уж точно. Гаррик понял, что не следует надолго оставаться в Викадане еще до того, как волшебник пришел в сознание. И наблюдая сейчас за тем, как Метрон пускает кровь

маленьким, ни в чем не повинным зверькам, он лишь больше утвердился в своем мнении.

Гаррик вспомнил рассказ Вескея об этих местах и облегченно засмеялся. Конечно же, атаман говорил, что сразу за горами будут болота. Хоть какая-то, но вода. Гаррик проверил на поясе меч и направился к югу. Он найдет источник, а когда напьется, вернется к разбойникам. Метрон за это время уже закончит колдовать. Голод и жажда охладят эйфорию, охватившую разбойников после удачного избавления от мерцающей жидкости.

Юноша оглянулся.

— Вескей! Я пойду искать воду. Вернусь, когда будет угодно Пастырю!

Атаман поднял голову и помахал дротиком в знак того, что понял его.

Над скалой в воздух поднялось большое багровое облако, светящееся изнутри. Тело и одежда Метрона в тот же момент стали прозрачными. Его скелет поверг в ужас окружающих.

Гаррик нахмурился и, отвернувшись, отправился в путь.

Облако магического света напугало разбойников, и они прекратили поиск новых животных. Вескей хрипло прокричал:

— Вперед, дураки! Неужели какая-то жалкая вспышка может напугать вас? И вы будете плясать на нее, вместо того чтобы спасти свою жизнь?

Гаррик не верил, что Метрон спасет их с помощью кровавой магии. Он уже не раз видел волшебников, использующих в своих ритуалах кровь живых существ. И каждый раз результат был плачевным не только для мага, но и для тех, кто доверился ему.

Он шел к перевалу, не потому что убегал от Метрона и его магии, а потому что не мог оставаться там, где творится зло. Гаррик не собирался отговаривать ни Талемуса, ни разбойников. Каждый сделал свой выбор. Но сам он не хотел сейчас оказаться в одной компании с кем-либо из них.

Вновь, словно молния, вспыхнул магический свет. На этот раз розового цвета. Вспышка затмила даже яркое в этих краях солнце. Тень Гаррика задрожала, будто соприкоснулась с силами Зла.

Длинный и протяжный звук трубы заставил покрутить головой. Вначале он подумал, что это рог Халофия. Но разбойники остались позади. А звук доносился со стороны горного перевала. Юноша в недоумении остановился. Труба заиграла опять.

В этот момент из ущелья появились первые ряды солдат. Их командира несли на руках два огромных монстра. С того места, где стоял Гаррик, невозможно было разобрать, кто это. Но флаг с драконом, развевавшийся над ними, указывал на принадлежность войска Заступнику. Солдаты заполнили всю равнину. И Гаррик к своему ужасу понял, что это не люди. Перед ним была армия ящериц. Только шли они прямо и держали в лапах бронзовое оружие. Трубач затрубил вновь.

Гаррик развернулся и побежал назад к разбойникам, сжимая в руке ножны, чтобы не били по ногам. Теперь его уже не интересовало, что делает Метрон. Место Гаррика сейчас было на древнем кладбище среди попавших в ловушку товарищей.

Вспышки магического света дрожали в круге силы, которую призвал Метрон. От испуга разбойники разбежались по всему кладбищу, стараясь укрыться от приближающейся армии невиданных ими ранее чудиш.

Только Адемий, наклонив голову, мчался по дороге вдоль моря с поднятыми к небу руками. Споткнувшись, он упал, но тут же вскочил на ноги. Разбойник уже растерял все найденное золото, кроме цепи на шее.

— Вескей, — закричал Гаррик и в тот же миг увидел его. Одноногий атаман не побежал прятаться. Справа от него, скрепив на груди руки, стоял Талемус. — Оставайся там, где стоишь! Я нашел выход!

Он не знал, что ждет их в подземельях и как они оттуда выберутся. Но три вооруженных человека в узком проходе могут долго держаться против целой армии. Во всяком случае шанс уцелеть у них есть. И они его используют. Жизнь — это всего лишь время. Время прибавляется к времени, если есть к чему прибавлять.

Взбираясь на берег, словно муравьи, к Метрону шагала армия Архаев, переговариваясь друг с другом трескучими голосами. Они шли, не обращая внимания ни на Вескея, ни на Талемуса.

Архаи построились перед скалой в шеренгу, подняли вверх клешни и застыли в ожидании. Метрон поднял целую армию насекомых, чтобы послать ее в сражение против войск Заступника.

Гаррик выхватил меч и пробежал мимо строя Архаев, слегка пригибаясь, чтобы они не задели его клешнями. Гигантские насекомые даже не повернулись в его сторону.

— Идите за мной, пора выбираться отсюда! — закричал юноша, обращаясь к Вескею и Талемусу.

Появление Архаев только подтвердило его уверенность в том, что это место совершенно непригодно для людей.

Илна словно плыла в море жемчужного света. Внезапно она почувствовала какое-то подергивание, и в ту же минуту ее тело стремительно опустилось вниз. Девушка увидела, что лежит на каменной скамейке, похожей на те, что были в храме Артлана.

Похожей, но другой, и не в храме. Незвестная сила перенесла Илну в неширокую долину. Солнечный свет, доходивший сюда, рассеивался, отражаясь от препятствия в небе. Этим барьером был не каменный потолок пещеры, на который девушка смотрела, когда колдовала Алекта. И не густые облака в небе. Свет рассеивал какой-то рисунок из тонких полосок и завитков. Илна подумала, что могла бы даже запомнить его, чтобы выткать, если бы захотела.

Растительность в долине показалась ей скудной. На этой малоплодородной почве из смеси торфа и песка сумели прижиться лишь ели да низкорослые лиственные деревья, похожие на кизил и терн. Холмики, покрытые чахлой травой, подошли бы козам, но не овцам. Впереди виднелся базальтовый холм. У его подножия выходил на поверхность известняк.

С деревьев свисали сети пауков. Сами твари были огромными, как кабаны, и смотрели на Илну мерцающими глазами.

Девушка попала, точнее, ее доставили в оплетенный паутиной мир, который Теноктрис видела в воспоминаниях мертвого Эйхеуса. Но как это произошло, Илна не знала. И, похоже, времени на выяснение у нее не будет.

Она поднялась со скамьи, потому что считала недостойным умереть лежа. Серебристо-черный паук размером с небольшо-

го быка спустился вниз и направился ей навстречу. С дерева свисала огромная паутина, сплетенная из толстых шелковых нитей.

Девушка достала из рукава моток ниток. Она гордилась тем, что с помощью рисунков могла подчинять своей воле живых существ, у которых имелись глаза. Если бы огромный паук был один, то Илна держала бы его в подчинении до самого рассвета.

Но в долине этих тварей оказалось больше, чем людей в Вэллесе. Самый маленький — размером с собаку. Их челюсти могли разорвать ее на мелкие кусочки. Совсем не так Илна хотела бы умереть. Она горько усмехнулась. Не ей выбирать, как окончится жизнь.

— ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ИЛНА ОН-КЕНСЕТ. МОЕ ПОЧТЕНИЕ ТЕБЕ, — зазвучал голос в ее голове. — МЫ, ПРЯДУЩИЕ ВСЮ ЖИЗНЬ, ПРИШЛИ ПОКЛОНИТЬСЯ ТЕБЕ, ВЕЛИКОЙ ТКАЧИХЕ.

— ОНА БОИТСЯ НАС, — услышала она другой голос. — НО У НЕЕ НЕТ ПРИЧИН ДЛЯ СТРАХА. МЫ ЕЕ ДРУЗЬЯ И УЧЕНИКИ.

— МЫ ТВОИ ДРУЗЬЯ И ПОСЛЕДОВАТЕЛИ, ИЛНА, — бился ей в уши разноголосый хор.

— Но вы же пауки. — Илна старалась говорить спокойно, но внутри все дрожало от страха.

— ДА, МЫ ПАУКИ. — Серебристо-черный гигант уставился блестящими глазами на Илну и закивал головой, подтверждая сказанное. — ТЫ ПРИШЛА, ЧТОБЫ УЧИТЬ НАС?

Илна нахмурилась.

— Не знаю, что это за место и почему я здесь оказалась.

Девушка хотела сказать, что ее привел сюда случай, но решила не торопиться с объяснениями. Она не знала, чего так боялся Эйхеус. И вряд ли то, что она попала именно в это место, было простым совпадением. Никто не умел так хорошо читать рисунки, как Илна.

Гигант поклонился.

— ПО КАКОЙ БЫ ПРИЧИНЕ ТЫ НИ ПОПАЛА К НАМ, МЫ ОЧЕНЬ РАДЫ ТЕБЯ ВИДЕТЬ. МЫ НАБЛЮДАЕМ ЗА

ВАШИМ МИРОМ В ТЕХ МЕСТАХ, ГДЕ БАРЬЕР ОЧЕНЬ ТОНКИЙ. НО У НАС НЕ ЧАСТО ПОЯВЛЯЮТСЯ ТАКИЕ ГОСТИ, КАК ТЫ, ИЛНА. ХОЧЕШЬ ОСМОТРЕТЬСЯ В НАШЕМ МИРЕ?

— Да, покажите мне его. — Илна прикрыла глаза ладонью, собираясь с силами. Пауков она ненавидела с детства. Открыв глаза, девушка уставилась на их предводителя. — Где мы? Я сама вижу, что это не мой мир. Тогда где я?

— ОТВЕДИ ЕЕ К МОГИЛЬНОМУ ХОЛМУ, — зазвучал в ушах писклявый голос.

— ОТВЕДИ ЕЕ К МОГИЛЬНОМУ ХОЛМУ, — сказали пауки хором, — ПУСТЬ ОНА УВИДИТ СВОЙ МИР.

— ТЫ ПОЙДЕШЬ СО МНОЙ, ИЛНА? — спросил гигант и указал на холм из черного базальта. — ТЫ УВИДИШЬ СВОЙ МИР С ТОЙ ЖЕ СТОРОНЫ, ЧТО И МЫ.

— Хорошо, — согласилась Илна. Она боролась с желанием упасть на землю, спрятав в ладони лицо и зарыдать. Это все равно не приведет ни к чему хорошему. — Я могу вернуться в свой мир через могильный холм?

Гигантский паук, не торопясь, развернулся и медленно двинулся в сторону холма. Илна без труда следовала за ним.

— Я СОЖАЛЕЮ, НО ОТСЮДА НЕТ ВЫХОДА В ТВОЙ МИР, ИЛНА. ТОТ, КТО ЗАПЕР НАС ЗДЕСЬ, ПОЗАБОТИЛСЯ ОБ ЭТОМ. НО ИНОГДА ЧЕРЕЗ ЭТОТ БАРЬЕР ЛЮДИ МОГУТ ПРИЙТИ К НАМ.

От этих слов у Илны все внутри сжалось. Она едва могла дышать, словно куропатка в сетях охотника.

Но это продолжалось всего несколько минут. Девушка нахмурилась и решительно выпрямилась. Она вспомнила о долге. От ее решительности и умения зависит жизнь очень многих людей.

Илна с интересом посмотрела на небо. Барьер, который рассеивал солнечные лучи, показался ей похожим на прореженную ткань, присобранную в складки. Кажется, это был рисунок. Один из таких, что выходят с ее ткацкого станка. Может быть, только более сложный.

При этой мысли Илна закусил губу от внезапно пришедшей в голову догадки. Конечно, это лишь другой, более сложный способ ткачества. Если ей дадут немного времени и возможность поэкспериментировать, то она наверняка сумеет разгадать зашифрованную на небе загадку.

А сейчас нужно попытаться узнать как можно больше у проводника.

— Не верю, — заявила она. — Мне кажется, выход есть. Так же как мое появление лишний раз свидетельствует, что есть вход.

— ВОЗМОЖНО, ЧТО ДЛЯ ТЕБЯ И ЕСТЬ, — ответил паук. В его голосе слышалось согласие и какое-то странное восхищение. — МЫ НЕ НАСТОЛЬКО ИСКУСНЫ, КАК ТЫ. МЫ НЕ ВИДИМ ВЫХОДА.

Другие пауки наблюдали за ней издалека. Некоторые даже поворачивались в паутине, чтобы проводить ее взглядом.

— Ты сказал, что вас изгнали. Как это произошло?

Вопрос, который она задала, был не самым важным для нее. Больше всего ее сейчас интересовало, что же пауки ели все это время. Она едва удержалась, чтобы не спросить: вы что же, собираетесь сожрать меня? Через несколько минут девушка получила ответ на свой вопрос и успокоилась.

— МНОГО ВЕКОВ НАЗАД, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПОЯВИЛАСЬ ТВОЯ РАСА, ВАШИМ МИРОМ ПРАВИЛИ РЕПТИЛИИ. МЫ ЖИЛИ В МИРЕ С ЯЩЕРИЦАМИ. НО ИХ ВОЛШЕБНИК ОПОЛЧИЛСЯ ПРОТИВ НАС. СИЛА ЕГО БЫЛА ВЕЛИКА. НО ОН НЕ СМОГ УНИЧТОЖИТЬ НАС ВСЕХ. ТЕХ, КТО УЦЕЛЕЛ, ОН ОТПРАВИЛ В ЭТОТ МИР. ЗДЕСЬ НЕТ НИКОГО, КРОМЕ НАС И РАСТЕНИЙ, НА КОТОРЫХ МЫ ПЛЕТЕМ СВОИ СЕТИ.

Илна с облегчением вздохнула и почувствовала, что напряжение, сжимавшее ей грудь, отпустило.

— Я и не подозревала, что пауки питаются растениями, — усмехнулась девушка. Они уже почти подошли к базальтовому холму. Низкий склон зарос деревьями сильнее, чем долина, откуда они только что пришли. Но как и там, здесь тоже повсюду висели сети пауков.

— МЫ ПЬЕМ СОК РАСТЕНИЙ, ИЛНА. ЗДЕСЬ НИКОГО НЕТ. ТОЛЬКО РАСТЕНИЯ И МЫ. МЫ СОВСЕМ НЕ ПОХОЖИ НА СВОИХ СОРОДИЧЕЙ ИЗ ТВОЕГО МИРА.

Они остановились у базальтового склона, разделявшего долину на две части. Это оказалось основание древнего вулкана, который умер много веков назад. Более мягкие породы давно источили вода и ветер. На его вершине деревьев не было, лишь зеленая трава пробивалась сквозь черный базальт.

Илна стояла у холма и никак не могла понять, почему ее проводник выбрал именно это место. Паук заполз на гладкую чашу потухшего кратера и произнес:

— СМОТРИ НА НЕБО. НАБЛЮДАЙ ЗА БАРЬЕРОМ, ИЛНА.

Он приподнял огромное тело и засучил задними ногами. Из брюха на них закапала прозрачная жидкость, которая, застывая, превращалась в шелковую нить. Паук начал плести какой-то узор прямо на глазах у Илны.

— СМОТРИ НА НЕБО.

Илна подняла голову вверх. На небе она рассмотрела едва различимые полоски жемчужного цвета, которые сплетались в не слишком оригинальный рисунок. Получилось что-то, похожее на паука, плетущего сеть. В центре паутины вспыхнул свет. И Илна увидела...

— Гаррик! — не удержалась она и тут же смутилась и прикусила язык, мысленно проклиная себя за несдержанность. Юноша в одежде обычного солдата шел вместе с Шариной вдоль палаток вражеского лагеря. На самом деле это был не ее друг детства. Тело Гаррика на время, пока душа принца не вернется на место, позаимствовал сильный опытный воин.

Илна мрачно усмехнулась. Теноктрис послала ее искать причины и врагов. Она нашла и то, и другое. Но теперь не могла отыскать способ, чтобы сообщить обо всем друзьям. Она подводит их.

— МЫ ЧАСТО НАБЛЮДАЛИ ЗА ТОБОЙ, ИЛНА. ВО ВСЕЙ ВСЕЛЕННОЙ НЕТ БОЛЕЕ ИСКУСНОЙ ТКАЧИХИ, ЧЕМ ТЫ. МЫ ПРЕКЛОНЯЕМСЯ ПЕРЕД ТОБОЙ. НЕТ В

МИРЕ ТАКОГО РИСУНКА, КАКОЙ ТЫ НЕ СМОГЛА БЫ РАЗГАДАТЬ.

Илна насмешливо фыркнула. Девушка знала о своем искусстве. Но ей пришлось заплатить за него слишком высокую цену. Она побывала в Аду. А когда вернулась в свой мир, то натворила столько зла, что до сих пор пытается искупить свою вину. Поэтому она не любила, когда хвалили ее талант. Теперь Илна хорошо знала, к чему приводят злость и ненависть, когда разум поддается этим чувствам.

— Вы отсюда наблюдаете за тем, что происходит в нашем мире?

Паук начал распускать нить рисунка.

— В ЭТОМ МЕСТЕ В БАРЬЕРЕ ПРОРЕХА, — объяснил он. — СЕЙЧАС Я ПОКАЖУ ТО, ЧТО ТЫ ХОТЕЛА УВИДЕТЬ БОЛЬШЕ ВСЕГО, ИЛНА.

В небе исчезли образы Шарины и Каруса. У нее опять запыло в груди, но она терпела, рассматривая новый рисунок.

Девушка сразу же узнала, где происходит то, что она видит на рисунке паука. Это была святая святых секты Лунной Мудрости, храм в Доннеле. Несколько Детей Владычицы готовились к проведению обряда. На этот раз они готовились принести в жертву не кроликов, а худенькую черноволосую девочку. Ее голое тело дрожало от прикосновения к холодному мраморному полу.

Один из жрецов, склонившихся над ребенком, выпрямился. Илна смогла рассмотреть лицо девочки. Она охнула и прикрыла ладонью рот. В жертву готовились принести Мероту.

Ноги паука продолжали сучить шелковую нить. Рисунок на небе вновь поменялся. В запутанном лабиринте паучьих нитей Илна рассмотрела то, что было неподвластно взору других. Она увидела Свору. Секта Лунной Мудрости выпустила их. Но девушка помнила предупреждение Алекты, что над Сворой не властен ни один волшебник.

Затем всего лишь на короткое мгновение девушка увидела своего брата Кэшела, сидевшего в лодке возле незнакомой девушки. Они отплывали от города, который затягивало серым туманом.

Паук задвигал ногами в обратном направлении. Скрутил нить, и небо стало прежним.

— ТЫ УВИДЕЛА СВОЕГО БРАТА. НЕ ТАК ЛИ, ИЛНА? — Услышала она его голос.

— Да, это Кэшел. Я...

Сейчас она хотела остаться одна. Ей нужно было изучить рисунок барьера, чтобы понять его. И она не хотела, чтобы в этот момент ее кто-то отвлекал. Но прежде чем просьба сорвалась с губ, паук раскинул сеть с новым рисунком. Илна увидела настоящего Гаррика, который с обнаженным мечом пробирался по низкому коридору подземелья к движущейся темной массе. То огромное, что двигалось на рисунке, было скрыто от глаз Илны. Но она чувствовала, что тот, кто скрывается от ее взгляда, порожден силами Зла. Это существо наделено огромной магической силой и враждебно настроено не только против Гаррика, но и против всего живого.

Паук скрутил сеть и закрыл рисунок, на этот раз окончательно. Усевшись на верхушку вулкана, он засунул моток шелка себе в рот. Медленно двигая челюстями, гигант жевал до тех пор, пока не проглотил его.

— ТВОИМ ДРУЗЬЯМ НУЖНА ПОМОЩЬ, ИЛНА, — зავучал голос в ее голове.

— Да, — мрачно согласилась девушка. Она держала в руках свой моток ниток, сплетая и расплетая их, чтобы привести в порядок мысли и найти верное решение. Оно обязательно найдется.

— Я бы хотела ненадолго остаться одна, — обратилась она к проводнику. — Мне надо заняться собственными нитями. Думаю, что смогу открыть барьер с этой стороны. Но для этого мне придется поработать. Вы согласны? — обратилась она ко всем паукам.

— ВСЕ, ЧТО ПОЖЕЛАЕШЬ, ИЛНА. ТВОЕ ИСКУССТВО НАМНОГО ПРЕВОСХОДИТ НАШЕ.

Илна присела на базальтовую плиту и принялась смотреть в небо. Серебристо-черный паук медленно уползал к своей сети.

— МЫ ТВОИ УЧЕНИКИ, — вновь послышался в ушах девушки хор голосов. — МЫ БУДЕМ УЧИТЬСЯ У ТЕБЯ.

Глава двадцать первая

К тому времени, как солнце поднялось над горизонтом, туман рассеялся. Кэшел бросил взгляд через плечо и впервые увидел другой берег реки. Он радостно хихикнул.

Тильфоза спала, свернувшись калачиком на корме. Услышав шум, она мгновенно проснулась.

— В чем дело? Кэшел, что случилось?

— Я не совсем уверен. — Юноша смущенно улыбнулся. — Но, по-моему, сейчас уже лучше, чем было раньше. Ты видишь землю, Тильфоза?

— Да. — Девушка сощурилась от утреннего солнца. В ее голосе звучало сомнение. — Но, кажется, там болото.

— Правильно, но это все равно земля. Я греб всю ночь. И уже начал думать, что мы будем выбираться отсюда до скончания века.

— Только не это! — воскликнула Тильфоза и посмотрела на запад, в ту сторону, где остался Сунг. Из города не доносилось ни звука. Похоже, его жители еще спали. Девушка повернулась к Кэшелу: — Ты греб всю ночь? Что теперь будет с твоими руками?

Она наклонилась и погладила его ладонь.

— Со мной все в порядке, госпожа, — смутился Кэшел. — Я привык к тяжелой работе.

Это было чистой правдой. На его загрубевших ладонях не появилось даже следов мозолей. И плечи не ныли. Но Тильфоза не хотела этого понимать.

— Нет, ты не должен так надрываться! — заявила она. — Ты совсем не жалеешь себя!

— Разве кто-то заставляет меня, госпожа? — спросил спокойно Кэшел, стараясь ее успокоить. — Я гребу, потому что сам так решил.

— Ну и греб! — обозлилась девушка.

— Госпожа, — Кэшел слегка повысил голос, — я не хочу плыть по реке до тех пор, пока мы не умрем с голоду. А чтобы быстрее добраться до берега, мне нужно грести. Тебе это ясно?

Тильфоза вспыхнула и потупилась. Потом извинилась:

— Прости. Мне все понятно, Кэшел. — Она указала пальцем на противоположный берег. — Мы что, плывем к тому городу?

— Куда? — Он удивленно оглянулся. В туманной дымке на заболоченном берегу стали вырисовываться какие-то строения. Влажные каменные стены слегка дымились, высыхая на солнце. Кэшел удивился, как сам не заметил эти здания.

— Забавно. Ну что ж, значит, мы приплыли. Будешь подсказывать, куда направлять лодку, если течением нас будет сносить к берегу.

Он с удвоенной силой взялся за весла и продолжил грести. Шанс на то, что слабое течение реки прибьет лодку к берегу, был настолько ничтожен, что скорее бы у Кэшела выросли крылья.

Юноша улыбнулся Тильфозе. Он не сердился на нее за упрямство и нежелание признавать свою очевидную неправоту. Кэшел понимал, ей, благородной госпоже, никто не объяснял, что усердный труд не причиняет человеку вреда. Илна, заменившая ему мать, воспитывала его именно так. Да и сама никогда не сидела, сложив руки.

— Я потеряла свой нож, — внезапно сказала девушка. — У меня его нет...

Она шарила за поясом потрепанной туники. Им так и не удалось приобрести новую одежду. А задерживаться в Сунге еще на день Кэшел не решился.

— Надеюсь, он тебе больше не понадобится, — поспешил он успокоить Тильфозу. Когда не знаешь, что случится дальше, нет оснований предполагать, что впереди тебя ждет что-то плохое. — К тому же со мной мой посох.

Тильфоза улыбнулась, впервые с тех пор, как они покинули Сунг.

— Тогда я спокойна. Ведь у меня есть ты.

— Я буду рядом, пока мы не доберемся туда, где ты захочешь остаться, — заверил ее Кэшел, двигая руками, как мельничными крыльями. Из-под весел во все стороны летела вода. Позади лодки пенились волны. — И да поможет нам Пастырь.

— Еще недавно я бы сказала, что нам помогает Владычица, — задумчиво произнесла Тильфоза. — Но теперь мне все

труднее в это верить. Ты же еще ни разу не подвел меня. И лучше я буду надеяться на тебя, чем на нее.

Она откашлялась и продолжила:

— Мы приближаемся к причалу. Но я думаю, что ты уже и сам почувствовал.

— Все равно спасибо, гос... Спасибо, Тильфоза.

Конечно, он еще раньше догадался, что берег близко. Все свои знания Тильфоза почерпнула из книг, и они не были подкреплены житейским опытом и практическими навыками. Кэшел уже не раз убеждался в этом.

Он посмотрел через плечо, выбирая место, куда бы можно было причалить. Швартовые тумбы причала давно сгнили. Под водой юноша разглядел ступеньки. Похоже, это все, что осталось от причального трапа.

Кэшел развернул лодку, чтобы течение подтащило ее ближе к причалу. Река и берег в этом месте были покрыты толстым слоем водорослей. Кое-где солнце высушило их, и они приобрели зеленовато-серый цвет.

Юноша последним усилием подтолкнул лодку к берегу и выбрался на сушу.

— Если сможешь перепрыгнуть... — обратился он к девушке. Но Тильфоза уже сама решила, что ей делать. Она встала на нос лодки, оттолкнулась и перепрыгнула на большой камень у края воды.

Кэшел одобрительно улыбнулся. Несмотря на все предосторожности, Тильфоза все-таки намочила ноги, но, похоже, даже этого не заметила.

Кэшел подтащил лодку чуть дальше и оставил у грязного причала, облепленного высохшими на солнце водорослями. Он обещал рыбаку оставить его судно на берегу, когда закончит со своими делами. Юноша сдержал слово, но понимал, что вряд ли тому удастся вновь увидеть свою плоскодонку. Рыбак скорее всего так и думал, но Кэшел чувствовал некоторое смущение, что не совсем оправдал чьи-то ожидания.

Он усмехнулся своим мыслям.

— Кэшел, о чем ты задумался? — окликнула его девушка.

— Я брал лодку у одного рыбака в Сунге. И обещал оставить ее на берегу, когда решу все проблемы. Надеюсь, у него будет

возможность убедиться, что, может, я не слишком умный, но не мошенник.

Тильфоза нахмурилась, пытаясь понять, что так волнует ее друга.

— Понимаешь, люди привыкли думать, что я тупой, — попытался объяснить Кэшел. — Поэтому я не буду обижаться на рыбака.

— Но это же неправда! — возмутилась Тильфоза. — Ты вовсе не тупой. Давай лучше поищем, чем можно подкрепиться.

— Хорошо, — согласился Кэшел. — Только подожди минутку.

Он поднял со дна лодки посох. И чуть отойдя в сторону от девушки, начал вращать его перед собой сначала одной рукой, потом другой. Набирая скорость, Кэшел покрутил дубинку над головой, потом подпрыгнул и развернулся в воздухе, не переставая вращать оружие в руках. Его движения завораживали красотой.

— Вот, — задыхаясь, произнес Кэшел, — так!

Тильфоза смотрела на него широко открытыми глазами, прикрыв рукой рот.

— Кэшел, это так забавно!

— Как? — Он с недоумением уставился на нее. Казалось, ему хотелось услышать от девушки совсем другое. — Это не... Я просто хотел размять мышцы. Пошли!

Большой беды в том, что девушка не оценила его ловкость, не было. Но все-таки он ожидал комплимента.

— Тильфоза, тебя забавляет то, что такой большой мужчина, как я, не так уж и неуклюж?

— Нет, Кэшел, ты двигался как бог. Я сейчас вспомнила о том, как ты справился с моряками. Там, в храме.

Кэшел впервые подумал о том, что лорду Талемусу очень повезло. И он должен быть счастлив, когда Тильфоза придет к нему.

Они вошли в город. Он неприятно поразил их узкими улицами, скользкими от еще непросохшей грязи. На подсохших стенах убогих домов уже появились серо-зеленые трещины. В воздухе пахло гниющими водорослями. Но запах был не настолько резким, как от болотных растений, выброшенных на берег.

Кэшел выбрал место почише и остановился.

— Не похоже, чтобы город был разрушен, — поделилась с ним своими наблюдениями Тильфоза. — Стены стоят, и даже штукатурка не обвалилась.

— Только все почему-то покрыто грязью, — поддержал разговор Кэшел.

— Должно быть, еще совсем недавно река заливала весь город. — Тильфоза остановилась и заглянула в приоткрытую дверь. Низкую, узкую, расширяющуюся книзу. Привычных арок в городских домах не было.

— Ничего нет. — Девушка повернулась и нахмурилась. — Ничего, кроме грязи.

— Думаю, мы не найдем здесь еды. Может, вернемся к реке и поймем карпа? — предложил Кэшел.

Тильфоза, прикрыв глаза рукой, посмотрела на солнце.

— Мы слишком долго шли с тобой на восток. Наверное, с нас достаточно этого направления. Пойдем в другую сторону.

Кэшел обрадовался, что она сказала об этом вслух. Он и сам как раз подумал о том же.

Убогие улицы города переплетались странным образом. Было непонятно, где заканчивается одна и начинается другая. Но куда бы ни повернули путники, по какой бы улице ни пошли, они все время оказывались перед входом в странное здание, окруженное со всех сторон каменным забором. Похоже, что все дороги в городе вели к нему и заканчивались у одного из многочисленных входов.

Когда они в очередной раз увидели перед собой все ту же стену, Кэшел решил. Он крепче сжал в руке посох и, пригнувшись, прошел через низкую перекошенную дверь во внутренний двор. Тильфоза последовала за ним. Остановившись в центре, они огляделись. Это место очень сильно отличалось от всех тех, где им уже довелось побывать.

Девушка провела ногой по мягкой грязи.

— Смотри, по центру выложен какой-то рисунок. — Топнув ногой, она отряхнула сандалию. — Интересно, что он означает? Я хотела бы узнать, кто и для чего построил этот город?

Голос Метры заставил их вздрогнуть. Волшебница вышла из той же двери, через какую прошли во двор и они.

— Его построили Архаи, — невозмутимо пояснила она. — Но до сегодняшнего дня они в нем не жили.

Тильфоза закричала от злости и ужаса.

И словно по команде, во внутренний двор с разных сторон стали входить Архаи, подняв вверх клешни. Кэшел стремительно шагнул к Метре и занес над ее головой посох.

Архаи набросились на юношу, действуя средними конечностями, а не клешнями. Он попытался вырваться, но его удерживало слишком много врагов.

Кэшел повалился навзничь, чувствуя, как хитиновые тела наваливаются на него. Сбросить их было невозможно.

Архаи связали ему запястья и лодыжки, а потом притянули их друг к другу. Обезопасив себя, они о чем-то затрещали на своем языке. Кэшел изгибался изо всех сил, чтобы хоть что-то увидеть.

Четверо Архаев, удерживая девушку за руки, подвели Тильфозу к волшебнице. Метра бросила на нее такой же взгляд, каким голодная кошка смотрит на рыбу.

— Вот мы и встретились с тобой, Тильфоза. Здесь, в этом храме Архаев, завершится твое путешествие. И я не зря так долго ждала тебя.

— Для тебя я — леди Тильфоза, — процедила девушка сквозь зубы.

Кэшелу показалось, что шипение змеи было бы приятнее.

— Думаю, что сейчас мы можем оставить титулы, Тильфоза, — усмехнулась волшебница, но губы ее недовольно дрогнули. Оскорбление достигло цели. — Луна сегодня будет полной. И мы с тобой дождемся, когда она взойдет над нами.

Метра перевела взгляд на Кэшела.

— Пока я ждала вас, мне удалось поколдовать, чтобы выяснить, где находится одна вещица. К моему удивлению оказалось, что все это время она лежала у тебя в кошельке. Если б я только знала...

Волшебница пожала плечами и издала звук, похожий на свист. Двое Архаев склонились над Кэшелом. Юноша закрутил головой, все еще пытаясь сопротивляться. Но один Архай вспорол его тунику и снял с шеи кошелек. Второй осторожно передал его Метре.

Она достала оттуда кольцо и подняла его вверх, чтобы полюбоваться рубином на свету. Весь двор осветился розовыми всполохами.

— Да, это оно, — с удовольствием отметила она. — Владычица ждала слишком долго. Теперь ожидания закончились.

Она говорит как о пауке в паутине, подумал Кэшел, незаметно стараясь растянуть веревки на руках. Но они не поддавались. С таким же успехом можно было пытаться разорвать стальные цепи.

Гаррик быстро шел по дороге вдоль моря и тянул за собой Талемуса. Вескей с мрачным лицом шагал за ними следом. Он прихрамывал сильнее обычного, но старался не отставать.

— Стойте. — Метрон заметил беглецов. Обескровленные тела жертв лежали у его ног. Руки и жезл волшебника были красными от крови, которую не смыть магическим заклинанием. — Талемус, вернись, еще не время!

Молодой лорд даже не повернул головы на крики волшебника, словно не слышал его голоса.

— Как раз самое время. И его у нас становится все меньше, — заметил Вескей, остановившийся на краю обрыва в ожидании указаний Гаррика.

— Сюда. — Гаррик показал на расщелину, промытую морем в скалистом берегу. Слева от нее открывался вход в подземелье. Для того чтобы попасть туда, им нужно было спуститься вниз, соблюдая предельную осторожность.

Рядом из моря один за другим выходили Архаи. Они спешили на зов Метрона, не обращая внимания на беглецов. Несколько сотен воинов в хитиновых панцирях со скользкими и холодными конечностями шли строем мимо Гаррика и его товарищей.

Но тут волшебник вытянул губы трубочкой и что-то просвистел. Архаи, замыкавшие строй, развернулись и набросились на них. Гаррик попытался сопротивляться, но лишь порезался об острые клешни Архаев. Позади он слышал ругань Вескея и крики Талемуса.

Гаррик прекратил бороться с удерживавшими его воинами и, повернув голову, посмотрел на товарищей.

Вескей стоял не шевелясь, с вывернутыми за спину руками. Можно было подумать, что он покорился судьбе. Лишь яростный взгляд, который атаман устремил на Метрона, да дрогик, по-прежнему зажатый в кулаке, выдавали его намерения. Как только Архаи ослабят хватку, Вескей вонзит его в горло волшебника.

Талемуса словно распяли, растянув руки юноши в стороны. Молодой аристократ надменно смотрел на врагов, но щека его непроизвольно подергивалась.

Метрон продолжал петь. Окровавленный жезл то поднимался вверх, то опускался вниз, прокалывая шеи новым жертвам.

В воздухе вспыхнул магический свет. И еще один отряд Архаев вышел из моря. Гаррик подумал, что они будут появляться до тех пор, пока Метрон не закончит кровавый ритуал.

Тем временем воины Заступника построились в долине, приготовившись вступить в схватку с Архаями. На ящерицах были надеты доспехи воинов: латы и шлемы. В лапах они держали бронзовые мечи и кожаные щиты.

Две линии сошлись. Мечи ящериц были острее, чем конечности Архаев. Зато насекомые могли действовать двумя парами конечностей: средними отражать удары, а верхними рубить.

Противники бились, не обращая внимания на ушибы и ранения. На помощь Архаям из моря постоянно выходило подкрепление. Но и шеренги человекообразных ящериц не редели. Они продолжали стекать с горного перевала, словно поток воды.

Заступник руководил армией, сидя на троне из слоновой кости. Его несли два странных чудовища, каждое размером с деревенского быка, с маленькими головами на длинных шеях и еще более длинными хвостами.

В руках Эйхеон держал посох с аметистовым наконечником. Волшебник нараспев произносил заклинание, пронзая острием жезла воздух в такт своим словам.

Рассмотрев лицо Заступника, Гаррик удивленно охнул. Тот как две капли воды был похож на Эйхеуса, чья магия переместила сознание принца Гаррика в тело Гара.

Метрон пронзил последнего кролика, отбросил его в сторону и засвистел, отдавая последнее приказание. Два Архая под-

вели к нему трясущегося Адемия. Разбойника поймали на морском берегу, под скалой. Там он стоял на коленях и молился, не сумев спрятаться.

Адемей заорал, как новорожденный, увидев окровавленные руки и жезл волшебника. Метрон ухватил его за волосы и одним движением проткнул разбойнику шею.

Вескей тихонько прошептал:

— Все это время я думал, что ничего не стоит перерезать горло маленькой ласке. Но... надеюсь, что не окажу ему подобной чести.

Гаррик опустил глаза вниз. Ему доводилось видеть картины и похуже. Но эта была не из тех, которыми хотелось любоваться.

Розовое сияние заполнило всю долину, окрасив камни и небо. На мгновение все застыло. Сквозь прозрачную розовую дымку Гаррик увидел то, что скрывали кладбищенские подземелья: древние сокровища и кости давно захороненных людей. В самом конце видения Гаррик рассмотрел единственное живое существо, но оно находилось в другом мире. Челюсти существа медленно жевали камень, обнимая его передними лапами.

Вспышка погасла, и образы исчезли словно сны. Реальность приобрела очертания и объем. Он вновь смотрел на волшебников, использовавших кровавую магию для достижения своих целей.

Море кипело от насекомых, выбирающихся на берег. Когда-то они правили миром, но их цивилизация погибла в далеком прошлом. Метрон сумел призвать мертвых, возродив их с помощью свежей крови.

Сам волшебник держался из последних сил. Выпустив из рук тело Адемия, он пошатнулся и едва не упал. Четверо Архав оттащили обескровленную жертву к куче других, загубленных руками мага.

Метрон стоял, качаясь. Левой рукой он прикрывал глаза. Окровавленный жезл опустился к земле. Вновь прибывшие воины в хитиновых панцирях проходили мимо него, шелкая клешнями.

Постоянно восполняющиеся силы Архаев теснили ряды человекообразных ящеров. Фланги армии Заступника начали отступать.

Эйхеон в изумлении опустил посох. Выкрикнув какую-то команду, Заступник заставил чудовищ, переносивших его трон, отойти на двадцать шагов назад. И начал петь новое заклинание, подставив под лучи солнца аметистовый наконечник.

Из расщелины выбежал еще один отряд ящеров. Их бронзовые доспехи сверкали на солнце. Вновь прибывших было в два раза больше, чем Архаев.

Метрон поднял голову и посмотрел на поле боя. Теперь войска Заступника теснили его воинов. Волшебник сокрушенно покачал головой и отвернулся. Он проиграл битву.

Направив окровавленный жезл на колючий куст, Метрон выкрикнул какие-то слова, тут же заглушенные шумом сражения. Яркие искры пробежали по колючкам. Маг засунул жезл за пояс и отломал одну ветку. Она тут же вспыхнула ярко-желтым пламенем.

Подняв вверх факел, Метрон направился к пленникам. От усталости он с трудом переставлял ноги. Махнув рукой, он приказал Архаям, охранявшим Гаррика и его товарищей, отправиться на поле сражения. Бывшие стражники бросились в бой. Туда, где бились остатки их армии.

Вескей встряхнул плечами и поднял над головой дротик, приготовившись пронзить Метрона. Гаррик ухватил его за руку и прошептал:

— Не сейчас, Вескей. У нас еще остался шанс. — Он усмехнулся. — Правда, пока не скажу какой.

— Ты не шутишь? — Вескей пристально посмотрел на товарища и опустил дротик.

Талемус бросил взгляд полный ненависти на своего бывшего советника и отвернулся. Но Метрон был еще далеко и к тому же слишком устал, чтобы это заметить.

— Пойдемте. — Не теряя времени, Гаррик первым направился вниз по склону. — По крайней мере им будет сложнее добраться до нас, если мы спрячемся в подземелье.

Придерживаясь руками за траву, он добрался до входа в пещеру. Море вырезало в камне нишу, похожую на склеп, с отполированными гранитными стенами.

Гаррик стоял в подземном проходе, ожидая своих спутников. Глаза постепенно привыкали к темноте. Ему нравилось в подземелье еще меньше, чем на залитой солнцем равнине. Но пещера была их единственным шансом спастись от смерти.

Он вздохнул. Этот шанс будет не из легких.

Четверо стражников, охранявших палатку лорда Лердиана, были одеты иначе, чем Кровавые Орлы и тяжелые пехотинцы королевской армии. На них были железные шишаки, а не шлемы с забралом. В руках они держали маленькие щиты вместо больших и тяжелых с дополнительным кожаным ремнем.

Их вооружение составляли широкие остроконечные копья, которые хорошо использовать в ближнем бою, и длинные мечи. Они молча смотрели, как приближаются Шарина и Карус.

Командовал стражниками широкоплечий офицер с татуировками на щеках. На одной было изображено сердце, на другой — череп. В десяти шагах от палатки он преградил копьем дорогу королю и его спутнице, приказав:

— Остановитесь! Вы подошли слишком близко!

— Не шуми, капитан! И не ищи опасности там, где ее нет, — насмешливо произнес Карус. — Народ Доннела прислал графу подарок в благодарность за его прибытие. И я привел ее парню.

— Что ты имеешь в виду? — не поняв, о чем говорит король, продолжал допытываться охранник.

Карус потянулся к капюшону Шарины, попытавшись его снять. Девушка ударила по руке, запрещая к ней прикасаться. Они действовали без предварительной договоренности. Все получилось естественно и не вызывало подозрений.

— Эй, успокойся. Вот это темперамент, — отшатнувшись, изумился Карус и потряс перед собой рукой, горевшей от удара. — Покажи ребятам, что ты за птица. А то они подозревают, что ты наемный убийца и собираешься зарезать их командира.

Шарина все поняла и сбросила капюшон. Светлые волосы золотистой волной легли на плечи. Лунный свет заискрился на

заколке, украшенной алмазами. Девушка специально небрежно вставила ее в волосы. Заметив ошеломленное лицо стражника, она подумала, что мать одобрила бы ее старания.

Шарина презрительно посмотрела на капитана и тут же натянула капюшон на голову, продолжая бросать на охранников, стоявших у палатки, гневные взгляды.

— О, Госпожа! — ахнул стражник, но тут же взял себя в руки. — Лорд Лердиан оповещен о ее прибытии?

Карус пожал плечами.

— Не знаю. Спроси его об этом сам. Но поверь мне, если твоего командира не заинтересует такой подарок, маленькой госпоже все равно не придется скучать.

— Лучше уж тебе быть съеденным Владычицей, чем познаться со мной! — огрызнулась Шарина. Голос ее прозвучал холодно и высокомерно. Она обратилась к стражникам: — Разбудите лорда Лердиана и поинтересуйтесь его желаниями. Мое тело не для лакеев!

Капитан о чем-то пошептался с охранниками, утвердительно кивнул и тихонько ударил копьём по маленькому гонгу, висевшему перед палаткой.

Наружу выглянул личный камердинер лорда в тунике без пояса. Переступая босыми ногами, он поднимал вверх масляную лампу, стараясь понять, что случилось.

Шарина вышла вперед, скинув с головы капюшон. Никто не сделал попытки остановить ее.

— Я пришла развлечь твоего хозяина, — объяснила она камердинеру, не дав возможности стражникам вставить хоть слово. — Если он не пожелает этого, пусть отошлет меня назад. Лишь в его власти решать, оставаться мне или уходить.

Серебряная брошка, удерживающая полы ее плаща, раскололась, словно случайно. И девушка оказалась перед слугой лишь в тонкой прозрачной тунике, надетой на голое тело. Надменно улыбнувшись, она подхватила плащ, накинула его на обнаженные плечи и придержала полы рукой.

— Прошу вас, госпожа! Следуйте за мной, — попытался назад камердинер, распахивая для нее полог палатки. Шарина сделала шаг вперед. Карус окликнул ее:

— Госпожа!

Девушка оглянулась. Карус откашлялся.

— Мне подождать — на случай, если лорда Лердиана не устроит ваша компания?

— Вряд ли это произойдет. — Шарина отвернулась и прошла за слугой в палатку, где стояла походная кровать и размещались полки для одежды.

Когда полог за ее спиной опустился, Шарина услышала, как один стражник сказал другому:

— Удивительно, что старый козел разрешил ей войти. Девчонке придется потрудиться, чтобы ублажить мальчишку.

Вход в покои Лердиана закрывал пурпурный занавес.

Слуга приоткрыл его и произнес:

— Господин, к вам гостя.

— Кто? — раздался недовольный сонный голос.

Шарина решительно отодвинула камердинера и застыла на входе, чтобы молодой лорд мог ее хорошенько рассмотреть. Покои освещались масляной лампой, висевшей на опорном столбе палатки.

Сын графа и будущий правитель Блэйза оказался светловолосым, рослым, крепким молодым человеком. Он сидел на резной с бронзовыми украшениями кровати под шелковым балдахинном и оценивающе смотрел на гостью. На оливковой тунике, в которой спал Лердиан, красовался вышитый красным шелком лев, символ Блэйза.

— Меня прислал ваш отец, ваша светлость, — поклонилась ему Шарина, — чтобы вы могли отвлечься от тягот походной жизни. Хотя, — вызываясь усмехнулась она, — мне кажется, что вы еще слишком молоды для мужских забав.

— Клянусь Пастырем! Я все могу! — Лердиан вскочил с кровати и схватил Шарину за руку.

Она повернулась и посмотрела на камердинера. Слуга отступил назад и задернул за собой занавес.

Шарина взяла в ладони лицо юноши. Он тут же попытался поцеловать ее. Но девушка, приложив палец к его губам, прошептала:

— Тише, милорд. Ни звука.

— В чем дело? — изумился Лердиан. Правой рукой Шарина мгновенно выхватила пьюльский нож и, приставив клинок к груди лорда, слегка надавила, чтобы он ощутил укол оружия. Лердиан отшатнулся назад и вытаращил на гостью изумленные глаза. Сталь ножа блестела в свете фонаря, а лезвие могло внушить уважение любому. Красавица прятала под полой опасное оружие.

— Будешь вести себя тихо, не пострадаешь. Не тронут и твоего отца. Но если пикнешь, я выпущу твои кишки прямо сейчас.

— Ты? — переспросил юноша. Он не кричал, но голос уже звучал достаточно громко. — Ты не сможешь сделать этого.

Шарина не сводила глаз с Лердиана. Как только он раскроет рот, чтобы позвать на помощь, клинок пронзит грудь юноши. Охрана должна услышать скрип кровати. И этот звук должен быть таким, чтобы у стражников не возникло желания ворваться в палатку к благородному господину.

— Сопротивление не принесет пользы ни тебе, ни твоим людям, — продолжила Шарина. Она старалась держаться уверенно, усилием воли подавив нервную дрожь в руках. — Если ты не сделаешь то, что я тебе сейчас скажу, мне придется убить тебя.

Лердиан был выше и сильнее ее. Но разница в их возрасте на пять лет давала ей больше преимуществ, чем оружие в руках. Ее твердый и уверенный голос пугал его. Теперь юноша поверил, что его жизнь находится в руках прекрасной незнакомки. И при малейшей попытке сопротивления она просто заколет его.

— Чего ты от меня хочешь? — хрипло спросил он. Ему хотелось отвернуться. Но Шарина приковала к себе его взгляд, как змея, гипнотизирующая кролика перед ударом.

— У тебя здесь есть длинный плащ? — поинтересовалась девушка. На полке в ногах кровати лежала одежда, приготовленная камердинером. Но Шарина не могла отвернуться от Лердиана, чтобы найти то, что нужно.

— Думаю... — Мальчишка заколебался. Пьюльский нож вновь проколол тунику. — Думаю, должен быть.

Он кивнул в сторону полки:

— Можно посмотреть?

— Да. — Шарина слегка отодвинула нож, чтобы юноша мог повернуться. Наблюдая за тем, как он ворошит одежду, она все время держала оружие наготове, исключая даже малейшую возможность выхватить его у нее из рук.

— Вот он. — Лердиан вытащил из кучи одежды синий шерстяной плащ. Обычно такими пользовались простые солдаты в качестве одеяла в холодные ночи. — Подойдет?

— Да, — одобрила Шарина и усмехнулась. Сын графа мог надеть такую одежду лишь в случае непредвиденных обстоятельств, желая остаться неузнанным. — Одень его, но не накидывая капюшон. И вообще, не делай глупостей. Я не вижу причин, по которым ты не смог бы прожить еще полвека. Конечно, в том случае, если тебе не придет в голову мысль послушаться меня.

Девушка вовсе не злилась на Лердиана. Сейчас она чувствовала то же, что и мясник, перед тем как забить кабана. Он просто выполнял свою работу. Как и Шарина.

Мальчик понял серьезность ее намерений. Он без разговоров накинул на плечи плащ, стараясь не делать лишних движений. Лердиан не сомневался, что Шарина спокойно вонзит клинок ему грудь, если почувствует опасность.

— Я готов, что дальше?

Девушка внимательно посмотрела на лорда. Солдатский плащ полностью закрывал тунику, в которой он спал. Из-под него были видны лишь босые ноги юноши. Но в теплую погоду на отдыхе многие солдаты не одевали ни сандалий, ни сапог.

— Подойди к выходу, — кивнула Шарина, — открой занавес и позови сюда охранников.

— Зачем? — нахмурился юноша. — Это...

— Живее! — прикрикнула девушка и подвела его к пологу, придерживая за правый локоть. — Делай, как я сказала.

Как только Лердиан встал у занавеса, отделяющего спальню от остальной палатки, Шарина одним движением вспорол заднюю стенку палатки. Если острый клинок без труда разрезал такую плотную ткань, то что говорить о теле мальчика.

Лердиан испуганно открыл рот. Видимо, он подумал о том же.

Шарина жестом приказала ему выполнять ее указания. Сын графа выглянул из палатки.

— Эй, вы, подойдите... Я хочу...

Раздался глухой удар и лязг железа. Мальчик ойкнул и отшатнулся в палатку.

Карус впихнул двух оглушенных стражников сквозь прорезь в задней стенке. Один от удара потерял железный шишак. Король пригнул их к земле и еще раз столкнул лбами. Шишак второго тоже свалился и звякнул о землю. Из ушей и носов солдат потекла кровь. В лагере еще не протрубили отбой, поэтому Карус не опасался, что на шум обратят внимание.

Шарина скривилась так, словно съела лимон.

— Их связать?

— В этом нет нужды, — успокоил ее король. На нем не было ни шлема, ни пояса с мечом. Как они и договаривались, он ждал в тени дерева, пока Лердиан отвлечет внимание стражников. Вот тогда король и бросился на них, как леопард.

Шарина подумала о двадцати тысячах кабанов, которых ожидала та же участь. И вряд ли они поймут, почему их настигнет смерть.

Ей было жаль охранников. Она помолится за их души Госпоже. Конечно, в том случае, если Острова будут спасены и она останется в живых.

— Вот что, — обратился Карус к Лердиану, — мы идем к воротам. Спрячь лицо и держи рот на замке. Понятно?

— Что происходит? — осмелился спросить юноша, не поднимая на короля глаз.

— Ничего плохого, — пожал плечами Карус. — Волшебники из Лунной Мудрости приготовили нам западню. Но, похоже, мы сумеем избежать ее. А теперь признайся, госпожа с ножом напугала тебя?

— Нет, я совсем не испугался.

— Ну, тогда ты дурак, — улыбнулся Карус и, взяв юношу за волосы, посмотрел ему в лицо. — Но если ты и меня не испугался, значит, у тебя мозги не червяка.

Голос короля был веселым и грозным одновременно. Пожалуй, у дикого зверя больше сострадания, чем у него, подумала Шарина.

Карус натянул мальчику капюшон на голову.

— Вот и хорошо. Я очень рад, что ты все понял. Теперь пойдём.

Он первым вышел через прорезь в задней стенке палатки. Мальчик на мгновение задержался, но тут же поспешил следом, ощутив тычок в подреберье.

Выбравшись наружу, они увидели, что Карус уже надел шлем и прицепил к поясу меч. Король посмотрел на звезды, выбирая направление, и махнул рукой в сторону восточных ворот. Вокруг темнели очертания солдатских палаток, беспорядочно разбросанных по всему лагерю.

Возле одной при свете стоявшего на песке фонаря солдаты играли в кости. Карус, стараясь избежать возможной опасности, остановился, чтобы сориентироваться в темноте, потом, выбрав нужное направление, повел их к выходу.

Король негромко насвистывал. Шарина вспомнила слова песни:

Ах, как же я его люблю,
А он разбил мне сердце.
Так уезжай же поскорей...

— Ее пели и в твои дни?

Карус весело хмыкнул:

— Недолго солдата любила? Да, моя девочка. Ее пели многие поколения, и меня это нисколько не удивляет.

Они почти добрались до выхода. Охранявшие его солдаты о чем-то разговаривали, не обращая внимания на Каруса и фигуры в темных плащах позади него. На солдатах были кожаные штаны. В руках они держали острые алебарды вместо копий. По одежде Шарина не смогла определить, к армии какого из Островов они принадлежат.

— Где ваш офицер? — раздраженно спросил Карус.

— Что ты хочешь? — повернулся к нему один из разговаривавших. Его золотой латный воротник, украшенный драгоценными камнями, свидетельствовал, что он здесь старший.

Шарина придвинулась вплотную к Лердиану. Он вновь ощутил угрозу, исходившую от пьюльского ножа.

— Луна, — назвал Карус пароль и махнул рукой в сторону ворот. — Мы выходим.

— Ты, наверное, обезумел? А может, твои мозги высохли на солнце? — не сумел скрыть удивления начальник стражи. — Что ты собираешься делать?

Карус пожал плечами:

— Я расскажу тебе об этом завтра, если вернусь. Ты узнаешь об этом первым.

Находчивость короля восхитила Шарину. Он сумел намекнуть стражникам о важности своего дела, не сказав ничего конкретного. Девушка тихонько похлопала по спине своего юного спутника, стараясь подбодрить. Даже через плащ она чувствовала его дрожь.

Командир недоуменно пожал плечами.

— Звезды. Ребята, открывайте ворота — выпустим этих полуночников.

Ворота были сделаны из прочных широких досок. Шестеро охранников вытащили заложенную в них перекладину, чтобы приоткрыть проход.

— Ты первая, — тихо приказал Карус девушке. Шарина, не споря, протиснулась в щель.

Король остановился позади Лердиана. Обеими руками он надавил на ворота, чтобы расширить проход. Затем вытолкнул в него сына графа, постаравшись не сбросить с его головы капюшон. О том, что ждало их в случае досадной оплошности, лучше было не задумываться.

За воротами несли дежурство только торговки. Они испуганно попятились при виде фигур в темных плащах и braveго офицера с плюмажем на шлеме. Карус на прощание отсалютовал охране и улыбнулся своим спутникам:

— Пойдемте. Нас ожидает конный патруль. И если мы его не заметим, то придется искать дорогу самим.

Он потрепал Лердиана по волосам:

— Взбодрись, парень. Ты спас сегодня множество жизней.

Они направились на восток. И еще долго чувствовали на своих спинах взгляды солдат, охранявших ворота. Лишь когда лагерь армии Блэйза скрылся из виду, Карус вновь стал насвистывать.

Теперь их уже никто не мог услышать. И Шарина запела чистым голосом, подпевая королю:

Моя любовь ушла с солдатом....

* * *

Илна то сплетала нити, то расплетала их, сидя на базальтовом холме. Несколько раз, отложив плетение, девушка пристально всматривалась в барьер. Но теперь она, похоже, сумела разгадать его рисунок.

Илна усмехнулась. Для того чтобы разместить на узоре то, что ей удалось узнать, понадобятся огромный ткацкий станок и длинные толстые нити. Но куда поместить жизни тех, кто играет здесь главные роли. Где их выткать?

В мире пауков стояла тишина. Ее нарушал лишь ветер, шумевший в ветвях деревьев. До Илны доносился негромкий шелест листьев. Но она до сих пор так и не увидела здесь ни птиц, ни животных. Только пауков. Интересно, есть ли тут река, а в ней рыба? Илна сомневалась, потому что это никак не сочеталось с этим миром и с тем рисунком, который у нее получился.

Пауки издали наблюдали за девушкой, не вмешиваясь в то, что она делала. Сами они занимались любимым делом — плели паутину. Сидевший не слишком далеко большой зеленый с желтыми полосками паук даже вплел в свою сеть шелковую ленту.

Девушка искала ответ в кусочке ткани, созданном ее руками. По рисунку выходило, что в этом мире все в порядке. Но Илна была уверена, что он совсем не такой, каким кажется. И наконец увидела, где искать слабое звено.

Илна решительно встала и направилась на другую сторону могильного холма. С того места, где она сидела, была видна лишь часть склона. Но для того чтобы убедиться в правильности своей догадки, она хотела увидеть всю долину.

— ИЛНА ОН-КЕНСЕТ! — прогремел в ушах голос серебристо-черного паука. — НЕ ХОДИ ТУДА! ЕСЛИ ЗАГЛЯНЕШЬ В ДОЛИНУ, ТО РАССТАНЕШЬСЯ С ЖИЗНЬЮ!

Девушка продолжала идти вперед. Она не собиралась отступать от задуманного. Лишь пальцы сноровисто тянули за нити, распуская рисунок. Кажется, вскоре они могут ей понадобиться для другого узора.

— ЕЕ НУЖНО ОСТАНОВИТЬ! — слышала она со всех сторон. — ЕСЛИ ОНА ПОСМОТРИТ ВДОЛИНУ, ТО НАМ ПРИДЕТСЯ ДЕЙСТВОВАТЬ!

Илна подошла к краю могильного холма и посмотрела вниз. Теперь перед ней, как на ладони, лежала вся долина.

Десятки гигантских пауков ползли к ловушке, сооруженной из нескольких больших паутин. В ней кружились в поисках выхода две овечки и старик с посохом в руках. Животные жалобно блеяли и взбрыкивали задними ногами. Кольцо пауков неотвратимо сжималось.

Пастух упал на колени и, подняв вверх руки, стал молиться. До Илны доносились лишь отдельные звуки. Но все было уже предрешено.

— ОНА УВИДЕЛА! — завопили голоса. — УНИЧТОЖИМ ЕЕ! НЕ ДАДИМ ЕЙ СКРЫТЬСЯ!

Пауки не обладали таким умением плести рисунки, какому Илну научили в Аду. Даже обнаружив над могильным холмом прореху, они не могли открыть барьер, который поставил древний волшебник. Но гигантские твари, объединив свои усилия, сумели пробить брешь, через которую заманивали к себе невинные жертвы. А потом...

Илна посмотрела на небо, туда, где был барьер. Потом снова вниз. Овечек уже невозможно было разглядеть за телами огромных тварей. Два гигантских паука дрались за тело пастуха. Жадно вцепившись челюстями в дряхлого старика, они высасывали из него последние жизненные соки.

— УБЕЙТЕ ЕЕ! — приказал вожак. — ОНА НЕ ДОЛЖНА УЙТИ.

Пауки словно обезумели от жажды крови. Трех жертв, которых удалось заманить в ловушку, оказалось явно недостаточно, чтобы утолить голод гигантов. Подпрыгивая, спотыкаясь и сталкиваясь друг с другом, они торопливо подбирались к Ильне со всех сторон.

Девушка отошла назад, туда, где серебристый паук впервые показал ей слабое место в барьере, села на базальтовую плиту и принялась за новый рисунок. Узор был сложным, и ей могло не хватить времени, чтобы закончить его. Но Илна не видела иного способа спастись от ядовитых челюстей мерзких тварей. И уж во всяком случае скоротает время, пока будет его плести.

— УБЬЕМ ЕЕ! ВЫСОСЕМ ВСЮ КРОВЬ ИЗ ТЕЛА ИЛНЫ! — гремели в ее ушах голоса.

Глава двадцать вторая

Вначале Шарина обрадовалась решению Каруса отправиться на переговоры с графом Лердоком пешком. Но сейчас уже жалела об этом. Стараясь удержаться в седле, она отвлеклась бы от страхов, роившихся в голове, как мошки вокруг овец.

— Ваше Величество. — Командир Кровавых Орлов решительно встал перед Карусом. За его спиной всего в полумиле находился лагерь врага. — Я не пущу вас одного! Если не хотите брать для охраны моих людей, то я сам пойду с вами.

Король, еще минуту назад подшучивавший над Шариной, что она могла бы воткнуть вместо шпильки в прическу пьюльский нож, мгновенно рассвиrepел и, грозно нахмурив брови, прорычал:

— Лорд Аттапер, прочь с дороги! Если ты еще хоть раз позволишь себе такое, я разрублю тебя пополам!

— Это моя обязанность! — побледнев, настаивал Аттапер. — Ваша безопасность — безопасность королевства.

— Милорд, еще слово и... — Карус потащил клинок из ножен.

Шарина, вцепившись в запястье короля обеими руками, навалилась на него всем весом. Карус смог еще на дюйм вытянуть меч. Гнев его стих. И он отправил оружие в ножны.

Лорд Лердиан наблюдал эту сцену с вытаращенными глазами. Наверное, он принимал их за сумасшедших. Но, возможно, они и впрямь сошли с ума, когда решили попытаться осуществить последний план Каруса. На кону сейчас стояло спасение Островов от хаоса.

— Прости, — тихо пробормотал Карус, чтобы его услышала только Шарина. Он с трудом улыбнулся. — Ярость вновь затмила мой рассудок. Если бы я сумел сдержать ее тогда в Вэллесе, то мы бы не оказались в нынешней ситуации.

— Лорд Аттапер, — обратилась Шарина к командиру Кровавых Орлов. — Никто не сомневается, что вы готовы умереть за короля. Но, пожалуйста, не настаивайте. Ваша жизнь еще пригодится принцу Гаррику. И я не хочу, чтобы вы расстались с ней вот так из-за глупого упрямства.

Аттапер судорожно сглотнул. Пальцы, сжатые в кулаки, побелели от напряжения.

— Ваше Величество, — хрипло прошептал он, — я был не прав. Простите меня. И пусть Госпожа укроет вас своим покрывалом, раз уж я не могу сопровождать вас.

Карус шагнул вперед и обнял командира Кровавых Орлов.

— Для меня было бы большой честью стоять с тобой на поле битвы плечом к плечу против врага, лорд Аттапер. Но сегодня я постараюсь избежать бесполезной резни.

Он посмотрел на Шарину, потом на сына графа.

— Готов встретиться с отцом, парень? — спросил он у него.

— Да, сир, — ответил Лердиан дрогнувшим голосом и закашлялся.

Перед тем как идти на переговоры, юношу переодели в тунику, сшитую из добротной ткани, короткий шерстяной плащ красного цвета и сапоги из телячьей кожи. Все это он получил вместо той одежды, в которой его вывели из лагеря армии Блэйза. Бронзовый шлем с забралом и козырьком вручил ему сам Карус. Только отсутствие оружия свидетельствовало, что молодой человек не является офицером королевской армии.

— Пойдемте. — Король кивнул в сторону вражеского лагеря и шагнул вперед.

Обе армии уже выстроились друг против друга в боевой готовности. Ряды армии Лердока казались длиннее, чем королевской. Но его солдаты походили на вооруженную толпу в сравнении с воинами короля.

Лорд Валдрон отдал приказание королевской армии. Шарина и юноша оглянулись, услышав его зычный голос. На их глазах фаланга переместилась вперед. А полк тяжелых пехотинцев расступился, уступая ей место в первом ряду, и оказался в тылу, где стояли еще шестнадцать рядов солдат. Фаланга ошестинилась копьями и стала похожа на ежа.

— Это обычные маневры, — коротко объяснил Карус. — Просто мои молодцы показывают свое умение. Твой отец способен понять, что это значит?

— Да, сир. Мой отец — солдат.

Утром, пока гонцы передавали сообщение графу Лердоку, он провел юношу по всем полкам королевской армии. Вначале Лердиан очень смутился, но потом любопытство взяло верх, и он с интересом осмотрел войско короля.

— Я слышан о нем. — В голосе Каруса зазвучали веселые нотки, первые признаки нарастающего возбуждения.

Он ласково сжал меч, наверное, еще и сам не зная, что готов сделать. Шарина тихонько дотронулась до его руки кончиками пальцев.

— Ах, да, девочка, — смущенно промолвил король. — Я помню.

Умение королевских войск маневрировать и совершать стремительные марш-броски было намного выше, чем у армии противника. Уже десять веков назад королевская армия славилась своей дисциплиной и готовностью к бою. Но одними маршами и демаршами нельзя выиграть войну. Карус сделал ставку на высокий боевой дух офицеров и солдат, которые не дрогнут и не побегут в жестокой кровопролитной схватке. Именно это могло помочь ему одержать победу.

Теперь оставалось узнать, понимает ли правитель Блэйза, что Карус привел сюда армию не для парада.

Из первой шеренги армии Блэйза вышли два человека и двинулись навстречу Карусу и его спутникам. В одном, невысоком и толстом пожилом мужчине, по золоченым доспехам можно было узнать графа Лердока. Его правая рука уверенно сжимала рукоять меча.

Сопровождавший его широкоплечий великан, державший большой, обшитый железом щит, был телохранителем.

— Леди Шарина. — Молодой лорд наклонился к девушке, чтобы видеть ее глаза. — Почему ты идешь с нами? Почему твой брат запретил командиру Кровавых Орлов сопровождать его?

— Потому что ему не нужен охранник, милорд.

Карус весело засмеялся, услышав тактичное объяснение.

— Парень, мне нужен рядом человек, способный запрыгнуть на меня, когда гнев превратит меня в обезумевшего дурака. Я могу доверить Аттаперу любое дело, но не это. Он не так скор, как моя сестра.

Король опять засмеялся.

— Только однажды мне приставляли к горлу меч. Но в сотне других случаев мое оружие оказывалось у цели быстрее, чем порой следовало бы.

Они уже почти встретились с графом и его телохранителем. Великан прикрыл правителя Блэйза щитом и выставил вперед длинный меч.

— Почему вы сопровождаете лорда Лердиана вдвоем? Договоренность была только об одном человеке.

Меч в его руке не давал возможности подойти к ним ближе.

— Отец! — крикнул Лердиан.

Граф Лердок со злостью отодвинул щит охранника и вышел вперед. По лицу телохранителя было видно, что тот остался недоволен поступком графа, но не рискнул помешать ему. Шарина подумала, что охране графа приходится не легче, чем Кровавым Орлам.

Карус сделал шаг навстречу лорду Лердоку. Оба военачальника встретились и обменялись рукопожатиями. Шарина, наклонившись к сыну графа, шепнула юноше на ухо:

— Подойди к отцу. Пусть убедится, что с тобой все в порядке.

Лорд Лердиан, не мешкая, последовал ее совету. Граф крепко обнял сына. Затем отстранился и посмотрел на Каруса.

— Я вижу, ты оставил дома своих кавалеристов, — с издевкой заметил он. — Что будет, если мои эскадроны сейчас пойдут в атаку?

Король с безразличием пожал плечами.

— Ты обещал нам неприкосновенность. Может, уже забыл? Если придется, я смогу позаботиться о себе и сестре, пока к нам не подспеют мои застрельщики. И это дорого тебе обойдется. Но я стою здесь, чтобы вести переговоры, а не воевать.

Лердока задела слова короля.

— Я дал слово. — Похоже, граф собирался сказать совсем другое, но удержался от брани. — Хорошо, давай поговорим, если хочешь.

Шарина доброжелательно улыбнулась телохранителю графа, стоявшему за его спиной с мрачным и свирепым видом. Всем своим видом она старалась внушить, что только

сопровождает короля и не представляет никакой угрозы для Лердока.

За поясом у Шарины висел верный пьюльский нож. Но если ей не удастся достать его, она просто вцепится в охранника мертвой хваткой. Девушке хотелось верить, что сможет продержаться, пока король не уложит телохранителя на землю.

Но лучше бы этого не потребовалось...

— Пока венценосный монарх Островов, мой отец Валенс, жив... — заговорил Карус.

— Ты ему не родной, он усыновил тебя! — перебил его Лердок. — Ты всего лишь крестьянин с Хафта!

— Пока жив Валенс Третий, — по-прежнему спокойно продолжил Карус, — он — Правитель Островов. После его смерти королем стану я, если так будет угодно Госпоже. Можешь не верить на слово, что я принадлежу к династии древних правителей Старого Королевства, хотя это правда, милорд. Но тогда поверь в мой меч и в мою армию, которую я собрал, чтобы разгромить ваши войска.

— В войсках Блэйза собраны ветераны, выигравшие не одно сражение. Я втопчу тебя в грязь и буду топтать до тех пор, пока ты не согласишься на пощады. Только на таких условиях мы можем договориться.

Карус не обратил внимания на заносчивость графа. Он заговорил все так же спокойно, только слегка повысив голос:

— Здесь нет никого, кто мог бы нас подслушать. Давай прекратим ругань. Что толку без пользы сотрясать воздух и терять время? Его у нас и так мало. Ты знаешь, что волшебники используют тебя как пешку в своей игре? Ты знаешь, что такое секта Лунной Мудрости на самом деле?

Лердок занервничал, стараясь найти подвох в словах короля. Он перевел взгляд на море, словно хотел им полюбоваться, и сказал:

— Я член Союза Запада. Если мои союзники прибегли к помощи магов, это их дело.

— Ты пешка, — насмешливо бросил Карус. — Самое страшное, что тебя впрягли в ярмо, не спросив согласия, и ты выполняешь чужую волю. Тебе не нужно беспокоиться о том, как я

переживу свой позор. И ты напрасно думаешь, что сможешь выиграть сражение. Мои копейщики разделяются с любимым полком, какой бы ты ни выставил. Но этого не случится...

Неожиданно король откинул назад голову и захохотал. Сын графа уставился на него со смешанным чувством удивления и страха.

— Мы не будем воевать, ни ты, ни я, — успокоившись, весело продолжил Карус.

— Что ты хочешь предложить? — со злостью поинтересовался лорд Лердок. — Если ожидаешь, что я сдамся, то...

— Сдашься? — переспросил Карус. — Ты, граф Блэйза и мой союзник, оплот и защитник всего королевства от этих восставших волшебников. Мы могли бы выступить против Доннела вместе и заставить город сдаться. Купцы откроют ворота, как только услышат, что помилование распространится на всех, кто не относится к секте Лунной Мудрости.

Его лицо стало серьезным.

— Но те, кто называет себя Детьми Владычицы, будут повешены. Все!

— А что получу от этого лично я? — Лердок задал вопрос, интересовавший его больше всего.

Лердиан посмотрел на отца, затем перевел взгляд на Каруса, потом вновь на отца. Словно наблюдал за игрой в ручной мяч.

— Во-первых, я дарую тебе жизнь. Хотя ты единственный человек из всей армии Блэйза, у кого не было на это ни единого шанса. Если бы сражение началось, мы обстреляли бы твою армию с военных судов. И первой мишенью стала бы твоя палатка.

Король ухмыльнулся.

— Во-вторых, я назначу твоего сына своим помощником.

— Что? — воскликнул Лердок, схватившись рукой за меч. Телохранитель тут же прикрыл своего господина щитом. — Ты хочешь сказать, что сделаешь моего сына заложником?

— Можно сказать и так. Но он будет присутствовать на всех собраниях Военного Совета и иметь на них право голоса. Ему будут воздаваться такие же почести, как и всем моим военачальникам. И он обретет те же привилегии, как и они. Я выучу его,

и он станет настоящим солдатом. Мне кажется, у твоего сына есть все задатки для этого.

— Да ты же сам мальчишка! — не унимался Лердок. — Чему ты можешь научить Лердиана, когда тебе еще нет и тридцати.

Шарина испугалась, что сейчас ей снова придется схватить короля за руку. Она не всегда могла понять по его лицу, когда Карус выйдет из себя.

Король сам справился с приступом гнева. Он улыбнулся Шарине и мягко произнес:

— Скажем так, у меня очень хорошие советчики, милорд.

— Отец! — попытался высказаться Лердиан. — Фаланга...

— Молчи! — приказал ему отец.

— Помолчи, юноша! — последовал примеру графа Карус.

Два полководца мрачно уставились друг на друга, не произнося больше ни слова. Каждый выжидал, кто же дрогнет первым.

— Милорд, — прервал наконец затянувшееся молчание король, — тебе не нужно убеждать меня в храбрости солдат Блэйза. Я не хотел бы чувствовать их присутствие за своей спиной в бою на городских улицах. Но здесь, на открытой равнине, твои солдаты не подойдут к моим полкам ближе, чем на длину вытянутого копья. И ты это прекрасно знаешь.

— Копейщики слишком неповоротливы, — усмехнулся Лердок, оглянувшись через плечо, словно проверяя готовность своих полков. Он уже тянул время, обдумывая предложение короля. — Кроме того, у твоей армии есть фланги.

— Там моя тяжелая пехота. Она устоит, кого бы ты ни направил против нее, — заверил графа Карус, выделив последние слова, — до тех пор, пока фаланга не разделается с твоими воинами. И тогда мы заставим тебя отступать. А что касается неповоротливости моей пехоты, то считай, тебе повезет, если не придется испытать на себе, на что она способна.

— Милорд, — решила обратиться к графу Шарина. Она подумала, что принцесса Хафта имеет право высказать свое мнение. И оба полководца не заставят ее замолчать, как поступили с Лердианом. — Мы пришли в ваш лагерь и выкрали оттуда вашего сына...

Она кивнула на Лердиана, старавшегося скрыть смущение и неловкость. В ее поведении не осталось ничего от девушки,

когда-то убиравшей посуду за посетителями в трактире. Наследница могущественного трона вела себя как истинная леди.

— ...для того чтобы заключить мир. Если бы вы сами захотели положить конец этой войне, нам не пришлось бы идти на крайние меры.

— Это были они, отец! — не выдержал юноша. — Принц и принцесса!

— Так ты провернул все это сам? — удивился граф. — И взял с собой только сестру?

Шарина утвердительно кивнула. Король не добавил ни слова.

— Может, тебе и есть чему меня поучить, — вздохнул граф и, казалось, даже слегка поник. Сейчас он стал похож на старого, дряхлого борова. — Благодарю Госпожу, что она отвела от меня беду. Я знал, что не стоило вступать в сговор с волшебниками.

Карус обнял старика.

— Пойдем в Доннел и исправим все наши ошибки. Если они не откроют перед нами ворота добровольно, то мы увидим, как армия Блэйза войдет в город и сокрушит все перед собой.

— Она последует за вашим помощником, куда вы прикажете! — воскликнул лорд Лердиан.

Для графа слова сына оказались неожиданными. Карус, усмехнувшись, произнес:

— Я предоставлю тебе такую возможность, парень, но не сегодня.

Он поднял голову к небу и расхохотался, что привело в трепет солдат обеих армий.

Солнце светило Кэшелу прямо в лицо. Он щурился, но не хотел отводить глаз от Тильфозы и Метры, испытывая вину перед девушкой за то, что не смог ее уберечь. Юноша извивался, пытаясь вытолкнуть нож из-за пояса. Если бы оружие упало на землю, он смог бы подобрать его и перерезать веревки, туго затянутые на руках.

— Думаешь, ты сама пришла сюда, Тильфоза? — поинтересовалась волшебница. — Владычица руководила тобой так же, как и мной. Именно поэтому она направила меня сюда, чтобы мы встретились. Она повелевает всем. Ее чары оплели весь мир.

— Она больше не властна надо мной, Метра, — сквозь зубы процедила девушка, отпихивая двух здоровенных Архаев. Но чудовищные насекомые цепко держали ее за плечи, не позволяя вырваться. Все попытки Тильфозы освободиться были напрасны.

— Хочешь ты или нет, она все равно остается твоей Владычицей. И скоро ей будет подвластен весь мир.

Метра наклонилась вперед и надела кольцо с рубином на безымянный палец левой руки Тильфозы. Отойдя чуть в сторону, она продолжила:

— Ты станешь женой Талемуса, как было предрешиено. Когда ваши кольца соединятся, получившийся рисунок воскресит Владычицу.

Тильфоза сжимала и разжимала кулак, пытаясь повернуть кольцо камнем вниз, чтобы свет не попадал на рубин. Метра махнула рукой, и один из Архаев вернул руку девушки в прежнее положение.

— В следующий раз, когда ты так сделаешь, они сломают тебе пальцы. Это нисколько не помешает действию моего заклинания.

Кэшел, прикладывая неимоверные усилия, попытался поползти вперед. Если удастся, он сможет оттолкнуть ногами Архая и высвободить левую руку Тильфозы. Очень сложно помещать заклинанию. Особенно если ты связан как цыпленок для продажи на рынке.

Один из стражников схватил юношу клешней за ногу и потянул обратно. Кэшел почувствовал, как по ноге потекла струйка крови.

Раскатистый смех Метры стал похож на хохот сумасшедшего.

— Я часто разговаривала с Владычицей после того, как ты сбежала. Каждую ночь она приходила ко мне. Теперь у нас с ней особые отношения.

Волшебница опять захохотала. Тильфоза наблюдала за ней, презрительно улыбаясь, и уже не вырывалась.

— Это твоя Владычица сделала кольцо? — Кэшел наконец понял, что Владычица управляет Метрой, внедлившись в ее сознание. Волшебница, как и все те, кем руководят Великие

Боги, утратила здравый смысл. И теперь от нее можно было ожидать чего угодно.

— Нет, — сообщила Метра. — Их создала Заступница Эйхеа и вставила в них драгоценные камни: сапфир и рубин.

— Заступник поклоняется Владычице? — переспросила Тильфоза. — Да я никогда не поверю в это.

Кэшела совершенно не волновал ответ на ее вопрос. Даже если волшебница расскажет всю правду, это не поможет ему освободиться. А ничего важнее для него сейчас не было. Юноша боялся, что Метра, окончательно обезумев, по какой-либо прихоти решится перерезать Тильфозе горло.

Волшебницу воодушевил интерес девушки, и она продолжила свой рассказ:

— Рисунок может проявиться в Космосе лишь один раз. Эйхеа думала, что в случае опасности она разобьет драгоценные камни. И этим расстроит планы Владычицы, потому что ее Дети не смогут ни найти, ни создать подобный узор. Но собственная магия волшебницы превратила ее в пепел. А все планы Владычицы осуществились, и она до сих пор побеждает.

Метра трескуче рассмеялась. Архаи застыли вокруг нее, будто бронзовые статуи. Их не интересовало происходящее. Кэшел даже засомневался, слышат ли они человеческую речь?

— Эйхеа вывела Архаев из города, — не унималась Тильфоза. — Она победила Владычицу.

— Эйхеа мертва! — злобно завопила Метра. — И скоро в живых не останется и ее потомков. А теперь закрой свой рот, госпожа. Или тебе отрежут язык. Но ты не истечешь кровью и не умрешь, пока мне нужна твоя жизнь.

— Делай что хочешь, Метра. — Тильфоза уже успокоилась и держалась как настоящая леди, уверенная в себе и умеющая управлять чувствами. — Не знаю, что принесет будущее, но в прошлом твоя Владычица была побеждена.

Метра уставилась на девушку. На мгновение ее лицо перекосилось от страха. Кэшел был в этом уверен. Страх исчез так же быстро, как и возник, но все равно у юноши появилась надежда, которой ему так долго не хватало.

Человек, слишком долго внушавший себе что-то, может говорить об этом с уверенностью. Но если его действия начнут отличаться от слов, сразу обнаружится, что на самом деле настоящей уверенности не было.

Страх Метры показал, что в ее душе кроются сомнения в успехе Владычицы, несмотря на все те речи, которые она произносила. Кэшел воспрянул духом, хотя ни на дюйм не продвинулся к тому, чтобы освободиться. Он продолжал попеременно напрягать и расслаблять мышцы в надежде, что вот-вот сможет ослабить узлы.

Метра достала магический жезл, осмотрела его и сунула назад в сумку. Вместо него она взяла посох Кэшела. Вес дубинки, похоже, смутил ее.

— Железный наконечник, — злобно констатировала Метра, рассмотрев посох со всех сторон. — А я-то поверила, когда ты сказал, что не маг. Мне стоило присмотреться к тебе получше. Только очень могущественный волшебник может использовать железо.

— Открой глаза, Метра, — не выдержала Тильфоза. — Или ты ослепла от яркого солнца и не замечаешь очевидного?

Волшебница, казалось, не слышала девушки. Она начертила на грязной земле внутреннего двора круг, в центре которого оказалась Тильфоза, потом принялась рисовать по окружности магические символы.

— Похоже, безумие поразило твой разум, — не успокаивалась девушка. — Как же Владычица разговаривает с тобой?

Не слушая ее, Метра небрежно отбросила посох в сторону, но, к сожалению, он оказался слишком далеко от Кэшела. Юноша мечтал хотя бы дотронуться до железного наконечника, чтобы почувствовать, как возвращаются силы.

Кэшел перевел взгляд на Тильфозу. Она стояла, гордо выпрямившись, и презрительно смотрела на Метру. Юноша улыбнулся и подумал, что они справятся и смогут отсюда выбраться. А их враги наконец отправятся в Преисподнюю. И он с друзьями позаботится об этом.

Метра хищно усмехнулась.

— Твой посох — отличный инструмент для колдовства. Ты мог бы стать хорошим помощником Владычице.

Она опять разразилась безумным смехом. Когда приступ прошел, волшебница улыбнулась Кэшелу и прибавила:

— Кажется, твою сестру зовут Илна?

Кэшел промолчал, стараясь не выдать чувств.

— Да, Илна, — продолжала Метра. — Владычица говорила мне о ней. Твоя сестра поможет ей освободиться, так же, как и ты.

Кэшел почувствовал, что кровь приливает к лицу, но не сказал ни слова. Он вновь изо всех сил напряг руки и ноги, стараясь освободиться. Державшие его веревки резали руки, но юноша не чувствовал боли и не мог лежать неподвижно.

Метра достала из сумки несколько фляжек, сделанных из воздушного пузыря осетра. Они были заткнуты деревянными пробками и перевязаны сухожилиями. Волшебница развязала узлы и принялась сыпать содержимое фляжек на магические символы, нарисованные вокруг Тильфозы. В одной фляжке оказался медный купорос, а в другой — кристаллы цвета киновари.

Тильфоza наблюдала за действиями Метры с презрительной усмешкой. Пошевелиться она не могла. Архаи крепко держали ее за запястья и лодыжки, и ей уже казалось, что она прибита к широкой доске.

Солнце стояло в зените. Метра посмотрела вверх, даже не прикрывая глаза от прямых солнечных лучей.

— Время пришло, — благоговейно возвестила волшебница, словно ожидая чуда, и отшвырнула в сторону фляжки, даже не заботясь о том, что в них могло еще что-то остаться.

Кэшел ожидал, что она возьмет его посох или достанет свой жезл. Но волшебница протянула руки к небу и закричала:

— Нома пара сарапамон!

Алая вспышка вырвалась из первого символа, покрытого зельем Метры. От рубина в кольце Тильфозы вверх поднялся дрожащий луч света. Он был выше стен, окружавших внутренний двор.

Тонкий луч света пульсировал и раздувался, словно большая артерия на шее.

— Псерифата мисентайк тус, — вновь завопила Метра.

Что-то заревело со стороны реки. Еще одна вспышка, и рев раздался ближе. Кэшелу показалось, что то кричал морской де-

мон, вылезавший иногда из моря у деревушки Барка, чтобы полакомиться овечкой. Но морские демоны жили в соленой морской воде, а не пресной, как в реке, на которой стоял этот город.

— Фокен сепсиу эриктатус фокентау!

Первая вспышка стала угасать. Порошок на символах позади Тильфозы вновь вспыхнул, и появился новый столб света. Он трепетал так же, как и первый.

— Птолема птолемес оригенес, — распевала волшебница.

Город стала заливать вода. Она проступала из земли и поднималась все выше. Кэшел уже видел волны, вздымавшиеся над стенами, окружавшими внутренний двор. Один Архай оказался пойманным в ревущий поток. Из воды высунулась голова огромной ящерицы, и челюсти с хрустом сомкнулись на теле насекомого. Чудовище скрылось в бушующих волнах.

От заклинаний волшебницы ярко вспыхнул третий магический символ. Первый и второй постепенно угасали.

Разноцветные лучи, исходившие от рубина в кольце Тильфозы, переплетались между собой, образуя в воздухе рисунок из концентрических кругов, постепенно переходящих в овал.

Метра открыла портал в другой мир.

Кэшел так и не смог остановить ее. Он надеялся, что ему удастся справиться с этой задачей, оказавшись рядом с волшебницей, но, похоже, переоценил свои возможности.

Вспыхнул порошок на четвертом магическом символе. На этот раз совсем близко от Кэшела. Он оттолкнулся от земли ногами, чтобы подкатиться ближе к пламени. Архай вернул его на прежнее место, лишив, казалось, последнего шанса.

— Театца тото асчайфо! — выкрикнула Метра. Она задрожала от натуги, произнося последние магические слова. Порошок на трех оставшихся символах вспыхнул одновременно. Раздался дикий рев, от которого задрожали земля и стены внутреннего двора храма. В то же мгновение вода, заливавшая город, исчезла, оставив после себя слой ила и тины.

Неожиданно Архаи отпустили девушку, и она упала на тело Кэшела, не в силах удержаться на ногах.

— Свершилось! — Метра, словно сомнамбула, обвела заспавшим взглядом Кэшела и Тильфозу. — Мне не понадобилась

твоя кровь, чужестранец. Хотя вначале я думала, что именно по этой причине Владычица привела тебя сюда. Но, значит, твое предназначение в другом.

— Меня никто не приводил, я сам пришел в это место. Тильфоза, возьми мой нож и перережь веревки.

Метра пошатнулась и устало провела по лицу рукой. Заклинания, которые она без остановки выкрикивала весь последний час, истощили ее силы.

— Сейчас не имеет никакого значения, что вы сделаете, — равнодушно сообщила колдунья. Похоже, все ее эмоции сгорели вместе с порошком, который она высыпала на магические знаки. — Тильфоза, твое кольцо может закрыть портал только с другой стороны. А там тебя ждет Владычица, готовясь войти в свое королевство.

Тильфоза, не обращая внимания на Метру, вытянула из-за пояса Кэшела нож и перерезала веревки на его ногах. Она даже не обернулась, чтобы посмотреть на проход из потоков света за своей спиной. Кэшел смог выпрямить спину и ноги. Тильфоза склонилась над его руками.

Архаи не делали никаких попыток ей помешать. Гигантские насекомые усталились на портал, который разгорался все ярче. Метра хихикала. Кэшел подумал, что у нее приступ истерики, и, похоже, оказался прав. Волшебница перестала смеяться и зарыдала.

— Она — Королева всего Мира! Ее время снова пришло! Ничто не сможет изменить ее волю.

Разрезанные веревки упали на землю возле Кэшела. Юноша вытянул руки вперед. Запястья кровоточили и сильно затекли.

— Поддай мне нож, — хрипло попросил он Тильфозу. Юноша терпеливо ждал, пока пальцы обретут чувствительность, и не обращал внимания на сочившуюся из ран кровь. — Я разрежу до конца веревку на ногах.

Старый нож Кэшела, изготовленный бродячим кузнецом, с трудом резал толстые веревки. Юноша из последних сил нажал на него. В какой-то момент показалось, что лезвие не выдержит и сломается. Но волокна веревки подались, и его ноги освободились от пут.

Кэшел встал и перевел дыхание. От напряжения последних часов кружилась голова. Концы веревок все еще свисали с окровавленных запястий и лодыжек, но уже не сковывали движений.

— Кэшел, посмотри! — воскликнула Тильфоза. Она стояла на коленях и заглядывала в открытый портал, ярко горевший магическим светом. — Ты только посмотри!

Юноша подошел к ней и заглянул через ее плечо внутрь, щурясь от ослепительного сияния. Тонкая пленка все еще разделяла оба мира, но прямо у них на глазах становилась все тоньше. Через нее Кэшел разглядел три высокие тонкие фигуры со щупальцами вместо рук и ног. Существа, похожие на рептилий, показались ему начисто лишенными костей.

Одно из них, обвив свою конечность вокруг горла обнаженной черноволосой девушки, тащило ее к себе. Несчастная казалась куклой в руках ребенка. Существа окружили свою жертву и, вонзив в ее тело острые длинные клыки, принялись высасывать кровь.

— Это твоя Владычица? — с ненавистью спросил Кэшел у волшебницы. Он уже поднял с земли посох и вытер его о тунуку, счистив грязь. Одно только прикосновение к верному спутнику вернуло юноше силы. Он перебросил посох из руки в руку и начал вращать его. Сначала с правой стороны, потом над головой, затем перед собой. Большие круги сменились восьмерками. Кэшел уже не чувствовал прежней усталости и онемения в руках и ногах. Осталась лишь легкая ноющая боль, как напоминание о сброшенных путах.

Сбившись в кучу, Архаи обеспокоенно затрещали. Звуки, которые они издавали, напомнили Кэшелу завывания ветра в печных трубах зимой. Гигантские насекомые, стоявшие поверх стены, прыгнули вниз и исчезли в лабиринте кривых улиц.

Архаи, толпившиеся во дворе, бросились к выходам из храма. Они давились у проходов и, шелкая клешнями, прорубали себе дорогу наружу. Внутренний двор очень быстро опустел. Только два раздавленных тела в хитиновых панцирях да несколько оторванных клешней остались валяться на грязной земле.

Тильфоза поднялась на ноги.

— Метра, кто это?

Проход между мирами ярко светился и как будто увеличился. Волшебница уставилась в портал. Уголки ее рта опустились. Она пошевелила губами, силясь что-то сказать. Тильфоза вцепилась в ее руку.

— Кто они?

— Свору выпустили, — упавшим голосом наконец смогла произнести Метра. — Портал для Владычицы открыт. Но Свора на свободе.

Волшебница тяжело осела на землю. Ноги отказались ей служить. Она зашлась в истерическом хохоте.

— Выпустили! — внезапно прекратив смеяться, завопила она. — Все миры, вся жизнь, даже Космос, все обречено. Мы отправили Свору в заключение, но кто-то выпустил их.

Портал продолжал расширяться. Кэшел наблюдал за ним, соображая, каким же он должен стать, чтобы Свора могла пройти.

Похоже, медлить было нельзя. Времени на размышления почти не осталось. Требовалось срочно закрыть проход в чужой мир.

— Метра, — хриплым от волнения голосом спросил Кэшел. — Как закрыть дыру, которую ты сделала?

Волшебница попыталась опереться рукой о землю, но не смогла. Ее качало из стороны в сторону. Она вновь захохотала. Тильфоза наклонилась и дала ей пощечину.

Лицо Метры стало осмысленным, и она ответила неожиданно спокойным голосом:

— Нужно направить луч света от кольца на вход с той стороны. Его сияние закроет портал. Но Свора возьмет ваши жизни и обескровит первыми, прежде чем доберется до остального человечества.

Тильфоза выпрямилась и посмотрела на Кэшела.

— Ты будешь сопровождать меня?

— Конечно. — Он ответил, даже не задумавшись.

Пленка, затягивавшая проход, осталась лишь по краям. А в центре он был прозрачным и продолжал расширяться, словно вода, заливающая плоскую поверхность в центре.

Тильфоза сунула руку в дыру. С ней ничего не произошло. Существа с той стороны ждали, внимательно наблюдая за происходящим. Одно из них облизнулось, высунув длинный узкий язык, похожий на змеиный.

Девушка перевела дыхание. Кэшел слегка отодвинул ее в сторону.

— Будет лучше, если я пойду первым.

Он шагнул в портал. Какая-то сила всосала его внутрь, как губка, впитывающая воду. Портал оказался достаточно большим, чтобы Кэшел поместился в нем целиком. Он не видел, как следом вошла Тильфоза, но чувствовал дыхание девушки за своей спиной.

Чужой мир встретил их палящим солнцем. Земля под безжалостными лучами стала каменистой пустошью, на которой они не увидели ни признаков жизни, ни признаков воды.

Как только Кэшел с Тильфозой вошли в портал, существо державшее девушку, отбросило обескровленное тело в сторону. Свора закачалась, словно гигантские ивы на ветру, и заскользила к ним, словно по воздуху.

Пальцы Илны перебирали нити с той ловкостью и быстротой, которая всегда успокаивала ее. Со всех сторон к ней ползли покинувшие свои сети гигантские пауки. Их длинные, мохнатые, согнутые в коленях лапы и ковыляющая походка делали огромных тварей похожими на калек, движущихся на костылях.

— ВЫПЕЙТЕ ЕЕ КРОВЬ, ОСУШИТЕ ЕЕ ДО ДНА! — звучало у нее в ушах.

Илна посмотрела через плечо. Да уж, такое количество калек в состоянии убить кого угодно. Слабое утешение, но это лучше, чем ничего в преддверии смерти.

Пауки взбирались на могильный холм с двух сторон. Сверху Илна хорошо видела, что пауки, находившиеся по эту сторону холма, были быстрее своих собратьев из долины, которые задержались, расправляясь с овцами и пастухом. Наверно, лучше смотреть в лицо опасности, чем отвернуться и ждать, когда ужасные челюсти сомкнутся на ее шее.

Что толку делать вид, будто тебе неведом страх. Здесь не было никого, кто мог бы упрекнуть ее в излишней самоуверенности.

Конечно, она боялась. Но не смерти. А того, что не сможет помочь Теноктрис и Гаррику.

Кто-то мог бы сказать, что она подвела все королевство и Острова. Илна никогда не понимала, что такое единое государство, потому что на ее памяти его никогда и не было. Но она понимала такие слова, как дружба, честь и долг.

Прежняя рана в душе болела и саднила. Но все пройдет, как только эти гигантские монстры вонзят ядовитые челюсти в ее тело.

— ОСУШИТЕ ЕЕ ДО ДНА!

Илна продолжала вывязывать узлы, добавляя нити и усложняя рисунок. Барьер над головой изменялся от каждого движения ее рук. С каждым новым рядом его структура становилась все яснее. И Илна начала кое-что понимать.

Пауки подбирались все ближе. Пальцы задвигались еще быстрее. Она и не знала прежде, что эти твари могут двигаться так быстро. Но ей только что довелось наблюдать, какими проворными они становятся, когда в их сети попадает жертва.

На мгновение Илне пришла в голову мысль, что пауки должны бояться ее. Им ведь известно, что узоры, которые она создает, могут ввести в оцепенение и даже убить. Девушка тут же посмеялась над своей глупостью — превосходство по всем статьям на их стороне.

Кроме того, они могли определить по движениям ее рук, что она плетет вовсе не то, что может их погубить. Пауки догадывались, что Илна пытается открыть проход между мирами.

— ОНА НЕ ДОЛЖНА УБЕЖАТЬ!

И вдруг Илна все поняла.

На мгновение пальцы ее остановились. Пауки знают, в этом нет сомнения, что она делает. Ей почти удалось добраться до сути и узнать о том, что было запрещено этим тварям в изгнании. И теперь она собирается показать им путь в тот мир, от которого древний волшебник отгородил их барьером. Путь в ее собственный мир.

Илна с надеждой посмотрела на небо. Интуиция подсказала последний штрих. Ту дорогу, которую она так долго искала.

Пальцы вновь стали вязать узлы, воплощая мысли в рисунок. Барьер над головой начал стремительно таять, подтверждая правильность ее решения.

На холме рядом с Илной тонким лучом вспыхнул первый столб света. Он распространился по воздуху неровными волнами, разрывая ту самую пленку, которая отделяла мир пауков от огромного Космоса.

— ОНА ОТКРЫЛА ПУТЬ!

Илна могла бы закрыть дыру. Но теперь в этом не было смысла. Пауки не могли сами создать нужный рисунок. Но зато могли воспроизвести его, после того как увидели шедевр девушки.

— ОНА ОТКРЫЛА ПУТЬ!

Гиганты разноцветной шевелящейся массой ползли по склону. Они словно обезумели от предчувствия теплой крови, которая ожидает их по ту сторону барьера. Их трясло от вековой жажды. Илна подумала о будущем, заполненном сетями и монстрами, которых она видела в сознании Заступника Эйхеуса. Теперь она понимала, чего он боялся.

Когда гигантские пауки поползли к ней со всех сторон, девушка ступила внутрь портала. Она улыбалась.

Пещера, в которой стоял Гаррик, оказалась склепом, где хоронили богатых и знатных. С каждой стороны древний мастер вырубил по три глубоких ниши. В каждой стоял саркофаг, сделанный из мрамора или порфира. По краям пяти каменных плит были вырезаны цветы. На последней сохранилось изображение мужчины, протягивающего руку к людям, склонившимся перед ним. Его голову украшала корона с полумесяцем. Над фигурой мужчины Гаррик рассмотрел вырезанного на мраморе паука.

Лорд Талемус вошел в склеп, поддерживая под руку Вескея. Передвигаться по камням на деревянной ноге тяжелее, чем в башмаках или босиком.

Трое мужчин уставились на рисунок.

— Вот те сокровища, которые искали Адемий и остальные, — произнес Гаррик. — Подумайте, как эта резная работа смотрелась бы в Вэллесе или Эрдине, если б только мы смогли доставить их туда.

— И люди будут платить за это? — не поверил его словам Талемус. — За паука?

— Люди платят за все. — Вескей знал, о чем говорил. — То, что сделал один человек, всегда может быть продано другому. Особенно если этому творению не одна сотня лет.

Неожиданно для них в проходе показался Метрон с факелом в руках. Волшебник тяжело дышал и покачивался. Пламя от его факела металось по сторонам.

Вескей выругался, когда языки пламени едва не опалили ему волосы, и приставил дротик к горлу Метрона.

— Я оставил тебя в живых, хотя и не следовало. Но не ищай судьбу.

— Лорд Талемус! — Волшебник установил факел в нишу, ни единым жестом не показав, что услышал угрозу Вескея. — Вот кольцо. Ты должен немедленно его надеть!

На его левой руке по-прежнему блестело кольцо с сапфиром. Пальцы распухли, и он не мог снять его сам. Свет от факела, попадая на камень, преломлялся и отражался на потолке пещеры голубыми бликами.

— Зачем? Чтобы встретиться с леди Тильфозой? — поинтересовался юноша. — Ты имеешь в виду именно это?

— Надень кольцо! Или нам всем грозит смерть от рук Заступника, — умолял волшебник. — Кольцо — наш единственный шанс.

Талемус с усилием стянул кольцо с пальца Метрона. Гаррик наблюдал за ним с невозмутимым лицом. Он не знал правильного решения и предпочитал не вмешиваться в дела волшебника. Пока...

Гаррик забрал из ниши факел и направился к длинному проходу на противоположной стороне пещеры. Вескей, прихрамывая, шел рядом.

В длинном коридоре между пещерами тоже хоронили мертвых. Но здесь все было намного скромнее, чем в предыду-

шем склепе. Вместо огромных ниш с саркофагами они увидели выдолбленные в каменных стенах отверстия, пригодные лишь для того, чтобы поместить завернутое в простыню тело. Коридор оказался таким узким, что атаману пришлось идти позади.

— Хорошее место, чтобы обороняться, — заметил Вескей.

— Эйхеон проникнет сюда сверху, — крикнул Метрон с другого конца коридора. — Он знает, где мы. Нужно идти дальше.

Гаррик, не останавливаясь, шел вперед, освещая себе дорогу факелом. В правой руке он держал меч, который так и не убрал в ножны. Коридор круто уходил вниз. В этой части подземелья не было никаких рисунков и украшений. Лишь молитвы да восьмиконечные звезды, вырезанные на камне, показывали, что здесь похоронен бедный человек.

Равенство в этом мире не наступает даже после смерти.

Гаррик остановился перед следующим подземельем, круглым залом с высокими стенами и куполом вместо обычного потолка. Пол украшала разноцветная мозаика. В зал из коридора вела лестница с семью ступенями. Колонна в центре была вырублена из цельного камня и украшена фресками.

Гаррик лишь на мгновение заколебался и остановился на первой ступеньке. Затем решительно начал спускаться вниз. Шарканье босых ног сопровождалось стуком деревяшки Вескея. Талемус шел третьим.

— Эй, вы! Не останавливайтесь! — скрипуче прокричал Метрон. — А ты, Талемус, встань в центре. Эх, знать бы, сколько у нас времени.

Впервые с тех пор, как они вошли в этот коридор мертвых, Гаррик посмотрел на волшебника. Метрон лихорадочно засуетился и, подскочив к Талемусу, потянул за руку. Похоже, он что-то задумал и для исполнения замысла ему был нужен молодой дворянин.

Гаррик вспомнил об Адемии, о том, как Метрон, не задумываясь, лишил его жизни, чтобы поднять Архаев из глубины моря. И от ужасной догадки мороз пробежал у него по коже.

— Нет! — решительно произнес Гаррик. — Не трогай его!

Он поднял меч и подошел к Талемусу.

— Метрон, отойди от него! Если ты еще раз приблизишься к этому юноше, то, клянусь именем Пастыря, я убью тебя! Иди ко мне, Талемус!

— Мы не оставим его с тобой. Он пойдет вместе с нами дальше. — Вескей встал рядом с Гарриком и Талемусом. В руках он держал дротик, приготовившись при первой же угрозе метнуть его в Метрона.

Волшебник остановился, не дойдя совсем немного до каменных ступенек, и засунул за пояс испачканный кровью жезл. Гаррик еще раз окинул его взглядом. Убедившись, что по крайней мере сейчас Метрон не сможет им навредить, он начал спускаться вниз вслед за Вескеем.

С верхних ступеней Гаррику казалось, что мозаика на каменном полу выложена хаотично и не создает никакого рисунка. Но, спустившись вниз, он увидел, что полированные смальтовые квадратики выложены по кругу с промежутками...

— На полу изображена паутина, — высказал Гаррик вслух свою догадку. — В центре по кругу Старой вязью написаны какие-то символы. Это значит, что здесь проводились магические ритуалы.

— Тогда давайте быстрее выходить отсюда, — громко предложил Вескей. Его слова эхом разлетелись по подземелью.

— Мастер Гар, — обратился к Гаррику юноша. — Я могу нести факел, чтобы у тебя были свободны обе руки.

— Держи, — согласился Гаррик, досадуя, что сам не додумался до этого. — Только подними повыше, чтобы мы могли видеть, куда идем. — Он протянул факел Талемусу, показывая, как нужно держать. При этом горячая смола капнула ему на запястье. От неожиданной боли Гаррик уронил факел на пол.

Вескей оглянулся на шум.

— Эй, тише вы. — Атаман поднял вверх дротик, словно готовился поразить какую-то цель. Гаррик, прижав к себе обожженную руку, обернулся, высматривая опасность. — Да заберет Сестра этого проклятого волшебника.

— Афрэ немий нотис... — напевно зазвучал в подземелье голос Метрона. Используя верхнюю ступеньку как помост, он размахивал в воздухе жезлом, на котором до сих пор еще были видны пятна крови невинных жертв. — Бафрэ нео ноти...

Талемус наклонился и поднял с пола факел. Свет от пламени упал на кольцо с сапфиром, надетое на его указательный палец. Камень вспыхнул голубым огнем, и яркие отблески заплескали на стенах и куполе ритуального зала. Тело похолодело и занемело, и Гаррик понял, что теперь не может ни пошевелиться, ни заговорить, хотя все чувствует и все понимает. Лицо слегка пощипывало.

— Лари... — завывал волшебник, — крифи крафи крифис...

Стены подземелья вспыхнули голубым светом. Пол начал наклоняться, открывая вход в широкий туннель, который вел в неизвестном направлении. Трое мужчин застыли на его краю, словно мухи, пойманные в паутину. Волшебник, стоявший на самой верхней ступени, триумфально продолжил:

— Фрике ралли тононене!

Гаррик ощутил, что пол под ногами сдвигается. Не удержав равновесия, он рухнул на землю и стремительно покатился...

Придя в себя, Гаррик понял, что уже может двигаться, и осторожно поднялся на ноги. При падении он потерял меч и поднял в воздух облако пыли, из-за которой теперь стало трудно дышать. Прикрывая рот и нос рукавом туники, Гаррик начал осматриваться. Большое подземелье, в котором он очутился, располагалось на несколько десятков футов ниже, чем ритуальный зал. На полу была та же мозаичная паутина.

Вескей упал в пыль почти одновременно с ним. Лишь Талемус почему-то остался стоять наверху, придерживаясь рукой за колонну, основание которой находилось в нижней пещере. Магический свет исчез, и теперь оба подземелья освещались только факелом в руке Талемуса. Его яркий свет с трудом пробивался сквозь облако пыли.

— Она идет! — закричал в исступлении Метрон. — Владычица возвращается в свое королевство!

Гаррик наткнулся на атамана, рассматривавшего дротик. При падении древко копья сломалось, и в руке Вескей остался лишь обломок с наконечником. Атаман тоже дышал через ткань туники.

— Если разгребем камни в дальнем конце и притащим их сюда, — предложил он, — то сможем выбраться по ним наверх.

Гаррик, с трудом расслышав его слова, согласно кивнул. Отвечать он не мог. Легкие горели. Ему не хватало воздуха, проходящего через ткань туники. Гаррик старался задерживать дыхание, чтобы кружащая в воздухе пыль не удушила его, забив рот и нос.

Вескей, прихрамывая, направился к куче камней, сваленных у противоположной стены. Гаррик шел следом, чувствуя, как трясется каменный пол под его босыми ногами.

Камни неожиданно зашевелилась, оказавшись живым существом.

— Вескей! — закричал Гаррик, но было уже поздно. Четыре огромные волосатые ноги в определенном ритме задвигались у них перед глазами. Гаррик когда-то видел, как быстрые пальцы Илны плели рисунок, способный парализовать человека, а то и убить. Теперь похожая сила заставила его корчиться от внутреннего огня.

Существо, представшее перед ними, оказалось огромной паучиной, явившейся словно из кошмарного сна. От тысячелетнего заключения тело ее казалось иссохшим, но она все еще была жива. Веками Владычица проникала в разум людей через их сны. И теперь, когда волшебные заклятия утратили силу и стены, замуровавшие ее, исчезли, чудовище смогло выйти наружу.

— Она идет! — вновь закричал Метрон.

Талемус по-прежнему неподвижно стоял у притягивавшей его колонны. Факел, зажатый в руке молодого дворянина, освещал помещение. Пыль наконец-то улеглась, и стало видно, что происходит внизу. Там, будто статуи на пьедестале, замерли Вескей с Гарриком.

Огромные ноги двигались, сплетая в воздухе рисунок из перекрещивающихся линий. Вескей выронил обломок дротика и сделал шаг вперед. Сейчас он подчинялся не собственному разуму, а чужой воле.

Гаррик все понял. Владычица подзывала к себе первые жертвы, желая утолить тысячелетний голод. Когда она покончит с ними, то сможет выйти в верхний мир, чтобы распоряжаться другими жизнями. Это не была богиня, как предполагали Мет-

рон и остальные Дети Владычицы, в чьи сны она являлась. Но неимоверная магическая сила, которой она обладала, вызывала у всех, кто ее видел, благоговейный трепет. И они утверждались в мысли о ее божественном происхождении.

Вескей шел прямо к лязгающим челюстям, словно уже был мертв. Восемь глаз сверкали в свете факела и гипнотизировали атамана. Паучиха, как краб, подтянула к себе передние ноги, приготовив место для жертвы.

Атаман встал между ее передними ногами. И в тот момент, когда рисунок, парализовавший его волю, исчез, он смог закричать и даже повернуться, прежде чем Владычица вонзила клыки ему в спину. Тело атамана судорожно выгнулось.

Нижняя челюсть паучихи открывалась и закрывалась. Длинные клыки вонзались прямо под ребра атаману с каждым разом все глубже. Капля яда, оранжевая от света факела, упала на пол. Камень зашипел и испарился, превратившись в темное облако.

Гаррик посмотрел на опустошенное тело Вескея, свисавшее из пасти паучихи, как пустой бурдюк. Только теперь, когда яд целиком пропитал все ткани, оно обмякло, и голова атамана опустились к земле.

Владычица отбросила в сторону жертву и принялась плести тот же самый рисунок. Только намного быстрее, впервые за тысячу лет получив порцию теплой крови. Гаррик почувствовал, как его правая нога шагнула вперед.

Он хотел удержать ее. Но тело уже не слушалось разума. Словно невидимые нити тянули его к паучихе. Шаг... еще один...

Нижняя челюсть открывалась и закрывалась. Владычица ждала. Ее клыки жаждали крови. Передние ноги вытянулись вперед. Она сучила ими, словно приведенная в действие древняя машина.

Гаррик медленно двигался вперед. Босая нога ощутила прикосновение к сломанному дроту атамана.

В этот момент горячая смола закапала на пальцы Талемуса. Он закричал и отшвырнул факел. Искры посыпались на землю, и огонь потух, едва прикоснувшись с грязным полом. В комнате наступила кромешная темнота.

Гаррик пришел в себя, как только исчез магический рисунок, сплетенный Владычицей в воздухе. Нашупав на полу сло-

манный дротик, он поднял его и двинулся дальше. Юноша не видел в темноте Владычицу, но ощущал ее присутствие.

Паучиха не была богиней. Она оказалась смертной, как и он. А значит, ее можно убить. И хотя никто не мог написать на его смерть эпитафию, Гаррик знал, что погибнет ради жизни всего человечества. Вытянутой рукой юноша прикоснулся к нижней челюсти паучихи, прямо к ее клыку. Волоски на теле Владычицы напоминали шерсть кабана.

Ее передние лапы обхватили его и потянули к ужасным челюстям. Гаррик распрямился, словно пружина, и воткнул обломок копья прямо в пасть, пронзив мозг Владычицы.

Гигантская паучиха втянула клыки и забилась в конвульсиях. Теряя сознание от зловонного дыхания, Гаррик почувствовал укус ядовитых клыков. Все померкло.

Глава двадцать третья

Илна вошла через портал в другой мир, окруженный оболочкой, как и тот, где томились в заключении пауки. Яркий солнечный свет ослепил ее. Она опустила глаза и посмотрела вниз.

На голой каменистой земле лежало тело Алекты. Обвисшая кожа не позволяла рассмотреть, кто это, но Илна узнала дикарку по костяным заколкам, до сих пор украшавшим волосы бывшей компаньонки.

Ее бронзовый кинжал валялся рядом. На этот раз Алекте не удалось пробраться мимо Своры незамеченной.

Илна шагнула вперед.

Свора повернула головы в ее сторону. Три существа словно висели в знойном воздухе, не касаясь земли. Они плавно стали приближаться к девушке, слегка шевеля щупальцами.

— У вас сегодня будет настоящий пир! — с вызовом крикнула она. В руках Илна держала узор, который сплела, чтобы открыть проход между двумя мирами.

Она холодно улыбнулась. Ей удалось сотворить настоящий шедевр, который мог по достоинству оценить только Создатель, Творец всего. Пауки поняли, что сделала Илна. Но не смогли остановиться. Переполюнявшая их жажда крови на время заглушила чувство опасности.

На то время, что им еще осталось.

Серебристо-черный паук, как и думала Илна, прошел через портал. Он опередил собратьев, чтобы первым, по праву вожака, насладиться теплой кровью жертвы.

Солнечный свет ослепил гиганта. Всего лишь на несколько секунд, пока его глаза не привыкли к яркому освещению. Увидев медленно приближающуюся Свору, вожак в страхе попятился, топчя других толпившихся в проходе пауков.

— Илна! — неожиданно услышала девушка голос брата. Он стоял в другом портале прямо напротив нее. Из-за его плеча выглядывала незнакомая девушка. Мир, в котором спала Свора, похожий на шар, был еще меньше, чем мир пауков. — Скорее прячься за меня! Я тебя защищу!

Илна подняла над головой сплетенный рисунок. Свора по-прежнему медленно двигалась к ней. Девушка понимала, что щупальца этих существ могут дотянуться до нее прежде, чем они увидят ее узор. Она оценила помощь, предложенную братом. Но ни его смелость, ни отвага не могли сейчас спасти ее. Рассчитывать оставалось только на себя и свое мастерство.

Кроме того, Илна знала, что не победит, даже если это единственный шанс на спасение. Она не настолько ценит свою жизнь.

Свора приблизилась. Илне никак не удавалось рассмотреть этих существ. Их размеры менялись каждое мгновение. Есть ли у них физические тела? И сколько их — трое? Или Свора — это одно существо, представленное в трех измерениях.

Первый из Своры подплыл к проходу, возле которого стояла Илна. Ей показалось, что вместо лица у него ледяной кристалл с узкой щелью, из которой торчат острые клыки. Кровь заледенела у нее в жилах.

Существо наклонилось и нырнуло в проход к шевелящейся добыче, которой могло хватить не на один век, если, конечно

поумерить аппетит. За ним последовало второе. Затем третье. Мир, в котором жила Свора, опустел. В нем остались лишь три человека и обескровленное тело.

Девушка за спиной Кэшела подняла руку вверх к солнцу. Рубин в ее кольце ярко вспыхнул. Яркие лучи заскользили по проходу между мирами. И портал позади них стал затягиваться плотной прозрачной пленкой.

Илна быстро зашевелила пальцами, расплетая узор. Свет рубина упал на нее и прошел через ее тело, словно оно состояло из воздуха. Девушка нахмурилась и бросила взгляд через плечо. Проход, который она открыла, тоже начал затягиваться. В том мире Свора расправлялась с пауками, как волки с отарой овец. На вершине могильного холма валялись останки вожака. Такие же лишенные жизненных соков оболочки, как высохшие стручки, были разбросаны по склону.

Илна улыбнулась, довольная своей работой, и убрала в рукав моток ниток. Возможно, они снова понадобятся ей, как и Свора. Рисунок этого мира был не слишком сложным. И она сможет воспроизвести его без труда, сколько бы времени ни прошло.

Кэшел перестал вращать посох и опустил его перед собой.

— Илна, как я рад, что ты пришла и смогла выручить нас! Признаюсь, я не знал, как мне справиться с этими существами.

Девушка, которую он называл Тильфозой, кивнула Илне. Она продолжала подставлять камень под солнечные лучи. Оба портала продолжали закрываться. И тот, что открыла Илна, и тот, из которого вышли Кэшел и девушка.

— Она волшебница? — поинтересовалась Илна у брата. Голос ее звучал неприветливо. Она не увидела в трюке Тильфозы чего-то особенного. Неужели эта девчонка еще не поняла, что она, Илна, может без труда как открыть, так и закрыть любой портал.

— Нет, она просто странствует вместе со мной.

Он повернулся:

— Тильфоза, познакомься, это моя сестра Илна.

Илна заглянула в портал, который медленно закрывался за спиной брата и девушки. В нем она увидела город, затянутый

болотной грязи, и большой двор, обнесенный высокой стеной.

Громадная, покрытая чешуей ящерица проломила своим телом каменную кладку. Женщина в черной одежде взмахнула руками и попятилась.

Длинные челюсти монстра сомкнулись. Подкинув жертву в воздух, ящерица отправила ее в свою ненасытную утробу.

— Пора выбираться, — произнесла Илна. — Выбираться...

На последнем слове мир вокруг нее стал темнеть. И только в последнюю минуту она поняла, что теряет сознание.

Открыть портал в Космосе было нелегким делом даже для Илны он-Кенсет. Прежде чем сознание окончательно затуманилось, она подумала, что исполнила свой долг.

— Я хочу, чтобы вы стояли позади меня, — объявил Карус Шарине и Теноктрис, когда они подошли к стенам осажденного Доннела. — Лучник, стреляющий с башни, может удвоить дальность полета стрелы.

Кровавые Орлы шагали впереди и позади Каруса и женщин, ехавших верхом. Теноктрис, к удивлению окружающих, оказалась отличной наездницей. Но Шарина знала, что изумляться здесь нечему. Отец волшебницы был благородным дворянином, и она получила воспитание, подобающее настоящей леди.

Старая волшебница насмешливо фыркнула в ответ на приказ короля.

— Как же моя смерть навредит Островам больше, чем ваша, Ваше Величество? — поинтересовалась она. — А вы к тому же собираетесь лично руководить штурмом стен.

За земляными валами и траншеями лорд Валдрон и его офицеры ждали возвращающуюся армию и короля. Для охраны флотилии Карус оставил внушительный гарнизон, несмотря на то что Теноктрис не увидела опасности с моря. Все ее попытки рассмотреть в чаше из оникса третью угрозу не увенчались успехом.

— Мне придется это делать. К тому же теперь, когда армия графа Лердока перешла на нашу сторону, риск значительно сократился. Вряд ли торгоши, призванные защищать эти стены, захотят умирать.

— Да, — согласилась Теноктрис. — А мне нужно попасть в храм этой Лунной Владычицы. И совсем не важно, опасно это или нет. Рана от стрелы может быть не такой смертельной, как та, что грозит нам, если не поторопиться.

Армия Блэйза строилась в полки намного медленнее, чем вымуштрованные солдаты короля. Поэтому они шли в арьергарде королевской армии. За ними, приглядывая, чтобы люди Лердока держали строй, располагались Кровавые Орлы. На флаге королевских стражников развевался лев.

Защитники осажденного города не могли не заметить, что численность противника увеличилась в два раза. Надежды на помощь союзников у них не осталось.

Шарина склонилась к старой волшебнице и прошептала, не опасаясь, что их подслушают:

— Как ты себя чувствуешь, Теноктрис? Ты кажешься...

— Наверное, раздраженной, — подсказала волшебница, чтобы Шарина не мучилась с подбором слов, опасаясь обидеть ее.

— Нет, взволнованной. — Шарина старалась быть тактичной. Теноктрис засмеялась.

— Я ужасно взволнована. Больше того, я даже напугана. Какое-то время мне казалось, что эти Дети Владычицы не понимают, какие силы приводят в действие. Теперь я чувствую, что за Мошь стоит за ними. Она использует их как пешек в игре. Я думаю, опасность нависла не только над королевством, но и над человечеством.

Лорд Валдрон выдвинул вперед артиллерию, как только курьер сообщил ему о плане короля. Он расставил катапульты и баллисты напротив главных ворот Доннела, чтобы без промедления привести их в действие. Всю остальную тяжелую артиллерию лорд разместил вокруг стен на тележках, запряженных мулами. Старый дворянин старался снизить риск, которому будет подвергаться при штурме жизнь короля.

Перед траншеями Шарина помогла Теноктрис слезть с коня. Лорд Валдрон поприветствовал Каруса. Ему не пришлось пробиваться сквозь строй королевских телохранителей — никто не посмел остановить командующего.

— Ваше Величество! — обратился он к королю, остановившись между двумя стражниками. — Я подготовил все, что смог. Но не думаю...

— Все отлично, милорд, — поспешил ему навстречу Карус, отодвигая стражников в сторону. — Ты продумал все до мелочей. Но я должен принять участие в штурме и первым войти в этот город.

Он снял шлем и прибавил:

— Пусть увидят того, кто дарует им жизнь. А теперь нужно передвинуть наши щиты так, чтобы я мог подобраться поближе к стенам.

Но к удивлению короля и всей свиты блоки, приводящие в действие городские ворота, закрипели. Обе тяжелые створки начали потихоньку приоткрываться. Купцы сбросили свои щиты с башен и дружно закричали:

— Мы сдаемся!

— Клянусь Госпожой! — недоуменно воскликнул Карус. — Нам даже не придется применять силу убеждения.

Король прошел между щитами, которые его войска стали продвигать к стенам города. Шарина быстро проскользнула за ним следом, прежде чем Аттапер заметил это и закричал солдатам:

— Эй! Не пропускайте ее!

Из городских ворот навстречу королю вышло не меньше дюжины защитников. У них в руках не было ни щитов, ни копий. Некоторые даже отстегнули с пояса ножны с мечами.

Полный человек вышел вперед и встал на колени перед Шариной и Карусом.

— Ваше Величество, — обратился он, низко склонив голову. — Объявите нам условия сдачи. Но по правде...

Он посмотрел на короля. На его лице застыли страх и мольба о пощаде.

— ...единственное, что нас заботит, — это наши жизни. Если вы захотите нас казнить, то сделайте это вне стен города, где царит кромешный ад.

— Я хотел предложить вам место в королевской армии, если вы сдадите город без боя, — усмехнулся Карус. — Вы уже вы-

полнили свою часть сделки, и не стоит беспокоиться, что я не исполню свою. Но отчего вы так стремитесь покинуть город?

Отряд Кровавых Орлов уже добрался до ворот и занял место между королем и горожанами. Оттеснив парламентаря на безопасное расстояние, Аттапер и офицер охраны встали по обе стороны от него.

— Они схватили ребенка, — сказал один из купцов, стоявших на коленях. На его лице отразилось сильное волнение. — Мы поняли, что они собираются принести девочку в жертву в храме. Мы не святые, но...

— Мы не хотим, чтобы детей убивали, как гусей на празднике, — заявил еще один парламентар. Он слегка шепелявил, потому что свежая рана на щеке не давала ему возможности широко раскрыть рот. — И я сам не хочу принимать участие в том, для чего понадобилось убивать детей!

Солдаты из осажденного города одобрительно закивали головами.

— Это то, чего я боялась, — печально произнесла Теноктрис. Шарина подпрыгнула от неожиданности, услышав ее голос. Волшебница потихоньку пробралась к ним, никем не замеченная. — Заклинание было составлено сотни лет назад. Оставалось только насытить его кровью. И тогда механизм придет в движение. Мы должны остановить их.

К воротам подошел первый батальон графа Лердока. Вместе с отрядом Кровавых Орлов они обезоружили всех, кто вышел из ворот Доннела. Горожане не оказали никакого сопротивления.

— И мы сделаем это, — подтвердил Карус, вытаскивая свой меч. — Волшебник, который собирается использовать кровавую магию, встретится с острием моего клинка.

Подняв меч над головой, он проревел:

— Лорд Валдрон! Разверни фалангу у ворот! Никто не должен покинуть город, пока мы не разделаемся с Детьми Владычицы! Кровавые Орлы, пехота, за мной в храм. Мы должны остановить то, что там происходит!

Карус ткнул пальцем на главного парламентаря:

— Ты покажешь нам дорогу! Вперед!

Горожанин вскочил на ноги. Даже если он и боялся возвращаться, то не выдал страха ни одним жестом. Аттапер отдал ему пояс и нож. Единственное, что он не получил назад, — это меч.

— Я должна находиться как можно ближе к ним, — заторопилась Теноктрис. Король и сопровождающие его не обращали на нее никакого внимания.

Шарина поддерживала волшебницу, помогая идти. Теноктрис обхватила ее за шею. Конечно, лучше бы это сделал Карус. Но девушка была уверена в своих силах.

— Я помогу тебе, Теноктрис! Мы дойдем до храма вместе!

Шарина потихоньку двинулась вслед за Карусом. Ей было нелегко. Но она верила, что у них все получится.

Кэшел окажется в нужное время в нужном месте. Шарина верила в это. Он никогда не подводил ее.

Шарина нуждалась в Кэшеле именно сейчас. Дело было не в силе его рук, а в силе его характера. Он занимал главное место в жизни Шарины. Она предполагала, что Кэшел может устать, обессилеть. Но ни разу ей не пришлось встретиться с его безразличием. Он никогда не сдавался. Никогда.

Улицы Доннела были пусты. Впереди раздавался стук солдатских сапог и шум колес, на которых тащили орудия. Для города эти звуки были непривычны. Впереди Шарины шел Карус и его сопровождение. Позади — вся королевская армия, за исключением фаланги. Но нигде не было слышно звуков боя.

Парламентер вел отряд по главной улице, узкой и извилистой. На ней не разъехались бы и две тележки. Солдаты сталкивались друг с другом и выкрикивали проклятия.

— Идите справа от нас! — приказала Шарина догнавшим их солдатам. — И никого к нам не подпускайте.

Командир отряда повернулся к своим людям и приказал:

— Взять женщин под охрану! Живей, забери вас Сестра!

Шарина не была уверена в том, что офицер их узнал. Скорее всего он подчинился ее властному голосу. К тому же войска плохо понимали, что происходит. Лишь солдаты, сопровождавшие Каруса, знали, в чем дело. Но они хранили молчание.

Шарина тяжело дышала, жадно хватая воздух открытым ртом. Теноктрис тяжким грузом висела у нее на руке. Девушка

порадовалась, что надела сандалии на плотной подошве, иначе бы разбила ноги в кровь о мощенные камнем улицы.

Теноктрис хваталась за Шарину, как за спасательный круг. Ее глаза были широко открыты, и она что-то бормотала. Волшебнице было тяжело поспевать за молодой девушкой. Она спотыкалась, но ни разу не упала, потому что Шарина ни на секунду не разжала рук.

Кошка, сидевшая на крыше, метнулась прочь при приближении солдат. Это было единственное животное, которое увидела Шарина с тех пор, как они вошли в город. Голод заставил жителей переловить и съесть все, что двигалось. По зову Владычицы в городе собралось почти все население острова.

Войска взбирались вверх по крутым улицам Доннела, в самое его сердце. Раньше на вершине крутого холма стоял только небольшой замок, обнесенный крепостной стеной. Потом, когда Острова еще были едины, рядом построили храм Госпожи. Сейчас же в нем обосновалась секта Лунной Мудрости.

Наконец Шарина смогла увидеть храм, возвышавшийся на холме. Все свободное пространство возле него оказалось заполненным людьми. Девушке еще никогда не доводилось видеть столько народа в одном месте.

Люди нараспев произносили какие-то слова, но их шепот был похож на приближающуюся грозу.

Король остановился, чтобы оценить ситуацию. Все подходы к храму были забиты молящимися. Карус отдал приказ войскам прокладывать путь через толпу. Солдаты сомкнули ряды, выставили вперед пики и приготовились двигаться вперед.

— Шарина! — крикнула Теноктрис. Ее голос звучал довольно громко, несмотря на то что волшебница потратила много сил, чтобы подняться на холм. — Останови короля! Не дай им убивать! Это будет еще хуже, чем жертвоприношение, приготовленное Детьми Владычицы. Для того чтобы привести заклинание в действие, нужна кровь, и не важно, чья она будет!

Шарина поняла, о чем предупреждает ее волшебница. Она осторожно прислонила Теноктрис к стене и побежала вперед. Старуха пошатнулась, но не упала.

Шарина неслась по улице вверх, проскальзывая между вооруженными солдатами, чтобы успеть предупредить короля.

Карус поднял меч и приготовился отдать приказ, которого так боялась Теноктрис. Шарина схватила его за руку прежде, чем он произнес команду. Аттапер выхватил меч, чтобы защитить короля, и оторопел, узнав принцессу.

— Подожди! — закричала Шарина. — Ни одной капли крови, иначе мы сами приведем в действие заклинание!

Карус тут же все понял.

— Наденьте на пики чехлы и тесните их щитами! Сгоняйте и тесните их, но ни единой капли крови не должно пролиться!

Услышав приказ короля, солдаты были удивлены, но не могли его послушаться. Отряд Кровавых Орлов, зачехлив пики, двинулся вперед. Они продвигались все ближе к храму, проталкиваясь через толпу, которая продолжала петь, не обращая внимания на солдат.

Карус закричал так, будто ему вонзили меч прямо в сердце, и повалился вперед. Шарина попыталась удержать его, но король в доспехах весил слишком много. Они вдвоем упали на мошеную улицу.

Голоса в храме становились все громче.

Кэшел склонился над сестрой и положил руку ей под голову. Его не испугал обморок Илны. Он знал, какую цену приходится платить за волшебство. А рисунок его сестры был не меньшей магией, чем символы, которые Теноктрис чертила на земле.

Юноша с любовью и нежностью посмотрел на Илну, отметив, как сильно изменилась она с тех пор, как он последний раз видел ее во дворце. Сестра похудела так, что из-под туники торчали кости. Лицо приобрело землистый оттенок, щеки провалились.

Тильфоза вскрикнула.

Кэшел оглянулся и встал.

— Опусти его! — попросил он девушку. Сияющий рубин жег глаза, заставляя шуриться. Из-за неудобства он говорил громче, чем обычно. — Не давай солнцу отражаться в нем!

— Кэшел! — с какой-то злостью произнесла Тильфоза. — Я не могу пошевелить рукой!

Стены шарообразного мира двигались, как камни, подгоняемые водой. На них танцевали искаженные тени. Через прозрачную пленку Кэшел видел миры, которые посещал не раз. Но были и такие, куда бы он никогда не хотел попасть.

За огненным барьером сидел, указывая костью в сторону Кэшела, в магическом кругу покрытый перьями волшебник. Юноша поднял посох, но образ утратил четкость и растворился в каменной долине, как будто его никогда и не было.

Кэшел накрыл огромной ладонью кольцо. И сразу же рука заняла от пронизывающей боли. Казалось, расплавленный камень обжигает ладонь. Он попытался отдернуть ее, но не смог. Тело хотело этого, но мозг сопротивлялся. Но Кэшел чувствовал, что боль пройдет, как только он уберет ладонь от рубина.

Тильфоза нахмурилась от злости и отчаяния. Она попыталась повернуть свою руку кольцом вниз. Но и ее попытка была обречена на провал. Так же она не могла вырвать руку из цепкой хватки Архаев.

— Метра говорила, что это кольцо сделала Эйхеа. Она наверняка знала, что такое может произойти. Но как нам избавиться от него?

— Все в порядке, — успокоил ее Кэшел и, сделав над собой усилие, повернул руку Тильфозы кольцом вниз. Боль сразу исчезла. А на мозолистой руке не осталось даже следа от ожога. Он крепко сжал посох обеими руками. — Мы справимся, какой бы подарок ни подкинуло нам это кольцо.

Прозрачная стена их мира начала бледнеть в том месте, где еще недавно Тильфоза закрыла портал, открытый Метрой. Кэшел принял боевую стойку, приготовившись действовать, если окажется, что на той стороне их поджидает сожравшая волшебницу ящерица. Но вместо этого они увидели пещеру. Кэшел высунулся в проход и осмотрелся.

В полумраке прямо под ними на камне стоял молодой человек. Одна стена пещеры обвалилась, и море стремилось заполнить ее. Волны пенились, вынося на поверхность воды какие-то куски и обломки. Внимание Кэшела привлек большой

кусок темной ткани. Присмотревшись, он понял, что это волосатая шкура какого-то огромного существа. Нахлынувшие волны скрыли его, а уже через мгновение вытолкнули на поверхность в другом конце пещеры.

Молодой человек с ужасом озирался по сторонам. Когда свет из портала стал заполнять пещеру, он посмотрел вверх и встретился глазами с Кэшелом. В его взгляде юноша уловил отчаяние и надежду.

Кэшел услышал шум надвигающегося моря и понял, что человек внизу сможет услышать его. Перевернув посох, он ухватился за железный наконечник правой рукой.левой рукой Кэшел крепко упирался в стенку их маленького мирка.

— Давай! — крикнул он, дотянувшись концом посоха почти до головы юноши. — Прыгай и хватайся за посох! А я втяну тебя сюда! Прыгай скорей!

На стене затопленной пещеры появился мужчина в оборванной одежде, похожей на одеяние Метры. Он остановился на краю, открыв от ужаса рот.

Юноша прыгнул. Ему удалось зацепиться за конец посоха, хотя и не очень крепко. Он болтался на дубинке в потоке воды, словно утка казарка на волнах. Кэшел стал осторожно подтягивать посох, а вместе с ним и неизвестного юношу, к себе.

Невысокая фигура в бронзовых доспехах с длинной мордой ящерицы остановилась на краю рядом с оборванцем. Он отшатнулся и, издав отчаянный крик, прыгнул в воду, тоже пытаясь уцепиться за посох Кэшела, но взметнувшаяся волна накрыла его с головой и стала затягивать под воду. Отчаянные крики сменились хрипом, а потом остались лишь пузыри, почти незаметные на поверхности воды.

Юноша так и висел на конце посоха, который Кэшел тянул к себе. Его ноги болтались над бушующими волнами. Кэшел отклонился назад и рванул к себе посох, словно удилище, на котором болтался тунец.

Спасенный юноша шлепнулся на каменистую поверхность, залитую солнечным светом. С его одежды ручьями стекала вода. Тина и грязь облепили молодого человека с ног до головы.

— Кэшел! Я помогу тебе! — закричала Тильфоза и кинулась к спасенному юноше. Илна, уже пришедшая в себя, поспешила ей на помощь. Вместе они оттащили его подальше от прохода. Рубин на кольце Тильфозы прикоснулся к сапфиру на кольце юноши. Ярчайшая вспышка затмила солнечный свет. Тильфоза закричала. Мир, в котором они находились, стал исчезать. Его прозрачные стены начали таять, словно лед под весенним солнцем.

Илна поднялась с колен.

— Это Мерота, — произнесла она голосом, от которого ledenела кровь. — Здесь, в храме! В Доннеле!

Моток ниток выпал из рукава прямо ей в руки, и она, забыв об усталости, несколько минут назад лишившей ее сознания, принялась за работу.

Сообщение сестры не очень взволновало Кэшела. Наклонившись к проходу, он осмотрел большую комнату, набитую людьми. Они были везде, кроме большого прямоугольного пруда, над которым висел их прозрачный мир-шар. На краю пруда стояли жрецы в черно-белых одеждах с надвинутыми на лицо капюшонами. Внешне они походили на Метру и оборванца, утонувшего в пещере несколько минут назад.

Кэшел узнал жреца, стоявшего впереди всех у самой воды. Это был тот самый незнакомец, который пытался отобрать у него статую с кольцом еще в Вэллесе. Он держал нож у горла маленькой девочки, готовясь принести ребенка в жертву. Девчушку удерживали за руки два других жреца.

Дети в толпе кричали от ужаса. Мерота, как истинная воспитанница Илны, ждала своей участи молча. Она не зажмурилась, а бесстрашно смотрела на палачей, готовых лишить ее жизни.

Кэшел ударил железным наконечником посоха в прозрачный барьер, который еще отделял их мир от храма. Тильфоза и молодой человек закричали. Илна даже не подняла головы.

Посох не встретил на своем пути видимой преграды. Но что-то удержало его и оттолкнуло назад, в руки Кэшела, с такой силой, что они онемели.

Солнце вспыхнуло на лезвии клинка. Голова жреца, прижимавшего к шее Мероты нож, соскочила с шеи и покатилась

по мраморному полу. Из перерезанных артерий брызнул фонтан крови. Человек, стоявший возле верховного жреца, откинул капюшон. В левой руке у него был зажат кривой нож, а в правой — длинный кривой меч, с которого стекала кровь.

Кэшел узнал в нем Чалкуса. Он, словно волчок, развернулся в прыжке и отскочил в сторону, нанося рубящие удары направо и налево. Прозрачные стены мира, удерживавшие Кэшела и его спутников, исчезли, и они оказались в бурлящей от крови, соленой воде пруда.

Кэшел окунулся с головой и вынырнул, отплеываясь. При мысли, что может утонуть, силы его удвоились. Ухватившись за мраморный портик, юноша выбрался из пруда и вытащил Илну и Тильфозу. Спасенный им молодой человек выбрался на берег самостоятельно.

Чалкус, словно танцую, делал выпады и наносил новые удары мечом по сбившимся в кучу жрецам. Оттуда раздавались крики ужаса, постепенно переходившие в предсмертный хрип. Кэшел на всякий случай не выпускал моряка из виду, чтобы блокировать посохом возможный выпад.

Верующие, заполнившие помещение храма, пытались вырваться наружу. Чалкус бок о бок с Кэшелом расчищали дорогу своим товарищам. Времени для дружеских объятий не было.

Вода в пруду закипела, словно на берег рухнула огромная морская волна. Из кровавого потока поднялось гигантское насекомое в хитиновом панцире, в котором Кэшел сразу узнал Архая. Нижнюю часть туловища еще скрывала вода. Первым же движением клешней он разрубил пополам двух мужчин, стоявших на краю пруда. Следом за ним полезли на берег и другие Архаи.

Они набросились на толпу верующих, которые были слишком напуганы, чтобы противостоять появившимся монстрам. Кэшел размозил голову насекомому, попытавшемуся напасть на Тильфозу.

— Владычица мертва! — воскликнула жрица, стоявшая у колонны. — Теперь Архаи погубят все живое!

Она хотела что-то добавить, но клешня чудовища разрубила ее пополам. Кровь была везде: на полу, в воздухе, на воде, словно только что прошел кровавый дождь.

Чалкус мечом прокладывал дорогу к задней стене храма. Выйти они не могли, поэтому нужно было постараться обезопасить тыл. Кэшел следовал за ним, отталкивая испуганных горожан и круша хитиновые тела Архаев железным наконечником посоха.

Илна расчищала дорогу с помощью петли. Она накидывала ее на голову Архаю, а Тильфоза протыкала его тело жезлом верховного жреца, который подобрала на полу. У молодого человека оружия не было, и он шел позади Чалкуса и Кэшела, крепко прижимая к себе Мероту и закрывая девочку своим телом.

Насекомые заполняли помещение, превращая храм в скотобойню. Из бурлящей воды пруда появлялись все новые Архаи. *Они убьют все живое* — последние слова жрицы эхом бились в голове Кэшела.

Может, и так. Но он с товарищами уже отправил в Преисподнюю не один десяток тварей.

Левая рука скребла грязную мошеную улицу. Правая сжимала рукоять меча. В спину пекло солнце. Люди вокруг кричали, объятые страхом, словно напуганные цыплята.

— Дузи, заberi мой страх! — прошептал он.

И открыл глаза. Он снова был Гарриком ор-Рейзе. Гарт только что умер в подземелье.

— Привет, парень! Добро пожаловать домой, — раздался в голове голос предка. Карус, похоже, улыбался. — Теноктрис сказала, что нам срочно нужно попасть в храм. Мы не должны убивать людей. Но я не из тех, кто может стоять без дела на месте.

— Ваше Величество! — закричал Аттапер. — Что случилось? Вы...

Гаррик уже стоял на коленях. Его тут же подхватили руки охранников, которые боялись допустить промашку на глазах того, кого охраняли.

— Я поскользнулся. Давайте войдем в храм и покончим с сектой Лунной Мудрости.

Поскользнулся... Он отчетливо помнил, как упал на камни, и ядовитые клыки Владычицы вонзились в его тело. Хотя тело было не его, а того парня по имени Гар...

— Гаррик, жертвоприношения уже закончены, — крикнула Теноктрис. Двое высоких стражников прокладывали путь, поддерживая под руки старую волшебницу. — Архаев нельзя выпускать из здания. Но каждый убитый человек будет способствовать появлению новых тварей.

— Не убивать людей! — прокричал Гаррик. — Там будет достаточно жуков, чтобы наши мечи не ржавели без дела.

Гаррик торопливо поднимался на гору, радуясь собственному телу, гибкому и послушному. Может быть, не такому сильному, как тело Гара. Но он был здоров и прекрасно чувствовал себя в своем прежнем, вновь обретенном теле.

Лорд Аттапер положил руку на правое плечо Гаррика, сдерживая его пыл. Первое подразделение из восьми солдат Кровавых Орлов сомкнулось перед ним, закрывая телами своего правителя.

Когда из храма раздались крики ужаса, горожане на холме перестали петь. Те, кто находился с краю, в панике повернулись и увидели приближающихся к ним вооруженных солдат. Некоторые попытались бежать, но холм был слишком крутым, любое неосторожное движение грозило ушибами и переломами.

Горожане, которые не смогли залезть на деревья или спрятаться в подлеске на склоне, все-таки пытались сбежать вниз. Крики прервали заклинание, которое пел весь город. Единственное, что объединяло сейчас верующих, — это паника. Люди не знали от чего бегут, но интуитивно понимали, что должны спасаться.

Самые громкие крики доносились из храма. Там, внутри, люди уже столкнулись с опасностью, которая угрожала всем. Именно поэтому сюда и пришла армия Гаррика — поставить в этом деле последнюю точку. Раз и навсегда.

Набалдашники на копьях отталкивали верующих, пробивая дорогу солдатам. Большинство горожан, не дожидаясь ошутимых толчков, отбегали в сторону и пытались взобраться на стены и крыши храмовых построек. Некоторые прыгали с холма от отчаяния, словно люди, захваченные пламенем на крыше дома. С ними все будет в порядке, по крайней мере с большин-

ством. Конечно, не обойдется без сломанных конечностей, но верующим, запертым в храме, придется намного хуже.

— Что нас ждет внутри? — орал в ухо Гаррику Аттапер. — Волшебники?

— Может, и волшебники! — закричал в ответ ему принц. — Теноктрис сказала, что там Архаи. Такие огромные жуки, возмнившие себя людьми.

— Умирают они точно как люди, — согласился с ним Карус.

Гаррик оглянулся назад, когда оказался на последней ступеньке перед входом в храм. Его армия еще находилась внизу, возле стен. Отсюда ему были видны лишь сияющие на солнце копья и бронзовые шлемы.

Он нахмурился. По южному склону холма к храму взбиралась отдельная колонна. На развевающемся полотнище Гаррик рассмотрел льва, символ Блэйза.

— Граф Лердок теперь твой союзник, — раздался в его голове голос Каруса. — Ты назначил его сына своим помощником. Мальчик как раз справа от тебя.

Я оставил королевство в надежных руках, подумал Гаррик, стараясь ничем не выдать своего удивления.

В голове гремел хохот Каруса. Похоже, предок остался доволен тем, что смог на какое-то время вернуться к жизни.

— Ты оставил королевство на счастливчика, парень. Я всегда утверждал, что госпожа удача любит меня.

Первая линия солдат уже ломала дверь храма. Сапоги стучали по мозаике, выложенной в виде паука, держащего в лапках полную луну.

Лишь немногие верующие смогли вырваться через бронзовые двери храма. Их бледные лица и одежду покрывали брызги свежей крови. Волосы были взъерошены, одежда порвана. Одна женщина выбежала в нижней рубашке.

На последнем человеке, сумевшем выбраться из храма, была одежда жреца. «Убей его!» — услышал Гаррик голос Каруса.

Принц не знал, что бы он делал, если бы Кровавые Орлы не отпихнули бы священника в сторону. Конечно, он убивал, но только в том случае, когда понимал, что другого выхода нет. Та

непринужденность, с которой Вескей мог заколоть человека, была чужда его природе.

Но ему не пришлось принимать решение. Прямо в дверях Архай нагнал священника. Насекомообразное существо ударом клешни отделило его голову от шеи. Обезглавленное тело жреца рухнуло на крыльцо. Голова покатилась по ступеням.

При виде Архая отряд Кровавых Орлов остановился в растерянности. Солдат, стоявший перед Гарриком, потерял равновесие и, не удержавшись на ногах, упал на ступеньку крыльца.

Гигантское насекомое склонилось и занесло над ним острые клешни. Копье стражника вонзилось в тело монстра. Но это не остановило движение клешней, и Гаррик взмахом меча снес насекомому голову. Тренированная рука легко управлялась мечом, который прежде держал Карус. Но сейчас подошел бы и изогнутый клинок Сэто, не раз выручавший его.

Гаррик выхватил из-за пояса кинжал. Он обогнул обезглавленного монстра и истерзанное тело солдата, чтобы остановить нескольких Архаев, выбежавших на крыльцо. Аттапер и трое охранников стояли возле него. Насекомые громко застрекотали. От этих звуков, казалось, задрожали стены храма.

— Оставьте их нам, Ваше Величество! — закричал Аттапер, срубая голову еще одному чудовищу. — Это наша работа!

Гаррик, не слушая, пронзил насквозь Архая, возникшего перед ним. Сталь легко вошла в хитиновое тело, но клинок застрял в панцире.

Бледная сукровица брызнула во все стороны. Клешни Архая по-прежнему молотили во все стороны. Гаррик пустил в ход кинжал. Но и этого было мало. Пришлось нанести несколько ударов сорванным с головы бронзовым шлемом. Лишь тогда Архай успокоился. Но в предсмертной судороге огромные клешни монстра раздавили латы принца словно скорлупу. Тело монстра навалилось на него. Гаррик упал на колени. От удара клешней занемела рука. Он уже подумывал, что проклятое насекомое сломало ему кости.

Аттапер со всей силы рубанул по клешне мечом, а следующим ударом пронзил грудь под хитиновым панцирем и, подна-

тужившись, отбросил монстра в сторону. Гаррик встал, выдернул из тела поверженного врага меч и, шатаясь, пошел вперед.

Карус бы не позволил, чтобы кто-то опередил его в этой битве. Каждую ночь, с тех пор как он занял место принца, древнего короля мучили кошмары. И сейчас Гаррик чувствовал, что предок завидует ему, не имея возможности собственной рукой отомстить врагам за мучения.

Но у Гаррика были свои кошмары, которые до сих пор приходили к нему во сне. Он вспомнил Метрона, кричавшего на него в то время, когда кости Тинт хрустели в пасти чудовищной змеи...

Убивая Архаев, он понимал, что это не вернет к жизни девушку-обезьяну. Но сейчас это было единственным, что могло заглушить воспоминания о собственной беспомощности.

Солдат справа от Гаррика упал замертво. Потом еще один. Кровавым Орлам не приходилось встречать такого противника. Они не знали, что Архая можно остановить, только лишив жизни.

Когда гигантское насекомое падало, оно продолжало работать клешнями, сбивая с ног солдат и раздирая их тела на куски.

Гаррик разрубил еще одного врага. Затем вспрыгнул на папапет и смог удержаться на нем, как и его предок. Именно этот прыжок спас ему жизнь. Клешня просвистела над ухом, но не достигла цели. Меч телохранителя разрубил Архая пополам.

Гаррик ворвался в храм. Он пробивался по длинному тусклому коридору к центральному залу, отбивая удары острых конечностей огромных насекомых и разя противника. Иногда он пользовался рукоятью как топором, чтобы раздробить треугольную голову и добить поверженного Архая. Его сандалии на толстой подошве, подбитой железными гвоздями, топтали тела упавших врагов. Он уже не чувствовал ног до коленей, но продолжал упорно двигаться вперед.

— В нашем мире нет места для этих тварей! — кричал в его голове Карус. — Они уже правили им. А теперь пришло наше время!

Гаррик сделал еще один шаг и вырвался из коридора в большой храмовый зал. И тут же на него и сопровождавших его сол-

дат набросились Архаи. Их было так много, что принц даже не смог рассмотреть, остались ли в храме живые люди. Он видел вокруг себя только хитиновых чудищ.

Двое охранников упали замертво. Клешни насекомого, ударившие по шлему Гаррика, сломали крепление, удерживающее забрало. Оно опустилось до подбородка, и принц на какое-то время словно ослеп и стал наносить удары наугад, влево и вправо, чувствуя, как клинок глубоко входит в хитиновые тела. Подоспевшие на выручку Кровавые Орлы стали оттеснять Архав. Аттапер подхватил Гаррика под руку и оттащил к стене коридора, сам рискуя попасть под удар его меча.

Гаррик задыхался. Кираса сдавливала грудь, мешая дышать. Он наклонился вперед, чтобы сорвать шлем и сделать глоток воздуха. К горлу подступила тошнота, но он сумел справиться со слабостью и стащил с головы шлем.

— Ваше Величество! Очнитесь! — орал Аттапер, склонившись над Гарриком и пытаясь закрыть его своим телом. Солдаты заполняли храм, выставив перед собой щиты.

— Они, конечно, оттеснят жуков, — услышал Гаррик реплику короля. — Но потери слишком велики. Здесь нужны солдаты с мечами, а не с пиками.

Обе руки Гаррика и кираса были покрыты сукровицей насекомых. Засыхая, кровь Архав образовывала корку, стягивающую кожу.

— Все в порядке, — с трудом переведя дух, Гаррик нашел силы ответить Аттаперу.

Он выпрямился и стал осматривать поле битвы.

— Я должен был сообразить, что солдаты должны биться против этих монстров мечами. Ранения от копий — пустяки для этих тварей.

При этих словах кусок бронзового листа вылетел из отверстия в куполе и упал к его ногам. Гаррик поднял голову вверх. Солдаты Блэйза залезли на куполообразную крышу и отдирали от нее бронзовое покрытие, сбрасывая его на Архав.

— Сестра, заberi к себе этих глупцов! — обозлился Аттапер. — Они поубивают наших!

Еще один бронзовый лист пролетел мимо них и рухнул на каменный пол с таким грохотом, словно сверху упала гигантская наковальня.

— Эй, потише! — раздался сверху привыкший командовать голос. — Там, у задней стены, люди.

— Если там жрецы, то жуки избавят нас от грязной работы, — ухмыльнулся Аттапер. — Но я и сам могу справиться с этим делом.

— Это не Дети Владычицы, — опять вмешался Карус. В его голосе слышалась твердая уверенность. — Люди в черно-белых одеяниях не смогли бы выстоять в этом аду.

— Поддержи меня, — попросил принц Аттапера и засунул меч в ножны. Опираясь на плечо командира Кровавых Орлов, Гаррик привстал на выступе стены и осмотрел храм. У противоположной стены кипела схватка. На мраморном полу горой лежали хитиновые тела насекомых. На эту гору мертвых собранных продолжали карабкаться живые Архаи, непрестанно вылезавшие из пруда.

Даже поднявшись на цыпочки, Гаррик не мог разглядеть, кто находится у стены, за кучей из трупов. Но тут он увидел, как Архая, добравшегося до вершины погребального холма, ударил в грудь железный наконечник дубинки. Следующим взмахом насекомому раздробило голову, а последним перебило ноги. Гаррик знал лишь одного человека, с таким мастерством умевшего обращаться с посохом.

Принц вдруг почувствовал неимоверную усталость и повалился на мозаичный пол. Теперь он знал, что делать, но сил не осталось.

— Поручи это дело мне, парень. — Голос короля звучал уверенно. — Мне доводилось заниматься этим прежде.

— Тогда действуй, — мысленно согласился Гаррик, представляя свое тело предку. — Спаси нас и королевство, чего бы это ни стоило!

Сражение не стихало. Солдаты бились до тех пор, пока не падали, а их место тут же занимали другие. Армия людей потихоньку теснила армию насекомых, но исход сражения было трудно предугадать. По мозаичному полу текли ручьи крови. И

уже невозможно было отделить человеческую кровь от сукровицы Архаев.

Гаррик призывно поднял вверх меч.

— За мной! — закричал он и рванулся вперед. Врубаясь в гущу хитиновых тел, принц упрямо двигался к стене, возле которой по-прежнему толпились Архаи.

Даже находясь в одном теле с королем, Гаррик не мог понять, что тот предпримет дальше. Карус пробивался вперед и, прокладывая себе дорогу, виртуозно пользовался то кинжалом, то рукоятью меча.

Архаи пытались остановить его, шелкая смертоносными клешнями, но Карус был быстрее. Король наносил удары так же быстро, как и уклонялся от них. Он шел к намеченной цели, виртуозно обходя все препятствия. Позади Каруса оставался такой широкий проход, что по нему мог пройти человек с раскинутыми в стороны руками.

В воздухе стоял тошнотворный запах сукровицы и крови. Шум боя поглощал все остальные звуки.

— Кровавые Орлы, за мной! Охраняйте правителя или готовьтесь умереть! — с трудом разобрал Гаррик голос Аттапера.

Битва уже перешла в бойню, превосходящую по жестокости все, что доводилось прежде видеть Гаррику. И его телохранители заботились не о том, чтобы сокрушить как можно больше врагов, а о том, чтобы до конца выполнить свой долг по защите короля.

У них это получалось. Двигаясь стремительно, они оттесняли в стороны Архаев с тем же безумным самоотречением, с каким лезли в бой насекомые. Все смешалось в этой рубке. Но ряды телохранителей редели...

И в этот момент подоспела подмога. Королевская пехота и солдаты армии Блэйза пришли на помощь Кровавым Орлам. Большая половина храмового зала уже была занята людьми, несмотря на то, что насекомые продолжали прибывать из кровавой купели.

Стена храма треснула. Железный наконечник огромного тарана врезался в святая святых секты Лунной Мудрости и пробил в ней здоровенную дыру. Лорд Валдрон еще раз явил свой полководческий талант. Солдаты под его командованием су-

мели подтащить к храму боевой таран, один из тех, что стояли у стен города.

Карус достиг могильного холма Архаев. Сверху король мог видеть все, что происходит в храме. Но он видел только врагов, тянувших к нему клешни.

Гаррик, наблюдавший за всем из сознания Каруса, мог рассмотреть картину сражения получше.

Войска стали наводнять храм через брешь в стене. Гаррик узнал кавалеристов с Северного Орнифола во главе с лордом Валдроном. Численность людей теперь точно превышала численность насекомых.

Огромный камень упал с купола внутрь. Его низвергли двое солдат Блэйза. Он достиг того же эффекта, что и сброшенный ранее бронзовый лист. Обрушившись в пруд, каменная глыба закрыла проход, по которому выбирались в этот мир Архаи. Планам Владычицы, замышлявшей установить господство насекомых над людьми, не суждено было сбыться.

— Мы сделали это, парень! — закричал Карус в голове у Гаррик. — Клянусь Госпожой, мы справились с проклятыми жуками!

Гаррик снова мог управлять своим телом. Но, пошатнувшись от слабости, упал и начал сползать вниз, не в силах удержаться на телах поверженных врагов.

Его подхватили заботливые руки. Усилием воли удерживая ускользающее сознание, он узнал склонившуюся над ним Илну. Она, Талемус и незнакомая девушка поддерживали его обессиленное тело.

Что делает здесь лорд Талемус? — еще смог удивиться про себя Гаррик. Но сказать уже ничего не смог.

— Принц Гаррик объединил Острова! — раздался крик среди затихающего сражения.

— Принц Гаррик объединил Острова! — Рев многочисленной армии заглушил все остальные звуки.

Крики повторялись. Они становились все сильнее, пока не охватили всю прилегающую к храму территорию. Это было последнее, что услышал Гаррик, прежде чем его сознание погрузилось во тьму.

Глава двадцать четвертая

Утро следующего дня Гаррик встретил на просторной, залитой солнечным светом террасе. Он чувствовал неимоверную радость оттого, что остался жив. Не было теснящей боли в груди, и он мог свободно дышать. Похоже, раны оказались не опасны для жизни. Но все тело покрывали ушибы, ссадины и порезы. Грудь и спина представляли собой сплошной синяк. Лицо тоже носило на себе следы вчерашней битвы.

Гаррик считал, что солдаты королевской армии и население Тизамура должны увидеть его бодрым и здоровым, а поэтому решил вернуться к государственным делам не раньше завтрашнего утра. Сейчас принц сидел на террасе замка, находившегося на храмовом холме, и смотрел на Доннел и море. Кэшел, Шарина и Теноктрис были рядом. Илна обещала прийти, как только он пригласит ее.

— Находиться рядом с твоим предком, — рассказывала Шарина, улыбаясь, — то же самое, что с леопардом на цепи. Он, конечно, смелый и мужественный человек, но...

Она повернулась к сидевшему на низком диване Кэшелу и поправила на его ногах одеяло с такой любовью, какой Гаррик никогда прежде у сестры не замечал.

Кэшел молча обнял ее за плечи и заулыбался. Он был счастлив, хотя и чувствовал себя неловко.

— Ты действительно видишь перед собой сестру, — заверил принца Карус. Гаррик почувствовал, что король улыбается. — Она рассказывает о человеке, которому была ближе тени всю последнюю неделю. Но все же она женщина, парень.

— Мне было бы приятнее, если бы рядом был такой же сильный мужчина, но не настолько вспыльчивый, — закончила Шарина свою мысль.

С террасы Гаррику были хорошо видны развалины храма. Возле них с раннего утра копошились люди. Они складывали обломки камней на телеги и увозили прочь, расчищая подъезды. К полудню не разобранными остались лишь основные сте-

ны храма. Теноктрис, наблюдавшая все это время за разбором завалов, повернулась.

— Я всегда удивлялась, как много могут сделать люди, когда соберутся вместе.

Она улыбнулась и прибавила:

— Не обязательно что-то хорошее. Ведь без их помощи никто не смог бы открыть портал для Владычицы.

Горожане продолжали разбирать завалы, приводя город в порядок. Их работу контролировали офицеры королевской армии. Руководить всем этим Гаррик поручил сыну графа Блэйза, лорду Лердиану.

На голове юноши до сих пор красовался сплюснутый во вчерашнем сражении с Архаями шлем. Он без промедления последовал за Гарриком, а точнее, за Карусом. Мальчику повезло, что во время боя его отбросили к стене. Теперь он носил свой шлем с особой гордостью.

Кэшел наблюдал за убиравшими город людьми с неподдельным интересом.

— Они работают не покладая рук, чтобы доказать тебе свою преданность, — удивленно заметил он, обращаясь к Гаррику. — Они не знают, как убирать эти огромные камни, но бросаются все делать с таким усердием и старанием, какого я еще не встречал. Им очень повезет, если они сами себя не поубивают этими валунами.

— Убеждать меня в своей преданности — пустая трата времени. — Гаррик цинично улыбнулся, чего никогда не делал раньше. — А вот в чем я действительно убежден, так это в том, что секты Лунной Мудрости больше нет, как и руководивших ею Детей Владычицы.

Он кивнул в сторону горожан:

— Они по крайней мере делают попытку казаться преданными.

— Сектой Лунной Мудрости руководили не Дети Владычицы, — заявила Теноктрис, уставившись на руины храма. — Они были лишь ее человеческим лицом.

Гаррик вспомнил черную пещеру и волосатые конечности, которые цепко держали его, не оставляя возможности вырваться.

— Да, ты права, — согласился он со старой волшебницей.

Даже если бы кому-то из Детей Владычицы удалось жить в кровавой резне, то Гаррик все равно повесил бы их сразу, как только закончилась битва. Те, кто вступил в сделку со злом, не имеют права ходить по земле и жить рядом с обычными людьми.

— Горожане разбирают храм совсем по другой причине, — услышал он голос Каруса. — Те, кого они считали союзниками, порубили не одну сотню мирных жителей. И теперь король из Вэллиса кажется им совсем не страшным.

Еще одна половина стены с грохотом рухнула, заглушив крики женщины, которую она придавила. Гаррик поморщился.

— Я бы не стал утверждать, что это женщина. — Предок спешил успокоить принца. — Когда этих тварей ранят, они могут кричать по-разному. Они смелы до тех пор, пока их не загнали в ловушку.

До террасы долетали звуки трубы, громкие команды и крики. У стен города лорд Валдрон перестраивал войска, объединяя батальоны королевской армии с отрядами добровольцев из Доннела. Все это происходило за городом, где еще вчера стояла королевская армия.

Затем вновь сформированные подразделения промаршировали по мощеным улицам. Грохот от тяжелых башмаков, подбитых железными гвоздями, разнесся по всему городу. Жителям Доннела, да и всего Тизамура, полезно увидеть, какая сильная армия находится рядом с ними.

Гаррик повернул голову, чтобы посмотреть на сестру, и слегка поморщился. Даже самое простое движение причиняло боль. Шея ныла от напряжения, удерживая голову прямо, пока стройные ряды воинов проходили мимо террасы.

— Шарина, как дела у лорда Тадая? Я, конечно, должен был лично с ним встретиться, но...

— Он изучает с помощниками документы в городской управе. Сказал, что не ляжет спать до тех пор, пока не разберется в отчетах.

— У них что, были какие-то документы? — нахмурился Кэшел. — Я думал, что они все волшебники.

— Волшебникам тоже нужно есть, — засмеялась Теноктрис. — Хотя для некоторых из нас это не главное.

— И все же им пришлось сдаться. — Гаррику было приятно это говорить. — А значит, местное население должно взять на себя все расходы по содержанию армейского гарнизона, размещенного на Тизамуре.

— Я думаю, лорд Тадай с радостью согласится наладить эту работу, — поддержала брата Шарина, — вместо того чтобы предаваться чревоугодию и разврату.

Карус в голове принца засмеялся от удовольствия. Улыбнулся и Гаррик. Все посмотрели на него, и принц пояснил:

— Никогда не думал, что финансовые расчеты могут доставить такое же удовольствие, какое я получаю от чтения Селондра. А вот для моего предка, — он поднял королевский медальон, чтобы подтвердить свои слова, — не было счастья больше, как помахать мечом.

— Это правда. Я чувствовал себя на поле битвы намного лучше, чем в дни мира, — согласился Карус и вдруг всхлипнул. — Я боялся, что подведу тебя, а вместе с тобой и королевство, не сумев обуздать свой гнев. Спасибо твоей сестре и Госпоже. Это они меня удержали.

— Они перекрыли подземный водопровод, по которому наполнялся храмовый пруд? — вдруг спросила Теноктрис, по-прежнему наблюдая за рабочими возле храма. — Хотя причина вовсе не в воде, которая...

— Да, — с силой выговорил Гаррик. — Они замуровали трубы, из которых наполнялся пруд. Я попросил лорда Валдрона выделить эскадрон для поиска акведука.

— Он наверняка идет от моря, — задумчиво проговорила Шарина, бросая взгляд в восточную часть города, лежавшую ниже уровня моря.

— Да, — согласилась с ней Теноктрис. — Гаррик, я не уверена, что твои люди смогут найти это сооружение.

Волшебница улыбнулась юноше.

— Хотя не думаю, что это слишком трудное задание. Не труднее того, что приходилось делать тебе и твоей армии до сих пор.

Гаррик кивнул. От боли его немного знобило. Посмеиваясь над своим недомоганием, он указал в сторону руин на холме.

— На этом месте я построю небольшой храм.

— И кому он будет посвящен? — поинтересовалась настояженно Теноктрис. — Это... не может быть. Я никогда не верила в Великих Богов. Лишь в могущество Космоса.

— Правильно, — кивнул Гаррик. — Именно поэтому я собираюсь возвести храм, посвященный Пастырю — Творцу. Чтобы здесь ни построили, это будет лишь камень и фрески. Но мне кажется, это важно для горожан.

Карус захихикал. Гаррик улыбнулся вместе с предком и продолжил:

— Сначала я хотел посвятить его Дузи, но решил, что люди не поймут меня.

— Дузи не нужны каменные храмы, — вмешался в разговор Кэшел. — Хотя я знаю, что в самые худшие времена он всегда находился рядом со мной.

Подразделение Кровавых Орлов маршировало мимо террасы, чтобы сменить караул, охранявший замок. Гаррик никогда бы не обратил на них внимания и даже не повернул бы головы, чтобы посмотреть на солдат, но по желанию Каруса голова все-таки наклонилась, а на лице появилась улыбка. Солдаты шли в ногу и держали строй, несмотря на то что у многих имелись серьезные ранения.

Внимание принца и его друзей привлек веселый свист, раздававшийся под окнами. Юная леди Мерота подходила к часовым, сопровождаемая Илной и Чалкусом.

— Сегодня ты моя любовь, — пела Мерота, подстраиваясь под свист Чалкуса. — А завтра...

Моряк шел сегодня без оружия. В руках он нес длинный шелковый сверток. Стражники обнажили клинки, увидев странный предмет. Гаррик под влиянием Каруса последовал их примеру и потянулся к мечу.

Но меча на привычном месте не было. Когда после сражения лекари принялись осматривать и перевязывать его раны, латы и пояс с оружием сняли. И теперь, похоже, нож-

ны с его мечом так и остались валяться где-то среди развалин. Поняв это, Гаррик смущенно хмыкнул и сразу же ощутил боль в ранах.

— Я ухожу, но я еще вернусь...

— Пропусти их, капитан Ланкар, — высунувшись в окно, приказал Гаррик, довольный, что припомнил имя командира.

Капитан поднял вверх голову. В его глазах Гаррик увидел невысказанный вопрос.

— Да, всех, — подтвердил Гаррик. — И мастер Чалкус может пройти к нам со своим свертком.

— Нет, Ваше Величество, — возразил Ланкар. — Он не пронесет свой узел мимо меня.

Илна насмешливо фыркнула.

— Если бы я не знала тебя так долго, Ланкар, то решила бы, что ты младше Мероты. Похоже, мужчина не очень сильно отличается от ребенка.

Мерота посмотрела на своих опекунов и с удовольствием допела куплет:

— Даже если придется пройти десять тысяч миль.

Чалкус засмеялся и передал свой сверток Ланкару, удерживая его двумя пальцами.

— Держи, капитан.

— Можете пройти, — разрешил командир стражников и отошел в сторону.

Может, у капитана и были какие-то другие мысли кроме тех, как обеспечить безопасность своего короля, но они не отразились на его лице. Он дождался, пока Мерота не последует вслед за опекунами, а затем, опередив Чалкуса, передал Гаррику сверток.

Чалкус ухмыльнулся и произнес:

— Пусть будет так, Ваше Величество. Капитан — хороший солдат, добросовестно выполняющий свои обязанности. Разве таких людей бывает много?

— Только не у меня, — кивнул головой Гаррик. — И, к сожалению, не сейчас. Атапер ведет отбор добровольцев. В отряде Кровавых Орлов освободилось пятьдесят мест. Но, может быть, ему удастся набрать сто пятьдесят. Все будет зависеть от

нашей удачи и того, насколько подготовленными окажутся добровольцы.

— А как сам Аттапер? — неожиданно поинтересовалась Шарина. — Лекари не отнимут у него руку?

— Нет, ему ничего не угрожает, — заверила ее Илна. Ланкар удивленно посмотрел на девушку. Но тут же опустил глаза вниз.

Гаррику хотелось спросить, почему Илна присоединилась к ним лишь сейчас, а не с самого утра, чтобы принять участие в обсуждении прошедших событий. Но, наверное, у нее были на это веские основания. Для Илны долг превыше всего.

Девушка достала из рукава моток ниток.

— Я нечасто предсказываю будущее. — Пальцы девушки двигались быстро, словно сами по себе. Она постаралась скрыть смущение за холодностью тона. — Но сейчас подумала, что смогу помочь Аттаперу, сообщив, что он не потеряет руку. И я проверила это.

— Она сплела рисунок для пакгауза, где лежат все раненые, — сообщила Мерота. — И все они поправятся.

Чалкус взъерошил девочке волосы.

— Нет, дитя. К сожалению, поправятся не все. Но большинство встанут на ноги. Хотя я и не лекарь, а лишь человек, умеющий давать им работу.

Гаррик развернул шелковый сверток и увидел там свой меч и кривой нож Чалкуса.

Он вытянул на дюйм меч из свертка, увидел то, что ожидал, и вытащил клинок целиком. На лезвие попал солнечный свет, и всем показалось, что по клинку извивается змея.

— Отлично наточен. Я сделал бы так и сам, — оценил подарок Карус. — И края тоже без зазубрин. Такой разрубит и латы.

— Спасибо, мастер Чалкус, — поблагодарил моряка Гаррик и улыбнулся. Он засунул меч назад в ножны и уже не ощутил боли, когда сжимал его рукоять. — Ты наточил меч, как опытный воин.

— По крайней мере это все, что я смог сделать для человека, который спас нас всех, — поклонился ему Чалкус. Глаза моряка ярко блеснули. — Я вот что хотел бы спросить. Тот па-

рень, что пробивался к нам так виртуозно, словно танцевал, это были вы или ваш друг, с которым мне тоже довелось познакомиться?

Гаррик засмеялся.

— Это был мой друг, моряк. И я рад, что он пришел мне на помощь. Не думаю, что сумел бы справиться с этой задачей столь же блестяще.

Чалкус удовлетворенно кивнул:

— Вы очень быстры и смелы для своего возраста, Ваше Величество. И я бы не хотел скрестить свой меч с вашим. Но ваш друг... Если бы я не смог нанести удар со спины, то положил бы меч на землю и умолял о пощаде. Хотя и знал бы, что надежда на это очень мала.

Оба они засмеялись, и к ним присоединился древний король.

— Не дай себя обмануть, парень. Конечно, он не хотел бы встретиться со мной лицом к лицу. Но если бы пришлось, он вступил бы в схватку. И нельзя предсказать точно, каким был бы ее исход.

Моряк откашлялся и обвел взглядом находившихся в комнате людей.

— Вы, наверное, думаете, что леди Мероту собирались принести в жертву, потому что я не справился со своими обязанностями по ее...

— Ты ни в чем не виноват, Чалкус, — вмешалась девочка. — Ты же спас меня.

— Может быть, вы и правы, — не успокоивался Чалкус. Он был слегка смущен, и в его голосе не осталось прежней смешливости. — Но когда я вернулся из дока в комнату, которую мы снимали на постоялом дворе, то увидел, что девочка пропала. И никто не хотел признаться, куда она делась. А прислуга вообще притворилась, что никогда ее не видела.

— Один из тех людей, которые пришли за мной, был жрецом, — гордо сообщила Мерота. — Я узнала его по одежде. Я ранила его ножом, который дал мне Чалкус.

— Да, — подтвердил ее слова моряк. — А позже я перерезал ему горло и забрал его одежду. Удалось убедить трактирщика,

что меня ему нужно бояться больше, чем Владычицы и ее Детей. Но на это ушло много времени. Поэтому, когда я попал в храм, где они держали Мероту, пришлось действовать без промедления. Но, думаю, я смог им объяснить, что они выбрали неподходящую жертву.

— Никто не может доподлинно знать, какой результат получится в итоге, но каждый может контролировать свои действия, — подтвердила Илна. Она посмотрела на Чалкуса и продолжила: — Но если бы это делала я, все получилось бы по-другому.

— Ой, — не удержавшись, испуганно охнул Кэшел. Он крепко обнял Шарину, поднялся и прижал к груди посох. — Вон идет Тильфоза. Я пойду...

— А с ней и Талемус, — обрадовался Гаррик. Но тут же поправился: — Граф Талемус. Я назначил его правителем Лаута. Он мой старый товарищ по оружию. Хотя подозреваю, что он не догадывается об этом.

Принц посмотрел на Кэшела. Шарина тоже встала. Она слегка дрожала от волнения. Илна посмотрела на Талемуса и на сопровождавшую его девушку без особого интереса. В то же время Чалкус, если судить по его улыбке, предвкушал развлечение.

— Кэшел, ты, конечно, можешь идти. Но если захочешь поговорить с ними лично, тогда...

— Я думаю, что мы поговорим с ними здесь. — По голосу сестры Гаррик понял, что она справилась со своим волнением.

Кэшел пожал плечами. Он тоже уже успокоился.

— Если это удобно тебе, Гаррик.

— Капитан Ланкар! Пропустите графа Лаута и сопровождающую его госпожу, — приказал Гаррик. Теперь встала даже Теноктрис. Гаррик подумал, что, может быть, ему тоже следует встать, но, почувствовав боль в ранах, отказался от этой мысли.

Талемус и Тильфоза, соблюдая придворный этикет, надели для встречи с королем туники, обильно расшитые золотыми и серебряными нитями. На ногах у них были кожаные сандалии, украшенные драгоценными камнями. На груди Талемуса висел золотой медальон.

Тильфоза бросила на Шарину высокомерный взгляд, достойный королевы. Талемус поклонился. А затем, уставившись на Гаррика, удивленно спросил:

— Ваше Величество... У вас нет брата на Лауте?

— Нет, у меня никогда не было брата. Но я знаю, о ком ты говоришь. К тому же все это случилось в будущем. В далеком будущем. Думаю, Пастырь взял под защиту его душу.

— Да, — кивнул Талемус. — Я благодарен вам за то, что вы назначили меня правителем Лаута. Но...

— Мой человек, лорд Тадай, обеспечит тебя помощниками, канцлер Ройяс даст еще людей и чиновников. У тебя будет два батальона королевской армии. Так что проблем быть не должно. К тому же Заступник Эйхеус недавно умер...

Карус хихикнул в его голове.

— ...и Остров не может оставаться без власти.

— Да, э... — промямлил Талемус. — Ваше Величество, я хотел вас попросить вот о чем...

Его голос дрогнул, и он посмотрел на девушку, стоявшую рядом, Тильфозу бос-Фолиал. Гаррик давно догадался, кто это, хотя прежде никогда ее не видел.

— Ваше Величество, — произнесла девушка. — Теперь вы можете быть уверены, что Лаут будет всегда верен вам. Но есть еще одна просьба. Кроме солдат и чиновников, которых вы нам любезно предоставляете, мы хотели бы, чтобы вы отправили к нам мастера Кэшела ор-Кенсета. Я сама убедилась в том, что мастер Кэшел надежнее целого полка.

Талемус посмотрел на Гаррика и попытался улыбнуться. Ему не очень повезло. По воспоминаниям Гара принц знал, что Талемус смелый юноша. Но Тильфоза была взрослой женщиной и хотела, чтобы рядом находился настоящий мужчина.

Так же как и Шарина.

Гаррик откашлялся.

— Миледи, я не вправе указывать своим друзьям, что им делать. Мастер Кэшел свободен. И может отправляться с вами, если пожелает. Если он...

— Нет, — решительно возразил Кэшел, по-прежнему обнимая Шарину и не выпуская из руки посох. Даже если сейчас он и волновался, то это не бросалось в глаза присутствующим.

Кэшел кивнул Талемусу и продолжил:

— Госпожа... Тильфоза... Я обещал, что доставлю тебя к графу Талемусу, правителю Лаута. Вот ты и стоишь сейчас рядом с ним. А я нахожусь там, где мое место. Рядом с Шариной и друзьями.

Тильфоза ничего не ответила. Она присела в глубоком реверансе перед Шариной, а когда поднялась, принцесса услышала:

— Миледи, надеюсь, ты знаешь, что получила подарок от судьбы. — Затем, повернувшись к Гаррику, она продолжила: — Ваше Величество, благодарю вас за доверие и поддержку. Возьмен вы найдете в нас преданных слуг.

Она развернулась и быстро пошла к выходу, не задержавшись возле стражников. Талемус последовал за ней, слегка смущенный поведением своей невесты. И все же он почувствовал огромное облегчение, когда аудиенция закончилась.

— Интересная девушка, — услышал принц мнение Каруса. — Если бы я опять обрел тело, то нашел бы ей более достойное занятие, чем сидеть на троне Лаута.

— К счастью, — счел нужным ответить королю Гаррику, — твой преемник больше думает о том, чтобы назначить верных людей на главные должности на Островах. Моя голова занята мыслями о единстве королевства.

Карус засмеялся.

— К счастью, ты прав, парень.

Шарина посмотрела вслед Тильфозе и Талемусу, затем перевела взгляд на брата.

— Это правители Лаута. Я уже убедилась, что граф Лердок отлично справляется со своими обязанностями на Тизамуре. А что делать с остальными заговорщиками?

Гаррик пожал плечами, но тут же пожалел о своем движении. Тело опять пронзила острая боль.

— Нужно поменять власть на Кордине и Хафте. Поставить там других правителей. Но я сделаю это, когда уже оправлюсь от ран.

— Ты не боишься, что они могут решиться на войну с нами? — В голосе Чалкуса послышалось прежнее веселье, но вопрос он задал не с надеждой, а просто из любопытства.

— Они будут последними глупцами, если еще раз решатся на такое. К тому же я увеличил королевскую армию, присоединив к своим войскам армии Тизамура и Блэйза. Конечно, в выучке войск есть отличия, но думаю, мы сможем преодолеть это.

Еще раз посмотрев в ту сторону, куда удалилась Тильфоза, Шарина спросила у брата:

— А где ты найдешь правителей для остальных островов?

— Тиран Кордина выгнал с острова многих титулованных дворян. Мне рассказал об этом лорд Тадай. Я верну титул племяннику маркиза, а его регентом назначу шурина Тадая. Здесь, на Тизамуре, будет править Совет Старейшин во главе с двоюродным братом графа Лердока. Я хочу, чтобы все правители были связаны друг с другом кровными узами. Как у нас в Вэллесе.

— А как насчет Хафта? — поинтересовалась Шарина. — Что ты решишь насчет нашего дома?

Гаррик засмеялся.

— Деревушка Барка никогда не имела тесных связей с дворцом в Каркозе. Не так ли? И я сомневаюсь, что многое изменится, по крайней мере в ближайшее время. Островом будет править племянник лорда Валдрона. Он станет наместником, представляющим интересы Вэллеса. Я дам ему советника, правда, не из местных. Но он уже долгое время живет на Хафте и пользуется моим полным доверием.

— Ты сделаешь нашего отца настоящим правителем Хафта? — не выдержала Шарина.

Гаррик улыбнулся и кивнул.

— Да, — подтвердила Илна во всеобщем молчании. — Рейзе можно доверять. Не думаю, что в Каркозе встретят его радушно. Но вскоре все жители станут слушаться его.

Кэшел громко засмеялся. Он обнял Шарину, потом подошел к Гаррику и тоже стиснул его в своих объятиях. Гаррик попытался оттолкнуть его, но Кэшел лучше других умел рассчитывать свои силы. Иначе каждый раз ломал бы чужие кости.

— Он встретит нас в Каркозе, — сообщил Гаррик, когда друг разжал свои объятия. — Я с нетерпением жду этого момента.

Принц посмотрел в ту сторону, куда ушел Талемус.

— Теноктрис, — обратился он к волшебнице. — Лорд Талемус пришел сюда из будущего. Принц Гаррик погиб там еще до его рождения, в битве с графом Блэйза. А Острова захватили Архаи. Все, кроме Лаута, где правил Заступник. Сейчас получается, что у Талемуса нет никакого прошлого.

Теноктрис поджала губы.

— События находятся не на одной нити, и не всегда связаны между собой, Гаррик. Они могут находиться на разных временных линиях. Так произошло и в этом случае.

— Тильфоза считала, что все это дело рук Заступницы Эйхеа, — вмешался Кэшел, поглаживая посох. — И чтобы ее замыслы стали явью, правительница создала два волшебных кольца.

— Но Тильфоза ошиблась, — холодно заметила Илна. Гаррик почувствовал, что Илне не нравится Тильфоза, и это мнение вряд ли изменится. — Рисунок был слишком сложным, чтобы человек смог удержать его в голове. Да еще и придумать весь этот план.

Она замолчала в поисках нужного слова. Илне не часто случилось проявлять такую нерешительность.

— Ткачиха или ткач, вот кто может подойти, — помогла ей Теноктрис. — А имя можно взять любое, все будет хорошо.

— Тогда ткач или ткачиха, — с благодарностью усмехнулась ей Илна. — Тот, кто создал этот рисунок, не был человеком. В этом я убеждена.

— А я вообще не уверена, что Заступница Эйхеа когда-либо существовала, — продолжила ее мысль Теноктрис. — Что-то или кто-то, может быть, ходил и разговаривал в теле женщины по имени Эйхеа, но эта сила не имела земного происхождения.

Она встала со стула и улыбнулась молодым людям.

— Думаю, нам пора оставить Гаррика отдохнуть. Уже темнеет. Хотя подозреваю, что я единственная из всех нас, кто понимает, как сильно ему сейчас нужен отдых. Много лет назад я тоже этого не понимала.

— Правильно, — поддержал волшебницу Кэшел и улыбнулся Шарине. Потом озабоченно посмотрел на друга. — Гаррик, хочешь, я отнесу тебя в твои покои?

— Я останусь здесь ненадолго. Мне еще надо кое о чем подумать. Не возражаете? — улыбнулся Гаррик. — Я должен ко всему этому привыкнуть. Понимаете? Может, и глупо, но я столько раз менял мысли и тело, что иногда хочется встать на четвереньки.

Все засмеялись. Кэшел взял под руки Теноктрис и Шарину, а Чалкус предложил руки Илне и Мероте. Илна еще раз пристально всмотрелась в лицо Гаррика и удовлетворенно кивнула.

— Она догадалась? — мысленно спросил Гаррик у короля.

— Если она захочет узнать, то узнает, — заверил его Карус. Его мысли были уже с той женщиной, которая умерла много лет назад. — Скоро они все это узнают.

Гаррик поднялся на ноги, опираясь на трость, повернулся и посмотрел на восток. На тот город, который стал первой ступенью в объединении Островов тысячу лет назад.

Солнце уже почти село. Легкие холмы из облаков уходили к горизонту. Последние солнечные лучи окрашивали их в розовый цвет.

Лиэйн приедет к нему чрез Внутреннее море с эскадрой охраны, который предоставит Рейзе. При одном воспоминании о девушке боль от ран пропала.

— Я не хочу перемещать столицу из Вэллеса в Каркозу, — сказал он вслух. Но слова эти услышал лишь он сам да его древний предок. — Думаю, это место как нельзя лучше подходит для королевской свадьбы.

— Да, парень, — засмеялся Карус. — Отличное место для свадьбы правителя Островов!

Благодарности

Много лет Дэн Брин читает и корректирует мои произведения. «Владычица Подземелий» — последнее издание, обработанное им.

К моему удивлению, мне не пришлось пользоваться другим компьютером, пока я писал эту повесть. И все-таки, моя жена Джо сделала для меня резервную копию, а мой сын Джонатан сохранил ее на своем компьютере. Так же благодарю Марка ван Нейм и Эллин Фогель, которые снабжали меня полезной информацией.

Особенно неоценима помощь моих вэб-дизайнеров Карен Зиммерман и Сандры Майзель.

Я благодарен многим друзьям, которые любезно искали для меня сведения, использованные во «Владычице». Спасибо Стефани Лейн, моей посреднице с издательством «Тор». Она как всегда безукоризненно выполнила свою работу.

И, наконец, я в огромном долгу перед историками и другими писателями-фантастами. Читатели, которые знакомы с творчеством Кларка Эштона Смита, поймут, чем именно я ему обязан. А те, кто еще не прочел его книги, должны восполнить этот пробел как можно скорее.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИБОРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0, т. (495) 406-92-65
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. (495) 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, корп. 1, т. (495) 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр-т, д. 132, т. (495) 172-18-97
- м. «Медведково», ТЦ «XL Мытищи», Мытищи, ул. Коммунистическая, д. 1, т. (495) 641-22-89
- м. «Новослободская», д. 26, т. (495) 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (495) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, корп. 1, 3-й этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, т. (495) 268-14-55
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15, корп. 1, т. (495) 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, корп. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, т. (495) 229-97-40
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Коломенская», ТЦ, пр-т Андропова, вл. 25, т. (499) 612-60-31
- м. «Китай-город», ул. Маросейка, д. 4/2, стр. 1, т. (495) 624-37-33 (30-34)
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2
- М.О. г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего представителя:
«Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 615-43-38, 615-01-01, 615-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ — «Книги по почте»

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Дрейк Дэвид
Владычица Подземелий
Фантастический роман

Редактор Е. Богатырёва
Художественный редактор О. Адакина
Компьютерная верстка: С. Клещёв
Младший редактор Н. Дмитриева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.07 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: **astpub@aha.ru**

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ОАО «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Архипелаг Островов.

Здесь некогда правила могущественная королевская династия — но вот уже тысяча лет прошла с тех пор, как последний из великих королей — Карус — был убит магом, нанятым коварным герцогом-узурпатором.

Однако черная магия принесла на Архипелаг БЕДУ.

Перепутаны линии магической Силы, прервана связь времени и пространства... и многие годы идет непрерывная война за титул Повелителя Островов.

И теперь юноша Гаррик ор-Рейзе, последний прямой потомок короля Каруса, и его друзья — добродушный богатырь, суровая чародейка, прекрасная дева и циничная старая колдунья — готовятся к смертельной схватке с чудовищной паучихой по прозвищу Владычица Подземелий, обладающей ОГРОМНЫМ темным могуществом!

Однако Владычицу Подземелий защищают жрецы-чернокнижники и жестокие воины, почитающие ее как Богиню Луны...

Повелитель Островов

Королева демонов

Слуга Дракона

Владычица Подземелий

ISBN 978-5-17-032069-1

9 785170 320691

ДЭВИД
ДРЕЙК

Владычица
Подземелий